

Номер 10

ISSN 1026-9452 (Print)
ISSN 2713-0398 (Online)

Октябрь 2024

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

State and Law

*Институт государства и права
Российской академии наук:
навстречу 100-летнему юбилею*

К 100-летнему юбилею В. Е. Чиркина • Современные идеологемы и историография государства (анализируя труды В. Е. Чиркина) • С. А. Голунский: юрист, ученый, дипломат • О практике изменения концепции законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации • С. Московичи: массы и политика • Проблематика суверенитета в трудах отечественных дореволюционных ученых-государствоведов • Развитие механизма правосудия: испытание справедливостью • Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий • Политика памяти в ЕС: осмысление колониального прошлого • Историографические и доктринальные аспекты конструирования европейской идентичности (на примере современных Балкан)

Российская академия наук
Институт государства и права

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 10 2024 Октябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
А.Н. Савенков,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

В.Н. Руденко, акад. РАН (председатель);
О.В. Белянский, к.ю.н.; В.С. Грузев, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН; В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург);
М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН; А.А. Клишас, д.ю.н.; А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Н.А. Макаров, акад. РАН; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджанская Республика);
С.В. Степашин, д.ю.н.; Т.Я. Хабриева, акад. РАН

Редакционная коллегия:

С.А. Авакян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Республика Армения);
С.Ф. Афанасьев, д.ю.н. (Саратов); А.А. Бессонов, д.ю.н.; С.А. Бочкирев, д.ю.н.; М.М. Бринчук, д.ю.н.;
Г.А. Василевич, чл.-корр. НАН Беларуси; Т.А. Васильева, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н., д.ф.н. (Австрийская Республика);
Е.В. Виноградова, д.ю.н.; А.В. Габов, чл.-корр. РАН; Л.В. Головко, д.ю.н.; В.С. Горбань, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; А.В. Дзюбак, к.ю.н. (ответственный секретарь);
А.Г. Диденко, д.ю.н. (Республика Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (ФРГ);
И.В. Ершова, д.ю.н.; И.С. Жудро, д.ю.н.; В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.;
В.С. Каменков, д.ю.н. (Республика Беларусь); Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия);
А.И. Коробеев, д.ю.н. (Владивосток); Н.В. Кроткова, к.ю.н. (заместитель главного редактора);
Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР); А.В. Кудашкин, д.ю.н.; В.В. Кудашкин, д.ю.н.; Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР);
С.В. Маликов, д.ю.н. (заместитель главного редактора); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.В. Михайлова, д.ю.н.;
А.В. Наумов, д.ю.н.; В.Б. Наумов, д.ю.н.; Срето Ного, д.ю.н. (Республика Сербия);
Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж); Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Республика Болгария);
В.Н. Плигин, д.ю.н.; Т.А. Полякова, д.ю.н.; С.Б. Россинский, д.ю.н.;
А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (главный редактор);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Паола Северино, д.ю.н. (Итальянская Республика);
А.Ю. Соколов, д.ю.н. (Саратов); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Республика Болгария); А.А. Тедеев, д.ю.н.;
В.В. Устюкова, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (ФРГ); Ван Чжи Хуа, д.ю.н. (КНР); С.Ю. Чучка, д.ю.н.;
А.И. Чучаев, д.ю.н.; В.М. Шерстюк, д.ю.н.; Г.Г. Шинкарецкая, д.ю.н.; Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; О.А. Ястребов, д.ю.н.

Адрес редакции: 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

е-mail: gosp право@igpran.ru
<http://gospраво-journal.ru/>

Москва

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

No. 10 2024 October

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN (Print) 1026-9452
ISSN (Online) 2713-0398

Formerly known as: "Revolution of the Law" (Revolutsiya prava) (1927–1929)
"Soviet State and the Revolution of the Law" (Sovetskoe gosudarstvo i revolutsiya prava) (1930–1931)
"Soviet State" (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
"Soviet State and Law" (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
"State and Law" (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervision
of the Department of Social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief

A.N. Savenkov,

Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

V.N. Rudenko, Academician of the RAS (*Chairman*);

O.V. Belyavsky, PhD in Law; V.S. Gruzdev, Doctor of Law; V.I. Zhukov, Academician of the RAS;

V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS;

A.A. Klishas, Doctor of Law; A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; N.A. Makarov, Academician of the RAS;

I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan Republic); S.V. Stepashin, Doctor of Law;

T.Ya. Khabrieva, Academician of the RAS

Editorial Board:

S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutunyan, Doctor of Law (Republic of Armenia);

S.F. Afanasev, Doctor of Law (Saratov); A.A. Bessonov, Doctor of Law; S.A. Bochkarev, Doctor of Law;

M.M. Brinchuk, Doctor of Law; G.A. Vasilevich, Corresponding Member of the NAS of Belarus; T.A. Vasileva, Doctor of Law;
Bernd Wieser, Doctor of Law, DSc in Philosophy (Republic of Austria); E.V. Vinogradova, Doctor of Law;

A.V. Gabov, Corresponding Member of the RAS; L.V. Golovko, Doctor of Law; V.S. Gorban, Doctor of Law;

E.Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law;

A.V. Dzyubak, PhD in Law (*executive secretary*); A.G. Didenko, Doctor of Law (Republic of Kazakhstan);

V.V. Doroshkov, Doctor of Law; Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); I.V. Ershova, Doctor of Law; I.S. Zhudro, Doctor of Law;

V.N. Zhukov, Doctor of Law, DSc in Philosophy; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Republic of Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); A.I. Korobeev, Doctor of Law; N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*);

Kuang Zengjun, Doctor of Law (China); A.V. Kudashkin, Doctor of Law; V.V. Kudashkin, Doctor of Law;

Liu Honguan, Doctor of Law (China); S.V. Malikov, Doctor of Law (*Vice-Editor-in-Chief*); I.M. Matskevich, Doctor of Law;

E.V. Mikhailova, Doctor of Law; A.V. Naumov, Doctor of Law; V.B. Naumov, Doctor of Law;

Sreto Nogo, Doctor of Law (Republic of Serbia); E.I. Nosyreva, Doctor of Law (Voronezh);

Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); V.N. Pligin, Doctor of Law; T.A. Polyakova, Doctor of Law;

S.B. Rossinsky, Doctor of Law; A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);

R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan); Paola Severino, Doctor of Law (Italian Republic);

A.Yu. Sokolov, Doctor of Law (Saratov); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;

V.V. Ustyukova, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); Wang Zhi Hua, Doctor of Law (China);

S.Yu. Chucha, Doctor of Law; A.I. Chuchaev, Doctor of Law; V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;

G.G. Shinkaretskaya, Doctor of Law; B.S. Ebzeev, Doctor of Law; O.A. Yastrebov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation

e-mail: gosp право@igpran.ru

<http://gospраво-журнал.ру/>

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 10, 2024

ИНСТИТУТ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК: НАВСТРЕЧУ СТОЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ

К 100-летнему юбилею Вениамина Евгеньевича Чиркина

В.Д. Зорькин

7

Современные идеологемы и историография государствоведения
(анализируя труды В.Е. Чиркина)

А.Н. Савенков

10

С.А. Голунский: юрист, ученый, дипломат

А.Н. Савенков, С.Б. Россинский

23

* * *

О практике изменения концепции законопроекта в Государственной Думе
Российской Федерации

Ю.П. Синельщиков

38

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы

Р.Ф. Степаненко, Ф.И. Хамидуллина

45

ПРАВОВАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ, ФИЛОСОФСКАЯ И РЕЛИГИОЗНАЯ МЫСЛЬ

С. Московичи: массы и политика

В.Н. Жуков

55

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО РОССИИ

Проблематика суверенитета в трудах отечественных дореволюционных
ученых-государствоведов

Ю.Л. Шульженко

70

Народосбережение и другие ценностные доминанты Русского мира:
на пути к обретению современной российской национальной идеи
в условиях глобальной многополярности будущего

Н.М. Добрынин

86

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

Развитие механизма правосудия: испытание справедливостью

М.И. Клеандров

96

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Мемориальное право: проблема концептуализации и пределы нормативного регулирования

А.А. Васильев, Н.В. Кроткова, Ю.А. Зеленин

113

Новая номенклатура научных специальностей: эколого-правовой аспект (Окончание)

М.М. Бринчук

123

ГРАЖДАНСКОЕ И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ ПРАВО

О соотношении положений Гражданского кодекса РФ о защите права на товарный знак
с принципом справедливости в условиях перехода к постсовременности

В.Н. Коваль

136

ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ ПРАВО

Правовое регулирование научно-технического сотрудничества Российской Федерации и государств – участников СНГ и ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды

Р.Н. Салиева, В.С. Давтян, Ю.С. Валеева

145

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий

А.Н. Савенков, Е.Р. Россинская

156

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И АДМИНИСТРАТИВНЫЙ ПРОЦЕСС

Административное правоотношение: время и политика меняют подходы к пониманию и сущности (историографические и доктринальные аспекты)

М.Н. Кобзарь-Фролова, А.А. Гришковец

169

СЕМЬЯ, БРАК, ПРАВО

Имущественные отношения супружеских: особенности правового регулирования в современных условиях

Н.В. Летова

183

ЗА РУБЕЖОМ

Политика памяти в ЕС: осмысление колониального прошлого

Н.В. Варламова

193

Историографические и доктринальные аспекты конструирования европейской идентичности (на примере современных Балкан)

А.И. Черкасов

206

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Проекты кодификации советского общесоюзного законодательства (конец 1920-х – начало 1950-х годов)

Т.Ф. Ящук

216

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

Правоотношение в условиях функционирования принципов солидарности и социальной ответственности

С.Г. Василевич

224

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Философское осмысление историографических и перспективных задач фундаментальных и отраслевых юридических наук (обзор круглых столов с международным участием)

В.С. Горбань, Н.В. Кроткова, С.В. Маликов

230

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Теория государства и права: учеб. / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой

Н.В. Кроткова

237

ПЕРСОНАЛИИ

К 95-летию заслуженного деятеля науки РФ, доктора юридических наук, профессора Мулукова Роланда Сергеевича

Д.В. Пожарский, Г.Г. Небратенко

243

CONTENTS

Number 10, 2024

INSTITUTE OF STATE AND LAW OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES: TOWARDS THE CENTENARY

To the 100 th anniversary of Veniamin Evgenievich Chirkin <i>V.D. Zorkin</i>	7
Modern ideologies and historiography of state studies (analyzing the works of V.E. Chirkin) <i>A.N. Savenkov</i>	10
S.A. Golunsky: lawyer, scientist, diplomat <i>A.N. Savenkov, S.B. Rossinskiy</i>	23
 * * *	
Concerning the practice of changing a concept bill in the State Duma of the Russian Federation <i>Yu. P. Sinelshchikov</i>	38

PHILOSOPHY OF LAW

The goal setting in law: the theoretical and methodological problems of substantive and procedural law <i>R.F. Stepanenko, F.I. Khamidullina</i>	45
---	----

LEGAL, POLITICAL, PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS THOUGHT

S. Moscovici: masses and politics <i>V.N. Zhukov</i>	55
---	----

CONSTITUTIONAL LAW OF RUSSIA

The problems of sovereignty in the works of native pre-revolutionary government scientists <i>Yu. L. Shulzhenko</i>	70
People Protection and other axiological dominants of the Russian World: on the way to finding a modern Russian national idea in the conditions of the global multipolarity of the future <i>N.M. Dobrynin</i>	86

JUDICIAL POWER

Development of the justice mechanism: testing justice <i>M.I. Kleandrov</i>	96
--	----

DISCUSSIONS AND DEBATES

Memorial Law: the problem of conceptualization and the limits of regulatory regulation <i>A.A. Vasiliev, N.V. Krotkova, Yu. A. Zelenin</i>	113
New nomenclature of scientific specialities: ecological-legal aspect (The end) <i>M.M. Brinchuk</i>	123

CIVIL AND ENTREPRENEURIAL LAW

On the correlation of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of trademark rights with the principle of justice in the context of the transition to Postmodernity <i>V.N. Koval</i>	136
--	-----

ENVIRONMENTAL LAW

Legal regulation of scientific and technical cooperation of the Russian Federation and the member states of the CIS and EAEU in the fuel and energy sectors on problems of rational use of nature, ecology and environmental protection

R.N. Salieva, V.S. Davtyan, Yu. S. Valeeva

145

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

Current directions in the development of the general criminalistic through the prism of modern technologies

A.N. Savenkov, E.R. Rossinskaya

156

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

Administrative legal relationship: time and politics change approaches to understanding and essence (historiographic and dogmatic aspects)

M.N. Kobzar-Frolova, A.A. Grishkovets

169

FAMILY, MARRIAGE, LAW

Property relations of spouses: features of legal regulation in modern conditions

N.V. Letova

183

ABROAD

The politics of memory in the EU: reflecting the colonial past

N.V. Varlamova

193

Historiographical and doctrinal aspects of constructing European identity (using the example of the modern Balkans)

A.I. Cherkasov

206

PAGES OF HISTORY

Codification projects of Soviet All-Union legislation (late 1920^s – early 1950^s)

T.F. Yashchuk

216

SCIENTIFIC REPORTS

Legal relation in conditions of functioning of the principles of solidarity and social responsibility

S.G. Vasilevich

224

SCIENTIFIC LIFE

Philosophical understanding of historiographical and perspective of fundamental tasks and branch legal sciences (review of Round Tables with international participation)

V.S. Gorban, N.V. Krotkova, S.V. Malikov

230

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

Theory of state and law: textbook / ed. by V.N. Zhukov, E.A. Frolova

N.V. Krotkova

237

PERSONALIA

On the 95th anniversary of the Honored Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor Mulukaev Roland Sergeevich

D.V. Pozharsky, G.G. Nebratenko

243

УДК 34.08

К 100-ЛЕТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ВЕНИАМИНА ЕВГЕНЬЕВИЧА ЧИРКИНА

© 2024 г. В. Д. Зорькин

Конституционный Суд Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

E-mail: ksrf@ksrf.ru

Поступила в редакцию 25.10.2024 г.

Аннотация. Публикация посвящена юбилею выдающегося ученого-правоведа Вениамина Евгеньевича Чиркина. Приводятся сведения, касающиеся участия В. Е. Чиркина в Великой Отечественной войне, а также его вклада в развитие многих научных классификаций, формирование концепции переходных государств, анализ правовых систем различных государств, исследование характера функционирования существовавших социальных институтов. Отмечается, что он особое внимание уделял вопросам сравнительного государствоиздания, а также разрабатывал новые концепции в праве, в частности юридических лиц публичного права.

Ключевые слова: Чиркин Вениамин Евгеньевич, сравнительное правоведение, конституционное право, государственная власть, публичная власть, публично-правовое образование, государственное право.

Цитирование: Зорькин В.Д. К 100-летнему юбилею Вениамина Евгеньевича Чиркина // Государство и право. 2024. № 10. С. 7–9.

DOI: [10.31857/S1026945224100018](https://doi.org/10.31857/S1026945224100018)

TO THE 100th ANNIVERSARY VENIAMIN EVGENIEVICH CHIRKIN

© 2024 V. D. Zorkin

Constitutional Court of the Russian Federation, St. Petersburg

E-mail: ksrf@ksrf.ru

Received 25.10.2024

Abstract. The publication is dedicated to the anniversary of the outstanding legal scholar Veniamin Evgenievich Chirkin. Information is provided concerning V.E. Chirkin's participation in the Great Patriotic War, as well as his contribution to the development of many scientific classifications, the formation of the concept of transitional states, the analysis of the legal systems of various states, and the study of the functioning of existing social institutions. It is noted that he paid special attention to the issues of comparative statecraft, as well as developed new concepts in law, in particular legal entities of public law.

Key words: Chirkin Veniamin Evgenievich, comparative jurisprudence, Constitutional Law, state power, public power, public law education, state law.

For citation: Zorkin, V.D. (2024). To the 100th anniversary of Veniamin Evgenievich Chirkin // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–9.

23 октября 2024 г. исполнилось 100 лет со дня рождения выдающегося ученого и замечательного человека Вениамина Евгеньевича Чиркина. Кажется, что Вениамин Евгеньевич в нашей профессиональной жизни был всегда, и что ни один сложный государственно-правовой вопрос не остался без его научного внимания. Его

в живом общении доводы и аргументы были важным подспорьем для решения самых разных юридических проблем.

Прожив долгую и плодотворную научную жизнь, он щедро делился своими мыслями, задавал тон дискуссиям, определял направления исследовательского поиска многих коллег. Задумываясь над очередной проблемной ситуацией, я сам нередко задавался вопросом: как там у Вениамина Евгеньевича в его работах? Ведь это не просто основательный, добросовестный, многоопытный, конструктивный, системно мыслящий специалист, но и ученый со своим особым видением. Он в постоянном поиске, в развитии, он выступает за прогресс, за сохранение и созидание. Он знает. На него можно полагаться. Он – ориентир.

Вениамин Евгеньевич всегда был на переднем крае науки, проявляя при этом смелость. Возможно, в нем это было заложено от природы, а затем закрепилось на войне, когда мальчишкой он поступил в военное училище и через несколько месяцев, в сентябре 1943 г., попал на 1-й Белорусский фронт, а с октября 1944 г. сражался на Карельском фронте. И впоследствии, уже «на научном фронте», он многое брал на себя, не жалел сил, один работал как целый научный коллектив. Из-под его пера вышли более 600 опубликованных научных

трудов, в том числе более 50 авторских монографий и учебников, что стало значительным вкладом в становление и развитие отечественной конституционной, да и всей юридической мысли.

Будучи воспитанным в рамках советской научной школы, Вениамин Евгеньевич осознавал значимость развития научной методологии, следование которой четко прослеживается во всех его трудах. Он уделял большое внимание терминологии: с ранних работ старался систематизировать уже существующие термины в области государствоведения и на основе этой системы выработать новые понятия. Благодаря ему получили развитие многие научные классификации, считающиеся традиционными в настоящее время. Так, подробное описание разных политических режимов было дано именно В.Е. Чиркиным, имевшим огромный опыт изучения не только позитивного законодательства, но и реального положения дел во многих государствах. В связи с этим неудивительно, что именно Вениамина Евгеньевича уже в современную российскую эпоху попросили стать автором «Большой российской энциклопедии», ее статей, посвященных конституционализму, конституционному контролю, конституции, народному представительству и десятку других.

Вениамин Евгеньевич является первоходцем по многим научным темам. Он одним из первых начал формировать концепцию переходных государств. В своей ранней работе «Переходные государственные формы» (тема которой в дальнейшем переросла в его докторскую диссертацию), выйдя за рамки существовавшей на тот момент и укоренившейся дихотомии государственного деления, он показал формы возможного развития государственных образований на пути к социалистической формации. Его интерес к различным формам государственного устройства предопределил дальнейшую работу в секторе государства и права развивающихся стран Института государства и права РАН, где он заслуженно занял положение главного специалиста в сфере сравнительного государственного (а в будущем конституционного) правоведения.

Он с огромным научным рвением изучал как правовые системы различных государств, так и функционирование существовавших социальных институтов. Результатом его исследований стала, в частности, подготовка учебников «Государство социалистической ориентации» (1974), «Основы социалистической теории государства и права» (1978), которые были изданы на иностранных языках: английском, французском, испанском и португальском, чтобы отечественная государствоведческая мысль была доступна всему миру.

Занимаясь сравнительным государствоведением, Вениамин Евгеньевич исключал возможность слепого копирования зарубежного опыта государственного и правового строительства и призывал к изучению истории и особенностей прежде всего родного государства, без учета которых позитивный зарубежный опыт мог стать разрушительным для отечественной правовой системы.

Последовательный и непримиримый борец за социальную справедливость и общественное развитие, он не стеснялся в своих работах указывать на существующие проблемы современного российского государственного устройства и предлагать пути их решения. Обращал внимание на необходимость разумной организации законотворческого процесса, необходимость совершенствования системы федеративных отношений

с сохранением национальных публично-правовых образований и на многое другое.

Одним из первых в современной российской юридической науке он стал развивать концепцию юридических лиц публичного права. Хотя его разработки этой темы столкнулись с немалой долей критики со стороны ученых-цивилистов, сегодня идея юридических лиц публичного права получила научное развитие и в определенной степени вос требована практикой.

Научные и трудовые заслуги В.Е. Чиркина нельзя переоценить. Они получили признание юридического сообщества и высокую государственную оценку в виде значительного количества государственных наград и премий, присужденных этому выдающемуся ученому. Его уход из жизни в ноябре 2019 г. ознаменовал завершение эпохи ученых-фронтовиков, отличавшихся преданностью своей стране, науке, пониманием жизни, глубиной и широтой мышления.

Произошедшие за последние пять лет события, в том числе пандемия, отечественная конституционная реформа, переустройство миропорядка, кризис в международном праве, разрыв правовых связей России с Европой, конечно же, не прошли мимо его научного внимания. Мы же продолжаем находить оставленные в его научном наследии ключи к решению многих современных правовых вопросов.

Сведения об авторе

ЗОРЬКИН Валерий Дмитриевич –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
Председатель Конституционного Суда
Российской Федерации;
190000 г. Санкт-Петербург,
Сенатская площадь, д. 1

Authors' information

ZORKIN Valery D. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chairman of the Constitutional Court
of the Russian Federation;
1 Senatskaya Square,
190000 St. Petersburg, Russia

УДК 342

СОВРЕМЕННЫЕ ИДЕОЛОГЕМЫ И ИСТОРИОГРАФИЯ ГОСУДАРСТВОВЕДЕНИЯ (анализируя труды В.Е. Чиркина)

© 2024 г. А. Н. Савенков

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: an61s@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.10.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена видному отечественному ученому-юристу, представителю академической науки конституционного права и сравнительного правоведения Вениамину Евгеньевичу Чиркину, 100-летие которого юридическая общественность нашей страны отмечает в 2024 г. В работе приводятся биографические данные, в частности об участии В.Е. Чиркина в Великой Отечественной войне, показано его становление и развитие как личности и ученого. Дано характеристика В.Е. Чиркина как общественного деятеля, внесшего весомый вклад в укрепление сотрудничества нашего государства с развивающимися странами, освободившимися от колониальной зависимости. Представлено научное осмысление фундаментальной политico-правовой категории «публичная власть» и государствоведение. Делается вывод, что идеи В.Е. Чиркина оказались во многом провидческими, что подтверждается легализацией в результате конституционной реформы 2020 года института публичной власти. Научное наследие В.Е. Чиркина сохраняет актуальность, требует дальнейшего изучения и остается предметом для дискуссий, в частности это касается проблемы государственного права.

Ключевые слова: Чиркин Вениамин Евгеньевич, сравнительное правоведение, конституционное право, государственная власть, публичная власть, публично-правовое образование, государственное право.

Цитирование: Савенков А.Н. Современные идеологемы и историография государствоведения (анализируя труды В.Е. Чиркина) // Государство и право. 2024. № 10. С. 10–22.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100021

MODERN IDEOLOGIES AND HISTORIOGRAPHY OF STATE STUDIES

(analyzing the works of V.E. Chirkin)

© 2024 A. N. Savenkov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: an61s@yandex.ru

Received 28.10.2024

Abstract. The article is devoted to Veniamin E. Chirkin, a prominent Russian legal scientist, representative of the academic science of Constitutional Law and comparative jurisprudence, whose 100th anniversary is celebrated by the legal community of our country in 2024. The work provides biographical data, in particular about V.E. Chirkin's participation in the Great Patriotic War, shows his formation and development as a personality and scientist. The characteristic is given of V.E. Chirkin as a public figure who made a significant contribution to strengthening cooperation between our State and developing countries that have freed themselves from colonial dependence. The scientific understanding of the fundamental political and legal category of "public power" and state studies is presented. It is concluded that V.E. Chirkin's ideas turned out to be visionary in many ways, which is confirmed by the legalization of the institute of public power as a result of the 2020 constitutional reform. The scientific legacy of V.E. Chirkin remains relevant, requires further study and remains a subject for discussion, in particular, it concerns the problem of State Law.

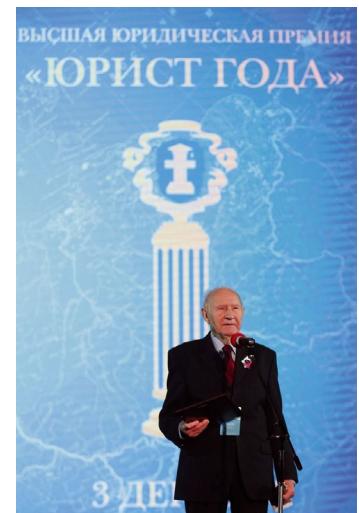
Key words: Chirkin Veniamin Evgenievich, scientist, constitutionalist, Comparative Law, Constitutional Law, public authority, public legal education, public administration.

For citation: Savenkov, A.N. (2024). Modern ideologies and historiography of state studies (analyzing the works of V.E. Chirkin) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 10–22.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Появление в современном мире новых и крайне непростых вызовов, угроз и релевантных им задач по обеспечению устойчивого развития в политической и правовой сферах жизни общества непрерывно диктует необходимость адекватных ответов, которые не только восполняли бы недостающие элементы в сохранении прежних институциональных и идейных структур, но отличались прогностическим потенциалом и способствовали выработке соответствующих долгосрочных стратегий. В настоящее время одна из насущных задач в обеспечении политico-правового развития общества, с учетом объективно формирующейся архитектуры многополярного мира, – создание нового качества политico-правовых знаний, опирающегося на лучшие достижения предшественников, но способного все же фиксировать и разъяснять те проблемы, которые возникают сегодня. А таких проблем существует немало, и они зачастую не могут быть надлежащим образом проанализированы без учета их сложного и комплексного характера, современной динамики политico-правового развития.

Чувствительной и значимой для качественно нового развития политico-правовых знаний является область **государствоведения**. В этой области отечественными учеными были сделаны важнейшие шаги на пути разработки ключевых проблем понимания сущности и назначения государства, его структурных и функциональных характеристик, сравнительного государство-ведения. Так, имя выдающегося российского правоведа Вениамина Евгеньевича Чиркина, творчество которого теснейшим образом связано с Институтом государства и права РАН,

давно и прочно занимает ведущее положение среди крупнейших знатоков государство-правовой проблематики. Поэтому в свете празднования юбилея знаменитого ученого обращение к его наследию при решении существенных научных и практических проблем современного политico-правового развития — не только дань уважения, оно необходимо для поиска ответов на соответствующие требования и запросы времени. Его идеи — это фундаментальная предпосылка для подлинно научного и конструктивно-критического понимания характера и направлений развития государства-правоведения.

Вениамин Евгеньевич Чиркин — наш современник, представитель старшего поколения ученых-юристов, которые многие годы беззаветно служили юридической науке, без остатка отдавая ей все свои силы, поистине недюжинные способности и талант. Поколения тех, кто работал под «знаком качества» и имел «советскую закалку»¹.

В. Е. Чиркин родился 23 октября 1924 г. в российской глубинке, на самой окраине Владимирской области — в поселке Мстера (поселение мастеров древнерусского искусства, один из крупнейших центров лаковой миниатюры и иконописи в России) в интеллигентной семье: отец Евгений Александрович был художником, мастером артели «Пролетарское искусство» мастерской живописи; мать Ольга Федоровна работала учителем в местной средней школе и была среди тех немногих людей в стране, кто удостоился орденов Ленина и Трудового Красного Знамени.

Среднюю школу В. Е. Чиркин закончил в Мстере. В 19 лет в мае 1943 г. он был призван в ряды Красной Армии. За военные заслуги награжден многочисленными наградами: орденом Отечественной войны II степени, медалью «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», а позднее — государственной наградой Российской Федерации медалью Жукова.

В 1947 г. В. Е. Чиркин поступил на юридический факультет Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, который окончил с отличием. За высокие достижения в учебе и особый интерес, проявленный к научным познаниям, он получил рекомендацию для поступления в аспирантуру. В 1955 г. под руководством д-ра юрид. наук, проф. П. Н. Галанзы защитил кандидатскую диссертацию на тему «Право США в период империализма — орудие расового и национального угнетения»².

¹ Черкасов А. И. 95-летие Вениамина Евгеньевича Чиркина // Государство и право. 2019. № 4. С. 14.

² Чиркин В. Е. Право США в период империализма — орудие расового и национального угнетения: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1955.

В том же году В. Е. Чиркин направляется в Свердловский юридический институт им. А. Я. Вышинского (ныне — Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева (УрГЮУ)), где он работает в должности ассистента, затем старшего преподавателя и доцента. В ноябре 1959 г. был назначен зав. кафедрой государственного права, а с 1962 по 1971 г. — зав. кафедрой иностранного государственного и международного права. В 1964 г. в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова В. Е. Чиркин защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора юридических наук на тему «Формы государства, переходного к социалистическому типу»³. В 1965 г. его утверждают в ученом звании профессора.

В мае 1971 г. В. Е. Чиркин переходит на работу в Институт государства и права Академии наук СССР, где проработает почти полвека. Вплоть до 1990 г. он заведовал сектором государственного права стран, освободившихся от колониальной зависимости, а с 1990 г. занимал должность главного научного сотрудника.

Заслуги В. Е. Чиркина в развитии правовой науки и подготовке кадров высшей квалификации отмечены многочисленными наградами — ему были присвоены почетные звания «Заслуженный деятель науки Российской Федерации» и «Заслуженный юрист Российской Федерации». Ученый стал кавалером ордена Трудового Красного Знамени и ордена Почета.

Работы В. Е. Чиркина по государство-правоведению, о публичной власти, по конституционному праву России и зарубежных стран, государственному и муниципальному управлению, сравнительному правоведению вошли в золотой фонд отечественной юридической литературы. Отметим лишь наиболее значимые проблемы, на решение которых были направлены усилия ученого, сохраняющие свою актуальность.

Фокус работ В. Е. Чиркина был сосредоточен на проблеме власти. Он отмечал, что феномен власти в сообществах людей имеет множество характеристик (личная, публичная, корпоративная, политическая, военная, законодательная и т. д.), а исследование этого явления сопровождается острыми дискуссиями (есть даже призывы вообще отказаться от термина «власть» из-за путаницы, которую он якобы создает) и порождает различные концепции власти⁴.

Сам В. Е. Чиркин являлся сторонником одной из наиболее общих концепций, применимых

³ Чиркин В. Е. Формы государства, переходного к социалистическому типу: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. Л., 1964.

⁴ См.: Чиркин В. Е. Современные модели публичной власти // Труды ИГП РАН. 2013. № 3. С. 42–63.

к социальной власти в определенных коллективах людей, – коллективистско-волевой. Он выделял следующие ее признаки: она имманентно присуща коллективу; в ней сформирована общая воля коллектива; одна из главных ее целей – самосохранение коллектива; общая воля коллектива влечет за собой «отчуждение» воли его членов по вопросам деятельности коллектива путем их подчинения, а следствием различий или противоречий внутри сообщества является возникновение обязываания, воздействия, принуждения; она может быть присвоена определенной группой или личностью.

Базируясь на данной концепции, В. Е. Чиркин рассматривал проблему установления соотношения публичной власти с государственной. Ученый отмечал, что необходимо четко разграничивать власть государства и власть любого публично-правового образования, хотя они и имеют одинаковый социальный характер, однако социальный и юридический источники публично-правовой государственной власти и публично-правовой власти иных публично-правовых образований отличны. Социальный источник государственной власти – воля народа, образующего одно государственно организованное общество. Юридически это закрепляется конституцией государства, и прежде всего положениями о власти народа, о ее суверенности, суверенитете государства. С этим связан принцип верховенства государственной власти по сравнению с властью всех иных публично-правовых образований, другими видами власти. Власть народа определяет сферы деятельности других властей. Это находит отражение во многих актах государства, действиях его органов⁵.

В. Е. Чиркин разрабатывал оригинальные подходы к пониманию публичной власти. Заметим, что проблема публичной власти стала привлекать особое внимание ученых-юристов после проведения конституционной реформы 2020 г., в результате которой данный термин получил нормативное закрепление на конституционном уровне. Между тем значительно раньше проблема понимания публичной власти заинтересовала ученого. Более двадцати лет назад он заявил об этом, когда опубликовал в ведущем юридическом журнале «Государство и право» статью «О публичной власти (постановка проблемы)»⁶. В. Е. Чиркин продолжал свое исследование до конца жизни, что убедительно свидетельствует о его прозорливости, способности

⁵ См.: Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные основы социального и территориального единства и дифференциации публичной власти. О новом прочтении и 25-летнем опыте осуществления некоторых положений Конституции РФ 1993 г. // Государство и право. 2018. № 12.

⁶ Чиркин В. Е. О публичной власти (постановка проблемы) // Государство и право. 2003. № 10. С. 8–15.

предвидеть новое для страны политico-правовое явление, предложить его собственную достаточно оригинальную интерпретацию.

В его понимании всякая власть в человеческом обществе – это власть в коллективе. Государство – организация, осуществляющая публичную политическую власть. Оно обладает суверенной государственной властью – особой разновидностью публичной политической власти. По мнению ученого, называть власть субъектов Российской Федерации государственной – дискуссионно. Собственная власть субъекта есть публичная, негосударственная власть, но имеющая некоторые политические и государственные элементы. Это – ограниченная публичная квазиполитическая власть.

В. Е. Чиркин указывал, что в современном мире существует несколько разновидностей публичной власти, имеющих свои особенности: суверенная государственная власть, государствоподобная власть субъекта федерации, автономная публичная власть, муниципальная публичная власть (в ее вариантах целостной или разделенной с назначенным чиновником) и общинно-родовая власть в публично-правовых образованиях коренных малочисленных народов⁷.

С точки зрения ученого, отличительная особенность государственной власти заключается в том, что она суверенна и верховна, распространяется на всю территорию государства (в том числе и на корабли, самолеты, плавающие и летающие под флагом государства), остальные модели публичной власти действуют только в рамках своей территории. Государственная власть вправе ограничивать власть других публично-правовых образований, которые, в свою очередь, не могут ее ограничить. В отношении других моделей публичной власти государственная власть имеет учредительный характер.

Комплексный характер публичной власти стал основой для споров о статусе публичного юридического лица. Мнения ученых по этому поводу разделились. Представители публично-правовых дисциплин предлагали обозначить особую категорию юридических лиц публичного права, необходимую для отраслей этой группы, при этом не настаивая на обязательном введении такого понятия в Гражданский кодекс РФ. Другие ученые, в основном цивилисты, эти идеи отвергали.

Академик РАН Т. Я. Хабриева по этому поводу справедливо отметила, что взаимопроникновение частных и публичных отношений – одна из общих тенденций развития современного правового регулирования. В публичные сферы, в которых

⁷ См.: Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Указ. соч. С. 26, 27.

традиционно отсутствует равенство сторон, все чаще проникают элементы частного права, связанные с использованием договорных и согласительных процедур, что во многом вызвано объективными процессами демократизации и развития рыночных экономических отношений. Само существование публичных и частных образований объясняется тем, что они необходимы современному обществу. Многие из них руководствуются публичными интересами, во всяком случае они созданы для этого, другие – частными, но и деятельность последних объективно служит общественным интересам⁸. Таким образом, дискуссия о соотношении публичного и частного в праве, их взаимном проникновении – одна из актуальных тем для науки ближайшего времени.

Безусловно, все указанные вопросы будут продолжать рассматриваться в свете конституционного права и собственно Конституции РФ. Конституцию В. Е. Чиркин рассматривал в качестве основного документа, закрепляющего статус моделей публичной власти, в том числе государственной. Обращаясь к анализу конституций и их роли в истории человечества, он указывал, что их появление как особого юридического документа связано с переломом в общественном развитии при переходе к Новому времени. В XX в. принятие новых конституций или принципиальных поправок к ним – ответ на общественные вызовы, требования объективно сложившейся ситуации, общественно-политических сил, изменяющегося менталитета общества. Современные угрозы и вызовы не одинаково проявляются в условиях разных стран, неодинаковы и конституционные ответы на них. Ответом на вызовы были и остаются демократизация государственных структур, формы территориального устройства государства и формы правления, решение социальных вопросов, в частности закрепление в конституциях социальных прав человека и гражданина, создание социально ориентированной экономики, регулирование вопросов собственности, отношений социальных слоев населения и др.⁹.

Важный этап научного творчества Вениамина Евгеньевича связан с изучением государства и права развивающихся стран, что предполагало системный анализ правовых актов и юридически значимых документов различных государств Азии, Африки и Латинской Америки. Это требовало разработки соответствующей методологии – сравнительного

⁸ См. об этом подр.: Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации юридических лиц // Журнал росс. права. 2014. № 10. С. 5–16.

⁹ См. об этом подр.: Конституция в XX веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В. Е. Чиркин. М., 2011.

государствоведения, родоначальником которого считается В. Е. Чиркин.

Государство и его организация стали доминирующей темой в научной деятельности В. Е. Чиркина в 1990-е годы, что во многом было обусловлено вызовами того времени, актуальными задачами развития Российской Федерации. Опасность распада постсоветского государства, кризисные явления в федеративной системе, несправедливая по своим социальным последствиям приватизация, трудности реформы судебной системы, увеличение числа принимаемых законов с одновременным падением их качества – все это требовало поиска новых моделей осуществления государственного руководства обществом, что нельзя было сделать без сравнительного анализа опыта государственного строительства различных стран. Не случайно именно в непростые для Российской Федерации годы благодаря усилиям В. Е. Чиркина стало возрождаться такое направление научных исследований, как сравнительное государствоведение.

Фундаментальная, базовая работа ученого по данной тематике получила название «Основы сравнительного государствоведения»¹⁰. В ней автор пользовался следующим «инструментальным» определением государства. Это – универсальная политическая организация в обществе, обусловленная его социальной асимметрией и необходимостью выполнения «общих дел», обладающая особой публичной (государственной) властью и специализированным аппаратом управления обществом, выражающая прежде всего (но не только) интересы экономически, политически и идеологически доминирующего социального слоя (класса) и выполняющая в определенной степени функции арбитража между различными слоями общества.

В данном исследовании фактически состоялся пересмотр сложившихся глобальных понятий и категорий публичного права. Так, впервые было проанализировано различие между понятиями «политический режим» и «государственный режим». Сопоставление автором различных моделей осуществления государственной власти, функционирования институтов и реализации процедур позволило сделать вывод о богатстве и разнообразии форм государственности в современном мире. При этом подчеркивалось, что каждое государство действует в своих определенных условиях, и никакие формы

¹⁰ Неоднократно переиздавалась, в том числе в Институте государства и права РАН. Ряд идей по теме был изложен в: Чиркин В. Е. Элементы сравнительного государствоведения М., 1994; Его же. Основы сравнительного государствоведения. М., 1997; Его же. Государствоведение: учеб. для вузов. М., 1999; Его же. Сравнительное государствоведение: учеб. пособие. М., 2011; Его же. Сравнительное государствоведение: учеб. пособие. М., 2024.

и модели осуществления государственной власти не должны навязываться извне вопреки национальным особенностям.

Ученый анализировал особенности современных механизмов разделения властей и обращал внимание на дифференциацию ветвей государственной власти, что отражало процессы специализации при одновременном совершенствовании путей управления обществом. Например, был поставлен вопрос о возможном формировании таких ветвей власти, как «избирательная» и «контрольная». Значительное внимание он уделял проблемам федерализма, изучаемого в сравнительном аспекте. В. Е. Чиркин также плодотворно исследовал вопросы организации публичной власти¹¹, единства и разделения властей, переходных форм государственности, социального государства, публичных территориальных коллективов, моделей современной конституции¹², публичного управления, юридических лиц публичного права.

В работах В. Е. Чиркина по сравнительному государствоведению материал подавался таким образом, чтобы рассмотренный опыт мог быть использован в интересах России, в целях совершенствования ее политической системы. Всегда давался ответ на вопрос о том, что может быть для нее полезным, а чего следует избегать. При этом подчеркивалось, что речь идет вовсе не о механическом копировании чужого опыта, поскольку каждая страна, включая Россию, имеет уникальные черты. Лишь творчество самих народов, их практический опыт могут стать основой для использования в преобразованном виде зарубежных моделей государственных структур и создания новых. Каждый народ вносит свой собственный вклад в поиск оптимальных структур государственного управления обществом.

Говоря словами В. Е. Чиркина, процесс познания государства как особой структуры, которая существует в обществе и одновременно отдаляется от него, – бесконечен. В мировой науке прослеживается понимание различия общества и государства. В отечественной литературе их отождествление преодолено давно. Так или иначе, но в науке различных стран мира признано, что государство имеет самостоятельное бытие, собственные тенденции развития. Это не значит, что государство абсолютно свободно от общества, этого не может быть, поскольку в современных условиях первое – неотъемлемая часть второго, изучать государство нужно во всех его взаимосвязях. Важно учесть при этом, что роль государства в современном мире не только возросла, но и качественно изменилась.

¹¹ См.: Савенков А. Н., Чиркин В. Е. Указ. соч. С. 18–29.

¹² См.: Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. Теория современной конституции. М., 2005.

Современное государство в неизмеримо большей степени, чем раньше, может стимулировать, тормозить, пресекать, ликвидировать определенные процессы и явления в экономике, социальных отношениях, политике, духовной сфере жизни общества¹³. В изложенных рассуждениях В. Е. Чиркин, по сути, возобновляет дискуссию о государственном праве.

Уместно напомнить, что наряду с термином «конституционное право» долгое время использовался, а порой продолжает применяться термин «государственное право», которые в современной юриспруденции обычно рассматриваются как синонимические. Считается, что в эпоху утвердившегося в мире конституционализма как теории и практики организации взаимодействия между государством и человеком, базирующихся на принципах демократии, верховенства права и прав человека, в таком отождествлении нет ничего страшного; термин «государственное право» якобы сохраняется как дань давней традиции, но не отражение природы принципиально обновленной в процессе исторического развития отрасли права.

В Германии, России и Франции еще в XIX в. сформировались прочные основы государственного права. Предлагались разные трактовки и интерпретации, типологические разъяснения, предпринимались попытки сформировать адекватный именно государственному праву понятийный аппарат¹⁴. В дальнейшем государственно-правовое направление, особенно в западной литературе, стало активно разбиваться идеями и объяснительными приемами политической социологии, трансформировавшейся в политологию. Однако при всей важности социологического ракурса проблемы государства как фундаментальной структуры организации и управления общественными

¹³ См.: Чиркин В. Е. Государствоведение как отрасль знания и учебная дисциплина // Государство и право. 2008. № 4. С. 13–20.

¹⁴ См., напр.: Андреевский И. Е. Русское государственное право. СПб., М., 1866. Т. 1; Блонди И. К. Общее государственное право. М., 1865; Градовский А. Д. Начала русского государственного права. М., 1883; Кистяковский Б. А. Государственное право (общее и русское): лекции, читанные в Московском коммерческом Институте в 1908–1909 гг. // Кистяковский Б. А. Избранное: в 2 ч. М., 2010. Ч. 2; Коркунов Н. М. Русское государственное право. СПб., 1892–1893. Т. 1, 2; Лазаревский Н. И. Лекции по русскому государственному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908; Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управления. СПб., 1910; Гессен В. М. Очерки истории науки государственного права // Известия Санкт-Петербургского политехнического ин-та. 1911. Т. 16. С. 181–218; Ивановский В. В. Учебник государственного права. Казань, 1913; Кокошкин Ф. Ф. Русское государственное право. М., 1908; Корф С. А. Русское государственное право. М., 1915; Нольде Б. Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911; Шалланд Л. А. Русское государственное право. Юрьев, 1908.

процессами никуда не исчезли. Теория государства не может довольствоваться только описательным характером социологического типа. Это – нормативно-критическая наука, в основе которой лежит юридический компонент.

Традиции государственного права сохранялись в советское время, хотя в РСФСР, СССР более 20 лет не было учебника по советскому государственному праву.

В конце 20-х годов прошлого столетия будущий директор Института советского строительства и права Коммунистической академии (ныне – Институт государства и права РАН) Е. Б. Пашуканис замечал, что «государственное право вообще становится предметом юридической разработки как конституционное право»¹⁵.

После принятия Конституции СССР 1936 г. академик АН СССР И. П. Трайнин внес компромиссное предложение именовать ведущую отрасль права конституционным (государственным) правом. Свое предложение он обосновывал следующим образом: «Государственное право, по содержанию охватывающее круг вопросов, относящихся к принципиальным вопросам Конституции, должно быть названо конституционным правом. Чтобы не получилось представления о том, что снимается вопрос о государственном праве (в его социалистическом понимании), мы считали бы целесообразным назвать это право: конституционное (государственное) право»¹⁶.

В появлении государственного права особую роль сыграло Первое Всесоюзное совещание по вопросам науки советского государства и права, состоявшееся в июле 1938 г. К тому времени Институт права АН СССР подготовил к печати «Советское государственное право».

Учебник¹⁷ отличало широкое использование сравнительного метода, сопоставление советского и зарубежного права. Сторонником такого подхода выступал директор Института права АН СССР академик А. Я. Вышинский. Он отмечал, что усвоить, создать, переработать свое право можно лишь при условии уяснения иностранного права, созданного в течение веков. Это следует отнести и к историческому методу. Учебник стал отправным, основой, особенно в структурном плане, для всех последующих аналогичных изданий в данной отрасли, и главным образом в 40–50-х годах прошлого века.

¹⁵ Пашуканис Е. Б. Избр. произв. по общей теории права и государства. М., 1980. С. 102.

¹⁶ Трайнин И. П. О содержании и системе государственного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 44; Его же. Государство и коммунизм. М., 1940.

¹⁷ См.: Советское государственное право: учеб. для юрид. ин-тов / под общ. ред. А. Я. Вышинского. М., 1938.

В конце 50-х – начале 60-х годов на фоне изменения социально-политической обстановки в стране было предложено переименовать государственное право в конституционное. В. Ф. Коток¹⁸ полагал, что это позволит лучше выявить специфику предмета данной отрасли. Так, он указывал, что наименование «государственное право» не отражает специфики отрасли, потому что любая правовая норма, какой бы отрасли права она ни относилась, устанавливается государством, и в этом смысле каждое нормативное предписание государственного органа может быть отнесено к государственному праву. Переименование государственного права в конституционное дало бы, по его мнению, возможность лучше выявить специфику предмета государственного права. Аналогичной позиции придерживался С. М. Равин, считавший, что государственное право является конституционным как по предмету регулируемых им общественных отношений, так и по присущему ему методу регулирования¹⁹.

Это предложение было поддержано И. Е. Фарбером, Н. П. Фарберовым, В. А. Ржевским, В. Т. Кабышевым, О. О. Мироновым и др. В 1975 г. в Ленинграде был издан первый в России учебник «Советское конституционное право», авторами которого являлись С. И. Русинова и В. А. Рянгин²⁰.

Академик РАН О. Е. Кутафин обращал внимание на то, что различные взгляды на специфику конституционно-правовых отношений «в той или иной мере вносят позитивный вклад в исследование рассматриваемого вопроса»²¹. С его точки зрения, наука конституционного права при советской власти не существовала как самостоятельная, а входила в состав единой науки «советское государственное право»²². Первым ученым, защитившим докторскую диссертацию в Ленинградском государственном университете им. А. А. Жданова и опубликовавшим монографию о государственно-правовых отношениях, был

¹⁸ В 1935–1975 гг. работал в Институте государства и права АН СССР, где с 1954 г. возглавлял сектор конституционных проблем социалистических государств (см.: Коток В. Ф. СССР – общенародное социалистическое государство трудящихся. М., 1973. До этого писал только о государственном праве).

¹⁹ См.: Конституционное право социалистических стран: сб. ст. / под ред. В. Ф. Котока и Н. П. Фарберова. М., 1963. С. 51; Равин С. М. Основные особенности советского государственного права // Правоведение. 1961. № 1. С. 47.

²⁰ См.: Советское конституционное право / под ред. С. И. Русиновой и В. А. Рянжина. Л., 1975. Рецензентами работы выступили сотрудники сектора конституционных проблем ИГП АН СССР В. Ф. Коток и В. А. Ржевский.

²¹ Кутафин О. Е. Предмет конституционного права. М., 2001. С. 308.

²² Там же. С. 9.

В.С. Основин²³. С тех пор изменилось название отрасли права и содержание общественных отношений, образующих ее предмет. Проблемным оставался вопрос о наименовании рассматриваемой отрасли права: государственное, конституционное (государственное) или конституционное. Точки над i в споре, как подметил О.Е. Кутафин, расставил Министр науки и технической политики, который своим приказом ввел в России новую научную специальность, заменив в ней «государственное право» на «конституционное»²⁴.

В.Е. Чиркин отмечал, что в современном мире перед государством возникает огромное количество проблем. Так, много вопросов появляется в связи с новыми функциями государства, сложностями законодательной работы в современных условиях (отсюда следует практика рационализированного парламентаризма, делегированного законодательства, регламентарной власти, создания надпарламентских органов и подпарламентских «малых парламентов»). Новые проблемы связаны с изменением роли главы государства, который не только и не главным образом представляет исполнительную власть, с появлением смешанных форм правления (не президентские, но и не парламентарные республики), гибридных форм государственно-территориального устройства (региональные государства, которые уже не унитарные, но еще не федеративные), новых форм судебных органов и т.д. Многие проблемы связаны со взаимоотношениями органов государства и местного самоуправления, распределением финансовых потоков, собственности, разграничением полномочий, роли органов государства и местного самоуправления. Практические проблемы – с административно-территориальным делением²⁵.

Вопросы государствоуроведения на современном этапе должны учитывать и новый контекст, в котором существуют государства, сдерживающий государственное строительство, и обеспечение конституционных целей развития. На эти вызовы должны отвечать современные страны:

расширение традиционных блоков и союзов (НАТО, ЕС) и стремительное укрепление позиций новых объединений (БРИКС), что может свидетельствовать о начале нового витка противостояния великих держав или потребности отдельных субъектов стать частью новых империй. Вероятно,

²³ См.: Основин В.С. Советские государственно-правовые отношения. М., 1965.

²⁴ В данном случае имеется в виду Указ Президента РФ от 16.12.1993 № 2171 «Об Общеправовом классификаторе отраслей законодательства» (Код: 010.000.000 Основы конституционного строя) (см.: СЗ РФ. 1995. № 1, ст. 46).

²⁵ См.: Чиркин В.Е. Государствоуроведение как отрасль знания и учебная дисциплина. С. 14.

этот процесс может объясняться потребностью в безопасности, которую могут обеспечить лишь суверенные ядерные державы;

управляемая и направляемая «удушающая» миграция (например, согласно данным Международной организации по миграции, в 1970 г. общее количество международных мигрантов составляло не более 85 млн человек. К 2020 г. эта цифра увеличилась до 280 млн человек)²⁶;

информационная среда, переполненная недостоверной, лживой, искаженной информацией (согласно результатам проводимых в России исследований с фейками на различных платформах массовой информации и коммуникации сталкивались более 90% россиян²⁷). Все это сопровождается глобальным переписыванием истории, забвением или безудержным стиранием вклада русских в современное мироустройство, мирное сосуществование народов, сохранение и преумножение культуры даже самых малых народов и многое другое;

разрушение международного права и устоявшихся правовых институтов разрешения споров и конфликтов. Так, экстрадиция сменилась целенаправленными убийствами «врагов государства» в третьих странах, а реакция на подобные акты со стороны международных организаций крайне сдержанная (ООН) либо полностью отсутствует (Международный уголовный суд). Институт casus belli претерпел качественное изменение, трансформируется роль Красного Креста в вооруженных конфликтах, государства все чаще прибегают к практике заключения секретных договоров в международном общении;

тотальное разобщение человека, общества и властных структур: первые ориентируются исключительно на потребление, второе характеризуется утратой духовно-нравственных ценностей, моральных и религиозных ориентиров, третьи – максимальным дистанцированием и априорной погрешностью;

отсутствие общечеловеческой, глобальной цели (мечты), например такой, как освоение космоса, океанов или построения рая на земле. Использование устаревших идеологем и концепций. Так, мир продолжает восхищаться идеями Г. Гроция, забывая о русских инициативах Ф.Ф. Мартенса и Наркомата иностранных дел Союза ССР. Мы

²⁶ См.: Доклад о миграции в мире – 2022. URL: <https://roscongress.org/materials/doklad-o-migratsii-v-mire-2022/> (дата обращения: 20.10.2024).

²⁷ См.: Исследование: более 90% опрошенных россиян сталкивались с фейками. URL: <https://ria.ru/20231214/feyki-1915671398.html> (дата обращения: 20.10.2024). Исследование проходило на ресурсах медиаолдинга Rambler&Co с 30 ноября по 7 декабря 2023 г., охват составил 262 374 интернет-пользователя, среди которых 56% мужчин и 44% женщин.

сами продолжаем жить взглядами академика АН СССР М.Н. Покровского. Опираемся на парадигмы К. Клаузевица, повторенные В.И. Лениным;

изменение характера конфликтов: войны больше не ограничиваются традиционными сферами военных конфликтов – сушей, морем и воздухом; даже космосом и киберпространством. Новым полем битвы становится когнитивная сфера, а новым конфликтом станет более масштабная борьба за власть, соревнование за когнитивное превосходство.

В связи с изложенным необходимо отметить несколько важных моментов:

во-первых, государствоведение как область юридических знаний давно оказалось в положении отстаивания права на свою самостоятельность, так как схожей проблематикой занимаются политическая философия, политология, политическая социология и некоторые другие общественно-политические дисциплины, рассматривающие конституционализм через призму прагматичного социологического-политического подхода как процесс. Предметная и методологическая специфика далеко не всегда отчетливо просматривается, а междисциплинарные границы размываются в стремлениях нарастить определенные объемы количественно новых знаний. В результате дисциплинарный лексикон, например юриспруденции и политологии, часто перекликается, но сопровождается какими-то оттеночными пояснениями. Политология выполняет важную познавательную и практическую функцию. Однако она не может заменить собой полноценную теорию государства, государствоведение как юридическую дисциплину.

Современная политология присутствует в основном в англосаксонском исполнении, а ее объяснительные модели и принципы часто отсылают к работам американских политологов. Такой подход сам по себе не может служить образцом. Это просто определенный региональный ракурс, который может адекватно применяться как элемент сравнительного плана – для критики, дискуссии, извлечения опыта. Недостатки и уязвимости в юридической теории государства, в том числе отсутствие в ней аподиктической ясности²⁸, усиливаются при некритическом замещении их политологическими

²⁸ См., напр.: Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916. Он пишет: «Суждение естествоиспытателя в более тесном смысле этого слова аподиктично; естествоиспытатель говорит: так необходимо должно быть. Суждение историка ассерторно; он говорит: так есть или так было».

«Проблематическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание принимается только как возможное (по усмотрению). Ассерторическими называются суждения, в которых утверждение или отрицание рассматривается как действительное (истинное), а аподиктическими – те, в которых

знаниями, которые могут использоваться лишь как вспомогательный ресурс.

В итоге возникает новая проблема, суть которой в том, что проблематика государствоведения поглощается «неюридическим» конституционализмом, который даже по своей терминологической форме скорее напоминает область политической социологии или политологии. В России всегда были сильны традиции четкого дисциплинарного обособления, государствоведение рассматривается как фундаментальная юридическая дисциплина, которая стремится к сохранению государственно-правового словаря и соответствующих содержательных характеристик;

во-вторых, сегодня нужна другая концепция понимания государственного права, которая отчасти воспроизводит и обобщает наработки предшествующих подходов к нему. Государственное право не стремится к тому, чтобы заменить конституционное право с его комплексом предметных и методологических характеристик. Оно лишь фиксирует и комплексно разрабатывает проблематику роли и назначения государства, стремится сформировать уточненный и современный понятийный словарь государственно-правового профиля, не копирующий частноправовые понятия, политологические характеристики. В политико-правовой жизни регулярно появляются новые элементы и задачи, которые требуют специального внимания со стороны государственного права. В современном мире возрастающее значение приобретают доктринальные акты – стратегии, концепции, которые нередко становятся значительно более важным регулятором, чем традиционные правовые предписания и нормы. При этом сложившиеся представления об источниках права, отраслевой структуре правовой системы не позволяют исчерпывающим образом объяснить и учесть природу и характер соответствующих регуляторов. Для этого часто используются заменители в виде таких конструктов, как доктринальные акты, «мягкое право». Но это лишь симптоматичные ответы, которые не дотягивают до уровня концептуального анализа;

в-третьих, правовое развитие требует стабильности и определенности, но в этой области существуют пробелы системного характера. Одним из таких чувствительных вопросов может быть совершенствование природы и назначения федеральных конституционных законов. Они принимаются крайне редко, несмотря на то что призваны служить непосредственным системным регулятором

оно рассматривается как необходимое» (см.: Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998).

в решении фундаментальных вопросов²⁹. В советское время был накоплен значительный опыт использования такой конструкции, как Основы законодательства Союза ССР и союзных республик, целью которых было решение общезначимых системных вопросов правового регулирования. Этот опыт в значительной мере созвучен роли федеральных конституционных законов и может быть переосмыслен в современных реалиях, а лучшие его элементы могли бы стать серьезным подспорьем в разработке принципов и инструментов системного регулирования различных сфер жизни общества. Иначе в не поддающемся часто никакому разумному прогнозированию потоке законодательных решений, изменений и дополнений теряются важнейшие качества правового регулирования – стабильность и определенность.

В настоящее время особенно остро ощущается потребность в концептуальной формуле современного государственного права, которое принципиально ставит задачу активного участия в правовой жизни общества, а не просто обеспечивает некое стабильное правовое пространство. Существующая концепция носит на себе печать цивилистического мышления, которое не отвечает в полной мере роли и назначению государства в современном мире.

Все это подпитывается такими тенденциями мирового развития, как:

– усложнение общественных отношений, что диктует потребность в таких инструментах, как государственное регулирование;

– глобализация ряда проблем, требующих в своем разрешении усиления роли государственного воздействия;

– рост социальных и национальных конфликтов, преодолеть которые возможно лишь адекватным и влиятельным государственно-правовым инструментарием;

– противоборство социально-экономических систем в мировых масштабах в силу ограниченности земного пространства, израсходования ресурсов,

²⁹ Всего в России принято 174 федеральных конституционных закона, из них действующих – 153, утративших силу или отмененных – 21. Последний на данный момент Федеральный конституционный закон принят 23.03.2024 г.; первый – 21.07.1994 г. «О Конституционном Суде РФ». Сущность действующих федеральных конституционных законов: 1) внесение изменений в федеральный конституционный закон (127); 2) вопросы, указанные в Конституции РФ (26): судебная система, Конституционный Суд, Верховный Суд, Арбитражный Суд, суды общей юрисдикции, военные суды, Правительство, Уполномоченный по правам человека, референдум, флаг, гимн, герб, военное положение, чрезвычайное положение, референдум, срок полномочий Президента, полномочия Государственной Думы в отношении Правительства, порядок принятия новых субъектов Федерации, образование новых субъектов, принятие новых субъектов Российской Федерации.

близости народов и необходимости нахождения общих решений.

Названные и другие существенные аспекты формирования современного государствоведения и государственного права требуют глубоких научных исследований, особенно в области сравнительного государствоведения.

Как отметил В.Д. Зорькин, «новая реальность вызывает необходимость существенной корректировки правового регулирования. <...> В настоящее время при всем обилии программных документов и стратегий развития различных сфер экономической и общественной жизни нам явно не хватает ясного, целостного, стратегического в подлинном смысле этого слова, образа будущего, который мог бы объединить различные слои общества и стать основой общественного согласия»³⁰.

Это в полной мере можно отнести и к той модели государства, которая обязана отвечать на исторические вызовы. Все «институциональные» конституционные поправки 2020 г. нацелены на обеспечение слаженного действия органов публичной власти на федеральном, региональном и муниципальном уровнях, объединены идеей бесперебойного и эффективного функционирования публично-властных механизмов.

Необходимость переосмысления основ конституционного устройства страны всегда контекстно связана с существующей политико-правовой реальностью. Это влечет изменение структуры и механизмов функционирования политических, экономических и социальных институтов.

Проблемы устройства государства и государственной власти – одни из центральных для конституционного права, они являются «ядром» и «сердцем» конституционно-правовых исследований, что лишний раз подчеркивает необходимость самостоятельного исследования.

В мире уже нет сомнений, что государство – активный участник социальных и экономических процессов, протекающих в обществе, особенно в условиях современного «глобального шторма».

В текущих обстоятельствах требуется четкая регламентация механизма функционирования конституционной конструкции государственной власти, что может быть более успешно реализовано в рамках дисциплинарного фокуса государственного права. Важность данной проблемы вытекает из анализа текста Конституции РФ, которая значительное внимание уделяет аспектам власти, государства и государственных органов. В частности,

³⁰ Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 22.10.2024).

термин «власть» упоминается свыше 100 раз в тексте; вопросы полномочий федерации, ее субъектов, а также отдельных министерств и ведомств затрагиваются более 70 раз.

Полагаем, что в сферу государственного права должны также войти вопросы стратегического планирования в процессе целеполагания, прогнозирования, планирования и программирования социально-экономического развития Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, отраслей экономики и сфер государственного и муниципального управления, обеспечения национальной безопасности Российской Федерации, а также мониторинга и контроля реализации документов стратегического планирования.

Как отмечал выдающийся российский философ И.А. Ильин в работе «Основы государственного устройства», «русская государственная власть или будет сильной, или ее не будет вовсе»³¹.

Такой подход не умаляет значения конституционного права. Конституция России, по сути, представляет собой программу дальнейшего развития государства и общества. Каждое новое конституционное положение является либо ориентиром для этого развития, либо импульсом к нему.

В.Д. Зорькин справедливо и точно отметил: «Конституция постепенно становится одним из ключевых символов правовой идентичности нации, поэтому принято говорить о конституционной идентичности. Конституционная идентичность,

³¹ Ильин И.А. Основы государственного устройства. Правосознание как основа государства. Проблема сильной власти // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 7. С. 497, 498. Важной основой будущего государства философ считает правосознание. Авторитет государства силен только тогда, когда он принят гражданами, народом в порядке добровольного признания и содействия, уважения, доверия, добросовестного соблюдения законов. Будущее устройство России, по Ильину, должно удовлетворять следующим требованиям: руководителем (лидером) не должно быть непопулярное, иноземное, иноверное, бесчестное, безвольное лицо; формы государства должны будить доверие хотя бы новизною наименования; все органы должны быть признаны ответственными; ответственность неверховых органов должна быть убедительной и наглядной; культурная автономия национальных областей должна быть осуществлена на деле; принципу самоуправления должно быть уделено место всюду, особенно в сфере бытовой, культурной, религиозной и благотворительной; принцип законности должен проводиться неукоснительно; равенство перед законом должно нарушаться только в сторону явной справедливости; всякое подрывание авторитета власти должно караться быстро в уголовном порядке.

Для И.А. Ильина является аксиомой то, что власть есть «волевая сила». Слабую власть, не импонирующую народу, социально бессильную он считает «самообманом» и «обманом». Для России данная аксиома особенно важна в силу большого размера государства (территория и население), его сложного состава (нации, исповедания, социальные классы) и его грандиозных задач.

по сути, есть отражаемая в основах конституционного строя, в принципах и нормах Конституции духовная суть (этос) нации-государства, в социокультурном контексте общих закономерностей и специфических особенностей исторического развития страны. Концепция конституционной идентичности позволяет определять наиболее значимые положения Конституции и основанного на них национального правопорядка. Как таковая она служит сдерживающим фактором, правовой преградой на пути непредсказуемой активистской экспансии со стороны наднационального регулирования. В частности, концепция национальной конституционной идентичности призвана защитить положения, значимые для обеспечения общественного согласия»³².

Воплощение конституционных принципов и норм в практику всецело зависит, используя термины В.Е. Чиркина, от государственной публично-правовой власти – власти только государства, имеющей строгую иерархию.

* * *

Для современной России научные исследования В.Е. Чиркина являются частью отечественного правового наследия. Они позволяют отстоять суверенное цивилизационное пространство России, выстроить уникальную модель государственного устройства, преодолеть исторические вызовы, с которыми мы столкнулись.

Гражданская позиция Вениамина Евгеньевича, отражающая высочайший уровень ответственности за сохранение сильной государственности, делает ему честь как гражданину нашей великой страны. А такие человеческие качества, как интеллигентность, трудолюбие, упорство в достижении цели, оставаясь в его близких, учениках, коллегах, навсегда позволят сохранить память о нем как о великом ученом, гражданине и человеке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андреевский И.Е. Русское государственное право. СПб.; М., 1866. Т. 1.
2. Блюнчили И.К. Общее государственное право. М., 1865.
3. Гессен В.М. Очерки истории науки государственного права // Известия Санкт-Петербургского политехнического ин-та. 1911. Т. 16. С. 181–218.
4. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. М., 1883.
5. Зорькин В.Д. Под знаком обновленной Конституции. URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (дата обращения: 22.10.2024).

³² Зорькин В.Д. Указ. соч.

6. Ивановский В.В. Учебник государственного права. Ка-
зань, 1913.
7. Ильин И.А. Основы государственного устройства. Пра-
восознание как основа государства. Проблема сильной
власти // Ильин И.А. Собр. соч.: в 10 т. М., 1998. Т. 7.
С. 497, 498.
8. Кант И. Критика чистого разума. Минск, 1998.
9. Кистяковский Б.А. Государственное право (общее
и русское): лекции, читанные в Московском ком-
мерческом Институте в 1908–1909 гг. // Кистяков-
ский Б.А. Избранное: в 2 ч. М., 2010. Ч. 2.
10. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки
по методологии социальных наук и общей теории пра-
ва. М., 1916.
11. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. М.,
1908.
12. Конституционное право социалистических стран: сб.
ст. / под ред. В.Ф. Котока и Н.П. Фарберова. М., 1963.
С. 51.
13. Конституция в XX веке: сравнительно-правовое иссле-
дование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011.
14. Коркунов Н.М. Русское государственное право. СПб.,
1892–1893. Т. 1, 2.
15. Корф С.А. Русское государственное право. М., 1915.
16. Коток В.Ф. СССР – общеноародное социалистическое
государство трудащихся. М., 1973.
17. Кутафин О.Е. Предмет конституционного права.
М., 2001. С. 9, 308.
18. Лазаревский Н.И. Лекции по русскому государствен-
ному праву. Т. 1. Конституционное право. СПб., 1908;
Т. 2. Административное право. Ч. 1. Органы управле-
ния. СПб., 1910.
19. Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права.
СПб., 1911.
20. Основин В.С. Советские государственно-правовые от-
ношения. М., 1965.
21. Пашуканис Е.Б. Избр. произв. по общей теории права
и государства. М., 1980. С. 102.
22. Равин С.М. Основные особенности советского государ-
ственного права // Правоведение. 1961. № 1. С. 47.
23. Савенков А.Н., Чиркин В.Е. Конституционные осно-
вы социального и территориального единства и диф-
ференциации публичной власти. О новом прочтении
и 25-летнем опыте осуществления некоторых положе-
ний Конституции РФ 1993 г. // Государство и право.
2018. № 12. С. 18–29.
24. Советское государственное право: учеб. для юрид.
ин-тов / под общ. ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.
25. Советское конституционное право / под ред. С.И. Ру-
синовой и В.А. Рянижина. Л., 1975.
26. Трайнин И.П. Государство и коммунизм. М., 1940.
27. Трайнин И.П. О содержании и системе государственно-
го права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 44.
28. Хабриева Т.Я. Современные подходы к классификации
юридических лиц // Журнал росс. права. 2014. № 10.
С. 5–16.
29. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной кон-
ституции. М., 2005.
30. Черкасов А.И. 95-летие Вениамина Евгеньевича Чирки-
на // Государство и право. 2019. № 4. С. 14.
31. Чиркин В.Е. Государствоведение как отрасль знания
и учебная дисциплина // Государство и право. 2008.
№ 4. С. 13–20.
32. Чиркин В.Е. Государствоведение: учеб. для вузов.
М., 1999.
33. Чиркин В.Е. О публичной власти (постановка пробле-
мы) // Государство и право. 2003. № 10. С. 8–15.
34. Чиркин В.Е. Основы сравнительного государствоведе-
ния. М., 1997.
35. Чиркин В.Е. Право США в период империализма –
орудие расового и национального угнетения: дис. ...
канд. юрид. наук. М., 1955.
36. Чиркин В.Е. Современные модели публичной вла-
сти // Труды ИГП РАН. 2013. № 3. С. 42–63.
37. Чиркин В.Е. Сравнительное государствоведение: учеб.
пособие. М., 2011.
38. Чиркин В.Е. Сравнительное государствоведение: учеб.
пособие. М., 2024.
39. Чиркин В.Е. Формы государства, переходного к социа-
листическому типу: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук.
Л., 1964.
40. Чиркин В.Е. Элементы сравнительного государствове-
дения. М., 1994.
41. Шалланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев,
1908.

REFERENCES

1. Andreevsky I.E. Russian State Law. St. Petersburg; M., 1866. Vol. 1 (in Russ.).
2. Blyunchli I.K. General State Law. M., 1865 (in Russ.).
3. Gessen V.M. Essays on the history of the science of state
law // Proceedings of the St. Petersburg Polytechnic
Institute. 1911. Vol. 16. Pp. 181–218 (in Russ.).
4. Gradovsky A.D. The beginnings of Russian State Law.
M., 1883 (in Russ.).
5. Zorkin V.D. Under the sign of the updated Constitution.
URL: <https://ksrf.ru/ru/News/Speech/Pages/ViewItem.aspx?ParamId=96> (accessed: 22.10.2024) (in Russ.).
6. Ivanovsky V.V. Textbook of State Law. Kazan, 1913 (in Russ.).
7. Ilyin I.A. Fundamentals of the state structure. Legal
awareness as the basis of the state. The problem of strong
government // Collected works: in 10 vols. M., 1998. Vol. 7
(in Russ.).
8. Kant I. Criticism of pure reason. Minsk, 1998 (in Russ.).
9. Kistyakovskiy B.A. State Law (General and Russian): lectures
delivered at the Moscow Commercial Institute in 1908–1909 //
Kistyakovskiy B.A. Selected essays: in 2 parts. M., 2010. Part 2
(in Russ.).
10. Kistyakovskiy B.A. Social sciences and law: essays on the
methodology of social sciences and the General theory of
law. M., 1916 (in Russ.).

11. *Kokoshkin F.F.* Russian State Law. M., 1908 (in Russ.).
12. Constitutional Law of socialist countries: collection of articles / ed. by V.F. Kotok and N.P. Farberov. M., 1963. P. 51 (in Russ.).
13. The Constitution in the XX century: a comparative legal study / ed. V.E. Chirkin. M., 2011 (in Russ.).
14. *Korkunov N.M.* Russian State Law. St. Petersburg, 1892–1893. Vol. 1, 2 (in Russ.).
15. *Korf S.A.* Russian State Law. M., 1915 (in Russ.).
16. *Kotok V.F.* USSR – the national socialist state of workers. M., 1973 (in Russ.).
17. *Kutafin O.E.* The subject of Constitutional Law. M., 2001. Pp. 9, 308 (in Russ.).
18. *Lazarevsky N.I.* Lectures on Russian State Law. Vol. 1. Constitutional Law. St. Petersburg, 1908; Vol. 2. Administrative Law. Part 1. Governing bodies. St. Petersburg, 1910 (in Russ.).
19. *Nolde B.E.* Essays on Russian State Law. St. Petersburg, 1911 (in Russ.).
20. *Osnovin V.S.* Soviet state-legal relations. M., 1965 (in Russ.).
21. *Pashukanis E.B.* Selected works on the General theory of law and the state. M., 1980. P. 102 (in Russ.).
22. *Ravin S.M.* The main features of Soviet State Law // Jurisprudence. 1961. No. 1. P. 47 (in Russ.).
23. *Savenkov A.N., Chirkin V.E.* Constitutional foundations of social and territorial unity and differentiation of public power. On a new reading and 25 years of experience in the implementation of certain provisions of the Constitution of the Russian Federation in 1993 // State and Law. 2018. No. 12. Pp. 18–29 (in Russ.).
24. Soviet State Law: textbook for law institutes / under the general ed. of A. Ya. Vyshinsky. M., 1938 (in Russ.).
25. Soviet Constitutional Law / ed. by S. I. Rusinova and V.A. Ryzantsev. L., 1975 (in Russ.).
26. *Trainin I.P.* The state and communism. M., 1940 (in Russ.).
27. *Trainin I.P.* On the content and system of state law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. P. 44 (in Russ.).
28. *Khabrieva T.Ya.* Modern approaches to the classification of legal entities // Journal of Russian law. 2014. No. 10. Pp. 5–16 (in Russ.).
29. *Khabrieva T.Ya., Chirkin V.E.* Theory of the modern constitution. M., 2005 (in Russ.).
30. *Cherkasov A.I.* 95th anniversary of Veniamin Evgenievich Chirkin // State and Law. 2019. No. 4. P. 14 (in Russ.).
31. *Chirkin V.E.* State studies as a branch of knowledge and academic discipline // State and Law. 2008. No. 4. Pp. 13–20 (in Russ.).
32. *Chirkin V.E.* State studies: textbook for universities. M., 1999 (in Russ.).
33. *Chirkin V.E.* On public power (problem statement) // State and Law. 2003. No. 10. Pp. 8–15 (in Russ.).
34. *Chirkin V.E.* Fundamentals of comparative Statecraft. M., 1997 (in Russ.).
35. *Chirkin V.E.* The law of the USA in the period of imperialism – an instrument of racial and national oppression: dis. ... PhD in Law. M., 1955 (in Russ.).
36. *Chirkin V.E.* Modern models of public power // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. 2013. No. 3. Pp. 42–63 (in Russ.).
37. *Chirkin V.E.* Comparative Statecraft: textbook. M., 2011 (in Russ.).
38. *Chirkin V.E.* Comparative Statecraft: textbook. M., 2024 (in Russ.).
39. *Chirkin V.E.* Forms of the state transitioning to the socialist type: abstract ... Doctor of Law. L., 1964 (in Russ.).
40. *Chirkin V.E.* Elements of comparative statecraft. M., 1994 (in Russ.).
41. *Shallard L.A.* Russian State Law. Yuriev, 1908 (in Russ.).

Сведения об авторе

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 343.1

С.А. ГОЛУНСКИЙ: ЮРИСТ, УЧЕНЫЙ, ДИПЛОМАТ

© 2024 г. А. Н. Савенков*, С. Б. Россинский**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: an61s@yandex.ru
**E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Поступила в редакцию 24.09.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена жизни, творчеству и научному наследию известного советского ученого-правоведа и дипломатического работника, члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича Голунского (1895–1962).

Рассматриваются основные этапы профессионального пути ученого: от обучения в гимназии и Московском университете до вершин государственной и научной карьеры. Анализируются наиболее существенные публикации автора. Некоторые высказанные С.А. Голунским позиции оцениваются с точки зрения востребованности для развития современной уголовно-процессуальной доктрины, современного законодательства и правоприменительной практики.

При подготовке статьи использовались материалы личного дела С.А. Голунского и другие документы из архива Института государства и права Российской академии наук.

Ключевые слова: военная юстиция, Институт государства и права Российской академии наук, криминалистика, обвинение, предание суду, привлечение в качестве обвиняемого, Сергей Александрович Голунский, социалистическая законность, уголовный процесс.

Цитирование: Савенков А.Н., Россинский С.Б. С.А. Голунский: юрист, ученый, дипломат // Государство и право. 2024. № 10. С. 23–37.

DOI: 10.31857/S1026945224100031

S.A. GOLUNSKY: LAWYER, SCIENTIST, DIPLOMAT

© 2024 A. N. Savenkov*, S. B. Rossinskiy**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: an61s@yandex.ru

**E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Received 24.09.2024

Abstract. The article is dedicated to the life, work and scientific heritage of the famous Soviet scientist, lawyer and diplomat, Corresponding Member of the USSR Academy of Sciences, Doctor of Law, Professor Sergey Alexandrovich Golunsky (1895–1962).

The main stages of the scientist's professional path are considered: from studying at a gymnasium and Moscow university to the heights of government and scientific careers. The most significant publications of the author are analyzed. Some positions expressed by S.A. Golunsky are assessed from the point of view of relevance for the development of modern criminal procedural doctrine, modern legislation and law enforcement practice. When preparing the article, materials from S.A. Golunsky personal file were used and other documents from the archives of the Institute of State and Law of the Russian Academy of the Russian Academy of Sciences.

Key words: military justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, forensic science, prosecution, bringing to trial, bringing to trial as an accused, Sergey A. Golunsky, socialist legality, criminal procedure.

For citation: Savenkov, A.N., Rossinskiy, S.B. (2024). S.A. Golunsky: lawyer, scientist, diplomat // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 23–37.

В 2025 г. исполняется 130 лет со дня рождения известного советского ученого-правоведа, дипломата, государственного деятеля, талантливого организатора и педагога, члена-корреспондента Академии наук СССР, доктора юридических наук, профессора Сергея Александровича Голунского (1895–1962). Всю свою жизнь он посвятил честному и преданному служению Родине, народу, законности и юридической науке. А его сложный, тернистый, извилистый и насыщенный событиями путь – достойный пример упорства, трудолюбия, силы духа, неиссякаемого стремления идти вперед и добиваться поставленных целей, несмотря ни на какие неудачи.

Сергей Александрович Голунский родился в Москве 21 июня (4 июля) 1895 г. Его отец в течение многих лет работал земским врачом Новгородской губернии; мать, дворянка по происхождению, унаследовав после смерти первого супруга – помещика Ельчанинова – свыше 500 га земельных угодий, занималась домашним хозяйством.

В 1913 г. С.А. Голунский успешно окончил 9-ю московскую гимназию, где получил прекрасное образование. В частности, он обладал обширными знаниями в области философии, истории, других гуманитарных наук, свободно владел английским и французским языками, читал и мог достаточно сносно изъясняться на немецком языке. Еще обучаясь в старших классах, стал проявлять интерес к насущным на тот момент проблемам российского общества и государственного устройства, механизмам работы органов власти и уголовной юстиции. Именно тогда и возникла предопределившая всю его дальнейшую судьбу идея – связать жизнь с юриспруденцией, посвятить себя служению закону, внести посильную лепту в развитие и должное функционирование правовой системы государства.

В этой связи сразу по окончании гимназии С.А. Голунский подал документы и поступил учиться на юридический факультет Московского университета. А летом 1917 г., успешно сдав экзамены и защитив выпускную квалификационную работу, был удостоен долгожданного диплома первой степени о получении высшего юридического образования.

Находясь в стенах университета, Сергей Александрович проявил склонность к научной работе, показал способности к проведению доктринальных изысканий, в первую очередь связанных

с проблемами правосудия в целом и уголовного судопроизводства в частности. А руководство и ведущие профессора факультета разглядели в активном студенте подающего надежды исследователя. Поэтому после получения диплома о высшем образовании он был оставлен в университете для подготовки к профессорскому званию (в современном понимании – в аспирантуре). Дальнейшая судьба виделась молодому ученому более чем ясной и предсказуемой: написание и защита диссертации, работа в университете, новые научные достижения...

Однако осуществить задуманное, реализовать намеченные планы так и не удалось: помешала революция. Ввиду нехватки средств к существованию пришлось сократить количество «аспирантских» дел, существенно ограничить время пребывания в университете и устраиваться на работу.

Вначале С.А. Голунский работал помощником заведующего юридическим отделом в Комитете Общества Красного Креста. А затем ему как перспективному, владеющему несколькими языками специалисту с университетским образованием посчастливилось устроиться в Народный комиссариат иностранных дел (НКИД). Проходя службу во внешнеполитическом ведомстве РСФСР, Сергей Александрович в течение двух месяцев принимал участие в деятельности советско-германской комиссии по обмену военнопленными, организованной в соответствии с Брест-Литовским мирным договором, исполнял обязанности юрисконсультов отдела Срединной Европы НКИД. В последующем перешел работать в Кодификационный отдел Управления делами Реввоенсовета.

Но дальнейшее пребывание в Москве оказалось невозможным. Вследствие голода, разрухи, разгула эпидемий у С.А. Голунского было диагностировано туберкулезное заболевание легких; к осени 1919 г. болезнь стала прогрессировать – для выздоровления врачи настоятельно рекомендовали ему уехать из большого города в сельскую местность. В этой связи он был вынужден, оставив службу в центральных органах государственной власти, перебраться в провинцию, в город Осташков Тверской губернии. Одновременно пришлось отказаться от намерений завершить «аспирантскую» подготовку и прекратить свое пребывание в Московском университете.

В течение следующих нескольких месяцев С.А. Голунский трудился помощником начальника Осташковского районного отдела Управления уполномоченного Моссовета по заготовкам питания, а после проведенной реорганизации – помощником начальника Осташковских государственных рыбных промыслов Тверского губернского продовольственного комитета. А в феврале 1921 г.

опять-таки же по состоянию здоровья был вынужден перебраться в расположенный в Осташковском районе поселок Волговерховье и устроиться на работу делопроизводителем в местное лесничество.

Полностью оправиться от болезни и возвратиться «в профессию» удалось лишь в январе 1923 г. С этого времени С.А. Голунский стал служить в органах прокуратуры, получив первое назначение на малую родину отца – занял пост помощника прокурора Новгородской губернии.

Начало прокурорской деятельности выпало на сложный период формирования институтов вновь образованной социалистической государственности, в том числе раннесоветской системы правоохранительных органов. В этих непростых условиях энергичные, талантливые, склонные к усердию и проявляющие работоспособность молодые специалисты могли ввиду понятных причин рассчитывать на стремительный карьерный рост и быстрое продвижение по службе. По всей видимости, С.А. Голунский полностью оправдал проявленное к нему доверие и возложенные на него надежды, поскольку через несколько лет, в январе 1926 г., был переведен в Ростов-на-Дону, где получил место старшего помощника Северо-Кавказского краевого прокурора с одновременным возложением обязанностей руководителя отдела общего надзора.

Без отрыва от прокурорской практики он решил продолжить прерванную из-за болезни научную работу – устроился по совместительству научным сотрудником в Ростовский-на-Дону кабинет (отделение) Государственного института по изучению личности преступника и преступности при НКВД СССР¹. Начал понемногу писать и публиковаться, преимущественно уделяя внимание проблемам борьбы с преступностью в Северо-Кавказском крае². По целому ряду вопросов отстаивал собственную, далеко не всегда разделяемую коллегами точку зрения. Кроме того, прекрасно осознавая обусловленную многолетними национальными традициями взаимосвязь научно-исследовательской и педагогической

¹ Впоследствии Институт был передан в совместное ведение Верховного Суда СССР и прокуратуры СССР, а затем – Наркомюста. В этой связи он был преобразован в Институт уголовной политики, а в дальнейшем – во Всесоюзный институт юридических наук (ныне – Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ).

² См.: Голунский С.А. Преступность в Северо-Кавказском крае в 1925 г. // Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе: сб. Ростов н/Д., 1926. Вып. 1. С. 26–32; Его же. К характеристике крестьянских самосудов в Северо-Кавказском крае // Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе: сб. Ростов н/Д., 1927. Вып. 2. С. 33–44; Его же. Кризис бытовой преступности в Осетии // Кабинет социальной психоневрологии. Материалы для изучения Северной Осетии. Вып. 1. Преступность. Правонарушители. Ростов н/Д., 1929. С. 13–20.

деятельности, понимая невозможность проведения подлинно научных изысканий без тесного контакта со студенческой аудиторией, Сергей Александрович находил возможность преподавать уголовное право и уголовный процесс слушателям Краевых юридических курсов.

В апреле 1929 г. в жизни С.А. Голунского началась очередная «черная полоса» – ввиду «неправильности» социального происхождения он стал жертвой проводимой в тот период известной политики «чисток» служащих советского государственного аппарата и был снят с занимаемой прокурорской должности³. Правда, место совместителя в отделении Государственного института по изучению преступности НКВД сохранить все же удалось. В сложившихся обстоятельствах оставалось лишь вступить в Ростовскую-на-Дону коллегию защитников и заняться адвокатской практикой, одновременно продолжив научную и педагогическую деятельность.

Но неприятности на этом не закончились: тяжело заболела супруга – Тамара Ивановна, в связи с чем в очередной раз пришлось менять место жительства и уезжать из крупного города в местность с более чистым воздухом. Весной 1931 г. семья перебралась в Кабардино-Балкарию, в город Нальчик, где Сергей Александрович стал работать сотрудником отдела снабжения, а затем и юрисконсультом в Управлении строительства Баксанской ГРЭС.

Однако вскоре в его судьбе случился резкий поворот: в октябре 1932 г. представилась возможность по приглашению прокурора Кабардино-Балкарии возвратиться на службу в качестве консультанта автономно-областной прокуратуры. Именно с этого момента начался стремительный карьерный взлет. Буквально через месяц С.А. Голунского откомандировали в Москву для работы в сельскохозяйственном отделе Прокуратуры РСФСР, в феврале 1934 г. он стал помощником прокурора РСФСР по особым поручениям, в апреле 1936 г. был переведен в созданную при Прокуратуре РСФСР группу по методическому руководству следствием, а в декабре 1937 г. – назначен на ответственный пост в Прокуратуре СССР. В общей сложности, не считая вынужденного перерыва, Сергей Александрович посвятил работе в органах прокуратуры около 12 лет. За это время накопился бесценный практический опыт, впоследствии сыгравший огромную роль в его доктринальных изысканиях.

³ Примечательно, что председатель комиссии по чистке, принимавшей решение об отстранении С.А. Голунского от работы в прокуратуре, через несколько лет сам был признан «врагом народа» и репрессирован. Данное обстоятельство впоследствии расценивалось С.А. Голунским как некое торжество справедливости, как аргумент, свидетельствовавший о неправомерности и ошибочности его увольнения с прокурорской службы – об этом он специально указывал во всех автобиографических документах.

К тому же в связи с переездом в Москву появилась возможность возвратиться к научно-педагогической деятельности. С января 1934 г. С.А. Голунский стал проводить занятия по уголовному процессу и криминалистике со студентами Московского правового института (в дальнейшем – Московского юридического института им. П.И. Стучки), а с сентября 1935 г. – принимать участие в подготовке руководящих работников суда, прокуратуры и органов государственного арбитража на базе существовавшей в то время Всесоюзной правовой академии. Тогда же, в марте 1934 г., он был утвержден в ученом звании доцента. С апреля 1935 г. С.А. Голунский вновь начал сочетать прокурорскую практику с работой в качестве старшего научного сотрудника Института уголовной политики (в дальнейшем – Всесоюзного института юридических наук), а с января 1938 г. стал по совместительству трудиться в Институте права АН СССР.

Этот период ознаменовался подготовкой научных статей и методических работ, посвященных досудебному производству по уголовному делу, криминалистическому обеспечению органов предварительного расследования. В частности, в 1934 г. вышла в свет написанная в соавторстве с Г.К. Рогинским книга «Техника и методика расследования преступлений»⁴; в 1937 г. был опубликован очерк «О вероятности и достоверности в уголовном суде»⁵, в 1938 г. – фундаментальная статья «К вопросу о реформе предварительного расследования»⁶ и пособие «Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности»⁷, в 1939 г. – методическое пособие для прокуроров и следователей «Возбуждение уголовного дела»⁸ и практическое пособие для районных прокуроров «Методика подготовки и произнесения обвинительной речи на суде»⁹. В этот же период С.А. Голунский принимал участие в написании

⁴ Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений / под ред. М.С. Строговича. М., 1934.

⁵ Голунский С.А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. Кн. IV. С. 56–63.

⁶ Голунский С.А. К вопросу о реформе органов предварительного расследования // Проблемы соц. права. 1938. № 4. С. 10–25.

⁷ Голунский С.А. Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности. М., 1938.

⁸ Голунский С.А. Возбуждение уголовного дела: методическое пособие для прокуроров и следователей / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.

⁹ Голунский С.А. Методика подготовки и произнесения обвинительной речи на суде: практическое пособие для районных прокуроров / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.

ряда рассчитанных на студенческую аудиторию учебников и учебных пособий. Так, в соавторстве с Д.С. Каревым были подготовлены: учебник по судоустройству¹⁰, курс лекций по судоустройству¹¹ и несколько наглядных альбомов со схемами по истории суда, уголовного процесса и уголовной юстиции буржуазных государств¹². Кроме того, были написаны отдельные главы для учебников по криминалистической технике и тактике.

Однако наиболее востребованным оказалось подготовленное в соавторстве с Б.М. Шавером учебное пособие по криминалистической методике¹³ – одна из первых книг, предполагающих системное изложение типовых алгоритмов расследования отдельных видов преступлений. Совокупность подобных алгоритмов было предложено считать самостоятельной частью криминалистической науки, предопределенной обобщением опыта расследования однородных категорий уголовных дел и основанной на интеграции технико-криминалистических и (или) тактико-криминалистических рекомендаций по проведению различных процессуальных действий и решению прочих задач, возникающих в ходе дознания и предварительного следствия. А умелое использование сотрудниками правоохранительных органов общих положений криминалистической методики в целом, а также конкретных методических подходов к расследованию различных форм криминального поведения в частности напрямую связывалось с усилением режима социалистической законности, с эффективностью борьбы с преступностью, с продуктивностью и повышением качества как досудебного производства, так и последующего судебного разбирательства¹⁴. Одновременно отмечалось о невозможности существования неких шаблонных методов и способов расследования преступлений, что объяснялось индивидуальностью каждого противоправного деяния, его непременными отличиями от других, пусть даже схожих по характеру и юридической квалификации деяний. Вместе с тем этот нюанс никоим образом

¹⁰ См.: Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., 1939.

¹¹ См.: Голунский С.А., Карев Д.С. Лекции по судоустройству. М., 1939.

¹² См.: Голунский С.А., Карев Д.С. История суда и уголовного процесса: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938; Их же. Судоустройство и уголовный процесс современных буржуазных государств: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938; Их же. Судоустройство СССР: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.

¹³ См.: Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.

¹⁴ См.: там же. С. 3, 4.

не оценивался как исключающий возможность существования общих принципов криминалистической методики и типовых алгоритмов работы правоохранительных органов. Такие принципы и алгоритмы, наоборот, справедливо назывались научным фундаментом для определения стратегии и планирования расследования любого уголовного дела, для уяснения характера и содержания любых предполагаемых следственных действий, оперативно-розыскных и прочих мероприятий, а их разработка и совершенствование признавались важнейшими направлениями развития криминалистики. При этом особое значение придавалось осведомленности практических работников о типичных обстоятельствах подготовки, совершения, сокрытия различных преступлений. В связи с чем всякую частную методику предлагалось начинать с подробного описания данных обстоятельств (в современном понимании – с криминалистической характеристики соответствующего вида преступлений) и лишь затем формулировать прикладные рекомендации, адресованные сотрудникам органов дознания и предварительного следствия¹⁵.

В связи с существенным вкладом в развитие юридической науки и высокой публикационной активностью в октябре 1937 г. С.А. Голунский получил в Московском юридическом институте им. П.И. Стучки долгожданное научное признание – удостоился присуждения ученой степени кандидата государственных и правовых (юридических) наук без защиты диссертации (!) – заветная цель, к которой в силу различных причин пришлось идти в течение 20 долгих лет, наконец, была достигнута. А в июне следующего года Сергею Александровичу было присвоено ученое звание профессора.

Однако для получившего известность и состоявшегося ученого этого уже оказалось недостаточно. Вынашивались и постепенно реализовывались гораздо более серьезные и амбициозные замыслы, связанные с подготовкой докторской диссертации, контуры которой на тот момент представлялись более чем внятными, а перспективы успешной защиты виделись вполне реальными. К тому же в качестве предмета исследования была избрана достаточно актуальная, имеющая существенное значение для развития правовой доктрины, законодательства и правоприменительной практики проблематика – вопросы привлечения в качестве обвиняемого и предания суду в советском уголовном процессе.

В этой связи С.А. Голунский провел поражающее своим размахом научное исследование. Подробному рассмотрению подверглись все основные

¹⁵ См.: там же. С. 10–12.

типы и модели уголовно-обвинительных процедур начиная с глубокой древности. Были обстоятельно проанализированы и критически оценены механизмы привлечения к ответственности и предания суду, присущие античным странам, средневековым государствам Западной Европы, наиболее известным европейским монархиям периода абсолютизма, а также древнерусским княжествам, Московскому царству и раннему периоду Российской Империи. Еще более обстояльному изучению и осмыслению подверглись процедуры привлечения в качестве обвиняемого и предания суду,ственные различные буржуазным правопорядкам Нового и Новейшего времени – вплоть до режимов, возникших в Италии и Германии в связи с приходом к власти фашистских правительства. А самое пристальное внимание было уделено формам работы органов уголовной юстиции в дореволюционной России и пришедшим им на смену советским механизмам привлечения к уголовной ответственности и предания суду.

Для реализации столь масштабного научного проекта были умело задействованы все имевшиеся ресурсы. Пригодилось все: и приобретенный в гимназии кругозор, и владение иностранными языками, и полученные в университете обширные знания в области права, и выработанные умения работать с юридическими источниками, в том числе с большими массивами данных, и врожденные, а затем хорошо развитые навыки логического мышления, и возникшее в ходе прокурорской практики подлинное правопонимание, и другие полезные качества. Но более всего осуществлению намеченных планов поспособствовали упорство, трудолюбие, целеустремленность и здоровые научные амбиции.

Подготовленная в результате предпринятых усилий диссертация «Процессуальные условия и порядок привлечения к уголовной ответственности и предания суду» была успешно защищена в ноябре 1938 г. – Сергей Александрович удостоился присвоения искомой ученой степени доктора юридических наук.

А уже в январе 1939 г. за выдающиеся научные достижения С.А. Голунский заслужил высокое признание академического сообщества – был избран членом-корреспондентом Академии наук СССР. В это же самое время по предложению А.Я. Вышинского он решил всецело сосредоточиться на научной деятельности – в мае 1939 г. уволился из прокуратуры и перешел работать в Институт права АН СССР, где был назначен заведующим секцией истории государства и права. Одновременно стал по совместительству заведовать кафедрой судебного права во Всесоюзной правовой академии.

Однако уже в марте 1940 г. Сергей Александрович был мобилизован в Красную Армию и в звании военного юриста 1-го ранга направлен для прохождения службы в Военно-юридическую академию РККА в качестве начальника кафедры судебного права; в 1941 г. вступил в ВКП(б). Постоянную работу в Институте права АН СССР пришлось оставить и вновь трудиться по совместительству: вначале сотрудником секции судебного права, затем – заведующим военно-юридической секцией, а с марта 1941 г. – в секции международного права.

Беспокоившие С.А. Голунского в тот период проблемы по понятным причинам в основном были связаны с правовыми основами деятельности военно-уголовной юстиции, с организацией военно-следственных, военно-прокурорских и военно-судебных органов. А результаты его продуктивной работы нашли отражение в нескольких изданных в 1940–1941 гг. научных и учебно-методических публикациях, в частности в написанном в соавторстве с Д.С. Каревым учебнике «Военные суды и военная прокуратура»¹⁶, в статье «О предмете и системе военно-судебного права»¹⁷ и др.

В указанных работах последовательно отставался подход к пониманию советской военной юстиции в качестве одного из компонентов единой системы юстиции социалистического государства. Тогда как военно-судебное право соответственно признавалось одной из отраслей советского права. В частности, говорилось о неразумности введения каких-либо особых, существенно отличающихся от общего режима методов военно-правового регулирования, о неправильности внедрения специфических конструкций военно-правовых норм, а также о неприемлемости принятия и использования в правоприменительной практике свойственных буржуазным правопорядкам специальных военных кодексов. Напротив, утверждалось о необходимости подчинения деятельности военно-следственных, военно-прокурорских и военно-судебных органов единым для всей системы советской юстиции правовыми условиям: законности, публичности, устности, гласности, состязательности, уважения правил социалистического общежития, независимости и выборности судей. Одновременно обращалось внимание на использование в военно-правовой сфере традиционных юрисдикционных механизмов и процедур: предварительного расследования, прокурорского надзора, судебного разбирательства и т.д.

¹⁶ Голунский С.А., Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: учебник по специальной части курса судоустройства. М., 1940.

¹⁷ Голунский С.А. О предмете и системе военно-судебного права // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. 1940. Вып. 1. С. 14–23.

Вместе с тем отмечался ряд присущих работе органов военной юстиции СССР особенностей. В частности, констатировалась необходимость взаимосвязи и постоянного взаимодействия военной юстиции с командованием воинских частей и соединений. Говорилось также о несовпадении зональной компетенции соответствующих органов с административно-территориальным делением страны. Кроме того, назывались специфические задачи военно-судебного права в целом и военной юстиции в частности. К первостепенным из них, по мнению С.А. Голунского, относились: а) обеспечение режима законности в Вооруженных Силах СССР; б) борьба с воинской преступностью и другими формами криминального поведения военнослужащих, в том числе с хищениями социалистической собственности; в) противодействие прямым посягательствам на Советское государство¹⁸.

Однако только этим круг интересов С.А. Голунского не ограничивался. Он уделял внимание и другим вопросам. Например, в 1940 г. в соавторстве с М.С. Стrogовичем подготовил две учебно-методические работы по теории государства и права: «Конспект лекций по курсу теории государства и права»¹⁹ и первый (!) в СССР фундаментальный учебник «Теория государства и права»²⁰, рекомендованный Всесоюзным комитетом по делам высшей школы при Совнаркоме СССР для юридических вузов и факультетов.

Во время немецкого наступления на Москву С.А. Голунский совместно с другими преподавателями и слушателями Военно-юридической академии РККА был эвакуирован в Среднюю Азию, в Ашхабад. Но даже находясь в глубоком тылу и отдавая большие силы обучению востребованных для нужд фронта военных юристов, он находил возможность для продолжения научной работы. В начале 1942 г. С.А. Голунский на время вернулся из эвакуации, отправился с группой других специалистов на Калининский фронт, где в течение нескольких недель собирал эмпирические данные для своих исследований. Итоги этих усилий нашли отражение в ряде изданных в 1942 г. публикаций, в том числе в учебных пособиях²¹, а также в нескольких научных статьях.

¹⁸ См.: Голунский С.А. О предмете и системе военно-судебного права. С. 15–21.

¹⁹ Голунский С.А., Стrogович М.С. Конспект лекций по курсу теории государства и права. М., 1940.

²⁰ Голунский С.А., Стrogович М.С. Теория государства и права: учеб. М., 1940.

²¹ См.: Голунский С.А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942; Его же. Судебное заседание военного трибунала. Ашхабад, 1942; Его же. Приговор военного трибунала. Ашхабад, 1942.

В том же году им была опубликована научно-публицистическая брошюра «Теория насилия и убийств (о расовой теории германского фашизма)»²², в которой в доступной и понятной для широких слоев населения форме обосновывалась преступность и античеловечность гитлеровской диктатуры и германской экспансионной политики. При этом основной стержень немецко-фашистского режима С.А. Голунский справедливо усматривал в расовой теории, сущность которой раскрывал посредством нескольких базовых тезисов. В частности, он говорил о намерениях фашистов разделить все человечество на неизменные расы, обладающие стойкими, не поддающимися никакому внешнему воздействию и передаваемыми генетическим путем, т.е. как бы по наследству, физическими и психическими признаками. Кроме того, ученый писал о желании гитлеровцев видеть в одной из существующих рас – в арийской расе – наиболее способную, сильнее всего предрасположенную к доминированию, «призванную самой природой к господству» укрупненную социальную группу, а ее элитой считать т.н. нордическую (северную) ветвь, лучше всего сохранившуюся в Германии. Автор также утверждал о свойственном фашистской доктрине подходе, формально провозглашающем гипотетическое расовое равенство всех этнических немцев, а фактически предполагающем признание чистокровными образчиками нордической ветви лишь представителей господствующих классов: помещиков (юнкеров) и высшей фашизированной буржуазии. И наконец, ученый справедливо обращал внимание на фашистские стремления к недопустимому обесцениванию прочих рас, к объявлению ряда «неправильных» наций отбросами общества, немногим отличающимися от животных, в том числе к физическому истреблению некоторых народов. Одновременно автор выражал уверенность в скорой победе советского народа в справедливой войне против немецко-фашистских захватчиков и неизбежном падении «омерзительного по своему цинизму и человеконенавистничеству» гитлеровского режима²³.

В июне 1943 г. в судьбе С.А. Голунского случился еще один резкий поворот: он был приглашен работать экспертом-консультантом в НКИД СССР, т.е. возвратился в ту сферу государственной службы, в которой 25 лет назад дебютировал как молодой специалист. В этой связи вновь начались ответственные поручения, сопровождение сложных дипломатических встреч и переговоров, связанных с уже прогнозируемым исходом войны и резким усилением позиций СССР на международной

²² Голунский С.А. Теория насилия и убийств (о расовой теории германского фашизма). Ашхабад, 1942.

²³ См.: там же. С. 2, 3, 24.

арене. С.А. Голунский принимал участие в составе советских делегаций на Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской, а также Думбартон-Окской, Сан-Францисской конференциях, входил в группу разработчиков Устава ООН, был задействован в ряде иных крупных международных и дипломатических проектов.

Вскоре произошел очередной карьерный взлет. В августе 1945 г. С.А. Голунский вполне ожидаемо занял должность начальника договорно-правового управления НКИД СССР (с марта 1946 г. – МИД СССР) с присвоением статуса чрезвычайного и полномочного посла – высшего звания в дипломатической «табели о рангах» Советского Союза; одновременно был введен в состав коллегии НКИД СССР. В 1952–1953 гг. являлся членом Международного Суда ООН. В 1946 г. по совместительству стал профессором, а через некоторое время – заведующим кафедрой права Академии общественных наук при ЦК КПСС.

Ввиду исключительного профессионализма, свободного владения иностранными языками, большого опыта прокурорской и дипломатической работы, понимания тонкостей и особенностей военной юстиции²⁴ весной 1946 г. С.А. Голунскому было дано особо ответственное государственное задание – поручено возглавить советскую делегацию, направляемую для участия в Международном военном трибунале для Дальнего Востока (т.н. Токийском процессе), проводимом в отношении ряда японских военных преступников, и одновременно стать главным обвинителем от СССР.

Произнося свою вступительную речь, С.А. Голунский подробно и обстоятельно проанализировал всю историю развития японского милитаризма и нарушающей базовые принципы международного права агрессивной политики японских властей, начиная с вероломного нападения на русскую эскадру в Порт-Артуре в 1904 г. При этом он, перечислив наблюдавшиеся за несколько истекших десятилетий различные формы и методы антироссийской и антисоветской агрессии, обратил особое внимание на устойчивость и неизменность основной цели захватчиков – так или иначе, тем или иным способом аннексировать как можно больше территорий и нанести максимально возможный ущерб государству²⁵.

Полностью завершить процесс не представилось возможности: после окончания советской фазы обвинения в октябре 1946 г. С.А. Голунский был отозван в Москву для участия в иных

²⁴ См.: Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов / предисл. А.Н. Николаева. М., 1985. С. 3.

²⁵ См.: там же. С. 101.

ответственных мероприятиях. Его заместил другой опытный юрист – прокурор города Москвы, государственный советник юстиции 2-го класса, в последующем известный профессор-криминалист А.Н. Васильев.

Но предпринятые усилия оказались далеко не напрасными. Как известно, в результате продуманных, четко спланированных, последовательных и слаженных действий С.А. Голунского, А.Н. Васильева и членов возглавляемой ими группы советских обвинителей, в том числе полковника С.Я. Розенблита, полковника А.И. Иванова, К.Н. Багиняна, Н.Ф. Куделина, В.С. Тадевосяна, Л.Н. Смирнова, П.Д. Морозова²⁶, удалось представить целый ряд доказательств и сформулировать стройную систему аргументов, позволивших, не выходя за рамки общеизвестных на тот момент постулатов судебного права и канонов правосудия, убедить членов Трибунала в необходимости привлечения обвиняемых к самой строгой ответственности за совершенные военные преступления.

Служба во внешнеполитическом ведомстве, работа в Академии общественных наук при ЦК КПСС, постоянное сотрудничество с секцией международного права Института права АН СССР не могли не отразиться на предмете проводимых С.А. Голунским научных изысканий. По понятным причинам в тот период его более всего интересовали проблемы международного права в целом и международной уголовной юстиции в частности. Кроме того, автор хотел поделиться с читателями своими оценками хода и результатов Токийского процесса. Результаты этих исследований нашли отражение в ряде публикаций: в аналитической статье «Суд над японскими преступниками»²⁷, в изданных в виде отдельной брошюры тезисах публичной лекции автора «Суд над главными японскими военными преступниками»²⁸, в брошюре «Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас»²⁹ и др. Кроме того, он осуществил научное редактирование двух переведенных на русский язык книг известного западноевропейского правоведа Л. Оппенгейма: «Международное право. Споры. Война» и «Международное право. Война. Нейтралитет». Вместе с тем С.А. Голунский продолжил уделять внимание и общим вопросам судоустройства: подготовил в соавторстве с Д.С. Каревым учебник, рекомендованный

²⁶ См.: там же. С. 42, 43.

²⁷ Голунский С.А. Суд над японскими преступниками // Новое время. 1947. № 18. С. 6–11.

²⁸ Голунский С.А. Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947.

²⁹ Голунский С.А. Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас. М., 1947.

Министром СССР для юридических школ³⁰, принял участие в написании учебника по судоустройству, опубликованного на эстонском языке, подготовил обзорную статью об уголовном процессе для Большой Советской Энциклопедии и т.д.

В апреле 1952 г. в связи с ухудшением состояния здоровья С.А. Голунскому пришлось оставить работу в Министерстве иностранных дел и в очередной раз полностью сосредоточиться на научно-педагогической работе. Он продолжил работать в Академии общественных наук при ЦК КПСС, затем вернулся в Московский юридический институт им. П.И. Стучки, после ликвидации которого летом 1954 г. стал профессором, а вскоре и заведующим кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова – круг замкнулся: спустя 35 лет Сергей Александрович вновь оказался в стенах своей *alma mater*.

Однако на этом зигзаги судьбы не закончились. Уже в сентябре 1954 г. ему поступило предложение Генерального прокурора СССР Р.А. Руденко вновь занять высокий и ответственный пост – возглавить Всесоюзный научно-исследовательский институт криминалистики Прокуратуры СССР. Пришлось соглашаться и пробовать себя в новом качестве – администратора и координатора всех исследований прокурорской направленности. Опять потребовались все доступные ресурсы: и обширные знания в области права, и склонность к научной деятельности, и имеющиеся управленческие навыки, и наработанные связи, и опыт прокурорской практики, и приобретенный в ходе работы в МИДе политический кругозор, и другие полезные качества.

Правда, отнимавшие много времени административные обязанности вовсе не заставили С.А. Голунского отказаться от работы в Университете и продолжения собственных научных изысканий. В этот период его особо стали волновать проблемы теории уголовно-процессуального доказывания и доказательственного права. Итоги данной работы были воплощены в нескольких публикациях, в частности в статье «Об оценке доказательств в советском уголовном процессе»³¹ и др. Вместе с тем он успевал уделять внимание и другим вопросам³².

С.А. Голунский успешно возглавлял Институт криминалистики Прокуратуры СССР вплоть

³⁰ См.: Голунский С.А., Карев Д.С. Судоустройство СССР: учеб. для юрид. школ. М., 1946.

³¹ Голунский С.А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1955. № 7. С. 70–79.

³² Например, написал для коллективного учебника по уголовному процессу главу, посвященную общей характеристику буржуазного судопроизводства (см.: Голунский С.А. Общая характеристика буржуазного уголовного процесса // Советский уголовный процесс: учеб. / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 13–26).

до декабря 1958 г., когда в силу преклонного возраста и плохого самочувствия, наконец, оставил высокий пост и уже окончательно сосредоточился на научной и педагогической деятельности. Он продолжил по совместительству заведовать кафедрой криминалистики юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (позднее перешел на должность профессора). А основным местом его работы с этого времени вновь стал Институт права АН СССР (в дальнейшем – Институт государства и права АН СССР им. А.Я. Вышинского). С.А. Голунскому был сразу вверен сектор теории государства и права, а в апреле 1962 г. – сектор общих проблем социалистического государства и права, которым он руководил на протяжении следующих нескольких месяцев вплоть до последних дней своей жизни...

С.А. Голунский внес значительный вклад в развитие советской юридической доктрины, законодательства и правоприменительной практики. В общей сложности он опубликовал более ста научных работ, оказавших и продолжающих оказывать огромное влияние на специалистов в области общей теории государства и права, судоустройства, уголовного судопроизводства и криминалистики, международного права и других юридических наук; некоторые его работы были переведены на иностранные языки. В последние годы им были разработаны новые и для своего времени весьма оригинальные подходы к пониманию права, правовых норм, правового регулирования, предполагающие некоторое переосмысление целей и задач правоприменительной практики и правомерности поведения³³.

Большую часть его творческого наследия составляют учебно-методические публикации, в том числе множество авторских либо написанных в соавторстве учебников, учебных и учебно-методических пособий, адресованных различным категориям обучающихся: студентам, практическим работникам и пр. В частности, благодаря его усилиям возник известный дидактический подход к преподаванию криминалистики, предполагающий разделение всего учебного курса на три самостоятельные, но при этом взаимосвязанные, взаимообусловленные и гармонично дополняющие друг друга части: криминалистическую технику, криминалистическую тактику и методику расследования отдельных видов преступлений – именно такая структура материала была предложена в известном учебнике криминалистики, написанном под его редакцией коллективом кафедры

³³ См.: Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Сов. государство и право. 1962. № 4. С. 21–33; Его же. Основные направления развития общеноародного права // Сов. государство и право. 1962. № 11. С. 8–19.

криминалистики юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова³⁴.

Наряду с этим С.А. Голунский был талантливым публицистом, излагал свои мысли в понятной для широких масс литературной форме³⁵.

С.А. Голунский на протяжении ряда лет являлся главным редактором журнала «Советское государство и право» (ныне – «Государство и право» РАН); входил в редакционные коллегии журналов «Социалистическая законность», «Вестник Московского университета. Серия: общественные науки», других периодических изданий.

Он постоянно выступал с открытыми лекциями и научными докладами в ведущих советских вузах и научных учреждениях. Его выступления всегда отличались содержательностью, яркостью и харизматичностью, вызывали живой интерес, обычно завершались множеством вопросов, сопровождались бурными и продолжительными аплодисментами. Кроме того, С.А. Голунский неоднократно представлял советскую науку и культуру, а также пропагандировал советское право за рубежом – направлялся в заграничные командировки по линии Академии наук СССР и Всесоюзного общества культурных связей с зарубежными странами (ВОКС), в том числе читал лекции в Англии, Чехословакии, Уругвае, других государствах. Имел обширные профессиональные контакты с зарубежными коллегами.

Будучи известным ученым-правоведом, много времени посвящал консультационной и общественной деятельности, в том числе начиная с 1925 г. периодически входил в состав выборных советских и партийных органов. На протяжении длительного времени являлся членом Научно-методического совета при Генеральном прокуроре СССР, принимал активное участие в работе других консультативных органов. В конце 50-х годов был включен в комиссию по праву, созданную для подготовки известной реформы уголовно-процессуального законодательства и разработки Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

За многолетний труд, достижения на поприще государственной службы, успехи в научно-исследовательской, педагогической и других видах деятельности, развитие и пропаганду советского права С.А. Голунский был удостоен двух орденов

³⁴ См.: Криминалистика: учеб. / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1959. С. 11.

³⁵ В частности, в соавторстве с М.М. Брагинским были написаны брошюры (см.: Брагинский М.М., Голунский С.А. Хлебопоставки и революционная законность / под общ. ред. Г.К. Рогинского. М., 1933; Их же. Что надо знать сельскому активисту о законах по весеннему севу. М., 1934).

Трудового Красного Знамени, ордена Отечественной войны первой степени, ряда медалей и других наград.

* * *

Начало полноценной научной деятельности С.А. Голунского выпало на 30-е годы, т.е. совпало с периодом доктринального осмысливания проводившихся в предшествующие годы преобразований правовой системы, в том числе уголовной юстиции, а также временем формирования представлений о перспективах дальнейших правотворческих и прочих шагов в данном направлении, определения их существа, характера, надобности, срочности и т.д. Иными словами, в эти годы стала активно развиваться советская правовая, в том числе уголовно-процессуальная, теория, возникли первые споры и дискуссии по наиболее важным и болезненным вопросам социалистического права. Одновременно появились запросы на подготовку качественной и доступной для должного понимания учебно-методической литературы.

Причем довериться в решении подобных задач исключительно специалистам с «дореволюционным прошлым», т.е. перешедшим на службу в советские учреждения представителям старой школы, не представлялось возможным. Многие из них были просто неспособны отказаться от прежних взглядов и проникнуться новыми, предопределенными постулатами марксизма-ленинизма и принципами советской власти, подходами к пониманию права в целом, а также к сущности и содержанию отдельных направлений юридической деятельности в частности. Юридической науке понадобились свежие силы, в том числе стала ощущаться потребность в притоке молодых и амбициозных специалистов, готовых по-новому взглянуть на насущные проблемы уголовной юстиции. В этих условиях научные стремления и еще нереализованные планы С.А. Голунского оказались как нельзя кстати.

Наиболее интересными и актуальными ему представлялись проблемы привлечения в качестве обвиняемого и предания суду. Он придавал этим механизмам решающее значение для всего уголовного судопроизводства, говорил о них как о процедурах, связанных с окончательным формированием публично-правовой претензии в отношении конкретного лица, с решением государственной власти пустить в ход против человека аппарат правосудия, в связи с чем считал их в некотором смысле предопределяющими последующие судебные приговоры³⁶.

³⁶ См.: Голунский С.А. Процессуальные условия и порядок привлечения к уголовной ответственности и предания суду: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1938. С. 3, 5.

В итоге проводимых в течение нескольких лет изысканий ученому удалось сформулировать и обосновать целый ряд серьезных теоретических положений, которые позволили существенно раздвинуть границы уголовно-процессуальной доктрины. Кроме того, они способствовали дальнейшему развитию законодательства, в том числе были учтены и использованы через 20 лет – в ходе подготовки Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих союзно-республиканских кодексов, включая Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г.

Наиболее важным результатом стал разработанный автором научный подход, исходящий из объективности выдвигаемых в отношении обвиняемых уголовно-правовых претензий. Так, критикуя буржуазных авторов, рассматривающих предъявляемое обвинение как субъективное утверждение обвинителя, С.А. Голунский полагал, что выдвигающаяся в отношении лица уголовно-правовая претензия может быть только объективной, что критерии разграничения между ней и последующим приговором надлежит усматривать не в соотношении объективного и субъективного, а в различных процессуальных формах реализации полномочий органов предварительного расследования прокуратуры, суда, разной степени обоснованности и авторитетности соответствующих обвинительных позиций³⁷.

С.А. Голунский писал об ошибочности взглядов на привлечение в качестве обвиняемого как на своеобразный субъективный иск, т.е. воззрений, предполагающих неизбежное признание некоего подлежащего «судебной защите» субъективного права на уголовную репрессию, на применение наказания и возникающих ввиду явно нежизнеспособных намерений разделить органы обвинительной и следственной власти³⁸. Настаивал на понимании акта привлечения в качестве обвиняемого как родственной приговору суда формы реализации государством своих юрисдикционных полномочий, как «первого действия» правосудия. В этой связи он связывал возможность вынесения таких решений не иначе как с возникающей в результате полного, всестороннего, объективного расследования уголовных дел,ющей проверкой и оценкой имеющихся доказательств, добросовестной убежденностью следователей и прокуроров в виновности привлекаемых к уголовной ответственности лиц. Одновременно ученый говорил о недопустимости практики привлечения в качестве обвиняемого и предания суду как бы «на всякий случай», т.е. при отсутствии уверенности в обоснованности обвинительной позиции – в расчете на восполнение этих

сомнений в судебном заседании. А чрезмерную убежденность неправосознательных и безответственных следователей и прокуроров в собственной непогрешимости считал одной из главных причин неприемлемого для советского уголовного процесса обвинительного уклона³⁹.

Поднятые в докторской диссертации С.А. Голунского проблемы в дальнейшем неоднократно попадали в предмет научных изысканий М.С. Строговича, Н.Н. Полянского, В.З. Лукашевича, Л.М. Карнеевой, П.М. Давыдова, А.П. Гуськовой, Б.Я. Гаврилова и других крупных ученых-процессуалистов. Однако, несмотря на подобную научную популярность, невзирая на более или менее удачные попытки их разрешения в ходе последующих реформ уголовно-процессуального законодательства, многие из них так и не потеряли своей актуальности, по-прежнему побуждают к жарким дискуссиям, оказывают негативное влияние на качество правового регулирования соответствующих правоотношений, приводят к серьезным ошибкам и затруднениям в правоприменительной практике. В этой связи никоим образом не утратившие своей доктринальной ценности взгляды С.А. Голунского вполне могут способствовать созданию в обозримом будущем обновленной, максимально приемлемой для российского общества модели выдвижения в отношении лица уголовно-правовой претензии, подлежащей разрешению посредством правосудия.

Еще одно направление научных изысканий С.А. Голунского касалось проблем работы с доказательствами как некоего стержня всего уголовно-го судопроизводства. В частности, автора вполне ожидаемо интересовал вопрос о цели доказывания по уголовному делу.

При этом вопреки расхожим убеждениям о безальтернативности высказываемых А.Я. Вышинским, М.С. Строговичем и их единомышленниками «советских» позиций, предполагающих отождествление цели доказывания с установлением объективной (материальной) истины, С.А. Голунский придерживался несколько иной точки зрения. Так, еще в 1937 г. (!) в статье «О вероятности и достоверности в уголовном суде» он связал цель доказывания не с достижением истины, а всего лишь с разрешением поставленных перед правосудием вопросов без расчета на перспективу последующего расширения границ судебного познания⁴⁰. Позднее эти взгляды были воспроизведены

³⁷ См.: там же. С. 510–513.

³⁸ См.: там же. С. 490, 511.

в других статьях автора, а также выражены в публикациях его научных соратников⁴¹.

В послевоенный период С.А. Голунского более всего стали заботить вопросы, касающиеся понятия и сущности самих доказательств как неких подлежащих собиранию, исследованию, проверке, оценке и использованию познавательных ресурсов, способствующих установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснованию приговоров либо иных правоприменительных актов. Он придерживался распространенного в 50–60-е годы лиминального подхода к пониманию доказательств, выраженного в признании таковыми полученных в установленном законом порядке фактических данных⁴².

По сути, этот подход стал неким промежуточным звеном на пути трансформации существующей ранее фактологической концепции (доказательства – это факты) в появившуюся несколько позднее, на рубеже 60–70-х годов, информационную концепцию (доказательства – это полезные сведения, информационные сигналы); он же нашел отражение в Основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и соответствующих союзно-республиканских кодексах, в том числе в Уголовно-процессуальном кодексе РСФСР 1960 г.

По сравнению с позициями А.Я. Вышинского, М.С. Строговича и других сторонников понимания доказательств как фактов (вариативно – как фактов и одновременно их источников) лиминальный подход находился в явно выигрышном положении. Он более точно определял сущность доказательств, их содержание и предназначение в общем механизме уголовно-процессуального доказывания. В публикациях С.А. Голунского и его единомышленников справедливо обращалось внимание на практическую невозможность манипулирования фактами, тем более их «втискивания» в установленные законом познавательные продукты: в показания, в протоколы, в документы и т.д. Подчеркивалось, что ввиду материальной природы изначально объективного характера и существования в окружающей реальности сами по себе факты не предрасположены ни к техническому накоплению, ни к опровержению, ни к превращению в аргументационные ресурсы; говорилось также о немыслимости признания фактов достоверными

⁴¹ См., напр.: Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. государство и право. 1948. № 6. С. 65–72.

⁴² См.: Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 146.

или недостоверными, юридически доброкачественными или недоброкачественными. В этой связи отмечалось, что субъекты доказывания способны оперировать не столько фактами, сколько данными (сведениями) о таких фактах, получаемыми из предусмотренных законом источников либо генерируемыми посредством мыслительной реконструкции.

Со временем лиминальный подход к пониманию доказательств утратил свою приоритетность. Уже в 60-е годы в научных публикациях стали высказываться достаточно близкие, но все же несколько иные точки зрения: появились синтетическая, а чуть позднее – вышеуказанные информационная концепции. Тем не менее взгляды С.А. Голунского и солидарных с ним авторов, по сути, стали методологическим фундаментом всех последующих научных позиций. Ведь именно они были одной из первых, к слову, достаточно удачных, попыток определения места и выявления роли доказательств в присущих уголовному процессу сложных и витиеватых механизмах доказывания и обоснования правоприменительных решений.

* * *

Уже более 60 лет с нами нет Сергея Александровича. Но его научные позиции и выводы не теряют своей актуальности и значения для развития правовой доктрины, совершенствования законодательства и оптимизации правоприменительной практики. Ссылки на труды С.А. Голунского встречаются во многих публикациях, посвященных теории и истории государства и права, уголовному процессу и криминалистике, международному праву и другим юридическим наукам. Современные ученые продолжают идти по намеченным им направлениям исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брагинский М.М., Голунский С.А. Хлебопоставки и революционная законность / под общ. ред. Г.К. Рогинского. М., 1933.
2. Брагинский М.М., Голунский С.А. Что надо знать сельскому активисту о законах по весеннему севу. М., 1934.
3. Голунский С.А. Борьба прогрессивных сил против уничтожения национальных групп и рас. М., 1947.
4. Голунский С.А. Возбуждение уголовного дела: методическое пособие для прокуроров и следователей / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.
5. Голунский С.А. Вопросы доказательственного права в основах уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик // Вопросы судопроизводства и судоустройства в новом законодательстве Союза ССР / под ред. С.А. Голунского. М., 1959. С. 146.

6. Голунский С.А. Допрос на предварительном следствии. Ашхабад, 1942.
7. Голунский С.А. К вопросу о понятии правовой нормы в теории социалистического права // Сов. государство и право. 1962. № 4. С. 21–33.
8. Голунский С.А. К вопросу о реформе органов предварительного расследования // Проблемы соц. права. 1938. № 4. С. 10–25.
9. Голунский С.А. К характеристике крестьянских само- судов в Северо-Кавказском крае // Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе: сб. Ростов н/Д., 1927. Вып. 2. С. 33–44.
10. Голунский С.А. Кризис бытовой преступности в Осетии // Кабинет социальной психоневрологии. Материалы для изучения Северной Осетии. Вып. 1. Преступность. Правонарушители. Ростов н/Д., 1929. С. 13–20.
11. Голунский С.А. Методика подготовки и произнесения обвинительной речи на суде: практическое пособие для районных прокуроров / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939.
12. Голунский С.А. О вероятности и достоверности в уголовном суде // Проблемы уголовной политики / под ред. Н.В. Крыленко. М., 1937. Кн. IV. С. 56–63.
13. Голунский С.А. О предмете и системе военно-судебного права // Труды Военно-юридической академии Красной Армии. 1940. Вып. 1. С. 14–23.
14. Голунский С.А. Об оценке доказательств в советском уголовном процессе // Сов. государство и право. 1955. № 7. С. 70–79.
15. Голунский С.А. Общая характеристика буржуазного уголовного процесса // Советский уголовный процесс: учеб. / под ред. Д.С. Карева. М., 1956. С. 13–26.
16. Голунский С.А. Основные направления развития общенародного права // Сов. государство и право. 1962. № 11. С. 8–19.
17. Голунский С.А. Основные принципы методики расследования дел о растратах и хищениях общественной (социалистической) собственности. М., 1938.
18. Голунский С.А. Преступность в Северо-Кавказском крае в 1925 г. // Вопросы изучения преступности на Северном Кавказе: сб. Ростов н/Д., 1926. Вып. 1. С. 26–32.
19. Голунский С.А. Приговор военного трибунала. Ашхабад, 1942.
20. Голунский С.А. Процессуальные условия и порядок привлечения к уголовной ответственности и предания суду: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1938. С. 3, 5, 487, 490, 510–513.
21. Голунский С.А. Суд над главными японскими военными преступниками. М., 1947.
22. Голунский С.А. Суд над японскими преступниками // Новое время. 1947. № 18. С. 6–11.
23. Голунский С.А. Судебное заседание военного трибунала. Ашхабад, 1942.
24. Голунский С.А. Теория насилия и убийств (о расовой теории германского фашизма). Ашхабад, 1942. С. 2, 3, 24.
25. Голунский С.А., Карев Д.С. Военные суды и военная прокуратура: учебник по специальной части курса судоустройства. М., 1940.
26. Голунский С.А., Карев Д.С. История суда и уголовного процесса: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.
27. Голунский С.А., Карев Д.С. Лекции по судоустройству. М., 1939.
28. Голунский С.А., Карев Д.С. Судоустройство и уголовный процесс современных буржуазных государств: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.
29. Голунский С.А., Карев Д.С. Судоустройство СССР: альбом наглядных пособий / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1938.
30. Голунский С.А., Карев Д.С. Судоустройство СССР: учеб. для юрид. школ. М., 1946.
31. Голунский С.А., Карев Д.С. Учебник по судоустройству. М., 1939.
32. Голунский С.А., Рогинский Г.К. Техника и методика расследования преступлений / под ред. М.С. Строгови- ча. М., 1934.
33. Голунский С.А., Строгович М.С. Конспект лекций по курсу теории государства и права. М., 1940.
34. Голунский С.А., Строгович М.С. Теория государства и права: учеб. М., 1940.
35. Голунский С.А., Шавер Б.М. Криминалистика: методика расследования отдельных видов преступлений / под ред. А.Я. Вышинского. М., 1939. С. 3, 4, 10–12.
36. Криминалистика: учеб. / отв. ред. С.А. Голунский. М., 1959. С. 11.
37. Рагинский М.Ю. Милитаристы на скамье подсудимых: по материалам Токийского и Хабаровского процессов / предисл. А.Н. Николаева. М., 1985. С. 3, 42, 43, 101.
38. Тадевосян В.С. К вопросу об установлении материальной истины в советском процессе // Сов. государство и право. 1948. № 6. С. 65–72.

REFERENCES

1. Braginsky M. M., Golunsky S. A. Grain deliveries and revolutionary legality / under the general editorship of G. K. Roginsky. M., 1933 (in Russ.).
2. Braginsky M. M., Golunsky S. A. What a rural activist needs to know about the laws on spring sowing. M., 1934 (in Russ.).
3. Golunsky S. A. The struggle of progressive forces against the destruction of national groups and races. M., 1947 (in Russ.).
4. Golunsky S. A. Initiation of a criminal case: a methodological guide for prosecutors and investigators / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1939 (in Russ.).
5. Golunsky S. A. Issues of evidentiary law in the foundations of criminal proceedings of the USSR and the Union republics // Issues of judicial proceedings and judicial system in the new legislation of the USSR / ed. by S. A. Golunsky. M., 1959. P. 146 (in Russ.).
6. Golunsky S. A. Interrogation at the preliminary investigation. Ashkhabad, 1942 (in Russ.).

7. *Golunsky S.A.* On the question of the concept of a legal norm in the theory of socialist law // Soviet State and Law. 1962. No. 4. Pp. 21–33 (in Russ.).
8. *Golunsky S.A.* On the reform of preliminary investigation bodies // Problems of social law. 1938. No. 4. Pp. 10–25 (in Russ.).
9. *Golunsky S.A.* On the characteristics of peasant lynchings in the North Caucasus region // Issues of studying crime in the North Caucasus: collection. Rostov-on-Don, 1927. Iss. 2. Pp. 33–44 (in Russ.).
10. *Golunsky S.A.* The crisis of domestic crime in Ossetia // Cabinet of social psychoneurology. Materials for the study of North Ossetia. Iss. 1. Crime. The offenders. Rostov-on-Don, 1929. Pp. 13–20 (in Russ.).
11. *Golunsky S.A.* Methods of preparing and pronouncing an accusatory speech in court: a practical guide for district prosecutors / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1939 (in Russ.).
12. *Golunsky S.A.* On probability and reliability in a criminal court // Problems of criminal policy / ed. by N.V. Krylenko. M., 1937. Book IV. Pp. 56–63 (in Russ.).
13. *Golunsky S.A.* On the subject and system of military judicial law // Proceedings of the Military Legal Academy of the Red Army. 1940. Iss. 1. Pp. 14–23 (in Russ.).
14. *Golunsky S.A.* On the assessment of evidence in the Soviet Criminal Process // Soviet State and Law. 1955. No. 7. Pp. 70–79 (in Russ.).
15. *Golunsky S.A.* General characteristics of the bourgeois criminal process // The Soviet criminal trial: textbook / ed. by D.S. Karev. M., 1956. Pp. 13–26 (in Russ.).
16. *Golunsky S.A.* The main directions of the development of public law // Soviet State and Law. 1962. No. 11. Pp. 8–19 (in Russ.).
17. *Golunsky S.A.* The basic principles of the methodology for investigating cases of embezzlement and theft of public (socialist) property. M., 1938 (in Russ.).
18. *Golunsky S.A.* Crime in the North Caucasus region in 1925 // Questions of the study of crime in the North Caucasus: collection. Rostov-on-Don, 1926. Iss. 1. Pp. 26–32 (in Russ.).
19. *Golunsky S.A.* Verdict of the military tribunal. Ashkhabad, 1942 (in Russ.).
20. *Golunsky S.A.* Procedural conditions and procedure for criminal prosecution and trial: dis. ... Doctor of Law. M., 1938. Pp. 3, 5, 487, 490, 510–513 (in Russ.).
21. *Golunsky S.A.* The trial of the main Japanese war criminals. M., 1947 (in Russ.).
22. *Golunsky S.A.* The trial of Japanese criminals // New time. 1947. No. 18. Pp. 6–11 (in Russ.).
23. *Golunsky S.A.* Court session of the Military Tribunal. Ashkhabad, 1942 (in Russ.).
24. *Golunsky S.A.* Theory of violence and murder (on the racial theory of German fascism). Ashkhabad, 1942. Pp. 2, 3, 24 (in Russ.).
25. *Golunsky S.A., Karev D.S.* Military courts and military prosecutor's office: textbook on the special part of the judicial system course. M., 1940 (in Russ.).
26. *Golunsky S.A., Karev D.S.* The history of the court and the criminal process: an album of visual aids / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1938 (in Russ.).
27. *Golunsky S.A., Karev D.S.* Lectures on the judicial system. M., 1939 (in Russ.).
28. *Golunsky S.A., Karev D.S.* The judicial system and the criminal process of modern bourgeois states: an album of visual aids / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1938 (in Russ.).
29. *Golunsky S.A., Karev D.S.* The judicial system of the USSR: an album of visual aids / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1938 (in Russ.).
30. *Golunsky S.A., Karev D.S.* The judicial system of the USSR: textbook for legal school. M., 1946 (in Russ.).
31. *Golunsky S.A., Karev D.S.* Textbook on judicial system. M., 1939 (in Russ.).
32. *Golunsky S.A., Roginsky G.K.* Technique and methodology of crime investigation / ed. by M.S. Strogovich. M., 1934 (in Russ.).
33. *Golunsky S.A., Strogovich M.S.* Lecture notes on course of theory of state and law. M., 1940 (in Russ.).
34. *Golunsky S.A., Strogovich M.S.* Theory of state and law: textbook. M., 1940 (in Russ.).
35. *Golunsky S.A., Shaver B.M.* Criminalistics: methods of investigation of certain types of crimes / ed. by A. Ya. Vyshinsky. M., 1939. Pp. 3, 4, 10–12 (in Russ.).
36. Criminalistics: textbook / res. ed. S.A. Golunsky. M., 1959. P. 11 (in Russ.).
37. *Raginsky M. Yu.* Militarists in the dock: based on the materials of the Tokyo and Khabarovsk Trials / preface by A.N. Nikolaev. M., 1985. Pp. 3, 42, 43, 101 (in Russ.).
38. *Tadevosyan V.S.* On the issue of establishing the material truth in the Soviet process // Soviet State and Law. 1948. No. 6. Pp. 65–72 (in Russ.).

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук,
главный редактор журнала
«Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович –
доктор юридических наук, доцент,
главный научный сотрудник сектора
уголовного права, уголовного процесса
и криминологии Института государства
и права Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0002-3862-3188

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member
of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Editor-in-Chief of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ROSSINSKIY Sergey B. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Chief Researcher of the Sector of Criminal Law,
Criminal Procedure and Criminology,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342.5

О ПРАКТИКЕ ИЗМЕНЕНИЯ КОНЦЕПЦИИ ЗАКОНОПРОЕКТА В ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2024 г. Ю. П. Синельщиков

Государственная Дума Федерального Собрания Российской Федерации, г. Москва

E-mail: sinelshikov@duma.gov.ru

Поступила в редакцию 20.03.2024 г.

Аннотация. В законе понятие концепции законопроекта не определено. Ученые характеризуют концепцию проекта закона как модель будущего законодательного акта, задающую цели и основные параметры его содержания. В Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П сформулировано: «Изменение концепции акта не может происходить на этапе внесения поправок к нему». Однако Государственная Дума в последние годы неоднократно принимала поправки, изменяющие концепции законопроектов после первого чтения. Остро назрела потребность законодательного урегулирования процедуры принятия законов. Необходимо четко определить понятие «концепция законопроекта», ввести жесткую регламентацию процедуры изменения концепции, исключающую такую возможность после первого чтения. Установить случаи, когда законопроекты рассматриваются по ускоренной процедуре, предусматривая правило, в соответствии с которым независимо от срочности каждый законопроект должен проходить три чтения.

Ключевые слова: концепция законопроекта, Конституционный Суд РФ, ускоренное законотворчество, дефекты законотворческого процесса.

Цитирование: Синельщиков Ю.П. О практике изменения концепции законопроекта в Государственной Думе Российской Федерации // Государство и право. 2024. № 10. С. 38–44.

DOI: 10.31857/S1026945224100042

CONCERNING THE PRACTICE OF CHANGING A CONCEPT BILL IN THE STATE DUMA OF THE RUSSIAN FEDERATION

© 2024 Yu. P. Sinelshchikov

The State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation, Moscow

E-mail: sinelshikov@duma.gov.ru

Received 20.03.2024

Abstract. The law has no clear definition of a concept bill. Academics characterize a concept bill as a model of a future legislative act, setting the goals and basic parameters of its content. Resolution No. 11-P of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 5, 2001 runs as follows: “No changes can be made to the concept bill at the amendment stage thereof.” However, in recent years the State Duma has repeatedly adopted amendments changing the concept bills following the first reading. There is an urgent need for legislative regulation of the law adoption procedure. The notion of “a concept bill” shall be clearly defined; strict regulation of the concept changing procedure shall be introduced, leaving no room for such a possibility after the first reading. Cases shall be established where bills are considered under an expedited procedure by providing a rule that regardless of urgency, each bill must undergo three readings.

Key words: Concept bill, Constitutional Court of the Russian Federation, accelerated lawmaking, defects in the lawmaking process.

For citation: Sinelshchikov, Yu. P. (2024). Concerning the practice of changing a concept bill in the State Duma of the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 38–44.

В последнее время в юридической литературе и в парламенте все чаще предметом обсуждения становятся случаи, когда принятый Государственной Думой закон кардинально отличается от законопроекта, внесенного субъектами законодательной инициативы. Изменение концепции закона после его принятия парламентом в первом чтении является главным и наиболее нетерпимым дефектом законотворческого процесса.

Председатель Государственной Думы РФ В. В. Володин считает недопустимой подмену тематики в законопроекте. «Возможно, правильно было бы комитету Госдумы по контролю и Регламенту особо посмотреть на законопроекты, где у нас совершенно очевидно меняется концепция. Посмотреть для того, чтобы мы с открытыми глазами приходили на заседание палаты», — сказал спикер на пленарном заседании. Он напомнил ситуацию, когда внесенные Правительством РФ поправки в Закон о виноделии включали в себя и вопросы, связанные со льготами на недропользование. «Это недопустимо, мы все равно должны рано или поздно для себя эти решения принять и выходить на другое качество... Если мы говорим об одном, а на самом деле принимаем другое, возмущению не будет предела»¹.

Председатель Совета Федерации В. И. Матвиенко во время одного из совещаний заявила: «Когда концепция законопроекта во время прохождения его в Государственной Думе меняется до неузнаваемости — это является явным нарушением, фамилии людей, которые допускают подобное “мошенничество”, должны быть известны и обнародованы»². Будучи Председателем Пра-

вительства РФ, Д. А. Медведев заявлял о том, что у нас есть случаи, когда поправки правительства предлагали новую редакцию законопроектов и меняли его концепцию³.

В законе понятие концепции законопроекта не определено. Ученые характеризуют концепцию проекта закона как модель будущего законодательного акта, задающую цели и основные параметры его содержания⁴.

Значение концепции законопроекта состоит в том, что она, во-первых, служит основой для последующего развития законодательства. Принятая Государственной Думой концепция, т.е. принятие законопроекта в первом чтении, является фактом, свидетельствующим о достигнутой договоренности между депутатскими фракциями и депутатами о порядке регулирования в законе соответствующих отношений. Во-вторых, она выступает основой для толкования юридических норм, может помочь выявлению пробелов в законодательстве.

Однако законодательная техника не защищается законом. Содержание этих правил не всегда очевидно и не сформулировано достаточно определенно. Требования к концепции законов в федеральном законодательстве не установлены. Тем не менее некоторая правовая база на этот счет существует.

Пунктом «а» части первой ст. 105 Регламента Государственной Думы установлено, что концепция предлагаемого законопроекта должна быть изложена в пояснительной записке. Между тем это требование во многих случаях не исполняется. Так, в законопроекте № 1065287-7 «О внесении изменений

¹ URL: <https://www.pnp.ru/social/volodin-schitaet-nedopustimoy-podmenu-tematiki-v-zakonoproektakh.html> (дата обращения: 18.03.2024).

² URL: <https://www.pnp.ru/economics/matvienko-raskritikovala-fokusy-v-zakonotvorchestve.html> (дата обращения: 18.03.2024).

³ См.: URL: <https://www.pnp.ru/politics/medvedev-izmenil-poryadok-rassmotreniya-popravok-k-zakonoproektam.html> (дата обращения: 18.03.2024).

⁴ См.: Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. ст. Н. Новгород, 2007. С. 30.

в отдельные законодательные акты» (в части ограничений для замещения государственных, муниципальных должностей, иных должностей в связи с наличием гражданства иностранного государства либо права на постоянное проживание на территории иностранного государства) пояснительная записка занимает менее одной страницы, а сам текст законопроекта – 54 страницы; текст законопроекта № 203817 «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» занимает 109 страниц, тогда как пояснительная – полторы. Ни в одном, ни в другом случае суть концепции не изложена.

В соответствии с частью первой ст. 118 Регламента Государственной Думы концепция предлагаемого законопроекта обсуждается при рассмотрении его Государственной Думой в первом чтении. К принятому в первом чтении законопроекту вносятся поправки, которые рекомендуются профильным комитетом Государственной Думы к принятию (табл. № 1) или отклонению (табл. № 2), а затем в ходе второго чтения законопроекта принимаются и отклоняются Государственной Думой, как правило, в соответствии с рекомендациями комитета. Поправки, противоречащие концепции законопроекта, могут быть выделены в отдельную таблицу № 4 (часть третья ст. 121 Регламента) и поставлены на голосование.

Однако на практике комитеты Государственной Думы обычно, не желая признавать факт наличия поправок, выходящих за пределы концепции, не вносят их в таблицу № 4, а распределяют между таблицами № 1 и 2, нередко способствуя их принятию. Изменение концепции в таком случае может пройти незамеченным для депутатов.

В Постановлении Конституционного Суда РФ от 5 июля 2001 г. № 11-П сформулировано: «Изменение концепции акта не может происходить на этапе внесения поправок к нему, чтобы имеющие принципиальное значение изменения не появлялись в результате случайных, не связанных с обсуждением концепции решений». Согласно позиции Суда, принятие закона в первом чтении означает, что его концепция получила поддержку депутатского корпуса и не может быть изменена без возвращения к новому рассмотрению концепции акта. Из этого Конституционный Суд делает однозначный вывод: «Нарушение требований к чтениям в законодательной процедуре, приводящее к искажению изначального волеизъявления и тем самым влияющее на судьбу акта в целом... свидетельствует о неконституционности такого акта

не только по порядку принятия, но, в конечном счете, и по его содержанию»⁵.

Однако позже Конституционный Суд РФ, к сожалению, размыл эту позицию. В деле о проверке конституционности Федерального закона от 29 ноября 2014 г. № 382-ФЗ «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации» и Закона г. Москвы «О торговом сборе» заявители настаивали на том, что внесенные законодателем поправки изменили концепцию законопроекта. Тем не менее Конституционный Суд РФ в Определении от 11 октября 2016 г. № 2152-О не поддержал эту позицию и отметил, что проект содержал поправки в часть вторую Налогового кодекса РФ, направленные на совершенствование налогового администрирования НДС, НДФЛ и налога на прибыль организаций с учетом сложившейся правоприменительной практики. И поскольку таким образом проект предполагал внесение ряда непосредственно не связанных между собою поправок в налоговое законодательство, включение в него в процедуре второго чтения иных поправок, имеющих ту же цель, не противоречило, по мнению Суда, концепции законопроекта⁶.

Остается неясным, каким образом введение этим законом нового налога (торгового сбора) вписывается в нормы по совершенствованию налогового администрирования налога на добавленную стоимость, налога на доходы физических лиц и налога на прибыль организаций. Подобное вольное толкование понятия «концепция» оставляет, с одной стороны, широчайший простор для содержания вносимых в проект во втором чтении поправок и, с другой, требует более четкого формулирования цели законопроекта в пояснительной записке⁷.

Основные требования к концепции федеральных законов утверждены Постановлением Правительства РФ от 2 августа 2001 г. № 576. Они предназначены для тех органов, которые направляют законопроекты в Правительство РФ как субъект законодательной инициативы. Требования гласят: «Концепция законопроекта представляет собой документ, в котором должны быть определены:

⁵ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 05.07.2001 № 11-П «По делу о проверке конституционности Постановления Государственной Думы от 28 июня 2000 года № 492-III ГД «О внесении изменения в Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Советского районного суда города Челябинска и жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2001. № 29, ст. 3059.

⁶ См.: Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 3.

⁷ См.: Евлоев И.М. Концепция законопроекта: константа или благие намерения? // Росс. судья. 2018. № 4. С. 56.

основная идея, цели и предмет правового регулирования, круг лиц, на которых распространяется действие законопроекта, их новые права и обязанности, в том числе с учетом ранее имевшихся;

место будущего закона в системе действующего законодательства с указанием отрасли законодательства, к которой он относится, положений Конституции Российской Федерации, федеральных конституционных законов и системообразующих законов Российской Федерации, на реализацию которых направлен данный законопроект, а также значение, которое будет иметь законопроект для правовой системы;

общая характеристика и оценка состояния правового регулирования соответствующих общественных отношений с приложением анализа действующих в этой сфере нормативных правовых актов Российской Федерации, Договора о Евразийском экономическом союзе и иных международных договоров Российской Федерации. При этом указываются пробелы и противоречия в действующем законодательстве, наличие устаревших норм права, фактически утративших силу, а также неэффективных положений, не имеющих должного механизма реализации, рациональные и наиболее эффективные способы устранения имеющихся недостатков правового регулирования. Общая характеристика состояния правового регулирования должна также содержать анализ соответствующей российской и зарубежной правоприменительной практики, а также результаты проведения статистических, социологических и политологических исследований;

социально-экономические, политические, юридические и иные последствия реализации будущего закона;

информация о соответствии законопроекта положениям Договора о Евразийском экономическом союзе, а также положениям иных международных договоров Российской Федерации»⁸.

Изложенные требования разумны и понятны. Однако само Правительство в пояснительных записках к законопроектам далеко не всегда приводит все те сведения, об обязательности которых оно говорит в этом нормативном акте. Так, на заседаниях Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству в 2023 г. рассмотрено 93 законопроекта, внесенных в Государственную Думу Правительством РФ. Однако только три из них содержали положения, предусмотренные в упомянутых Основных требованиях.

⁸ См.: СЗ РФ. 2001. № 32, ст. 3335

Попытка законодательного определения статуса концепции была предпринята в законопроекте «О порядке принятия федеральных конституционных законов и федеральных законов», внесенном Президентом РФ еще 23 января 1997 г. Первоначальная редакция законопроекта предусматривала возвращение проектов к первому чтению при необходимости изменения их концепции. В проекте ко второму чтению это положение было существенно смягчено. Часть 8 ст. 32 законопроекта гласит: «Если субъект права законодательной инициативы, внесший законопроект, возражает против решения ответственного комитета о принятии поправки к законопроекту, которая, по мнению субъекта права законодательной инициативы, изменяет концептуальные положения внесенного им законопроекта, то указанная поправка рекомендуется ответственным комитетом к рассмотрению Государственной Думой до обсуждения и голосования остальных поправок к законопроекту»⁹. Но и в этом виде проект длительное время лежит без движения: в последний раз его рассмотрение отложено решением Совета Государственной Думы от 4 июля 2017 г., с начала восьмого созыва (осень 2021 г.) он находится в Комитете Государственной Думы по государственному строительству и законодательству, дата его рассмотрения не определена.

Указом мэра г. Москвы от 13 февраля 2006 г. № 11-УМ утверждены объемные (в 36 страниц) Методические правила подготовки проектов законов г. Москвы, где специально приводятся требования к форме и содержанию приложения к законопроектам, которое именуется «концепция проекта закона г. Москвы»¹⁰. Многие изложенные в них правила заслуживают внимания.

Государственная Дума в последние годы вопреки действующим правилам неоднократно принимала поправки, изменяющие концепции законопроектов. Анализ законов, принятых в 2022–2023 гг., показал, что при принятии 30 из них была изменена первоначальная концепция законопроекта. Происходило это в тех случаях, когда поправки исходили от Правительства РФ или от фракции политической партии «Единая Россия» либо получали их одобрение. Очевидно, что Государственная Дума как законодательный орган не вправе разрабатывать концепцию и текст законопроекта вновь, а лишь осуществляет их доработку¹¹.

⁹ См.: URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/97700183-2#bh_histras (дата обращения: 18.03.2024).

¹⁰ См.: URL: <https://www.mos.ru/authority/documents/doc/14879220> (дата обращения: 18.03.2024).

¹¹ См.: Царев А.Ю. Концепция закона в законотворчестве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14.

В законотворческой практике Государственной Думы встречаются два приема (формы) изменения концепции законопроекта.

Во-первых, путем расширения концепции. Такое происходит тогда, когда поправки к законопроекту хотя и касаются имеющихся в нем норм, но при этом эти поправки становятся регуляторами новых правоотношений, содержат новые (по сравнению с законопроектом) идеи правового регулирования. Расширение концепции таким путем нередко происходит за счет значительного увеличения объема законопроекта через вносимые поправки, когда количество этих поправок переходит в качество, создает совершенно иной правовой продукт по сравнению с тем, который рассматривался в первом чтении.

Во-вторых, первоначальная концепция на практике может изменяться путем ее подмены, когда вместо существовавшего в первом чтении законопроекта появляется принципиально новый, регулирующий совершенно иные правоотношения. Чаще всего такая подмена происходит путем присоединения во втором чтении к первоначальному совершенно нового законопроекта. В депутатской среде этот первоначальный законопроект принято именовать «паровозом».

Соблазн использовать эти приемы у Правительства РФ и парламентского большинства существует постоянно. Законопроекты, нуждающиеся в быстром рассмотрении, существуют всегда, а число законопроектов, находящихся на рассмотрении в комитетах после принятия их в первом чтении достаточно велико. Так, в феврале 2024 г. этот остаток составлял 337 законопроектов.

Специального анализа заслуживают мотивы и цели, которые преследуют авторы законопроектов и поправок, которые изменяют концепцию. В их числе можно назвать следующие.

1. Небрежность сочинителей и официальных авторов вносимых законопроектов. Чаще всего такой небрежностью страдают отдельные оппозиционные депутаты, которые вносят законопроекты с целью привлечь внимание общественности к той или иной проблеме либо к собственной персоне. Такие законопроекты, страдающие неудовлетворительной юридической техникой и дефективной концепцией, чаще всего отклоняются в первом чтении, хотя иногда принимаются, изменяясь во втором чтении до неузнаваемости. Бывает и так, что спустя год-два идейный замысел таких законопроектов использует Правительство РФ либо депутаты правящего большинства для подготовки своих законодательных инициатив, что вызывает протесты авторов первоначальных законопроектов.

2. Непомерная торопливость законодателя, которая весьма заметной стала в последние два года. В 2022 г. Федеральное Собрание приняло 653, а в 2023 г. – 694 закона. Это были самые активные годы за время существования российского парламента. Понятно, что эта активность была отчасти обусловлена СВО. Ведь на ее поддержку в 2022–2023 гг. было направлено свыше 200 принятых законов.

Однако такая интенсивность сопровождалась нередкими нарушениями процессуального порядка рассмотрения законопроектов. Так, комитеты Государственной Думы зачастую рассматривали законопроекты при отсутствии полного пакета необходимых документов, о повестке пленарного заседания депутаты узнавали лишь утром в день пленарного заседания, на подготовку поправок ко второму чтению представлялось лишь несколько часов, во втором и третьем чтении законопроекты рассматривались на одном заседании.

В условиях высоких темпов законотворчества, к сожалению, ярко проявлялась некомпетентность разработчиков законопроектов и их официальных авторов. Это притом, что в настоящее время в составе депутатов Государственной Думы насчитывается 112 дипломированных юристов. Правительство РФ, реализуя ту или иную правовую идею, зачастую вносило в Государственную Думу заведомо неполный с невнятной концепцией документ, являющийся, по существу, лишь предложением о разработке законопроекта, с тем, чтобы в ходе обсуждений в СМИ, на заседаниях круглых столов, думских комитетов, а также на пленарном заседании в первом чтении накопить предложения и замечания, которые затем позволят подготовить для второго чтения полноценный законопроект. Иногда докладчик прямо заявляет о такой цели на заседании профильного комитета либо даже в ходе пленарного заседания Государственной Думы.

Так, законопроект № 1129469-7 «О внесении изменений в статью 13 Федерального закона “О противодействии экстремистской деятельности”» предусматривал создание специализированного информационного банка данных экстремистских материалов. В нем предусматривалось буквально следующее: «Специализированный информационный банк данных экстремистских материалов – государственная информационная система, оператором которой является федеральный орган государственной регистрации». Текст законопроекта был достаточно понятен и занимал одну страницу.

Однако при прохождении законопроекта некоторые депутаты вспомнили о существующих актуальных проблемах правового регулирования лиц, причастных к деятельности экстремистских, а также террористических организаций. Ими принято решение

законопроект «расширить». Ко второму чтению текст законопроекта за счет внесенных этими депутатами поправок стал фактически новым, концепция существенно расширена (объем законопроекта стал составлять уже пять страниц), а название изменено. В законопроекте появились принципиально новые положения о том, что «ограничивается право быть избранным лицом, причастного к деятельности экстремистской организации». В новом законопроекте речь идет не только об экстремистских, но и террористических организациях.

Обсудить эти новшества, которыми был дополнен законопроект, во втором и третьем чтении из-за существующего регламента было невозможно, поэтому часть депутатов в данном случае отказалась от участия в голосовании.

3. Еще одной целью изменения концепции во втором чтении является желание авторов избавиться от ненужной, по их мнению, гласности при прохождении законопроекта.

Как известно, информационным источником для материалов СМИ, касающихся законотворчества, в 90% случаев являются законопроекты, недавно поступившие в Государственную Думу для рассмотрения и вынесенные на первое чтение пленарного заседания. На практике самое активное обсуждение законопроекта в СМИ проходит в первые три дня после того, как он зарегистрирован в системе обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы. Позже в ходе его рассмотрения в профильном комитете, на пленарных заседаниях законопроект обычно уже не привлекает к себе особое внимание. Поэтому внесение законопроекта сразу во второе чтение в «прицепе» к т. н. законопроекту-паровозу позволяет держать в неведении об этом «прицепе» не только общественность, но и самих депутатов, которых все удовлетворяло в первом чтении, а с материалами ко второму чтению они познакомиться не успели либо не посчитали нужным. При этом надо учитывать, что для этого у депутатов зачастую нет времени, ибо о повестке пленарного заседания Государственной Думы они обычно узнают утром того дня, когда такое заседание состоится.

Так, в законопроекте № 173718-8 во втором чтении происходит замена концепции. Законопроект принят в первом чтении 10 ноября 2022 г. Он был посвящен незначительным дополнениям в ст. 9.21 КоАП РФ (нарушение правил подключения к нефтепроводам, электросетям, тепловым сетям и т.д.). Депутаты его поддержали без особых замечаний. Однако в декабре 2022 г. Государственной Думой приняты поправки в этот законопроект, которые посвящены уже изменениям в ст. 9.6 КоАП РФ (нарушение правил использования атомной энергии). В поправках говорится о том, что ответственность по части первой и второй

данной статьи не наступает на территории Запорожской области до 1 января 2028 г. Соответствующую поправку внесли в закон депутаты фракции политической партии «Единая Россия». Такие важные новеллы надлежало обсудить в первом чтении с соблюдением необходимых процедур. Чем была вызвана срочность и для чего необходим этот закон присутствующие в зале депутаты выяснить не смогли.

Принятый в первом чтении проект Федерального закона № 172918-8 «О внесении изменений в статью 3 Федерального закона “О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок” и Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации (об уточнении порядка и условий подачи обвиняемым (подозреваемым) нового (повторного) заявления о присуждении компенсации за нарушение права на уголовное судопроизводство в разумный срок» был использован во втором чтении в качестве так называемого «паровоза» для другого законопроекта, которым предлагалось внести изменения в восемь статей КАС РФ, не предусмотренных в концепции. Это новый нормативный акт, не имеющий ничего общего с первым, и посвященный ограничению доступа к информационным системам или программам для ЭВМ, которые обрабатывают сообщения в сети Интернет. Он коснулся также процедуры запрета деятельности политических партий, общественных объединений, религиозных организаций, СМИ. Дополнительный законопроект был принят думским большинством в форме поправок, разумеется, без какого-либо обсуждения. Часть депутатов проголосовала против этого законопроекта из-за грубого нарушения процедуры рассмотрения и принятия.

Аналогичная трансформация произошла и с законопроектом № 195130-8 «О внесении изменений в статью 330.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (в части усиления ответственности лиц, выполняющих функции иностранных агентов)». К этому законопроекту во втором чтении через поправки депутатов фракции политической партии «Единая Россия» был присоединен проект, посвященный изменениям в ст. 239 «Создание некоммерческой организации, посягающей на личность и права граждан» УК РФ. В данной статье предусмотрено увеличение санкций, в связи с чем соответствующее преступление переходит в разряд тяжких. В концепции к законопроекту ст. 239 УК РФ не упоминалась. В нарушение Регламента Государственной Думы официальный отзыв Правительства РФ и Верховного Суда РФ на предложения об изменении этой статьи Уголовного кодекса РФ, разумеется, получен не был. Заключения профильного комитета и Правового управления Государственной Думы также не было. С учетом этого

ряд оппозиционных депутатов проголосовали против законопроекта, однако он принят.

Соблюдение законодательной процедуры является важнейшей гарантией сохранения основ конституционного строя. На сегодня имеется очевидная проблемность в регулировании законодательного процесса. Этим можно пользоваться для манипулирования и извлечения выгод заинтересованными группами.

Нарушение Регламента Государственной Думы следует считать безусловным основанием для отмены закона даже спустя длительное время после его принятия¹², а это в некоторых случаях может привести нашу правоохранительную систему и судопроизводство к катастрофическим последствиям. Так, отмена статьи Уголовного кодекса РФ приведет реабилитацию осужденных (которые могут составлять сотни или даже тысячи граждан), а созданный на основе такого закона орган может стать неконституционным.

Для решения задачи запрета изменять концепцию закона после первого чтения предлагается: 1) в законе четко определить понятие «концепция законопроекта»; 2) ликвидировать процедуру форсированного принятия законов при обычном их рассмотрении; 3) установить случаи, когда законопроекты могут рассматриваться по ускоренной процедуре, предусмотрев правило, в соответствии с которым независимо от срочности каждый законопроект должен проходить три чтения; 4) запретить субъектам права законодательной инициативы вносить поправки, не соответствующие концепции закона и возложить на ответственный комитет обязанность принимать только поправки, соответствующие концепции закона; 5) если ко второму чтению на пленарное заседание поступила нуждающаяся в принятии поправка, не соответствующая концепции закона, то Государственной Думе надлежит проект возвращать к процедуре первого чтения.

Сведения об авторе

СИНЕЛЬЩИКОВ Юрий Петрович –
кандидат юридических наук,
заслуженный юрист РФ,
депутат Государственной Думы Федерального
Собрания Российской Федерации,
первый заместитель Председателя
Комитета по государственному строительству
и законодательству; 103265 г. Москва,
ул. Охотный Ряд, д. 1

¹² См: *Бошно С. В. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. № 3. С. 9.*

Эти правила следовало бы предусмотреть в упомянутом выше законопроекте «О порядке принятия федеральных конституционных и федеральных законов» либо в ином законопроекте. К разработке такого документа можно было бы приступить после обсуждения его основных положений с депутатами, лицами, обладающими правом законодательной инициативы, учеными.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бошно С. В. Поправки к законопроекту и пределы трансформации концепции закона // Право и современные государства. 2017. № 3. С. 9.*
2. *Евлоев И. М. Концепция законопроекта: константа или благие намерения? // Росс. судья. 2018. № 4. С. 56.*
3. *Хабриева Т. Я. Глобализация и законодательный процесс // Правотворчество и технико-юридические проблемы формирования системы российского законодательства в условиях глобализации: сб. ст. Н. Новгород, 2007. С. 30.*
4. *Царев А. Ю. Концепция закона в законотворчестве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 14.*

REFERENCES

1. *Boshno S. V. Amendments to the draft law and the limits of transformation of the concept of law // Law and modern states. 2017. No. 3. P. 9 (in Russ.).*
2. *Evloev I. M. The concept of the draft law: constant or good intentions? // Russian judge. 2018. No. 4. P. 56 (in Russ.).*
3. *Khabrieva T. Ya. Globalization and the legislative process // Lawmaking and technical and legal problems of the formation of the system of Russian legislation in the context of globalization: a collection of articles. Nizhniy Novgorod, 2007. P. 30 (in Russ.).*
4. *Tsarev A. Yu. The concept of law in the lawmaking of the Russian Federation: dis. ... PhD in Law. M., 2006. P. 14 (in Russ.).*

Authors' information

SINELSHCHIKOV Yuri P. –
PhD in Law,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Deputy of the State Duma of the Federal Assembly
of the Russian Federation,
First Deputy Chairman of the Committee
on State Construction and Legislation;
1 Okhotny Ryad str., 103265 Moscow, Russia

ЦЕЛЕПОЛАГАНИЕ В ПРАВЕ: ОБЩЕПРАВОВЫЕ И ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ

© 2024 г. Р. Ф. Степаненко^{1, 2, *}, Ф. И. Хамидуллина^{1, **}

¹Казанский (Приволжский) федеральный университет

²Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

*E-mail: stepanenkorf@yandex.ru

**E-mail: inbox7575@inbox.ru

Поступила в редакцию 02.06.2024 г.

Аннотация. В статье анализируется актуальная проблема современного правоведения – целеполагание права. Целеполагание как доктринально обоснованный, системный и практико-ориентированный процесс предшествует формулированию целей в праве, участвует в процедурах их легитимации в нормативном правовом пространстве и сопровождает реализацию поставленных целей на протяжении всей правовой деятельности в той или иной области правового регулирования общественных отношений. Целеполагание в праве задействовано в нормотворчестве, правореализации, в том числе правоприменении, и приобретает особое значение в условиях неопределенности, неустойчивости правопорядков, высокой степени конфликтогенности и рисков международных правоотношений, а также угроз национальной, общественной и личной безопасности. Актуализация проблем целеполагания, будучи относительно востребованной в научных исследованиях теоретического и отраслевого правоведения, прежде всего обусловлена необходимостью аргументации тактики и стратегии построения современной правовой политики (политики права), без указания целевых причин совершенствования которой авторитетность и действенность нормотворчества и правореализации представляются недостаточно эффективными. Функциональная целесообразность формулирования, формализации и следования поставленным целям имеет не только праксеологическое, но и аксиологическое значение с позиций в первую очередь соблюдения и охраны индивидуальных (личных) и коллективных прав и свобод человека и гражданина. Целеполагание в материальном и процессуальном праве транслируется в той или иной степени посредством изложения норм-целей, норм-принципов, норм-задач, но не имеет в полной мере рационально обоснованной систематизации, что должно инициировать научный интерес. Удовлетворение сбалансированных правом интересов и потребностей личности, общества и государства как целевая установка (сверхзадача) права в условиях ясного и рационального определения целей законодательства приобретает важное значение с учетом особенностей современной правовой реальности, а также на перспективу.

Ключевые слова: целеполагание, цели, материальное право, процессуальное право, нормы-цели, целевые установки.

Цитирование: Степаненко Р.Ф., Хамидуллина Ф.И. Целеполагание в праве: общеправовые и теоретико-методологические проблемы // Государство и право. 2024. № 10. С. 45–54.

DOI: [10.31857/S1026945224100052](https://doi.org/10.31857/S1026945224100052)

THE GOAL SETTING IN LAW: THE THEORETICAL AND METHODOLOGICAL PROBLEMS OF SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL LAW

© 2024 R. F. Stepanenko^{1, 2, *}, F. I. Khamidullina^{1, **}

¹*Kazan (Volga Region) Federal University*

²*University of Management "TISBI", Kazan*

**E-mail: stepanenkorf@yandex.ru*

***E-mail: inbox7575@inbox.ru*

Received 02.06.2024

Abstract. The article analyzes the actual problem of modern jurisprudence – the goal-setting of law. Goal-setting as a doctrinally grounded, systematic and practice-oriented process precedes the formulation of goals in law, participates in the procedures for their legitimization in the normative legal space and accompanies the implementation of set goals throughout legal activity, in a particular area of legal regulation of public relations. Goal-setting in law is involved in norm-setting, legal realization, including law enforcement, and acquires special importance in conditions of uncertainty, instability of law and order, a high degree of conflict and risks of international legal relations, as well as threats to national, public and personal security. The actualization of the problems of goal-setting, being relatively in demand in scientific research of theoretical and sectoral jurisprudence, is primarily due to the need to argue tactics and strategies for building modern legal policy (law policy), without specifying the target reasons for improving which, the authority and effectiveness of rulemaking and legal implementation seem insufficiently effective. The functional expediency of formulating, formalizing and following the set goals has not only praxiological, but also axiological significance from the standpoint, first of all, of observing and protecting individual (personal) and collective human and civil rights and freedoms. Goal-setting in substantive and procedural law is translated to one degree or another through the presentation of norms-goals. norms are principles, norms are tasks, but they do not have a fully rationally justified systematization, which should initiate the scientific interest. Satisfaction of the interests and needs of the individual, society and the state balanced by law as a target setting (super task) of law, in conditions of a clear and rational definition of the goals of legislation, becomes important taking into account the peculiarities of modern legal reality, as well as for the future.

Key words: goal setting, goals, substantive law, procedural law, norms-goals, targets.

For citation: Stepanenko, R.F., Khamidullina, F.I. (2024). The goal setting in law: the theoretical and methodological problems of substantive and procedural law // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 45–54.

Современная правовая наука, постепенно преодолевая методологический монизм юридической догматики, отождествляющей право и закон с волей государства (нормативизм, этатизм, легизм и другие позитивистские концепции), транслирует в исследовательское пространство юриспруденции проблемы смысло- и ценностнообразующих основ целей права. Межотраслевое и междисциплинарное взаимодействие в изучении сложных полиструктурных и полисемантических феноменов, одним из которых является целеполагание, требует участия креативного аналитического и дискурсивного мышления, выходящего за рамки дескриптивной юриспруденции, порой упускающей из вида принципиально значимые аспекты целерациональности права, важные для дальнейшего развития отечественного правотворчества, правореализации, в том числе правоприменения.

Современное правовое мышление, задействованное сегодня в последовательном пересмотре и аналитике стратегий правовой политики с позиций синергийной юриспруденции (синтез юридической науки, образования и практики), масштабирует проблему результативности и эффективности правовой деятельности, прежде всего начиная с постановки ее целей. Процесс, *во-первых*, предшествующий формулированию целей – *целеполагание*, априорно связан с осуществлением процедуры аргументации и верификации идей, интересов и потребностей, желаемых итогов позитивного преобразования правовой реальности. Мотивация целей (тактических и стратегических) объясняется доктриной правовой политики, которая обосновывает ключевые вопросы совершенствования права в качестве системной и научно репрезентируемой правовой деятельности органов власти,

гражданского общества, личности во имя реализации идей правового государства. Как отмечает О.Ю. Рыбаков, «миссию гуманизации права может осуществить правовая политика, смысл, цель которой состоит в создании условий для эффективной защиты прав и свобод личности»¹.

Именно политика права (правовая политика), как считает В.Н. Жуков, представляет собой: «1) установление цели правового регулирования; 2) разработку средств достижения этих целей... Поскольку процессу правового регулирования присуще определение целей и средств ее достижения»². Между тем справедливость сказанного В.Н. Жуковым не в полной мере соответствует сложившемуся состоянию в законодательной сфере. Вопросы формулирования целей и исследования процесса целеполагания в юридической науке остаются без должного внимания ученых, что находит отражение и в практической правовой деятельности, в связи с чем акцентировка проблематики целеполагания в праве представляется крайне актуальной.

Современная гуманитарная наука, постигая объектно-предметную сферу целеполагания с позиций понимания и объяснения любой социальной организации как целеполагающей системы, включает в себя целеполагающие подсистемы, институты и субинституты, обосновывая важность и априорность аналитической работы по выявлению и установлению интересов, мотивов, установок и выбора тех инвариантных целей деятельности социального характера, которые соответствуют как конкретному периоду исторической эпохи, так и проспективному видению эффективности всего социально-правового. Эйдосы философии и общей теории права «о предельных основаниях права, государства, власти, законодательства, их сущности и ценностных свойствах, о наиболее общих принципах организации мировоззренческих ориентирах правовой культуры общества»³, целях права, к огорчению, не входящие в полной мере в сферу интересов отраслевой юридической науки, в то же время имеют различные междисциплинарные ракурсы изучения в зарубежной и отечественной научной литературе в части исследования природы, функциональности и причинности целеполагания.

Каузальная природа – причинность – любого процесса, в том числе целеполагания в юридической доктринах, доминирующем образом имеет

¹ Рыбаков О.Ю. Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Вестник Саратовского государственного соц.-экон. ун-та. 2004. № 9. С. 136.

² Жуков В.Н. Политика права // Философия права. Словарь. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 521.

³ Жуков В.Н. Философия права // Там же. С. 761.

спорадический (механистический, не всегда последовательный) либо сугубо дескриптивный (объяснительный) характер, отражая строго линейную, схематизированную формальной логикой интерпретационную модель формулирования целей. Между тем иллюзорность такого моделирования, хотя и полезного для догмы права, подвергается сомнению матрицей учения Аристотеля о причинности как теории, излагающей в своей целокупности (Гегель) соединение четырех: формальные, материальные, деятельностные и целевые причины природы всего должно и сущего.

Постижение смыслообразования и целей древнегреческим мыслителем Аристотелем в известной работе «Метафизика» связано с поиском объективно существующей связи явлений, их причинной обусловленности (каузальная природа), обнаружением цепочки универсальных причин не только линейного (механистического), но и нелинейного характера, в «схватывании» правовых феноменов, в том числе через целевые причины. Последние с точки зрения этической и функциональной целесообразности в упорядочивании правовой реальности суть социальные ценности причинности функционирования нормативности континуума.

Н.М. Коркунов в работе «Лекции по общей теории права» (1914), размышляя о содержании юридических норм с позиций удовлетворения интересов человека, отмечает в числе одной из важных целей права устранение столкновения интересов (одинаковых, неодинаковых, но равноценных, неравноценных). Устанавливая «мир между субъектами этих интересов», становится важной их оценка с точки зрения нравственных воззрений как общества, так и правотворческих органов. Интерес мира, «каким бы образом не был он достигнут, уже сам по себе представляет выгоду. Он дает экономию сил, которые бы при отсутствии мира тратились на борьбу.., кроме этого интерес мира... таков, например интерес свободы, далеко не всегда и не всегда преследуемый правом. В современном правосознании цивилизованных народов ему принадлежит, однако, весьма выдающаяся роль»⁴, в том числе с праксеологических позиций целеполагания права и его результативности. Здесь становятся очевидными целевые причины юридических норм – установление нравственного, согласованного правового порядка.

Об аксиологии целей права как «юридической защите отношений» в контексте сходства и различия правового и нравственного рассуждал С.А. Муромцев в работе «Определение и основное разделение права» (1879). Автором отмечается, что юридическая защита (организованная) «менее

⁴ Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. М., 2024.

проницательна, чем защита нравственная (неорганизованная). Право преимущественно регулирует внешнюю, а нравственность – внутреннюю сторону поведения и поступков. Объединяясь и взаимодействуя, право и нравственность едины в своих целях. Для чего и закон служит условием наступления правового и нравственного порядка. Благовидные цели права и нравственности достижимы посредством признания обществом существа того или иного закона. Но «законодательно недостаточно иметь для себя только законность; если закон не встретит расположения у граждан и не подчерпнет в нем силы, то он распадается подобно высохшему дереву»⁵. Здесь С.А. Муромцевым подчеркивается особая цель юридической науки как искусства, которая состоит в том, «чтобы указывать цели практике и, следуя научным выводам, комбинировать средства для достижения избранных целей»⁶. Это самостоятельная задача всей юридической науки, лежащая в основе целеполагания на стадии конструирования целей для практической юриспруденции.

Между тем целеполагание в праве как недостаточно популярная и не получившая своего широкого распространения в юридической науке (как ранее, так и теперь) категория в отдельных исследованиях выступает синонимом, преимущественно в объяснении процедур формулирования целей (цели). Представляется, что целеполагание как интеллектуально-творческий, политico-правовой, научно систематизированный и доктринально организованный процесс в юриспруденции предваряет обоснование и дальнейшую легитимацию тех или иных целей прежде всего для нормативной правовой сферы разного уровня. В дальнейшем этот процесс (в ходе реализации поставленных целей) приобретает важное праксеологическое значение.

Отдельные недостатки правотворчества, в последнее время перманентно инициирующие изменения законодательства, не охваченные целеполагающим эффектом, не приносят существенных результатов в правореализационной, в том числе правоприменительной, сфере. Цели законодательства порой становятся дискретными, а их фрагментарное восполнение новыми нормами зачастую не дает желаемого результата.

Отмечая настоящую необходимость и потребность устранения дисфункциональных и негативных последствий отдельных законодательных изменений в духе современного «травматического нарратива», В.М. Баранов анализирует «травматические законы» в качестве элемента «общества

⁵ Муромцев С.А. Определение и основное разделение права. М., 2024.

⁶ Там же. С. 24.

травмы» и называет такие законы «рукотворным политico-правовым продуктом», за конструирование которого должен нести ответственность законодатель⁷. В этом смысле отсутствие целей в современном кодифицированном законодательстве можно отнести к травматическому эффекту, как минимум для правоприменения, следуя логике данного автора.

Аналогично вопрос актуализируется и в юридической практике, отсутствие целей в отдельных кодексах может быть воспринято как «болевая точка» и упущение правоведения, требующие незамедлительного «терапевтического» вмешательства науки. Будучи ценностно-рациональным, целеполагание в качестве ведущего элемента научной юридической деятельности ориентировано на ожидания личности, общества, государства и является методологически аргументированной моделью последующих стратегий осуществления эффективной правовой работы в сфере признания, соблюдения, защиты и охраны прав и свобод всех участников правовых отношений.

Во-вторых, априорность целеполагания как ценностно-рациональной основы, которая заключается в сопровождении всей юридической деятельности, заключается в последовательном, планируемом и базирующемся на удовлетворении потребностей и интересов индивидуальных и коллективных субъектов права процессе, очевидна и является концептуальным обоснованием путей и средств достижения формулируемых целей права. Прогнозирование и шире – предвидение в процессе целеполагания есть формула методологической инженерии, проспекция «желаемого» в праве и «ожидаемого» от права. При этом целеполагание интерпретирует и сохраняет требование к адекватности, разумности и соразмерности моделирования, использования адекватных юридических возможностей и средств в реализации аргументированных целей. Контуры целеполагания, перспективно нацеленные в будущее, однако не должны пренебречь традициями преемственности в праве, в том числе в сфере телесологических исследований его «целевой результативности» (Ю.А. Тихомиров).

Широкий ли, узкий ли подходы к правопониманию, пониманию правовой деятельности, правового (юридического) процесса и т.д. дискутируются либо популяризуются в правоведении, – если все это не основывается на доктринальных целях, то основной проблемой юриспруденции становятся низкая эффективность и малопродуктивность правовой работы как в настоящем, так и будущем,

⁷ Баранов В.М. Изменение законодательства как социальная травма // Юрид. техника. 2023. № 17. С. 40–51.

а также может быть подвергнута сомнению ее целесообразность.

Обладающий «творческим гением и энциклопедической ученостью» (К. Маркс) Гегель, объясняя важность учения о целях (телеологии), писал: «Телеологическое отношение как непосредственное есть ближайшим образом внешняя целесообразность..., объект цели есть некое особенное и преднайденное..., понятие цели – в себе сущее единство субъективного и объективного, положенного теперь как для себя сущее единство, где положена идея»⁸. Преднайденность целей – целеполагание всегда детерминируется множеством идей и замыслов, задействованных в генезисе смыслов целесообразности права, его природы и назначения в ректро- и проспекции.

«В детерминации любой из реалий, которыми живут мир и человек, участвуют не только прошлое (материальные причины), настоящее (деятельностные причины), но и будущее (целевые причины)... Аристотелевская каузальная четверица позволяет увидеть право во всей полноте, сложности и противоречивости составляющих компонентов. Единение четырех причин, их слияние в общий детерминационный приводит к возникновению права»⁹ материального и процессуального. Формальные причины в данной четверице – это те «идеальные первообразы, чистые формы, по образцам которых складываются правовые реалии, подлежащие упорядочению и регуляции при помощи норм права»¹⁰. Это образы идеи, ценности – ядро целеполагания, объективируемые в праве посредством формирования, например, декларативных норм о правовом социальном государстве, правах человека как высшей ценности и др.

Останавливая внимание в данном исследовании на целеполагании в духе аристотелевской тетрактиды, прежде всего на целевых причинах становления и развития права, следует отметить неразделенность целостности (системной связности) причин и результатов целеполагания в праве при построении и объяснении исследовательских замыслов. Их синергия и неразрывность онтологогносеологического и аксиологических союзов есть условие интерпретации целей в предварительном осмыслиении их взаимосвязанности с итогом пра-вотворчества и правореализации. Соответственно, «связанное», или кумулятивное, формулирование целей с результатом – условие их аксиологического

и праксеологического предназначения в настоящем и будущем, об этом утверждали известные российские правоведы в работах, изучающих целевые установки права.

Прогнозирование, планирование и предвидение¹¹ при выстраивании целеполагания первичны по отношению к стратегиям процессуального и материального права и сопряжено вторичны в связи с уже имеющимися практиками юридического опыта. Будучи зависимыми от апробированных правовой историей позитивных или деструктивных практик правовой деятельности, выстраиваясь из ретроспективных в проспективные образы желаемого в правокультурном пространстве, цели могут и должны быть аутентичны общечеловеческим ценностям; иметь рациональные и разумные основания; обладать структурно и функционально организованным системным качеством; отвечать цивилизованным и нравственным правовым состояниям национальных и наднациональных юрисдикций; соответствовать нормам и правоположениям Основного Закона, содержащим в себе нормы-принципы и нормы-цели как значимые компоненты целеполагания.

Нормы-цели, либо структурные элементы данных норм, производимые в контекстах магистральных общеправовых принципов и целеполагания права в целом (Справедливость, Равенство, Свобода), представляют собой универсальные, находящиеся на вершине иерархии правовых ценностей идеалы, экстраполируемые из сферы интересов и потребностей Человека в его экзистенциальном, духовно-нравственном, социальном и государственно-правовом измерениях.

При этом приданье доминирующего положения в юридической науке догматическому методу оправдывает себя праксеологическими устремлениями практической юриспруденции. Как отмечает В.Н. Жуков, «догматический метод рождается практикой методом проб и ошибок, в его основе всегда лежала не догматическая, а практическая целесообразность и законы формальной логики... С юридическим позитивизмом ситуация такая же, как и с догматическим методом... Юристы-философы (П.И. Новгородцев, И.А. Ильин) усматривали существенный изъян догматического подхода в его игнорировании смысловых и ценностных аспектов права»¹², к которым с уверенностью можно отнести целеполагание, придающее праву образ завершенности в его, возможно, идеализированных целях. Без преувеличения следует подчеркнуть наряду

⁸ Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. / вступ. ст. Е. Ситковского. М., 1975. Т. 1. С. 395–399 (Философское наследие).

⁹ Бачинин В.А., Сальников В.П. Причинность как философская проблема / под общ. ред. В.П. Сальникова. СПб., 2002. С. 7.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: Степаненко Р.Ф. Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5

¹² Жуков В.Н. Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Государство и право. 2018. № 5. С. 49.

с догмой права, социологией права и роль философии права, познающей, как отмечает Е.А. Фролова, «срез идеального права (которого еще нет, но оно желательно)... Философы права, ориентируя свое учение на построение какого-либо идеала, стремятся к его продолжительному характеру, т.е. стабильности в обществе»¹³. Последнее не видится возможным вне обоснования целей, имеющих как общечеловеческие, так и общеправовые ценности, постулируемые догмой права, социологией и философией права.

Нормы-цели как ценности общечеловеческого характера, как пишет О.В. Мартышин, «представляют собой *цели*, к которым люди стремятся, и связанны с удовлетворением их *потребностей*»¹⁴. Нравственность, как подчеркивает Ф.И. Хамидуллина, «рассматривается как способ практической ориентации поведения человека, направленной одновременно и на самого себя, и на других в качестве автономных самоценных субъектов»¹⁵, выполняя дуальную миссию целеполагания и возвышая его методологическое значение.

Методологически важно объяснение целевых причин или причинных целей (целеполагания) с позиций опосредования их прежде всего признаками «человекоразмерности», антропоморфности, что предполагает установление в праве мотивирующего и стимулирующего начал гармоничного и нормативно упорядоченного сосуществования человеческого сообщества, в том числе в общественном и государственно-правовом пространстве. Мотивирующая и стимулирующая норма-цель согласует интересы личности, общества и государства, организованно и совместно участвующих в формировании окружающей правовой среды, стремясь к повышению правового качества жизни.

Будучи целерациональной, система права (материального и процессуального) объективно содержит в себе как внешние, общечеловеческие, универсальные, генеральные и т.д. цели, так и внутренние, связанные со структурно-функциональными, инструментальными, институциональными и корпоративными интересами права. Последние различаются с потребностями человека в силу: а) экзистенциальной составляющей, находящейся за пределами нормативности, природы, основанной на высших смыслах личностной потребности в праве: человеческой добродетели и милосердии, вере, созидательности и т.д. (или наоборот); б) целесообразности нормативности совершенствования,

некоторого дистанцирования правом (посредством установления порой жестких рестрикций и запретов) от универсального и компромиссного социокультурного способа упорядочивания общественных отношений, в совместности/несовместимости интересов личности, общества и государства и др., для функционирования социального порядка, имеющих разные цели и, соответственно, различные средства и способы их достижения.

Соответственно, различие целей затрагивает и процессы целеполагания в конкретной отрасли права. Последние имеют то особенное, что позволяет, например, процессуальному праву, придерживаясь норм-целей права, формулировать особенные цели, основываясь на предопределении правового процесса как деятельности, способной «снимать» возникшие противоречия и конфликты в сфере права, находить компромиссное и справедливое решение, отвечающее интересам и личности, и общества, и государства.

В-третьих, целеполагание манифестирует и транслирует в законотворческое и правоприменильное пространство регуляторы сознательноволевого восприятия и подчинения всеми субъектами правоотношений требованиям закона. Целеполагание объясняет потребность ограничений свободы аргументированной необходимостью, целеполагание становится силой примирения различных интересов в их общности и единичности (индивидуальной или же непосредственно отраслевой в праве). Юридическое единичное должно определяться в нормативных сферах уголовного, гражданского, административного, арбитражного материального и процессуального права через конкретизацию и реализацию содержания их целей, сочетая интересы системы права, отдельной отрасли и институтов (субинститутов). Аргументация целей (теоретически и методологически) должна быть предметно сформулирована в организованных институциональных конструкциях отраслевого законодательства. Имея свои различия в зависимости от сферы правового регулирования (публично-правовые, частноправовые, частно-государственные срезы общественных отношений), но объединяясь общей целью – соблюдение, защита и охрана прав и свобод человека и гражданина, исходя из признания последних высшей ценностью и высшей целью всего правотворчества, правореализации, в том числе правоприменения, цели права должны стать той тактической и стратегической установкой, для которой и создавался правовой (юридический) мир.

Отсутствие целей в материальном и процессуальном российском праве сегодня равным образом и удивляет, и озадачивает. Общие части

¹³ Фролова Е.А. Уровни познания права: вопросы методологии // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 44.

¹⁴ Мартышин О.В. Философия права. М., 2017. С. 73.

¹⁵ Хамидуллина Ф.И. Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 15.

(положения) кодифицированного законодательства в отдельных сферах регулирования и охраны конституционных прав и свобод включают в себя только задачи нормативной правовой регламентации. Так, ст. 2 УК РФ к его задачам относит охрану прав и свобод человека и гражданина, собственности, общественного порядка, безопасности, окружающей среды, конституционного строя от преступных посягательств, обеспечение мира и безопасности человечества, а также предупреждение преступлений.

КоАП РФ формулирует задачи: а) защиты личности, охраны прав и свобод человека и гражданина; б) охрану здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения; в) защиту общественной нравственности; г) охрану окружающей среды; д) охрану установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности; е) охрану собственности; ж) защиту экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений; з) предупреждение административных правонарушений. К задачам гражданского судопроизводства относятся правильное и своевременное рассмотрение и разрешение гражданских дел в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан, организаций, прав и интересов Российской Федерации, субъектов Российской Федерации, муниципальных образований, других лиц, являющихся субъектами гражданских, трудовых или иных правоотношений.

Но задачи есть цели-задания – это сегментированная сфера, при помощи которой уточняются и выполняются поставленные и заданные цели, результируются стратегии и замыслы целеполагания. *Гражданский, Налоговый, Семейный, Земельный, Лесной, Жилищный, Градостроительный и иные кодексы не содержат целей и задач, за исключением Трудового кодекса РФ.*

Так, в ст. 1 ТК РФ «целями трудового законодательства являются установление государственных гарантий трудовых прав и свобод граждан, создание благоприятных условий труда, защита прав и интересов работников и работодателей. Основными задачами трудового законодательства декларируется создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства, а также правовое регулирование трудовых отношений...», далее конкретизируемые сферой регулирования трудового законодательства.

В соответствии с Арбитражным процессуальным кодексом РФ к задачам судопроизводства в арбитражных судах отнесены: «1) защита нарушенных или оспариваемых прав и законных

интересов лиц, осуществляющих предпринимательскую и иную экономическую деятельность..; 2) обеспечение доступности правосудия в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности; 3) справедливое публичное судебное разбирательство..; 4) укрепление законности и предупреждение правонарушений..; 5) формирование уважительного отношения к закону и суду; 6) содействие становлению и развитию партнерских деловых отношений, мирному урегулированию споров, формированию обычая и этики делового оборота».

Уголовно-процессуальный кодекс РФ формулирует принципы уголовного судопроизводства, но отсутствуют цели и задачи. Кодекс административного судопроизводства РФ включает задачи и принципы, но не содержит целей.

Анализируя содержание задач отдельных кодифицированных законодательных актов, следует отметить допущение нарушений законов логики (тождества, закон исключенного третьего, закон достаточного основания), что в первом приближении характеризует рассматриваемую сферу в качестве недостаточно научно обоснованной, аксиологически и праксеологически не в полной мере аргументированной. Такая ситуация снижает позитивную мотивацию к правомерному поведению как субъектов, в частности, правоприменительной деятельности, так и адресатов, участников той или иной сферы правовых отношений.

В полемике и противостоянии различных научных школ, за границами множества важных дискуссий о различении частного и публичного, материального и процессуального права, юридического процесса и правовых или юридических процедур, т.е. предмета изучения правоведения, к сожалению, остаются незамеченными ключевые проблемы – *целеполагание, цели, задачи материального и процессуального права*. Наука, однако, изучает не предмет, а проблемы (К. Поппер), что требует от нее расширения диапазона исследований, в которых правовая неопределенность всегда существует и требует восполнения данной неопределенности. Отсутствие целей и задач в законодательстве представляет особую проблемную область юридической науки, подлежащую концептуальному изучению. Это, по нашему мнению, – флагманское направление исследований прежде всего теоретико-исторических наук.

Здесь правовая аналитика, будучи методологической основой фундаментальной юриспруденции, используя критическое, креативное системное мышление, должна инициировать существенный научный интерес ученых-правоведов к данной проблемной и пробельной сфере юридической науки с точки зрения организации и оценки

эффективности деятельности правотворческих структур и органов правоприменения и в целом правореализации. Последняя, будучи относительно самостоятельной системой общественно значимых социальных практик, и правоприменение как «затыкающий» юридический факт¹⁶ нуждаются в целевой направленности своих компетентностных устремлений. Резонно подчеркнуть высокую степень актуальности данной проблематики в современный период нестабильности и неустойчивости правопорядков, без формулирования целей в которых всякая деятельность приобретает паллиативный, возможно, популистский и не вполне целерациональный характер.

«Результат достигается через мышление, идеализированное предвидение достижения целей... Целеполагание – первичная фаза управления выработки и принятия решений, заключается в постановке генеральной цели и совокупности целей (дерева целей) в соответствии с сущностью и характером решаемых проблем, назначением (миссией) системы, стратегическими установками»¹⁷, – отмечает М. К. Жемчугов, анализируя и обобщая отдельные исследования в области целеполагания.

А. Э. Петросян, анализируя доктрину целеполагания и ее иерархическую структуру в социальной организации, приходит к выводу: «Любая организация начинает с установления “универсальных и постоянных целей”... Они являются скорее функциями, задающими систему координат, внутри которой формулируется миссия организации, то, для чего она создается и что подлежит выполнению независимо от условий, в которых приходится действовать, и решаемых ею задач»¹⁸. Последнее, как представляется, не означает возможности осуществления правовой деятельности вне целеполагания, понимаемого уже как тактика и стратегии конкретной юридической деятельности, или же комплекс целей-установок, целей-задач и целей-функций для удовлетворительного и компетентностного планирования и применения профессиональных юридических полномочий и компетенций.

Отсутствие целей в праве сужает его универсальное общегуманитарное значение, повышает рискованность его применения, особенно в не-простые времена. Как отмечает О. Ю. Рыбаков, «риск пронизывает пространственные и темпоральные характеристики бытия.., онтологический

¹⁶ См.: Солдатова А. В. Правореализация в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8, 9.

¹⁷ Жемчугов М. К. Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4 (8). С. 7, 8.

¹⁸ Петросян А. Э. Природа организационных целей (концептуальный портрет в историческом интерьере) // Вестник Омского ун-та. 2015. № 3 (77). С. 77.

риск (риск как компонент бытия, являющийся сопутствующим фактором сущностных деформаций смысла и цели жизни человека) имеет своим источником исторически сложившееся неверное целеполагание деятельности человека, связанное с отклонением от смысла и назначения истинного целеполагания. Это ошибка в цели, задачах...»¹⁹, которую предпочтительнее не допускать, а допущенную – исправлять. Но в этом смысле правовая деятельность человека (актора правотворчества или субъекта правоприменения, ученого-юриста и т.д.), не обратившего пристального внимания на рассматриваемую проблему, не может быть оценена исключительно негативно. В силу умолчания либо незначительного интереса в данной области исследований сложилась, полагаем, ситуация неопределенности, которая стимулирует к выработке новых гипотез, идей и взглядов на проблемы целеполагания в праве.

Это, на наш взгляд, досадное упущение подлежит восполнить научному сообществу в случае признания им такой необходимости и целесообразности осуществления данных процедур. Новое исследование проблем неопределенности целеполагания в праве делегируется как представителям теоретического, так и отраслевого правоведения с учетом высокой степени ответственности и возможности возникновения рисков содержательно-эпистемологического характера.

Рассуждая о неопределенности как позитивном свойстве права, Н. А. Власенко пишет: «Неопределенность – субстанция, не стоящая на месте; она движется в сторону либо определенности, либо большей неопределенности, что также имеет свои пределы и последствия»²⁰, что есть нарративная область постижения целеполагания в юридической науке.

Резюмируя сказанное, необходимо подчеркнуть, что отсутствие целей и в некоторых случаях задач правового регулирования отдельных сфер общественных отношений в кодифицированном российском законодательстве ставит перед юридическим научным сообществом острые вопросы результативности и эффективности материального и процессуального права в условиях неполноты, пробельности и неопределенности целевых установок, ориентиров и стратегий субъектов правовой деятельности. В этих условиях методология целеполагания как системная, научно обоснованная деятельность: а) предваряющая аргументацию; б) сопровождающая легитимацию в нормативной

¹⁹ Рыбаков О. Ю. Значение права в обществе риска. Основные тенденции развития современного права. Казань, 2021. С. 30.

²⁰ Власенко Н. А. Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015. С. 56.

сфере; в) обеспечивающая реализацию целей правовреализации, в том числе правоприменения, способствует формированию нового знания о целевых установках, целевой причинности, ценностях и др. в интересах человека, общества и государства. Методология целеполагания лежит в основе организации и осуществления юридической деятельности и, приобретая новые аксиологические и практико-логические смыслы, стимулирует правовой научно-исследовательский и практический интерес к исследованию заявленной проблематики.

* * *

В завершение настоящего исследования хотелось бы подчеркнуть постановочно-проблемный характер данной работы, требующий для его осмыслиения участия фигуры «гибкого методолога», находящегося в пределах научных стереотипов и выходящего за них мышления: познающего внутренние и внешние, ближайшие и отдаленные, реальные, возможные и желаемые, не всегда достижимые и почти достижимые цели материального и процессуального права в диапазонах, а также за горизонтами правового целеполагания в научных аксиологических и праксеологических контекстах и целях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Баранов В.М.* Изменение законодательства как социальная травма // Юрид. техника. 2023. № 17. С. 40–51.
2. *Бачинин В.А., Сальников В.П.* Причинность как философская проблема / под общ. ред. В. П. Сальникова. СПб., 2002. С. 7.
3. *Власенко Н.А.* Проблемы правовой неопределенности: курс лекций. М., 2015. С. 56.
4. *Гегель Г.В.Ф.* Энциклопедия философских наук: в 3 т. / вступ. ст. Е. Ситковского. М., 1975. Т. 1. С. 395–399 (Философское наследие).
5. *Жемчугов М.К.* Цель и целеполагание в теории социальной организации // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 4 (8). С. 7, 8.
6. *Жуков В.Н.* Догматический метод и мифы юридического позитивизма // Государство и право. 2018. № 5. С. 49.
7. *Жуков В.Н.* Политика права // Философия права. Словарь / под ред. и сост. В.Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 521.
8. *Жуков В.Н.* Философия права // Философия права. Словарь / под ред. и сост. В.Н. Жукова. 2-е изд., дораб. и доп. М., 2021. С. 761.
9. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. М., 2024.
10. *Мартышин О.В.* Философия права. М., 2017. С. 73.
11. *Муромцев С.А.* Определение и основное разделение права. М., 2024. С. 24.
12. *Петросян А. Э.* Природа организационных целей (концептуальный портрет в историческом интерьере) // Вестник Омского ун-та. 2015. № 3 (77). С. 77.
13. *Рыбаков О.Ю.* Значение права в обществе риска. Основные тенденции развития современного права. Казань, 2021. С. 30.
14. *Рыбаков О.Ю.* Правовая политика в сфере защиты прав и свобод личности: формы и виды // Вестник Саратовского государственного соц.-экон. ун-та. 2004. № 9. С. 136.
15. *Солдатова А.В.* Правовреализация в социальной сфере: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2012. С. 8, 9.
16. *Степаненко Р.Ф.* Предвидение в праве: методологические возможности и перспективы // Государство и право. 2022. № 11. С. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5
17. *Фролова Е.А.* Уровни познания права: вопросы методологии // Правосудие. 2023. Т. 5. № 3. С. 44.
18. *Хамидуллина Ф.И.* Нравственные основания гражданского права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Казань, 2019. С. 15.

REFERENCES

1. *Baranov V. M.* Changing legislation as a social trauma // Legal technology. 2023. No. 17. Pp. 40–51 (in Russ.).
2. *Bachinin V.A., Salnikov V.P.* Causality as a philosophical problem / under the general editorship of V.P. Salnikov. SPb., 2002. P. 7 (in Russ.).
3. *Vlasenko N.A.* Problems of legal uncertainty: a course of lectures. M., 2015. P. 56 (in Russ.).
4. *Hegel G. V.F.* Encyclopedia of Philosophical Sciences: in 3 vols. / introd. by V.E. Sitkovsky. M., 1975. Vol. 1. Pp. 395–399 (Philosophical heritage) (in Russ.).
5. *Zhemchugov M. K.* Goal and goal-setting in the theory of social organization // Problems of economics and management. 2012. No. 4 (8). Pp. 7, 8 (in Russ.).
6. *Zhukov V. N.* Dogmatic method and myths of legal positivism // State and Law. 2018. No. 5. P. 49 (in Russ.).
7. *Zhukov V. N.* The politics of law // Philosophy of Law. Dictionary / ed. and comp. V.N. Zhukov. 2nd ed., rev. and add. M., 2021. P. 521 (in Russ.).
8. *Zhukov V. N.* Philosophy of Law // Philosophy of Law. Dictionary / ed. and comp. V.N. Zhukov. 2nd ed., rev. and add. M., 2021. P. 761 (in Russ.).
9. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. M., 2024 (in Russ.).
10. *Martyshin O. V.* Philosophy of Law. M., 2017. P. 73 (in Russ.).
11. *Muromtsev S. A.* Definition and basic division of law. M., 2024. P. 24 (in Russ.).
12. *Petrosyan A. E.* The nature of organizational goals (conceptual portrait in a historical interior) // Herald of the Omsk University. 2015. No. 3 (77). P. 77 (in Russ.).
13. *Rybakov O. Yu.* The importance of law in a risk society. The main trends in the development of modern law. Kazan, 2021. P. 30 (in Russ.).

14. *Rybakov O. Yu.* Legal policy in the field of protection of personal rights and freedoms: forms and types // Herald of the Saratov State Social and Economic University. 2004. No. 9. P. 136 (in Russ.).
15. *Soldatova A. V.* Legal realization in the social sphere: abstract ... PhD in Law. Kazan, 2012. Pp. 8, 9 (in Russ.).
16. *Stepanenko R. F.* Foresight in law: methodological possibilities and prospects // State and Law. 2022. No. 11. Pp. 47–54. DOI: 10.31857/S102694520022759-5 (in Russ.).
17. *Frolova E. A.* Levels of knowledge of law: questions of methodology // Justice. 2023. Vol. 5. No. 3. P. 44 (in Russ.).
18. *Khamidullina F.I.* The moral foundations of Civil Law: abstract ... Doctor of Law. Kazan, 2019. P. 15 (in Russ.).

Сведения об авторах

СТЕПАНЕНКО Равия Фаритовна –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории и истории
государства и права Казанского
(Приволжского) федерального университета;
420008 г. Казань, ул. Кремлевская, д. 18;
профессор кафедры теории и истории
государства и права Университета управления
«ТИСБИ»; 420012 г. Казань,
ул. Муштари, д. 11/43

ХАМИДУЛЛИНА Фарида Ильдаровна –
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права
Казанского (Приволжского) федерального
университета; 420008 г. Казань,
ул. Кремлевская, д. 18

Authors' information

STEPANENKO Raviya F. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law, Kazan (Volga Region) Federal
University; 18 Kremlevskaya str.,
420008 Kazan, Russia;
Professor of the Department of Theory and History
of State and Law,
TISBI University of Management;
11/43 Mushtari str., 420012 Kazan, Russia

KHAMIDULLINA Farida I. –
Doctor of Law, Professor,
Professor of the Department of Civil Law,
Kazan (Volga Region) Federal University;
18 Kremlevskaya str., 420008 Kazan, Russia

С. МОСКОВИЧИ: МАССЫ И ПОЛИТИКА

© 2024 г. В. Н. Жуков^{1, 2}

¹Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 16.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается учение С. Московичи о массах в контексте психоанализа. Московичи предпринял попытку создать «науку о массах», которая вполне адекватно отразила практику политических режимов XX в. С его точки зрения, либеральная демократия лишь формально представляется рациональной, аргументированной доктриной, где центральное место занимает категория «народ». На самом деле в основе государственных и политических институтов лежит эмоциональная жизнь масс, их бессознательное. Государство и государственные органы, политические партии, религиозные объединения, профсоюзы и другие социальные группы в своей основе осуществляют свою деятельность по законам толпы. Индивид, оказываясь членом массы, теряет способность рационально мыслить, подчиняясь эмоциям толпы.

Ключевые слова: Московичи, психоанализ, бессознательное, социальная психология, массы, вождизм.

Цитирование: Жуков В. Н. С. Московичи: массы и политика // Государство и право. 2024. № 10. С. 55–69.

DOI: 10.31857/S1026945224100063

S. MOSKOVICI: MASSES AND POLITICS

© 2024 V. N. Zhukov^{1, 2}

¹*Lomonosov Moscow State University*

²*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

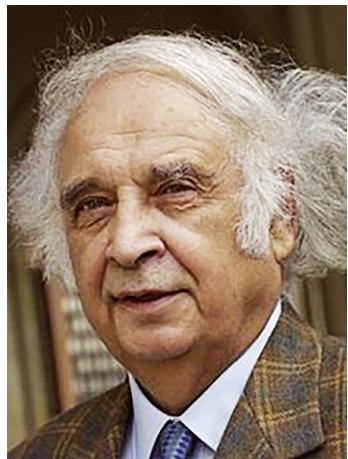
E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 16.09.2024

Abstract. The article examines S. Moscovici's teaching about the masses in the context of psychoanalysis. Moscovici made an attempt to create a "science of the masses", which quite adequately reflected the practice of the political regimes of the XX century. From his point of view, liberal democracy only formally appears to be a rational, reasoned doctrine, where the category of "people" occupies a central place. In fact, state and political institutions are based on the emotional life of the masses, their unconscious. The state and state bodies, political parties, religious associations, trade unions and other social groups basically carry out their activities according to the laws of the crowd. An individual, being a member of the mass, loses the ability to think rationally, obeying the emotions of the crowd.

Key words: Moscovici, psychoanalysis, the unconscious, social psychology, the masses, chiefdom.

For citation: Zhukov, V.N. (2024). S. Moscovici: masses and politics // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 55–69.

Серж Московичи – один из наиболее видных специалистов в области социальной психологии Франции и Европы. Несомненно, что на его интерес к социальной психологии оказали влияние факты личной биографии. Он родился в 1925 г. в еврейской семье (его первоначальное имя Срул-Герш Москович) в румынском городе Брэила. В условиях фашистской Румынии, где были введены антисемитские законы, в 1938 г. Московичи исключили из лицея, а в 1939 г. он стал членом румынской коммунистической партии. Впоследствии был интернирован в лагерь, подвергся преследованиям уже в постфашистской Румынии, которую ему удалось нелегально покинуть в 1947 г. Фашистские диктатуры, повсеместно возникшие в Европе после Первой мировой войны, демонстрировали всеобщий массовый психоз, ксенофобию, вождистские настроения и жажду насилия. На будущего психолога все это произвело неизгладимое впечатление и предопределило его научную судьбу.

Творчество Московичи представляет собой некий синтез идей, которые он заимствует у выдающихся психологов и социологов (Г. Лебон, Г. Тард,

З. Фрейд, М. Вебер, Э. Дюркгейм) и пытается развить их в собственном направлении. В плане оригинальности и оказанного им влияния он, конечно, уступает не только Фрейду или Юнгу, но также Фромму и Маркузе. Его работы – это по большей части анализ концепций выдающихся психологов и социологов, где его собственные теоретические взгляды занимают относительно скромное место. Вместе с тем проведенная Московичи историческая реконструкция психолого-социологической классики представляет большую ценность, так как позволяет посмотреть на, казалось бы, известные вещи под новым углом зрения.

«Наука о массах». Предмет изучения Московичи – массы и их проявления. Психологию масс, утверждает он, интересует два вопроса: способ объединения индивидов в массу и господство вождей над ней. Психология масс как наука, по его мнению, еще не состоялась, ей отказывают в научном статусе на том основании, что подлинный предмет психологии – только индивид и, соответственно, единственная возможная психология – только индивидуальная. Однако социальная действительность, возражает Московичи, имеет дело прежде всего с массами. Наука психологии масс оставляет в стороне традиционные для исследователей экономические и исторические факторы социальной жизни, ограничиваясь только одним – психической природой общества. Московичи ставит перед собой задачу сделать психологию масс подлинной наукой. Первопроходцами психологии масс он считает Лебона, Тарда и Фрейда, идеи которых, с его

точки зрения, многократно подтверждены практикой, особенно из недавнего прошлого. Но труды их остались незавершенными, а потому Московичи берется реконструировать теорию каждого из них и довести до логического конца их важнейшие положения. Он специально подчеркивает, что дело общественной науки – не разработка наилучших путей управления обществом, а изучение социальных условий осуществления власти¹. И это ему, как представляется, удается. В отличие от многих его коллег по творческому цеху, которые часто переходили от строгой науки к созданию социальных идеалов, Московичи не страдает утопизмом.

Московичи хотя и жалуется, что психология масс как наука еще не состоялась, но при этом справедливо замечает, что тема масс поднимается уже в конце XIX столетия. В XX в., когда в Европе и Азии повсеместно возникают диктаторские тоталитарные режимы, часто возвращенные на основе либеральной демократии, в философии и социологии проблема масс и массового общества встает в полный рост². Московичи верно отмечает, что в XX в. появляется сильная мотивация заниматься социальной психологией, так как мир оказывается в плена у политических вождей, выдвинутых массой; никогда ранее потребность в вождях у масс не была такой острой. Слово «масса», утверждает он, известно со времен Великой французской революции, но только XX в. показал истинное значение масс и сделал возможным научное изучение данного феномена. Капитализм, разрушив традиционный быт села и заставив бывших крестьян переселиться в город, создал нестабильные искусственные конгломераты людей, ставших массой. Пример такого нового конгломерата – возникший рабочий класс, его профсоюзы и партии, основная идея которых – грядущая революция, т.е. господство масс. Городские конгломераты рождают стандартизированного человека массовой культуры, «человека-массы», безличные атомы, из которых и формируются массы. В условиях массового общества возникают два вида конформизма: идущего от власти и от общества. Соответственно, целью политической борьбы становится не столько власть, сколько влияние на общество: у кого больше влияния, у того больше власти³.

Московичи верно указывает на различие в подходах к рассмотрению политico-правовых

¹ См.: *Московичи С.* Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 20, 31–34, 142, 448.

² См.: О. Шпенглер («Закат Европы»), Х. Ортега-и-Гассет («Восстание масс»), Н.А. Бердяев («Судьба человека в современном мире. К пониманию новой эпохи»), Б.П. Вышеславцев («Кризис индустриальной культуры»), Г. Маркузе («Одномерный человек»), Ж. Бодрийяр («Общество потребления») и др.

³ См.: *Московичи С.* Указ. соч. С. 23, 27, 44–46.

явлений, принятых в эпоху Просвещения и в ХХ в. Действительно, просветители (Г. Гроций, Б. Спиноза, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант), исповедуя концепции естественного права и общественного договора, видели в разуме человека организующее начало, способное создать относительно гармоничные социальные формы. В этом контексте были сформулированы базовые категории либеральной демократии: суверенитет народа, права человека, разделение властей, правовое государство. Но, как точно формулирует Московичи, истины, открываемые психологией масс, противоречат постулатам эпохи Просвещения и возвращенным на них юридическим конструкциям. Этого различия, продолжает он, не поняли ни либералы, ни социал-демократы, продолжавшие в ХХ в. проводить свою политику, которая основывалась на идее рациональности масс. Социал-демократы, например, не поняли важной вещи: чтобы рабочий класс сделать революционным, ему необходим иррациональный миф. А вот вожди итальянского фашизма и германского национал-социализма смогли увидеть психологическую природу масс, а потому пришли к власти. По утверждению Московичи, они тщательно штудировали книги Лебона, вследствие чего на его труды не принято было ссылаться⁴.

Понятие массы. Нельзя сказать, что до Лебона и Тарда тема масс ни в каком виде не поднималась. Начиная с Платона берет традиция рассмотрения общества и государства как организма. В Новое время ее продолжает Гоббс, в XIX в. – основоположники социологии О. Конт и Г. Спенсер. Органический (биологический) подход, широко распространенный в позитивистской социологии первой волны (вторая половина XIX – начало XX в.), предлагал посмотреть на общество и государство как биологические явления, живущие по своим законам. Социологов интересовал главным образом механизм социальных связей, организующих людей в некое системное целое (общество и его институты). Социальная психология, также бурно развивавшаяся со второй половины XIX в. и родственная по своим методам социологии, сделала своим предметом изучения эмоциональную жизнь масс в связи с их сознанием и институциональными формами. И социология, и социальная психология в целом выводили исследования общества за рамки идеологии и политики, предлагая внепартийное обществоведческое знание. Главный вывод, который был сделан, звучал так: масса – это ядро любого организованного коллектива, что является собой своеобразный закон общественной жизни и человеческой истории; массы, толпа – это не аномалия, а норма, аффекты

⁴ См.: там же. С. 33, 34, 90, 92, 101.

толпы – не случайная патология, а устойчивый предмет психологической науки. До недавнего времени масса считалась аномалией, существующей вне закономерностей, а потому не представляющей интереса для науки; заслуживали изучения только организованные движения или институты. Однако в сердцевине общества всегда обнаруживается масса, точно так же как в человеке – животное или в скульптуре – дерево. Масса – неизменное ядро любых политических институтов, социальных движений и цивилизаций⁵. Таким образом, психология масс уравнивала демократию и тоталитаризм, везде находя одинаковые по своей сути механизмы власти, существующие в массовом обществе. Более того, цивилизованные общества и их институты уравнивались с первобытными обществами, поскольку, как утверждалось, механизм власти в основе своей был один и тот же.

Толпа, масса, констатирует Московичи, – это социальное животное, сорвавшееся с цепи, это слепая, неукротимая сила, сметающая моральные запреты и преодолевающая любые препятствия. Толпа амбивалентна: она может демонстрировать как разрушительность для культуры, так и геройизм во имя высших идеалов. В этом смысле толпы не являются ни истеричными, ни безумными. Рождение любой формы коллективной жизни совпадает с появлением нового типа человека, и наоборот, исчезновение какой-либо коллективной формы влечет исчезновение соответствующего человеческого типа. XX столетие – это эпоха массовых обществ и человека-массы. Руководить людьми такого типа могут только вожди, обладающие свойствами пророков и магов. Толпа эмоциональна и напоминает женщину. Такую аналогию можно встретить у многих диктаторов XX в.⁶

Лебон и вслед за ним Фрейд различают массы естественные и искусственные. При этом, по Фрейду, разрушительностью обладают лишь естественные толпы, искусственные толпы (церковь, армия) делают много созидающего⁷.

Чтобы понять психологию масс, Московичи предлагает обратиться к функционированию психического аппарата «Я», который делится на две части: сознательную и бессознательную. Сознательная часть формируется в течение жизни, бывает разной у индивидов (может быть большей или меньшей), бессознательная часть, напротив, является врожденной, общей для всех и равномерно представленной в обществе. Первая – очень тонкая и времененная, вторая – массивная и существующая длительное время. Бессознательное оказывает

определяющее влияние на поведение человека, и сильно оно так потому, что связано с древними инстинктами. У индивидов, находящихся в массе, до минимума снижается сознание, утрачиваются их собственные качества, бессознательное же почти полностью их поглощает, нивелирует и связывает накрепко вместе. Толпа достигает своего единства благодаря действию бессознательного. Масса развязывает в человеке стихию иррациональных сил, наполняя его огромной энергией. В современной психологической науке, отмечает Московичи, сформировался постулат: «все, что является коллективным, неосознанно, и все, что бессознательно, является коллективным». Первая часть постулата принадлежит Лебону, вторая – Фрейду⁸.

Согласно Московичи, существуют только два типа мышления: первый (принадлежит индивиду) использует идею-понятие и руководствуется логикой, второй (присущ массам) – идею-образ и ориентирован на историческую память и внушение. Невозможно обращаться к массам с целью их мобилизации на языке логики. Искусство управлять массами – это искусство управлять их воображением. Если мышление индивидов сознательно, то мышление толпы – бессознательно. В обыденной жизни обнаруживает себя первое, в состоянии гипноза индивида – второе. Мышление индивидов критическое, построенное на законах логики и использующее абстрактные понятия. Оно обращено к реальности, проверяется опытом, не принимается без доказательств. Мышление толпы автоматическое, образное, в нем господствуют стереотипные ассоциации, клише, глубоко укорененные в памяти. Массы не способны к абстрактным суждениям, логика и основанные на них доводы не воспринимаются. Массы не понимают разницы между реальностью и ее видимостью, истина им недоступна. Они подменяют действительность представлением о ней, нетерпимое настоящее – прошлым. Мышление толп – это всегда мышление уже виденного и знаемого. Возвращение массам критического мышления, устранение иллюзорного сознания влечет за собой ее распад, так как утрачивается способ связи, механизм превращения индивидов в массу⁹.

Мышление масс, по Московичи, отличается тремя основными чертами: безразличием к противоречиям, жизненностью и повтором. Безразличие к противоречиям проявляется, в частности, в смешении противоположных политических и этических идей: шовинизма и социализма, братства и ненависти и т.п. Противоречия могут придавать политическим тезисам некую таинственность,

⁵ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 109, 110, 112, 113.

⁶ См.: там же. С. 27, 28, 107, 108, 120, 145.

⁷ См.: там же. С. 291, 292.

⁸ См.: там же. С. 125–127.

⁹ См.: там же. С. 127–131, 139, 140.

а потому — дополнительную авторитетность. Жизненность — это интуитивная способность, позволяющая выбрать решающую для массы идею из возможных. Ее сила состоит в том, чтобы не доказать с помощью аргументов, а показать контраст между идеей жизненной и не вполне. Жизненная идея не просвещает, а эмоционально захватывает. Повторяемость способна превращать идею-понятие в идею-действие, для чего политические лидеры используют в том числе массовые шествия и манифестации. Идеи, сведенные к коротким лозунгам и часто повторяемые, глубже проникают в сознание¹⁰.

В функционировании мышления масс, утверждает Московичи, основную роль играет механизм наложения и проекции. Наложение соединяет случайные идеи-образы на основе внешних признаков. В результате видимость приобретает свойство рассуждения, которое быстро пересекает от посылки к выводу, от части к целому, не проходя промежуточных этапов (например, дикарь, съедая сердце храброго врага, воображает, что сам становится храбрым). Проекция, перенося собственные бессознательные желания масс на внешний объект, стирает границу между действительностью и видимостью. Для толпы внешнее событие становится продуктом ее собственных желаний, и наоборот, свои фантазии толпа принимает за внешние события. Массы, живя ощущением внешней угрозы, могут увидеть в заурядном факте действительности угрозу себе, тем самым создавая обстановку паники, страха и ведя себя агрессивно¹¹.

Массы и индивид. Важнейшая черта толпы, согласно Московичи, — растворение в ней личности. Не имеют значения интеллектуальные и этические качества или социальный статус участников толпы. Человек, становясь частью толпы, теряет свои индивидуальные свойства. Находясь во власти масс, индивид теряет себя и смысл своего существования, утрачивает чувство безопасности и ищет защиту в сильных вождях. Он как бы забывает о своих высоких моральных установках и регрессирует к нижнему уровню ее членов. Иными словами, в массе последние становятся первыми.

¹⁰ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 132–135.

¹¹ См.: там же. С. 129, 130. И далее: «Исходя из слабых признаков, толпа уверяет сама себя, что существует некая угроза, исходящая от той или иной группы, например, евреев или негров. Она приписывает им несуществующие преступления (ритуальные убийства, изнасилования и так далее), раздувает слухи и пускается в погромы или линчевания. Тот же прием работает и для создания легенд вокруг персон, вызывающих особое восхищение. Они дополняются волнующими эпизодами — для французов это мученичество Наполеона на острове Святой Елены, для христиан это распятие Христа и так далее, — где он предстает таким, каким его хотят видеть, а не таким, каким он был» (см.: там же. С. 130, 131).

Существует фундаментальный факт: каждый из индивидов может быть разумен, но собравшись вместе, они теряют это качество. Люди, собираясь в толпу, приобретают новую общую сущность, которая подавляет их личную волю и подчиняет коллективной воле. Такое давление оказывает двойкое действие: с одной стороны, человек ощущает себя уничтоженным, с другой — испытывает эйфорию всемогущества. Индивид, находясь в массе, принимает господствующие в ней эмоции и идеи под воздействием механизма внушения, описанного Фрейдом. Сознание человека в толпе помрачается: он либо предается мистическому экстазу, либо панике. Индивид, становясь частью массы, получает возможность слиться с массой, что освобождает его от одиночества, так свойственного современному западной культуре¹².

Индивид, испытывающий в условиях массы ее внушение или влияние, полагает Московичи, фактически впадает в невроз. Во-первых, он отвергает логическое мышление, предпочитая алогичное, во-вторых, его личность раскалывается на рациональное и иррациональное, на внутреннюю жизнь и внешнюю. В обоих случаях наблюдается потеря связи с реальностью и потеря веры в себя. Он оказывается в состоянии войны с самим собой, его индивидуальное «Я» сталкивается с его социальным «Я». В этом состоянии невроза он становится податливым, склонным к подчинению приказов вожака. Так же, как индивид растворяется в массе и становится набором имитаций, так и при неврозе его слова и действия являются повторением травмирующих воспоминаний его детства. Однако поведение в массе и невроз имеют различные последствия. В первом случае индивид получает способность существовать в массе и одновременно утрачивает способность жить один, во втором — он, напротив, замыкается на себе и утрачивает связь с массой. Воздействие со стороны массы социализирует индивида, невроз делает его асоциальным. И массы, и индивид могут быть безумными: безумие масс возникает вследствие избытка социальных связей, безумие индивида наступает из-за полной утраты с другими людьми. Внушение, которое испытывает индивид в массе или на приеме у врача, может иметь один результат — истерию, хорошо описанную психиатрами¹³.

Массы и идеология. Согласно Московичи, толпа сплачивается и приобретает форму благодаря ценностям и идеям, которые дают толпе общую цель, цементируют ее. В отличие от марксизма, для которого идеи есть лишь надстройка над базисом, психология масс считает их основой общества. Массы,

¹² См.: там же. С. 27, 37, 39, 41, 106, 107, 113, 125.

¹³ См.: там же. С. 42.

лишенные веры в идеи, распадаются. Идеи, пронизывающие толпы, по сути, представляют собой религию со своими доктами и пантеоном святых¹⁴.

Идеология, продолжает он, есть основа организации индивидов в массы, в век толп роль идеологии многократно возрастает. Идеи становятся значимыми не в силу их правильности, а потому что они воплощают в себе традицию. Идея проходит путь от сознания индивида в бессознательное толпы и оттуда появляется как традиция, хранящаяся в памяти народа. Так, идеи свободы и равенства, проповедуемые философами эпохи Просвещения, во времена Великой французской революции приняли форму традиции, заимствованную у римлян и реализованную буржуазией. Идеи, принимая форму традиций и обычая, императивных в своей очевидности, заряжают массы энергией. Традиции и обычай воскрешают в сознании масс утраченный «земной рай» и тем самым нацеливают на преобразование действительности. Такая вера в будущий земной рай должна быть одновременно догматической и утопической¹⁵.

Догматизм верований масс диктуется необходимостью их защиты, так как всякий их пересмотр чреват распадом массы. В этих целях исключается всякая дискуссия, предлагаемые истины объявляются непогрешимыми, что так часто демонстрировали партийные идеологии. Абсолютные истины апеллируют не к разуму, а к вере. Идеологические доктрины отличаются бескомпромиссностью, радикализмом и чистотой. Они освобождают людей от двусмысленности и придают им эмоциональность. Абсолютные истины питают убежденность в принадлежности к группе, которая «всегда права». Все это придает толпе фанатизм, нетерпимость, авторитаризм. Политические партии разных мастей превратили общественную науку в мифологию, перейдя к инквизиции и террору в отношении инакомыслящих. Вместе с тем толпы живут надеждой на будущее, а потому нормой их мировоззрения становится утопизм. Утопия проводит резкую границу между реальностью и чаемым миром, наполняя массы гневом в отношении первой и экзальтацией ко второму. Утопия приобретает форму инстинкта самосохранения, склонного к крайним проявлениям. Она отличается своеобразной логикой, противоречащей реальности, но внешне обосновывающей ее постулаты¹⁶.

Идеи, заключает Московичи, рождают амбивалентность толпы: с одной стороны, она проявляет радикализм и экстремизм в своем стремлении разорвать с прошлым (существующей властью

и другими социальными институтами), которое ее угнетает в том или ином отношении, с другой – демонстрирует консерватизм, установку на сохранение близких ей ценностей, в защиту которых действует радикально. Муссолини и Гитлер сумели соединить радикализм социалистических идей с шовинизмом, основанном на традиции¹⁷.

Массы и либидо. Как полагает Московичи, Лебон и Фрейд по-разному понимают категорию бессознательного: для первого это субстрат нации или расы, коллективная память, представленная у последующих поколений, для второго – это «Оно» и «сверх-Я», т.е. нечто, связанное с трансформацией инстинктов. Еще одно отличие между ними: по Лебону, индивид приобретает свойства человека толпы от нее самой; по Фрейду, свойства толпы уже находятся в индивиде, толпа лишь их развязывает, и индивид регрессирует до уровня массы¹⁸.

Московичи дает свою трактовку теории либидо Фрейда. Обычно, рассуждает он, допускается, что человек – существо общественное, по своей природе склонное к объединению с другими людьми. Однако психология толп исходит из обратного: природа индивида антисоциальна и содержит две наклонности, мешающие объединению в коллектив. Первая – нарциссизм, вторая – желание немедленного удовлетворения инстинктов (особенно сексуального). Нарциссизм (любовь к собственному телу и своему «Я») делает человека нечувствительным к желаниям других, нетерпимым ко всему, что не есть он сам. Индивид отказывается переносить свое либидо на других, кроме себя. Нарциссизм свойствен и массе: этнос, народ, класс, нация, государство, любя себя и восхищаясь собой, могут испытывать ненависть к другим аналогичным группам. Ксенофобия, шовинизм и расизм, словом, ненависть к другому есть естественное следствие нарциссизма. Немедленное удовлетворение сексуального инстинкта также препятствует созданию долговременных социальных связей: как только желание удовлетворено, у партнеров пропадает необходимость быть вместе¹⁹.

Либидо, по Московичи, имеет свойство делиться на две части: одна часть (нарциссическое либидо) видит свой объект в «Я», вторая часть (эротическое либидо) ищет объект на стороне. Вот эта вторая часть либидо, преодолевая сопротивление нарциссической его части, и становится объединяющей связью индивидов в коллектив. Идея о делимости либидо на две части особенно показательна, указывает Московичи, на примере искусственных толп (армия, церковь), которые имеют два полюса:

¹⁴ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 151, 156, 157.

¹⁵ См.: там же. С. 152.

¹⁶ См.: там же. С. 154, 155.

¹⁷ См.: там же. С. 150.

¹⁸ См.: там же. С. 289, 290.

¹⁹ См.: там же. С. 297, 298.

вождь и масса. Вождь отличается последовательным нарциссизмом, любви к другим у него нет. Власть и положение вождя обеспечивают ему возможность любить только себя и наслаждаться своим одиночеством. Он самодостаточен и не боится потерять любовь других (друзей, подчиненных, подвластного населения). Толпа, напротив, состоит из индивидов, которым необходимо чувствовать себя любимыми и любить самим. Индивид из массы зависит от проявлений эротического либидо, общего для всех. В логически очищенном виде модель постоянного коллектива такова: вождь любит только самого себя, люди-масса любят других, не имея возможности любить себя. Нарциссизм – это необходимое качество стремящегося к вождизму человека: он идет к власти, чтобы иметь возможность быть одному и любить только самого себя²⁰.

Согласно Московичи, индивиды, составляющие искусственные коллективы, пожертвовали любовью к себе, победив тем самым свои антисоциальные наклонности. Любовь к другим членам коллектива распространяется в том числе на вождя. Однако массы предпочитают не признавать, что их вождь – нарцисс, в противном случае социальные связи начали бы распадаться. Таким образом, связь между вождем и подвластными строится на основе любви индивидов друг к другу и к вождю, но при условии предполагаемой ответной любви вождя к массам. Иными словами, связь масс и вождя строится на самообмане масс, на иллюзии, при разрушении которой рушится власть, существующая иерархия общественных отношений. Нарциссизм вождя и иллюзии масс относительно своего вождя – основа существования искусственных коллективов. Поэтому, заключает Московичи, вождь – это основа искусственных толп, у которых есть две угрозы: 1) риск утраты иллюзии относительно любви вождя к массам; 2) неравномерность показной любви вождя к индивидам массы²¹.

Идентификация. Связь между людьми, утверждает Московичи, делает более устойчивой механизм идентификации, описанный Фрейдом. В результате идентификации один человек отождествляет себя с другим на основе эмоциональной привязанности. Идентификация имеет две цели: 1) устранить угрозу быть изгнанным из среды, в которой индивид находится; 2) присвоить другого человека путем слияния с ним, а точнее – растворения его в себе (Людовик XIV: «Государство – это я!»)²².

Идентификация, по Московичи, меняет природу человека настолько, что он становится копией объекта идентификации. Еще в детстве

идентификация формирует в ребенке модель желаний родителей (например, набор свойств, которые родители хотели бы видеть в ребенке), что выступает основой будущих социальных связей. Идентификация, поскольку она включает в себя повторение, борется против любого изменения, которое могло бы нарушить коллективное однообразие. В этом отношении идентификация заставляет человека регрессировать от своей индивидуальности к некоей усредненной социальности, что обеспечивает его связь с другими людьми. Стремление к регрессии, возвращая индивида к ранее выбранным моделям подражания, делает социальные связи стабильными²³.

Следствие идентификации, заключает Московичи, – формирование «сверх-Я» («идеала-Я»). Выполняя их требования, человек может испытывать удовольствие, сходное с сексуальным удовлетворением. Если в детстве «сверх-Я» – требования родителей, то во взрослой жизни за «сверх-Я» часто стоят политические вожди, выполнение требований которых тоже может доставлять удовольствие²⁴. Из «сверх-Я» вытекает любая мораль и любая политика. «Сверх-Я» формируется не по образу только отца, но и матери тоже, из чего следует вывод: «сверх-Я» – это образец поведения социальной мини-группы. Соответственно, за «сверх-Я» стоит и общество в лице той среды, к которой принадлежит индивид. «Сверх-Я» представляет собой наивысшую инстанцию эволюции человечества, является гарантом всех его социальных функций, религии и идеологии. «Сверх-Я» заставляет чувствовать свою ответственность за выживание культуры²⁵.

Эрос и Мимесис. В основе социальных связей толп, рассуждает Московичи, лежат механизмы любви (Эрос) и идентификации (Мимесис), что предполагает две группы желаний. Первая – желания влюбленности, которые стремятся отвлечь личность от самой себя, чтобы объединить с другими. Вторая – миметические желания, т.е. стремление к идентичности, исключительной привязанности к другому. Первая группа желаний подталкивает индивида объединяться с людьми, которыми он хотел бы обладать, вторая – толкает его к людям, являющимися для него моделью подражания. На уровне индивида эротическая тенденция преобладает над миметической, на уровне массы – наоборот. Данный подход, подчеркивает Московичи,

²⁰ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 299, 301, 302.

²¹ См.: там же. С. 303.

²² См.: там же. С. 311, 312.

²³ См.: там же. С. 313–315.

²⁴ В этом отношении показательная фраза одного из вождей Третьего рейха Геринга: «У меня нет совести, моя совесть – это фюрер».

²⁵ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 320–323.

хотя и отталкивается от теории Фрейда, но не соответствует ей²⁶.

Согласно Московичи, толпа характерна сильным принуждением к равенству. Требование равенства к другим строится на чувстве ревности и эгоизме индивида. Индивид одновременно стремится к собственной исключительности и к требованию запрета на исключительность другого. Ревность к исключительности других и возникающая на этой основе враждебность ограничивается враждебностью со стороны других лиц. В этом случае взаимная враждебность угрожает собственным интересам индивидов, что рождает потребность договариваться и объединяться в союз. «Одни отказываются от привилегии, от прошлой исключительности, другие – от идеи получить ее в будущем. По ходу дела дистанция недоверия и ненависти сокращается, все идентифицируются друг с другом, копируют и повторяют друг друга, занимаются одинаковой деятельностью, успокоенные в какой-то мере тем, что находят удовольствие в имитации. При этом они продолжают следить друг за другом, чтобы никто не добился ни большей милости, ни какого-то особого покровительства»²⁷. Установление равенства воспринимается как освобождение от бремени ревности и враждебности, любовная склонность заменяется взаимной идентификацией индивидов. В результате у индивидов, состоящих в массе, возникает чувство общей судьбы, единого духа, основными чертами которого становятся требования равенства и справедливости²⁸.

Равенство, продолжает Московичи, блокирует зависть и соперничество. Индивид, находящийся в массе, отказывается от своих самых интимных желаний и требует от других того же. Часто это выражается в лицемерии. Счастье заменяется чувством равноправия и единой судьбы с массой. Любая попытка проявить свою индивидуальность рассматривается как покушение на негласный договор об установлении равенства. В этом смысле равенство и справедливость всегда есть насилие над личностью, а демократия предполагает строгую внутреннюю дисциплину. Между индивидом и демократией всегда существует скрытое напряжение, при определенных условиях готовое прорваться. В то же время нивелирование личности снимает психологические барьеры между людьми, внося в массу известную гармонию и некоторый беспорядок. Масса начинает напоминать броуновское движение, но существующее в заданных рамках. Такая особенность масс позволяет говорить

об их анархичности, что доставляет индивидам имитационное наслаждение. Таким образом, толпа одновременно представляет собой средство крайнего принуждения и крайнего индивидуализма. По логике Московичи, индивидуализм проявляется себя парадоксальным образом: человек получает удовольствие, отказавшись от самого себя²⁹.

Но, утверждает Московичи, господствующая в массах идея равенства имеет одно исключение: она не распространяется на вождя. Массы, развивает он свою мысль, могут легко переходить от паники к террору. В первом случае действует деидентификация, во втором – сверхидентификация индивидов, растворенных в толпе. В основе обоих процессов лежат взаимоотношения между массой и вождем, что хорошо видно на примере армии. Если масса считает (пусть даже иллюзорно), что она любима вождем (военачальником), она сплачивается вокруг него, если она считает себя покинутой им, масса теряет идентификацию, у нее возникает чувство заброшенности, что рождает агрессию индивида как против себя, так и против массы. В условиях паники всплывают старые страхи, все кажется враждебным. Паника ничего нового не создает, она лишь позволяет проявиться старым страхам³⁰.

В условиях коллективного разложения, делает вывод Московичи, механизм влюбленности и мимесиса действует только в отношении самого индивида, он ищет спасение в исключительной любви к самому себе, которая, как он полагает, позволит ему выжить. Сокращение идентификации ведет к увеличению влияния Эроса, что наглядно проявляется в экстремальных ситуациях («пир во время чумы»). Если идентификация берет верх, масса обращается к замениителю вождя, делая из него источник своих бед: им становятся евреи, чернокожие, бедные, богатые, большевики и т.д. Паника представляет собой нарциссическую инфекцию. Покончить с паникой можно только с помощью твердого управления, которое восстановит механизм идентичности. При панике индивид обращает свой страх против толпы и слепо ее разрушает, при терроре толпа направляет свой страх против человека. Такая толпа в экзальтации приносит в жертву всех, кто не разделяет ее устремления. Данное насилие всегда происходит от психологической нищеты масс, когда под угрозой оказывается либо любовь, либо идентичность³¹.

Гипотеза первобытной орды. Московичи проектирует гипотезу Фрейда об акте отцеубийства, совершенном в первобытной орде, на диктатуры

²⁶ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 323, 324.

²⁷ Там же. С. 326.

²⁸ См.: там же. С. 325–327.

²⁹ См.: там же. С. 327–329.

³⁰ См.: там же. С. 329–331.

³¹ См.: там же. С. 332, 333, 335.

всех времен и народов, включая ХХ в. С его точки зрения, массы, не желая того, хранят следы своей древней жизни и первобытных времен; в настоящем повторяется прошлое. Воскресший отец, рассуждает он, проявляет себя в диктаторской власти харизматического вождя (например, Марка Антония или Сталина). Харизматический вождь, уничтожая своих политических противников, как бы заставляет их искупить свою вину перед убитым братьями отцом. Вождь, осуществляющий политический террор, чувствует себя освобожденным от вины, перекладывая ее на репрессируемых. Уничтожая своих противников, вождь фактически борется с любым пополнением его убить, т.е. повторить убийство первобытного праотца. Убийство отца заканчивается резней сыновей. В результате террора вождь сосредоточивает в своих руках власть, распределенную ранее между всеми политическими деятелями (братьями). Борьба за равенство (убийство отца) в итоге ведет к возвращению неравенства между вождем и массами. Вождь, участвовавший в революции ради равенства, прияя к власти, восстанавливает иерархию и привилегии (например, Наполеон или Сталин)³².

Ставший вождем после убийства отца и занявший его место, продолжает Московичи, все равно считается узурпатором, укравшим власть отца у своих братьев. С целью удержания власти он вроде бы должен принять закон братского клана и привести в соответствие с ней свою власть. Однако этого не делается. Вождь сохраняет форму клана, но изменяет его содержание³³. Харизматический лидер одновременно воплощает в себе убитого отца и героя-сына, его убившего. Массы подчиняются ему в силу двух обстоятельств: проявляют к нему любовь, видя в нем воскресшего вождя, и испытывают страх перед его жестокостью, которую он продемонстрировал, убив своего отца и своих братьев. Сила вождя исходит от этой двойственности³⁴.

Гипотезу первобытной орды Московичи объясняет с помощью механизма идеализации. Акт отцеубийства и узурпация власти одним из братьев

³² См.: Московичи С. Указ. соч. С. 359, 365.

³³ «Уважая равноправный характер клана, одинаковый для всех, он добавляет к нему запрещение и внешние санкции, которые принимают в расчет относительную силу каждого. Равные перед законом люди больше не равны перед наградами и наказаниями. То, что позволено высшим, запрещено низшим. Переходя в руки нового отца, ставшего судьей и обвинителем, закон трансформируется. Он больше не власть, а лишь инструмент власти. Отныне он включает два веса и две меры: одни – для господствующих, другие – для подчиненных. Другими словами, женское изобретение закона превратилось в матрицу мужского творения, в порядок, то есть в право, ограниченное властью, в патриархальный порядок» (см.: там же. С. 366).

³⁴ См.: там же. С. 367.

впоследствии возвращается в сознание масс в качестве воспоминания и символов. Массы повинуются вождю, представшему им в качестве его идеала. Подчинение осуществляется благодаря не физической силе, а действию идеального образа, хранимого массовым сознанием. Отныне борьба с властью означает борьбу не с конкретным человеком, а с идеалом. Таким образом, освободившись от рабства конкретного вождя, человек становится рабом идеала, живущего в его собственном сознании. Рабство оказывается не физическим, а мыслительным актом, что еще более укрепляет состояние рабства³⁵.

Фрейд связывает гипотезу первобытной орды с возникновением религии. То же делает и Московичи, но в основном применительно к механизму реализации власти. Для масс (в том числе искусственных масс – армии, церкви, партии), указывает он, характерны верования, которыми они скрепляются. Вождь, поскольку он соединяет в себе отца-основателя и героического сына, убившего отца, несет в массы систему верований, закрепляющую власть вождя над массами. Массы нуждаются в религии, которая может быть либо сакральной (вера в Бога), либо светской (вера в иные, кроме Бога, объекты: природу, историю, родину, индустрию). Проникая в поры массового общества, светская религия становится сутью человеческой жизни, верой, без которой все умирает. Впервые светская религия появляется в эпоху Великой французской революции. Робеспьер первым признал в ней самое мощное средство возрождения нации³⁶.

Светская религия, согласно Московичи, имеет три основные функции. Первая состоит в создании единой картины мира, поскольку только она дает человеку твердую почву под ногами и возможность строить планы на будущее. Светские религии объясняют происхождение общества (нации, расы, класса и т.д.) и описывают его становление вплоть до состояния совершенства. Вторая функция имеет цель гармонизировать общественные отношения, что предполагает предложение концепций по реформированию социального мира. В этом смысле светская религия является религией надежды. Светская религия, предлагая массам социальный идеал и создавая тем самым ценностную шкалу, разделяет поступки на разрешенные и запрещенные. Третья функция призвана спрятать тайну, которую скрывает светская религия. Эта тайна лежит в основе иерархической организации масс (партии, церкви, армии). Всякая попытка разоблачить тайну рождает страх и гнев масс и ее вождей³⁷.

³⁵ См.: там же. С. 369.

³⁶ См.: там же. С. 414–416.

³⁷ См.: там же. С. 416–419.

Третья функция светской религии (охрана тайны), полагает Московичи, связана с гипотезой Фрейда о первобытной орде. Светская религия, утратив свой сакральный характер, не перестает быть религией, а значит, укладывается в рамки гипотезы об убийстве праотца его сыновьями. Всякая религия (в том числе светская) является делом рук сыновей-заговорщиков, а не отцов-основателей. У них есть все основания создавать иллюзии относительно происхождения нового общества и роли в нем каждого из них. Тайной новой религии становится убийство сыновьями-братьями своего отца. Пролитая кровь отца стала объединяющим ядром братьев в правящую касту, а индивидов – в общество. В основе большинства социальных институтов лежит заговор молчания. Религия снимает с братьев обвинение в убийстве и одновременно дает им в руки законную власть. Попытка пробиться к истине о происхождении власти может стать источником конфликтов, только вера способна внести спокойствие в общество³⁸.

Показательный пример светской религии, имеющей корни в акте первобытного отцеубийства, убежден Московичи, – знаменитые московские процессы 1936–1938 гг. Эти процессы превращают политический мир в мир религиозный, так как их участники призваны признать ошибку и совершивший акт ее искупления. «Каждый по-своему оказывается мучеником: и тот, кто берет на себя преступление, которого он не совершал, и тот, кто обвиняет его в мнимых злодеяниях во имя сохранения общих ценностей революции, которую они совершили вместе»³⁹. Сущность обвинения остается туманной. Создается впечатление, что обвиняемые виновны не в том, что они совершили, а в факте их собственного существования. Смертный приговор, который им выносят, воспринимается как приговор Бога, который наказывает не за преступки, а за сам факт существования подсудимых. Если они чего-то и боятся, так это плохо сыграть отведенную им роль, скрыть то, о чем должны молчать, скомпрометировать партию, которой преданы всей душой. Признавая обвинения, они скрывают свое соучастие с обвинителями в общих преступлениях. Признания обвиняемых сохраняли основополагающую тайну революции и истоки нового общественного строя. Обвиняемые – это часть братьев, убивших отца, но считающих своим долгом скрыть эту тайну, даже находясь в положении подсудимых. Московичи уверен, что смерть Ленина, коллективное руководство и затем установление Сталиным личной власти хорошо иллюстрирует гипотезу Фрейда о первобытной орде. Культ отца связан с рождением светской религии. Пример

тому – Stalin и Lenin. Харизматичный правитель воскрешает первичный образ убитого праотца, совмещая его со своим собственным образом⁴⁰.

Московские политические процессы, заключает Московичи, закрывают путь к истине, запрещают свободные исторические исследования, становясь черной дырой в исторической памяти. Отныне история становится системой верований, набором догм. Политико-историческая доктрина сближается с религией, а свободной мысли устанавливается запрет. Если сакральные религии строятся на отказе от инстинктов, то светские религии – на отказе от разума и истины. Любая светская религия содержит тайну, выходящую за рамки разума и объединяющую массы. Ослабление этого действия ведет к дроблению на фракции внутри партии или к возникновению движений внутри нации⁴¹.

Массы и вожди. Московичи ставят перед собой цель понять причины неразрывной связи вождя с народом. Как он полагает, появление вождей есть проявление человеческой природы, массы в силу своей духовной нищеты требуют вождей. Народ и вождя связывает власть, народ власть заевливает и удерживает, а вождь ее домогается, обещая массам реализовать их мечты. Любые выборы, любая деятельность масс становится плебисцитом вождя. Между массами и вождем существует неразрывная связь, превращая народ в тень вождя. Сама масса превращает вождей в полубогов. Вождь соединяет вещество (массы) и форму (идеологию). Вождь – это выходец из толпы, захваченный верой раньше и глубже других. Любой великий вождь – фанатик. Фанатизм рождает доверие в массах. У вождя смелость, воля к действию преобладает над интеллектом⁴².

Для вождя, утверждает Московичи, недоступны два способа повлиять на массы и побудить их к действию: сила и разум. Физическое насилие, рождающее в массах страх, сделает их апатичными к предлагаемой политике и породит общественное лицемерие. Апеллировать к разуму масс вождь также не может, так как властные отношения между ними глубоко иррациональны. Любая дискуссия, предполагающая опору на здравые аргументы, способна подорвать власть вождя. Вождю остается только третий путь – обольщение масс, т.е. перенесение их в иллюзорный мир⁴³.

Портрет вождя. Согласно Московичи, между великими людьми (вождями) и обычными есть различия. Великий человек контролирует свое

³⁸ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 418–422.

³⁹ Там же. С. 423.

⁴⁰ См.: там же. С. 423–426, 431, 433–442.

⁴¹ См.: там же. С. 426, 427, 429, 430.

⁴² См.: там же. С. 25, 29, 30, 159, 160, 448.

⁴³ См.: там же. С. 176–178.

сознание и свои инстинкты, обычный человек не способен быть хозяином самому себе, он сливаются с массой. В великом человеке четко различаются «сверх-Я» и «Я», очень любящее себя. Он самодостаточен и занят самим собой. Великий человек может быть лидером, взять ответственность на себя, отвергнуть существующий порядок вещей, дать импульс развитию культуры. Сильное «сверх-Я» делает его фанатиком и наполняет энергией. Массовый (тотальный) человек также отличается любовью к себе, эгоизмом, но у него доминирует эротическая составляющая либидо. Главное для него — любовь других, ее потеря будет для него большой утратой, что делает его зависимым от других. Чтобы сохранить любовь других, массовый человек готов отказаться от удовлетворения своих влечений. Для массового человека характерно сочетание нарциссического либидо и эротического.

Вождь разделен двумя противоположными силами: любовью и идентификацией, Эросом и Мимесисом. Он ощущает напряжение между крайним индивидуализмом и крайней общительностью. Это напряжение великого человека есть следствие полной идентификации его с какой-то идеей, группой или идеальной личностью. У обычного человека между Эросом и Мимесисом царит гармония. У вождя конфликт Эроса и Мимесиса разрешается в пользу второго. При выборе между кругом его родных, близких и знакомых, не отличающихся богатством, знатностью и влиянием, и кругом людей элиты великие люди всегда отдают предпочтение вторым, т.е. идентификации с ними. «Главное для них — быть похожими на высших существ, управлять себя с их образцами»⁴⁴.

Авторитет вождя. Вождь, по Московичи, наделен авторитетом, который становится гипнотической силой, способной воздействовать на толпу. Авторитет делает возможным властовование вождя без опоры на угрозу физического принуждения. Вождь с неизбежностью становится одиноким, бывшие соратники и друзья переходят в разряд его подчиненных. Пирамида власти так устроена, что на вершине может оставаться только один, вождю не может быть равных.

Авторитет, убежден Московичи, — это дар, присущий только некоторым людям и требующий постоянного укрепления. В авторитете слиты два качества вождя: его убежденность и отвага, что в политологии получило название «харизма». Условие авторитета — внушение страха, пресекающего любую дискуссию, так как оспариваемый авторитет — уже больше не авторитет. Вождь создает иллюзию обладания эзотерическим знанием, хранителя

тайны, которой не обладают массы. Авторитет есть иллюзия, созданная и вождем, и массой.

Московичи предлагает различать авторитет должности и авторитет личности. В массовом обществе главную роль играет авторитет личности (вождя). Вождь, утративший личный авторитет, вынужден прибегать к насилию. Авторитет личности страдает тем недостатком, что ему недостает законного основания. Он может быть низвергнут в любой момент, как только исчерпается дар вождя, его способность к господству. Авторитет вождя, основанный на личных качествах, требует постоянного подкрепления в виде успеха. Вождь, действующий на основе авторитета личности, всегда будет восприниматься узурпатором, что заставляет его расправляться с возможными институциональными претендентами на власть. В век толп даже законно получивший власть вождь, по существу, является узурпатором, поскольку, чтобы успешно управлять, он должен обладать качествами народного вождя.

Вожди, способные сохранить свой авторитет безупречным, — это мертвые вожди. Если к живым вождям массы питают любовь и ненависть, то мертвые вожди — это воскресшие боги, стоящие вне критики и требующие безусловного поклонения. В этом отношении мертвые вожди опаснее живых, так как разрушение их авторитета ведет к разрушению толпы⁴⁵.

Вождь как символ прошлого. Наряду с механизмом Эроса и идентификацией, полагает Московичи, на психологию масс влияет еще и третий, связанный с памятью масс. Память у народа долгая, поскольку в психической жизни ничто не теряется, все может возвратиться при определенных условиях. Для людей характерно смотреть на настоящее через призму прошлого. Харизматический вождь возрождает образы прошлого, что аккумулирует энергию масс и вызывает немедленную реакцию повиновения.

По Московичи, постулат науки о массах гласит: впечатления прошлого сохраняются в психической жизни масс в форме «мнестических» (связанных с памятью) следов. При определенных обстоятельствах их можно восстановить и оживить. Чем сле-ды прошлого древнее, тем они лучше сохраняются.

Московичи описывает механизм исторической памяти. Сначала память конструирует модель прошлого, выбирая только то, что она готова хранить. Благодаря идентификации герои прошлого ретушируются, что делает их образцами для всех. Затем память наполняет восстановленные образы эмоциями большой силы. Поскольку историческая память избирательна, даже самые тяжелые страницы

⁴⁴ Московичи С. Указ. соч. С. 377, 378, 383.

⁴⁵ См.: там же. С. 167–176.

истории (в том числе о кровавых тиранах) народная память подает в форме, отвечающей желаниям масс. Ностальгия смягчает контрасты истории, историческая память совмещает несовместимое, делает неправдоподобное правдоподобным. В этом смысле события прошлого никогда не кажутся такими, какими были на самом деле. Таким образом, исторические картины прошлого – это продукт воображения⁴⁶. Фрейд это называл возвращение вытесненного.

Типы вождей. Московичи различает вождей двух типов: вожди типа Моисея и тотемические вожди. Вожди моисеева типа стремятся изгнать свое представление в образах, отказаться от него или от того, чтобы сделать из него орудие власти. Они сдерживают стремление подражать им и видеть реальность их глазами. Они борются против превращения веры в суеверие, харизмы – в амулет, их личности – в идол. Тотемические вожди, напротив, поддерживают культ их личности. С этой целью они создают пышную атрибутику (ритуалы, обряды), подчеркивающую их превосходство. Так поступали отцы христианской религии, приспособив пышные языческие обычаи для упрочения своей власти. Тотемические вожди создают пантеон знаков своей власти, делают из себя кумиров, чтобы легче подчинить себе толпы. Во множестве изготавливаются изображения вождя, которые можно встретить в публичных местах и в каждом доме.

Отличие между вождями обоих типов, продолжает Московичи, состоит также в том, что вожди моисеева типа хотят идентифицировать массу с религией, тотемические вожди – с самими собой. Первые стараются уничтожить внешние атрибуты власти, сделать свое поведение сдержанным, а свою власть незаметной. Тотемические вожди выставляют напоказ свои якобы необыкновенные качества, создают образ своего всемогущества и непогрешимости. Вожди моисеева типа требуют от масс (так же, как и от себя) укрепления их «сверх-Я», контроля над своими желаниями и инстинктами. В этом случае самооценка народа возрастает, он начинает чувствовать себя избранным для исключительной миссии. Тотемические вожди, напротив, не заботятся о воспитании масс, они их подчиняют такими, какие они есть. Вожди этого типа повторствуют инстинктам масс, обещая им полное их удовлетворение. Массы ждут от такого вождя чуда, верят в его всемогущество, что погружает массы в мир иллюзий. Тотемические вожди рассматривают идеи (например, христианство, социализм) в качестве средства удовлетворения инстинктов масс. «Сверх-Я» оказывается под большим прессингом в пользу удовлетворения «Я», что

снижает уважение масс к себе и возвышает в их глазах авторитет вождя.

В массовых обществах, заключает Московичи, преобладают тотемические вожди (Наполеон, Сталин), вожди моисеева типа – Маркс, Ленин. Последовательная смена моисеевых и тотемических вождей наблюдается в социалистическом движении: Маркс и Лассаль, Ленин и Сталин⁴⁷.

Вожди и гипноз. Политические вожди, отмечает Московичи, часто демонстрируют технику гипноза в отношении масс. Убеждения и действия масс можно рассматривать как результат команд, исходящих от вождя. Политический гипноз – это психический акт, состоящий в навязывании вождем своих идей массам. Благодаря психическому взаимодействию массы воспринимают идеи в форме образов, возникшие образы закрепляют воспринятые от вождя идеи. Перевод политических идей в образы сопровождается сильным эмоциональным воздействием. Гипноз активизирует память, ввиду чего идеи закладываются глубоко в сознание.

Гипноз толп, разъясняет Московичи, включает в себя три элемента: 1) сила передаваемой идеи; 2) немедленный переход от образа к действию; 3) смешение ощущаемой реальности и реальности внушенной. Гипноз строится, в частности, на предрасположенности каждого человека и масс в целом воспринять внушение. Гипнотическое воздействие распространяется волнами. Первая исходит непосредственно от вождя, последующие передаются самими участниками толпы, включая второстепенных лидеров. Средства массовой информации многократно усиливают и ускоряют данное гипнотическое воздействие.

Вследствие гипнотического воздействия вождя, указывает Московичи, массы переходят от ясного сознания к состоянию грез. Оказавшись во власти этого магнетизма, люди утрачивают сознание и волю, превращаясь в роботов. Благодаря психическому заражению люди массы механически копируют друг друга, толпа превращается в социальный автомат, неспособный ни рассуждать, ни творить, но готовый разрушать. Толпы видятся такими угрожающими, поскольку пребывают в плену навязанных им грез.

Политический гипноз предполагает также театральность, инсценировку (военные парады, съезды партий), внешнюю атрибутику, призванную наглядно продемонстрировать мощь внушаемых идей⁴⁸.

Массы и политика. Согласно Московичи, всякая политика, опирающаяся на интересы и разум человека, смотрит на социальный мир сквозь розовые

⁴⁶ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 352–354, 356–358.

⁴⁷ См.: там же. С. 403–408.

⁴⁸ См.: там же. С. 117–123.

очки. Власть, пытающаяся быть рациональной и оперировать логикой, отвергающая характер масс, живущих эмоциями и мифами, чужда массам. Даже в современном мире экстатическое преклонение перед властью, идолопоклонство не является экзотикой. Массы с огромной скоростью переходят от восторженного свободолюбия к жесткому подчинению, сосредоточиваясь вокруг правителя. Массы получают удовольствие от преклонения перед властью. Благодаря восхождению масс в современном обществе возрождается иррационализм, свойственный примитивным культурам. Иррациональность становится стержнем власти, она нарастает по мере усиления прессинга на индивида со стороны масс. Разум отступает перед страстями, что приобретает характер эпидемии⁴⁹.

Любое общество (особенно современное), утверждает Московичи, содержит в себе неразрешимое противоречие: с одной стороны, оно нацелено на рациональную организацию социальной жизни (хозяйства, государственного устройства, политики), с другой — массы скрепляются силой иррациональных механизмов. Любая мобилизация масс для достижения рациональных целей невозможна без опоры на их иррациональность. Управление людьми требует иррационального (эмоционального) на них воздействия в форме идеологии и пропаганды. Механизм власти неизменен: господство большинства (масс) над меньшинством беспрестанно возобновляется и повторяется, т.е. иррациональность масс с неизбежностью предопределяет иррациональность политики. Разрушительные эмоции всегда живут в массах и прорываются при возникновении экстремальной ситуации. Такая асимметрия между рациональным и иррациональным препятствует социальному равновесию и стабильности, но управлять массами, убежден Московичи, невозможно посредством разума⁵⁰.

Как полагает Московичи, классическая политика, основанная на разуме и интересах, обрекает себя на бессилие, поскольку рассматривает массу не в качестве органического целого, а как сумму индивидов. Либеральная демократия, построенная по лекалам просветителей, дает существенные сбои (например, приводит к власти таких диктаторов, как Муссолини и Гитлер). Поскольку ценности и нормы либеральной демократии были придуманы меньшинством для меньшинства, они непонятны массам, живущим в другой системе координат. Погоня за демократическими идеалами лишь порождает глубокое разочарование. Востребован политический режим, основанный на подчинении масс одному вождю. Толпы

ниспровержают основы демократии, заложенные буржуазией и развитые социал-демократами. И либералы, и социал-демократы создали управление посредством выборного меньшинства на основе всеобщего избирательного права. Но отказавшись видеть в массах психическую природу, они обрекли себя на перманентную слабость. Их правительства демонстрируют постепенность и размеренность, а массы требуют революционных действий⁵¹.

Существо власти, уверен Московичи, заложено в законах человеческой природы, и политика должна им следовать. Политика есть рациональная форма использования иррациональной сущности масс, что подтверждает психология. Наличие масс требует две вещи: найти вожака и умение управлять эмоциями масс. Источником и прототипом всякого авторитета является отец. История политических режимов есть история изменения власти отцовского типа. Бюрократия, партия, государство — это все разновидности власти отца. Организовать массы, привести в движение могут только две вещи: страсть и верование. И то и другое рождают веру в вождя, с которой массы связывают свою силу и свои перспективы⁵².

Вождь способен дать массам простые ответы на их вопросы, он выражает их самые сокровенные мысли и желания. Массы видят, интуитивно чувствуют в вожде чаемое обновление жизни. Экзальтация придает массам силы и мужество переносить тяготы и лишения, претерпеваемые ими при достижении целей, указанных вождем. Эмоциональная энергия делает их бесчувственными в той мере, чтобы совершать насилие по приказу вождя. Чтобы эффективно править, вождю необходимо чувствовать энергию масс и уметь направлять их аффекты. Утрата экзальтации и веры в мечту, эмоционального напряжения ведет к растерянности и панике внутри масс. Выход из такой психической прострации — обретение нового вождя. И здесь Московичи делает знаменательный вывод: стихийно массы стремятся не к демократии, а к деспотизму⁵³.

Либеральная демократия как форма деспотизма. Массовое общество, утверждает Московичи, стремится к равенству, и ни один правитель не станет защищать неравенство. Все политические проекты ориентируются на главенство фактора равенства, преобразуя под него фактор свободы, убеждая людей отказаться от нее. Нестабильность массового общества рождается из противоречия равенства и свободы. Есть два пути разрешения данного конфликта. Первый состоит в передаче власти одному лицу, второй — коллективному органу. В первом

⁴⁹ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 58, 59, 64, 65.

⁵⁰ См.: там же. С. 60–63.

⁵¹ См.: там же. С. 59, 60.

⁵² См.: там же. С. 60, 63, 66.

⁵³ См.: там же. С. 65–67.

случае все заканчивается демократическим деспотизмом, во втором – деспотической демократией⁵⁴.

Демократический деспотизм, продолжает Московичи, начинается с Наполеона, который совместил в своем лице защитника равенства со стремлением к безграничной власти. Сталин также, как настоящий император, сосредоточил в своих руках абсолютную власть, войдя при этом в образ защитника народных интересов. Авторитарные и харизматические лидеры, сохраняя видимость демократии, постоянно подтверждают идею всеобщего равенства путем регулярных плебисцитов⁵⁵.

При деспотической демократии власть принадлежит бюрократии, управлению аппарату, который смотрит на общество и государство как на национализированное предприятие. Деспотическая демократия – это власть партии, ставшей правящей в результате выборов (либеральные демократы в Японии, христианские демократы в Италии, коалиция голлистов и либералов во Франции). Принцип организации и функционирования такой партии – олигархический: узкая группа руководителей партии решает кадровые вопросы, выдвигает кандидатов на государственные должности, путем кооптации пополняет свои ряды. Кооптация приобретает особое значение, поскольку, с одной стороны, она внешне отвечает принципам демократизма, с другой – позволяет выдвигать преемника партии, исходя из интересов партийной олигархии. Парламентские или президентские выборы здесь также оказываются плебисцитом о доверии кандидатам, предложенным партийной олигархией и завуалированным под всеобщее избирательное право. Вопрос о власти представляется массам второстепенным, поэтому большинство общества часто утрачивает к ней всякий интерес, оставаясь молчаливым и пассивным. Данный тип власти навязывает обществу однообразие, конформизм, ограничивает свободу узкими рамками⁵⁶.

При обоих типах власти, доказывает Московичи, возможность общества контролировать власть сводится к нулю. Демократия сохраняется юридически и хиреет фактически. Массовые общества варьируют от демократического деспотизма до деспотической демократии, пытаясь найти формулу равновесия.

⁵⁴ См.: Московичи С. Указ. соч. С. 69–71.

⁵⁵ «Созываемые и опрашиваемые, массы могут ответить лидеру “да” или “нет”. У них нет никакой реальной возможности собраться для принятия решения. Они не правоспособны ни обсуждать решения лидера, ни давать ему советы. Единственное, к чему их призывают и что они могут совершить, – это санкционировать определенную политику, в крайнем случае ее отвергнуть. Плебисцит является признаком свободы, от которой отрекаются в ту самую минуту, когда он осуществляется» (см.: там же. С. 71).

⁵⁶ См.: там же. С. 71, 72.

В этом отношении, полагает психолог, классическим образцом является Франция (начиная с 1789 г.).

Согласно Московичи, понятия «тоталитаризм», «авторитаризм», «культ личности» вполне укладываются в категорию западного деспотизма. Особенность западного деспотизма – развитая система коммуникаций, позволяющая эффективно внедрять в сознание масс идеологические клише. Восточный деспотизм формирует и осуществляет свою власть над обществом путем организации производства: контроль над потребностями и распределением материальных благ (пища, вода) перерастает в контроль над людьми.

Есть различия, указывает Московичи, между древним деспотизмом и современным. Древний деспотизм строился на узаконенном неравенстве. Личность правителя освящалась религией, его падение или смерть должны были вызывать ужас, рассматривались как знак нарушения порядка вещей. Современный деспотизм опирается на исключительность ситуации (экономический кризис, война), требующей мобилизации масс и появления вождя. В эти периоды власть пополняется бывшими политическими узниками тюрем и изгнанниками, в которых масса видит исключительных людей. Все формы ереси и неповиновения, бывшие при прошлой власти, становятся источниками легитимации новых правителей. Ранее неизвестная личность быстро становится широко узнаваемой, толпа превращает его в героя, узурпатора власти. Вождь масс – всегда узурпатор, признанный ими. Он узурпатор не только потому, что приходит к власти вопреки действующим законам и его власть порождена чрезвычайной ситуацией, а в силу торжества идеи равенства. Вождь воспринимается массами как их ставленник, как человек массы, по природе своей не стремящийся стать выше массы. Такой механизм узурпации позволяет вождю безгранично распоряжаться массой.

Современное общество, убежден Московичи, имеет тенденцию к деспотизму того или иного типа, отказу от индивидуализма и ценностей либеральной демократии. В этом он усматривает признак деградации западного общества. Причина такого положения дел – господство масс и массовой культуры⁵⁷.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс. М., 1998. С. 20, 23, 25, 27–34, 37, 39, 41, 42, 44–46, 58–67, 69–75, 90, 92, 101, 106–110, 112, 113, 117–123, 125–135, 139, 140, 142, 145, 150–152, 154–157, 159, 160, 167–178, 289–292, 297–299, 301–303, 311–315, 320–333, 335, 352–354, 356–359, 365–367, 369, 377, 378, 383, 403–408, 414–427, 429–431, 433–442, 448.

⁵⁷ См.: там же. С. 73–75.

REFERENCES

1. *Moscovici S.* The age of crowds. Historical treatise on mass psychology. M., 1998. Pp. 20, 23, 25, 27–34, 37, 39, 41, 42, 44–46, 58–67, 69–75, 90, 92, 101, 106–110, 112, 113, (in Russ.).

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич –
доктор юридических наук, доктор
философских наук, профессор,
профессор кафедры теории государства
и права и политологии юридического
факультета МГУ им. М. В. Ломоносова;
119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13
(4-й учебный корпус);
главный научный сотрудник
сектора философии права, истории
и теории государства и права
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10; эксперт РАН

117–123, 125–135, 139, 140, 142, 145, 150–152, 154–157,
159, 160, 167–178, 289–292, 297–299, 301–303, 311–315,
320–333, 335, 352–354, 356–359, 365–367, 369, 377,
378, 383, 403–408, 414–427, 429–431, 433–442, 448
(in Russ.).

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. –
Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of the Department of Theory of State
and Law and Political Science of the Faculty of Law
at Lomonosov Moscow State University;
1 Leninskie Gory, bld. 13 (4th academic building),
119991 Moscow, Russia;
Chief Researcher,
Sector of Philosophy of Law,
Theory and History of the State and Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia;
RAS expert

ПРОБЛЕМАТИКА СУВЕРЕНИТЕТА В ТРУДАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ДОРЕВОЛЮЦИОННЫХ УЧЕНЫХ-ГОСУДАРСТВОВЕДОВ

© 2024 г. Ю. Л. Шульженко

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: constitution@igpran.ru

Поступила в редакцию 20.06.2024 г.

Аннотация. Проблематика суверенитета в России долгое время не представляла как практического, так и теоретического интереса. Отечественные ученые стали изучать ее лишь во второй половине XIX в., наиболее плодотворными были 10–20-е годы прошлого века. Проводившиеся в то время исследования ни в коей мере нельзя считать слепым копированием достижений западной науки. Дореволюционные ученые представили свои оригинальные подходы, решения, выводы, которые основывались на богатейшем историческом опыте, специфике государственно-правового развития России. Показательно, что высказались практически все известные отечественные ученые-юристы того времени. В статье проанализированы их позиции по таким важным практическим и теоретическим вопросам, как понятие суверенитета, история его создания; народный суверенитет; суверенитет органов государства, и прежде всего монархический суверенитет; суверенитет государственной власти; несуверенное государство; делимый, ограниченный суверенитет и др. Особое внимание было уделено соотношению суверенитета и конституции, суверенитета и российских Основных государственных законов 1906 г. Позиции дореволюционных отечественных ученых стали базой для выделения следующих его основных показателей (критериев). Во-первых, сам факт наличия конституции, акта, обладающего верховенством, высшей юридической силой, – важнейший показатель реальности, эффективности суверенитета. Во-вторых, важно содержание положений Основного Закона, касающихся суверенитета, которые устанавливают конкретную его форму, основные его показатели. Это относится к экономической, социальной, политической системам, государственному устройству, системе государственных органов, статусу человека, гражданина, прежде всего его правам, свободам, и в первую очередь в политической сфере. В-третьих, закрепление в конституции реальных форм охраны, защиты суверенитета. В-четвертых, с учетом особой роли конституции по отношению к суверенитету, определение эффективной системы ее правовой охраны.

Ключевые слова: государственный суверенитет, конституция, монархия, народный суверенитет, Основные государственные законы 1906 г., парламент, самоуправление, статус личности, суверенитет, суверенитет права, федерация.

Цитирование: Шульженко Ю.Л. Проблематика суверенитета в трудах отечественных дореволюционных ученых-государствоведов // Государство и право. 2024. № 10. С. 70–85.

DOI: 10.31857/S1026945224100074

THE PROBLEMS OF SOVEREIGNTY IN THE WORKS OF NATIVE PRE-REVOLUTIONARY GOVERNMENT SCIENTISTS

© 2024 Yu. L. Shulzhenko

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: constitution@igpran.ru

Received 20.06.2024

Abstract. The issue of sovereignty in Russia has long been of no practical or theoretical interest. Russian scientists began to study it only in the second half of the 19th century, and the most productive years were the 10–20th years of the last century. The research conducted at that time cannot in any way be considered a blind copy of the achievements of Western science. Pre-revolutionary scientists presented their original approaches, solutions, and conclusions here, which were based on the richest historical experience and the specifics of Russia's state and legal development. It is significant that nearly all the most famous Russian legal scholars of that time spoke out. This article analyzes their positions on such important practical and theoretical issues as the concept of sovereignty, the history of its creation; national sovereignty; sovereignty of state bodies, and above all monarchical sovereignty; sovereignty of state power; non-sovereign state; divisible, limited sovereignty, etc. Special attention was paid to the relationship between sovereignty and the constitution, sovereignty and the Russian Basic State Laws of 1906. The positions of pre-revolutionary Russian scientists became the basis for highlighting the following main indicators (criteria). Firstly, the very fact of the existence of a constitution, an act having supremacy, the highest legal force, is the most important indicator of the reality and effectiveness of sovereignty. Secondly, the content of the provisions of the basic law concerning sovereignty is important, which establish its specific form and its main indicators. This applies to the economic, social, political systems, the state structure, the system of state bodies, the status of a person, a citizen, and above all his rights, freedoms, and primarily in the political sphere. Thirdly, the consolidation of real forms of protection and protection of sovereignty in the constitution. Fourthly, taking into account the special role of the constitution in relation to sovereignty, the definition of an effective system of its legal protection.

Key words: state sovereignty, constitution, monarchy, people's sovereignty, Basic State Laws of 1906, parliament, self-government, personality status, sovereignty, sovereignty of law, federation.

For citation: Shulzhenko, Yu. L. (2024). The problems of sovereignty in the works of native pre-revolutionary government scientists // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 70–85.

Сегодня проблематика суверенитета в России вышла на первый план как в теоретическом, так и в практическом плане. Это связано с тем, что значительная часть стран Запада, НАТО во главе с США объединились и ведут активные действия, направленные на уничтожение нашей государственности, фактическое уничтожение всего русского, всех народов, населяющих нашу многонациональную страну. В таких условиях важнейшее значение приобретает решение наименее сложных, жизненно важных задач по укреплению, усилению суверенитета России во всех сферах, использования в этих целях всех имеющихся средств. В настоящее время на это направлена специальная военная операция, проводимая на Украине. Всем должно быть ясно – без суверенитета нет России. Это неоднократно подчеркивал Президент РФ В.В. Путин. Так, на прямой линии и большой конференции 14 декабря 2023 г. он отметил, что «для такой страны, как Россия, просто существование нашей страны без суверенитета невозможно, ее просто

не будет. Во всяком случае в том виде, в котором она сегодня существует и в котором существовала тысячу лет. <...> Поэтому главное – это укрепление суверенитета»¹. На встрече с активом Общероссийского народного фронта в г. Туле 2 февраля 2024 г. В.В. Путин указал на то, что «мы должны сделать нашу страну самодостаточной. В этом главное проявление суверенитета»².

Важные, ответственные задачи в связи с этим встают перед наукой. Ученые должны всесторонне исследовать все процессы, которые происходят в данной сфере, и на основе этого предлагать новые подходы, решения. Это практически невозможно осуществить эффективно без всестороннего и глубокого анализа истории, того, что накоплено отечественной теорией и практикой. Значительный научный интерес в этом плане представляет

¹ URL: kp.ru > Политика > Картина дня

² URL: www.kremlin.ru

дореволюционный период, взгляды, позиции отечественных ученых-государствоведов того времени на суверенитет. Данным вопросам и будет посвящена настоящая статья.

Начнем с того, что проблематика суверенитета была постоянно в центре внимания зарубежной науки, задолго до того, как к ней обратились мы. И вполне закономерно, что здесь был накоплен определенный опыт как в практическом, так и в теоретическом плане. Этими вопросами занимались многие известные западные публицисты, мыслители, ученые (например, Ж. Боден, Г. Гроций, Л. Дюги, Г. Еллинек, Ж.-Ж. Руссо, А. Токвиль, А. Эсмен). Вопрос о суверенитете в России долгие годы не представлял практического и теоретического интереса, не имел такого развития, как на Западе. Это было обусловлено рядом факторов, о которых будет сказано далее. Отечественные ученые стали изучать суверенитет лишь во второй половине XIX в. Наиболее плодотворными здесь были 10–20-е годы прошлого века. При этом были учтены результаты, достигнутые западной наукой в исследованиях суверенитета. Но проводимые в данной области русскими учеными разработки ни в коей мере нельзя считать слепым копированием достижений западной науки. Отечественная наука представила свои оригинальные подходы, решения, позиции, выводы. Самое ценное здесь было то, что они основывались на богатейшем историческом опыте, специфике государственно-правового развития России. По данной проблематике в большей или меньшей степени высказалось подавляющее большинство известных дореволюционных ученых-юристов.

Прежде всего следует отметить, что термин «суверенитет» ведет свое происхождение из Франции. Возник он из средневекового латинского слова “superureitas”, что означает более высокий. Далее он передается в старофранцузский язык словом “sovrains”. Именно в таком звучании термин «суверенитет» первоначально появляется в русской научной литературе, в первом учебнике по русскому государственному праву (1866), написанному отечественным ученым И. Е. Андреевским³. Первым, с нашей точки зрения, в России в научный оборот ввел термин «суверенитет» на кириллице, в русском его понимании, А. Д. Градовский в своем трехтомном труде «Начала русского государственного права» (1875–1883)⁴.

³ См.: Русское государственное право / Соч. Ивана Андреевского, д-ра гос. права, орд. проф. полиц. права в Имп. С.-Петерб. ун-те. Т. 1. Введение и часть 1: О правительстве. СПб., М., 1866. С. 128, 129.

⁴ См.: Градовский А. Начала русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. СПб., 1875. С. 144, 312.

Было представлено большое количество кратких определений суверенитета⁵. Общим для всех этих определений является то, что в понятие «суверенитет» включаются начала независимости и верховенства. В первые годы XX в. большинство юристов стали включать сюда и начала абсолютности, имея в виду всеобъемлющую неограниченность власти, признаваемой суверенитетом. Ранее это предписывалось исключительно монарху. Выделяли также внутренний суверенитет (верховенство государственной власти внутри страны) и внешний (международная независимость государственной власти) в качестве различных понятий. Причем высказывалась позиция о том, что государство может иметь внутренний суверенитет, не имея внешнего. Не вызывал споров вывод о том, что категория «суверенитет» относится к свойствам государственной власти.

Особое внимание было обращено на историю образования, создания понятия «суверенитет». Указывалось, что оно начинает вырабатываться в результате борьбы нарождающегося нового европейского государства с противостоящими ему тремя силами: католической церковью, Римской империей и сепаратизмом крупных феодалов. До этого времени его не существовало. В древние времена для характеристики государственного союза использовались иные понятия. Греки указывали на самодостаточность государства, римляне – на могущество государства. Впервые в мире термин «суверенитет» начинает применяться во Франции. Слово «суверенитет» было использовано в двух Вестфальских договорах 1648 г., подpisанием которых была завершена Тридцатилетняя война. Первоначально термин «суверенитет» касался обозначения власти правителя, под ним имелась в виду не верховная, а более высшая по отношению к иным властям власть. К суверенам относили прежде всего короля, а также крупных феодалов, высших должностных лиц, высшие суды-парламенты. Позднее, в XV в., данный термин

⁵ Например, Н. И. Палиенко: «Суверенитет в современной науке публичного права означает собой тот характер власти, в силу которого она является и высшею и независимою в правовом отношении» (см.: Палиенко Н. И. Суверенитет. Историческое развитие идей суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 1); Н. И. Лазаревский: «То свойство государственной власти, что она есть высшая, никому не подчиненная, называется суверенитетом» (см.: Лазаревский Н. И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 3-е изд. СПб., 1913. С. 5); А. И. Елистратов: «Свойство независимости и верховенства обнимаются общим понятием суверенитета государственной власти» (см.: Елистратов А. И. Государственное право. Пособие к лекциям. М., 1912. С. 7); А. А. Жилин: «Содержание понятия “суверенитет” обозначает “независимость и верховенство государственной власти”» (см.: Жилин А. А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. 75).

касается лишь короля и превращается в понятие абсолютно высшей, верховной власти, независимой от каких-либо иных властей.

Заметим, что в России государственному началу не пришлось вести борьбу с различными политическими силами (феодализм, папская власть, императорская власть), которую пришлось выдержать государственной власти на Западе, «которая выдвинула там на первый план идею верховенства и независимости отдельного национального государства и государственной власти вообще, принципа суверенитета»⁶. В стране отсутствовала жесткая борьба между государственной властью и развивающейся абсолютной монархией, сословными привилегиями, как это имело место в Западной Европе. Это одна из важнейших причин того, что в России данная тематика долгое время не находилась в поле зрения как в практическом, так и в теоретическом плане.

Важнейший, глобальный шаг делается в XVI в. Ж. Боденом, которого принято считать основателем учения о суверенитете. Он представил подробный анализ суверенитета, впервые сформулировал его понятие, характеризуя его как абсолютную, ни от кого независимую, неограниченную власть государства. При этом он связывает его с властью высшего государственного органа и с тем, что он может принадлежать прежде всего монарху, народу, группе лиц исходя из того, что это или монархия, или республика, или аристократия. Его позиции стали основными для всех исследований в этой области. В XVII в. Т. Гоббс по вопросам суверенитета идет несколько дальше по сравнению с Ж. Боденом. Он признает государственную власть неограниченной не только в праве, но и фактически во всех иных сферах общества — морали, религии и др. Государство признается им юридической личностью, но которая воплощена в одном физическом лице — монархе, являющемся единственным ее представителем. Обе теории стояли на позиции защиты верховенства власти, но, вместе с тем, были направлены на оправдание конкретной формы правления, а именно «абсолютной монархии и к поддержке монархической власти в борьбе с другими элементами государства»⁷. В дальнейшем и иные мыслители приравнивали суверенитет к верховному положению государственных органов.

В XVIII в. наблюдается попытка переноса суверенитета с верховного государственного органа, и прежде всего монарха, на народ. С этого времени центральное, главенствующее место занимает

анализ теории, учения о народном суверенитете. Оно оказывало, как свидетельствует реальность, огромное влияние на развитие конституционных идей, становление и развитие конституционных учреждений практически во всех странах мира. Зачатки данного учения находим в трудах ученых XIII—XIV вв. Фомы Аквинского, Марсиллия Падуанского. Их подходы, позиции, как подчеркивал Н.И. Лазаревский, имели «книжный характер, были отвлеченным построением, далеким от политической жизни, и на ней не отражались»⁸. В соответствии с этим учением государство может возникнуть законно исключительно через договор. Именно им определенному лицу передается власть, определяются конкретные условия ее использования. Позднее приближенный подход к учению о народном суверенитете высказал Г. Гроций, который первоначальным носителем суверенитета считал народ, а вторичным — называл монарха. У Ж. Бодена также можно заметить зачатки учения о суверенитете народа. Он считал, что суверенитет находится в совокупности свободных, разумных существ, которые и составляют народ.

Но детальная разработка этого учения была осуществлена Ж.-Ж. Руссо в его труде «Об общественном договоре, или Принципы политического Права» (1762). Прежде всего следует отметить, что в целом анализ данного учения, проведенный в русской дореволюционной науке, в основном носил описательный, комментирующий, констатирующий характер. Высказывались как положительные, так и критические оценки.

В первую очередь была раскрыта сущность данной теории. При этом делались различные акценты, были представлены различные подходы. Наиболее кратко ее сущность выразили Н.И. Лазаревский («вся власть принадлежит народу; она по самому существу неотчуждаема, все власти в государстве получают свои полномочия от народа и могут пользоваться этими полномочиями, пока это угодно народу»⁹) и А.А. Жилин (в качестве «общей воли всего народа всегда ему принадлежащей, абсолютно неограниченной, непогрешимой, неделимой, неотчуждаемой и даже не представляющейся»¹⁰). В.В. Ивановский особо подчеркивает здесь главенствующую роль закона, законодательства. Он указывает на то, что Руссо приходит к верховенству народа, и оно неотчуждаемо, неотделимо. При этом вся власть в государстве находится в руках народа и находит свое выражение в законодательстве. Таким образом, закон представляется собой народную волю, а все иное относится

⁶ Палиенко Н.И. Указ. соч. С. IX.

⁷ Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. М., 1908. Вып. II. С. 70.

⁸ Лазаревский Н.И. Указ. соч. С. 115.

⁹ Там же.

¹⁰ Жилин А.А. Указ. соч. С. 74.

к применению закона. Эта народная воля включает в себя большинство индивидуальных воль. С точки зрения Руссо, народ не может сам исполнять закон, так как может принимать участие исключительно в актах верховной власти. Само же исполнение законов не является таким актом. Такого рода исполнение законов передается особому уполномоченному, являющемуся только лишь слугой народа. «Ставя выше всего народный суверенитет, Руссо не признает народного представительства и допускает лишь непосредственные народные собрания и то, что ныне называется *referendum*»¹¹. А.С. Алексеев особо подчеркивал, что Ж.-Ж. Руссо считал «аристократическую форму правления наилучшей, его политический идеал — государство, в котором народ издает законы, а лучшие люди правят»¹².

Н.И. Лазаревский наряду с краткой представил и более развернутую характеристику сущности теории народного суверенитета Руссо. Исходным было положение последнего, что государство может возникнуть законно исключительно через общественный договор. Суть его состоит в том, что люди при соединении переносят свои права не на отдельных лиц, а на общество в целом. В результате именно оно есть носитель верховной власти, суверен, который не может иметь никаких интересов, которые не были бы согласованы с интересами всего народа. До тех пор, пока сувереном остается общество, или, по мнению Руссо, общая воля, действия его служат интересам общего блага¹³.

Н.И. Лазаревский сосредотачивает свое внимание и на вопросе о том, каким способом Руссо хотел бы определить, узнать эту общую волю. Последний таковым называет всенародное голосование. При этом швейцарско-французский мыслитель указывает на то, что воля большинства не может подавлять воли меньшинства. Отсюда при проведении голосования у человека будут спрашивать не то, какова его личная воля, а какой, по его мнению, является общая воля. Подчеркивается также, что, исходя из того, что Руссо считает суверенитет

¹¹ Ивановский В.В. Учебник государственного права. I. Введение в общее учение о государстве. II. Конституционное право современных государств. III. Русское государственное право. 4-е изд. Казань, 1913. С. 38.

¹² Алексеев А.С. Русское государственное право: конспект лекций. 2-е изд. М., 1892. С. 87.

¹³ «Поэтому суверенитет народа непогрешим, и он может оставаться непогрешимым, только пока он остается у народа, т.е. он не должен быть отчуждаем; он и не может быть отчуждаем, потому что никто ни за себя, ни за свое потомство не может лишить себя свободы, человеку вообще присущей; так как суверенитет непогрешим только, пока остается выражением общей воли, то он по существу своему и неделим» (см.: Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. Пг., 1917. Вып. 1. С. 102).

неотчуждаемым, то он не может быть и представляемым. Отсюда избранники народа — депутаты не могут принимать решения за народ. Если закон не принят самим народом, то это не закон. Органы правительства, включая королей, самостоятельным правом на управление не обладают. Они функционируют исключительно по поручению народа. Последний имеет право в любой момент отозвать такое поручение обратно.

Ряд авторов указывают на то, что Ж.-Ж. Руссо в качестве суверена называет волю общества. Так, С.А. Корф отмечает, что в соответствии с его учением «власть неотчуждаема принадлежит самому народу». Исключительно последний имеет право распоряжения, распределения ее между различными органами. Через договор граждане переносят свои права на общество, «воля коего является сувереном». Исключительно само общество или государство — носитель верховной государственной власти¹⁴. С.А. Котляревский подчеркивает, что у Руссо господство народного суверенитета представляет собой господство «так называемой общей воли, а ее акты и воплощаются в законодательстве»¹⁵.

В отечественной научной литературе рассматриваемого нами периода звучали различные оценки теории народного суверенитета. В первую очередь о положительных. Так, В.В. Ивановский выделял огромное общественное значение сочинения Ж.-Ж. Руссо. С.А. Корф обращал внимание на тот факт, что теория о народном суверенитете сыграла намного большую роль в деле борьбы с абсолютизмом, чем теория разделения властей. Она размыкала саму сущность абсолютизма, идею происхождения власти от Бога. Важно и то, что из учения о народном суверенитете вышел целый ряд категорий, государственно-правовых институтов, ставших основой государственного строя. Это, в частности, «обоснование прав человека и гражданина, гарантии его нравственной личности и ценное право участия в осуществлении госуд. власти»¹⁶. С.А. Котляревский: у Ж.-Ж. Руссо идея народного суверенитета получила «высшее напряжение» через конкретное, четкое определение государственной организации в соответствии с данным учением. И именно «в этом смысле значение его было громадно: лозунг превращался в программу»¹⁷. Двоякого рода здесь оценка Н.И. Лазаревского. Отмечая логическую несостоятельность учения

¹⁴ См.: Корф С.А. Русское государственное право. Гельсинфорс, 1915. Ч. 1. С. 37.

¹⁵ Котляревский С.А. Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 2004. С. 15.

¹⁶ Корф С.А. Указ. соч. С. 37.

¹⁷ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 15.

о народе-суверене, он указывал на то, что оно сыграло важную политическую роль в европейской истории, основываясь на том, что в новых нравственных идеях выделило формулу, соответствующую прежним, привычным понятиям, и исходя из этого понятную, усваиваемую широкими массами. Созданы условия для научных построений конституционного права, отрещившихся от идей народного суверенитета, а также движения вперед «в сторону дальнейшего развития конституционных учреждений и демократизации их.., в зависимости от идеологии народного суверенитета»¹⁸. С точки зрения Н.И. Палиенко, учение Руссо, несмотря на его противоречия, «представляет собой все же замечательное завершение учения о народном суверенитете, которое он проводит самым радикальным образом и с неслыханной для того времени смелостью»¹⁹.

Звучала и достаточно острая критика теории народного суверенитета. Особо здесь отметим позицию Н.И. Лазаревского. В целом она сводилась к тому, что принцип народного суверенитета в постановке и логике Ж.-Ж. Руссо, и прежде всего в его основе – всей власти от народа, «никогда не был осуществлен и по самому существу своему никогда не мог быть воплощен в действующем праве»²⁰. Аргументация этого сводилась к тому, что, согласно взглядам Руссо, господствующей является общая воля, и то, в чем она состоит, раскрывается всенародным голосованием. Однако при первой попытке создать конституцию на началах народного суверенитета организовать референдум не удалось. Нашли выход – депутаты более чем сами избиратели понимают общий интерес выражать общую волю. В результате голосование парламента стало средством раскрытия общей воли народа. Это привело фактически к подчинению народа парламенту, депутатам. Таким образом, произошло отступление от позиций Руссо по существу дела, которое заключалось в том, что создавалась власть не самого народа, а соответствующих органов государства над народом.

Подверглось сомнению и такое начало, что ни в одном государстве принцип «вся власть от народа» не мог стать нормой действующего права. В связи с этим, сопоставляя конституции государств, провозгласивших народный суверенитет (например, Бельгия) и отрицающих его (например, Пруссия), отмечается, что везде правят одни и те же органы, разницы в этом отношении между данными государствами нет. Различия

¹⁸ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. С. 108, 109.

¹⁹ Палиенко Н.И. Указ. соч. С. 179.

²⁰ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 4-е изд. С. 104.

здесь в соотношении власти короля и парламента. В Бельгии власть короля слаба, а парламент мощный, в Пруссии же наоборот. Но это не объясняется тем, что в Конституции Бельгии сказано, что власть от народа, а в Конституции Пруссии этого нет. По мнению русского ученого, такая ситуация всецело объяснима тем, что в Бельгии династия новая, никаких заслуг перед народом не имела, а в Пруссии государство – продукт династии Гогенцоллеров, эта династия авторитетна и популярна. Наряду с этим в Бельгии в соответствии с избирательным законом народ видит в парламенте яркого представителя своих интересов, а в Пруссии ландтаг представляет благодаря уродливому избирательному закону лишь ничтожную маленькую группу богачей и не поддерживается народом. Отсюда считать, что в современных конституционных государствах вся власть – продукт народа, означает существование того, что в юридическом плане не проявляется ни в чем и не может проявляться.

Н.И. Лазаревский также считает, что обоснование ряда институтов конституционного права, исходя из учения Ж.-Ж. Руссо, также неудачно. Это, например, касается участия парламента в законодательстве, всеобщего избирательного права. Ученый указывал на то, что эти институты имеют вполне достаточную, разумную основу. Суть ее сводится к необходимости привлечения к законодательной деятельности кроме бюрократии широких слоев населения. Ни один класс населения не может быть лишен избирательных прав. Ограничение избирательного права находится в противоречии с нравственностью, в основе которой заложена позиция о том, что каждый человек имеет право на существование, на выражение своей воли. Отсюда право голоса должно быть предоставлено всем, за исключением тех, кто представляет общественную опасность. Основываясь на таких подходах, сформулирован вывод о том, что анализ вопросов о проявлении в том или ином институте, учреждении народного суверенитета бесплодно, так как легко убедиться, что «народный суверенитет есть нечто юридически вообще немыслимое, и потому он существовать и, следовательно, юридически проявляться ни в чем не может». Теория, в соответствии с которой верховные права принадлежат народу, и сам народ – верховный орган государства, должна предполагать, что данный народ организован. При этом организацией, охватывающей весь народ, и является государство. «Иначе говоря, учение, что в государстве суверенитет принадлежит народу, в конце концов, юридически сводится к тому, что в государстве суверенитет принадлежит государству, т.е. сводится к простой тавтологии»²¹.

²¹ Там же. С. 107.

Подвергся критике и тезис Ж.-Ж. Руссо об общей народной воле как нечто реально существующем со стороны С.А. Корфа. Он аргументировал это тем, что наука в начале XX в. уже доказала нереальность общей воли. Противоречие общей воли, по мнению ученого, выразилось прежде всего в утверждавшемся фактически повсеместно народном представительстве. Как известно, Ж.-Ж. Руссо полагал, что никто не может передать выполнение своей воли. Но реальная действительность показала, что в значительной части государств важнейшая функция государства – законодательная стала осуществляться именно народным представительством. Здесь граждане передают защиту, выражение своих политических интересов через выборы своим представителям, членам парламента. Одно время считалось, что народный суверенитет поддерживается всеобщим избирательным правом и органом, который на основе его создается, – парламентом, осуществляющим народную волю. Вместе с тем способы создания законодательных палат основаны в большей или меньшей мере на теории господства большинства. В результате за бортом остается меньшинство, которое может быть весьма и весьма многочисленным. Отсюда – почему оно, с одной стороны, не может принимать участия в образовании общенародной воли, и с другой – «может ли последняя считаться народной, когда в ее образовании участвует не весь народ, а лишь часть его? Руссо ясно сознавал важное значение этих воззрений и именно поэтому отрицал возможность представительства»²².

Во многом близок к позиции С.А. Корфа и подход Ф.Ф. Кокошкина. Он подверг критике учение о народном суверенитете, указав на двоякое значение с юридической точки зрения слова «народ». Прежде всего народ характеризуется как совокупность членов государства. Сюда включаются и недееспособные лица. Этот народ – своего рода субстрат государства, на который оно опирается. Народ в качестве совокупности всех подданных никакой иной организации кроме государства не имеет. Организованный народ – это в принципе и есть государство. Он не может выступать в юридической жизни отдельным от государства лицом.

В другом значении под словом «народ» имеются в виду активные граждане, только те, кто имеет политические права, кто участвует в образовании воли государства, т.е. это не все члены государства. В таком качестве народ активен в юридической жизни государства, осуществляет определенные юридические акты – избирает народное представительство, участвует в законодательстве через референдум. Вместе с тем здесь народ не представляет собой особый субъект права,

отличный от власти государства, в связи с тем, что действует не в своих интересах, а в интересах всего населения, или что то же – в интересах государства. Таким образом, совокупность активных граждан здесь – орган государства, не самостоятельный субъект права, осуществляющий права последнего, ему невозможно предписывать суверенитет. Общий вывод сводится к тому, что теория народного суверенитета, когда предписывает его исключительно одному органу государства и при этом, когда под народом понимаются исключительно активные граждане, является неправильной по существу, или в том случае, когда народ отождествляется со всем населением, данная теория в реальности аналогична с теорией суверенитета государства, выражая ту же мысль в иной, в юридическом плане менее точной, форме.

Обратим внимание на то, что в Англии после окончательного установления конституционного режима перестали говорить о суверенитете монарха, народа. Понятие суверенитета переносится на парламент. Но не как на единственный орган, а как взятых вместе короля, палаты общин, палаты лордов. В результате носитель суверенитета – совокупность высших органов государственной власти страны. Ряд авторов отмечают, что суверенитет парламента не следует смешивать с учением о суверенитете государства. Аргументируется это тем, что под суверенитетом органа имеется в виду «его верховное положение в строе известного государства, не характеризует существа власти государства вообще»²³. Другие, наоборот, считают, что суверенитет парламента – это путь к суверенитету государства. В связи с этим подчеркивается, что для того чтобы выработать правильное представление о субъекте суверенитета, нужно было признать, что учреждения, осуществляющие суверенную власть, объединившись под именем «парламент», – не самостоятельные субъекты права, а являются «органами высшего целого – государства, которому поэтому и принадлежит суверенитет»²⁴.

К концу XIX – началу XX в. господствующими остаются две теории: о суверенитете органов государства, и в первую очередь монархическом суверенитете, и учение о народном суверенитете. Последний со второй половины прошлого века в литературе стали именовать и как демократический суверенитет. Прежде всего об идеях о народном суверенитете. Они стали весьма популярными в Европе, но свое реальное воплощение нашли впервые в американской Декларации о независимости

²³ Жилин А.А. Указ. соч. С. 74.

²⁴ Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 72.

1776 г., Конституции США 1787 г.²⁵ Учение о народном суверенитете оказало огромное влияние на деятелей Великой французской революции. Идея о нем, его неотчуждаемости была провозглашена французской Декларацией прав человека и гражданина 1789 г., нашла воплощение в Конституции Франции 1791 г., которая, устанавливая права человека и гражданина, утверждает, что «принцип всякого суверенитета остается, по существу, у нации. Никакая корпорация, никакой отдельный человек не могут осуществлять власть, которая не вытекала бы от народа». То же самое в определенной мере повторяет и Конституция Франции 1793 г. В качестве основного принципа народный суверенитет провозглашается и в значительном количестве других основных законов государств мира²⁶. В России Александр I, М.М. Сперанский высказывали идеи народного суверенитета при подготовке плана государственных преобразований.

В связи с вышеизложенным важное значение приобрела проблематика соотношения монархической формы правления, монархического суверенитета и народного суверенитета, конституционное регулирование данных вопросов. Наибольший интерес представляет, по нашему мнению, позиция В.М. Гессена. Несколько вводных моментов. Ученый считал, что нераздельность власти является основным принципом абсолютизма, абсолютной монархии. Конституционная монархия с исторической точки зрения характеризовалась как переходная форма, как компромисс между старым и новым порядком. Обособление власти – факт несомненный. Законодательная власть здесь осуществляется сложным органом – «королем в парламенте».

Особо отмечается, что доктрина естественного права по общему правилу считала, что начало народного суверенитета вполне совместимо с монархической формой правления. Исходя из этого не предполагается осуществление власти народом, который данное осуществление вручит монарху. В результате суверенитет принадлежит народу, но осуществляется контрагентом народа в лице монарха. Попыткой совмещения монархической формы правления с началами народного суверенитета

²⁵ Во введении последней закреплено положение: «Мы, народ Соединенных Штатов, издаем и учреждаем эту Конституцию для Соединенных Штатов Америки с целью образовать более совершенный союз, установить правосудие, обеспечить внутреннее спокойствие, озабочиться совместной защитой, содействовать всеобщему благосостоянию и обеспечить нам счастье и нашему потомству блага свободы».

²⁶ Например, Конституция Бельгии 1831 г.: «всякая власть исходит от народа» (ст. 21); Конституция Румынии 1866 г.: «все государственные власти исходят от народа, который может осуществлять их только путем делегации» (ст. 31); Конституция Берна 1893 г.: «суверенитет принадлежит всему народу. Он осуществляется непосредственно избирателями, косвенно властями и должностными лицами».

первоначально стала Конституция Франции 1791 г. Затем это были конституции Испании 1812 г., Норвегии 1814 г., Сицилии 1820 г., Португалии 1822 г. Подчеркнуто, что, как показала практика, фактически все отмеченные конституции, являющиеся конституциями революционного периода, оказались эфемерными. «Компромисс между монархическим началом и началом народного суверенитета не мог быть устойчивым, потому что противоречие между этими началами имеет неустойчивый характер». Например, трактовка короля как представителя народа непременно противоречит наследственному характеру королевской власти, на которую народ не влияет. «А если народ не дееспособен, о его суверенитете не может быть и речи»²⁷. Народный суверенитет также предполагает и ответственность перед народом. А безответственность монарха, пожизненный и наследственный характер его власти не совместимы с народным суверенитетом.

Что касается монархических конституций, основанных на народном суверенитете, классическим примером является Конституция Бельгии 1831 г., как отмечается, ее сопоставление с Конституцией Франции 1791 г. свидетельствует о том, что от народного суверенитета мало что осталось. Статья 25 Конституции Бельгии, которая выводит всю власть от народа, подчеркивала историческое происхождение данного правового акта и для характеристики существовавшего в Бельгии политического режима ничего не давала. «Народ не осуществляет действительного суверенитета. Производная власть короля ничем не отличается от власти первоначальной»²⁸. Аналогичная ситуация имела место с конструкцией власти монарха и в иных конституциях, которые основывались на началах народного суверенитета.

В дореволюционной России к учению о народном суверенитете относились с большой осторожностью и, как показано, весьма критически. Зазвучали позиции о том, что к концу XIX в. роль данного учения «оказалась сыгранной»; даже во Франции, где дольше всего держались идеалы названного учения, от них стали постепенно отказываться; что «в России теория народного суверенитета никогда не имела какого-либо значения, ни теоретического, ни тем более практического»²⁹. Данные позиции весьма спорны. Так, говорить, что учение о народном суверенитете не вызывало интереса у русских ученых-юристов, неверно, не соответствует действительности. Свидетельством этого является, в частности, представленное

²⁷ Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 159.

²⁸ Там же. С. 177.

²⁹ Корф С.А. Указ. соч. С. 37, 39.

в настоящей статье значительное количество трудов, посвященных данной проблематике.

Напомним, что, как отмечалось в дореволюционной научной литературе, для формы правления в России до 1905 г. были характерны следующие основные черты: 1) монархия; 2) самодержавие; 3) неограниченность; 4) наследственность власти; 5) законность управления³⁰. Принцип монархического верховенства был закреплен в ст. 1 действовавших в XIX в. Основных законов, которая свое содержание заимствовала прежде всего из законов Петра I, а также Анны Иоанновны, Павла I. Она гласила: «Император Всероссийский есть Монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти, не токмо за страх, но и за совесть сам Бог повелевает»³¹. Статья 4 Основных государственных законов 1906 г. имела иной текст: «Императору Всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти Его, не только на страх, но и на совесть, сам Бог повелевает»³².

В связи с этим обратим внимание на научную позицию о фактической идентичности понятий «самодержавие» и «суворенитет» в России, в соответствии с которой утверждалось, что история понятия самодержавия в ней во многих чертах схожа с историей понятия суворенитета на Западе. Особо подчеркивалось, что при Петре I иностранный термин «суворенный» в ряде законодательных актов переводился как «самодержавие». В период конституционной монархии в России «слово “неограниченный” было вычеркнуто из Основных Законов, а слово “самодержавный”, которое соответствует слову “суворенный” – оставалось»³³. Это в принципе один из факторов, почему вопросам суворенитета в России долгое время не уделялось должного внимания.

Наряду с указанными выше двумя теориями в конце 10-х – начале 20-х годов прошлого века стал складываться новый подход к понятию «суворенитет». Большинство ученых исходили из того, что суворенитет – это не только высшая власть государства, но и высшая власть в государстве. Отсюда, как отмечалось ранее, выделялся суворенитет государственной власти, который не мог быть

³⁰ См.: Свешников М.И. Русское государственное право. Пособие к лекциям. СПб., 1897. Вып. 1. С. 4; Сокольский В.В. Краткий учебник русского государственного права. Одесса, 1890. С. 62, 63.

³¹ См.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Основные государственные законы. СПб., 1857, 1892.

³² См.: Свод законов Российской империи. Т. 1. Ч. 1. Свод основных государственных законов. СПб., 1906.

³³ Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 71; Коркунов М.Н. Русское государственное право. Т. 1. Введение и общая часть. 7-е изд. СПб., 1909. С. 213.

свойством какого-либо государственного органа, а исключительно «государственной властью вообще, какова бы ни была ее организация»³⁴.

Здесь также представлены два учения. В соответствии с первым имеет место отождествление суворенитета с государственной властью (К. Борнгак, А. Эсмен). Его сторонники считают, что в том случае, когда политический союз не имеет независимости, власть его не имеет верховенства, находится в подчинении других властей, его не следует считать государством, а если такой союз еще несит название государства, то это пережиток прошлого. В России ряд ученых называли суворенитет необходимым, отличительным признаком государства (например, Б.Н. Чичерин³⁵, А.С. Ященко³⁶). Представители второй теории считают суворенитет лишь известным свойством государственной власти, которое может у него и отсутствовать (Г. Еллинек, П. Лабанд). В центре аргументации позиция о том, что суворенитет – не абсолютная, а историческая категория, и, например, в средние века ряд политических союзов были государствами, но не имели полной независимости от империи.

Обратим внимание на позицию С.А. Корфа о том, что суворенитет перестал быть источником государственной власти. По его мнению, в начале XX в. некоторые авторы стали употреблять термин «народный суворенитет», коренным образом отличающийся от его прежнего смысла. Не упоминался более общественный договор, общая народная воля. Народ стал лишь конечной целью существования государственной организации. В результате, по мнению ученого, источником государственной власти теперь является не религиозное начало, благословение, не народный суворенитет, не народная воля, даже не сам народ непосредственно, «а та социальная организация, которая исторически сложилась в развитии данного народа»³⁷. Заметим, что автор не раскрывает понятие «социальная организация», что существенно затрудняет понимание его позиции.

В отечественной научной дореволюционной литературе мы не находим фактически ответа на вопрос, какой же теории соответствовал сложившийся на практике в России суворенитет, и что особенно важно, каков в ней по характеру был реальный суворенитет. С нашей точки зрения, это целесообразно связать с конкретной формой правления. Исходя из этого до революции 1905–1907 гг., и прежде всего особенно отчетливо в период

³⁴ См.: Елистратов А.И. Указ. соч. С. 12.

³⁵ См.: Чичерин Б. Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 58.

³⁶ См.: Ященко А. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 128.

³⁷ Корф С.А. Указ. соч. С. 39.

абсолютной монархии, в стране существовал суверенитет государственной власти, носителем которого был монарх (монархический суверенитет); в период конституционной монархии – суверенитет государственной власти, носителем которого в большей степени был монарх, а также парламент (конституционно-монархический суверенитет); в период буржуазной республики – суверенитет государственной власти, носителем которого являлось Временное правительство (республиканский суверенитет). Вместе с тем еще раз особо подчеркнем, что фактически всегда, до февраля 1917 г., особенно в период абсолютной монархии, всесторонне обосновывался, особо выделялся, защищался монархический суверенитет.

Обратим внимание также на то, что в связи с этим в конце XIX в. в научный обиход входит понятие «несуверенное государство». Обосновывалось это следующим. Исходя из классического подхода, в большом количестве государств, существовавших в мире, верховная власть организовывалась по различному. Но исключалась возможность существования на той же территории власти, не подчиненной ей. Государство трактовалось как союз с суверенной властью. Но реальная действительность не позволяла признать такой подход в полной мере правильным. На практике не во всех странах государственная власть была неограниченной и безраздельной. Начало здесь положила средневековая, феодальная Европа, где единой, неограниченной государственной власти фактически не было. Присутствовали три обособленных общественных элемента – король, церковь, сословия, каждый из которых имел самостоятельную управленческую компетенцию, которая ограничивала в той или иной мере другие два элемента.

Другой тип государства был связан с возникновением союзных государств. К ним были отнесены США, Германская империя, Швейцария. В них существует как бы две власти. Так, Германская империя состояла из 25 государств (Бавария, Пруссия, Саксония и т.д.). В них были власть Германской империи и власть государств, в нее входящих. Но при этом Империя – государство суверенное, никому не подчиненное. Государства же, входящие в нее, подчинены власти Империи и исходя из этого не суверенны. Аналогично отдельные штаты в США, отдельные кантоны в Швейцарии – несуверенные государства. Еще одна группа государств – вассальные государства, состоящие под чьим-либо протекторатом. Это институт международного права, который означает формальное покровительство сильного государства над слабым. Его установление не ведет к созданию нового политического целого. Взаимоотношения государств носят договорный

характер³⁸. Заметим, что отсутствие долгое время в России практического и теоретического интереса к суверенитету связывалось также с тем, что с точки зрения государственного устройства она была унитарной, а не союзом государств.

В отечественной дореволюционной научной литературе были представлены различные подходы, позиции к понятию «несуверенное государство». Н.И. Лазаревский основывался здесь на отличиях вассальных государств, отдельных государств, находившихся в составе союзного государства, от провинций, губерний. Последние получают свое устройство, компетенцию от центральной государственной власти. Это все основывается всегда на законах, изданных центральной властью. Компетенция и, что особенно существенно, устройство государственных органов в вассальных государствах, в отдельных государствах, которые входят в состав союзного государства, юридически независимы от него. Существование, функционирование органов отдельных государств, входящих в состав союзного государства, вассальных государств, основываются на их законах. Сопоставляя единицы, которые были государствами, и теми, которые государствами не признавались, ученый представил вывод о том, что «государствами являются все единицы суверенные (никому не подчиненные), а из несуверенных те, которые обладают собственностью, на своих законах основанной организацией»³⁹.

С точки зрения А.И. Елистратова, существование суверенных и несуверенных государств неправильно. Исходной позицией здесь является тот факт, что если мы определили именно такую организацию, отличающуюся подчинением людей в границах определенной территории самостоятельной власти, независимой как вовне, так и внутри, то несуверенное государство логически недопустимо. Несуверенное государство реально – еще не государство или уже не государство. Из того факта, что та или иная политическая организация характеризуется в качестве государства, проистекает, что она считается таковым в научном смысле данного слова. Отмечается, что подчас трудно установить, может ли конкретная политическая организация иметь статус государства или не утрастила ли она такого характера. Это вопрос факта, и выделение несуверенных, полусуверенных

³⁸ Например, российский протекторат применялся в прошлом по отношению сопредельных, феодальных государств в Средней Азии – Хивинского ханства, Бухарских эмиратах в соответствии с договорами 1873 г. (тексты договоров см: Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 178, 189; Правительственный вестник. 1873. 18 дек.).

³⁹ Лазаревский Н.И. Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 3-е изд. С. 10.

государств его не разрешает, а только все усложняет, запутывает.

Б.Э. Нольде связывает понятие «несуверенное государство» с самоуправлением. Появление первого понятия связывалось с необходимостью определения государственно-правовых явлений в Германии по проблематике природы союзного государства. Исходный тезис ученого — «Германская империя несомненно обладает суверенною властью, а члены ее — отдельные государства — более или менее широкой долей самоуправления». Особенность несуверенных государств не в том, что относят к их главным признакам. Внутреннее устройство, компетенция их может присутствовать и у иных развитых самоуправленческих единиц. «Сущность организации империи заключается в том, что отдельные государства как таковые являются единицами самоуправления, в то же время обладают правами власти в империи»⁴⁰. Б.Э. Нольде подкрепляет свои выводы словами первого канцлера Германской империи О. Бисмарка («суверенитет Германии принадлежит совокупности союзных правительств») и яркой цитатой известного немецкого ученого-юриста О. Майера («Германия не носит фригийской шапки, у ней на голове венок корон»)⁴¹.

Весьма уклончивая, нечеткая позиция у Ф.Ф. Кокошкина. Рассуждения у него здесь общего, констатирующего плана, отрицающие в определенной степени позицию Б.Э. Нольде. По мнению Ф.Ф. Кокошкина, признание суверенитета необходимым признаком государства связывалось с тем, что в эпоху, когда вырабатывалось его понятие, не все его формы были основательно изучены. Но в дальнейшем, проанализировав т.н. сложные государства, и в особенности федерации, стала ясна ошибочность прежнего вывода. Сложные государства сами состоят из государств, государственная власть которых при вхождении подчиняется власти целого, и они теряют суверенитет. Государство может подчиняться и власти другого государства, не входя в него (вассальное государство). Налицо территориальные союзы, подчиненные власти иного высшего территориального союза, «следовательно, неустроенные, тем не менее они называются государствами». Такие, с одной стороны, внутренне самостоятельные политические единицы, сходные в своей внутренней организации с суверенными государствами, а с другой — существенно отличающиеся от территориальных союзов, представляющих собой простые части государства, например провинции. С точки зрения ученого, исходя из этого

⁴⁰ Нольде Б.Э. Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 272, 276.

⁴¹ См.: там же. С. 276; Mayer O. Republikanischer und monarchischer Bundesstaat, Arch-f. off. Recht, XVIII, 1908. S. 369.

причислять их к последним, как считают некоторые юристы, которые выступают за последовательное проведение учения о суверенитете «как необходимом свойстве государства, значит создать искусственную, совершенно не соответствующую жизни классификацию»⁴².

А.А. Жилин выступает за признание как суверенных, так и несуверенных государств. В соответствии с его позицией существование политических союзов с самостоятельной властью, не обладающих полной независимостью, находящейся в подчинении высших властей, стоящих над ними, заставляет признать «тот взгляд, что суверенитет есть не сама государственная власть, а только свойство ее и при том не непременное»⁴³.

Выдвигались и идеи делимости, ограниченности суверенитета. Первая связывалась с образованием союзного государства, главным образом США. Основной здесь была позиция о том, что и федеральное правительство, и правительства отдельных штатов имели суверенитет, независимость в своей компетенции. Ее особенно настойчиво высказывали федералисты Д. Джей, А. Гамильтон, Д. Мадисон. Она была развита лучшими американскими юристами Д. Кентом, Д. Стори, перенесена в Европу известным французским ученым, американистом А. Токвилем, где была подробно разработана немцем Г. Вайцем. Ее приверженцами были такие ученые, как Р. Моль, А.С. Шульце, А. Эсмен. На практике данная теория нашла свое выражение в государственном устройстве Швейцарии, ее Конституции 1874 г. Теория подверглась весьма острой критике, и прежде всего со стороны Х. Зейделя. Он указывал о невозможности существования двух высших властей в одном союзе. Власть государства — это единая воля, и она не может быть раздроблена на самостоятельные, независимые воли. Это означало бы ее уничтожение. К. Гарейс, К. Штенгель выказывались за относительный или ограниченный суверенитет, полусуверенитет. Но существенного значения в науке того времени данные учения не имели. Отечественные ученые признавали их неверными. Обратим внимание и на то, что Конституция Франции 1791 г. закрепила положение о том, что суверенитет «един, неделим и неотъемлем». Заметим, что вопрос о делимости суверенитета, может ли он трактоваться как свойство государственной власти быть высшей, независимой, неоднократно дискутировался в науке как в советское время, так и в наши дни. В связи с этим остается актуальным, злободневным вывод А.А. Жилина: суверенитет «не может быть наполовину или отчасти и, раз власть ограничена

⁴² Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 76.

⁴³ Жилин А.А. Указ. соч. С. 75.

в чем-либо другой властью, то ясно, что она не независимая, не суверенная власть»⁴⁴.

Дискутировался также вопрос о том, может быть суверенитет, суверенная власть чем-либо или кем-либо ограничены. Позиций было представлено очень много. Напомним, первоначально в зародыше, по мнению Ж. Бодена, суверенная власть не ограничивалась только положительным правом, однако связывалась божественными и естественными законами; Т. Гоббс – для воли суверена нет абсолютно никаких границ: ни правовых, ни религиозных, ни моральных; Ж.-Ж. Руссо – непогрешимость суверенитета. В дальнейшем стало ясно, что власть не может быть безграничной и должна считаться с конкретными бытовыми условиями жизни людей, моралью, религией, нравами, традициями, экономическими факторами, общественным мнением и др.

На повестку дня вынесен вопрос о том, ограничивается ли правом суверенная власть государства. Здесь были представлены два направления: первое – теория первенства государства, которая отрицала какое-либо ограничение власти государства; второе – теория первенства права. Первоначально последнюю развивали представители школы естественного права, которые основывались на том, что государство возникло договорным путем для охраны естественных прав граждан и не может нарушать естественные права. С падением последней большим влиянием стала пользоваться теория первенства государства. В России ее представляли И.С. Сергеевич, Б.Н. Чичерин, Г.Ф. Шершеневич. В основе их подхода лежала позиция о том, что право – продукт власти государства. Отсюда данная власть им не может быть ограничена.

В начале XX в. появилось новое течение – возрождение естественного права. Оно ставит право над властью государства, определяя право естественным с изменчивым содержанием. Его представители – В.М. Гессен, П.И. Новгородцев. В принципе они фактически называют правом правовые идеи, которые, находясь постоянно в процессе изменения, несомненно, оказывают влияние на государственную власть. Ряд ученых говорили о замене суверенитета государства понятием «суверенитет права» (Л. Дюги, Г. Краббе, Н.И. Палиенко). Большое значение в науке имела теория связанности государственной власти своим собственным правом Г. Еллинека. Суть ее в том, что весь публичный правопорядок основывается на самоограничении власти государства. Соблюдение права – это не только ее политика, но, что особенно важно, ее юридическая обязанность. В научной литературе подчеркивается, что проблематику

связанности государственной власти следует анализировать с учетом того факта, что функции власти осуществляются различными органами. При этом, естественно, правительственные, судебные органы ограничены, подчинены праву, законодательные лишь в известной степени – они обязаны соблюдать законы до тех пор, пока они их не отменили. Заслуживает внимания, высокой оценки обобщающий вывод, представленный в отечественной дореволюционной литературе, имеющий актуальность и в наши дни как в практическом, так и в теоретическом плане, который сводится к следующему. Суверенная власть государства реально ограничена рядом бытовых условий, моральными взглядами и в некоторых случаях нормами объективного положительного права. Но все эти ограничения, основываясь на формально-юридическом подходе, будут иметь не юридический, а фактический характер.

Ф.Ф. Кокошкин вводит понятие «суверенная власть», или то же самое, что высшая, верховная суверенная, указывая на то, что само понятие «суверенитет» отрицательное. Но она не была неограниченной, а ограничивалась правом. Над такой суверенной властью нет никакой другой высшей власти, никакого физического лица, но над ней стоят т.н. безличные нормы права (что такое безличные нормы права, не разъяснялось). Вывод: как и всякая иная власть, суверенная власть «основана на праве и ограничена правом. Но из всех устанавливаемых правом властей, суверенная власть есть высшая»⁴⁵.

Обратимся к вопросу о соотношении суверенитета и конституции, суверенитета и российских Основных государственных законов 1906 г. Предварительно прежде всего отметим, что характер, сущность данного правового акта были и остаются предметом споров. Ответ ученых дореволюционного периода был фактически однозначным – Основные государственные законы 1906 г. являются первой общероссийской конституцией⁴⁶. В советской юридической науке такой подход был не популярен, не поддерживался. Главенствующей была позиция о том, что только социализм мог дать первую общероссийскую конституцию и в качестве таковой определялась Конституция РСФСР 1918 г. За признание Основных государственных законов 1906 г. конституцией России выступали лишь отдельные авторы⁴⁷, которые подвергались

⁴⁴ Жилин А.А. Теория союзного государства. Киев, 1912. Гл. II.

⁴⁵ Кокошкин Ф.Ф. Указ. соч. С. 75.

⁴⁶ См., напр.: Ивановский В.В. Указ. соч. С. 319; Казанский П.Е. Власть Всероссийского Императора. 3-е изд., значительно доп. М., 2007. С. 581; Шаланд Л.А. Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 21.

⁴⁷ См., напр.: Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1976. С. 274.

острейшей критике. В наши дни имеют место две противоположные позиции. Одни ученые, и к ним относится автор настоящей статьи, считают, что Основные государственные законы 1906 г. – это первая общероссийская конституция, другие отрицают это⁴⁸.

В дореволюционной русской научной литературе суверенитет использовался в качестве критерия для обособления, выделения особого вида конституции. В связи с этим встречаем прежде всего классификацию конституций по форме суверенитета, связанного с соответствующей формой правления. Выделяются, во-первых, основные законы, построенные на началах монархического суверенитета, и, во-вторых, на началах народного суверенитета⁴⁹. Еще раз отметим, что сувереном в монархии считали монарха, в республике – народ. Вместе с тем в ряде монархических государств провозглашались в конституциях начала народного верховенства (например, как отмечалось ранее, во Франции, Греции, Румынии, Италии). С чем это связано? Ответы были различны. А.Д. Градовский использовал исторический подход, считая, что все это не относится к основам монархической власти в представленных государствах, «а обозначаются лишь исторические пути возникновения данных государственных форм»⁵⁰. Некоторые авторы указывали на то, что начала народного верховенства определяют саму сущность указанных конституций⁵¹. В то же время, по мнению А.А. Жилина, сложно совместить идею народного суверенитета с монархической властью. Это обусловлено тем, что последняя связана неразрывно с самостоятельностью, наследственностью данной власти, ее непроизводностью от иных властей. Отсюда «в определениях конституций указанных четырех государств имеется известное логическое противоречие», в соответствии с которым власть монарха в них такая же, как в иных монархических государствах. Она наследственна, нет ответственности ее перед народом. Упоминание о народе как источнике властей оказывает незначительное влияние на ослабление монархической власти

⁴⁸ См.: Кравец И.А. Конституционализм и российская государственность в начале XX века: учеб. пособие. М., 2000. С. 123; Шульженко Ю.Л. Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 – октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 132–134, 137; Колошин Е.И. Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 54.

⁴⁹ См.: Жилин А.А. Учебник государственного права. С. 232.

⁵⁰ Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 5: Государственное право ведущих европейских держав. Т. II. СПб., 1902. С. 121.

⁵¹ См.: Фланден Э. Политические учреждения современной Европы. Конституция. Правительственная власть. Парламент. Местное управление. Судебное устройство. Англия. Бельгия. СПб., 1906. С. 162.

в указанных государствах, в ряде иных государств, где данное упоминание отсутствует, «мы встречаемся с аналогичными началами организации государственного строя»⁵².

Следующая классификация, в которой применяется понятие «суверенитет», связана с именем С.А. Котляревского. Причем достаточно сложно определить, какой критерий разделения здесь представлен. Он утверждает, что использует обычное деление «конституций на две большие группы: основанные на народном суверенитете и октроированные», т.е., с точки зрения ученого, принципы, «положенные в основу политической организации»⁵³. Особого внимания заслуживает его позиция по вопросу о возможности признания сосуществования народного суверенитета и монархической власти. При этом прежде всего подчеркивается, что сам факт провозглашения данного принципа в некоторых монархических конституциях не разрешает его. Но при всем этом, при несомненном наличии противоречий между монархическим принципом и принципом народного суверенитета из этого не следует, что они не могут сосуществовать, осуществляясь как единое целое в политическом плане. Важно то, «что развитие одного не может совершаться без ущерба для другого»⁵⁴.

Обратим внимание на позицию известного французского исследователя А. Эсмена, которая широко использовалась русскими учеными по вопросу о соотношении суверенитета и конституции. Он трактовал народный суверенитет в качестве основного начала конституционного права. Отсюда производными из него назывались, например, такие правовые институты, как референдум, всеобщее избирательное право, участие парламента в процессе законодательства. Государства на основе внутреннего суверенитета подразделялись на простые и смешанные. Простые – чистая монархия с носителем суверенитета монархом; республика – с носителем коллективного суверенитета нации. Смешанные – все конституционные монархии с разделенным между королем и парламентом суверенитетом. Из последних также выделялись два типа, резко различающиеся между собой. «Или нация, признанная суверенной и действующая в этом своем качестве, приобщает к своему суверенитету короля, вверяя, наследственно, ему и его роду, частичное управление его... Или

⁵² Жилин А.А. Учебник государственного права. С. 233, 234.

⁵³ Котляревский С.А. Указ. соч. С. 14, 23.

⁵⁴ Там же. С. 20. Приведен и конкретный пример. В Великобритании политический суверенитет находится в руках всей совокупности избирателей. Это объясняется тем, что королевская власть носит здесь более декоративный, чем политический характер. Ее нравственный авторитет освещает политическую жизнь страны, но не имеет активного участия в ней.

выступает противоположная комбинация: монарх, бывший до этого абсолютным государем, приобщает более или менее добровольно нацию к своему суверенитету, делегируя известные функции власти представительным собраниям»⁵⁵.

К данной последней категории отечественный государствовед Н. И. Захаров относил Основные государственные законы 1906 г. При этом делалась оговорка – данный правовой акт ничего не говорит о раздленности суверенитета⁵⁶. Иная позиция у Н.И. Палиенко, с которой мы солидарны: Основные государственные законы 1906 г. закрепляют основы дуалистической, ограниченной, конституционной монархии. Весьма ярко выражено преобладание монарха, открыто признается монархический суверенитет. Вместе с тем особо подчеркнуто, что «суверенитет этот признан не в смысле абсолютизма власти монарха, а относительно верховенства монарха среди других органов власти»⁵⁷. Таким образом, налицо суверенитет, носителями которого являются два органа – монарх, парламент, и прежде всего его Государственная дума.

Обратим внимание на то, что в современной отечественной литературе представлено мнение о том, что Основные государственные законы 1906 г. нельзя считать конституцией, так как один из главенствующих принципов конституционализма – народный суверенитет в них отсутствует⁵⁸. С этим нельзя согласиться в связи с тем, что, во-первых, закрепление в конституции принципа народного суверенитета не является обязательным для ее реального существования (во многих действовавших конституциях рассматриваемого периода такого закрепления не было); во-вторых, с нашей точки зрения, принцип народного суверенитета в определенной степени нашел свое отражение в Основных государственных законах 1906 г., главным образом в их положениях, касающихся статуса палат парламента России, и главным образом Государственной думы.

* * *

В заключение следует отметить, что проведенный анализ свидетельствует о том, что основные показатели (критерии) соотношения суверенитета и конституции сводятся к следующему: во-первых,

⁵⁵ Эсмен А. Общие основания конституционного права / пер. с франц.; под ред. Н.О. Бер. 2-е изд. СПб., 1909. С. 5.

⁵⁶ См.: Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 127–129.

⁵⁷ Палиенко Н.И. Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Ярославль, 1910. С. 70.

⁵⁸ См.: Кудинов О.А. Конституционные реформы в России в XIX – начале XX вв. М., 2000. С. 50.

сам факт наличия конституции как правового акта, обладающего свойствами верховенства, высшей юридической силы, представляет собой важнейший показатель реальности, эффективности суверенитета; во-вторых, важно содержание положений Основного Закона, относящихся к функционированию суверенитета, которые должны закрепить в том или ином виде форму суверенитета, определить основные его показатели. Это относится к экономической, социальной, политической системам, государственному устройству, системе органов государственной власти, статусу человека, гражданина, и в первую очередь его прав, свобод, в особенности в политической сфере; в-третьих, четкое закрепление в конституции конкретных форм, средств защиты, охраны суверенитета; в-четвертых, учитывая особую роль конституции по отношению к суверенитету, необходимо определение эффективной системы ее правовой охраны в Основном Законе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев А.С. Русское государственное право. Конспект лекций. 2-е изд. М., 1892. С. 87.
2. Гессен В.М. Основы конституционного права. Пг., 1917. С. 159, 177.
3. Градовский А. Начала русского государственного права. Т. 1. О государственном устройстве. СПб., 1875. С. 144, 312.
4. Градовский А.Д. Собр. соч. Т. 5: Государственное право ведущих европейских держав. Т. II. СПб., 1902. С. 121.
5. Давидович А.М. Самодержавие в эпоху империализма: классовая сущность и эволюция абсолютизма в России. М., 1976. С. 274.
6. Елистратов А.И. Государственное право. Пособие к лекциям. М., 1912. С. 7, 12.
7. Жилин А.А. Теория союзного государства. Киев, 1912. Гл. II.
8. Жилин А.А. Учебник государственного права (пособие к лекциям). Ч. 1. Общее учение о государстве в связи с основными началами иностранного государственного права. Пг., 1916. С. IX, 74, 75, 232–234.
9. Жуковский С.В. Сношение России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг., 1915. С. 178, 189.
10. Захаров Н.А. Система русской государственной власти. Юридическое исследование. Новочеркасск, 1912. С. 127–129.
11. Ивановский В. В. Учебник государственного права. I. Введение в общее учение о государстве. II. Конституционное право современных государств. III. Русское государственное право. 4-е изд. Казань, 1913. С. 38, 319.
12. Казанский П. Е. Власть Всероссийского Императора. 3-е изд., значительно доп. М., 2007. С. 581.
13. Кокошкин Ф.Ф. Русское государственное право. В связи с основными началами общего государственного права. М., 1908. Вып. II. С. 70–72, 76.

14. *Колошин Е.И.* Конституционное право России: курс лекций. М., 2015. С. 54.
15. *Коркунов М.Н.* Русское государственное право Т. 1. Введение и общая часть. 7-е изд. СПб., 1909. С. 213.
16. *Корф С.А.* Русское государственное право. Гельсинфорс, 1915. Ч. 1. С. 37–39.
17. *Котляревский С.А.* Конституционное государство. Юридические предпосылки русских основных законов. М., 2004. С. 14, 15, 20, 23.
18. *Кравец И.А.* Конституонализм и российская государственность в начале XX века: учеб. пособие. М., 2000. С. 123.
19. *Кудинов О.А.* Конституционные реформы в России в XIX – начале XX вв. М., 2000. С. 50.
20. *Сокольский В.В.* Краткий учебник русского государственного права. Одесса, 1890. С. 62, 63.
21. *Чичерин Б.* Курс государственной науки. Ч. 1. Общее государственное право. М., 1894. С. 58.
22. *Лазаревский Н.И.* Русское государственное право. Т. 1. Конституционное право. 3-е изд. СПб., 1913. С. 5, 10, 115; 4-е изд. Пг., 1917. Вып. 1. С. 102, 104, 107–109.
23. *Нольде Б.Э.* Очерки русского государственного права. СПб., 1911. С. 272, 276.
24. *Палиенко Н.И.* Основные законы и форма правления в России. Юридическое исследование. Ярославль, 1910. С. 70.
25. *Палиенко Н.И.* Суверенитет. Историческое развитие идей суверенитета и ее правовое значение. Ярославль, 1903. С. 1, 179.
26. Русское государственное право / Соч. Ивана Андреевского, д-ра гос. права, орд. проф. полиц. права в Имп. С.-Петерб. ун-те. Т. 1. Введение и часть 1: О правительстве. СПб., М., 1866. С. 128, 129.
27. *Свешников М.И.* Русское государственное право. Пособие к лекциям. СПб., 1897. Вып. 1. С. 4.
28. *Фланден Э.* Политические учреждения современной Европы. Конституция. Правительственная власть. Парламент. Местное управление. Судебное устройство. Англия. Бельгия. СПб., 1906. С. 162.
29. *Шалланд Л.А.* Русское государственное право. Юрьев, 1908. С. 21.
30. *Шульженко Ю.Л.* Отечественная наука государственного права периодов конституционной монархии, буржуазной республики в России (1905 – октябрь 1917 г.). М., 2012. С. 132–134, 137.
31. *Эсмен А.* Общие основания конституционного права / пер. с франц.; под ред. Н.О. Бер. 2-е изд. СПб., 1909. С. 5.
32. *Ященко А.* Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. Юрьев, 1912. С. 128.
33. *Mayer O.* Republikanischer und monarchischer Bundesstaat, Arch-f. off. Recht, XVIII, 1903. S. 369.
2. *Gradovsky A.D.* The beginnings of Russian State Law. Vol. 1. On the state structure. St. Petersburg, 1875. Pp. 144, 312 (in Russ.).
3. *Gradovsky A.D.* Collected works. Vol. 5: State law of the leading European powers. St. Petersburg, 1902. P. 121 (in Russ.).
4. *Davidovich A.M.* Autocracy in the era of imperialism: the class essence and evolution of absolutism in Russia. М., 1976. P. 274 (in Russ.).
5. *Elistratov A.I.* State Law. Manual for lectures. М., 1912. Pp. 7, 12 (in Russ.).
6. *Zhilin A.A.* Theory of the Union state. Kiev, 1912 (in Russ.).
7. *Zhilin A.A.* Textbook of State Law (lecture guide). Part 1. The general doctrine of the state in connection with the basic principles of foreign State Law. Petrograd, 1916. Pp. 74, 75, 232–234 (in Russ.).
8. *Zhukovsky S.V.* Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three hundred years. Petrograd, 1915. Pp. 178–189 (in Russ.).
9. *Zakharov N.A.* The system of Russian state power. Legal research. Novocherkassk, 1912. Pp. 127–129 (in Russ.).
10. *Ivanovsky V.V.* Textbook of State Law. 4th ed. Kazan, 1913. Pp. 38, 319 (in Russ.).
11. *Kazansky P.E.* The power of the All-Russian Emperor. М., 2007. P. 581 (in Russ.).
12. *Kokoshkin F.F.* Russian State Law. In connection with the basic principles of general State Law. 2nd ed. М., 1908. Pp. 70–72, 75, 76 (in Russ.).
13. *Kolyushin E.I.* Constitutional Law of Russia: course of lectures. М., 2015. P. 54 (in Russ.).
14. *Korkunov M.N.* Russian State Law. Vol. 1. Introduction and General part. 7th ed. St. Petersburg, 1909. P. 213 (in Russ.).
15. *Korf S.A.* Russian State Law. Helsingfors, 1915. Part 1. Pp. 37, 38, 39 (in Russ.).
16. *Kotlyarevsky S.A.* Constitutional State. Legal prerequisites of the Russian Basic Laws. М., 2004. Pp. 14, 15, 20, 23 (in Russ.).
17. *Kravets I.A.* Constitutionalism and Russian Statehood in the early twentieth century: textbook. М., 2000. P. 123 (in Russ.).
18. *Sokolsky V.V.* A short textbook of Russian State Law. Odessa, 1890. Pp. 62, 63 (in Russ.).
19. *Kudinov O.A.* Constitutional reforms in Russia in the XIX – early XX centuries. М., 2000. P. 50 (in Russ.).
20. *Chicherin B.* Course of state science. Part 1. General State Law. М., 1894. P. 58. (in Russ.).
21. *Lazarevsky N.I.* Russian State Law. Vol. 1. Constitutional Law. 3rd ed. St. Petersburg, 1913. Pp. 5, 10, 115; 4th ed. Petrograd, 1917. Iss. 1. Pp. 102, 104, 107, 108, 109 (in Russ.).
22. *Nolde B.E.* Essays on Russian State Law. St. Petersburg, 1911. Pp. 272, 276 (in Russ.).
23. *Palienko N.I.* Basic laws and form of government in Russia. Legal research. Yaroslavl, 1910. P. 70 (in Russ.).
24. *Paliyenko N.I.* Sovereignty. The historical development of the ideas of sovereignty and its legal significance. Yaroslavl, 1903. Pp. 1, 179 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Hessen V.M.* Fundamentals of Constitutional Law. Petrograd, 1917. Pp. 159, 177 (in Russ.).

25. *Alekseev A.S.* Russian State Law. Lecture notes. 2nd ed. M., 1892. P. 87 (in Russ.).
26. Russian State Law / The work of Ivan Andreevsky. Vol. 1. Introduction and Part 1. About the government. St. Petersburg, M., 1866. Pp. 128, 129 (in Russ.).
27. *Sveshnikov M.I.* Russian State Law. A manual for lectures. The first issue. St. Petersburg, 1897. P. 4 (in Russ.).
28. *Flandin E.* Political institutions of modern Europe. The Constitution. Government authority. Parliament. Local government. The judicial system. England. Belgium. St. Petersburg, 1906. P. 162.
29. *Shalland L.A.* Russian State Law. Yuryev, 1908. P. 21 (in Russ.).
30. *Shulzhenko Yu. L.* The native science of state law of the periods of the constitutional monarchy, the bourgeois republic in Russia (1905 – October 1917). M., 2012. Pp. 132–134, 137 (in Russ.).
31. *Esmen A.* The general foundations of Constitutional Law / transl. from French; ed. by N.O. Ber. 2nd ed. St. Petersburg, 1909. P. 5 (in Russ.).
32. *Yashchenko A.* The theory of federalism. The experience of the synthetic theory of law and the state. Yuriev, 1912. P. 128 (in Russ.).
33. *Mayer O.* Republikanischer und monarchischer Bundesstaat. Im Archiv fur offentl. Recht, XVIII, 1903. S. 369.

Сведения об авторе

ШУЛЬЖЕНКО Юрий Леонидович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
главный научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

SHULZHENKO Yuri L. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Chief Researcher of the Sector
of the Constitutional Law
and Constitutional Justice;
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 342

НАРОДОСБЕРЕЖЕНИЕ И ДРУГИЕ ЦЕННОСТНЫЕ ДОМИНАНТЫ РУССКОГО МИРА: НА ПУТИ К ОБРЕТЕНИЮ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ МНОГОПОЛЯРНОСТИ БУДУЩЕГО

© 2024 г. Н. М. Добрынин

Тюменский государственный университет

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Поступила в редакцию 24.07.2024 г.

Аннотация. В статье представлена авторская точка зрения на проблему определения ключевых векторов развития российской государственности на современном этапе и обозримую перспективу. Делается акцент на том, что такие векторы должны определяться с учетом национального приоритета сбережения российского многонационального народа и других базисных ценностей, образующих основу конституционной идеологии как общепринятой идеологии государства (национальной идеологии). Автор делает вывод о том, что национальный приоритет народосбережения по своему содержанию и масштабности не может быть сведен только к статистическим показателям рождаемости и смертности населения, а должен составлять лейтмотив всей деятельности конструктивных сил российского общества, и прежде всего органов публичного управления и их должностных лиц. При этом важной гарантией народосбережения и поступательного развития Российской Федерации должно стать правовое государство (в его либерально-консервативном понимании), являющееся одновременно и государством социальным.

Ключевые слова: народосбережение, идеология, ценностные доминанты, правовое государство, социальная справедливость, демократия, национальная идея, Русский мир.

Цитирование: Добрынин Н. М. Народосбережение и другие ценностные доминанты Русского мира: на пути к обретению современной российской национальной идеи в условиях глобальной многополярности будущего // Государство и право. 2024. № 10. С. 86–95.

DOI: 10.31857/S1026945224100085

PEOPLE PROTECTION AND OTHER AXIOLOGICAL DOMINANTS OF THE RUSSIAN WORLD: ON THE WAY TO FINDING A MODERN RUSSIAN NATIONAL IDEA IN THE CONDITIONS OF THE GLOBAL MULTIPOLARITY OF THE FUTURE

© 2024 N. M. Dobrynin

Tyumen State University

E-mail: belyavskaya@partner72.ru

Received 24.07.2024

Abstract. The article represents the author's view on the issue of specification of the key vectors for further development of the Russian Statehood, nowadays and for the visible perspective. The emphasis is placed on the fact that such vectors should be determined taking into account the national priority of saving and protection for the Russian multinational people as well as other basic values that form the fundamentals of constitutional ideology as a generally accepted ideology of the state (national ideology). The author concludes that the national priority of people protection, in terms of its content and scale cannot be reduced only to the statistical indicators of fertility and mortality of the population, but should be the leitmotif of all the activities of the constructive institutes of the Russian society and, above all, public administration and their officials. At the same time, an important guarantee of people protection and progressive development of the Russian Federation should be the Rule of Law (in its liberal-conservative understanding), which at the same time a social state is.

Key words: people protection, ideology, axiological dominants, the Rule of Law, social equity, democracy, national idea, the Russian world.

For citation: Dobrynin, N.M. (2024). People protection and other axiological dominants of the Russian World: on the way to finding a modern Russian national idea in the conditions of the global multipolarity of the future // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 86–95.

«Наша историческая обязанность – ответить на... вызов. Не только выбраться из демографической ловушки, но и к середине наступающего десятилетия обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны...»

Демография – это сфера, где нет какого-то универсального, тем более узковедомственного решения. Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России».

Президент Российской Федерации В. В. Путин.
15 января 2020 г.
(из ежегодного Послания
Федеральному Собранию)

Конституционная идеология в России и вековые традиции Русского мира: несколько вводных замечаний

События, происходящие в мире, особенно после начала специальной военной операции России на Украине, стали толчком для переосмысливания множества идеалов и ценностей.

Тем не менее на все происходящее следует смотреть не как на некий «апокалипсис», а как на возможность открыть новые горизонты через осмысление и рефлексию опыта многих предыдущих поколений и происходивших в прошлом событий. Это дает повод вновь обратиться к истории современного общества. Проанализировав наиболее значимые изменения в эволюции человеческих коллективов (прежде всего национальных государств), следует выбрать наиболее правильный и приемлемый в текущих условиях путь для дальнейшего движения вперед.

Вполне закономерным в складывающихся условиях выглядит продолжающийся в России поиск неких опорных точек – **ценностных идеалов, традиций и ориентиров**, которые в стремительно

меняющемся внешнем мире позволили бы не только сохранить тысячелетний опыт и историю Российского государства, но и обеспечить (**через их новое осмысление**) поступательное развитие и процветание страны не только в обозримом будущем, но, возможно, и на столетия вперед. На это ориентирует как Преамбула Конституции РФ, так и закрепленная в 2020 г. в ее тексте ст. 67¹ (ч. 1–3).

С этих позиций становится очевидным, что речь, в сущности, идет о формировании и утверждении в повседневной жизни людей в современной России **некоей прогрессивной идеологии**, вбирающей в себя как общечеловеческие ценности и идеалы, так и ценности и традиции российской культуры, истории, достижений и неудач, духовного пути многонационального народа.

И в данном контексте, прежде чем вести речь о **конкретных ценностных доминантах Русского мира**, лежащих в основании государственного устройства и самоидентификации многонационального российского народа, **чрезвычайно важно определиться с тем, о какой именно идеологии следует говорить в контексте столь сложного конституционно-бытийного нарратива**. Так же, как нельзя в этой связи не отметить то обстоятельство, что в современной российской **конституционно-правовой науке по-прежнему нет единства мнений о том**, допускает ли Российская Конституция **существование некоей общепринятой идеологии в стране или нет**.

Всем, кто в меньшей или большей степени интересуется актуальной проблематикой отечественного конституционного права, хорошо известно, что согласно ст. 13 Конституции РФ, отнесенной к основам конституционного строя, в России признается идеологическое многообразие, а какая-либо идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной.

В этих нормах Основного Закона, на наш взгляд, нет никаких скрытых противоречий, *которые, предусматривая, с одной стороны, запрет на утверждение некоей идеологии в качестве государственной или обязательной, с другой стороны, как в Зазеркалье*, допускали бы формирование и поддержание в общегосударственном масштабе некоторых мировоззренческих концепций и базовых установок, имеющих квазиобязательный характер, *основывающейся на правоприменимой политике государства и силе государственного принуждения*.

Однако некоторых коллег поиск таких скрытых, внутренних противоречий в положениях ст. 13 Конституции РФ (в том числе в их системной взаимосвязи с другими нормами Основного Закона) приводит, *без преувеличения, к парадоксальным выводам и суждениям, которые не только не соответствуют букве и духу Российской Конституции, но и отчасти выглядят оторванными от реальности, в том числе в контексте сложившейся правоприменимой практики*.

Так, например, П.А. Астафьев отмечает: «*Полагаем, что конституционной идеологии в современном российском обществе нет места, потому что конституционное мировоззрение лишено признаков идеологической обязательности и принудительности. О конституции и конституционализме можно свободно рассуждать, их допускается критиковать. Если свободно мыслящий гражданин, например, публично высказывает о том, что стране не нужны парламент, независимое правосудие, права человека и что, вообще, вместо выборного президента государству желателен самодержавный царь, – за подобные мысли никто не может быть привлечен к социальной ответственности. Конституция обеспечивается принуждением, но это принуждение – не мировоззренческое, оно строго юридическое*»¹.

По нашему убеждению, *это крайне спорный тезис*. Хотя бы потому, что мысль «*конституционной идеологии в современном российском обществе нет места*» звучит как «*приговор*» в целом правовой системе страны: ведь очевидно, что *отказ конституционной идеологии в признании есть ни много ни мало отрицание Основного Закона страны, а следом – и отсутствие правовой идеологии (правосознания, правопонимания, правовой культуры) в целом*.

Не углубляясь в критику приведенного суждения (так как оно все же не составляет ключевой предмет данной работы), заметим, что при таком подходе не вызывает удивления итоговый вывод автора, который он формулирует в своей статье:

¹ Астафьев П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмыслиении и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-8-12-18

«Понятие “идеология” в контексте норм ч. 1 и 2 ст. 13 Конституции РФ предпочтительно толковать как государственную и одновременно обязательную мировоззренческую систему, действие которой обеспечивается внеправовыми (идеологическими, принудительно-мировоззренческими) методами. При такой интерпретации данного термина идеологическая деятельность обоснованно считается противоправной, что имеет благоприятную общественно-политическую перспективу. Конституционный запрет ч. 2 ст. 13 должен быть сохранен, он не нуждается в каком-либо упразднении или переосмыслении, поскольку, во-первых, весьма велики риски подмены подлинной идеологии мнимой псевдоидеологией, во-вторых, опыт отечественной государственности уже дважды продемонстрировал непрочность и историческую ошибочность дальнейшего культивирования идеологического базиса российского государства в условиях изменившейся политico-правовой культуры XX–XXI веков. Современное Российское государство значительно прочнее функционирует на конституционно-правовой основе, которой глубоко чужда государственная и обязательная идеология»².

Но есть в российской конституционно-правовой науке и другие мнения, которые нам представляются существенно более взвешенными и потому оправданными – как с юридической точки зрения, так и с позиций бытийногоенного: *«Развитая национально-государственная идеология есть средство осознания народом самого себя, его социально-политического самоопределения. С ее помощью народ выражает и отстаивает вовне свои запросы, постигает свое место в мире (наличное и желаемое). Идеология – это та культурно-мировоззренческая площадка, на которой происходит постановка народом (через отдельных акторов, взаимодействующих между собой на данной площадке) предельных вопросов бытия: кто мы в мировом пространстве; каково наше место в истории; в чем наше предназначение; чье дело мы продолжаем и что это за дело; кто наши союзники, попутчики, соперники и враги. Национально-государственная идеология служит вовлечению людей в великие дела и помогает разложить эту работу на значительное число поколений, обеспечивая преемственность усилий последних, с тем чтобы каждое поколение проходило свой отрезок пути, опираясь на сделанное до него и заботясь о том, что оно передаст потомкам. Ее сила не только и не столько в ее конституционном закреплении, сколько в улавливании и выражении в ней глубинных запросов и чаяний людей, действительных общемировых и национальных*

² Там же.

закономерностей, а также и в ее способности доходить не только до сознания, но и до чувств людей»³.

И далее: «**Таким образом, идеология** – это попытка народа осознать себя как целостную колективную личность, в том числе посредством выработки действующими от его имени акторами доктринально-программных оснований колективного ценностного выбора в духовно-культурной и государственно-политической области. Концентрированным проявлением названного осознания выступает национальная идея. Она представляет собой емкое и зачастую образное выражение главных ценностей и целей народа, страны, имеющих основание в истории и предполагающих свое осуществление в длительной перспективе посредством солидарных усилий многих поколений. Ее усеченный вариант может формулироваться как призыв, девиз, близкий к официальной символике»⁴.

Возвращаясь в изложенном выше контексте к положениям ст. 13 Конституции РФ, важно подчеркнуть: она предусматривает запрет именно государственной или обязательной идеологии. Но очевидно, что между понятиями «государственная идеология» и «идеология государства» имеются существенные и весьма значимые различия. Если государственная идеология действительно выступает явлением надстроенным (исходящим от государства как некоей надстройки общества), а потому *a priori* не может «справиться» с рисками узурпации мировоззрения (его навязывания народу «сверху»), то **идеология государства** – понятие не только значительно более широкое, но и находящееся в несколько иной плоскости: в сущности, термин «идеология государства» выступает синонимом понятия «идеология страны», если под страной понимать нацию (многонациональный народ). Отсюда «идеология государства», по сути, является «национальной идеологией», черпающей свои основания в историко-культурных традициях и опыте конкретной нации (в том числе многонационального народа, как в случае с Россией).

Соответственно, между такими понятиями, как «национальная идеология», «идеология государства» и «национальный менталитет» вполне логично поставить знак равенства.

Думается, с автором согласятся, что **юридическим выражением национальной идеологии служит конституционная идеология**, которая по своему генезису и способу утверждения (путем всенародного принятия Основного Закона страны) как раз и служит

³ Кокотов А. Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы росс. права. 2023. № 12. С. 11–23. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023

⁴ Там же.

единственной официальной и общеобязательной идеологией в масштабах Российской государства (!).

Разграничив, таким образом, конституционный императив, запрещающий установление в России государственной или иной обязательной идеологии, и понятие **идеологии конституционной** (как идеологии подлинно народной и потому легитимной), важно несколько слов сказать о том, в каких реалиях существует и должна развиваться на перспективу Российской Федерации.

Сейчас (как это часто случалось и прежде) Россия сталкивается с серьезными испытаниями. Наше многострадальное Отечество должно пройти через них в очередной (и, надеемся, в последний) раз, чтобы, осмыслив текущие реалии, избавиться от пагубного влияния западной империи лжи и, как отметил Президент РФ В. В. Путин, утвердить наше «право быть и оставаться Россией»⁵.

Важность осознания того обстоятельства, что актуальные социально-политические конфликты сосредоточены вокруг ключевых конституционных ценностей, нельзя недооценивать. Многие политики, ученые и в целом мыслящие люди согласны с тем, что человечеству предстоит пройти еще весьма долгий путь, прежде чем мы достигнем глобального консенсуса по вопросу о содержании таких категорий, как «правовое государство», «социальная справедливость» и ряд взаимосвязанных с ними «вечных конституционных идеалов»⁶.

В условиях масштабной экономической войны, неприкрытой русофобии и стремления нанести России стратегическое поражение даже на поле боя западные «демократы» окончательно сняли свои маски: все их устремления направлены на дестабилизацию страны и ее уничтожение. Сегодня мы имеем возможность увидеть, что западная культура далека от демократии, отсутствует верховенство права и многие другие принципы, которыми «коллективный Запад» всегда кичился.

Президент РФ ранее уже говорил, что эпоха полного доминирования Запада в мировых делах близка к завершению, однополярный мир уходит в прошлое. В частности, он отметил: «Мы стоим на историческом рубеже. Впереди, наверное, самое опасное, непредсказуемое и вместе с тем важное десятилетие со времен окончания Второй мировой войны»; главное противоречие новой эпохи в том,

⁵ Стенограмма выступления Президента РФ В. В. Путина на Совещании о мерах социально-экономической поддержки регионов, Москва, 16 марта 2022 // Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/67996> (дата обращения: 21.07.2024).

⁶ Бондарь Н. С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.

что Запад «не способен единолично управлять человечеством, но отчаянно пытается это делать, а большинство народов мира уже не хочет с этим мириться»⁷.

Вот почему именно сейчас настал столь важный момент, когда требуется переосмыслить, какую Россию мы строим и какой мы хотели бы видеть ее в обозримой перспективе, через несколько десятилетий. Это, безусловно, важнейшая дискуссия, прежде всего о духовном, ценностном содержании «вечных конституционных идеалов».

По нашему убеждению, все задачи, стоящие в сегодняшних реалиях перед нашей страной, «вращаются» вокруг главной, генеральной цели и ценностной доминанты всего,figурально выражаясь, Русского мира: речь идет о сбережении и преумножении российского народа (и прежде всего русских как государствообразующей нации). Ибо очевидно: не будет сильного, самодостаточного, динамично развивающегося российского народа, не будет и Российского государства, как и всех других задач, касающихся его независимости (суворенности) и процветания. Вот почему тезис, сформулированный Президентом РФ В. В. Путиным в ежегодном Послании Федеральному Собранию в 2020 г., был выбран нами в качестве эпиграфа к настоящей статье.

Основываясь на изложенных выше подходах, глубоко убеждены, что сегодня в числе наиболее важных ценностных доминант Русского мира, которые оказывают и будут еще долго оказывать влияние на вектор практического развития конституционной идеологии в нашей стране, необходимо выделить следующие сложнейшие направления для совместной работы всех конструктивных сил нашего общества: народосбережение и демографическая политика; построение социально-ориентированной, «одухотворенной» экономики; приближение к идеалам правового государства.

В дальнейшем изложении предпримем попытку определить некоторые исходные, базовые идеи, реализация которых, по нашему мнению, будет способствовать успешному достижению целей дальнейшего конституционного развития нашей страны. Хотя, безусловно, следует учесть, что масштаб каждого из перечисленных выше направлений настолько велик, что детально охватить их в рамках одной научной работы (тем более статьи для периодической научной печати) объективно невозможно. Однако крайне важно при этом также иметь в виду, что в конечном счете все задачи внутригосударственного управления и внешней

⁷ Цит. по: Полякова В. Путин предупредил о самом опасном десятилетии со времен Второй мировой // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72> (дата обращения: 21.07.2024).

политики Российского государства на современном этапе должны быть подчинены решению и «вращаться» вокруг единственной и сверхважной задачи – сбережения и преумножения российского народа.

Идея народосбережения – ключевая ценностная доминанта современной России

Идея народосбережения становится национальным приоритетом: впервые она была обозначена именно в таком ключе в ежегодном Послании Президента РФ Федеральному Собранию 15 января 2020 г.⁸ Вот как охарактеризовал ситуацию глава государства:

«Судьба России, ее историческая перспектива зависит от того, сколько нас будет (хочу содержательную часть начать именно с демографии), зависит от того, сколько детей рождается в российских семьях.., какими они вырастут, кем станут, что сделают для развития страны и какие ценности будут для них опорой в жизни...»

Но семьи-то сейчас создают малочисленные поколения 90-х годов. Число рождений вновь падает... Такой ключевой показатель, как суммарный коэффициент рождаемости, то есть число рождений, приходящихся на одну женщину, в 2019 году составил, по предварительной оценке, 1,5. Много это или мало? Для Российской Федерации – мало...

Для сравнения: 1,3 было в 1943 году, во время Великой Отечественной войны. Правда, еще хуже было в 90-х годах. В 1999-м, например, 1,16 всего...

Повторю: существующие сейчас негативные прогнозы не могут нас не настораживать. Наша историческая обязанность – ответить на этот вызов. Не только выбраться из демографической ловушки, но и... обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны. В 2024 году коэффициент рождаемости должен быть 1,7... **Каждый наш шаг, новый закон, государственную программу мы должны оценивать прежде всего с точки зрения высшего национального приоритета – сбережения и приумножения народа России».**

В продолжение абсолютно обоснованных тезисов Президента РФ В. В. Путина важно отметить: очевидно, что национальная цель по сохранению и приумножению многонационального народа России не может быть достигнута без одновременного формирования, как выразился А. И. Солженицын, «чистой атмосферы» в обществе. На самом деле речь идет о восполнении дефицита «духовных скреп», на который ранее также обращал внимание Президент РФ.

⁸ См.: Официальный сайт Президента РФ // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582> (дата обращения: 21.07.2024).

«*Духовные скрепы*», которые в рамках философской терминологии означают морально-этические императивы индивида, *в сочетании с юридическими обязанностями человека и гражданина формируют концепцию долга* (как гражданского, так и в более широком, общечеловеческом контексте). Таким путем определяется единственно возможный трек развития любого человеческого сообщества: через осознание долга формируется личное мировоззрение и коллективная философия сбалансированности прав и свобод индивида (включая его готовность к определенным самоограничениям). В итоге достигается необходимый уровень морально-нравственного наполнения всех социальных взаимодействий, сопровождающийся этической нетерпимостью к разным формам поведенческих девиаций – не только к правонарушениям, подлежащим наказанию по закону, но и просто к аморальным действиям (включая и представление о них в бытовом срезе).

Важно обратить внимание на немаловажную деталь: содержание программно-нормативных документов, принятых на различных уровнях публичной власти, по не вполне объяснимым причинам оперирует понятием «народосбережение» в крайне узком значении – в его привязке только к проблематике рождаемости и государственной поддержки российских семей (в первую очередь многодетных). Такой подход, на наш взгляд, противоречит масштабу данного вопроса, обозначенному Президентом РФ, и в сути своей не позволяет не только планомерно продвигаться в реализации поставленной главой государства задачи, но даже и подступиться к ее решению.

Так, например, в Прогнозе социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов, опубликованном на официальном сайте Минэкономразвития России, указано следующее: «*При решении задачи по обеспечению народосбережения, защите материнства и детства, поддержке семей, имеющих детей, основное внимание уделяется реализации системных мер по стимулированию рождаемости, снижению смертности* – как за счет общесистемных мер по повышению доступности и качества первичной медико-санитарной помощи, повышению качества и охвата медицинской помощи – прежде всего по основным причинам смертности: онкология, сердечно-сосудистые заболевания, так и за счет разработки целевых мер в сфере здравоохранения по каждому субъекту Российской Федерации с учетом особенностей региона»⁹.

⁹ Подробнее см.: Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2024 год и на плановый период 2025 и 2026 годов // Официальный сайт Министерства экономического развития РФ // https://economy.gov.ru/material/file/310e9066d0eb87e73dd0525ef6d4191e/prognoz_socialno_ekonomicheskogo_razvitiya_rf_2024-2026.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

Как видно из приведенных выше формулировок, народосбережение, в сущности, сведено к стимулированию рождаемости, снижению смертности. Да, безусловно, это первичные аспекты данной сложнейшей задачи; но, соглашаясь с Президентом РФ, каждый наш шаг (т.е. абсолютно в любой сфере) сегодня должен быть сфокусирован на решении задачи народосбережения. А это в буквальном смысле означает, что с точки зрения блага народа (его удобства и культивирования любви к Отечеству, его желания жить в России, а не поглядывать в сторону зарубежных стран) цель народосбережения не может и не должна бюрократически ограничиваться только показателями рождаемости и смертности: ведь важна не только численность народонаселения страны, но и качество людей, а также ценности и идеалы, которыми они живут – Президент РФ, согласно приведенной выше цитате из его Послания Федеральному Собранию в 2020 г., именно об этом и сказал.

В ряду подобных (прямо скажем, не вдохновляющих) примеров можно также привести ссылки на утверждаемые Президентом РФ перечни поручений по итогам проходящих коллегиальных мероприятий под его председательством:

п/п. «е» (последний по счету) п. 1 в Перечне поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам: «*е) обеспечение народосбережения, защите материнства и детства, поддержка семей, имеющих детей, укрепление семейных ценностей*»¹⁰; помимо того, что приоритет народосбережения упомянут в Перечне в привязке только к вопросам защиты материнства и детства (отцовство даже не упомянуто!), поддержки семей и укрепления семейных ценностей, что имплицитно ориентирует на ограничение данного приоритета лишь вопросами рождаемости/смертности, остается лишь догадываться, по каким причинам в этом Перечне задача по обеспечению народосбережения оказалась на последнем месте в списке;

аналогичная формула (правда, без упоминания об укреплении семейных ценностей) содержалась в аналогичном Перечне поручений годом ранее – по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам¹¹, и также

¹⁰ Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (утв. Президентом РФ 18.02.2024 № Пр-295) // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/73492> (дата обращения: 21.07.2024).

¹¹ См.: Перечень поручений по итогам заседания Совета по стратегическому развитию и национальным проектам (утв. Президентом РФ 26.01.2023 № Пр-144) // Официальный сайт Президента РФ // <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/70412> (дата обращения: 21.07.2024).

была расположена на последнем месте из всех выделенных в Перечне ключевых задач.

Подчеркнем, что отмеченные выше недостатки в Перечнях поручений Президента РФ ни в коем случае не следует воспринимать как критику в адрес главы государства: очевидно, что при том объеме конституционных задач, которые он решает, и при той интенсивности информационного потока, в котором он постоянно находится, он самостоятельно, конечно же, не готовит перечни поручений, всецело полагаясь на штат своих помощников и других должностных лиц Администрации Президента РФ.

Обращая внимание на приведенные выше формулировки в Перечнях поручений Президента РФ, мы лишь стремимся акцентировать внимание на том, что «бюрократическому классу» нашей страны уже пора бы, наконец, начать полноценно воспринимать ключевые установки, которые Президент РФ В.В. Путин со свойственной ему глубиной и многогранностью формулирует при определении основных направлений внутренней и внешней политики государства (ч. 2 ст. 80 Конституции РФ), а не пытаться впоследствии их переиначить, уместив эти установки в прокрустово ложе статистических показателей и узковедомственных интересов.

Только при изменении в нужном (правильном) направлении подходов «бюрократического класса» страны к пониманию, интерпретации и воплощению в жизнь национальных приоритетов, установленных Президентом РФ, наша страна будет иметь исторический шанс к совершению столь необходимых нам сейчас прорывов во всех областях социального развития.

По нашему глубокому убеждению, говорить о народосбережении именно в широком ключе (как о национальном приоритете, а не просто о показателях рождаемости/смертности) важно прежде всего с точки зрения духовно-нравственных установок жизни современного российского общества. И данное суждение охватывает без исключения всех россиян, включая и чиновников, которые на государственной службе должны быть в первую очередь движимы пониманием своего гражданского долга и блага народа. Пока же, к большому огорчению, это далеко не так; **именно поэтому в контексте народосбережения на повестке и возникает с новой остротой вопрос т.н. воспитания масс, которое должно превратиться в настоящую общественно-государственную систему привития в России человеку (с младых ногтей и на протяжении всей жизни) выверенных и исторически оправданных жизненных целий, установок, ориентиров, ценностей.**

Например, В.Д. Зорькин, обращаясь к проблематике правовой модернизации России, совершенно справедливо отмечает: «правовая модернизация

неразрывно связана с широко понимаемой социально-нормативной модернизацией общества»¹², при этом одним из ее ключевых факторов выступает «нравственное воспитание масс, о котором говорили Вл. Соловьев и другие выдающиеся российские мыслители. Задача архисложная, требующая системного вовлечения в ее решение и государства, и школы, и семьи, и религиозных институтов, и всех (безусловно, существующих в стране) здоровых общественных сил, и – подчеркну особо – всей системы средств массовой информации (выделено мною. – Н.Д.). В первую очередь телевидения. Как это может быть организовано – отдельная непростая тема, которой я здесь касаться не буду. Подчеркну лишь, что такого рода нравственное воспитание невозможно без провозглашения и последовательного отставания системы духовно-моральных идеалов (курсив мой. – Н.Д.)»¹³.

Таким образом, **усиление духовно-нравственных основ всего общественно-политического уклада нашей страны – вот мега-задача на ближайшие два-три десятилетия и одновременно ответ на «вечный» в России вопрос «что делать?».**

Крайне сложно подвергнуть какому-либо сомнению правоту А.И. Солженицына: источник «силы или бессилия общества – духовный уровень жизни, а уже потом – уровень промышленности... Чистота общественных отношений – основней, чем уровень изобилия. *Если в нации иссякли духовные силы – никакое наилучшее государственное устройство и никакое промышленное развитие не спасет ее от смерти, с гнилым дуплом дерево не стоит* (выделено мною. – Н.Д.)»¹⁴. Что-либо добавить к этому суждению, на наш взгляд, невозможно.

В качестве заключения: почему России важно продолжать строительство либерально-консервативного правового государства

С учетом представленных выше подходов к пониманию и реализации национального приоритета народосбережения важно обратиться к проблематике правовой идеологии и более широко – правовой философии в России на современном этапе. Очевидно, что концептуальным ядром такой философии по-прежнему должно являться построение в России правового государства, поскольку этот конституционный императив остается неизменным и непреложным.

¹² Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 92.

¹³ Там же.

¹⁴ Солженицын А.И. Как нам обустроить Россию? Посильные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.

Но, как известно, концепций правового государства в настоящее время сформулировано великое множество. А в текущих геополитических условиях вопрос о трактовке идеи правового государства обретает новый компликативный дискурс: несмотря на то что проблема понимания и интерпретации тезиса о правовом государстве сама по себе изначально являлась сложной, ныне мы можем наблюдать, как под прикрытием «благих намерений» гарантии верховенства права, десятилетиями разрабатывавшиеся и внедрявшиеся в различных странах и на глобальном уровне, оказались в одночасье низложены и позабыты там, где, условно говоря, исповедуют западные «ценности».

Примеров, когда гарантии верховенства права оказались повергены западными политиками, прикрывающимися высокими идеалами, в контексте последних событий вокруг Украины можно привести тысячи. Один из характерных связан с реальностью гарантий неприкосновенности собственности – частной, государственной, корпоративной.

По всей видимости, это и есть пестуемый ныне «коллективным Западом» «порядок, основанный на правилах». Как отметил в одной из своих работ Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, продвигая «свою концепцию “миропорядка, основанного на правилах”, Запад *преследует цель увести дискуссии по ключевым темам в удобные ему форматы, куда несогласных не приглашают.* <...> “Прелесть” западных “правил” именно в отсутствии конкретики: как только кто-то поступает вопреки воле Запада, тот мгновенно голословно заявляет о “нарушении правил” (не предъявляя фактов) и объявляет о своем “праве наказывать нарушителя”»¹⁵.

Можно сказать и иначе: отсутствие конкретики в «правиле» означает, по сути, отсутствие и самого правила как такового.

Как известно, правовой уклад России еще со времен Петра I формировался под обширным влиянием результатов рецепции римского права и западной юридической мысли. Поэтому сегодняшняя ситуация для нас весьма затруднительна: прежние юридические ориентиры утратили свое значение и ценность, а новые еще не появились. Период правового развития страны, основанный на постуатах марксизма-ленинизма, не меняет в этом отношении общую картину, так как даже советская правовая система сохранила черты романо-германской правовой традиции. Однако нам необходимо осознать, что западная правовая идеология переживает упадок и саморазрушение, и потому теперь недопустимо использовать в качестве некоего

¹⁵ Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110). С. 8, 9.

образчика правовые модели, существующие в странах «коллективного Запада». Если раньше акцентировалось внимание на необходимости правовой модернизации в России, то в современных условиях такая модернизация должна быть ускорена: с полной уверенностью можно говорить о необходимости правовой мобилизации в России¹⁶.

Таким образом, России в ближайшее время необходимо выработать новые национальные цели в области правового развития, принимая во внимание национальный приоритет – народосбережение. В этом контексте важно в текущих сложнейших реалиях вновь переосмыслить, что есть право (с точки зрения блага народа), и в соответствии с результатами этого осмыслиения понять, какое государство мы строим сейчас и на обозримую перспективу.

И здесь уместно отметить (насколько это позволяет жанр научной работы), что «порядок, основанный на правилах», как показано выше, в сущности, есть юридическая химера, которая в действительности не имеет отношения к праву, а служит лишь удобной ширмой для тщательно скрываемых произвола, беззакония и правового нигилизма.

Но России по собственному опыту хорошо знаком и другой правовой уклад – т.н. диктатура закона, которая может весьма быстро трансформироваться в политический диктат, поскольку далеко не каждый закон по своей сути может считаться правовым; а говорить об эксцессах правоприменения и вовсе излишне. Понимая это, можно утверждать, что диктатура закона рано или поздно приводит к возникновению политической диктатуры как формы политического режима, что (как и «порядок, основанный на правилах») не может являться приемлемым для целей общественного развития.

По сути, для выбора нам остается лишь один вариант: в России необходима диктатура права, которая, в сущности, соответствует давно известному принципу верховенства права в его либерально-консервативном истолковании, что, в свою очередь, по-прежнему в полной мере отвечает основным конституционным ценностям нашей страны.

Рассматривая проблематику обеспечения народосбережения сквозь призму насущных задач, касающихся переосмыслиния отечественной концепции правового государства, можно обратиться к суждениям многих российских правоведов (причем

¹⁶ Подробнее см.: Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности» // Официальный сайт Петербургского международного юридического форума в сети Интернет // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (дата обращения: 21.07.2024).

разных эпох) и отметить, что понимание права как равной меры свободы имплицитно содержит в себе и вопрос о социальной справедливости. Соответственно, можно сделать вывод, что *право – это справедливость*. Но не просто справедливость (ибо сколько людей, столько и мнений). Речь может идти только о социальной справедливости. Именно она является воплощением широкого социального консенсуса, общественной солидарности, национальной идентичности. Вот почему *правовое государство следует понимать как государство справедливого социального уклада. Соответственно, правовое государство одновременно может быть только государством социальным, а социальное государство – не может не быть одновременно и государством правовым*.

По нашему убеждению, эта неразрывная связь двух вышеуказанных концепций (принципов, идей) – правового государства и социального государства действительно определяет для России столь необходимое для нас направление целеполагания, когда речь идет о правовых преобразованиях, требуемых в России в ближайшей перспективе и более отдаленном будущем с учетом текущих сложнейших геополитических условий.

В заключение отметим, что, например, А.Н. Радищев еще в XVIII в. писал: «Чем народ имеет нравы непорочнее..., тем меньше он нужды имеет в законах. Но чем больше они повреждены и удаляются простоты, тем большую нужду имеет он в законах для восстановления рушившегося порядка»¹⁷.

Это наблюдение, сделанное А.Н. Радищевым более двух столетий тому назад, как раз и возвращает нас к тому, что **в основе реализации национального приоритета народосбережения находится в первую очередь конституционная идеология** – необходимость ее бережного качественного переосмысливания в контексте современных условий существования России, а также ее последующая плавная трансформация в национальную, общепринятую народом идеологию страны, поддерживаемую не столько силой государственного принуждения (или иными подобными «средствами обязательности»), а духовно-нравственными ценностями, убеждениями, традициями и чувством гражданственности подавляющего большинства россиян.

Без такого изменения подходов, прежде всего **во внутренней политике (включая «умы и сердца» как «бюрократического класса», так и обычных граждан нашей страны), добиться подлинного национального ренессанса России как государства-цивилизации** будет крайне сложно, если вообще возможно. *А статье быть, другого пути у России нет.*

¹⁷ Радищев А. Н. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 548.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астрафичев П.А. Конституционный запрет на государственную или обязательную идеологию: к вопросу о доктринальном осмысливании и обосновании // Конституционное и муниципальное право. 2022. № 8. С. 12–18. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-8-12-18
2. Бондарь Н.С. «Вечные» конституционные идеалы: насколько они неизменны в меняющемся мире? // Государство и право. 2020. № 6. С. 20–34.
3. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М., 2015. С. 92.
4. Кокотов А.Н. Конституция России и идеология // Актуальные проблемы росс. права. 2023. № 12. С. 11–23. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023
5. Лавров С.В. О праве, правах и правилах // Россия в глобальной политике. 2021. Т. 19. № 4 (110). С. 8, 9.
6. Лекция Председателя Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькина «Право России: альтернативы и риски в условиях глобальной кризисности» // Официальный сайт Петербургского международного юридического форума в сети Интернет // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (дата обращения: 21.07.2024).
7. Полякова В. Путин предупредил о самом опасном десятилетии со времен Второй мировой // Официальный Интернет-портал ОАО «Росбизнесконсалтинг» // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72> (дата обращения: 21.07.2024).
8. Радищев А. Н. Избр. философские и общественно-политические произведения. М., 1952. С. 548.
9. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию? Попытные соображения // Комсомольская правда. 1990. 18 сент.

REFERENCES

1. Astafichev P.A. Constitutional prohibition of state or compulsory ideology: on the question of doctrinal understanding and justification // Constitutional and Municipal Law. 2022. No. 8. Pp. 12–18. DOI: 10.18572/1812-3767-2022-8-12-18 (in Russ.).
2. Bondar N.S. “Eternal” constitutional ideals: how unchangeable are they in a changing world? // State and Law. 2020. No. 6. Pp. 20–34 (in Russ.).
3. Zorkin V.D. The civilization of law and the development of Russia. M., 2015. P. 92 (in Russ.).
4. Kokotov A. N. The Constitution of Russia and ideology // Actual problems of Russ. law. 2023. No. 12. Pp. 11–23. DOI: 10.17803/1994-1471.2023.157.12.011-023 (in Russ.).
5. Lavrov S. V. On law, rights and rules // Russia in global politics. 2021. Vol. 19. No. 4 (110). Pp. 8, 9 (in Russ.).
6. Lecture by the Chairman of the Constitutional Court of the Russian Federation V.D. Zorkin “The Law of Russia: alternatives and risks in a global crisis” // Official website of the St. Petersburg International Legal Forum on the Internet // <https://legalforum.info/programme/business-programme/809/> (accessed: 21.07.2024) (in Russ.).

7. *Polyakova V.* Putin warned about the most dangerous decade since the Second World War // Official Internet portal of JSC Rosbusinessconsulting // <https://www.rbc.ru/politics/27/10/2022/635a9cd29a7947288b08af72> (accessed: 21.07.2024) (in Russ.).
8. *Radishchev A.N.* Selected philosophical and socio-political works. M., 1952. P. 548 (in Russ.).
9. *Solzhenitsyn A.I.* How can we equip Russia? Feasible considerations // Komsomolskaya Pravda. 1990. 18 Sep. (in Russ.).

Сведения об авторе

ДОБРЫНИН Николай Михайлович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
почетный работник науки и образования
Тюменской области,
профессор кафедры теоретических
и публично-правовых дисциплин
Института государства и права
Тюменского государственного университета;
625003 г. Тюмень, ул. Володарского, д. 6;

Authors' information

DOBRYNIN Nikolay M. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Honored Worker of Science and Education
of Tyumen Region,
Professor of the Department of Theoretical
and Public Law Studies
of the Institute of State and Law
of Tyumen State University;
6 Volodarskogo str., 625003 Tyumen, Russia

РАЗВИТИЕ МЕХАНИЗМА ПРАВОСУДИЯ: ИСПЫТАНИЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ

© 2024 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: mklean@bk.ru

Поступила в редакцию 15.10.2024 г.

Аннотация. В статье рассматривается в фундаментальном формате проблематика механизма правосудия на началах справедливости и его развитие. Показаны недостатки базового уровня механизма отечественного правосудия. Выделены проблемы научной методологии основополагающих подходов к устранению этих недостатков и совершенствованию механизма правосудия, в том числе на далекую перспективу. В частности, предложено: реформировать нефедеральное правосудие (развернуть вектор развития мировой юстиции с централизации на децентрализацию с отделением ее от федерального механизма правосудия; создать судебные структуры уровня ниже мировой юстиции в малолюдных территориях северо-востока страны; восстановить на принципиально иной основе конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации); создать некоторые качественно новые судебные органы собственной юрисдикции; создать государственный конституционный орган (под условным названием «Совет судебной власти Российской Федерации»), олицетворяющий судебную ветвь государственной власти.

Ключевые слова: механизм правосудия, фундаментальная правовая наука, недостатки судебной власти, справедливость правосудия, совершенствование механизма правосудия.

Цитирование: Клеандров М.И. Развитие механизма правосудия: испытание справедливостью // Государство и право. 2024. № 10. С. 96–112.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100096

DEVELOPMENT OF THE JUSTICE MECHANISM: TESTING JUSTICE

© 2024 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mklean@bk.ru

Received 15.10.2024

Abstract. The article examines in a fundamental format the problems of the mechanism of justice on the principles of justice and its development. The shortcomings of the basic level of the domestic justice mechanism are shown. The problems of the scientific methodology of fundamental approaches to eliminating these shortcomings and improving the mechanism of justice, including in the long term, are highlighted. In particular, it is proposed to reform non-federal justice (to expand the vector of development of world justice from centralization to decentralization with its separation from the federal justice mechanism; to create judicial structures below the level of world justice in the sparsely populated territories of the north-east of the country; to restore on a fundamentally different basis the constitutional (statutory) courts of the subjects of the Russian Federation); to create some qualitatively new judicial bodies of their own jurisdiction; to create a state constitutional body (under the conditional name "Council of the Judiciary of the Russian Federation"), personifying the judicial branch of the state the authorities.

Key words: justice mechanism, fundamental legal science, shortcomings of the judiciary, justice, improvement of the justice mechanism.

For citation: Kleandrov, M.I. (2024). Development of the justice mechanism: testing justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 96–112.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Одним из важных проблемных вопросов, обра- зовавшихся в результате нововведения в ч. 3 ст. 118 Конституции РФ, является: почему субъекты Российской Федерации лишены права создавать конституционные (уставные) суды?

Здесь в конституционном плане наличествуют несколько принципиальных аспектов.

1. Пункт «о» ст. 71 Конституции РФ относит судоустройство к ведению Российской Федерации, но не охватывает ли это регулирование лишь федеральную юстицию, оставляя в ведении субъектов Российской Федерации вопросы региональной юстиции, что можно усмотреть из текста ч. 4 ст. 76 Конституции РФ?

2. Российская Федерация – федеративное государство, и решение вопроса о создании в субъекте Российской Федерации региональной юстиции – правомочия самих субъектов (при определенной координации этого опроса на федеральном уровне), не так ли? Особенно это касается республик

в составе Российской Федерации, ведь они в силу ч. 2 ст. 5 Конституции РФ – государства.

3. Появившееся дозволение создавать конституционные (уставные) советы при законодательных (представительных) органах субъектов Российской Федерации ни в какой мере заменой конституционным (уставным) судам субъектов Российской Федерации стать не могут.

Раз эти суды лишь могут создаваться, вот и создавались они далеко не во всех субъектах Российской Федерации – их число редко когда превышало 20, хотя их создание было предусмотрено в конституциях (уставах) 56 субъектов Российской Федерации, а в 26 были приняты о них специальные законы.

То, что эти суды объективно необходимы, обосновано в многочисленных научных публикациях, в том числе монографических и диссертационных.

А в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации»

(в действующей, изначально неизменной редакции) содержится категорическое предписание: «Никакой суд не может быть упразднен, если отнесенные к его ведению вопросы осуществления правосудия не были одновременно переданы в юрисдикцию другого суда» (п. 3 ст. 3).

Но ни в какой суд вопросы ведения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации при их упразднении переданы не были. А то обстоятельство, что провозглашенные в ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона о судебной системе полномочия и цели конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации в тех субъектах, где этих судов не было, решались в административных коллегиях судов общей юрисдикции субъектов Российской Федерации, ситуации не меняет. В административном правосудии все три составляющих – свои, и уповать на то, что здесь имело место равноценная замена, нельзя.

Как нельзя уповать и на равноценность замены упраздненных конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации конституционными (уставными) советами при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации. Изначально было ясно, что они – органы, дающие советы, не обязательные к исполнению, но отнюдь не судебные органы, обязательность исполнения решений которых обеспечивается государством.

Причины упразднения конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации очевидны: их дороговизна (финансируались они целиком самими субъектами Федерации в отличие от мировой юстиции) и малая производительность, что негативно воспринималось также судебным сообществом.

А некоторые законодательные акты, принимаемые, похоже, в целях минимизации финансирования механизма правосудия, из-за невысокой потребности в судебной защите прав и законных интересов граждан вследствие малочисленности населения никак обеспечению доступа граждан к правосудию не способствуют. Например, Федеральным законом от 22 июля 2024 г. № 189-ФЗ «Об упразднении постоянного судебного присутствия в составе Анадырского районного суда Чукотского автономного округа»¹ ликвидировано это присутствие в поселке городского типа Беринговском Анадырского района Чукотского автономного округа.

Но ведь заменить упразднение этого представительства районного суда мировой юстицией невозможно, у них разные полномочия, к тому же такое упразднение не вполне соответствует ч. 1

ст. 46 Конституции РФ, провозгласившей: «Каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод». И такая конституционная гарантия не должна снижаться, а здесь она – для жителей поселка городского типа Беринговское Анадырского района – снизилась, теперь судебную защиту этим жителям придется искать в суде Анадырского района, а это – не ближний свет.

Критически острой является ситуация с нагрузкой на судей. Выступая в Совете Федерации при назначении ее на пост Председателя Верховного Суда РФ, И.Л. Подносова сказала: «В прошлом году рассмотрели 39 млн дел. Мировые судьи рассматривают по 500 дел в месяц, судьи районных судов – по 60 дел, арбитражные судьи – по 170 дел в месяц. Мы стараемся эту проблему решать. Путем уменьшения дел не можем – число обращений растет ежегодно, так что идем путем упрощения судебных процедур»². Однако упрощение судебных процедур – паллиатив, этот путь имеет пределы, иначе правосудие перестанет быть справедливым. Да и правовая наука, прежде всего фундаментальная, способна выработать предложения по реальному сокращению количества дел, поступающих в судебную систему, без снижения уровня доступности и справедливости правосудия. Но этот существующий уровень справедливости (поскольку она по уровням не определяется, здесь возможна лишь субъективная оценка) не может быть достаточным из-за запредельной судебной нагрузки. К чему это приводит?

Вот вроде бы частный пример: в интервью «Российской газете» Председатель Второго кассационного суда общей юрисдикции А. Бондар отметил: «В некоторых регионах суды назначают лишение свободы почти в два раза чаще, чем даже у своего ближайшего соседа»³. И это – явная демонстрация разного подхода к справедливости в правосудии в судах, даже рядом расположенных – хоть теми, которые назначают лишение свободы реже, хоть теми, что назначают чаще – это статистика, с которой не поспоришь и объективными причинами которую не объяснишь.

Саму же судебную нагрузку в стране можно сравнить с нагрузкой на испанских судей.

Делегаты X Всероссийского съезда судей в декабре 2022 г. представляли немногим менее 31 тыс. судей страны по штату при численности населения около 150 млн, а в 2018 г. в Испании на 46 млн жителей приходилось 100 тыс. судей. По мнению судьи Бальтасара Гарсона, «это число нужно увеличить вдвое, чтобы обеспечить правовую защищенность граждан и избавиться от проволочек»:

² Росс. газ. 2024. 26 апр.

³ Росс. газ. 2023. 2 окт.

¹ См.: Росс. газ. 2024. 29 июня.

как правило, в первой инстанции решение выносится через год, еще по году нужно на апелляцию и кассацию»⁴.

Разумеется, есть и иные недостатки в механизме правосудия, во всех трех его составляющих. Но это потому, что их появлению способствует чья-то злая воля. В других государствах ситуация с механизмом правосудия не лучше, не лучше она была и в нашей стране в прошлом. Тем не менее их надо выявлять и устранять.

В принципе вопрос можно сформулировать альтернативно: на современном историческом этапе развития нашего общества сегодняшнее состояние судебного строительства, правовой организации механизма судебной власти в России: а) нас устраивает, а отдельные недостатки в этом деле будут устраниться последовательно точечным совершенствованием законодательства и улучшением право-применительной практики, или б) нас не устраивает, необходимы одновременные, радикальные, сбалансированные, ресурсообеспеченные преобразования на единой программной основе всего организационно-правового механизма отечественного правосудия (не по модели «сначала сломаем, а потом будем думать, чем его заменить») для достижения отчетливо выработанной и сформулированной цели?

В первом варианте для уменьшения уровня недовольства общества механизмом нашего правосудия необходимо провести соответствующую пропагандистскую кампанию и открыть глаза обществу на то, что в целом для подобного недовольства нет оснований.

Во втором же варианте необходима гигантская по объему работа, содержание и направление которой еще предстоит осмыслить. И при этом все-таки следует исходить из того, что, несмотря на системные проблемные недостатки правовой организации механизма российского правосудия, многие из которых носят явно фундаментальный характер, объективно состояние дел в ней является не столь удручающим.

Но, если уж считать желательным улучшить механизм правосудия, и не чуть-чуть, не фрагментарно (а ведь здесь неизбежны появления и фрагментарных его ухудшений при недостаточно верно определенной стратегии улучшений), а радикально, на принципиально значимых, модернизационных, базовых основаниях, целесообразной представляется научная проработка этого пути.

А поскольку модернизация в любых сферах общественных отношений дискретна и может осуществляться лишь посредством специально

⁴ Сайт «Право.ру» (дата обращения: 17.12.2018).

организованных мероприятий, которые, в свою очередь, практически невозможны вне тех или иных правовых форм, необходима в первоочередном порядке модернизация и в праве. В современной отечественной науке сформулированы основные направления российской правовой модернизации: во-первых, социально-нормативная и правовая модернизация российского общества; во-вторых – модернизация системы права; в-третьих, правовая модернизация общества⁵.

Сами модернизационные мероприятия в научно-правовых сферах (как и в иных) могут быть фундаментальными, поисковыми и прикладными в зависимости от целей, которые ставит перед собой законопроектант, а цели эти обусловлены прежде всего осознанными и сформулированными наущными потребностями практики. В нашем случае – потребностями правосудия. При этом очевидно: как прикладные, так и поисковые научные исследования не могут опираться на достижения фундаментальной науки, которая является генератором идей и проектов. Однако следует отметить, что любые научные идеи имеют свойство много терять в своей мудрости при столкновении реалиями практического воплощения их в жизнь.

В научной литературе указывается: при подготовке прогнозов будущего состояния права следует использовать уже имеющееся научное знание об устойчивом и неустойчивом состояниях сложных саморазвивающихся систем, особенностях их «поведения» и воспроизведения в этих состояниях, о роли программы саморегуляции в процессе функционирования системы и ее способности муттировать в результате внешнего воздействия, а также о «механизме» и закономерностях фазового перехода⁶.

Нельзя сказать, что палитра научных публикаций, посвященных методологии научных исследований, узка, хотя бы потому, что опубликовано по этому направлению немало учебных пособий⁷. Выполнены (уже в XXI в.) работы по методологии

⁵ См. подр.: Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 536–540.

⁶ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020. С. 155 (со ссылкой на то, что эти признаки В.С. Стёпин выделял при характеристике сложных саморазвивающихся систем (см., напр.: Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпин. СПб., 2009. С. 249–295; Стёпин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. С. 24)).

⁷ См., напр.: Медунецкий В.М., Силаева К.В. Методология научных исследований. СПб., 2016; Пустынникова Е.В. Методология научного исследования: учеб. пособие для учреждений высшего образования. Ульяновск, 2017; Костров В.Н. Методология научных исследований: учеб. пособие. Воронеж, 2020.

права, как диссертационные⁸, так и монографические⁹, а также в форме научных статей¹⁰. Есть, соответственно, монографические и иные научные работы, посвященные проблематике методологии судебной власти. Например, методология А.Н. Сачкова¹¹ относительно философско-правовых основ теории судебной власти, в которой научный интерес сфокусирован на методологическом обеспечении единства гносеологических, онтологических и аксиологических оснований исследования судебной власти.

Таким образом, очевидно – фундамент методологии научных исследований проблем механизма правосудия создан. Что, с одной стороны, отнюдь не означает, что данный фундамент уже можно в дальнейшем не укреплять, а с другой – новые времена требуют новых подходов. В частности, методология научных исследований в проблематике совершенствования механизма правосудия в настоящее время требует органического включения в него традиционных российских духовно-нравственных, семейных и иных ценностей и учета национальных интересов. Это, в свою очередь, позволит обеспечить соответствующее совершенствование базовых, конституционно-законодательных основ механизма правосудия, руководствуясь достижениями аксиологии¹².

При этом нельзя отмахнуться от сказанного Т.Н. Нешатаевой, судьи Евразийского экономического союза от Российской Федерации, считающей: «Общеизвестно, что право от техники отстает в своем развитии всегда лет на 50»¹³. В науке философии права отмечается: вопрос о влиянии технологического развития на правовые системы всегда

⁸ См., напр.: Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.

⁹ См., напр.: Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001; Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения. М., 2021.

¹⁰ См., напр.: Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология // История государства и права. 2009. № 19; Занковский С.С. О методологии в диссертационных исследованиях // Предпринимательское право. 2011. № 2; Бельский К.С., Зайцева Л.А. Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) // Юрид. образование и наука. 2010. № 3; Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования правовой политики // Правоведение. 2010. № 1.

¹¹ См.: Сачков А.Н. Судебная власть: методология правового исследования. М., 2013.

¹² Аксиология (греч. *axios* – ценный + логия) – философское учение о духовных, моральных, эстетических и других ценностях.

¹³ Нешатаева Т.Н. О независимости суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Михайлова. М., 2022. С. 37.

был предметом дискуссий, тем более что этот процесс в мире проходит крайне неравномерно. Должно ли право гибко реагировать на появление новых научно-технических решений и инноваций? Или же правовое регулирование должно сохранять некоторые консервативные формы, проверенные временем и соответствующие уровню развития экономики? При ответе на этот вопрос важно помнить, что перед тем, как проводить новые реформы, в обществе должна сложиться убежденность, что предшествующие сработали как надо. В истории научных открытий есть ряд примеров, демонстрирующих, как изменения в технологиях и общественном устройстве повлияли на изменения в правопорядке¹⁴.

И еще один важный момент. Научные исследования в области техники дают экономический эффект от внедрения их результатов. И чем ниже уровень данных исследований – вроде рационализаторских предложений, тем точнее этот эффект можно определить. И наоборот, но зато фундаментальные научные исследования в области, например, физики эффект могут дать подчас по прошествии немалого времени, но зато невероятно огромный, заранее никак не просчитываемый. При этом данные исследования сами по себе чрезвычайно дорогостоящие. Экономический же эффект от научных исследований в сфере общественных наук, включая правовые, подсчитать если не невозможно, то весьма затруднительно, соответствующей методики пока здесь нет. Да и затраты на них к дорогостоящим отнести никак нельзя. Но экономический эффект от них, прежде всего – фундаментальных, не определен, он направлен на улучшение в основном общественных отношений в социуме. Ведь нельзя же считать, что право отстает от техники (пусть и не на 50 лет, а меньше), а механизм правосудия не отстает. К тому же очевидно – основное внимание уделяется научно-техническому (именно техническому) прогрессу, а проблемы общественных наук явно недооцениваются. Очевидно, что необходимо отдельное законодательство о научно-общественном прогрессе, составной частью которого будет являться законодательство о научном прогрессе в области механизма правосудия.

Общеметодологический подход в научных исследованиях проблематики совершенствования механизма правосудия в принципе позволяет выявить правовые лакуны, определить условные границы намеченного исследования, уточнить применяемые в ходе проводимого исследования основные понятия, терминологию (иногда даже

¹⁴ См.: Савенков А.Н. Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019. С. 25 (Избранные лекции Университета. Вып. 199).

разработать, при необходимости, глоссарий), выделить ключевые концептуальные векторы исследуемой проблемы и пр.

В свою очередь, это означает, что фундаментальные исследования в области механизма правосудия обязывают исследователя искать выход мысли за пределы устоявшихся стереотипов, а сами эти исследования должны вестись с ориентацией на сверхдальние, далеко загоризонтные цели. При этом названные цели не являются темпоральными, а по времени могут и должны быть близкими, вскоре – по времени – реально реализуемыми. Но при этом быть дерзкими, радикально преобразовывать действующие правовые институты и создавать новые, не боясь обвинений в вынесении предложений, не соответствующих действующему законодательству, устоявшейся судебной практике и правовым, прежде всего судейским, понятиям и практике, и даже, при обоснованности, «замахивающимся» на те или иные положения действующей Конституции РФ.

При этом обязательно нужно учитывать: люди и в будущем будут самые разнообразные, в том числе с девиантным поведением. Да и в принципе общество со всеми своими гражданами не может и не будет счастливым, если в нем будет недоставать справедливости. А это означает: будет необходим механизм, гарантированно обеспечивающий соблюдение справедливости в обществе, а в случае ее нарушения – принудительно от имени государства восстанавливающий ее. То есть механизм правосудия будет необходим и в далеком будущем, если общество, государство будут развиваться в правильном направлении.

А это, в свою очередь, значит: необходимо определиться в верном векторе развития этого механизма уже сейчас, т.е. увидеть и обосновать наличие коренных недостатков этого механизма, определить пути их устранения и наметить направление развития данного механизма, по возможности блокируя вероятные отклонения от правильного направления.

Именно это – дело фундаментальной правовой науки, которая призвана: отыскивать как имеющиеся сейчас правовые лакуны в общественных отношениях, так и предвидеть лакуны загоризонтные, с большой степенью вероятности могущие возникнуть в будущем; а также по возможности formalизовать их и составить абрис концепции решения проблем, вызываемых названными лакунами. И не больше, поскольку formalизация концепций заполнения правовых лакун посредством будущего их законодательного урегулирования – это дело поисковой правовой науки. А разработка на основе достижений фундаментальной и поисковой наук соответствующих конкретных концепций, как

и при необходимости проектов соответствующих законодательных актов, – это удел уже прикладной правовой науки. Конечно, все это в идеале, к тому же имевшиеся в советское время практически в каждом союзном и союзно-республиканском министерстве НИИ с соответствующими научно-правовыми подразделениями давно ликвидированы, технические возможности ведения прикладных научно-правовых исследований профильного характера минимизированы.

Но, поскольку вся правовая наука так или иначе должна быть нацелена на обеспечение справедливости в обществе, очевидно: научно-правовые исследования в сфере совершенствования механизма правосудия, на началах обеспечивая ее становление в качестве монолита мировоззрения справедливости, должны стать доминирующими.

Можно, исходя из обозначенных выше предпосылок, предложить следующие подходы к радикальному совершенствованию механизма отечественного правосудия. Подходы – в русле именно фундаментальной науки, без детализации и конкретизации, с учетом названных выше существующих проблемных, опять же, фундаментальных недостатков этого механизма. И начать следует с нижнего звена большой судебной системы – с нефедерального правосудия.

Относительно современной мировой юстиции в нашей стране ситуация такая. Конституционными нововведениями 2020 г. мировые суды обозначены как входящие в судебную систему наряду с арбитражными судами, а это означает, что даже самые мелкие экономические споры им не подведомственны. А ведь самое низовое звено в системе арбитражных судов – это арбитражный суд субъекта Российской Федерации, там даже нет районного звена.

И если проследить динамику меняемости Федерального закона от 17 декабря 1998 г. № 188-ФЗ «О мировых судьях в Российской Федерации»¹⁵ (в который внесено к настоящему времени множество дополнений и изменений), то можно сделать вывод: мировая юстиция последовательно федерализуется. Такое перераспределение дел в принципе безразлично для жителей городов, но для малолюдных населенных пунктов, особенно северо-востока России (а это добрая половина территории нашей страны), отнюдь не безразлично. Там не только нормальных дорог нет, нет подчас и интернет-связи, и нередко даже и электричества.

Юридическая наука не стоит в стороне от рассматриваемой проблемы, в частности, немало диссертационных исследований в постсоветской России посвящено истории российского правосудия,

¹⁵ См.: СЗ РФ. 1998. № 51, ст. 6270.

где также рассматривались проблемы близости или отдаленности суда и населения¹⁶.

Осознает наличие этой проблемы и судебский корпус России. Еще до создания современной мировой юстиции, ратуя за нее, почти тридцать лет назад в постановлении III (внеочередного) Всероссийского съезда судей (24–25 марта 1994 г.) от 25 марта 1994 г. «О концепции судебной системы Российской Федерации» указывалось (в разделе «О мировых судьях», до создания которых было еще четыре года): «Целью мировой юстиции является максимальное приближение правосудия к населению. Это достигается, как показывает мировой опыт, путем предоставления права рассмотрения некоторых категорий уголовных и гражданских дел при согласии сторон доверенным лицам жителей определенной части населенного пункта. В этом главный смысл мировой юстиции»¹⁷. Но, как хорошо известно, действующее законодательство о мировой юстиции, что федеральное, что субъектов Российской Федерации, это постановление съезда судей не восприняло.

Необходимо преобразование всей структуры механизма мировой юстиции, которая должна вернуться к истокам – к судебной реформе Российской Империи 1864 г. и базироваться на следующих положениях: обязательной, без исключений, выборности мировых судей населением соответствующего судебного участка (при организации этих выборов центральной и местными избирательными комиссиями); полностью отделенной

¹⁶ См., напр.: Тимонин А.Н. Исторический генезис Древнерусского государства: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007; Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006; Новожеев Р.В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина XIII века): сравнительно-исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005; Глушаков А.Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – первой половины XV века: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003; Мухаметшин Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX – начало XX века): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004; Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007; Судолова Л.А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX век (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008; Майор Ф.М. Зарождение системы правового регулирования в Древнерусском государстве IX–XIII веков (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

¹⁷ См.: Сборник постановлений Всероссийских съездов судей, постановлений (обращений) Совета судей Российской Федерации и Президиума Совета судей Российской Федерации (1991–2012 годы). Т. I / под ред. Ю.И. Сидоренко. М., 2012. С. 42, 43.

от федеральной юстиции, т.е. финансироваться исключительно из бюджета соответствующего субъекта Российской Федерации; в процессуальном плане апелляционной инстанцией будет общее собрание мировых судей данного района, а кассационной – составом из мировых судей, выбранных для этого самими мировыми судьями, осуществляющими правосудие на территории субъекта Российской Федерации, и т.д.

В целом, в принципиальном плане, представляется, что необходима смена вектора развития мировой юстиции: она должна быть в любом случае доступна, как звено механизма правосудия.

А это означает, что, следуя по вектору дефедерализации, но не могущей быть абсолютной, мировая юстиция должна быть более самостоятельной – в организационном, институциональном, инстанционном, финансовом, материально-ресурсном, кадровом и иных планах; не должна зависеть и от органов законодательной, и исполнительной власти субъектов Российской Федерации, и от судебных органов субъекта Российской Федерации и районных (городских) судов. Мировой юстиции следует также передать на рассмотрение мелкие экономические споры и иные дела, ныне подведомственные арбитражным судам субъектов Российской Федерации, прежде всего споры и дела с участием т.н. самозанятых, которых у нас порядка 20 млн.

Но проблему территориального доступа к правосудию для всех жителей нашей огромной России даже сменой вектора развития мировой юстиции не решить. Интернет-связи в сельской местности многих территорий или нет совсем, или она крайне неустойчива, зачастую там нет и электричества, а обычная почта желает оставлять лучшего – в 2023 г., например, отделение почты Таймырского округа передали из Дудинки в Норильск, сообщение с которым возможно только по воздуху или – в короткое северное лето – по рекам, в результате чего письма и посылки копятся в Норильске месяцами, а местные власти договариваются об их доставке с вахтовиками, и это все, естественно, относится и к судебной корреспонденции.

Элементарное «разукрупнение» участков мировых судей – не выход из положения. Оставлять все как есть значит – лишать граждан, проживающих (а также зачастую и вахтовиков) на этих территориях, доступа к правосудию, что нарушает провозглашенное ч. 1 ст. 46 Конституции РФ положение, согласно которому «каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод».

Страна наша огромна, в том числе территориально, но населена крайне неравномерно. И на огромных территориях северо-востока страны даже до «своего» мирового судьи многим участникам судебных процессов подчас крайне сложно,

а в отдельные времена года и совсем невозможно добраться. Уповать на интернет-технологии бесмысленно — зачастую там нет не только Интернета, но и электричества. Но зато есть — объективно — потребность в справедливом правосудии. Поэтому целесообразным представляется законодательно закрепить возможность создания в таких местностях отдельных судов — уровня ниже мировых судей, как и территориальных представительств мировых судей.

То есть нужны принципиально новые структуры механизма правосудия, обеспечивающие решение этой проблемы. История правосудия России знает множество примеров на сей счет (суд братчины, губные избы, совестные суды, гминные суды, волостные суды, а сразу после Октябрьской революции 1917 г. — различные органы с судебными функциями: следственные комиссии, чрезвычайные комиссии, самые разнообразные трибуналы, революционные суды, военно-революционные комитеты и др.).

Особый интерес здесь представляют собой сельские суды (это точно не общественные и не третейские суды), правовой основой создания и деятельности которых послужило Постановление ЦИК СССР от 29 сентября 1930 г. В нем была прямо названа цель создания этих судов: «В целях приближения суда к населению, вовлечения в работу суда широких трудящихся масс и разгрузки народных судов от разбора мелких уголовных и гражданских дел, президиум Центрального исполнительного комитета Союза ССР в дополнение основ судоустройства Союза ССР и союзных республик (Собр. Зак. Союза ССР, 1924, № 23, ст. 203) и в изъятие из общего порядка рассмотрения уголовных и гражданских дел...».

Было установлено также, что постановления сельского суда окончательны и обжалованию не подлежат, но могут быть отменены в порядке судебного надзора народным судом или прокуратурой. В случае отказа от добровольного исполнения они приводятся в исполнение в принудительном порядке. А руководство деятельностью сельских судов возлагается на народный суд. Наблюдение же за деятельностью сельского суда осуществляется народным судом и прокуратурой.

Эта модель (с соответствующей корректировкой) может быть применена как вариант при проработке вопроса о создании судебного органа уровня звенности ниже мировой юстиции в малозаселенных местностях России.

Но следует ли одномоментно по всей огромной малозаселенной части территории Российской Федерации создавать суды (точнее — структуры с судебными полномочиями), максимально приближенные к населению и, следовательно, по уровню

звенности судебной системы страны находящиеся ниже мировой юстиции? Нет, решение этой проблемы требует серьезной и всесторонней отладки, а начинать надо с организационно-правового эксперимента, по всей видимости, в одном-двух субъектах Российской Федерации, расположенных на Крайнем Северо-Востоке страны, где результаты эксперимента, длящегося два-три года, окажутся наиболее впечатляющими. Или не окажутся. Здесь многое будет зависеть от организационной, информационной и иной проработки эксперимента.

Каковыми же, по мысли автора данной работы, могут быть названные структуры? В первом приближении — каков может быть их самый общий обрисовки идеологии и концепции?

По своей правовой природе они должны быть государственно-общественными. То есть, с одной стороны, базироваться на соответствующем законодательстве (федеральном и субъектов Российской Федерации), входить в общую судебную систему страны и т.д. С другой же — все судейские обязанности в них должны осуществляться без оплаты либо с минимальной оплатой за счет федерального бюджета;

все судо- и делопроизводство в них должно осуществляться судьей (при необходимости и наличии возможностей — одним из судей, если их несколько);

можно уверенно предположить, что в немалом числе сельских населенных пунктов такие судебные структуры будут возникать и осуществлять правосудие в режиме *ad hoc* — при возникновении потребности. То есть они, будучи образованными на случай возникновения у жителя сельского населенного пункта потребности в осуществлении именно этим судом правосудия, сразу могут приступить к выполнению своей правосудной функции — при образовании такого случая;

общие полномочия такой судебной структуры должны быть закреплены федеральным законом изначально, но детализироваться они могут и на уровне субъекта Российской Федерации, и на уровне муниципальном — исходя из исторических обычаяев, национальных, конфессиональных и иных особенностей жителей того или иного населенного пункта. Сложности возникнут в отделении компетенции данного суда от компетенции мирового судьи. И немалую помошь здесь должны оказать разноотраслевые научные исследования (юристов, социологов, демографов, экономистов и др.);

определенную часть «мелких» споров и дел необходимо будет изъять из ведения мировой юстиции и передать этим судебным структурам. На них же следует возложить и функцию разрешения

предельно мелких предпринимательских споров – не тех, которые сейчас разрешают арбитражные суды (в том числе в режиме упрощенного судопроизводства), а тех споров между гражданами, которые по своей природе являются предпринимательскими (по выполнению работ, оказанию услуг, изготовлению продукции...), но участниками которых являются жители сельских населенных пунктов, не являющиеся ни индивидуальными предпринимателями, зарегистрированными в установленном порядке, ни фермерами, ни членами фермерских (крестьянских) хозяйств. Но должны быть самозанятые;

судьями в таких судебных структурах будут – безоговорочно – не профессиональные судьи, а сами жители сельских населенных пунктов, выбранные из своей среды. Не исключено, что здесь потребуется введение ценза оседлости. Количество судей в таких судебных структурах будет в сельском поселении дифференцированным в зависимости от числа жителей в нем. Саму организацию выборов судей в такие структуры целесообразно возложить на Центральную избирательную комиссию РФ (ее региональные структуры);

процессуально-процедурная основа деятельности таких судебных структур должна быть предельно упрощенной. Разумеется, она не должна вступать в противоречие с основополагающими принципами российского права и законодательства, но основываться она должна на нормах, раньше именуемых обычным (общим) правом, ныне же более подходящим – на здравом смысле. Ведь осуществлять правосудие будут здесь не юристы, а наиболее авторитетные, обладающие значительным жизненным опытом и авторитетом сами жители сельского поселения. Генеральной целью судопроизводства здесь будет примирение участников спора (сторон по делу), восстановление их прежних добрососедских (а подчас и родственных) отношений;

оказание общей организационной, методической и информационной помощи для таких судебных структур целесообразно возложить на местные органы Судебного департамента при Верховном Совете РФ, а оказание общей методологической помощи – на соответствующих мировых судей;

решение вопросов апелляционного обжалования судебных актов таких судебных структур и иных вопросов инстанционного характера целесообразно на определенное время оставить открытыми – нужно ли оно вообще. Подведенные результаты эксперимента позволят дать более определенный ответ на этот вопрос.

Должен быть восстановлен институт конституционных (уставных) судов субъекта Российской Федерации в серьезно измененном виде. Его законодательной основой должен стать федеральный

закон об этих судах (ведь есть же такой федеральный закон для мировых судей, не являющихся федеральными судьями). Эти суды обязательно должны быть созданы в каждом без исключений субъекте Российской Федерации. Основной причиной их ликвидации на основе конституционных нововведений 2020 г. послужило то, что они «дорого стоят, но у них мало дел». Обе проблемы легко решаются: 1) расширить доступ к осуществлению ими конституционного (уставного) правосудия на уровне, осуществляемом Конституционным Судом РФ, спроектированном на уровень субъекта Российской Федерации; 2) до минимума сократить расходы на их содержание: в штате такого суда иметь лишь одного-двух технических работников; денежное вознаграждение судьям (оптимально их число – три-пять человек) выплачивать «в импульсном режиме» – только за время реального рассмотрения (не более месяца) ими дел, принятых к производству; а специалистами в таком суде с удовольствием на общественных началах выступят сотрудники кафедры конституционного и муниципального права регионального вуза. При этом очевидно: конституционный (уставный) совет при законодательном (представительном) органе субъекта Российской Федерации – это отнюдь не орган конституционного судебного правосудия, и заменить его можно – в целом – максимум (оценочно) на 5–7%.

Далее. В ч. 1 ст. 3 Конституции РФ сказано, что единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. осуществление правосудия – это реализация народом функций государственной власти, а в ч. 5 ст. 32 Конституции РФ провозглашено: «Граждане Российской Федерации имеют право участвовать в отправлении правосудия». Однако такая редакция о судебных заседателях (этот институт и представляет граждан Российской Федерации, участвующих в отправлении правосудия – в реализации народом функций судебной ветви государственной власти) привела к сегодняшнему дню к существенной деградации данного института. По факту: институт народных заседателей был в самом начале 2000-х годов ликвидирован напрочь; институт арбитражных заседателей влечит столь жалкое существование, что мало кто из предпринимателей о нем знает, а в арбитражно-судейской статистике он вообще отсутствует; институт же присяжных заседателей, распространенный теперь и на районные суды, функционирует так, что «апелляция отменила почти 90% оправдательных приговоров районных судов, вынесенных с участием

присяжных»¹⁸. Представляется, что апелляционная и кассационная инстанции по делам, рассмотренным с участием присяжных заседателей, должны состоять также из присяжных, точнее – из большинства присяжных заседателей (3+2, 5+3 и пр.).

В этом вопросе России явно не следует брать пример с Англии, где суд присяжных и зародился. В отечественной научно-правовой литературе отмечается: на родине суда присяжных, в Англии, к нему относятся весьма сдержанно, и его использование в течение XX столетия сократилось¹⁹.

Далее. Количество рассматриваемых арбитражными судами дел может быть существенно сокращено путем создания ведомственных судов, разрешающих экономические споры имущественного характера между предпринимательскими структурами (юридическими лицами) одного министерства, ведомства, госкорпорации, концерна и т.п.

В этом плане ведомственные суды можно сравнить с ведомственными арбитражами, которые разрешали хозяйственные споры между ходатайствами одного министерства (ведомства) в период с 1922 по 1991 г., имели свою материальную и процессуально-правовую основу. Проблематика ведомственных арбитражей и значительные объемы их деятельности широко освещались в научно-правовой литературе²⁰. И многое из института ведомственных арбитражей можно (с определенной долей переосмысливания) позаимствовать в ходе научной проработки института ведомственных судов.

Важно принять во внимание (как обоснованно отмечалось), что значение ведомственных арбитражей определялось не только количеством

¹⁸ Адвокатская газ. 2020. 13 окт.

¹⁹ «Сегодня сама идея передачи судебной власти 12 присяжным, случайным людям, многим кажется абсурдной... Случайная выборка состава жюри присяжных может приводить к тому, что они интеллектуально не смогут оценивать доказательства по делу... Считается, что присяжные предвзято относятся к делам. Например, в делах по автоавариям они часто на стороне водителя. А в делах по обвинению журналистов и газет – чаще не на их стороне. Присяжные легко поддаются влиянию красноречивых ораторов... Состав присяжных не всегда отражает социальный состав населения страны. В целом на Западе наблюдается несомненный закат института присяжных заседателей и сокращение его роли в отправлении правосудия» (см.: Саломатин А.Ю., Мещерякова А.Ф. Модель правосудия для России (технологические и идеологические аспекты) // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 71 (со ссылкой на: Романов А.К. Правовая система Англии. М., 2000. С. 305, 306)).

²⁰ См., в частности: Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М., 1968; Максимович А.Я. Арбитраж в системе министерства, государственного комитета, ведомства // Сов. государство и право. 1981. № 7; Колесов Б.Ю. К вопросу об истории правового регулирования ведомственного арбитража // Вопросы экономической истории и истории экономических учений. Свердловск, 1972; Калистрова Р.Ф. Ведомственный арбитраж в СССР: учеб. пособие. Калинин, 1984.

рассматриваемых ими споров, но прежде всего той ролью, которая отводилась этим органам в регулировании внутриотраслевых (внутриведомственных) хозяйственных отношений между социалистическими предприятиями и организациями²¹. Какие выводы позволяет сделать предельно краткая история о ведомственных арбитражах?

Они занимали свою нишу в механизме разрешения хозяйственных споров советского исторического периода. Они не были искусственным образованием, поскольку действовали эффективно и в больших, сопоставимом с государственными арбитражами, масштабах. Вместе с тем самостоятельными структурными подразделениями они не являлись, были органической частью юридических бюро, отделов, управлений министерств (ведомств), состояли из одного, реже – двух, ведомственных арбитров (арбитра и главного арбитра), действовали на основе собственной статусной и процессуально-правовой базы (положения о порядке рассмотрения хозяйственных споров, утверждаемого министром (руководителем ведомства)) и никакой связи с государственными арбитражами не имели. Выдаваемые ими распоряжения о принудительном исполнении решений приводились в исполнение в порядке ведомственной дисциплины.

А на постсоветском экономическом пространстве с ликвидацией многих отраслевых министерств и ведомств экономического профиля (и существовало их немало – двух-, трех- и четырехзвенных) были, естественно, упразднены и ведомственные арбитражи.

Но потребность в организационно-правовом механизме разрешения хозяйственных (уже предпринимательских) споров между предприятиями и организациями одного министерства (ведомства – из оставшихся, трансформированных), одной госкорпорации, одного концерна и иной многосоставной структуры никуда не делась. Поэтому на смену ведомственным арбитражам пришли в 1990-х годах третейские суды, специализированные и предназначенные для разрешения предпринимательских споров между предприятиями и организациями такой многосоставной структуры. Принудительное исполнение решений этих (да и всех иных) третейских судов осуществлялось через арбитражные суды, и нарушений, а подчас и афер в деятельности третейских судов было множество. В результате государством была проведена реформа третейских судов, и их осталось очень мало.

И опять следует констатировать – потребность в организационно-правовом механизме разрешения предпринимательских споров между

²¹ См.: Максимович А.Я. Указ. соч. С. 38.

предприятиями и организациями одной названной выше многосоставной структуры никуда не делась. И эта лакуна сохраняется по настоящее время.

Ее в определенной мере заполняет правосудная деятельность арбитражных судов, но многие экономические споры разрешаются (точнее будет сказать, «утрясаются» так или иначе) в неправовых процедурах руководством названных многосоставных структур. А многие споры и конфликты, требующие правового разрешения, остаются латентными, что эффективности работы ни самих спорящих предприятий и организаций, ни этих многосоставных структур отнюдь не прибавляют. Да и справедливыми такие решения вряд ли можно назвать.

С осторожностью можно предложить путь, точнее лишь первый подход к пути, частично решающий поставленную проблему. Он состоит в следующем:

должен быть принят федеральный конституционный закон об этих судах, дополняющий Федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации», контурно очерчивающий их статус и место в судебной системе страны;

создаваться такие суды должны будут решениями высших органов управления названными сложносоставными предпринимательскими структурами без какого-либо согласования с государственными органами власти и управления, включая органы Министерства юстиции РФ, Судебного департамента при Верховном Суде РФ, судебные органы любых инстанций и юрисдикций;

финансируясь они должны целиком и полностью из бюджета министерств, ведомств, госкорпораций, концернов и т.д., но не из бюджета федерального и не из бюджета субъекта Федерации. Названное финансирование – в широком смысле – должно включать в себя, помимо оплаты судей, и предоставление соответствующих помещений и их охрану, а также материально-ресурсное, информационное и иное обеспечение;

судей таких судов будет назначать коллегия (иной руководящий орган) министерства, ведомства и т.д.;

требования (как минимум формально – анкетные) к этим судьям должны быть такими же, как установленные Законом РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»²²;

арбитражные (государственные) суды никаких контролирующих, надзорных, инстанционных

и иных полномочий по отношению к предлагающим здесь ведомственным судам и судьям иметь не будут;

судьи этих судов по своему статусу – наличие судейского иммунитета, социальное и иное обеспечение – должны быть приравнены к арбитражным (государственным) судьям;

в сложноорганизационных структурах могут быть созданы и соответствующие апелляционные (либо сразу кассационные) инстанции;

в процессуальном плане эти суды должны действовать на основе Арбитражного процессуального кодекса РФ – с некоторыми процессуально-процедурными дополнениями и уточнениями, суть которых – ведомственное, локальное и тому подобное регулирование;

судебные акты, выносимые им в рамках собственных полномочий, должны обладать той же юридической силой, что и судебные акты арбитражных (государственных) судов.

И это нововведение предлагается вводить не одновременно и повсеместно. Целесообразно провести предварительный организационно-судебный эксперимент ограниченного законодательного действия. Правовые эксперименты в законодательной области вообще-то дело редкое, и не всегда они показывают свою успешность при подведении итогов. Но иногда, наоборот, показывают высокую степень успешности и тогда получают широкое распространение, перестав быть экспериментами. Примером могут послужить «самозанятые», о которых еще десять лет назад не говорили и никакого правового регулирования они не имели, хотя их было не менее 20 млн и они занимали немалую долю в экономике России (да и в других странах), по сути являясь «тенью» экономикой.

Поэтому в федеральном конституционном законе о ведомственных судах целесообразно предусмотреть в качестве первого этапа проведение предварительного правового эксперимента. Принимая во внимание при этом различные варианты правосудной деятельности экспериментальных ведомственных судов, например рассмотрение экономических споров: а) единолично судьей; б) коллегиальным составом («тройкой» судей); в) судьей с участием арбитражных заседателей, институт которых основательно подзабыт, но его законодательная основа (Федеральный закон от 30.05.2001 № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»²³) продолжает действовать.

Важным при этом представляется, что проведение данного правового эксперимента позволит

²² См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

²³ См.: СЗ РФ. 2001. № 23, ст. 2288.

определить степень привлекательности данной ведомственно-судебной юрисдикции: а) при создании предпринимательских структур в народном хозяйстве с участием иностранного элемента; б) при заключении договоров в предпринимательских структурах – российских с иностранными.

Разумеется, это предложение потребует предварительной основательной научно-правовой (и иных областей науки) проработки и именно методами фундаментальной правовой науки. Вполне уместно здесь обратить внимание на интервью Президента РАН Г.Я. Красникова, данное в преддверии 300-летия Российской академии наук: «Предсказание в науке дело неблагодарное. В том числе потому, что нельзя исключить фактор случайности. Именно поэтому говорим: фундаментальные исследования необходимо вести широким фронтом. Так как мы не знаем, где и в какой области произойдет важное научное открытие, необходимо держать руку на пульсе: иметь специалистов, которые могли бы подхватить то или иное исследование, не допустить отставание»²⁴.

Предлагаемое нововведение в механизм правосудия должно базироваться на именно фундаментальной научной проработке его проблемного фундамента. Ибо здесь нередко наличествуют (не всегда, разумеется) серьезные побочные проблемы, доказывающие, кстати, необходимость этого нововведения.

К примеру, следующее. С 2013 г. базируется в стране предложение переезда госкорпораций в регионы Урала, Сибири, Дальнего Востока, что в плане финансовом (уплаты налогов по месту нахождения руководящих органов госкорпораций, что позволит серьезно улучшить экономическое положение тех субъектов Российской Федерации, куда передислоцируются госкорпорации – их органы управления, которые пока сконцентрированы в Москве, за исключением Газпрома, переехавшего в Санкт-Петербург) весьма привлекательно.

А недавно Президент РФ В.В. Путин дал поручение Правительству РФ до 1 октября 2024 г. подготовить план переезда госкорпораций в названные регионы, что в СМИ встречено весьма одобрительно²⁵.

Однако при таком массовом переезде, хотя разрыв в уровне благосостояния между самым богатым регионом и самым бедным, доходящий сейчас до 19 раз, тогда как среднемировой уровень для большинства стран составляет 5.2 раза, и серьезно сократится, бюджет Москвы потеряет около 20% доходов. А что это означает в плане

рассматриваемой в настоящей работе проблемы? То, что настолько же – навскидку – сократится количество арбитражных дел, разрешаемых Московским городским арбитражным судом, Девятым арбитражным апелляционным судом и арбитражным кассационным судом Московского округа. Но одновременно увеличится количество арбитражных дел (во всех трех инстанциях) в тех регионах, куда передислоцируются госкорпорации. И возникнет немало организационных, кадровых, материально-ресурсных и иных проблем, количество и острота которых будет низкой при создании ведомственных судов в переехавших госкорпорациях.

Кстати, что-то подобное ведомственным судам есть в Налоговом кодексе РФ, в его ст. 137 и 138 (в ред. от 23.07.2013 № 248-ФЗ) гл. VII «Порядок обжалования актов налоговых органов и действий или бездействия их должностных лиц». Там установлено, что «акты налоговых органов ненормативного характера, действия или бездействие их должностных лиц (за исключением актов ненормативного характера, принятых по итогам рассмотрения жалоб, апелляционных жалоб, актов ненормативного характера федерального органа исполнительной власти, уполномоченного по контролю и надзору в области налогов и сборов, действий или бездействия его должностных лиц) могут быть обжалованы в судебном порядке только после их обжалования в вышестоящий налоговый орган в порядке, предусмотренном настоящим Кодексом». То есть вышестоящий налоговый орган является здесь квазисудебным органом, обязательной стадией перед обращением в суд, и он рассматривает и разрешает поступившую к нему жалобу.

Есть немало и иных предложений в рассматриваемом здесь плане... Например, Минцифры России предлагает создать суд для экономических дел в ИТ, поскольку «сейчас у судов нет необходимой компетенции, чтобы эксперто рассмотривать дела в сфере высоких технологий, полагает ведомство. Минцифры предлагает создать особую судебную инстанцию, которая будет рассматривать уголовные дела по экономическим составам в отношении ИТ-предприятий. Такую инициативу озвучил министр Максут Шадаев на заседании Совета по развитию цифровой экономики в Совфеде, – передает «Интерфакс». – Такой суд могут создать в рамках мер поддержки ИТ-бизнеса в 2024 году. Шадаев заявил, что в отношении практически всех крупных ИТ-компаний возбуждали уголовные дела. При этом их расследование обычно затруднено, так как требует специальных знаний и навыков. В связи с этим Минцифры предлагает создать профильную судебную инстанцию, которая будет обладать необходимыми компетенциями»²⁶.

²⁴ Росс. газ. 2024. 7 февр.

²⁵ См., напр.: *Боев Г.* Госкомпании отправили «на места» // Росс. газ. 2024. 29 июля.

²⁶ Сайт «Право.ру» (дата обращения: 16.04.2021).

Есть все основания считать, что нашему механизму правосудия настоятельно необходим институт следственных судей. Этот вопрос, что называется, назрел и перезрел, в научной литературе он прорабатывался²⁷, в том числе в диссертационном формате²⁸. То же в Республике Казахстан, где этот институт действует с 2014 г.²⁹

Далее. Можно со всей категоричностью утверждать, что справедливость механизма правосудия, справедливость принимаемых судами и судьями судебных актов в определяющей мере зависит от уровня профессионализма судей. В свою очередь, этот профессионализм судов и судей определяется специализацией того сегмента правосудия, где трудится судья. Ведь судья, специализирующийся на осуществлении непосредственного правосудия в сфере определенной категории (группы) дел в течение нескольких лет (а то и десятков лет), становится профессионалом очень высокой квалификации именно в сфере данной категории (группы) дел. А значит, выносит более справедливые судебные акты по сравнению с судьями, не специализирующими на рассмотрении данных категорий (групп) дел. Причем он рассматривает эти «свои» дела быстрее, без снижения качества судопроизводства, без пренебрежения обязательными (или желательными) судебными процедурами. И с этим утверждением вряд ли кто не согласится, если в центр целей правосудия положить необходимость (и обязанность!) справедливости выносимых судебных актов. Но нынешняя структура судебной системы этому не способствует: судьи в силу производственной необходимости или по иным причинам без каких-либо проблем переводятся не только внутри судебного состава с широкой (в крупных районных судах и во всех судах субъектов Российской Федерации, а также во всех апелляционных и кассационных судах) специализацией, где они были узкими специалистами в узкой сфере, но и внутри судебной коллегии из одного судебного состава в другой (и это уже большая смена специализации), а также из одной судебной коллегии в другую, что означает, к примеру: узкий специалист в сфере дел о ДТП будет рассматривать дела налоговые. Ведь судья при нынешних кадровых технологиях назначается на должность судьи в конкретный судебный орган без конкретизации будущей специализации.

²⁷ См.: Смирнов В.А. О перспективах введения института следственных судей в России // Судья. 2018. Август. С. 58–61.

²⁸ См.: Гленько О.А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

²⁹ См.: Адилов С.А. Правовое положение следственного судьи в уголовном процессе Республики Казахстан: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2018.

Правда, иногда возникают (по непонятным для автора данных строк) в этом сегменте проблемные необычные ситуации: в объявлении ВККС РФ, опубликованном в «Российской газете» 17 июня 2024 г., об открытии вакантных должностей значились в числе иных вакансии «двух судей Верховного Суда Российской Федерации Судебной коллегии по административным делам Верховного Суда Российской Федерации» (однако там же значилась и вакансия «судьи Второго апелляционного суда общей юрисдикции» – без указания коллегии этого суда, где будущему судье суждено будет трудиться. Означает ли это, что в первом случае судью нельзя будет перевести по производственной необходимости в другую коллегию этого суда, а во втором – можно?).

Как бы то ни было, в принципиальном плане не стратегическая цель справедливости в правосудии посредством специализации достижима лишь при специализации целых судебных систем. И не в качестве автономных, наподобие систем арбитражных и военных судов внутри системы судов общей юрисдикции, возглавляемой Верховным Судом РФ. А в качестве именно самостоятельных судебных систем со своими собственными видами судопроизводства: гражданской, арбитражной, административной, уголовной... Каждая такая самостоятельная судебная система должна: обладать собственными, входящими в ее состав судебными органами, структурированными в два и более уровня; замыкаться в каждой системе на свой высший (верховный) суд; иметь собственных специализирующихся на этом виде судопроизводства судей; руководства с собственной кодифицированной судебно-процессуальной основой своей деятельности. Последняя принципиально важна, ведь состав президиумов и пленумов верховных (высших) судов каждой специализированной судебной системы будет состоять на 100% из судей-специалистов именно в этом виде судопроизводства. Тогда как Президиум и Пленум нынешнего Верховного Суда РФ состоят из судей различной судебных коллегий, в результате при рассмотрении конкретных судебных дел в порядке надзора или иных обобщающих судебных практик судьи-специалисты именно в рассматриваемом вопросе находятся в меньшинстве, а ведь решения там принимаются простым большинством равноправных голосов.

Вместе с тем в будущем в России должны действовать и федеральные моносуды, ни в какую судебную систему не входящие: Конституционный Суд РФ, Суд по разрешению крупных инвестиционных споров с участием иностранных инвесторов, Суд по разрешению споров об интеллектуальной собственности РФ.

За рубежом предлагаемая конфигурация судебных систем не редкость. Например, в ФРГ издавна функционируют система общей административной юстиции, система финансовой юстиции, система судов по трудовым делам, система судов по социальным вопросам, а также система судов общей юрисдикции³⁰. Еще в 1968 г. там был учрежден Общий сенат высших федеральных судов. Цель его – обеспечение единства судебной практики. А его заседания созываются, когда Высший федеральный суд намерен иначе решать вопрос права, чем он решается другим высшим федеральным судом или Общим сенатом. В состав Общего сената входят председатели высших федеральных судов, председатели сенатов высших федеральных судов и по одному судье из каждого из этих сенатов³¹.

И в России со схожими целями вполне может быть создан подобный орган с закреплением его полномочий (предельно узких) и порядка формирования на конституционном уровне. Впрочем, что-то подобное – координирующее вопросы подведомственности судебных дел – мы уже проходили в виде совместного постановления Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов РФ от 18 августа 1992 г. № 12/12 «О некоторых вопросах подведомственности дел судам и арбитражным судам» – весьма эффективно действующий акт (автор это знает по личному опыту). И практически невозможно, что, собравшись вместе, руководители пяти (или больше) высших судов государства и федеральных моносудов не смогли прийти к общему мнению, ведь (ко всему прочему) при обсуждениях у них наверняка будет присутствовать осознание последствий недостижения соглашения о подведомственности того или иного дела.

Все вышеизложенное требует, естественно, срочной модернизации существующей судебной системы на стратегическом уровне. Пока обеспечить это некому, нет органа, который мог бы сравняться для судебной системы, для всей судебной власти с органами законодательной (т.е. двухпалатным Федеральным Собранием) и исполнительной (т.е. Правительством РФ) государственной власти.

Эту роль выполнять Верховный Суд РФ не может – его полномочия ограничены ст. 126 Конституции РФ, согласно которой он: а) является высшим судебным органом по гражданским делам, разрешению экономических споров, уголовным, административным и иным делам, подсудным

судам общей юрисдикции и арбитражным судам, образованным в соответствии с федеральным конституционным законом и осуществляющим судебную власть посредством гражданского, арбитражного, административного и уголовного судопроизводства; б) осуществляет в предусмотренных федеральным законом процессуальных формах судебный надзор за деятельностью судов общей юрисдикции и арбитражных судов; и в) дает разъяснение по вопросам судебной практики.

А ведь надо быть кому-то, без преувеличения, «Генеральным штабом судебной власти Российской Федерации»: обеспечивать независимость судей – и конкретных, и всего судейского корпуса; решать вопросы финансовые, материально-ресурсные, информационные, кадровые и иные, причем в масштабе всей страны, как фундаментального уровня, так и текущие, и т.д. Сказать, что сейчас они решаются совсем плохо или совсем не решаются, нельзя, но они решаются Судебным департаментом при Верховном Суде РФ с его подразделениями в регионах (но у того полномочий не может быть больше, чем у Верховного Суда РФ, раз он «при» нем), органами судейского сообщества обоих уровней – федерального и субъектов Российской Федерации (квалификационными коллегиями судей, экзаменационными комиссиями, советами судей и т.д.) – неудовлетворительно, а с конституционными нововведениями 2020 г., и Советом Федерации в части прекращения полномочий за допущенные ими тяжкие преступки примерно двух с половиной тысяч судей пока никак не решаются.

Должен быть создан конституционный федеральный государственный орган с достаточным объемом властных полномочий, принимающий решения (безусловно, не в правосудной сфере), обязательные к исполнению. Примерно в половине государств мира такие органы есть. И в России они вполне реально могли появиться: в 1993 г. в виде Высшего судебного присутствия (в проекте «Президентского» проекта Конституции РФ он присутствовал) и в 2001 г. (по результатам плодотворной деятельности Рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе, образованной Распоряжением Президента РФ В.В. Путина от 28 ноября 2000 г. (автор этих строк входил в Рабочую группу)). Но не сложилось по разным, и с очевидностью – не во всем объективным, в обоих случаях причинам.

А в отсутствие этого органа роль его (частично), как сказано выше, возложена на исполнительную ветвь государственной власти (точнее – на Министерство экономического развития РФ).

При любом приложении сил и возможностей ни Министерство экономического развития РФ,

³⁰ О ней подробнее см.: Горбань В.С., Савенков Д.А. Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судоустройстве»). Саратов, 2019.

³¹ См. подр.: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энц. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 63–76.

ни Правительство РФ не в состоянии ни физически, ни инструментально, ни юридически выполнить задачи и достичь цели, как должен их выполнять названный будущий орган.

Важной представляется также возможность возложения на этот предполагаемый орган функции запретительной (с соответствующим закреплением ее на конституционном уровне), не дающей возможности при любом в будущем развитии научно-технического прогресса замены судей-людей на судей-роботов, ибо, по глубокому убеждению автора, у последних не может быть главного для судей-людей – чувства справедливости.

Далее, «на злоу дня». Этот орган мог бы в силу собственных полномочий переводить в случае крайней необходимости осуществление правосудия как на всей территории страны, так и в отдельных местностях в режим экстремального функционирования. В отсутствие такого органа данную роль вынужденно взяли на себя, как известно, Президиум Верховного Суда РФ и Совета судей РФ, что не предусмотрено действующим законодательством. И так далее. Проблематика этого органа автором данных строк была исследована монографически³².

Вместе с тем очевидно, что создание вышеобозначенного федерального конституционного государственно-властного органа (с условным называнием «Совет судебной власти РФ»), олицетворяющего судебную власть нашей страны, потребует не только корректировки, пусть и глубокой, отдельных положений гл. 7 действующей Конституции РФ, но и гл. 1 и 2, а значит – разработки и принятия новой Конституции РФ. У автора данных строк налицаует глубокое убеждение, что принятие новой Конституции РФ – дело недалекого будущего, и необходимо уже сейчас начать научную проработку ее концепции, чтобы задержка с принятием новой Конституции не стала серьезным тормозом в развитии нашего общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абова Т.Е., Тадевосян В.С. Разрешение хозяйственных споров. М., 1968.
2. Адилов С.А. Правовое положение следственного судьи в уголовном процессе Республики Казахстан: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
3. Бельский К.С., Зайцева Л.А. Методология и метод познания в праве (общетеоретические аспекты) // Юрид. образование и наука. 2010. № 3.

³² См.: Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.

4. Бовт Г. Госкомпании отправили «на места» // Росс. газ. 2024. 29 июля.
5. Гленько О.А. Теоретико-правовая модель процессуального статуса следственного судьи: автореф. ... канд. юрид. наук. М., 2019.
6. Глушаков А.Ю. Государственно-правовые символы в системе легитимации публичной власти древней и средневековой Руси IX – первой половины XV века: историко-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2003.
7. Горбань В.С., Савенков Д.А. Судоустройство: состояние и современные тенденции развития системы судов общей юрисдикции в Германии (научный комментарий к Закону ФРГ «О судоустройстве»). Саратов, 2019.
8. Дербин Е.Н. Институт княжеской власти на Руси IX – начала XIII века в дореволюционной отечественной историографии и общественной мысли: дис. ... канд. ист. наук. Ижевск, 2006.
9. Занковский С.С. О методологии в диссертационных исследованиях // Предпринимательское право. 2011. № 2.
10. Захарцев С.И. Право: новые идеи и прочтения. М., 2021.
11. Зорькин В.Д. Конституционно-правовое развитие России. М., 2011. С. 536–540.
12. Каллистрова Р.Ф. Ведомственный арбитраж в СССР: учеб. пособие. Калинин, 1984.
13. Керимов Д.А. Методология права (предмет, функции, проблемы философии права). 2-е изд. М., 2001.
14. Клеандров М.И. О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.
15. Колосов Б.Ю. К вопросу об истории правового регулирования ведомственного арбитража // Вопросы экономической истории и истории экономических учений. Свердловск, 1972.
16. Кострова В.Н. Методология научных исследований: учеб. пособие. Воронеж, 2020.
17. Майор Ф.М. Зарождение системы правового регулирования в Древнерусском государстве IX–XIII веков (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
18. Максимович А.Я. Арбитраж в системе министерства, государственного комитета, ведомства // Сов. государство и право. 1981. № 7. С. 38.
19. Малахов В.П. Многообразие методологий современной теории государства и права: системная методология // История государства и права. 2009. № 19.
20. Медунецкий В.М., Силаева К.В. Методология научных исследований. СПб., 2016.
21. Мухаметшин Ф.Б. Организационно-правовые основы становления и развития институтов обвинения и защиты в судопроизводстве России (IX – начало XX века): дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2004.
22. Нешатаева Т.Н. О независимости суда и судей в цифровую эпоху: интеграционный опыт // Охрана и защита гражданских и семейных прав в современных условиях: сб. науч. тр. / отв. ред. Е. В. Михайлова. М., 2022. С. 37.
23. Новожеев Р.В. Формирование и развитие атрибутов власти Древней Руси (вторая половина IX – середина

- XIII века): сравнительно-исторический аспект: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
24. Постнеклассика: философия, наука, культура / отв. ред. Л.П. Киященко, В.С. Стёпин. СПб., 2009. С. 249–295.
 25. Пустынникова Е.В. Методология научного исследования: учеб. пособие для учреждений высшего образования. Ульяновск, 2017.
 26. Романов А.К. Правовая система Англии. М., 2000. С. 305, 306.
 27. Рыбаков О.Ю., Тихонова С.В. Методологические проблемы формирования правовой политики // Правоведение. 2010. № 1.
 28. Савенков А.Н. Философия права и глобальный кризис современности. СПб., 2019. С. 25 (Избранные лекции Университета. Вып. 199).
 29. Саломатин А.Ю., Мещерякова А.Ф. Модель правосудия для России (технологические и идеологические аспекты) // Правовая политика и правовая жизнь. 2016. № 4. С. 71.
 30. Сачков А.Н. Судебная власть: методология правового исследования. М., 2013.
 31. Смирнов В.А. О перспективах введения института следственных судей в России // Судья. 2018. Август. С. 58–61.
 32. Стёпин В.С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. М., 2018. С. 24.
 33. Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энц. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 63–76.
 34. Судолова Л.А. Судебная система и проблемы разрешения экономических споров в эволюции государства и права России с IX по XX век (историко-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.
 35. Тарасов Н.Н. Методологические проблемы современного правоведения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
 36. Тимонин А.Н. Исторический генезис Древнерусского государства: теоретико-методологический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
 37. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Будущее права. Наследие академика В.С. Стёпина и юридическая наука. М., 2020. С. 155.
 38. Чебаненко С.Б. Княжеский и народный суд в Древней Руси: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007.
 5. Glenko O.A. Theoretical and legal model of the procedural status of an investigative judge: abstract ... PhD in Law. M., 2019 (in Russ.).
 6. Glushakov A. Yu. State-legal symbols in the system of legitimization of public power in ancient and medieval Russia of the IX – first half of the XV century: historical and legal research: dis. ... PhD in Law. SPb., 2003 (in Russ.).
 7. Gorban V.S., Savenkov D.A. Judicial system: the state and current trends in the development of the system of courts of general jurisdiction in Germany (scientific commentary on the Law of the Federal Republic of Germany “On the Judicial System”). Saratov, 2019 (in Russ.).
 8. Derbin E.N. Institute of Princely Power in Russia of the IX – early XIII century in pre-revolutionary Russian historiography and public thought: dis. ... Candidate of Historical Sciences. Izhevsk, 2006 (in Russ.).
 9. Zankovsky S. S. On methodology in dissertation research // Entrepreneurial Law. 2011. No. 2 (in Russ.).
 10. Zakhartsev S. I. Law: new ideas and readings. M., 2021 (in Russ.).
 11. Zorkin V.D. Constitutional and legal development of Russia. M., 2011. Pp. 536–540 (in Russ.).
 12. Kallistrova R.F. Departmental arbitration in the USSR: textbook. Kalinin, 1984 (in Russ.).
 13. Kerimov D.A. Methodology of law (subject, functions, problems of Philosophy of Law). 2nd ed. M., 2001 (in Russ.).
 14. Kleandrov M.I. On the Council of Judicial Power of the Russian Federation. M., 2016 (in Russ.).
 15. Kolosov B. Yu. On the question of the history of legal regulation of departmental arbitration // Questions of economic history and the history of economic doctrines. Sverdlovsk, 1972 (in Russ.).
 16. Kostrova V.N. Methodology of scientific research: textbook. Voronezh, 2020 (in Russ.).
 17. Mayor F.M. The origin of the system of legal regulation in the Ancient Russian state of the IX–XIII centuries (historical and legal aspect): abstract ... PhD in Law. SPb., 2008 (in Russ.).
 18. Maksimovich A. Ya. Arbitration in the system of the ministry, state committee, department // Soviet State and Law. 1981. No. 7. P. 38 (in Russ.).
 19. Malakhov V.P. The variety of methodologies of the modern theory of state and law: a systematic methodology // The history of state and law. 2009. No. 19 (in Russ.).
 20. Medunetsky V.M., Silaeva K. V. Methodology of scientific research. SPb., 2016 (in Russ.).
 21. Mukhametshin F.B. Organizational and legal foundations of the formation and development of institutions of prosecution and protection in the judicial proceedings of Russia (IX – the beginning of the twentieth century): dis. ... Doctor of Law. SPb., 2004 (in Russ.).
 22. Neshataeva T.N. On the independence of the court and judges in the digital age: integration experience // Protection and protection of civil and family rights in modern conditions: collection of scientific works / res. ed. E.V. Mikhailova. M., 2022. P. 37 (in Russ.).
 23. Novozheev R.V. Formation and development of attributes of power Ancient Russia (the second half of the IX – middle

REFERENCES

1. Abova T.E., Tadevosyan V.S. Resolution of economic disputes. M., 1968 (in Russ.).
2. Adilov S.A. The legal position of an investigative judge in the criminal process of the Republic of Kazakhstan: abstract ... PhD in Law. M., 2018 (in Russ.).
3. Belsky K.S., Zaitseva L.A. Methodology and method of cognition in law (general theoretical aspects) // Law education and science. 2010. No. 3 (in Russ.).
4. Bovt G. State-owned companies were sent “to the places” // Ross. gaz. 2024. July 29 (in Russ.).

- of the XIII century): comparative historical aspect: dis. ... Candidate of Historical Sciences. M., 2005 (in Russ.).
24. Postnonclassics: philosophy, science, culture / res. eds. L.P. Kiyashchenko, V.S. Stepin. SPb., 2009. Pp. 249–295 (in Russ.).
25. *Pustynnikova E. V.* Methodology of scientific research: textbook for institutions of higher education. Ulyanovsk, 2017 (in Russ.).
26. *Romanov A. K.* The legal system of England. M., 2000. Pp. 305, 306 (in Russ.).
27. *Rybakov O. Yu., Tikhonova S. V.* Methodological problems of legal policy formation // Law studies. 2010. No. 1 (in Russ.).
28. *Savenkov A. N.* Philosophy of Law and the global crisis of modernity. SPb., 2019. P. 25 (Selected lectures of the University. Iss. 199) (in Russ.).
29. *Salomatin A. Yu., Meshcheryakova A. F.* The model of justice for Russia (technological and ideological aspects) // Legal policy and legal life. 2016. No. 4. P. 71 (in Russ.).
30. *Sachkov A. N.* Judicial power: methodology of legal research. M., 2013 (in Russ.).
31. *Smirnov V. A.* On the prospects of introducing the institute of investigative judges in Russia // Judge. 2018. August. Pp. 58–61 (in Russ.).
32. *Stepin V. S.* Modern civilizational crises and the problem of new development strategies. M., 2018. P. 24 (in Russ.).
33. Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and Scientific ed.: in 3 vols. Vol. 1. Western and Northern Europe / ed. by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. M., 2019. Pp. 63–76 (in Russ.).
34. *Sudolova L. A.* The judicial system and the problems of resolving economic disputes in the evolution of the state and the rights of Russia from the IX to the XX century (historical and legal aspect): abstract ... PhD in Law. SPb., 2008 (in Russ.).
35. *Tarasov N. N.* Methodological problems of modern jurisprudence: abstract ... Doctor of Law. M., 2002 (in Russ.).
36. *Timonin A. N.* Historical genesis of the Ancient Russian state: theoretical and methodological aspect: dis. ... Doctor of Law. M., 2007 (in Russ.).
37. *Khabrieva T. Ya., Chernogor N. N.* The future of law. The legacy of Academician V.S. Stepin and legal science. M., 2020. P. 155 (in Russ.).
38. *Chebanenko S. B.* Princely and People's court in Ancient Russia: dis. ... Candidate of Historical Sciences. SPb., 2007 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. –
Corresponding Member of the RAS,
Doctor of Law, Professor,
Chief Researcher of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

МЕМОРИАЛЬНОЕ ПРАВО: ПРОБЛЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ И ПРЕДЕЛЫ НОРМАТИВНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

© 2024 г. А. А. Васильев^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, **}, Ю. А. Зеленин^{1, ***}

¹Алтайский государственный университет, г. Барнаул

²Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Поступила в редакцию 04.09.2024 г.

Аннотация. В настоящей статье проводится междисциплинарное исследование в области пересечения интересов политики памяти и мемориального права, которое включает в себя юридический анализ близких по значению понятий, оценку актуальности и необходимости легализации терминов, связанных с политикой памяти и мемориальным правом, изучение нормативных пределов национального мемориального законодательства. В качестве цели исследования выдвинута концептуализация мемориального права и пределы его правового регулирования. Осуществлен анализ подходов к понятиям «мемориальное право» и «мемориальный закон» и их соотношению; рассматриваются позиции противников и сторонников мемориального законодательства; дается определение мемориального права как межотраслевого института национального законодательства и международного права.

Ключевые слова: мемориальное право, политика памяти, историческая память, историческая правда, предмет правового регулирования, метод правового регулирования, отрасль права, мемориальное законодательство, право на память.

Цитирование: Васильев А.А., Кроткова Н.В., Зеленин Ю.А. Мемориальное право: проблема концептуализации и пределы нормативного регулирования // Государство и право. 2024. № 10. С. 113–122.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01416 «Мемориальное право и политика памяти: теоретико-правовые аспекты» <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

DOI: 10.31857/S1026945224100107

MEMORIAL LAW: THE PROBLEM OF CONCEPTUALIZATION AND THE LIMITS OF REGULATORY REGULATION

© 2024 А. А. Васильев^{1, *}, Н. В. Кроткова^{2, **}, Ю. А. Зеленин^{1, ***}

¹Altai State University, Barnaul

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: anton_vasiliev@mail.ru

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: uri-zelenin@yandex.ru

Received 04.09.2024

Abstract. This article conducts an interdisciplinary study in the field of the intersection of interests of memory policy and Memorial Law, which includes a legal analysis of concepts similar in meaning, an assessment of the relevance and necessity of legalizing terms related to memory policy and Memorial Law, and a study of the regulatory limits of national memorial legislation. The purpose of the study is the conceptualization of Memorial Law and the limits of its legal regulation. The analysis of approaches to the concepts of "Memorial Law" and "Memorial Law" and their relationship is carried out; the positions of opponents and supporters of memorial legislation are considered; the definition of memorial law as an interdisciplinary institute of national legislation and international law is given.

Key words: Memorial Law, memory policy, historical memory, historical truth, subject of legal regulation, method of legal regulation, branch of law, memorial legislation, right to memory.

For citation: Vasiliev, A.A., Krotkova, N.V., Zelenin, Yu. A. (2024). Memorial Law: the problem of conceptualization and the limits of regulatory regulation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 113–122.

The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Scientific Foundation No. 24-28-01416 "Memorial Law and memory policy: theoretical and legal aspects" <https://rscf.ru/project/24-28-01416/>

В большинстве стран мира, хотя и в разной степени, отчетливо прослеживается тенденция юридизации пространства культуры, в том числе памяти, т.е. стремление перевести отношение к прошлому в пространство правовых отношений. Кризис легитимности власти в странах Восточной Европы и на постсоветском пространстве, рост конфликтов и напряжения в межгосударственных отношениях ведет к политизации и идеологизации прошлого как дополнительного ресурса для легитимации и удержания власти.

Исследование юридизации памяти носит, безусловно, должно носить междисциплинарный характер. Однако давно назрела потребность целостного и всестороннего правового анализа и оценки необходимости легализации таких терминов, как «правовая память», «политика памяти», «историческая правда» и др., определения эффективности официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе, установления нормативных пределов мемориального законодательства, а также постановка вопроса о концептуализации мемориального права. Очевидно, что при росте значения проблемы исторической памяти в современном публичном пространстве, внешней дипломатии России остаются слабо проработанными правовые формы реализации политики памяти и охраны мемориального наследия. При этом в юридической науке не получили должного внимания такие проблемы, как политика памяти как предмет правового регулирования; модели правового регулирования исторической политики.

В настоящем исследовании на теоретическом уровне предлагается обосновать особый межотраслевой институт национального права и международного права – мемориальное право, призванное с помощью правовых средств защитить историческую память, нейтрализовать манипуляции в рамках политики памяти.

Проблема коллективной (социальной, исторической, социально-исторической) памяти достаточно изучена в современной социогуманитарной науке¹. Сложилось целое междисциплинарное направление – memory studies, изучающее различные, в том числе юридические, аспекты коллективной памяти. Ряд авторов также используют понятие «правовая память»².

Исследованием концепции политики памяти (исторической политики, мемориальной политики) в юридическом ракурсе плодотворно занимаются как зарубежные, так и отечественные историки, антропологи, политологи и правоведы³. Они изучают особенности политики памяти не только отдельных стран (Россия, Казахстан, Украина, Эстония, Германия, Венгрия, Румыния, Франция, Польша, Куба, ЮАР, США и др.), но и целых регионов (например, Восточная и Западная Европа). Ведется также работа по уточнению термина «политика памяти» и его соотношению с близкими и смежными по значению терминами: «политика прошлого», «символическая политика», «политическое использование прошлого», «политизация истории», «историческая политика», «политика коммемораций», «мемориальная

¹ М. Хальбвакс, М. Блок, Л. Вирт, Я. Ассман, А. Ассман, Д. Лоэнталь, Й.Х. Йерушалми, Д. Коллинз, Э. Хобсбаум, П. Рикёр, П. Нора, П. Хаттон, Ф. Артог, Х. Вельцер, А. Эткинд, Я.К. Ребане, Л.П. Репина, Ю.А. Сафонова, О.Б. Мамаева, С.В. Кодан и др.

² К. Кэмпбелл, К.У. Свонсон, Л.И. Честнов, О.Ю. Рыбаков, С.А. Глотов, И.А. Алешкова, П.П. Ланг и др.

³ Е. Лёзина, Н.Е. Копосов, В.А. Шнирельман, Г.А. Бордюгов, В.М. Бухарев, И.И. Курилла, В.С. Клопихина, А.В. Грозин, Н.А. Медушевский, Е.С. Соколова, А.В. Сидоров, Д.В. Ефременко, Е.А. Бикетова, М. Бустаманте, А.В. Астров, О.Н. Борох, А.В. Ломанов, М. Миноу, Дж. Вейнгартнер, Дж. Мейерхенрих, А.А. Гриценко, Г.В. Касьянов, А. Браточкин, Ю. Шеррер, Д. Блоксхэм, М. Русу и др.

политика», «культура памяти», «мемориальная культура», «войны памяти» и т.п.⁴ Однако недостаточно исследованными остаются такие вопросы, как эффективность официальной политики памяти и ее социальные последствия в долгосрочной перспективе. Кроме того, практически из поля зрения исследователей выпали мемориальные и иные нормативные правовые акты, в которых фиксируется официальная позиция публичной власти по тем или иным историческим событиям и выражается историческая политика. Так, известны акты Франции, которые осудили геноцид армян в Турции. В Российской Федерации принят комплекс актов, которые увековечивают подвиг защитников Родины в Великую Отечественную войну, выражают символ Победы в национальной памяти России. Следовательно, право становится средством осуществления исторической памяти, ее интерпретации и охраны.

В рамках изучения российского мемориально-законодательства определенное внимание уделяется исследованию правовой охраны военно-мемориального наследия страны⁵. Однако не существует целостной и непротиворечивой концепции правовой охраны военно-мемориального наследия, что связано в том числе с отсутствием концептуального обоснования мемориального права. На данный момент, несмотря на довольно развитую во многих государствах законодательную базу, мемориальное право обычно не рассматривается как комплексная отрасль (институт) законодательства или отрасль (институт) права, хотя есть и исключения. Так, У. Белавусау рассматривает мемориальное законодательство как новый предмет сравнительного правоведения. Он также предложил термин «мнемонический конституционализм» («mnemonic constitutionalism»)⁶.

Вопрос о возможности концептуализации мемориального права ставит также профессор Лондонского университета Эрик Хайнце. Он останавливается на двух аспектах этой проблемы: во-первых, могут ли подходы и методы правового регулирования коллективных представлений о прошлом, различающиеся в огромном диапазоне государств и исторических условий, иметь общие значимые характеристики; во-вторых, возможно ли создать общую теорию права как

⁴ А. И. Миллер, О. Ю. Малинова, Н. И. Алексеева, Д. Н. Нечаев, О. В. Леонова, О. Ч. Рейт, Н. У. Ярычев и др.

⁵ Д. В. Аронов, А. А. Васильев, А. В. Дудченко, С. К. Жиляева, Н. В. Дмитриева, С. А. Мозговой, В. А. Рубин, В. Е. Сизов, Е. В. Спиридонова, А. Е. Ужанов и др.

⁶ См.: *Belavusau U. Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // Interdisciplinary journal of populism. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.*

инструмент упорядочивания общественного знания о прошлом?⁷

Большой вклад в исследование проблемы пересечения коллективной памяти и права внес польский исследователь М. Садовски. По его мнению, память – один из основных политических инструментов, важный фактор, влияющий как на форму позитивного права, так и на то, каким образом оно функционирует в обществе. Он подчеркивает, что, поскольку связи между правом и коллективной памятью все еще не получили широкого и всестороннего изучения, современные теоретические исследования часто фокусируются только на аспектах правосудия переходного периода в пересечении права и памяти, игнорируя другие аспекты и рассматривая правовые институты памяти как отдельные единицы, не учитывая, как их совместное изучение поможет понять более общие процессы права и памяти и упуская из виду необходимость новой концептуализации права на память⁸. Исследователь предлагает новую концепцию правовых институтов памяти (legal institutions of memory), т.е. определенных механизмов правового регулирования, с помощью которых различные государства и международные институты пытаются повлиять на социальное восприятие прошлого. М. Садовски, выделяя шесть таких механизмов, подразделяет их на мягкие (репарации материальные и символические и международные трибуналы), средние (люстрация и комиссии по установлению истины и примирению) и жесткие (правовая амнезия и законодательство о памяти) в зависимости от степени их прямого воздействия на память⁹. Он, как уже упоминалось, также ставит вопрос о необходимости концептуализации мемориального права в субъективном смысле, т.е. праве на память (the right to memory). М. Садовски предлагает рассматривать его как двоякое право, «состоящее из права на воспоминание (the right to evoking) – основанного на праве помнить (the right to remember) и быть помненным (be remembered), и права на забвение (the right to disremembering) – образованного из права забыть (the right to forget) и быть забытым (to be forgotten), различные аспекты которого должны быть сбалансированы, особенно в современную эпоху»¹⁰.

⁷ См.: *Heinze E. Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law / U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.*

⁸ См.: *Sadowski M.M. Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. P. 22.*

⁹ См.: *ibid. P. 30.*

¹⁰ *Ibid. P. 31.*

Термин «мемориальное право» должен быть, в свою очередь, подвергнут генетическому и семантическому анализу. В русскоязычной исследовательской литературе он практически не используется. Исключением из правил является один из авторов данной статьи¹¹. Другие авторы используют термины «мемориальные законы» и «мемориальное законодательство». Следует отметить, что все эти словосочетания («мемориальное право», «мемориальные законы», «мемориальное законодательство») в определенной степени – неологизмы и, к примеру, не содержатся в Национальном корпусе русского языка (<https://ruscorpora.ru/>). Можно обоснованно предположить, что «мемориальный закон» – калька с английского термина “memory law”. В свою очередь, “memory law” – скорее всего заимствование из французского языка, в котором используется словосочетание “*loi mémorielle*”. Считается, что впервые термин “*loi mémorielle*” был использован бывшей судьей и известной французской писательницей Ф. Шандернагор в статье «Страх благих намерений»¹². В своей статье она выразила опасения, что правовое регулирование памяти, преследуя благие намерения, приведет к ограничению свободы слова и научного поиска.

Следует обратить внимание, что Ф. Шандернагор использует кавычки в слове «мемориальный». Этим термином она характеризовала прежде всего два нормативных правовых акта – закон Гайко (La loi Gayssot) и закон Тобира (La loi Taubira). Сама статья была реакцией на принятие французским парламентом 23 февраля 2005 г. т.н. Закона о колониализме (или официально – Закона о признании нации и национальном вкладе французских депатриантов), в ст. 4 которого учителям и преподавателям истории предписывалось уделять большое внимание признанию позитивной роли французского присутствия за рубежом, особенно в Северной Африке¹³.

Можно выделить два основных подхода к понятию «мемориальные законы» (memory laws) – узкий и широкий. Представители узкого подхода, чаще всего это представители других социально-гуманитарных наук, понимают под мемориальными законами преимущественно нормативные правовые акты запретительного характера.

¹¹ См.: Васильев А.А., Ужанов А.Е., Печатнова Ю.В. Мемориальное право: национальные и международные аспекты // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 19. № 4. С. 63–84.

¹² L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr. 16 December 2005. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).

¹³ См.: Loi n° 2005-158 du 23 février 2005 portant reconnaissance de la Nation et contribution nationale en faveur des Français rapatriés. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/jorf/id/JORFTEXT00000444898/#JORFARTI000002059357>

Историк Н.Е. Копосов называет «законы памяти как таковые» «законами, криминализирующими определенные высказывания о прошлом»¹⁴. Социолог И.Б. Орлова понимает под мемориальными законами законы, «запрещающие “неправильную” интерпретацию прошлого»¹⁵. По мнению белорусской исследовательницы О.А. Матусевич, причиной создания современного мемориального законодательства является восприятие прошлого как ценности и формирования представления о том, что память о прошлом нуждается в защите. Она подчеркивает, что, говоря о «мемориальном законодательстве», чаще всего имеют в виду не законы о защите историко-культурного наследия, а нормативно-правовые акты, «направленные на криминализацию создания ревизионистских национальных нарративов или отрицания исторических событий»¹⁶.

Представители широкого подхода к понятию «мемориальные законы» не сводят его сугубо к законам запретительного характера, хотя и признают значимую роль, а в определенных случаях и критикуют данные законы с содержательной стороны. У. Белавусау и А. Глищинска-Грабиас под мемориальными законами или правовым регулированием истории понимают законы, которые закрепляют одобренные государством интерпретации ключевых исторических событий. Они, с их точки зрения, увековечивают память жертв преступлений прошлого, а также героических личностей или событий, символизирующих национальные и общественные движения¹⁷. Г.В. Касьянов под мемориальными законами понимает законодательные практики, «регулирующие способы и формы использования и презентации памятных дат и событий прошлого в публичном пространстве»¹⁸. Исходя из опыта 1990-х годов, исследователь выделяет два основных типа законодательных практик в сфере регулирования коллективной/

¹⁴ Копосов Н. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. Р. 6. Хотя у данного автора есть и более широкое понимание понятия мемориального закона как закона, регулирующего историческую память (см.: Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 8).

¹⁵ Орлова И.Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Соц. исследования. 2017. № 9. С. 74.

¹⁶ Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского гос. технологического ун-та. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116.

¹⁷ См.: Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A. (ed.). Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. Р. 1.

¹⁸ Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало XXI в. // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28.

исторической памяти: одни просто устанавливают некие коммеморативные практики и ритуалы, другие – вводят ограничения и устанавливают санкции за нарушения этих ограничений. Первый тип обычно предполагает наличие общественного консенсуса, второй – свидетельствует о проблемах с идентичностью и гражданской лояльностью. Стандартные формы регулирования в сфере коллективной/исторической памяти обычно сводятся к установлению неких общих правил в сфере массового исторического образования и культурных практик, ритуалов: здесь обычно ограничиваются декларациями, резолюциями, постановлениями, ведомственными актами государственных и наднациональных органов. Специальные законы в сфере коллективной/исторической памяти преимущественно относятся ко второму типу законодательных практик, предполагающих не только установление неких норм, но и санкции за их нарушение. Разработка, принятие и реализация таких законов – это, как правило, важный символический акт, презентация политической позиции некоей группы, находящейся у власти¹⁹.

А.А. и А.Ю. Дорсике определяют мемориальные законы как «вид законов, которые регулируют общественные отношения, складывающиеся в процессе сохранения или преодоления памяти о конкретных исторических событиях, формируют позитивное или негативное отношение к ним и содержат диспозитивные или императивные нормы относительно возможности трактовки фактов и явлений прошлого»²⁰.

Нам в большей степени импонирует определение А.А. и А.Ю. Дорсикх, но, по нашему мнению, вместо термина «мемориальные законы» предпочтительнее использовать понятие «мемориальное право в объективном смысле». Последнее следует рассматривать как межотраслевой институт национального законодательства и международного права, как систему правовых норм, регулирующих имущественные и неимущественные отношения, связанные с реализацией права на память. Несомненно, еще преждевременно говорить о мемориальном праве как о самостоятельной отрасли права или, тем более, о необходимости принятия мемориального кодекса (скорее всего она никогда и не возникнет).

Для оценки современного состояния мемориального права можно воспользоваться моделью образования самостоятельной отрасли права, предложенной А.А. Головиной, представляющей собой

совокупность семи отдельных этапов, которые проходит отрасль права в своем становлении. Только после реализации всех этих этапов можно говорить о существовании самостоятельной отрасли права²¹. Отметим только, что, на наш взгляд, данные этапы или критерии не имеют жестко детерминированную последовательность, могут развиваться параллельно, даже влиять на степень сформированности друг друга. Теперь проанализируем все эти критерии (этапы) по предлагаемому исследователем порядку применительно к мемориальному праву.

К *первому этапу* относится такой классический для отечественной правовой теории критерий, как формирование новой сферы общественных отношений либо интенсификация развития уже имеющейся сферы (формирование самостоятельного предмета правового регулирования). Применительно к мемориальному праву такой сферой можно считать общественные отношения, связанные с реализацией права на память и охраной исторической памяти. Предмет правового регулирования мемориального права как комплексной отрасли законодательства находится на пересечении публичных и частных отраслей права. Например, ряд авторов выделяют в качестве института конституционного права институт охраны исторической памяти, включающий в себя три уровня: 1) создание и закрепление государственной мемориальной концепции (национального образа истории); 2) сохранение исторического наследия; 3) защита исторической памяти от посягательств и искажения²².

Вторым этапом является принятие новых нормативных правовых актов, необходимость чего закономерно вызывается формированием указанного самостоятельного предмета правового регулирования, т.е. формирование самостоятельной отрасли законодательства. Как уже указывалось, нигде в мире нет мемориального кодекса. Однако в российской правовой системе существует достаточно много нормативных правовых актов, напрямую имеющих отношение к мемориальному праву:

Конституция Российской Федерации

В Преамбуле Конституции РФ содержатся краткие формулировки, обращенные к отечественной истории: «сохраняя исторически сложившееся государственное единство», «чтя память предков, передавших нам любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость», «возрождая суверенную

²¹ См.: Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.

²² См.: Кулкова С.А., Кирносов И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 67.

государственность России»²³. Кроме того, ч. 3 ст. 44 Конституции РФ устанавливает обязанность каждого заботиться о сохранении исторического и культурного наследия, беречь памятники истории и культуры. Особенное значение также имеет ст. 67¹, постулирующая, что Российская Федерация, являющаяся правопреемником СССР и объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство; чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды;

Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы и памятных датах России»²⁴;

Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»²⁵;

Закон РФ от 9 октября 1992 г. № 3612-І «Основы законодательства Российской Федерации о культуре»²⁶;

Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов»²⁷;

Федеральный закон от 29 декабря 2022 г. № 579-ФЗ «О Георгиевской ленте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁸.

В настоящее время приняты следующие значимые подзаконные акты, имеющие отношение к мемориальному праву:

Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения»²⁹;

Указ Президента РФ от 20 февраля 1995 г. № 176 «Об утверждении Перечня объектов исторического и культурного наследия федерального (общероссийского) значения»³⁰; и др.

Третий этап – особенности регулируемых общественных отношений рождают потребность

в использовании особых, наиболее эффективных именно для них методов правового регулирования.

Для мемориального права, как и для многих других комплексных отраслей законодательства, характерно сочетание частных и публичных аспектов, диспозитивного и императивного методов правового регулирования, если исходить из того круга отношений, на которые воздействуют нормы права. Возьмем для примера правовое регулирование общественных отношений, связанных с понятием и охраной исторической правды. Так, с одной стороны, охрана исторической памяти, регулируемая ст. 67¹ Конституции РФ и, например, ч. 3 ст. 354¹ УК РФ, требует императивных начал регулирования. С другой стороны, отсутствует правовая дефиниция понятия «историческая правда», и существует определенный риск злоупотребления использования данного понятия в правотворческой и правоприменительной деятельности: «Ключевой проблемой на этом пути является неопределенность самого понятия исторической правды. В отсутствие ее решения поставленные задачи рискуют в лучшем случае остаться декларациями, а в худшем – превратиться в оправдание для нормотворчества, никакого содержательного отношения к их решению не имеющего»³¹. Многозначность понятия «историческая правда», его определенная промежуточность между понятиями «историческая истина» и «историческая память»³² потенциально содержит опасность вмешательства в научную деятельность. В сфере же научного творчества, в том числе и исторического познания как такового, могут применяться исключительно диспозитивный метод и принцип «дозволено все, что не запрещено». Сама природа научной деятельности как интеллектуальной деятельности не может стать предметом для императивного правового регулирования.

Следовательно, поскольку мемориальное право не имеет собственного метода правового регулирования, и при наличии предмета правового регулирования, тяготеющего к различным отраслям права (конституционного, уголовного, административного, гражданского и др.), и крупного массива законодательства можно речь вести только об особой отрасли российского законодательства или в контексте концепции комплексных отраслей права (С.С. Алексеев) ставить вопрос о существовании научного права как комплексной отрасли российского права.

В качестве следующих этапов А.А. Головина выделяет (4) *развитие и упрочнение системных связей между группой норм права* и, как следствие, выделение межнорм (правовые определения, принципы права),

²³ См.: СЗ РФ. 2014. № 31, ст. 4398; 2020. № 11, ст. 1416.

²⁴ См.: СЗ РФ. 1995. № 11, ст. 943.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2002. № 26, ст. 2519.

²⁶ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 46, ст. 2615.

²⁷ См.: СЗ РФ. 1995. № 21, ст. 1928.

²⁸ См.: СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. I), ст. 26.

²⁹ См.: СЗ РФ. 2024. № 20, ст. 2587.

³⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 9, ст. 734.

³¹ Москалев Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1072, 1073.

³² Там же. С. 1075, 1076.

общей части, внутренней иерархической структуры отрасли (институтов права, подинститутов права), а затем (5) в результате накопления указанных выше изменений происходит диалектический скачок, переход количественных изменений в качественные – *дивергенция* (расхождение, размежевание) *системных связей* «дочерней» отрасли права с «материнской», т.е. собственно формирование самостоятельной отрасли права. Если элементы трех первых этапов применительно к мемориальному праву можно еще обнаружить, то до наступления этих последних ему еще очень далеко. К примеру, как уже упоминалось ранее, отсутствуют не только легальные, но даже устоявшиеся доктринальные определения таких понятий, как «историческая правда», «историческая память», «правовая память», «право на память», «право на забвение» и т.д.

Далее А.А. Головина выделяет два этапа, которые условно обозначает как «пост-системные»: (6) *формирование самостоятельной отрасли науки и учебной дисциплины* и (7) *концептуализация идеи о самостоятельном характере данной отрасли права в правовой науке*. На наш взгляд, если исключить речь о самостоятельности, то применительно к мемориальному праву как складывающемуся институту уже назрела потребность в его научном осмыслении и концептуализации, что может в дальнейшем привести к появлению междисциплинарной науки мемориального права и далее – учебной дисциплины.

По поводу необходимости мемориального законодательства и его пределов в научной среде нет единой позиции. Во многом это зависит от политических и идеологических предпочтений того или иного автора. Одни авторы по большей части отрицательно относятся к любому мемориальному законодательству, считая, что оно ограничивает свободу слова и посягает на свободу научного творчества, навязывает единственно верную официальную версию исторических событий, используется для навязывания ограничительных представлений о национальной идентичности³³. П. Нора, критикуя прежде всего французских законодателей, полагает, что принятие мемориальных законов «под покровом благородных устремлений» ведет к «всеобщей криминализации прошлого»³⁴.

³³ См., напр.: *Нора П.* Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 181–188; *Консов Н. Е.* Память в законе. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>; *Курилла И. И.* Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М., 2022. С. 164–168; *Матусевич О. А.* Указ. соч. С. 116–118; *Орлова И. Б.* Указ. соч. С. 66–77; *Головашина О. В.* Поле Битвы – Память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 19–28; *Golsan R. J.* French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500; *Flaig E.* Memorial gesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.

³⁴ *Нора П.* Указ. соч. С. 181.

Испанский исследователь Дж. Ресина также считает, что законодательное закрепление памяти является позитивизированным выражением цензуры: «Что-то должно быть запомнено, чтобы что-то другое могло выпасть из памяти. Это апория: либо закон памяти является чисто формальным и нейтральным по отношению к содержанию, и в этом случае он бессилен, либо он связан с определением содержания и, таким образом, с его исключением»³⁵.

Другие исследователи в той или иной степени признают необходимость мемориального законодательства³⁶. Например, ряд авторов делят мемориальное законодательство по направленности на политическое примирение с последующим обеспечением защиты прав меньшинств или на политическую конфронтацию с последующим отрицанием легитимности несогласных³⁷. Соответственно, первую разновидность мемориального законодательства они одобряют, а ко второй относятся отрицательно. Своебразную позицию занимает В.Г. Бондарев, считающий, что проблемы оценки того или иного исторического события и процесса должны решаться не на законодательном уровне, а на референдуме путем электронного голосования³⁸.

В целом сложно выделить какие-либо определенные модели правового регулирования коллективной памяти в современном мире. В большинстве стран мира существует сравнительно долгая традиция правового регулирования охраны и использования памятников истории и культуры³⁹. Характер официаль-

³⁵ *Resina J. R.* The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.

³⁶ См., напр.: *Дорская А. А., Дорский А. Ю.* Указ. соч. С. 223–238; *Campbell K.* The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269; *Цыплакова Е. П.* Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 126–130; *Алексеева Н. И.* К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования // Там же. С. 68; *Скоробогатов А. В., Скоробогатова А. И.* Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: XX Международные Лихачевские научные чтения 9–10 июня 2022 года / науч. ред.: А. С. Запесоцкий, Е. А. Ильинская, Г. Ф. Фейгин и др.; отв. ред. З. Н. Киселева. СПб., 2022. С. 446–448.

³⁷ См., напр.: *Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice* // *Bela-vusau U., Gliszczynska-Grabias A. (ed.)*. Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. P. 3.

³⁸ См.: *Бондарев В. Г.* Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. С. 63.

³⁹ См.: Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. М., 2005.

ной политики памяти и мемориального права зависит от особенностей политической и правовой культуры той или иной страны. Мемориальное право ряда стран включает в себя правовую охрану не только памятников, но и запрет на дискредитацию и отрицание значимых для данных государств исторических событий (Россия, Беларусь, Украина, Польша и др.).

* * *

Таким образом, устойчивая тенденция юридизации и идеологизации памяти вызывает необходимость в концептуализации мемориального права как особого межотраслевого института национального и международного права, т.е. систему правовых норм, регулирующих общественные отношения, связанные с реализацией права на память и охраной исторической памяти. По поводу необходимости мемориального законодательства и его пределов в научной среде нет единой позиции. Критически исследователи преимущественно относятся к мемориальным нормам запрещающего характера, видя в них ограничения для свободы слова и научного поиска.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеева Н.И. К вопросу о соотношении понятий «политика памяти» и «историческая политика» в контексте проблемы эффективности правового регулирования // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 68.
2. Бондарев В.Г. Историческая память как предмет конфликта между правом и идеологией // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 63.
3. Васильев А.А., Ужанов А.Е., Печатнова Ю.В. Мемориальное право: национальные и международные аспекты // Право и управление. XXI век. 2024. Т. 19. № 4. С. 63–84.
4. Головашина О.В. Поле Битвы – Память: мемориальное законодательство на постсоветском пространстве // Право: история и современность. 2021. № 2 (15). С. 19–28.
5. Головина А.А. Критерии образования самостоятельных отраслей в системе российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
6. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Мемориальные законы как инструмент легитимации власти // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 223–228.
7. Касьянов Г.В. Историческая политика и «мемориальные» законы в Украине: начало ХХI в // Историческая экспертиза. 2016. № 2. С. 28, 29.
8. Копосов Н.Е. Память в законе. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone>
9. Копосов Н.Е. Память строгого режима. История и политика в России. М., 2011. С. 8.
10. Кулкова С.А., Кирносов И.Д. Охрана исторической памяти как институт конституционного права: российский и зарубежный опыт // Известия Саратовского ун-та. Новая серия. Сер.: Экономика. Управление. Право. 2022. Т. 22. № 1. С. 67.
11. Кирилла И.И. Битва за прошлое. Как политика меняет историю. М., 2022. С. 164–168.
12. Матусевич О.А. Мемориальное законодательство: генезис и противоречия // Труды Белорусского гос. технологического ун-та. История, философия, филология. 2014. № 5 (169). С. 116–118.
13. Москалев Г.Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального ун-та. Гуманитарные науки. 2022. Т. 15. № 8. С. 1072, 1073, 1075, 1076.
14. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Вестник Российской нации. 2010. № 1–2. С. 181–188.
15. Орлова И.Б. Историческое знание как предмет социологического анализа (феноменологический аспект) // Соц. исследования. 2017. № 9. С. 66–77.
16. Правовая охрана памятников истории и культуры в зарубежных странах: сб. науч. тр. М., 2005.
17. Скоробогатов А.В., Скоробогатова А.И. Мемориальное законодательство как средство конструирования российской гражданской идентичности // Глобальный конфликт и контуры нового мирового порядка: ХХ Международные Лихачевские научные чтения 9–10 июня 2022 года / науч. ред.: А.С. Запесоцкий, Е.А. Ильинская, Г.Ф. Фейгин и др.; отв. ред. З.Н. Киселева. СПб., 2022. С. 446–448.
18. Цыплакова Е.П. Историческая память как фактор формирования образа будущего России: возможные правовые мероприятия // Юридические формы переживания истории: практики и пределы. СПб., 2020. С. 126–130.
19. Belavusau U. Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // Interdisciplinary journal of populism. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.
20. Campbell K. The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269.
21. Flraig E. Memorial gesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.
22. Golsan R.J. French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500.
23. Heinze E. Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law / U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.
24. Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A. (ed.) Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. P. 1, 3.
25. Koposov N. Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
26. L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr. 16 December 2005. URL: <https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions/>

- bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).
27. *Resina J.R.* The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.
 28. *Sadowski M.M.* Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. P. 22, 30, 31.

REFERENCES

1. *Alekseeva N.I.* On the question of the relationship between the concepts of “memory politics” and “historical politics” in the context of the problem of the effectiveness of legal regulation // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. P. 68 (in Russ.).
2. *Bondarev V.G.* Historical memory as a subject of conflict between law and ideology // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. P. 63 (in Russ.).
3. *Vasiliev A.A., Uzhanov A.E., Pechatnova Yu. V.* Memorial Law: national and international aspects // Law and management. XXI century. 2024. Vol. 19. No. 4. Pp. 63–84 (in Russ.).
4. *Golovashina O.V.* Battleground – Memory: memorial legislation in the post-Soviet space // Law: history and modernity. 2021. No. 2 (15). Pp. 19–28 (in Russ.).
5. *Golovina A.A.* Criteria for the formation of independent branches in the system of Russian law: abstract ... PhD in Law. M., 2012 (in Russ.).
6. *Dorskaya A.A., Dorsky A. Yu.* Memorial laws as an instrument of legitimization of power // Herald of the SPbU. Law. 2020. Vol. 11. No. 1. Pp. 223–228 (in Russ.).
7. *Kasyanov G.V.* Historical policy and “memorial” laws in Ukraine: the beginning of the XXI century // Historical expertise. 2016. No. 2. Pp. 28, 29 (in Russ.).
8. *Koposov N.E.* Memory in law. URL: <http://www.russ.ru/Mirovaya-povestka/Pamyat-v-zakone> (in Russ.)
9. *Koposov N.E.* Strict regime memory. History and politics in Russia. M., 2011. Pp. 8–10 (in Russ.).
10. *Kulikova S.A., Kirnosov I.D.* Protection of historical memory as an institution of Constitutional Law: Russian and foreign experience // Izvestia of the Saratov University. New series. Series: Economics. Management. Law. 2022. Vol. 22. No. 1. P. 67 (in Russ.).
11. *Kurilla I.I.* Battle for the past. How politics changes history. M., 2022. Pp. 164–168 (in Russ.).
12. *Matusevich O.A.* Memorial legislation: genesis and contradictions // Proceedings of the Belarusian State Technological University. History, philosophy, philology. 2014. No. 5 (169). Pp. 116–118 (in Russ.).
13. *Moskalev G.L.* Protection of historical truth: a new task of Russian law // Journal of the Siberian Federal University. Humanities. 2022. Vol. 15. No. 8. Pp. 1072, 1073, 1075, 1076 (in Russ.).
14. *Nora P.* The disorder of historical identity // Herald of the Russian Nation. 2010. No. 1–2. Pp. 181–188 (in Russ.).
15. *Orlova I.B.* Historical knowledge as a subject of sociological analysis (phenomenological aspect) // Social research. 2017. No. 9. Pp. 66–77 (in Russ.).
16. Legal protection of historical and cultural monuments in foreign countries: collection of scientific works. M., 2005 (in Russ.).
17. *Skorobogatov A.V., Skorobogatova A.I.* Memorial legislation as a means of constructing Russian civil identity // Global conflict and contours of the new world order: XX International Likhachev scientific readings on June 9–10, 2022 / scientific ed.: A.S. Zapesotsky, E.A. Ilyinskaya, G.F. Feigin et al.; res. ed. Z.N. Kiselyova. SPb., 2022. Pp. 446–448 (in Russ.).
18. *Tsyplakova E.P.* Historical memory as a factor in shaping the image of the future of Russia: possible legal measures // Legal forms of experiencing history: practices and limits. SPb., 2020. Pp. 126–130 (in Russ.).
19. *Belavusau U.* Mnemonic constitutionalism and Rule of Law in Hungary and Russia // Interdisciplinary journal of populism. 2020. Vol. 1. Iss. 1. P. 16.
20. *Campbell K.* The laws of memory: the ICTY, the archive, and transitional justice // Social & Legal Studies. 2013. Vol. 22. No. 2. Pp. 247–269.
21. *Flaig E.* Memorial gesetze und historisches Unrecht. Wie Gedächtnis politik die historische Wissenschaft bedroht // Historische Zeitschrift. 2016. B. 302. No. 2. S. 297–339.
22. *Golsan R.J.* French memory and the wages of guilt // European Journal of Political Theory. 2011. Vol. 10. No. 4. Pp. 490–500.
23. *Heinze E.* Beyond “memory laws”: Towards a Generale theory of law and historical discourse // Forthcoming in Law and Memory: Addressing Historical Injustice by Law / U. Belavusau, A. Gliszczynska-Grabias, eds. (Cambridge University Press), Queen Mary School of Law Legal Studies Research Paper. 2016. No. 235. Pp. 2, 3.
24. Introduction: Memory Laws: Mapping a New Subject in Comparative Law and Transitional Justice // *Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A. (ed.)*. Law and Memory: Towards legal Governance of History. Cambridge University Press, 2017. Pp. 1, 3.
25. *Koposov N.* Memory Laws, Memory Wars: The Politics of the Past in Europe and Russia. Cambridge University Press, 2017. P. 6.
26. L'enfer des bonnes intentions, par Françoise Chandernagor // Le Monde.fr. 16 December 2005. URL: https://www.lemonde.fr/idees/article/2005/12/16/l-enfer-des-bonnes-intentions-par-francoise-chandernagor_722124_3232.html (accessed: 11 July 2023) (in French).
27. *Resina J.R.* The Ghost in the Constitution: Historical Memory and Denial in Spanish Society. Oxford University Press, 2017. Vol. 15. Pp. 42, 43.
28. *Sadowski M.M.* Law and Memory: Intersections. McGill University (Canada), 2023. Pp. 22, 30, 31.

Сведения об авторах

ВАСИЛЬЕВ Антон Александрович –
доктор юридических наук, доцент,
заведующий кафедрой теории
и истории государства и права
юридического факультета
Алтайского государственного университета;
656049 г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

ЗЕЛЕНИН Юрий Александрович –
кандидат исторических наук,
доцент кафедры теории
и истории государства и права
юридического факультета
Алтайского государственного университета;
656049 г. Барнаул, пр. Социалистический, д. 68

Authors' information

VASILIEV Anton A. –
Doctor of Law, Associate Professor,
Head of the Department of Theory and History
of State and Law of the Faculty of Law
Altai State University; 68 Sotsialistichesky Ave.,
656049 Barnaul, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief
of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ZELENIN Yuri A. –
Candidate of Historical Sciences,
Associate Professor of the Department of Theory
and History of State and Law of the Faculty of Law,
Altai State University; 68 Sotsialistichesky Ave.,
656049 Barnaul, Russia

УДК 349

НОВАЯ НОМЕНКЛАТУРА НАУЧНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ: ЭКОЛОГО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ (Окончание)¹

© 2024 г. М. М. Бринчук

Московский государственный университет геодезии и картографии (МИИГАиК)

E-mail: brinchuk@gmail.com

Поступила в редакцию 30.08.2023 г.

Аннотация. В статье исследованы отрицательные последствия для науки экологического и природо-ресурсного права решения Минобрнауки России о новой номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени. Показано, как это решение негативно отразится и на развитии самого права в стране. Позиции автора основаны на положениях Конституции РФ, общей теории права, теории публичного права. Исследование выполнено в контексте потребностей решения острых проблем охраны окружающей среды и обеспечения рационального природопользования в стране, как и преодоления цивилизационного кризиса.

Ключевые слова: номенклатура научных специальностей, публичное право, частное право, экологическое и природоресурсное право, природопользование, Конституция РФ, общая теория права, новая парадигма в праве, экоправо.

Цитирование: Бринчук М.М. Новая номенклатура научных специальностей: эколого-правовой аспект (Окончание) // Государство и право. 2024. № 10. С. 123–135.

DOI: 10.31857/S1026945224100118

NEW NOMENCLATURE OF SCIENTIFIC SPECIALITIES: ECOLOGICAL-LEGAL ASPECT (The end)²

© 2024 М. М. Brinchuk

Moscow State University of Geodesy and Cartography

E-mail: brinchuk@gmail.com

Received 30.08.2023

Abstract. The article examines the negative consequences for the science of Ecological and Natural Resource Law of the decision of the Ministry of Education and Science of Russia on the new nomenclature of scientific specialities for which academic degrees are awarded. It is shown how this decision will have a negative impact on the development of the law itself in the country. The author's positions are based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, the General theory of law, the theory of public law. The study was carried out in the context of the needs of solving acute problems of environmental protection and ensuring rational use of natural resources in the country, as well as overcoming the civilizational crisis.

¹ Начало см.: Государство и право. 2024. № 9. С. 121–129. DOI: 10.31857/S1026945224090101

² For the beginning, see: State and Law. 2024. No. 9, pp. 121–129. DOI: 10.31857/S1026945224090101

Key words: nomenclature of scientific specialities, public law, private law, Ecological and Natural Resource Law, nature use, the Constitution of the Russian Federation, General theory of law, a new paradigm in law, Ecological Law.

For citation: Brinchuk, M.M. (2024). New nomenclature of scientific specialities: ecological-legal aspect (The end) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 123–135.

Условия и возможности развития науки в свете новой номенклатуры научных специальностей

Речь идет, по существу, о реальных трудностях объективного и субъективного характера, при которых будет происходить развитие науки. Вероятно, что с учетом каких-то их проявлений произошли известные изменения, допущены послабления в формирования самих диссертационных советов.

При оценке перспектив качества развития науки с учетом этих послаблений по формированию диссертационных советов важно осознать, могут ли эти послабления сказаться на качестве научной квалификации соискателей степеней?

Послабления научным учреждениям в части возможностей создания диссертационных советов, как и кардинальное изменение номенклатуры научных специальностей, могут иметь одну природу. Ее суть – в проявлении объективных трудностей, с которыми столкнулись в современных условиях развития России (по оценкам автора статьи – в последние 30 лет) научные учреждения в их возможностях сохранять диссертационные советы на традиционных для нас основаниях. Соответственно, в этом же контексте можно и важно видеть изменение требуемых для страны масштабов и уровней развития самой науки. Иными словами, ситуацию, проявляемую в обозначенных двух аспектах, можно в какой-то мере расценивать как кризис развития науки, имеющий разные проявления.

Мы наблюдали, как ведущие в стране научные учреждения сталкивались с проблемой дефицита докторов для сохранения традиционно имевшихся в них диссертационных советов по 06-й специальности. В последнее десятилетие в России функционировали четыре диссертационных совета лишь в учреждениях Москвы. В двух из них – Институте государства и права РАН и Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ – постепенно, особенно в последнем, имел место устойчивый дефицит штатных докторов наук по специальности 12.00.06. При этом мы ощущали³ уменьшение числа диссертаций, представляемых на защиту, особенно докторских. Продолжительное время мы наблюдаем

уменьшение подготовки и соответственно опубликования монографий в области экологического и природоресурсного права.

Встает принципиальный вопрос: в какой мере принятые в Минобрнауки России решения будут способствовать активизации развития науки? И главное – будет ли новая номенклатура научных специальностей способствовать созданию условий по повышению эффективности как самой правовой науки, так и системы права Российской Федерации? В этом есть большие сомнения, о некоторых из них мы говорили, на других остановимся ниже.

Говоря о кризисе развития науки, в частности эколого- и природоресурсно-правовой, если не правовой в целом⁴, необходимо особо подчеркнуть, можно сказать, фундаментальное методологическое обстоятельство жизни и функционирования общества и государства в течение продолжительного времени, оцениваемое по-разному – как глобальный цивилизационный кризис, системный кризис, кризис системы ценностей и др. Острая названной проблемы в том, что это устойчивое кризисное состояние общества и международного сообщества в целом рассматривается многими современными мыслителями как реальная угроза существованию самого человечества. Об этом недвусмысленно говорится, в частности, в выполненнном в Российской академии наук фундаментальном исследовании: «Ценностный кризис, или кризис “оснований” человеческого бытия, ставит вопрос о сохранении не только природы, но и судьбы сложившихся социальных отношений человечества, очевидная несправедливость и безысходность которых породила – впервые в истории человеческого рода! – проблему *самовыживания*»⁵.

Можно утверждать, что само право, в том числе и посредством правовой науки, с одной стороны, своим состоянием способствовало если не появлению, то углублению кризиса, а с другой – как

⁴ О кризисе современного права и правопонимания в течение длительного времени говорят не только сами правоведы, но и философы, политологи и др. (см.: Toffler O. The Future of Law and Order // Encounter. Vol. 41. July 1973. No. 1. Pp. 13–23; Швейцер А. Благовещение перед жизнью. М., 1992. С. 89, 90; Теория государства и права / отв. ред. Г.Н. Манов. М., 1995. С. 76–91; Дубовик О.Л. Кризис уголовного права и уголовно-правовой науки // Право и политика. 2001. № 2. С. 63–66).

⁵ Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007. С. 19.

³ Автор статьи был председателем диссертационного совета в течение четверти века.

эффективный социальный регулятор может и должно явиться средством постепенного преодоления кризиса.

Если Минобрнауки России, устанавливая новую номенклатуру научных специальностей, имело целью преодолеть трудности в развитии науки, то применительно к природоресурсному праву оно, очевидно, достигает противные цели, разрушая его и существенно нарушая гармонию во всей правовой системе России.

Обратим внимание на риски для развития науки экологического и особенно природоресурсного права в рамках новой номенклатуры. Подчеркнем, что такое развитие нашей науки на современном капиталистическом этапе происходило под знаком активного вмешательства цивилистов и гражданского права в самостоятельное регулирование природоресурсных отношений⁶. При этом главный риск – в рамках новой номенклатуры научных специальностей по праву создалась реальная ситуация по узаконению противоправных посягательств цивилистической доктрины на обладание в сфере гражданского права природными ресурсами как «вещью», «имуществом».

Угроза цивилистов может быть реализована через важный компонент развития общества и государства – природоресурсную правовую науку, развитие которой через «новую» номенклатуру научных специальностей, при которой защитившему диссертацию, к примеру по пользованию недрами, будет присуждена степень кандидата и доктора наук по частноправовым (цивилистическим) наукам. Есть реальный риск того, что не только земельное, которое цивилисты уже считают «своим»⁷, но и другие отрасли природоресурсного права окажутся под номенклатурной «опекой» гражданского (частного) права. В отсутствие свободы научного развития эти отрасли как самостоятельные в системе права, несомненно, пострадают в своем потенциале как отрасли публичного права. Соответственно это отразится на развитии права, имея в виду, что ее достижения в соответствии с общей теорией права призваны служить основой правоустанавливающей деятельности.

Такой вариант развития правового регулирования отношений в экологической сфере будет иметь серьезные негативные проявления, в частности, в нравственной жизни общества. Иными словами,

⁶ Подробнее об этом см.: Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 28; Толстой Ю. К. О концепции развития гражданского законодательства // Журнал росс. права. 2010. № 1; Бринчук М. М. Право собственности на природные ресурсы принадлежит природоресурсному праву // Государство и право. 2019. № 9. С. 30–43.

⁷ Бринчук М. М. «Скоро гражданское право поглотит земельное...» // Вопросы правоведения. 2010. № 4 (8). С. 111–128.

станет препятствием в решении новой для России конституционной задачи сохранения и укрепления общественного здоровья, которая согласно ст. 72 находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Об этом пишет О. С. Колбасов, оценивая сущность и развитие права применительно к экологической сфере: «Природа (природная среда, природные богатства) воспринималась как один из материальных атрибутов имущества, как объект для наживы, для умножения частной, групповой... собственности.

Миллиарды людей, если перед ними возникает вопрос выбора – сохранение благоприятной природы или обретение богатства (денег, имущества) – предпочтут в этом выборе второе. А такой вопрос в действительности ежеминутно возникает на нашей планете. И решается он именно в пользу имущественного богатства и власти. Хотя льется поток слов, деклараций и официальных заверений в приверженности людей делу сохранения благоприятной природы Земли»⁸.

Исключительно в этом можно рассматривать стремление цивилистов обладать не только «природопользованием», но и правом собственности на природные ресурсы.

При этом совершенно очевидно, что дефицит духовного, выражаясь и отражаясь в поведении людей, порождает деформации в материальном развитии. В свете действий цивилистов, имеющих прямое отношение к исследуемому в статье вопросу, это выразил академик Ю. К. Толстой по поводу Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации⁹.

О нравственной сущности действующего Гражданского кодекса РФ и гражданского права

⁸ Колбасов О. С. Завещание экологам // Журнал росс. права. 2000. № 5/6. С. 90; Экологическое право. 2001. № 3. С. 11 (подробнее об этом см.: Бринчук М. М. «Экологическое право должно стать противовесом всего остального права ...» // Экологическое право. 2019. № 3. С. 3–11).

⁹ «Момент, который настораживает, состоит в том, что Концепция предполагает широкую интервенцию в такие смежные с гражданским отрасли законодательства, как законодательство об охране и использовании природных ресурсов. В разделе о вещных правах предусматривается “перетащить” в ГК РФ (разумеется, с необходимой переработкой) едва ли не все нормы соответствующих кодексов и законов, которые имеют частноправовую природу, оставив в них лишь нормы публичного права. Эта операция представляется мне крайне опасной. Она может вконец расшатать только еще складывающийся оборот природных ресурсов и отдать их на откуп наименее хищническим и осатанелым элементам нашего общества, которые окончательно лишат нас и средств жизнеобеспечения, и среды обитания. <...> Растиаскивание этих норм по разным кодексам принципиально неприемлемо (курсив наш. – М. Б.)» (см.: Толстой Ю. К. Указ. соч.).

обоснованно и эмоционально пишет Г. В. Мальцев¹⁰. Как утверждает ученый, частное право сегодня — «это законченное право “золотого тельца”. Факт этот засвидетельствован, по существу, всей мировой практикой»¹¹.

Остается лишь обратиться к Минобрнауки России с риторическим вопросом: «ведало оно, что творило»?

Подчеркнем, все актуальные вопросы, касающиеся «природопользования», отдавные этим органом исполнительной власти частному праву, вполне успешно должны решаться в природоресурсном праве и его науке!

Надеемся, уважаемые коллеги согласятся: если в действующем природоресурсном законодательстве недостает норм, требований, обеспечивающих стабильность экономических интересов участников природоресурсных отношений и их надлежащей защиты, то это вполне может и должно быть обеспечено внесением дополнений в соответствующий природоресурсной закон. Особенно

¹⁰ «Частное право вернулось в Россию после семидесятилетнего отсутствия в абсолютно неузнаваемом виде. Составители Гражданского кодекса Российской Федерации, к сожалению, отказались от творческого обогащения гражданско-правовых институтов дореволюционной России, предпочли пойти по пути заимствования норм и институтов из кодексов стран, сопричисленных к “передовым”, “цивилизованным”, далеких нам по духу...

Ныне действующий Гражданский кодекс России — концентрат либерального частного права, рассчитанный на вполне свободную от государственного регулирования рыночную экономику. Из нашего гражданского права, по большому счету, элиминированы общественные и государственные интересы, что само по себе является отступлением от классической цивилистики... <...>

Несправедливой с точки зрения отношений между поколениями является, например, включение земли в гражданский оборот, свободная купля-продажа земли, превращение ее в объект частной собственности. В России сегодня — это острый вопрос, вызывающий политические споры. Но только о чем здесь спорят? Земля есть основа биосфера, образующее естественное пространство для эволюции рода человеческого, она не имеет коммерческой цены, принадлежит как природное достояние всем и никому в отдельности. Пользоваться землей может каждый, кому выпала доля родиться, жить и работать на ней. Государственный территориальный суверенитет и политическая власть над землей не более чем условная политико-юридическая конструкция, а вот частная собственность на землю — полнейший абсурд. По какому, собственно, праву представители одного поколения принимают закон, то есть волевое решение: давайте разделим землю на участки, распродадим ее и сделаем частной собственностью. Кто придет в мир позже, родится с опозданием, обнаружит, что вся земля давно поделена и продана, что на него не рассчитывали и ему нет места на земле. Достаточно опыта феодализма, чтобы понимать, что юридическая власть над землей, особенно в условиях крупной земельной собственности означает политическую и экономическую власть над людьми, проживающими на данной земле» (см.: Мальцев Г. В. Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005. С. 127, 164).

¹¹ Там же. С. 125, 126.

с учетом того, что одной из сторон этих отношений всегда является государство. Все это успешно происходит посредством регулирования специального природопользования.

К гармонии номенклатуры научных специальностей с положениями Конституции РФ, позициями Конституционного Суда РФ, общей теории права

Ранее решение о номенклатуре научных специальностей и соответственно формировании диссертационных советов принималось в соответствии с достижениями общей теории права в развитии отраслевой системы права страны. Соответственно, в практике последних 50 лет в работе советов, которая непосредственно доступна нашей памяти, можно было видеть гармонию формирования советов и развития общей теории права. Суть гармонии проявлялась в том, что такие советы создавались в контексте прогресса в развитии общей теории права по вопросу о структуре системы права. Тому времени было характерно выделение в системе права отраслей права как ее основной структурной единицы.

Многолетней традицией общей теории права было выделение земельного права в качестве основной и самостоятельной отрасли. Исследуемое нами решение Минобрнауки России вопреки положениям общей теории права необоснованно разделило земельное, а равно и другие отрасли природоресурсного права между публичным и частным правом. Соответственно лишив их статуса самостоятельных отраслей. Решение о подчинении природопользования частному праву обернется для природы, экологического и природоресурсного права, системы права, общества и страны существенными потерями. Ю. А. Тихомиров в своей специализированной статье подчеркивает, что «последние полтора десятилетия... оживилось противоборство публичного и частного права»¹². Фактором не только такого противоборства, но и оживления самого частного права стала рыночная экономика, обслуживаемая гражданским (частным) правом.

«Коренные вопросы публичного права, — отмечает Ю. А. Тихомиров, — это правовое опосредование устоев общества, устройство государства и власти, гарантии прав граждан»¹³. Одна из важнейших составляющих устоев общества в цивилизационно значимом контексте сформулирована в ст. 9, содержащейся в начальной главе Конституции РФ, устанавливающей основы конституционного строя: земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в Российской Федерации как

¹² Тихомиров Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал росс. права. 2001. № 5.

¹³ Тихомиров Ю. А. Публичное право. М., 1995.

основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории.

Экологическая сфера, качественно, эффективно и системно урегулированная в экологическом и природоресурсном праве как публичном, является, таким образом, существенным фактором не только для нормального, но и в буквальном смысле здорового функционирования общества.

Подтверждение этому находим и в теории публичного права. На стадии активного обсуждения вопроса об обосновании выделения в правовой системе семейства публичного и частного права Ю.А. Тихомиров, авторитетный представитель теории публичного права, в качестве первого общего признака публичного права назвал публичный интерес, рассматривая его как системообразующее явление в качестве концентрированного выражения общесоциальных потребностей и стремлений. С юридической точки зрения публичный интерес характеризуется определенными нормативными признаками, закреплением его приоритета, установлением порядка и гарантий обеспечения, закреплением способов охраны и мер ответственности. При этом ученый подчеркивает, что *общее родовое понятие публичного интереса сочетается с видовыми нормативными понятиями*, к которым он относит, в частности, интересы общества и государства, национальной безопасности, общие интересы, интересы наций, народов, населения, *интересы экологического благополучия*. В концентрированном виде публичный интерес закрепляется в Конституции и служит правообразующим для всех отраслей публичного права¹⁴.

Согласно ст. 42 Конституции РФ каждый имеет право на благоприятную окружающую среду. В своем правовом потенциале публичного интереса эта норма органично связана с нормой ст. 9, устанавливающей, что земля и другие природные ресурсы являются *основой жизни и деятельности общества*.

Основываясь на положениях названных норм Конституции РФ, экологическое и природоресурсное право (земельное, горное, водное, лесное и др.), имеющие своей генеральной целью и задачей обеспечение экологического благополучия, объективно формируются и функционируют как самостоятельные, самодостаточные отрасли публичного права. С точки зрения публичного права последовательное решение этой задачи обеспечивается развитием экологического и природоресурсного законодательства и права за счет, в частности, установления в нем и эффективно осуществляемых «универсальных правовых экологических императивов, – как

утверждает Ю.А. Тихомиров, – обязательных для других, если не всех, отраслей права»¹⁵.

Подчеркнем, что главным фактором особого статуса экологического и природоресурсного права в положениях Конституции РФ, общей теории права Конституционного Суда РФ являются особенные характеристики сущности природы и ее ресурсов.

Природа, природные ресурсы как специфический объект регулируемых нормами права общественных отношений положен Конституционным Судом РФ в основу его позиции о специальном правовом режиме природных ресурсов¹⁶. Эта научно обоснованная позиция выражена в его Постановлении от 9 января 1998 г. № 1-П¹⁷ по делу о проверке конституционности Лесного кодекса РФ; «лесной фонд ввиду его жизненно важной многофункциональной роли и значимости для общества в целом, необходимости обеспечения устойчивого развития и рационального использования этого природного ресурса в интересах Российской Федерации и ее субъектов представляет собой публичное достояние многонационального народа России, как таковой является федеральной собственностью особого рода и имеет специальный правовой режим»¹⁸. Эта позиция вполне согласуется с положениями общей теории права о специальном правовом режиме как особом средстве правового регулирования¹⁹. Научно обоснованная нормативная позиция Конституционного Суда РФ о собственности на природные ресурсы особого рода и их специальном правовом режиме просто

¹⁵ Тихомиров Ю.А. Теоретико-практический взгляд на водное право // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.

¹⁶ Подробнее об этом см.: Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: существенная особенность природы – быть естественным ресурсом // Экологическое право. 2022. № 3. С. 3–9; Его же. Специальный правовой режим природных ресурсов: земельно-ресурсные отношения – не «земельно-имущественные отношения» // Экологическое право. 2022. № 5. С. 10–17; Его же. Специальное правовое регулирование экологических отношений: особенности предмета экологического и природоресурсного права // Юрид. вестник Дагестанского гос. ун-та. 2022. Т. 42. № 2. С. 88–97; Его же. Особенности метода правового регулирования экологических и природоресурсных отношений // Там же. Т. 43. № 3. С. 84–91.

¹⁷ См.: СЗ РФ. 1998. № 3, ст. 429. По названным в Постановлении основаниям не только лес, но и другие природные ресурсы – земля, недра, воды, леса, атмосферный воздух, животный мир – имеют специальный правовой режим.

¹⁸ Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов – основа природоресурсного права // Государство и право. 2021. № 11. С. 66–80.

¹⁹ См.: Малько А.В., Лиманская А.П. Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник СГЮА. 2013. № 6. С. 120–123.

¹⁴ См.: Тихомиров Ю.А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов.

не может ассоциироваться с частноправовым регулированием природопользования.

Научные мотивы, касающиеся природы, природных ресурсов как специфических объектов в праве, приведены исключительно с единственной целью – поддержать предложение Е.Ю. Грачевой и Н.А. Власенко «сохранить сложившуюся систему научных специальностей по праву на обозримый период времени».

При этом очевидно, что еще больше (чем в связи с конкурентным правом) есть серьезных оснований для сохранения сложившейся системы научных специальностей по праву в связи с ситуацией с природоресурсным правом, которую создает Минобрнауки России.

В свете новой номенклатуры научных специальностей и недостойного, деструктивного места в ней экологического и природоресурсного права, но далеко не только, интерес для нашей правовой науки может представить концепция новой парадигмы в праве, предложенной известными в России западными учеными, имеющей прямое отношение к исследуемым в статье проблемам. Методологически важно то, что эта концепция одновременно включает два взаимосвязанных контекста – экологизацию права и преодоление современного кризиса.

Новая парадигма в праве

С учетом роли права в развитии общества и государства в его новой парадигме мы нуждаемся прежде всего с точки зрения насущных потребностей преодоления системного, цивилизационного кризиса – проблемы, на которые лишь отдельные российские правоведы обращают внимание.

Г.В. Мальцев, авторитетный теоретик публичного права, указывает на общий существенный дефект современного права. По его убеждению, «одна из задач, решение которой поможет выйти из общего цивилизационного кризиса, – приостановить коммерциализацию права и современных правовых систем, преодолеть инерцию грубого материализма и прагматики в сфере юридических отношений, устраниТЬ подмену правовых ценностей критериями стоимости в денежном выражении. Современное право буквально на наших глазах превращается из источника надежд на правду и справедливость в инструмент обслуживания коммерческих интересов, потребностей экономической элиты, сильных финансовых и промышленных олигархий²⁰. Болезнь коммерциализации захватила сегодня публичное право, конституционные институты, избирательные процедуры, сферу

²⁰ Именно в свете этого суждения Г.В. Мальцева мы имеем основание рассматривать решение Минобрнауки России об отнесении природопользования к предмету частноправовой доктрины.

административных отношений, связи между гражданином и государством, достигла самых высот публичной власти, но в нем, публичном праве, пока еще нет такой сплошной концентрации коммерческого духа, какая существует в праве частном. Сегодня – это законченное право “золотого тельца”. Факт этот засвидетельствован, по существу, всей мировой практикой»²¹.

В свете названных убедительных оценок качества современного права как его существенного дефекта, в условиях цивилизационного кризиса лишь усугубляющего его, а ранее – вызывавшего, становится очевидной потребность не только в его коренном устранении, но и в решении более объемной актуальной задачи – совершенствования, формирования цивилизационных правовых основ.

В контексте исследования задач и путей развития права как одного из существенных ресурсов цивилизационного развития общества вкратце представим уважаемому читателю новую парадигму в праве, названную *экоправом*²², созданную Ф. Капра²³, доктором философии в области физики, и У. Маттеи, профессором гражданского права, как они определяют его перспективу и задачу – *на пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом*.

Призываю к гармонии с природой и обществом, в свете исследования радикальной перемены цивилизационных основ развития человечества для нас особенно важно, что авторы Ф. Капра и У. Маттеи – не экологи, не специалисты в области знаний о природе. В этом можно видеть и большую объективность научных суждений и предложений. Профессор У. Маттеи известен российскому читателю как соавтор проф. Е.А. Суханова в монографии «Основные положения права собственности»²⁴, которую цитируем и в данной статье.

Для ученых, обеспокоенных критическим состоянием развития общества, оцениваемого как цивилизационный кризис, концепция нового права

²¹ Мальцев Г.В. Указ. соч. С. 125, 126. Обратим внимание, что название монографии Г.В. Мальцеваозвучно названию книги Ф. Капра и У. Маттеи.

²² Капра Ф., Маттеи У. Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М., 2021 (Capra F., Mattei U. The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, CA, USA, 2015).

²³ Российскому читателю он известен по ряду работ по актуальным проблемам современной науки. В частности, см.: Капра Ф. Паутина жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. Киев; М., 2003; Его же. Скрытые связи / пер. с англ. М., 2004; Его же. Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма / пер. с англ. М., 2008.

²⁴ Маттеи У., Суханов Е.А. Основные положения права собственности. М., 1999.

как экоправа будет поводом не только задуматься о факте: мы живем в условиях цивилизационного кризиса, что чревато рисками для общественного развития, но и служить одной из существенных методологических основ формирования их собственных научных позиций и концепций, рождающихся в рамках новой номенклатуры специальностей, по которым отныне присуждаются ученые степени. Как увидим, концепция Ф. Капра и У. Маттеи адресована прежде всего ученым в области отнюдь не только права, не только и не столько экологического и природоресурсного права, и специалистам, лицам, принимающим решения.

Особый смысл в изложении позиций этих западных ученых стоит видеть в свете, по нашему убеждению, решения Минобрнауки России о принесении природопользования в жертву частного права. Исследовав историю вопроса, авторы экоправа научно обоснованно ставят задачу извлечь распоряжение общедоступными природными ресурсами из власти частного права и использовать созданный на этом капитал для их восстановления.

Формулируя новое понимание науки, Ф. Капра и У. Маттеи утверждают, что за последние 30 лет на переднем крае науки произошла фундаментальная смена парадигм: *на смену механистическому и редукционистскому мировоззрению Декарта и Ньютона пришло систематическое и экологическое мировоззрение*. Было установлено, что материальный мир – это прежде всего сеть с неразрывными структурами отношений; что как целое, наша планета – это живая и саморегулирующаяся система.

В самой основе этой смены парадигм, в переходе от механистического к системному взгляду на жизнь мы²⁵ обнаруживаем фундаментальную смену метафор: мир, уподоблявшийся ранее машине, мы теперь склонны понимать как сеть. Как уже было отмечено, это изменение еще не произошло ни в праве, ни в экономике. **Эта книга написана для того, чтобы призвать к смене парадигм в праве, – смене, которой способствуют пересмотр базовых экологических принципов и новое системное мышление современной науки.**

Хотя системное мышление уже давно используется передовой наукой, право и экономика как научные дисциплины продолжают придерживаться краткосрочного видения, глядя на реальность механистически.

В центре их концепции расположен атом – абстрактный частный собственник. Этот атом может осуществлять свое владение планетой через извлечение доходов из ресурсов общего пользования

²⁵ Фрагменты текста излагаются от имени авторов книги. Автор статьи не дает комментариев по поводу тех или иных позиций ученых, оставляя их на суд уважаемых читателей.

за счет других людей, тем самым подтверждая знаменитую метафору, известную как трагедия общедоступности. *Преобладающее представление о собственности как о частном праве, защищаемом государством и позволяющем вести добывчу и накопление ресурсов в краткосрочной перспективе, стало обыкновенным элементом существующего правового режима*. Современное право, таким образом, воплощает картезианское разделение на овеществленный правовой режим – аналог протяженной вещи (*res extensa*) Декарта, объекту мышления, – который по своей сути отделен от области повседневной деятельности человека, от мыслящего мира (*res cogitans*).

Сложившееся положение дел можно исправить.

Люди научились использовать науку и право для того, чтобы превратить ресурсы общего пользования сначала в товар, а затем в капитал. У нас также есть возможность осуществить обратное действие и потратить часть избыточного капитала на восстановление общих ресурсов. Закон, преобразованный в соответствии с экологическими принципами, может конвертировать капитал в ресурсы общего пользования через обеспечение финансирования экономики совместного потребления (sharing economy), экологически ориентированной архитектуры, заботы об окружающей среде. Такой закон мог бы, кроме этого, конвертировать капитал в социальные и культурные общедоступные блага.

Начать движение в этом направлении – значит, совершить простое и радикальное действие. Необходимо на основании наших новых знаний об экологии, изъять частного собственника из центра правовой системы и поместить на его место общие блага (commons). Для того чтобы добиться этого, нужно переосмыслить самое первое основание, на котором сегодня поконится закон, чтобы в его изменении найти возможность отразить базовые экологические принципы и новое системное мышление современной науки.

Правовой режим – самый главный проводник, посредством которого наше мировоззрение получает воплощение в действии, имеющем общественное значение. Это значит, что законы, устанавливаемые людьми, также можно рассматривать как деятельность, в которой воплощаются наши новые идеи и ценности. *Следует переосмыслить наши законы, их связь с экологическими законами, по которым живет планета*²⁶. Этому переосмыслению должна научить сама природа; обществам людей и долгосрочному,

²⁶ По концепции автора статьи, это положение Ф. Капры и У. Маттеи реализуется, в частности, через конституционную норму ст. 9 о природных ресурсах как основе жизни и деятельности народов. Такой здоровой основой может быть лишь благоприятная окружающая среда, изначально формируемая «экологическими законами, по которым живет планета». Поэтому

стратегическому видению будет отведено центральное место. Мы должны перейти от «механизма закона» к «экологии закона»²⁷.

Одним из объектов концепции экоправа Ф. Капры и У. Маттеи являются общедоступные блага как правовой институт. С их точки зрения, *общедоступные (общие) блага [commons]* – общий объем природных и/или культурных ресурсов (общинных институтов), открытых для всех членов общества. При этом *общедоступным может быть все, что общество признает в качестве удовлетворяющей некую действительную, фундаментальную потребность, выходящую за пределы рыночного обмена. Общедоступным благам противоречит не частная собственность, но только ее неумеренное накопление.*

В условиях современного цивилизационного, системного, экологического кризиса нужна системная революция в социальной сфере, нуждающаяся в правовых институтах, которые поощряли бы экологически устойчивое поведение индивидов. Общедоступные блага как новая институциональная структура должна отвергать *эгистическое накопление и любую эксплуатацию ресурсов, которые принадлежат всем*²⁸.

При этом *общедоступные блага не являются ни частными, ни государственными. Они также не понимаются как товар, вещь или как часть материальной или нематериальной области, которую собственник, частный или государственный, может выставить на продажу с целью получения своей т.н. меновой стоимости*²⁹. Общедоступные блага осознаются в качестве таковых сообществом, которое управляет ими и содержит их не только в своих

и в ст. 42 Основного Закона установлено, что каждый обладает правом на благоприятную среду.

²⁷ Экология закона (или экоправовой порядок) [ecolegal order] – правовой порядок, который нацелен на взращивание экологических и человеческих сообществ и рассматривает право, политику, экономику и правосудие как взаимозависимые явления.

²⁸ Нами разработана концепция природы, ее ресурсов как народного достояния (см. об этом: Бринчук М. М. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния // Экологическое право. 2021. № 6. С. 3–10; Его же. Специальный правовой режим природных ресурсов: соотношение понятий «народное достояние» и «собственность» // Экологическое право. 2022. № 1. С. 3–9.

²⁹ Уместно обратить внимание на динамику позиции У. Маттеи по этому вопросу. В соавторстве с Е.А. Сухановых его позиция состоит в следующем: «Вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара. Вещи являются результатами труда, имеющими в силу этого определенную материальную (экономическую) ценность.

Вещами в гражданском праве признаются материальные, физически осязаемые объекты, имеющие экономическую форму товара. В качестве объектов гражданских правоотношений земельные участки, участки недр, обособленные водные объекты и другие природные ресурсы тоже относятся к категории вещей (см.: Маттеи У., Суханов Е.А. Указ. соч. С. 333).

собственных интересах, но и в интересах будущих поколений.

Институт общедоступных благ носит одновременно и правовой, и политический, и экономический характер. Разделение этих трех сфер, как мы теперь знаем, – это лишь наследие механистического мышления, каким оно было на заре западного капитализма.

Препятствуя извлечению прибыли, институт общедоступных благ высвобождает значительный объем ресурсов, которые могут использоваться в социальных и экологических целях.

Сегодня существенное истощение общих природных и культурных ресурсов обязывает нас восстановить баланс сил между сферами частного, общественного и общего. Приведение в согласие законов, регулирующих жизнь людей, с принципами экологии потребует по меньшей мере развития здорового и юридически защищенного сектора общедоступных благ и связанных с ним институтов. Мы должны начать с основ экологического и критического мышления, с поощрения разнообразия и устойчивости к внешним воздействиям, с создания социальных сетей, которые, инициировав изменения снизу, смогут переделать мир. Мы на практике можем доказать, что институты общедоступных благ не только необходимы с нравственной точки зрения, но и экономически устойчивы. Управление миром как совокупностью общедоступных благ, в основе которых лежит понятие качества, а не безграничным вместилищем ожидающих добычи ресурсов в конечном счете существенным образом ограничит сферу влияния и бизнеса, основанного на частной собственности, и государства, основанного на власти и насилии военно-промышленного комплекса.

Одна из задач экоправа – **обеспечить необходимый в XXI в. переход от *Homo economicus* к *Homo ecologicus*.**

Текущее положение дел не предполагает, что возрождением общедоступных благ должны заниматься юристы или политики, философское и правовое мировоззрение которых сформировано под влиянием идеологии модерна³⁰. Сегодня этим должны заниматься простые люди – всякий, кто сознательно или в силу необходимости заботится о том, что считает общедоступным.

В контексте **системной, экологической парадигмы («Мир как сеть»)** научное знание («экологическая грамотность») должно быть использовано так, чтобы *люди могли учиться у природы и сотрудничать с ней. Новый экологический правовой порядок должен*

³⁰ Эпоха модерна – теоретические взгляды и практическая деятельность в период с Нового времени и до наших дней, характеризующиеся рационализмом, индивидуализмом, специализацией труда и верой в постоянство прогресса.

использоваться экограмотными гражданами с целью защиты и создания общедоступных благ. Научное знание всегда приблизительно, оно возникает как следствие достижения консенсуса внутри научного сообщества. Право возникает из активности граждан, объединяющихся в сообщества.

В строго научном смысле слова экология – это наука об отношениях между членами экологического сообщества и их окружением. В соответствии с этим экологию закона следует понимать как правовой порядок, уважающий базовые экологические принципы. Экология закона подразумевает процесс такой переориентации правовых институтов, при котором те перестают быть экспрессивными машинами, в основании которых лежит механистическая работа частной собственности и государственного авторитета, но становятся институтами, основанными на экологических сообществах. Экология закона ищет такое качество экономической жизни, которое бы было нацелено на сохранение природы в интересах будущих поколений и, таким образом, на выживание людей вообще. Такой закон должен подражать природным долгосрочным стратегиям экологического выживания и включать в себя уменьшение количества вредных выбросов и уровня потребления.

«Экоправовой порядок» основывается на признании того, что из-за разрушения жизненной среды и покорения природы в погоне за ростом выживание людей на планете не гарантировано. Скорее этот порядок связан с поиском экономической жизни такого качества, которое бы обеспечивало заботу о нашей живой планете и было бы сосредоточено на генеративных, сложных моделях отношений.

В обществе можно отчетливо наблюдать недостаточное понимание основ экологического порядка.

Революция, в которой мы нуждаемся, требует от каждого человека, вне зависимости от его расы, класса или пола, выработки элементарной экологической грамотности.

Правовой режим, способный восстановить контроль над безудержной эксплуатацией, должен возникнуть из действий самоорганизующихся сообществ, основанных на экограмотности, экологическом проектировании и правовом сознании, которые необходимы для защиты общедоступных благ. Такие действия не должны быть только локальными, но должны также быть связаны глобально.

Если мы хотим, чтобы закон стал частью решения наших проблем, то нам следует позаботиться о таком подходе к нему, в основе которого лежит экологическое проектирование. Необходим подход небольшого масштаба, устроенный по принципу

«снизу вверх», эффективность которого проистекала бы из его повсеместного использования и из его согласованности с потребностями и взглядами сообществ в целом. Нужно начать рассматривать сам закон как общедоступное благо. Чтобы такая общественная юридическая практика была генеративной, она должна включать в себя практику взаимного обучения юристов и тех, кто пользуется общедоступными благами, для того чтобы помогать друг другу в выработке экоправового понимания.

Демократический надзор за экономикой возможен, интересен и давно назрел. Такой надзор, руководствуясь парными ценностями экологической устойчивости и социальной справедливости, стал бы контролировать то, что производится, с помощью каких средств и для кого. Эти изменения экономики окажутся довольно реалистичными, как только люди смогут переделать себя из потребителей в граждан. Мы могли бы сказать, что такая модель управления экономикой основывается на принципе «верховенства права, принадлежащего всем», – это система, обеспечивающая эффективный контроль за экономическим поведением отдельных людей в целях обеспечения сохранности экологии и социальной справедливости. **ЭкоПраво как раз и является такой правовой системой, способной интерпретировать законы, регулирующие отношения между людьми, как часть новых законов, действующих в интересах природы и в интересах живого, не принадлежащего человеческому роду.**

СМИ, стоящие на службе у капитализма, попросту избегают рассказов об успехах некапиталистических альтернатив. Эта довольно примитивная стратегия замалчивания тем не менее чрезвычайно эффективна, так как результатом ее применения становится то, что граждане чувствуют себя слишком слабыми, чтобы что-то менять. И хотя сегодня человеческая цивилизация в целом из-за постоянного пренебрежения экологическими принципами стоит на пороге катастрофы, капитализм заранее обзвался свитой экспертов и ученых, которые внедряют в сознание людей концепции, превращающие их из политического субъекта, каковым они все вместе являются, в толпу одиноких потребителей, где каждый в отдельности слишком занят и слишком напуган, чтобы оказаться сопротивлению.

Экологические сообщества, служащие моделями для экоправа, никогда не бываю закрытыми. Они зависят от энергии и питательных элементов окружающей среды, а также и от периодических нарушений сложившегося положения дел, что дает толчок их эволюции. Сообщество может быть щедрым и гостеприимным. Оно также может быть эгоистичным, закрытым и нетерпимым. То же можно сказать и о людях; корпорации, между тем, устроены так, чтобы проявлять исключительно эгоизм

и ограниченность. Институты экоправа должны приложить все силы для того, чтобы сообщества так же, как и люди, развивали в себе щедрость и гостеприимство, а не эгоизм и нетерпимость.

Обращение к этике может серьезно способствовать тому, что люди начнут заботиться об общедоступных благах, так же как использование этических доводов в некоторых обществах с успехом заменяет необходимость принуждения людей к определенным действиям посредством официально принятого закона, так как люди готовы совершать эти действия на основе самопринуждения³¹.

Этическое поведение всегда означает приемлемое в нашем обществе поведение. Следствием причастности к семье, профессиональному сообществу, нации или культурной традиции всегда выступает система того, что можно и нельзя делать. Экограмотность говорит нам о том, что все мы принадлежим *oikos*, «домохозяйству Земля» (*oikos* – греческий корень слова «экология»), и это означает, что вести мы себя должны соответствующим образом.

Этическое поведение в «домохозяйстве Земля» означает поведение, которое соблюдает базовые экологические принципы и тем самым поддерживает сеть жизни.

Научная революция ввела понятие природы как машины и понятие разума человека как того, что превосходит природу. Последовавшая за ней промышленная революция произвела колоссальный «прогресс» в том, что касалось технического развития, эффективности производства и институциональных преобразований, превративших часть общедоступных благ в концентрированный капитал. Концентрированный капитал означал развитие промышленности, наук и искусств, повышение качества медицины и, следовательно, более здоровые условия жизни для многих людей.

Вместе с тем концентрация капитала также требовала превращения земли в «товар». Для достижения этой цели землевладельцы объединялись с институтами власти, чтобы подавить сопротивление людей – тех, кто жил общинами, занимаясь натуральным сельским хозяйством с незначительным разделением труда.

Сегодняшний доминирующий правовой порядок обслуживает потребности накопления капитала. Сегодня у нас много капиталов и практически не осталось общедоступных благ.

³¹ В этом контексте, обращаясь к молодому человеку, пишет А.С. Пушкин в романе «Капитанская дочка»: «Вспомни, что лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от улучшения нравов, без всяких насилиственных потрясений».

Наша первейшая задача заключается в превращении гигантского излишнего капитала в общедоступные блага.

Так как в нашем распоряжении находится только одна планета, экологический след, который мы оставляем, должен быть соразмерен одной планете: иными словами, мы должны тратить только малую часть нашего общего богатства, не ограничивая к нему доступ ни для кого из живых существ, и в то же время – сохранять на планете условия, необходимые для поддержания и воспроизведения жизни. *Сегодня, однако, наш глобальный экологический след закрыл бы собой полторы планеты, что означает, что нам нужна еще половина Земли, вдобавок к уже имеющейся целой для того, чтобы поддерживать наш глобальный образ жизни. Примерно в августе каждого года мы начинаем жить за счет невоспроизводимых ресурсов, что ускоряет приближение точки невозврата*³². В действительности экологический след равен полутура планетам только потому, что жизнь значительной части населения Земли ввиду бедности людей намного ниже стандарта, принятого на планете. Сегодня экологический след жителей Северной Америки равен почти пяти планетам, а экологический след европейцев – трем. *Если бы все в мире жили так, как живут в США, в этой «стране свободы», то нам бы нужно было целых пять планет для того, чтобы выжить!*

Как можно больше из колоссальных объемов капитала, накопленных благодаря добыче, должно быть переведено обратно в общедоступные блага.

Первый шаг на пути к устойчивости должен, разумеется, заключаться в понимании того, как поддерживает жизнь природа. Это включает в себя новое экологическое понимание жизни, равно как и новый системный тип мышления, который мы здесь уже обсуждали. На протяжении миллиардов лет экосистемы Земли вырабатывали определенные типы организаций, для того чтобы поддерживать сеть жизни. Сегодня мы называем этими принципами организации, или экологическими принципами, то, что раньше обыкновенно называлось законами природы.

Знание этих экологических принципов известно под именем экологической грамотности, или экограмотности. *В грядущие десятилетия выживание человечества будет зависеть от нашей экограмотности и от нашей способности жить в соответствии с ней.* Отсюда **экограмотность должна стать решающей компетенцией для политиков, руководителей бизнеса и профессионалов во всех областях**, в особенности в области юриспруденции; она

³² Последние данные см. на ресурсе «Глобальная сеть, изучающая экологический след человека» (Global Footprint Network) (www.footprintnetwork.org).

должна стать *наиболее важной частью образования на всех уровнях*, включая непрерывное образование и подготовку специалистов.

Следующий шаг после обретения экограмотности в соответствии с планом, который должен привести к экологической революции, – это экологическое проектирование, или *экопроектирование – радикальное перепроектирование наших технологий и социальных институтов с целью преодолеть существующий разрыв между планами человека и устойчивыми системами природы*. С экологической точки зрения проектирование означает преобразование материи и потоков энергии в соответствии с целями человека. По словам Д. Орра, экопроектирование – «это осторожное объединение наших человеческих целей с более крупными моделями и потоками природного мира»³³.

Принципы экопроектирования отражают принципы организации природы, которые она вырабатывала, чтобы поддерживать нить жизни; они нацелены в большей степени на формирование понимания того, что такое сообщество, а не на то, чтобы отрывать людей от природы и прививать им экологическую безграмотность.

Нужна новая концепция, которая сделает экологическое поведение привлекательным, и новая правовая система, созданная масштабным сопротивлением сообществ и их сотрудничеством. Такая правовая система, которая основывается на принципах, полностью противоположных безответственной экспрессивной конвертации общедоступных благ в капитал, превозносимой нами на протяжении последних 300 лет. В центре этой концепции должен стоять переход от количества к качеству и мудрость, которой мы учимся у природы, утверждающая, что потребление сверх необходимого не приводит к благополучию.

Экологическое проектирование права не будет абстрактным или устроенным по принципу «сверху вниз», скорее, оно будет проистекать из конкретных потребностей каждого и из разнообразного опыта совместного использования общедоступных благ, который мы получаем сегодня. Такой экоправовой порядок, установленный экограмотными людьми, способен дать практические принципы, противоположные тем, которые конвертировали большинство наших общедоступных благ в капитал; это означает, что он способен конвертировать непрерывно увеличивающиеся объемы капитала обратно в общедоступные блага. Этот порядок должен поощрять рассеивание власти и представительную демократию, а не концентрацию власти и секретность; включение, справедливое распределение

благ и совместное участие, а не исключение, неравенство и эгоизм.

* * *

Уважаемый читатель, надеемся, согласится, что новая парадигма в праве как экоправо подтверждает неблагородство решения Минобрнауки России об отнесении природопользования к предмету частного права. Восприятие экоправа общей теорией права и отраслевыми науками, не только экологическим и природоресурсным правом, будет, несомненно, полезным не только для их развития и совершенствования, но и для развития права в целом во имя благоприятной природы как основы процветания человека и человечества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бринчук М.М. Новая номенклатура научных специальностей: эколого-правовой аспект // Государство и право. 2024. № 9. С. 121–129. DOI: 10.31857/S1026945224090101
2. Бринчук М.М. Особенности метода правового регулирования экологических и природоресурсных отношений // Юрид. вестник Дагестанского гос. ун-та. 2022. Т. 43. № 3. С. 84–91.
3. Бринчук М.М. Право собственности на природные ресурсы принадлежит природоресурсному праву // Государство и право. 2019. № 9. С. 30–43.
4. Бринчук М.М. «Скоро гражданское право поглотит земельное...» // Вопросы правоведения. 2010. № 4 (8). С. 111–128.
5. Бринчук М.М. Специальное правовое регулирование экологических отношений: особенности предмета экологического и природоресурсного права // Юрид. вестник Дагестанского гос. ун-та. 2022. Т. 42. № 2. С. 88–97.
6. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: земельно-ресурсные отношения – не «земельно-имущественные отношения» // Экологическое право. 2022. № 5. С. 10–17.
7. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: концепция природы как народного достояния // Экологическое право. 2021. № 6. С. 3–10.
8. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов – основа природоресурсного права // Государство и право. 2021. № 11. С. 66–80.
9. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: соотношение понятий «народное достояние» и «собственность» // Экологическое право. 2022. № 1. С. 3–9.
10. Бринчук М.М. Специальный правовой режим природных ресурсов: существенная особенность природы – быть естественным ресурсом // Экологическое право. 2022. № 3. С. 3–9.
11. Бринчук М.М. «Экологическое право должно стать противовесом всего остального права ...» // Экологическое право. 2019. № 3. С. 3–11.

³³ Orr D. The Nature of Design. NY, 2002. P. 27.

12. *Дубовик О.Л.* Кризис уголовного права и уголовно-правовой науки // Право и политика. 2001. № 2. С. 63–66.
13. *Капра Ф.* Дао физики. Общие корни современной физики и восточного мистицизма / пер. с англ. М., 2008.
14. *Капра Ф.* Паутинна жизни. Новое научное понимание живых систем / пер. с англ. Киев; М., 2003.
15. *Капра Ф.* Скрытые связи / пер. с англ. М., 2004.
16. *Капра Ф., Маттеи У.* Экология права. На пути к правовой системе в гармонии с природой и обществом / пер. с англ. М., 2021.
17. *Колбасов О. С.* Завещание экологам // Журнал росс. права. 2000. № 5/6. С. 90; Экологическое право. 2001. № 3. С. 11.
18. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации. М., 2009. С. 28.
19. *Малько А.В., Лиманская А.П.* Специальный правовой режим как особое средство правового регулирования // Вестник СГЮА. 2013. № 6. С. 120–123.
20. *Мальцев Г.В.* Развитие права: к единению с разумом и наукой. М., 2005. С. 125–127, 164.
21. *Маттеи У., Суханов Е.А.* Основные положения права собственности. М., 1999. С. 333.
22. Россия в глобализирующемся мире: мировоззренческие и социокультурные аспекты. М., 2007. С. 19.
23. Теория государства и права / отв. ред. Г.Н. Манов. М., 1995. С. 76–91.
24. *Тихомиров Ю.А.* Публичное право. М., 1995.
25. *Тихомиров Ю.А.* Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал росс. права. 2001. № 5.
26. *Тихомиров Ю.А.* Теоретико-практический взгляд на водное право. // Водное законодательство и экологические вызовы: сб. материалов науч.-практ. конф. (Москва, 15 июня 2012 г.) / сост. С.А. Боголюбов, Д.О. Сиваков, О.А. Золотова. М., 2012. С. 25, 26.
27. *Толстой Ю.К.* О концепции развития гражданского законодательства // Журнал росс. права. 2010. № 1.
28. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью. М., 1992. С. 89, 90.
29. *Capra F., Mattei U.* The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, CA, USA, 2015.
30. *Orr D.* The Nature of Design. NY, 2002. P. 27.
31. *Toffler O.* The Future of Law and Order // Ecounter. Vol. 41. July 1973. No. 1. Pp. 13–23.
- of the Dagestan State University. 2022. Vol. 43. No. 3. Pp. 84–91 (in Russ.).
3. *Brinchuk M. M.* Ownership of natural resources belongs to Natural Resource Law // State and Law. 2019. No. 9. Pp. 30–43 (in Russ.).
4. *Brinchuk M. M.* "Soon Civil Law will absorb the land ..." // Questions of jurisprudence. 2010. No. 4 (8). Pp. 111–128 (in Russ.).
5. *Brinchuk M. M.* Special legal regulation of environmental relations: features of the subject of environmental and Natural Resource Law // Law Herald of the Dagestan State University. 2022. Vol. 42. No. 2. Pp. 88–97 (in Russ.).
6. *Brinchuk M. M.* Special legal regime of natural resources: land and resource relations – not "land and property relations" // Environmental Law. 2022. No. 5. Pp. 10–17 (in Russ.).
7. *Brinchuk M. M.* Special legal regime of natural resources: the concept of nature as a national treasure // Environmental Law. 2021. No. 6. Pp. 3–10 (in Russ.).
8. *Brinchuk M. M.* Special legal regime of natural resources – the basis of Natural Resource Law // State and Law. 2021. No. 11. Pp. 66–80 (in Russ.).
9. *Brinchuk M. M.* Special legal regime of natural resources: the correlation of the concepts of "national heritage" and "property" // Environmental Law. 2022. No. 1. Pp. 3–9 (in Russ.).
10. *Brinchuk M. M.* Special legal regime of natural resources: an essential feature of nature is to be a natural resource // Environmental Law. 2022. No. 3. Pp. 3–9 (in Russ.).
11. *Brinchuk M. M.* "Environmental Law should become a counterweight to all other law ..." // Environmental Law. 2019. No. 3. Pp. 3–11 (in Russ.).
12. *Dubovik O. L.* Crisis of Criminal Law and criminal law science // Law and politics. 2001. No. 2. Pp. 63–66 (in Russ.).
13. *Capra F.* The Tao of physics. The common roots of modern physics and Eastern mysticism / transl. from English. М., 2008 (in Russ.).
14. *Capra F.* The web of life. A new scientific understanding of living systems / transl. from English. Kiev; М., 2003 (in Russ.).
15. *Capra F.* Hidden connections / transl. from English. М., 2004 (in Russ.).
16. *Capra F., Mattei U.* Ecology of law. On the way to a legal system in harmony with nature and society / transl. from English. М., 2021 (in Russ.).
17. *Kolbasov O. S.* Testament to ecologists // Journal of Russ. law. 2000. No. 5/6. P. 90; Environmental Law. 2001. No. 3. P. 11 (in Russ.).
18. The concept of the development of civil legislation of the Russian Federation. М., 2009. P. 28 (in Russ.).
19. *Mal'ko A. V., Limanskaya A. P.* Special legal regime as a special means of legal regulation // Herald of the SSLA. 2013. No. 6. Pp. 120–123 (in Russ.).
20. *Maltsev G. V.* Development of law: towards unity with reason and science. М., 2005. Pp. 125–127, 164 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Brinchuk M. M.* New nomenclature of scientific specialities: ecological-legal aspect // State and Law. 2024. No. 9. Pp. 121–129. DOI: 10.31857/S1026945224090101 (in Russ.).
2. *Brinchuk M. M.* Features of the method of legal regulation of environmental and natural resource relations // Law Herald

21. *Mattei U., Sukhanov E.A.* Basic provisions of property law. M., 1999. P. 333 (in Russ.).
22. Russia in a globalizing world: ideological and socio-cultural aspects. M., 2007. P. 19 (in Russ.).
23. Theory of state and law / res. ed. G.N. Manov. M., 1995. Pp. 76–91 (in Russ.).
24. *Tikhomirov Yu. A.* Public law. M., 1995 (in Russ.).
25. *Tikhomirov Yu. A.* Public-legal regulation: dynamics of spheres and methods // Journal of Russ. law. 2001. No. 5 (in Russ.).
26. *Tikhomirov Yu. A.* Theoretical and practical view of Water Law // Water legislation and environmental challenges: collection of materials of scientific and practical conference (Moscow, June 15, 2012) / comp. S.A. Bogolyubov, D.O. Sivakov, O.A. Zolotova. M., 2012. Pp. 25, 26 (in Russ.).
27. *Tolstoy Yu. K.* On the concept of the development of civil legislation // Journal of Russ. law. 2010. No. 1 (in Russ.).
28. *Shveitzer A.* Reverence for life. M., 1992. Pp. 89, 90 (in Russ.).
29. *Capra F., Mattei U.* The Ecology of Law. Toward a Legal System in Tune with Nature and Community. San Francisco, CA, USA, 2015.
30. *Orr D.* The Nature of Design. NY, 2002. P. 27.
31. *Toffler O.* The Future of Law and Order // Ecounter. Vol. 41. July 1973. No. 1. Pp. 13–23.

Сведения об авторе

БРИНЧУК Михаил Михайлович –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
профессор кафедры земельного права
и государственной регистрации недвижимости
Московского государственного университета
геодезии и картографии; 105064 г. Москва,
Гороховский пер., д. 4

Authors' information

BRINCHUK Mikhail M. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Worker of Science
of the Russian Federation,
Professor of the Department of Land Law
and State Registration of Real Estate,
Moscow State University of Geodesy
and Cartography;
4 Gorokhovsky Lane, 105064 Moscow, Russia

**О СООТНОШЕНИИ ПОЛОЖЕНИЙ ГРАЖДАНСКОГО КОДЕКСА РФ
О ЗАЩИТЕ ПРАВА НА ТОВАРНЫЙ ЗНАК
С ПРИНЦИПОМ СПРАВЕДЛИВОСТИ
В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ПОСТСОВРЕМЕННОСТИ**

© 2024 В. Н. Коваль

Севастопольский государственный университет

E-mail: v.n.koval@sevsu.ru

Поступила в редакцию 14.09.2024 г.

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве на примере положений Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение права на товарный знак (штрафных убытков) с учетом различных подходов гражданско-правовой доктрины, правовых позиций Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, направлений правоприменительной практики. Отмечается, что проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве актуализируются в связи с появлением виртуальной правовой реальности и необходимостью предотвращения ее разрушительного воздействия на субъект права и сохранения ценности права. Выделяются такие проблемы в данной сфере, как: отсутствие единообразного подхода к сущности штрафных убытков, влекущее неоднозначность правоприменительных актов; императивное определение в законе формулы расчета размера компенсации при истребовании двукратной стоимости права использования товарного знака; законодательное закрепление минимального размера компенсации при ее взыскании в размере от 10 тыс. до 5 млн руб.; не учитывается субъективная сторона, — в законодательстве отсутствует возможность не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий; отсутствует дифференциация размера компенсации в зависимости от того, является ли правонарушитель юридическим лицом или же индивидуальным предпринимателем и другие. Сделан вывод о существенном смещении баланса интересов в российском гражданском законодательстве в сторону правообладателей, что не соответствует принципу справедливости. В статье обосновывается целесообразность внесения изменений в Гражданский кодекс РФ в части закрепления в нормах о защите права на товарный знак возможности не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий.

Ключевые слова: нравственные основы права, справедливость, принцип справедливости в гражданском праве, интеллектуальная собственность, защита исключительных прав, компенсация за нарушение интеллектуальных прав, штрафные убытки, товарные знаки, неправомерное использование товарного знака, злоупотребление исключительным правом на товарный знак.

Цитирование: Коваль В.Н. О соотношении положений Гражданского кодекса РФ о защите права на товарный знак с принципом справедливости в условиях перехода к постсовременности // Государство и право 2024. № 10. С. 136–144.

DOI: 10.31857/S1026945224100123

ON THE CORRELATION OF THE PROVISIONS OF THE CIVIL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION ON THE PROTECTION OF TRADEMARK RIGHTS WITH THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE TRANSITION TO POSTMODERNITY

© 2024 V. N. Koval

Sevastopol State University

E-mail: v.n.koval@sevsu.ru

Received 14.09.2024

Abstract. The article examines some problems of the implementation of the principle of justice in civil law on the example of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the recovery of compensation for trademark infringement (punitive damages), taking into account various approaches of civil law doctrine, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation, the Supreme Court of the Russian Federation, areas of law enforcement practice, prevent its destructive impact on the subject of law and preserve the value of law. There are such problems in this area as: the lack of a uniform approach to the essence of punitive damages, entailing ambiguity of law enforcement acts; the imperative definition in the law of the formula for calculating the amount of compensation when claiming twice the value of the right to use a trademark; legislative consolidation of the minimum amount of compensation for its recovery in the amount of 10 thousand to 5 million rubles; the subjective side is not taken into account – there is no possibility in the legislation not to apply punitive damages to the violator if it is proved that the violator did not know about the illegal nature of his actions; there is no differentiation in the amount of compensation depending on whether the offender is a legal entity or an individual entrepreneur and others. It is concluded that there is a significant shift in the balance of interests in Russian civil legislation towards copyright holders, which does not correspond to the principle of fairness. The article substantiates the expediency of amending the Civil Code of the Russian Federation in terms of fixing in the norms on the protection of trademark rights the possibility of not applying punitive damages to the violator if it is proved that the violator did not know about the illegal nature of his actions.

Key words: the moral foundations of law, justice, the principle of justice in Civil Law, intellectual property, protection of exclusive rights, compensation for intellectual property infringement, punitive damages, trademarks, misuse of a trademark, abuse of the exclusive right to a trademark.

For citation: Koval, V.N. (2024). On the correlation of the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on the protection of trademark rights with the principle of justice in the context of the transition to postmodernity // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 136–144.

В связи с происходящими в мире глобальными трансформациями во всех сферах человеческого бытия современный этап развития общества можно охарактеризовать как переходный к новой модели общественных отношений – к цифровому миру. Повсеместная цифровизация привела к параллельному существованию человека в мире реальном и в мире виртуальном, при этом последний уже сейчас начинает преобладать. Как следствие, современная юридическая наука испытывает кризис, связанный с осознанием новой правовой реальности и поиском новых подходов к ее исследованию.

В условиях перехода к постсовременности в российской юриспруденции можно выделить такие особенности, как антропологический поворот и цифровой поворот, характеризующийся появлением виртуальной правовой реальности¹.

Ряд ученых обоснованно связывает с масштабной цифровизацией и переходом к эпохе шестого технологического уклада информационное воздействие юриспруденции, проявляющееся в программировании

¹ См.: Павлов В. И. Трансформация субъекта права в условиях «цифрового поворота»: антропологический-правовой анализ // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М., 2021. С. 24.

мотивов и интересов субъектов права и в итоге влекущее манипулирование сознанием человека². Именно субъекты права (как обращающиеся в суд за защитой, так и судьи) являются постоянной фигурой юридической реальности в контексте любого из подходов к сущности права. Поэтому необходимо переосмыслить все концепции права. Однако, как верно отмечает В.И. Павлов, соответствующим образом могут ответить на вызов цифровизации лишь антрополого-чувствительные концепции права, в которых право рассматривается через призму действующего в них человека³. Одним из основных способов предотвращения разрушительного воздействия виртуальной реальности на субъект права и тем самым сохранения ценности права видится усиление в праве его нравственных основ. Повсеместная цифровизация актуализирует необходимость анализа правовых явлений через нравственные категории. Усиление нравственных основ права способствует формированию нового ценностного юридического мировоззрения, способного противостоять информационному воздействию юриспруденции.

При исследовании феномена права правоведы и философы указывают на его нравственную природу, на наличие в нем идеи справедливости, которой оно должно соответствовать. Недооценка нравственной природы права влечет вредоносные последствия для российской правовой системы (утрату эффективности функционирования всех ее элементов), а значит, и для поступательного развития российского общества.

Анализируя нравственный идеал в праве, А.М. Величко выделяет в нем три элемента: этику, или Правду (понятие о добре и зле); идею свободы личности; цель личного и общественного развития (социально-политический идеал и смысл человеческой жизни), которые и являются объективными признаками права как социально-политического и духовного феномена. Без нравственной составляющей не имеет смысла само существование права⁴.

Как указывает Г.А. Гаджиев, право не находится в готовом виде в законе, из которого его можно извлечь; при отправлении правосудия судья связан законом; но, применяя закон, судья должен соотнести его с признанными в обществе принципами справедливости, с природой вещей, т.е.

² См.: Сорокин В. В. Субъект права в перспективе электронного государства // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021. С. 65.

³ См.: Павлов В. И. Указ. соч.

⁴ См.: Величко А. М. Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). СПб., 2002. С. 10.

со справедливостью в конкретной ситуации. Право есть то, что возникает из закона в процессе правосудия.

Право с различной степенью конкретности реализуется в принципах справедливости (идее права) и в законе, и в правомерном поведении, и в судебном решении⁵.

Как отмечает С.А. Иванова, справедливое право должно обеспечивать права и свободы человека, учитывать различные интересы и способствовать достижению консенсуса в обществе⁶.

Следует согласиться с А.И. Экимовым в том, что справедливость – это нравственно обоснованный критерий для соизмерения действий субъектов, в соответствии с которым осуществляется воздаяние каждому за его поступки в виде наступления тех или иных последствий⁷.

Принцип справедливости в гражданском праве выступает как следствие реализации в нем принципа общей теории права – принципа социальной справедливости, имеющего морально-правовое содержание⁸. Однако, по мнению Г.А. Гаджиева, принцип справедливости не очень популярен в российской науке частного права⁹.

Реализация принципа справедливости в гражданском праве призвана обеспечить в том числе индивидуализацию правовых санкций с учетом характера совершенного деяния и личностных свойств правонарушителя.

Так, положения абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, поименованной как «Защита исключительных прав», прямо предписывают суду при определении размера компенсации за нарушение исключительных прав руководствоваться требованиями разумности и справедливости, определять размер компенсации в пределах, установленных Гражданским кодексом РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела.

Тем не менее анализ судебной практики по спорам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав позволяет сделать вывод о том, что различные суды, применяя одинаковые статьи закона и ссылаясь при этом

⁵ См.: Гаджиев Г.А. Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2016. С. 132.

⁶ См.: Иванова С.А. Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 139.

⁷ См.: Экимов А. И. Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 49.

⁸ См.: Иванова С.А. Указ. соч.

⁹ См.: Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 66.

на принцип справедливости, выносят по аналогичным делам различные по содержанию судебные акты, что актуализирует необходимость уточнения отдельных норм Гражданского кодекса РФ об интеллектуальной собственности с учетом возможности реализации в них принципа справедливости.

Кроме того, ряд авторов отмечают, что в российском гражданском законодательстве баланс интересов существенно смешен в сторону правообладателей, что часто приводит к взысканию чрезмерного размера компенсации, не соответствующего тяжести действий правонарушителей¹⁰.

Вышеизложенное подтверждается, в частности, судебной практикой по спорам о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав (неправомерное использование товарного знака).

Так, например, согласно решению Арбитражного суда г. Москвы от 30 января 2024 г. по делу № А40-253361/23-12-2073 при размере заявленных исковых требований в 2 млн руб. за неправомерное использование юридическим лицом двух объектов интеллектуальной собственности (исключительных прав на дизайннерское решение и товарного знака), исходя из стоимости в 1 млн руб. за один объект интеллектуальной собственности, суд счел, что в данном случае размер компенсации, заявленный истцом, является несоразмерным, в связи с чем он подлежит снижению до 400 тыс. руб., исходя из стоимости 200 тыс. руб. за один объект интеллектуальной собственности (*т.е. снижен в пять раз по сравнению с заявленным*)¹¹. Напротив, решением Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 28 декабря 2023 г. по делу № А56-33484/2023 в полном объеме удовлетворено требование о взыскании компенсации за неправомерное использование товарного знака ответчиком, являющимся индивидуальным предпринимателем, правонарушение совершение им так же впервые, как и в предыдущем случае¹².

Арбитражным судом Самарской области согласно решению от 18 мая 2023 г. по делу № А55-3131/2023 в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование юридическим лицом товарного знака «Кремлевский» с заявленных ко взысканию по ст. 1515 ГК РФ 948 тыс. руб. до 474 тыс. руб.¹³ В то же время при рассмотрении аналогичного дела (*тот же истиц*,

¹⁰ См., напр.: Еременко В. И. Конституционный Суд РФ о компенсации за незаконное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 29.

¹¹ См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹² См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹³ См.: СПС «КонсультантПлюс».

те же размер и основание исковых требований) Арбитражным судом города Севастополя решением от 19 марта 2024 г. по делу № А84-4516/2023 также в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование индивидуальным предпринимателем товарного знака «Кремлевский» (с 948 тыс. до 474 тыс. руб.)¹⁴. То есть за аналогичное правонарушение разными судами в два раза снижен размер компенсации за неправомерное использование товарного знака и юридическому лицу (относящемуся к малому бизнесу, со штатом сотрудников 45 человек), и индивидуальному предпринимателю (относящемуся к микробизнесу), который даже не знал о противоправном характере своих действий.

При этом, определяя подлежащий взысканию размер компенсации, суды во всех указанных судебных актах ссылались на принципы разумности и справедливости, соразмерности компенсации последствиям нарушения, а также ссылались на учет характера нарушения и степени вины нарушителя. Однако представляется, что отсутствие в указанных судебных актах дифференцированного подхода к применению мер гражданско-правовой ответственности в зависимости от личностных свойств правонарушителя с учетом того, является ли таковым юридическое лицо или физическое лицо, обладающее статусом индивидуального предпринимателя, связано с неопределенностью положений ст. 1515 ГК РФ, что делает дискуссионным вопрос о реализации в них принципа справедливости.

Как отмечает С. В. Грибанова, в судебной практике отсутствуют четкие критерии расчета взыскиваемой компенсации за неправомерное использование товарного знака при принятии судом решения о ее снижении. Кроме того, автор вполне обоснованно указывает на правовую неопределенность норм, посвященных этому способу защиты гражданских прав, порождающую произвольность их применения и в конечном счете приводящую к дисбалансу интересов сторон¹⁵.

Исходя из содержания п. 4 ст. 1515 ГК РФ, правообладателю предоставлено право требовать по своему усмотрению от нарушителя вместо возмещения убытков выплаты одного из следующих трех видов компенсации: 1) в размере от 10 тыс. до 5 млн руб., определяемом по усмотрению суда исходя из характера нарушения (п/п. 1 п. 4 ст. 1515); 2) в двукратном размере стоимости

¹⁴ См.: СПС «КонсультантПлюс».

¹⁵ См.: Грибанова С. В. Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 41.

товаров, на которых незаконно размещен товарный знак (п/п. 2 п. 4 ст. 1515), или 3) в двукратном размере стоимости права использования товарного знака, определяемой исходя из цены, которая при сравнимых обстоятельствах обычно взимается за правомерное использование товарного знака (п/п. 2 п. 4 ст. 1515).

При этом Постановлением Конституционного Суда РФ от 13 декабря 2016 г. № 28-П положения п/п. 1 п. 4 ст. 1515 ГК РФ признаны частично не соответствующими Конституции РФ, так как в них императивно установлен нижний порог компенсации за нарушение интеллектуальных прав в размере 10 тыс. руб., который, соответственно, не подлежал снижению, что при наличии множественности нарушений создавало непомерные имущественные последствия для нарушителя; указанные положения п/п. 1 не учитывали индивидуальных особенностей нарушения и личность нарушителя, а потому они не соответствуют принципу справедливости и соразмерности ответственности¹⁶.

Значительную роль в дальнейшем развитии позиции Конституционного Суда РФ относительно соответствия принципу справедливости норм Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение интеллектуальных прав сыграли положения еще одного его постановления (от 13.02.2018 № 8-П), в котором Конституционный Суд РФ подчеркнул необходимость соблюдения в каждом конкретном случае баланса основных прав конкретного лица и общего интереса, определив содержание последнего в защите личности, общества и государства от противоправных посягательств. При этом в каждом деле необходимо определять меры гражданско-правовой ответственности исходя из требований адекватности порождаемых ими последствий причиненному вреду, чтобы обеспечивалась их соразмерность правонарушению¹⁷.

Однако сформировавшаяся на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ судебная практика исходила из того, что размер компенсации, истребуемый исходя из положений п/п. 2 п. 4 ст. 1515, по смыслу п. 3 ст. 1252 ГК РФ является единственным размером

¹⁶ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.12.2016 № 28-П «По делу о проверке конституционности подпункта 1 статьи 1301, подпункта 1 статьи 1311 и подпункта 1 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросами Арбитражного суда Алтайского края» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2017. № 2.

¹⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 13.02.2018 № 8-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 4 статьи 1252, статей 1487 и пунктов 1, 2 и 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «ПАГ» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2018. № 3.

компенсации, он предусмотрен законом, поэтому не может быть снижен по инициативе суда¹⁸.

То есть судебная практика, сформировавшаяся на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, восприняв смысл только абз. 1 п. 3 ст. 1252 ГК РФ как императивное указание о запрете снижения размера компенсации, не восприняла смысл положений абз. 2 п. 3 ст. 1252, предписывающих суду при определении размера компенсации руководствоваться требованиями справедливости и разумности.

Поэтому вполне закономерно, что Постановлением Конституционного Суда РФ от 24 июля 2020 г. № 40-П положения п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ также признаны частично не соответствующими Конституции РФ, поскольку они не позволяют суду при определении размера компенсации за нарушение индивидуальным предпринимателем исключительного права на один товарный знак снизить его с учетом фактических обстоятельств дела, что может повлечь несоразмерность применяемой к ответчику имущественной санкции причиненному ущербу и нарушит баланс прав и законных интересов субъектов охранительного правоотношения.

Конституционный Суд РФ сделал вывод о том, что с учетом обстоятельств конкретного дела размер компенсации, взыскиваемой на основании п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ, может быть снижен судом¹⁹ при наличии следующих условий:

размер компенсации многократно превышает величину причиненных правообладателю убытков;

правонарушение совершено индивидуальным предпринимателем впервые;

использование спорных объектов интеллектуальной собственности не являлось существенной частью его предпринимательской деятельности и не носило грубый характер²⁰.

Следует также отметить, что в Постановлении № 40-П Конституционный Суд РФ подчеркнул значение положений абз. 2 п. 3 ст. 1252 ГК РФ, предписывающих суду определять размер компенсации в пределах, установленных Гражданским кодексом РФ, в зависимости от характера нарушения и иных обстоятельств дела с учетом требований разумности и справедливости. На основании

¹⁸ См.: Еременко В.И. Указ. соч.

¹⁹ Не более чем в два раза; при этом он не может быть меньше стоимости права использования товарного знака.

²⁰ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

п. 4.3 указанного Постановления суды получили возможность дифференцировать размер компенсации в зависимости от личности правообладателя и нарушителя и способа нарушения.

Кроме того, Постановлением № 40-П устранена неопределенность в вопросе, нужно ли правообладателю при взыскании компенсации доказывать само наличие убытков (п. 3 ст. 1252 ГК РФ), и дан положительный ответ на данный вопрос.

Выводы Конституционного Суда РФ, приведенные в Постановлении № 40-П, восприняты Верховным Судом РФ и отражены в п. 31 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021) (далее – Обзор № 2). В Обзоре № 2 Верховный Суд РФ подтвердил, что формула расчета размера компенсации при истребовании двукратной стоимости права использования товарного знака императивно определена законом, поэтому суд может назначить меньшую сумму по сравнению с заявленной истцом, если установит, что стоимость права использования товарного знака ниже заявленной истцом, и такое уменьшение не будет являться снижением размера компенсации²¹.

Далее в развитие выводов, направленных на реализацию принципа справедливости в нормах Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав, Конституционным Судом РФ принято постановление от 14 декабря 2023 г. № 57-П «По делу о проверке конституционности пункта 3 статьи 1252 и подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Суда по интеллектуальным правам» (далее – Постановление № 57-П), которым признаны не соответствующими Конституции РФ п. 3 ст. 1252 и п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ в той мере, в какой они при взыскании компенсации за нарушение исключительного права на товарный знак в двукратном размере стоимости товаров, на которых он незаконно размещен, не позволяют снизить ее размер или отказать в ее взыскании, если ранее по иску другого правообладателя с нарушителя был взыскан аналогичный вид компенсации, в том числе в случаях, если правообладатели являются аффилированными лицами. Кроме того, в Постановлении № 57-П Конституционный Суд в очередной раз подчеркнул, что суд должен учитывать все значимые обстоятельства дела, в том числе характер нарушения и его последствия, наличие аффилированности правообладателей, взыскивался ли ранее данный вид компенсации по иску другого правообладателя, и при несоответствии ее размера требованию справедливости и равенства по заявлению

²¹ См.: Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2021) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.06.2021) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 10.

ответчика снизить размер компенсации ниже установленной п/п. 2 п. 4 ст. 1515 ГК РФ²².

С учетом выводов Конституционного Суда РФ, представленных в постановлениях № 28-П, № 40-П и № 57-П, Президиум Верховного Суда РФ 15 ноября 2023 г. утвердил специальный обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, положения которого направлены на реализацию принципа справедливости при рассмотрении дел о взыскании компенсации за нарушение прав на товарный знак (далее – Обзор 15.11.2023)²³.

Одним из важнейших выводов, приведенных в Обзоре 15.11.2023, является вывод о признании действий правообладателя по приобретению прав на товарный знак, по его использованию и применению конкретных мер защиты злоупотреблением правом при наличии следующих условий:

если он приобретал право на товарный знак с намерением взыскивать с добросовестных участников гражданского оборота компенсации за нарушение исключительного права;

если у правообладателя отсутствовал экономический интерес и цель использования товарного знака для индивидуализации товаров.

Как указал Верховный Суд РФ, правообладатель совершил попытку получить судебную защиту путем имитации нарушения исключительного права, что свидетельствует о намерении причинить вред другому лицу и о злоупотреблении им правом²⁴. Соответственно, по смыслу ст. 1 и 10 ГК РФ с учетом правовых позиций, содержащихся в п. 1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 июня 2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» и в п. 154, 162, 170, 171 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», признание указанных действий правообладателя злоупотреблением правом является основанием для отказа в иске. Кроме того, если суд признает злоупотреблением правом действия правообладателя по приобретению товарного знака, то на основании ст. 1513 ГК РФ предоставление правовой охраны такому товарному знаку может быть оспорено и признано недействительным²⁵.

²² См.: СЗ РФ. 2023. № 52, ст. 9760.

²³ См.: Обзор судебной практики по делам, связанным с оценкой действий правообладателей товарных знаков, утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2024. № 2.

²⁴ См.: там же.

²⁵ См.: Кирьянова Е.В., Романенкова Е.И. Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

Однако, несмотря на выводы Конституционного Суда РФ, представленные в Постановлениях № 28-П, № 40-П и № 57-П изменения в ст. 1515 ГК РФ, обеспечивающие реализацию в ее положениях принципа справедливости, до настоящего времени не внесены. Кроме того, даже с учетом выводов Конституционного Суда РФ, отраженных в вышеуказанных его постановлениях, формулировка ст. 1515 ГК РФ не обеспечивает реализацию в ее положениях принципа справедливости, что, как представляется, связано прежде всего с отсутствием единства взглядов на правовую природу компенсации за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как среди право-применителей, так и среди представителей юридической науки.

Среди имеющихся в юридической науке подходов к правовой природе компенсации за нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности можно выделить три основных:

компенсация за нарушение исключительных прав представляет собой институт нормативно установленных и карательных по целям убытков²⁶;

она является специальной (*sui generis*) мерой гражданско-правовой ответственности, в которой соединены восстановительный и штрафной элементы²⁷;

она представляет собой неустойку²⁸.

В этой связи представляется обоснованной точка зрения Г.А. Гаджиева, считающего, что компенсация за нарушение исключительных прав представляет собой институт карательных убытков, рецирированный в российское законодательство из американской правовой системы и не распространенный в континентальном праве; он противоречит фундаментальным принципам частного права. Как указывает Г.А. Гаджиев, в доктрине США карательные убытки являются уголовной мерой ответственности, применяемой судом в гражданском судопроизводстве, поэтому они не обеспечивают гарантии прав нарушителя, которые существуют в уголовном судопроизводстве. Суду сложно проконтролировать их размер, в связи с чем они часто являются несправедливыми и приводят к сверхдоходам истца, что создает у него антисоциальные стимулы.

²⁶ См.: Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права. С. 66.

²⁷ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 24.07.2020 № 40-П «По делу о проверке конституционности подпункта 2 пункта 4 статьи 1515 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2020. № 5.

²⁸ См.: Вятчин В.А. О применении неустойки в необязательственных правоотношениях // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 12.

Тем не менее, в США при их взыскании учитывается субъективная сторона, – если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий, размер наказательных убытков снижается в три раза²⁹. Несмотря на критику в американской юридической литературе, США с помощью международных договоров и других методов воздействия эффективно экспортируют институт карательных убытков в правовые системы других государств. Тем не менее ряд стран принимает меры по предотвращению антисоциального влияния института карательных убытков, например, отказывается от законодательного закрепления их минимального размера. Представляется, что принятие таких мер назрело и для российского гражданского законодательства.

В настоящее время, как отмечают представители юридической науки, вектор развития права направлен в сторону его социализации. Возрастает количество концепций, обосновывающих необходимость закрепления в праве принципов социальной справедливости. В российском гражданском праве принципы свободы экономической деятельности и равенства участников гражданских правоотношений рассматриваются в контексте направленности на решение при помощи правовых средств общих социальных задач с целью поступательного развития общества³⁰. В связи с изложенным особую актуальность приобретает реализация в гражданском праве принципа справедливости, позволяющего учитывать обстоятельства конкретного дела.

Выводы

1. Проблемы реализации принципа справедливости в гражданском праве актуализируются в связи с появлением виртуальной правовой реальности и необходимостью предотвращения ее разрушительного воздействия на субъект права и сохранения ценности права.

2. Несмотря на то что реализация принципа справедливости в гражданском праве призвана обеспечить в том числе индивидуализацию правовых санкций с учетом характера нарушения и личностных качеств правонарушителя, в положениях Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за нарушение права на товарный знак (штрафных убытков) не обеспечивается такая индивидуализация правовых санкций.

3. В положениях Гражданского кодекса РФ о взыскании штрафных убытков не учитывается

²⁹ Гаджиев Г.А. Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права. С. 69.

³⁰ См.: Видра Д., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С. Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 17.

субъективная сторона, — в законодательстве отсутствует возможность не применять к нарушителю штрафные убытки, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий; отсутствует дифференциация размера компенсации в зависимости от того, является ли правонарушитель юридическим лицом или же индивидуальным предпринимателем.

4. Баланс интересов в российском гражданском законодательстве существенно смешен в сторону правообладателей, что не соответствует принципу справедливости. Чуждый российскому праву институт штрафных убытков, надлежащие не адаптированный к российской правовой системе, порождает взыскание с ответчика несправедливого размера компенсации, что влечет сверхдоходы истца. В результате искажаются функции права, утрачивается его социальное назначение.

5. Представляется необходимым включить в Гражданский кодекс РФ положения, направленные на обеспечение баланса интересов правообладателя и нарушителя и, тем самым, на реализацию принципа справедливости в нормах о взыскании компенсации за нарушение исключительных прав.

6. С учетом того, что компенсация за нарушение права на товарный знак является карательной мерой гражданско-правовой ответственности, привнесенной в российское право из системы общего права (США), не свойственной континентальному праву и противоречащей фундаментальным принципам частного права, для реализации принципа справедливости в нормах Гражданского кодекса РФ, регулирующих ее взыскание, представляется целесообразным внести в ст. 1515 положения, предписывающие суду в случае, если будет доказано, что нарушитель не знал о противоправном характере своих действий, не применять к нему данную меру.

7. С целью достижения индивидуализации правовых санкций с учетом характера нарушения и личностных качеств правонарушителя, и, тем самым, с целью реализации принципа справедливости представляется целесообразным внести изменения в положения Гражданского кодекса РФ о взыскании компенсации за неправомерное использование товарного знака, позволяющие дифференцировать размер компенсации в зависимости от того, является ли нарушитель юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, а также в зависимости от его принадлежности к макробизнесу или микробизнесу.

Представляется необходимым систематизировать все выводы Конституционного Суда РФ о взыскании штрафных убытков (о минимальном размере компенсации, о необходимости доказанности факта несения правообладателем убытков для взыскания компенсации, о признаках злоупотребления

правом в действиях правообладателя и др.), содержащиеся в его постановлениях, и внести соответствующие изменения в Гражданский кодекс РФ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Величко А.М.* Нравственные и национальные основы права (сборник статей по философии и истории права). СПб., 2002. С. 10.
2. *Видра Д., Санникова Л.В., Харитонова Ю.С.* Социализация права и технология распределенного реестра: трансформация регулятивного воздействия // Гражданское право. 2020. № 4. С. 17.
3. *Вятчин В.А.* О применении неустойки в необязательственных правоотношениях // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 12.
4. *Гаджиев Г.А.* Онтология права (критическое исследование юридического концепта действительности). М., 2016. С. 132.
5. *Гаджиев Г.А.* Принципы справедливости и доверия к суду как фундаментальные принципы частного права // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 4. С. 66, 69.
6. *Грибанова С.В.* Защита исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности и средства индивидуализации: некоторые вопросы теории и правоприменительной практики // Законы России: опыт, анализ, практика. 2019. № 9. С. 41.
7. *Еременко В.И.* Конституционный Суд РФ о компенсации за незаконное использование товарного знака // ИС. Промышленная собственность. 2021. № 3. С. 29.
8. *Иванова С.А.* Принцип социальной справедливости в гражданском праве России. М., 2005. С. 139.
9. *Кирьянова Е.В., Романенкова Е.И.* Интеллектуальная собственность. Обзор событий в России и за рубежом (второе полугодие 2023 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
10. *Павлов В.И.* Трансформация субъекта права в условиях «цифрового поворота»: антрополого-правовой анализ // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021. С. 24.
11. *Сорокин В.В.* Субъект права в перспективе электронного государства // Субъект права: стабильность и динамика правового статуса в условиях цифровизации: сб. науч. тр. / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М. В. Залоило. М., 2021. С. 65.
12. *Экимов А.И.* Справедливость и социалистическое право. Л., 1980. С. 49.

REFERENCES

1. *Velichko A. M. Moral and national foundations of law (collection of articles on Philosophy and History of Law).* SPb., 2002. P. 10 (in Russ.).

2. *Vidra D., Sannikova L.V., Kharitonova Yu. S.* Socialization of law and distributed registry technology: transformation of regulatory impact // Civil Law. 2020. No. 4. P. 17 (in Russ.).
3. *Vyatchin V.A.* On the application of penalties in non-binding legal relations // The Russian justice system. 2020. No. 7. P. 12 (in Russ.).
4. *Gadzhiev G.A.* Ontology of law (critical study of the legal concept of reality). M., 2016. P. 132 (in Russ.).
5. *Gadzhiev G.A.* Principles of justice and trust in the court as fundamental principles of private law // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 4. Pp. 66, 69 (in Russ.).
6. *Gribanova S.V.* Protection of the exclusive right to the results of intellectual activity and means of individualization: some issues of theory and law enforcement practice // Laws of Russia: experience, analysis, practice. 2019. No. 9. P. 41 (in Russ.).
7. *Eremenko V.I.* Constitutional Court of the Russian Federation on compensation for illegal use of a trademark // IS. Industrial Property. 2021. No. 3. P. 29 (in Russ.).
8. *Ivanova S.A.* The principle of social justice in the Civil Law of Russia. M., 2005. P. 139 (in Russ.).
9. *Kiryanova E.V., Romanenkova E.I.* Intellectual property. Review of events in Russia and abroad (the second half of 2023) // SPS "ConsultantPlus" (in Russ.).
10. *Pavlov V.I.* Transformation of the subject of law in the conditions of the "digital turn": anthropological and legal analysis // The subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: a collection of scientific papers / under the general ed. of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. M., 2021. P. 24 (in Russ.).
11. *Sorokin V.V.* The subject of law in the perspective of an electronic state // The subject of law: stability and dynamics of legal status in the context of digitalization: a collection of scientific papers / under the general ed. of D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo. M., 2021. P. 65 (in Russ.).
12. *Ekimov A.I.* Justice and Socialist Law. Leningrad, 1980. P. 49 (in Russ.).

Сведения об авторе

КОВАЛЬ Владимир Николаевич –
доктор юридических наук,
профессор кафедры
«Гражданское право и процесс»,
директор Юридического института
Севастопольского государственного
университета; 299053 г. Севастополь,
ул. Университетская, д. 33

Authors' information

KOVAL Vladimir N. –
Doctor of Law,
Professor of the Department
of Civil Law and Process,
Director of the Law Institute,
Sevastopol State University;
33 Universitetskaya str.,
299053 Sevastopol, Russia

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
И ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ И ЕАЭС В ОТРАСЛЯХ ТЭК
ПО ПРОБЛЕМАМ РАЦИОНАЛЬНОГО ПРИРОДОПОЛЬЗОВАНИЯ,
ЭКОЛОГИИ И ОХРАНЫ ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЫ

© 2024 г. Р. Н. Салиева^{1, *}, В. С. Давтян^{2, **}, Ю. С. Валеева^{3, ***}

¹Институт проблем экологии и недропользования

Академии наук Республики Татарстан, г. Казань

²Российско-Армянский университет, г. Ереван

³Российский университет кооперации, г. Казань

*E-mail: sargus6@yandex.ru

**E-mail: vahedavtyan@yandex.ru

***E-mail: valeevaylia2023@gmail.com

Поступила в редакцию 15.04.2024 г.

Аннотация. Вопросы правового регулирования в целях обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов, их охраны являются актуальными для Российской Федерации и государств – участников Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Организации ТЭК осуществляют хозяйственную деятельность, которая оказывает непосредственное влияние на состояние окружающей среды. Правовое регулирование в области природопользования, установление соответствующих нормативов, экологических требований к ведению хозяйственной деятельности, установление финансовых регуляторов способствуют сохранению окружающей среды. Особую актуальность в современных социально-экономических условиях приобретают вопросы правового регулирования в связи с Парижским соглашением по климату. Государства СНГ и ЕАЭС имеют исторически сложившиеся хозяйствственные связи в отраслях ТЭК, в настоящее время формируются общие энергетические рынки. В связи с этим появляется необходимость принятия новых законодательных решений в сфере рационального использования природных ресурсов, обеспечения безопасности и поддержания окружающей среды в надлежащем состоянии. В частности, необходимы совместные решения по проблемам климата, декарбонизации экономики. В настоящем исследовании была поставлена цель обоснования предложений по развитию отдельных направлений правового регулирования в рассматриваемой сфере общественных отношений. В связи с этим проведен анализ национального законодательства, а также собраны и проанализированы межгосударственные соглашения, решения, обзорные документы, модельные законы СНГ, международные соглашения и конвенции. На основе проведенного анализа сформулировано предложение о возможности (при условии заинтересованности всех участников) разработки и принятия межинтеграционного соглашения (между объединениями СНГ и ЕАЭС) в сфере деятельности организаций ТЭК в целях решения природоохранных проблем, а также климатических. Такое соглашение позволило бы использовать имеющийся правовой потенциал стран СНГ, в частности, модельное законодательство, государствами, входящими в ЕАЭС, а также способствовало бы решению вопросов финансирования совместных проектов в сфере научно-технического сотрудничества. Обоснована также возможность разработки на уровне национального законодательства критерии соответствия требованиям природоохранного законодательства и внедрения на уровне организаций ТЭК комплаенс-программ (программ соответствия требованиям законодательства по рациональному использованию природных ресурсов, обеспечению экологической безопасности).

Ключевые слова: научно-техническое сотрудничество, правовое регулирование, интеграция, рациональное природопользование, экологическая безопасность, охрана окружающей среды, Российская Федерация, ЕАЭС, СНГ.

Цитирование: Салиева Р.Н., Давтян В.С., Валеева Ю.С. Правовое регулирование научно-технического сотрудничества Российской Федерации и государств – участников СНГ и ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды // Государство и право. 2024. № 10. С. 145–155.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-15034.

DOI: 10.31857/S1026945224100134

LEGAL REGULATION OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL COOPERATION OF THE RUSSIAN FEDERATION AND THE MEMBER STATES OF THE CIS AND EAEU IN THE FUEL AND ENERGY SECTORS ON PROBLEMS OF RATIONAL USE OF NATURE, ECOLOGY AND ENVIRONMENTAL PROTECTION

© 2024 R. N. Salieva¹, *, V. S. Davtyan², *, Yu. S. Valeeva³, ***

¹*Institute of Ecology and Subsoil Use Problems of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Kazan*
²*Russian-Armenian University, Yerevan*
³*Russian University of Cooperation, Kazan*

*E-mail: sargus6@yandex.ru
 **E-mail: vahedavtyan@yandex.ru
 ***E-mail: valeevaylia2023@gmail.com

Received 15.04.2024

Abstract. Issues of legal regulation in order to ensure environmental safety, rational use of natural resources, and their protection are relevant for the Russian Federation and the member states of the Eurasian Economic Union (EAEU). FEC organizations carry out economic activities that have a direct impact on the environment. Legal regulation in the field of environmental management, the establishment of appropriate standards, environmental requirements for business activities, and the establishment of financial regulators contribute to the preservation of the environment. Issues of legal regulation in connection with the Paris Climate Agreement are of particular relevance in modern socio-economic conditions. The CIS states and the EAEU have historically established economic ties in the fuel and energy sector, and common energy markets are currently being formed. In this regard, there is a need to adopt new legislative decisions in the field of rational use of natural resources, ensuring safety and maintaining the environment in proper condition. In particular, joint solutions are needed on climate issues and economic decarbonization. In this study, the goal was to substantiate proposals for the development of certain areas of legal regulation in the area of public relations under consideration. In this regard, an analysis of national legislation was carried out, as well as interstate agreements, decisions, review documents, model laws of the CIS, international agreements and conventions were collected and analyzed. Based on the analysis, a proposal was formulated on the possibility (subject to the interest of all participants) of developing and adopting an inter-integration agreement (between the CIS and EAEU associations) in the field of activity of fuel and energy complex organizations in order to solve environmental problems, as well as climate ones. Such an agreement would allow the EAEU member states to use the existing legal potential of the CIS countries, in particular, model legislation, and would also help resolve issues of financing joint projects in the field of scientific and technical cooperation. The possibility of developing at the level of national legislation criteria for compliance with the requirements of environmental legislation and introducing compliance programs at the level of fuel and energy complex organizations (programs for compliance with the requirements of legislation on the rational use of natural resources and ensuring environmental safety) is also justified.

Key words: scientific and technical cooperation, legal regulation, integration, rational use of natural resources, environmental safety, environmental protection, Russian Federation, EAEU, CIS.

For citation: Salieva, R.N., Davtyan, V.S., Valeeva, Yu. S. (2024). Legal regulation of scientific and technical cooperation of the Russian Federation and the member states of the CIS and EAEU in the fuel and energy sectors on problems of rational use of nature, ecology and environmental protection // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 145–155.

The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the framework of scientific project No. 18-29-15034.

Введение

Государства, созданные на основе республик, входивших в СССР, имеют исторически сложившиеся экономические, социальные, правовые основы научно-технического сотрудничества. В условиях стремительного развития науки, техники, технологий требуется дальнейшее развитие и укрепление связей между научными организациями и учеными СНГ и ЕАЭС по вопросам научно-технического сотрудничества в целом и в отдельных сферах научной деятельности. При этом система законодательства как способ регулирования общественных отношений должна способствовать повышению эффективности научно-технического сотрудничества посредством установления направлений совместной научной, научно-технической деятельности, определения организационных форм сотрудничества и порядка оформления и использования результатов научно-технического сотрудничества. В процессе построения взаимоотношений государств в любой сфере сотрудничества возникают вопросы взаимодействия и взаимосвязи правовых норм внутригосударственных и межгосударственных, направленных на регулирование соответствующих отношений. Согласно теории международного права нормы права международного и нормы права внутригосударственного самостоятельны. Данное доктринальное положение несомненно должно учитываться при создании системы нормативных правовых актов, регулирующих межгосударственные отношения в различных социально-экономических сферах, в том числе и в областях инновационного развития, внедрения достижений науки и техники, при этом в сфере научно-технического сотрудничества по отдельным его направлениям необходимо руководствоваться общими теоретическими положениями о соотношении внутригосударственных и международных норм. В сфере научно-технического сотрудничества между государствами заключаются соглашения по взаимосогласованным вопросам. Вместе с тем на практике складываются также отношения межинтеграционные, т.е. между сложившимися объединениями государств и в отдельных ситуациях целесообразными представляются межинтеграционные соглашения, в частности в области научно-технического сотрудничества.

Научно-техническое сотрудничество в целом, и особенно в области природоохранного

законодательства и внедрения на уровне организаций ТЭК наилучших технологий, является особо актуальным в современных условиях создания общих энергетических рынков государств ЕАЭС, необходимости решения климатических проблем, декарбонизации экономики.

Очевидно, что успешное развитие научно-технического сотрудничества возможно в рамках соответствующей системы законодательного обеспечения.

В юридической литературе обсуждаются общие вопросы законодательного обеспечения научно-технической деятельности и научно-технического сотрудничества, а также вопросы научно-технического сотрудничества в отдельных отраслях экономики. Так, например, анализировались источники правового регулирования в области военно-технического сотрудничества, при этом автором выделены виды источников законодательства о военно-техническом сотрудничестве, рассмотрены международные договоры, российское законодательство и законодательство отдельных государств по военно-техническому сотрудничеству¹. Авторами отмечается также важность разработки и применения соответствующих правовых средств, способствующих инновационному развитию. Так, в частности, при анализе проблем ускоренного развития Дальнего Востока России авторами отмечается целесообразность разработки комплекса регуляторов и средств². При этом предлагается совершенствование положений Федерального закона от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». В работах, посвященных правовому регулированию отношений в области сотрудничества государств – членов ЕАЭС в инновационной, исследовательской сферах, автором сделан вывод о том, что «без определения приоритетных и соответственно взаимно интересующих государства – членов ЕАЭС направлений науки и технологий для разработки совместных специальных целевых программ, выработки единых правовых механизмов и их принятия, направленных на защиту

¹ См.: Кудашкин В. В. Правовые основы военно-технического сотрудничества. М., 2018.

² См.: Андриченко Л. В., Баранчикова М. М., Беликова К. М. и др. Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России. М., 2018.

результатов научно-технической деятельности, а также создания единого образовательного пространства такое сотрудничество остается без импульса для развития, декларативно провозглашенным соглашениями СНГ³. В Комментарии положений Закона РФ «О науке и государственной научно-технической политике» о развитии международного научного и научно-технического сотрудничества авторами подчеркивается поэтапное развитие интеграционных отношений в сфере научно-технических инноваций в государствах СНГ. На начальном этапе основными выступают координационные действия. А на следующем этапе это должна быть согласованная научно-техническая политика, основанная на взаимной заинтересованности участников. При этом необходимым является формирование приоритетных направлений сотрудничества⁴. Анализ действующих Соглашений и Решений, модельного законодательства по вопросам научно-технического сотрудничества государств СНГ и ЕАЭС показал, что создана общая основа осуществления научно-технического сотрудничества. Вместе с тем специальные соглашения, направленные на определение приоритетных направлений научно-технического сотрудничества по проблемам природоохранной деятельности организаций, осуществляющих деятельность в топливно-энергетическом комплексе, а также на внедрение организационно-правовых механизмов развития научно-технического сотрудничества по указанным проблемам ожидают разработки и принятия. Представляются целесообразными исследования в области законодательного обеспечения научно-технического сотрудничества государств, входящих в СНГ и ЕАЭС, и разработка научных представлений о современной системе нормативных правовых актов, регламентирующих отношения в сфере научно-технических инноваций, внедрения наилучших технологий и организаций внедрения других природоохранных мероприятий и направлений совершенствования законодательства. В рамках настоящего исследования будут изложены результаты анализа национального законодательства по вопросам научно-технического сотрудничества, а также соглашений, решений и других документов, принятых на уровне объединений СНГ и ЕАЭС. На основе проведенного анализа рассмотрены возможности развития правового регулирования как на уровне внутригосударственных

³ Слюсарь Н.Б. Некоторые аспекты развития сотрудничества государств – членов ЕврАзЭС в научно-технической и образовательной сферах // Юрид. образование и наука. 2005. № 3. С. 43–45.

⁴ См.: Грудцына Л.Ю., Дмитриев Ю.А., Иванова С.А. и др. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». М., 2012.

нормативных правовых актов, так и на уровне межгосударственных соглашений по выделенным приоритетным направлениям исследований в изучаемой сфере общественных отношений. Энергетический сектор – основной ресурс для обеспечения экономического роста страны. На основе факто-логии и доктринальных правовых исследовательских подходов применительно к Нигерии по сравнению с опытом Германии, Испании проведен анализ и сделаны выводы о том, что необходимо внедрять инструменты и проекты для обеспечения устойчивого электроснабжения и реализации низкоуглеродной политики энергетических компаний. Кроме того выявлена положительная связь между выбросами углерода и объемом потребления электроэнергии, поэтому для развития гидроэлектростанции необходимо минимизировать количество выбросов углекислого газа⁵.

Материалы и методы

Цель настоящего исследования – обоснование предложений по развитию правового регулирования отношений между государствами СНГ и ЕАЭС в сфере научно-технических инноваций, внедрения наилучших технологий и организаций внедрения других природоохранных мероприятий организациями ТЭК в целях обеспечения экологической безопасности, рационального использования и охраны природных ресурсов.

Для достижения цели необходимо решить следующие задачи: раскрыть содержание основных категорий, применяемых в сфере правового регулирования научно-технического сотрудничества стран СНГ и ЕАЭС и определить приоритетные направления исследований, по которым целесообразно развитие научно-технического сотрудничества; рассмотреть основные нормативные правовые акты и соглашения в области научно-технического сотрудничества в изучаемой сфере общественных отношений; обосновать предложения по дальнейшему развитию и совершенствованию правового регулирования.

В основу исследования положен междисциплинарный подход, который позволил провести исследование на двух уровнях: на уровне анализа национального регулирования и на уровне межгосударственного регулирования. При этом проводился анализ внутригосударственных нормативных правовых актов в рамках предпринимательского, энергетического, экологического права, а также анализ межгосударственных соглашений в рамках международного энергетического, международного

⁵ См.: Olujobi O.J., Okorie U.E., Olarinde E.S., Aina-Pelemo A.D. Legal responses to energy security and sustainability in Nigeria's power sector amidst fossil fuel disruptions and low carbon energy transition // Heliyon. 2023. Vol. 9. Iss. 7.

экологического права, права интеграционных объединений.

В целях анализа правовой основы научно-технического сотрудничества стран СНГ и ЕАЭС были собраны тексты межгосударственных Соглашений, Решений, Модельных законов СНГ и другие документы, имеющиеся в правовых базах «КонсультантПлюс», «Гарант»; привлекались материалы, размещенные на официальных сайтах СНГ и ЕАЭС, а также на официальных сайтах государств СНГ и ЕАЭС. Были изучены работы отдельных авторов по рассматриваемым проблемам правового регулирования.

Кроме того, были использованы частно-научные методы: формально-юридический при анализе нормативных правовых актов государств, входящих в СНГ и ЕАЭС; сравнительный анализ, позволивший выявить как общие подходы в правовом регулировании отношений научно-технического сотрудничества в государствах СНГ и ЕАЭС, так и особенности правового регулирования в отдельных странах.

Указанные методы позволили осуществить не только комплексный анализ отдельных правовых норм различного отраслевого происхождения, регламентирующих научно-техническое сотрудничество Российской Федерации, стран СНГ и государств – членов ЕАЭС в изучаемой сфере общественных отношений, но и сформулировать основные предложения по развитию правового регулирования.

В связи с допустимым объемом публикации были освещены не все направления научно-технического сотрудничества. В основном внимание уделено возможному сотрудничеству по проблемам климата, в частности по вопросам, связанным с эмиссией парниковых газов, а также по возможным общим правовым решениям по развитию научно-технического сотрудничества государств – участников СНГ и ЕАЭС.

Результаты

Анализ теоретических положений о содержании категории «научно-техническое сотрудничество государств» позволил прийти к выводу, что это деятельность государств, направленная на проведение исследований по конкретным научно-техническим проблемам, представляющим взаимный интерес.

Выявлено также, что приоритетные направления научно-технического сотрудничества – сферы научных исследований и разработок также по проблемам, представляющим взаимный интерес.

Научно-техническое сотрудничество может развиваться в интересах стран, входящих в интеграции государств, в случае достижения соглашения

о сотрудничестве по тем направлениям научных исследований, которые признаны целесообразными. Единая научно-техническая политика может объединить приоритетные направления развития науки в государствах, входящих в эти объединения.

Приоритетные направления научных исследований по обеспечению экологической безопасности, рациональному использованию природных ресурсов и их охраны определены в национальных законодательствах. Так, в Указе Президента РФ от 1 декабря 2016 г. № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации»⁶ определены наиболее значимые вызовы в области обеспечения экологической и энергетической безопасности страны, рационального использования природных ресурсов, особенно в области использования энергетических ресурсов с учетом глобализации, а также охраны жизни и здоровья граждан. Определены также приоритетные направления научно-технологического развития, включающие, в частности, разработку и внедрение наилучших технологий, обеспечивающих развитие экологически чистой и ресурсо-сберегающей энергетики в целом, а также добывчу трудноизвлекаемых первичных энергоресурсов, использование возобновляемых источников энергии и формирование новых источников, развитие энергетической инфраструктуры.

В Стратегии экологической безопасности⁷ также определены приоритетные направления развития и, в частности, предусмотрено развитие международного сотрудничества в целях обеспечения рационального использования природных ресурсов и их охраны, поддержания безопасности в сфере природопользования с учетом необходимости защиты национальных интересов.

В природоресурсное и экологическое законодательство Российской Федерации соответственно вносятся нормы, направленные на реализацию приоритетных направлений технологического развития и обеспечения безопасности в области природопользования, определенных в соответствующих стратегиях, в частности в сфере осуществления хозяйственной деятельности организациями топливно-энергетического комплекса. Так, например, в Законе РФ «О недрах» дополнен такой вид пользования недрами, как разработка технологий геологического изучения, разведки и добычи трудноизвлекаемых полезных ископаемых, и, соответственно, на недропользователей возложена

⁶ См.: Официальное опубликование правовых актов // <http://publication.pravo.gov.ru/>

⁷ См.: Указ Президента РФ от 19.04.2017 № 176 «О Стратегии экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальное опубликование правовых актов // <http://publication.pravo.gov.ru/>

обязанность соблюдения проектных требований, установленных в документации по разработке таких технологий, включая требования по рациональному пользованию недрами, их охране, обеспечению экологической безопасности.

В соответствии с Концепцией сотрудничества государств – участников СНГ в сфере энергетики⁸ к организациям ТЭК относятся организации, которые осуществляют хозяйственную деятельность в таких сферах экономики, связанных с природопользованием, как добыча, производство, транспортировка, хранение, переработка и использование всех видов энергоносителей, за исключением ядерных материалов.

Необходимо отметить, что в области осуществления хозяйственной деятельности организациями топливно-энергетического комплекса приобретают особую актуальность вопросы, связанные с регулированием выбросов парниковых газов в связи с принятием 12 декабря 2015 г. 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций Парижского соглашения по климату⁹.

По данным Обзора состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2019 г. основными субъектами, осуществляющими выбросы парниковых газов, являются организации топливно-энергетического комплекса, в том числе в области осуществления хозяйственной деятельности, связанной с использованием природных ресурсов (разд. 2.2.1. Эмиссия парниковых газов)¹⁰.

В государствах, входящих в Содружество Независимых Государств, публикуется Сводное ежегодное сообщение о состоянии и изменении климата на территориях государств – участников СНГ, в котором содержится обобщенная информация о состоянии климата и его изменениях. Информация составляется по данным государственных наблюдательных сетей, расположенных на территории стран СНГ¹¹. Сводное сообщение доступно с 2011 г. на сайте Северо-Евразийского климатического центра (СЕАКЦ). Сведений по выбросам парниковых газов в целом на территории СНГ указанное Сводное ежегодное сообщение не содержит. Полагаем, что данное обстоятельство

⁸ См.: Решение Совета глав правительств СНГ от 20.11.2009 г. «О Концепции сотрудничества государств – участников СНГ в сфере энергетики». URL: <https://base.spinform.ru/>

⁹ См.: Парижское соглашение (Заключено в г. Париже, 12.12.2015).

¹⁰ См.: Обзор состояния и загрязнения окружающей среды в Российской Федерации за 2019 год. С. 33–35. URL: <https://www.meteorf.ru>

¹¹ См.: Сводное ежегодное сообщение о состоянии и изменении климата на территории государств – участников СНГ. 2020. URL: <https://seakc.meteoinfo.ru>

свидетельствует о возможности предусмотреть в межгосударственных соглашениях стран СНГ и ЕАЭС с учетом международных конвенций по климату и выбросам парниковых газов создание соответственно единой системы мониторинга по выбросам парниковых газов. При создании единой системы мониторинга необходимо принять во внимание, что производственные объекты организаций топливно-энергетического комплекса относятся к основным источникам выбросов согласно приведенному выше Обзору состояния и загрязнения окружающей среды, в частности, в Российской Федерации.

Следует обратить внимание на то, что в Рамочной конвенции ООН содержится определение понятия «региональная организация экономической интеграции». Под региональной организацией экономической интеграции понимается организация, учрежденная суверенными государствами данного региона, в компетенцию которой входят вопросы, регулируемые настоящей Конвенцией или протоколами к ней, и котораяенным образом уполномочена в соответствии с ее внутренними процедурами подписывать, ратифицировать, принимать и утверждать соответствующие документы или присоединяться к ним. В Рамочной конвенции также содержатся определения понятий «выбросы» и «парниковые газы»: «выбросы» означают эмиссию парниковых газов и/или их прекурсоров в атмосферу над конкретным районом и за конкретный период времени, а «парниковые газы» означают такие газообразные составляющие атмосферы – как природного, так и антропогенного происхождения, – которые поглощают и переизлучают инфракрасное излучение. Содержащиеся в Рамочной конвенции основные термины и определения целесообразно было бы учесть в случае достижения согласия по разработке и принятию межинтеграционного соглашения стран ЕАЭС и СНГ в области обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов и их охраны.

В целях реализации Парижского соглашения Российской Федерацией предпринимаются законодательные меры, направленные на уменьшение выбросов в атмосферу. В частности, принят специальный Указ Президента РФ от 4 ноября 2020 г. № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов»¹², в котором установлены поручения по разработке Правительством РФ мер по уменьшению выбросов до 70% к уровню 1990 г., а также по разработке Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 г. и ее утверждению. В соответствии со Стратегией

¹² См.: Росс. газ. 2020. 6 нояб.

экологической безопасности Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденной Указом Президента РФ от 19 апреля 2017 г. № 176, к основным механизмам реализации государственной политики в сфере обеспечения экологической безопасности отнесено государственное регулирование выбросов парниковых газов.

В Российской Федерации утвержден также план реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов и подготовки к ратификации Парижского соглашения¹³. В соответствии с Планом мероприятий Правительством РФ 20 февраля 2021 г. в Государственную Думу внесен проект федерального закона № 1116605-7 «Об ограничении выбросов парниковых газов»¹⁴. В данном законопроекте содержатся положения, направленные на регулирование экономической деятельности в целях уменьшения парниковых выбросов в атмосферу. В частности, для достижения цели уменьшения выбросов парниковых газов должны будут утверждаться перечни видов экономической деятельности, сопровождаемой такими выбросами, и показатели такой деятельности. В законопроекте содержатся также положения, в соответствии с которыми будет возложена обязанность на хозяйствующих субъектов представлять в уполномоченный орган отчеты о выбросах парниковых газов. Предполагается установление соответствующих критериев осуществления хозяйственной деятельности, сопровождаемой выбросами парниковых газов.

Министерством природных ресурсов и экологии РФ 21 августа 2017 г. подготовлен проект приказа «Об утверждении порядка подготовки кадастра антропогенных выбросов из источников и абсорбции поглотителями парниковых газов, его структуры, а также перечня информации и данных, представляемых федеральными органами исполнительной власти для его подготовки»¹⁵.

Одним из пробелов нормативно-правового поля в управлении трансграничными водными ресурсами является отсутствие правовых документов регулирования на уровне речного бассейна как важного инструмента режима регулирования водных

¹³ См.: распоряжение Правительства РФ от 3.11.2016 № 2344-р (ред. от 23.12.2019) «Об утверждении плана реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов» (вместе с «Планом реализации комплекса мер по совершенствованию государственного регулирования выбросов парниковых газов и подготовки к ратификации Парижского соглашения, принятого 12.12.2015 21-й сессией Конференции Сторон Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата»).

¹⁴ См.: В Думу внесли поправки об ограничении выбросов парниковых газов. URL: <https://www.interfax.ru/>

¹⁵ См.: URL: <https://base.garant.ru/>

ресурсов. Топливно-энергетический Сектор оказывает негативные последствия на водные ресурсы, поэтому важны межстрановые решения социальных, правовых и экологических вопросов межстрановых водных ресурсов¹⁶.

В компаниях ТЭК принятые внутренние стандарты, направленные на регулирование хозяйственной деятельности, связанной с выбросами парниковых газов. Например, в Газпроме разработан стандарт «Кадастр выбросов парниковых газов. Общие требования к содержанию и оформлению»¹⁷.

Поскольку риски, связанные с неблагоприятными изменениями климата при осуществления хозяйственной деятельности организациями топливно-энергетического комплекса, относятся к группе характерных и наиболее распространенных рисков, то представляется целесообразным установление общих требований о разработке и введение в действие в рамках корпоративных управленческих документов организаций ТЭК, наряду с принятием внутренних стандартов, также комплаенс-программ о соответствии деятельности организаций требованиям законодательства, регулирующего хозяйственную деятельность, связанную с выбросами парниковых газов.

Необходимо также учитывать то обстоятельство, что в Европейском Союзе в рамках климатической политики ужесточаются экологические требования к ввозу на территорию государств ЕС продукции и товаров, имеющих т.н. углеродный след. В связи с этим для организаций ТЭК России и стран СНГ и ЕАЭС все более актуальными становятся вопросы соблюдения экологических требований, особенно в области осуществления деятельности, связанной с выбросами парниковых газов. В Российской Федерации возможно установление углеродных налогов, в частности, на угольном рынке, как это предусмотрено в Энергетической стратегии Российской Федерации до 2035 года¹⁸.

На национальном уровне в Российской Федерации также обсуждался проект федерального закона «О государственном регулировании выбросов и поглощений парниковых газов и о внесении изменений в отдельные законодательные

¹⁶ *Ozenbayeva A., Yerezhepkazy R., Yessetova S. et al. Legal regulation of transboundary water resources of the republic of Kazakhstan // Environmental Development. 2022. Vol. 44.*

¹⁷ См.: Кадастр выбросов парниковых газов. Общие требования к содержанию и оформлению. 2005. URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4293849/4293849178.pdf>

¹⁸ См.: распоряжение Правительства РФ от 9 июня 2020 г. № 1523-р «Об утверждении Энергетической стратегии Российской Федерации на период до 2035 года» // СПС «КонсультантПлюс».

акты Российской Федерации»¹⁹. В результате обсуждения проект указанного закона не был внесен в Государственную Думу. В Заключении к данному проекту закона отмечены как достоинства предложенных решений проблемы выбросов парниковых газов, так и недостатки, связанные с ограничениями для физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности, а также бюджетов всех уровней бюджетной системы Российской Федерации. Следует отметить также, что на национальном уровне в Российской Федерации разрабатываются мероприятия, направленные на рациональное использование природных ресурсов, обеспечение экологической безопасности на основе внедрения наилучших технологий²⁰.

На национальном уровне других государств, входящих в СНГ, также принятые нормативные правовые акты разного уровня, направленные на регулирование отношений в сфере осуществления выбросов парниковых газов. Перечень законодательных актов стран СНГ содержится в аналитических обзорах Электроэнергетического совета СНГ²¹.

Таким образом, можно заключить, что на национальных уровнях в государствах СНГ и ЕАЭС разработаны нормативные правовые акты, составляющие основу научно-технического сотрудничества в области обеспечения экологической безопасности, рационального использования и охраны природы и природных объектов. На уровне межгосударственном государства СНГ и ЕАЭС также приняли Соглашения по экономическому и научно-техническому (инновационному) сотрудничеству, в том числе в энергетике (в отраслях ТЭК). Вместе с тем целесообразно актуализировать с учетом международных соглашений, в частности Парижского соглашения по климату, отдельные направления сотрудничества в области обеспечения экологической безопасности, рационального использования природных ресурсов.

¹⁹ Подготовлен Минэкономразвития России (текст по состоянию на 27.03.2019 г.).

²⁰ См.: постановление Правительства РФ от 29.03.2019 № 355-23 «О внесении изменений в государственную программу Российской Федерации “Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности”» // СПС «КонсультантПлюс».

²¹ См.: Электроэнергетический Совет СНГ. Аналитический обзор «Об участии государств – участников СНГ в Парижском соглашении по климату, принятом в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (Утвержден Решением Электроэнергетического Совета СНГ, протокол № 51 от 4.11.2017). М., 2017; Электроэнергетический Совет СНГ. Аналитический обзор «Об участии государств – участников СНГ в Парижском соглашении по климату, принятом в рамках Рамочной конвенции ООН об изменении климата» (подготовлен Рабочей группой Электроэнергетического Совета СНГ по экологии, энергоэффективности и ВИЭ). М., 2020.

Так, на примере Закона Кыргызской Республики от 25 мая 2007 г. № 71 «О государственном регулировании и политике в области эмиссии и поглощения парниковых газов»²² целесообразно разработать соответствующие правовые акты о государственном регулировании и в национальных законодательствах и в Соглашениях стран СНГ и ЕАЭС предусмотреть общие положения о государственном регулировании в этой сфере общественных отношений. В частности, в межинтеграционном Соглашении, предлагаемом к заключению на уровне руководящих органов СНГ и ЕАЭС, целесообразно предусмотреть меры по созданию и внедрению наилучших доступных технологий в целях уменьшения выбросов парниковых газов, а также по разработке и реализации проектов развития лесного хозяйства и других проектов в целях снижения негативных последствий выбросов парниковых газов; а также предусмотреть организационно-правовые меры по созданию интегрированных систем учета и мониторинга эмиссии и поглощения парниковых газов. Необходимо также на уровне национального законодательства стран СНГ и ЕАЭС разработать и принять Министерствами природных ресурсов ключевые показатели эмиссии и поглощения парниковых газов, а на уровне компаний в целях обеспечения соответствия деятельности организаций топливно-энергетического комплекса требованиям действующего законодательства, в том числе по ключевым показателям выбросов парниковых газов, – локальные документы корпораций и внедрить систему комплаенс-контроля в форме разработки соответствующих программ, являющихся частью корпоративной управленческой деятельности.

В результате проведенного анализа национального законодательства, а также межгосударственных соглашений и документов программного и стратегического характера в области правового обеспечения экологической безопасности, рационального использования и охраны природных ресурсов сделан вывод, что страны СНГ и ЕАЭС приводятся по пути развития сотрудничества. Как показал анализ нормативно-правовой базы для стран СНГ, принятые модельные законы и кодексы, позволяющие реализовать единую научно-техническую политику²³. В рамках ЕАЭС государства участники также уделяют большое внимание научно-техническому сотрудничеству. Государства – члены Евразийского экономического союза для реализации Основных направлений промышленного сотрудничества определили приоритетные виды экономической деятельности.

²² См.: URL: <https://online.zakon.kz/>

²³ См.: Ray R. L. et al. What Is the impact of COVID-19 pandemic on global carbon emissions? // Sci. Total Environ. 2022.

Непосредственно в решении Евразийского межправительственного совета № 9 от 8 сентября 2015 г., в частности, определено, что в целях создания центров компетенций в государствах-членах, для формирования экономики будущего, постоянного технологического обновления, повышения глобальной конкурентоспособности промышленности формируются Евразийские технологические платформы (далее – ЕТП)²⁴.

В целом следует отметить целесообразность более активного использования модельного законодательства стран СНГ в области регулирования отношений по обеспечению экологической безопасности, рационального использования и охраны природных ресурсов.

Необходимо также отметить, что международное научно-техническое сотрудничество целесообразно развивать на основе единой научно-технической политики.

Обсуждение

Исследование показало, что в литературе обсуждаются в основном общие вопросы международного научно-технического сотрудничества. Так, например, определено, что «международное сотрудничество в области науки и техники направлено на решение теоретических и экспериментальных задач фундаментальной и прикладной науки, содействие развитию технологических процессов, подготовку кадров, обеспечение использования достижений научно-технического прогресса. Особая роль в этом виде сотрудничества отводится научным и образовательным организациям»²⁵. Заслуживает внимания с точки зрения методологии исследования вопросов международного научно-технического сотрудничества всесторонний анализ российского законодательства и законодательства отдельных государств по военно-техническому сотрудничеству²⁶. В области сотрудничества стран СНГ и ЕАЭС по проблемам рационального использования и охраны природных ресурсов проведено теоретико-правовое исследование группы авторов, в котором представлена как общая характеристика научно-технического сотрудничества России и государств – участников СНГ и ЕАЭС, так и организационно-правовой механизм,

²⁴ См.: Евразийский межправительственный совет. Решение № 9 «Об Основных направлениях промышленного сотрудничества в рамках Евразийского экономического союза» (Вместе с «Перечнями приоритетных видов экономической деятельности, чувствительных товаров», «Порядком проведения консультаций...», «Формой взаимного информирования...») (г. Гродно, 08.09.2015) // СПС «КонсультантПлюс».

²⁵ Efimtseva T. To the Question of the Concept and Meaning of the International Scientific and Technical Cooperation) // The scientific method. 2019. Vol. 1. No. 29 (Warszawa, Poland). Pp. 21–24.

²⁶ См.: Кудашкин В. В. Указ. соч.

основные направления и основные теоретические и методологические подходы в области правового регулирования рассматриваемых общественных отношений²⁷. Полностью соглашаясь с результатами указанного теоретико-правового исследования, считаем целесообразным дополнить также предложение о принятии либо отдельного соглашения по реализации положений Парижского соглашения, либо в рамках предлагаемого авторами межинтеграционного соглашения предусмотреть совместные меры, направленные на снижение парниковых выбросов. Необходимо также на уровне национального законодательства государств – участников СНГ и ЕАЭС разработать и принять ключевые показатели эмиссии, а в компаниях ТЭК разработать соответствующие комплаенс-программы²⁸.

Выводы

В результате проведенного анализа национального законодательства стран СНГ и ЕАЭС, межгосударственных соглашений, модельного законодательства СНГ можно отметить, что научно-техническое сотрудничество стран СНГ и ЕАЭС в отраслях ТЭК определяется как деятельность государств, направленная на проведение исследований по приоритетным направлениям.

Приоритетные направления научно-технического сотрудничества – это области научных исследований и разработок по проблемам, представляющим взаимный интерес. К приоритетным направлениям научных исследований в отраслях ТЭК для государств СНГ и ЕАЭС могут быть отнесены приоритетные направления научно-технического развития – это, в частности, может быть разработка и внедрение наилучших технологий, обеспечивающих экологическую безопасность, а также разработка новых технологий по добыче трудноизвлекаемых первичных энергоресурсов, активизация использования возобновляемых источников энергии, разработка технологий по получению новых источников энергии, развитие системы снабжения энергоресурсами и совершенствование энергетической инфраструктуры и другие направления, представляющие взаимный интерес.

Государства – участники СНГ и ЕАЭС наряду с национальным законодательством также разработали и приняли межгосударственные соглашения.

²⁷ См.: Volkov Ю. В., Дьяконова А. А., Ефимцева Т. В. и др. Теоретико-правовые основы формирования модели правового регулирования научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в рамках единой научно-технической политики. М., 2020.

²⁸ См.: Nyangchak N. Emerging green industry toward net-zero economy: a systematic review // Journal of Cleaner Production. 2022.

Дальнейшее развитие правового регулирования возможно в рамках межинтеграционного соглашения, включающего приоритетные направления исследований, как содержащиеся в нормативных правовых актах национальных систем законодательства, так и в рамках международных договоров, например Парижского соглашения о климате.

Целесообразными представляются также дальнейшие исследования по вопросам разработки на уровне национального законодательства государств участников СНГ и ЕАЭС критерии соответствия требованиям законодательства в области рационального использования и охраны природных ресурсов и внедрения на уровне организаций ТЭК комплаенс-программ (программ соответствия установленным требованиям соответствующего законодательства).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андрichenko L. B., Баранчикова М. М., Беликова К. М. и др.* Государственно-правовые основы ускоренного развития Дальнего Востока России. М., 2018.
2. *Волков Ю. В., Дьяконова А. А., Ефимцева Т. В. и др.* Теоретико-правовые основы формирования модели правового регулирования научно-технического сотрудничества Российской Федерации и стран СНГ, ЕАЭС в отраслях ТЭК по проблемам рационального природопользования, экологии и охраны окружающей среды в рамках единой научно-технической политики. М., 2020.
3. *Грудынина Л. Ю., Дмитриев Ю. А., Иванова С. А. и др.* Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 23 августа 1996 г. № 127-ФЗ «О науке и государственной научно-технической политике». М., 2012.
4. *Кудашкин В. В.* Правовые основы военно-технического сотрудничества. М., 2018.
5. *Слюсарь Н. Б.* Некоторые аспекты развития сотрудничества государств – членов ЕврАзЭС в научно-технической и образовательной сферах // Юрид. образование и наука. 2005. № 3. С. 43–45.
6. *Efimtseva T.* To the Question of the Concept and Meaning of the International Scientific and Technical Cooperation) // The scientific method. 2019. Vol. 1. No. 29 (Warszawa, Poland). Pp. 21–24.
7. *Nyangchak N.* Emerging green industry toward net-zero economy: a systematic review // Journal of Cleaner Production. 2022.
8. *Olujobi O. J., Okorie U. E., Olarinde E. S., Aina-Pelemo A. D.* Legal responses to energy security and sustainability in Nigeria's power sector amidst fossil fuel disruptions and low carbon energy transition // Heliyon. 2023. Vol. 9. Iss. 7.
9. *Ozenbayeva A., Yerezhepkazy R., Yessenova S. et al.* Legal regulation of transboundary water resources of the republic of Kazakhstan // Environmental Development. 2022. Vol. 44.
10. *Ray R. L. et al.* What Is the impact of COVID-19 pandemic on global carbon emissions? // Sci. Total Environ. 2022.

REFERENCES

1. *Andrichenko L. V., Baranchikova M. M., Belikova K. M. et al.* State-legal foundations of accelerated development of the Russian Far East. M., 2018 (in Russ.).
2. *Volkov Yu. V., Dyakonova A. A., Efimtseva T. V. et al.* Theoretical and legal foundations for the formation of a model of legal regulation of scientific and technical cooperation between the Russian Federation and the CIS countries, the EAEU in the fuel and energy sectors on the problems of rational nature management, ecology and environmental protection within the framework of a unified scientific and technical policy. M., 2020 (in Russ.).
3. *Grudtyna L. Yu., Dmitriev Yu. A., Ivanova S. A. et al.* Scientific and Practical commentary on Federal Law No. 127-FZ of August 23, 1996 “On Science and State Scientific and Technical Policy”. M., 2012 (in Russ.).
4. *Kudashkin V. V.* Legal foundations of military-technical cooperation. M., 2018 (in Russ.).
5. *Slyusar N. B.* Some aspects of the development of cooperation between Member states EurAsEC in scientific, technical and educational spheres // Law education and science. 2005. No. 3. Pp. 43–45 (in Russ.).
6. *Efimtseva T.* To the Question of the Concept and Meaning of the International Scientific and Technical Cooperation) // The scientific method. 2019. Vol. 1. No. 29 (Warszawa, Poland). Pp. 21–24.
7. *Nyangchak N.* Emerging green industry toward net-zero economy: a systematic review // Journal of Cleaner Production. 2022.
8. *Olujobi O. J., Okorie U. E., Olarinde E. S., Aina-Pelemo A. D.* Legal responses to energy security and sustainability in Nigeria's power sector amidst fossil fuel disruptions and low carbon energy transition // Heliyon. 2023. Vol. 9. Iss. 7.
9. *Ozenbayeva A., Yerezhepkazy R., Yessenova S. et al.* Legal regulation of transboundary water resources of the republic of Kazakhstan // Environmental Development. 2022. Vol. 44.
10. *Ray R. L. et al.* What Is the impact of COVID-19 pandemic on global carbon emissions? // Sci. Total Environ. 2022.

Сведения об авторах**Authors' information**

САЛИЕВА Роза Наильевна –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник,
заведующая лабораторией
Института проблем экологии
и недропользования
Академии наук Республики Татарстан;
420087 г. Казань, ул. Даурская, д. 28
ORCID: 0000-0003-0278-4948

SALIEVA Roza N. –
Doctor of Law Sciences, Professor,
Chief Researcher, Head of Laboratory,
Institute of Ecology and Subsoil Use Problems
of the Academy of Sciences
of the Republic of Tatarstan;
28 Daurskaya str., 420087 Kazan, Russia

ДАВТЯН Ваге Самвелович –
доктор политических наук,
профессор Российско-Армянского
университета;
0051 Республика Армения,
г. Ереван, ул. Овсепа Эмина, д. 123

DAVTYAN Vahé S. –
Doctor of Political Science,
Professor of the Russian-Armenian University;
123 Hovsep Emin str., 0051 Yerevan,
Republic of Armenia

ВАЛЕЕВА Юлия Сергеевна –
доктор экономических наук, доцент,
профессор Российского университета
кооперации;
420081 г. Казань, ул. Николая Ершова, д. 58
ORCID: 0000-0002-1356-0360

VALEEVA Yulia S. –
Doctor of Economics, Associate Professor,
Professor of the Russian University of Cooperation;
58 Ershova str., 420081 Kazan, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ ОБЩЕЙ ТЕОРИИ КРИМИНАЛИСТИКИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ СОВРЕМЕННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

© 2024 г. А. Н. Савенков^{1,*}, Е. Р. Россинская^{2,**}

¹Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

²Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)

*E-mail: an61s@mail.ru

**E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Поступила в редакцию 03.07.2024 г.

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые актуальные направления развития общей теории криминалистики в русле интеграции и дифференциации научного знания с учетом тенденций глобальной цифровизации и интеграции современных технологий в сферу расследования преступлений. Осуществлен анализ актуальных определений предмета криминалистики, данных ведущими учеными-криминалистами России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана и других стран, который показывает, что большинство из них так или иначе согласуется с определением предмета науки Р.С. Белкина. Сравнительный анализ цифровой криминалистики (В.Б. Вехов и С.В. Зуев), под которой авторы понимают частную теорию криминалистики, включает общую часть, весьма сходную с общими положениями разработанной нами теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, и особенную часть, которая относится в первую очередь к развитию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической техники и технологии. Намечены пути развития теории криминалистического следоведения, в котором с учетом новых криминалистических технологий место происшествия, потерпевший, способ преступления и преступник должны быть связаны через разнообразные механизмы следообразования. Рассмотрены способы компьютерных преступлений и концепция построения информационно-компьютерных криминалистических моделей компьютерных преступлений на базе теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности. За основу были выбраны корреляционные связи между комбинациями ИТ-технологий, применяемых для осуществления компьютерных преступлений, следовой картиной в виде цифровых следов и уровнем компетенций в ИТ-технологиях преступника и потерпевшего.

Ключевые слова: общая теория криминалистики, следоведение, способы преступлений, компьютерные преступления, цифровизация, цифровые следы, информационно-компьютерные модели.

Цитирование: Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Актуальные направления развития общей теории криминалистики сквозь призму современных технологий // Государство и право. 2024. № 10. С. 156–168.

DOI: 10.31857/S1026945224100145

CURRENT DIRECTIONS IN THE DEVELOPMENT OF THE GENERAL CRIMINALISTIC THROUGH THE PRISM OF MODERN TECHNOLOGIES

© 2024 A. N. Savenkov^{1, *}, E. R. Rossinskaya^{2, **}

¹*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow*

²*Kutafin Moscow State Law University (MSAL)*

*E-mail: an61s@mail.ru

**E-mail: elena.rossinskaya@gmail.com

Received 03.07.2024

Abstract. The article examines some current trends in the development of the general theory of criminalistic in line with the integration and differentiation of scientific knowledge, considering trends in global digitalization and integration of modern technologies in the field of crime investigation. An analysis of current definitions of the subject of criminology given by leading forensic scientists from Russia, Belarus, Kazakhstan, Azerbaijan and other countries has been carried out, which shows that most of them, one way or another, are consistent with the definition of the subject of science by R.S. Belkin. A comparative analysis of digital criminalistic (V.B. Vekhov and S.V. Zuev), by which the authors understand a particular theory of criminalistic, includes a general part very similar to the general provisions of the theory of information and computer support for criminalistic activities developed by us and a special part that relates first to the development of information and computer support for criminalistic equipment and technology. The ways of developing the theory of criminalistic trace science are outlined, in which, considering new forensic technologies, the relationships between the scene of the incident, the victim, the method of crime and the criminal should be connected through various mechanisms of trace formation. The methods of computer crimes and the concept of constructing information and computer criminalistic models of computer crimes based on the theory of information and computer support for criminalistic activities are considered. The basis was chosen to be correlations between combinations of IT-technologies used to carry out computer crimes, the trace pattern in the form of digital footprints and the level of competence in IT-technologies of the criminal and the victim.

Key words: general theory of criminalistic, criminalistic trace science, methods of crime, computer crimes, digitalization, digital footprints, information-computer models.

For citation: Savenkov, A.N., Rossinskaya, E.R. (2024). Current directions in the development of the general criminalistic through the prism of modern technologies // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 156–168.

В первой четверти XXI в. новый этап научно-технической революции ознаменовался всеобъемлющим проникновением технологий, и в первую очередь информационных компьютерных технологий, в различные области человеческой деятельности – экономическую, социальную, управленческую и другие. Наряду с неоспоримыми достижениями, технологизация и цифровизация принесли с собой целый ряд сложных негативных явлений, связанных с видоизменениями преступности, основными из которых являются: интеллектуализация преступной деятельности; слияние общеуголовной и экономической преступности; преступные попытки установить контроль над

финансово-промышленными группами, отдельными предприятиями.

Криминальные структуры в полной мере приняли на вооружение цифровые технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений, новых способов совершения «традиционных» преступлений, создания систем конспирации и скрытой связи, для оказания активного противодействия правосудию¹.

¹ См.: Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.

Очевидно, что на эти вызовы должна оперативно отвечать криминалистика – динамично развивающаяся юридическая наука синтетической природы, которая является основным проводником достижений естественных, технических и гуманитарных наук в сферу судопроизводства.

Сравнительный анализ определений предмета криминалистики, данных ведущими учеными-криминалистами России, Беларуси, Казахстана, Азербайджана и других стран показывает, что большинство из них так или иначе согласуется с определением предмета науки Р.С. Белкина². Критики указывают, что в определении Р.С. Белкина перечислены далеко не все закономерности, изучаемые криминалистикой. Да это и невозможно, поскольку каждый из авторов выбирает главные с его точки зрения закономерности, изучаемые криминалистикой. Но совершенно справедливо высказывание А.А. Эксархопуло, что определение Р.С. Белкина отражает не все содержание предмета науки криминалистики, а главным образом его сущность³. Разделяем позицию В.Н. Карагодина, что пока «ни одному из инициаторов модернизации теоретико-доказательственной концепции предмета криминалистики или ее замены не удалось доказать наличия объективных потребностей в этом», что не означает отрицания необходимости развития криминалистической науки. Считаем справедливой точку зрения авторов учебника, полагающих, что определение Р.С. Белкина является наиболее полным и в то же время кратким по содержанию, объективно отражающим нынешний уровень развития криминалистики и позволяющим отграничить ее предмет от предметов других наук.

Мы так подробно остановились на предмете криминалистической науки, поскольку возражаем против размывания предмета криминалистики. Не следует каждый раз при появлении новых объектов или методов менять название, определение предмета науки, дробить ее на «отдельные криминалистики» на потребу дня, например, говорить о лингвистической криминалистике⁴ или

² См.: Ищенко Е.П. Криминалистика: учеб. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 4; Криминалистика: учеб. / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 10; Порубов Н.И., Грамович Г.И., Порубов А.Н. Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н.И. Порубова. Минск, 2007. С. 6; Криминалистика: учеб. / под ред. Д.И. Сулейманова. 2-е изд., перераб. и доп. Баку, 2008. С. 62; Россинская Е.Р., Гинзбург А.Я., Оганов Н.И., Бегалиев Е.Н. Криминалистика негіздеі. Алматы, 2007. С. 18 (на казах. яз.).

³ См.: Эксархопуло А.А. Криминалистика: учеб. СПб., 2009. С. 13, 14.

⁴ См.: Грачев М.А., Грачев А.М. Современные проблемы лингвокриминалистики как науки // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2015. № 1. С. 26–29.

об экономической криминалистике⁵, медицинской криминалистике⁶. Криминалистика – это целостная наука, обладающая собственным предметом, структурой, задачами, объектами и принципами⁷.

Несколько иначе дело обстоит с т.н. электронной⁸, или цифровой, криминалистикой. Как указывают авторы учебника по цифровой криминалистике⁹, это название является условным аналогом отрасли знаний Digital Forensic, используемого в зарубежной юридической практике, и «представляет собой не самостоятельную науку, а одно из частных учений». Предмет цифровой криминалистики, по мнению В.Б. Вехова, С.В. Зуева и их соавторов, составляют «закономерности обнаружения, фиксации, предварительного исследования, использования компьютерной информации и средств ее обработки в целях выявления, раскрытия, расследования и предупреждения правонарушений, а также создания на знании этих закономерностей технических средств, приемов, методик и рекомендаций, направленных на оптимизацию деятельности по борьбе с правонарушениями». Данная теория включает общую часть, весьма сходную с общими положениями разработанной нами теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности¹⁰, и особенную часть, которая относится в первую очередь к развитию информационно-компьютерного обеспечения криминалистической техники и технологии. Ее содержание также перекликается с нашим подходом¹¹. Сравнительный анализ представлен в табл. 1.

⁵ См.: Голубятников С.П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 118–121.

⁶ См.: Федосюткин Б.А. Медицинская криминалистика: руководство. Ростов н/Д., 2006. С. 34, 35.

⁷ См.: Россинская Е.Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 328–335.

⁸ См.: Вехов В.Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2017. С. 40–46.

⁹ См.: Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 16–18.

¹⁰ См.: Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.

¹¹ См.: Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 3. С. 745–759.

Таблица 1

Система теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности	Система цифровой криминалистики
<p>1. Концепция теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности, включая предмет теории и ее объекты.</p> <p>2. Учение о способах компьютерных преступлений/правонарушений.</p> <p>3. Учение о цифровых следах как источниках криминалистически значимой компьютерной информации.</p> <p>4. Учение о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем, реализуемое в новом разделе криминалистической техники.</p> <p>5. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении тактики следственных и судебных действий.</p> <p>6. Учение об информационно-компьютерных криминалистических моделях видов компьютерных преступлений.</p> <p>7. Учение об информационно-компьютерном криминалистическом обеспечении методик расследования компьютерных преступлений.</p> <p>8. Учение о цифровизации системы криминалистической регистрации.</p>	<p><i>Общая часть:</i> ее понятие, предмет, объект, цели, задачи, система, методологическая основа, научноведческие связи с существующими криминалистическими теориями (учениями) и другими науками, специальные термины и определения – терминологический аппарат, расширяющий язык криминалистики.</p> <p><i>Особенная часть</i> – это комплекс частных взаимосвязанных учений об отдельных родах и видах компьютерной информации, ее материальных носителей, средств обработки и защиты:</p> <ol style="list-style-type: none"> 1. Криминалистическое учение о цифровой (компьютерной) информации. 2. Криминалистическое исследование компьютерных устройств, информационных систем и информационно-телекоммуникационных сетей. 3. Криминалистическое использование цифровой (компьютерной) информации, средств ее обработки и защиты.

Полагаем, что подобная структура обоснована и заслуживает дальнейшего развития, но пока не очень ясно, как она вписывается в систему криминалистической науки.

Развитие криминалистики происходит благодаря изучению новых закономерностей, новых механизмов формирования следов, новых методов сбора, обнаружения, фиксации и изъятия криминалистически значимой информации, а также анализу и использованию этой информации в сфере криминалистической тактики и методики¹².

Рассмотрим некоторые направления развития и совершенствования ряда криминалистических учений – составных частей общей теории криминалистики в свете интеграции и дифференциации научного знания в условиях цифровой трансформации экосистемы.

Начнем с тенденций развития криминалистического учения о следах. Любое преступление вызывает следы – отражение преступных действий в окружающей среде. Различают криминалистическое понятие следов в широком и узком смысле. В узком смысле под следом понимается отображение на одном из объектов внешнего строения (морфологии) другого объекта. Элементами этого процесса являются объекты следообразования

в трасологии – следообразующий, следовоспринимающий и вещество следа, следовой контакт как результат взаимодействия между ними¹³. «Трасология как область криминалистических знаний изучает закономерности морфологии поверхностей и функциональных свойств следообразующих объектов и механизма взаимодействия, ведущего к отображению их признаков в следах»¹⁴. Трасологические методы при изучении процессов следообразования по морфологическим признакам внешнего строения следообразующих и следовоспринимающих объектов используются не только в трасологии, но и в баллистике, при криминалистическом исследовании документов и почерка, взрывных устройств и других объектов.

В широком смысле следы – это любые материальные последствия преступления, т.е. любые изменения объекта или вещной обстановки, которые отражают взаимодействие объектов, их связь между собой и с расследуемым событием, особенности их морфологии, структуры и свойств, выражавшихся в криминалистически значимых признаках. В целом криминалистическое следоведение – это учение, «изучающее закономерности образования различных следов, связанных с событием

¹² См.: Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор инновационного развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110.

¹³ См.: Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2013. С. 36.

¹⁴ Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций М., 2015. С. 12.

преступления, методы, приемы и средства их собирания и исследования, а также возможности их использования для выяснения обстоятельств содеянного, установления и изобличения преступника»¹⁵.

Задачи исследования следов в криминалистике, как отмечал К.Д. Поль, состоят в установлении взаимосвязи между местом происшествия, потерпевшим, орудием преступления и преступником, и на этой основе оптимально реконструировать или подтвердить результатами аналитических исследований ход происшествия. Для доказательства соответствующей взаимосвязи им предложен принцип перекрестного переноса следов, схематически выраженный в «кресте следов»¹⁶ (рис. 1.), причем значимость доказательства возрастает про-

о следах ног, транспортных средств, огнестрельного оружия, оттисках печатей или следов веществ, ольфакторных следов и других биологических следов человека.

Применение компьютерных средств и систем для совершения различных видов преступлений в соответствии с всеобщим законом отражения привело к формированию нового механизма следообразования, который связан с процессами возникновения, обработки и передачи компьютерной информации. Согласно определению Э. Таненбаума, «цифровой компьютер – это машина, которая может решать задачи, исполняя данные ей команды»¹⁷. Архитектура компьютера на своих

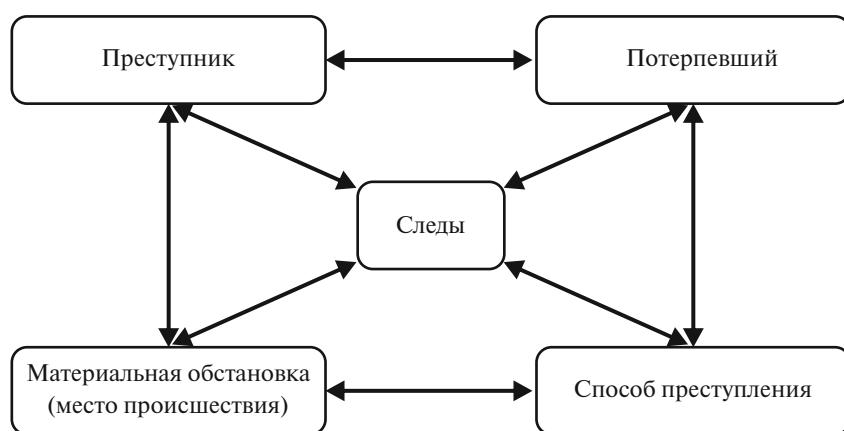

Рис. 1. «Крест следов».

порционально количеству выявленных перекрещивающихся комплексов следов.

Криминалистическое учение о механизме следообразования является одним из важнейших в общей теории криминалистической науки. Анализ современной криминалистической литературы показывает, что независимо от рода и вида следообразующих и следовоспринимающих объектов с гносеологических позиций есть нечто общее, объединяющее все элементы процесса следообразования и в то же время отражающее динамику процесса, позволяющее проникнуть в сущность следа как объекта познания, выявить его генезис и объяснить его. Этим общим является механизм следообразования. Именно на базе познания механизма следообразования развивается практика исследования следов, безразлично, идет ли речь

нижних уровнях предусматривает ограниченный набор простых команд. Машинный код – набор инструкций, составленный из таких команд – выполняется непосредственно центральным процессором компьютера и труден для восприятия даже специалистами в области программирования. Еще ниже, в основе архитектуры компьютера, находится цифровой логический уровень, который реализуется в виде набора объектов, называемых вентилями, с использованием которых осуществляются простые логические операции с цифровыми сигналами, которые в компьютерной технике представлены в двоичной системе счисления, т.е. в виде символов 1 и 0. На расположенных выше уровнях архитектуры, содержащих огромное количество вентилей, строится ядро вычислительной системы. Передача цифровых данных, т.е. физическая трансляция битового потока в виде сигналов между конечными компьютерными системами для их дальнейшей обработки осуществляется с помощью распространения электромагнитных волн или

¹⁵ Ищенко Е.П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 146–156.

¹⁶ Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика / пер. с нем.; под общ. ред. и со вступ. ст. В.Я. Колдина. М., 1985. С. 290, 291.

¹⁷ Таненбаум Э., Остин Т. Архитектура компьютера. 6-е изд. СПб., 2013.

оптических импульсов в компьютерных сетях (локальных и глобальной сети Интернет)¹⁸.

Таким образом, при подготовке, совершении и сокрытии преступлений с применением компьютерных средств и систем возникает в процессе возникновения, обработки, хранения и передачи отраженная в цифровой среде криминалистически значимая компьютерная информация о событиях или противоправных действиях. То есть любые действия с использованием компьютерных систем и их сетей оставляют цифровые следы в виде структур компьютерной информации — в оперативной памяти компьютера, на носителях информации различных типов, на линиях связи и в коммутаторах¹⁹.

Таким образом, цифровой след представляет собой криминалистически значимую компьютерную информацию о событиях или действиях, отраженную в материальной среде, в процессе ее возникновения, обработки, хранения и передачи²⁰. Цифровые следы являются следами материальными, так как, будучи оставленными в результате определенных событий, отражаются на материальных объектах, хотя в некоторых случаях период их существования весьма невелик. По происхождению цифровые следы являются технологическими, поскольку формирование данных следов обусловлено спецификой реализации информационных технологий, и для их преобразования в доступную для восприятия форму также используются информационные технологии. По механизму следобразования они могут быть отнесены к электронным либо электромагнитным в зависимости от носителя, на котором они отображены — твердотельном либо на магнитных дисках. Но возможны и механические следы — образуются в структуре материала оптического диска под воздействием лазерного луча.

Данную позицию разделяют многие авторы²¹, однако, признавая материальную природу и технологическое происхождение цифровых следов, некоторые авторы называют подобные следы

¹⁸ См.: Куроуз Д., Росс К. Компьютерные сети: нисходящий подход. 6-е изд. М., 2016.

¹⁹ См.: Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е. Р. Россинской. М., 2022. С. 44.

²⁰ См.: Россинская Е. Р., Рядовский И. А. Концепция цифровых следов в криминалистике. Аубакировские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.

²¹ См.: Багмет А. М., Бычков В. В., Скобелин С. Ю., Ильин Н. Н. Цифровые следы преступлений. М., 2021; Гаврилин Ю. В., Гастарян Г. З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий: учеб. пособие. М., 2021. С. 54, 55.

электронными или электронно-цифровыми²². Но следует поддержать В.А. Мещерякова, справедливо утверждающего, что словосочетание «электронно-цифровой» происходит из комбинации двух прилагательных «цифровой» и «электронный», что подчеркивает не только представление информации в цифровом виде, но и ее обработку, передачу и хранение с использованием электронных технологий. Однако при получающей все большее распространение передаче информации по оптическим каналам связи используются и квантовые технологии²³.

В.А. Мещеряков отмечает далее особенности процесса отражения при образовании цифровых (или, как он их называет, виртуальных²⁴) следов, указывая, что этот процесс «в искусственной специально созданной для решения конкретных задач электронно-цифровой среде происходит не напрямую, как в ситуации с традиционными материальными следами в трасологии, когда имеется непосредственное взаимодействие следообразующего и следовоспринимающего объектов, а опосредованно, через целую иерархию формализованных (математических) моделей, используемых для описания реальных физических явлений. <...> Наблюдая цифру/число (по сути, материально зафиксированную информацию/сигнал), но ничего не зная о формализованной модели, положенной в основу электронно-цифрового отражения, мы не сможем понять, как она связана с событием преступления, и, как следствие, она не может рассматриваться в качестве следа. Она так и останется материализованной информацией, закрепленной в виде изменения какого-либо свойства материального объекта — носителя этой информации. <...> Важнейшим моментом при этом является использование формализованных моделей в качестве основы искусственной среды электронно-цифрового отражения. С точки зрения криминалистики важным является тот факт, что один и тот же объект или явление может быть зафиксировано с использованием различных формализованных (математических) моделей»²⁵.

Полагаем, что цифровые следы не исключение, поскольку помимо традиционных следов-отображений в трасологии существует великое

²² См.: Основы теории электронных доказательств / под ред. С. В. Зуева. М., 2019. С. 90.

²³ См.: Мещеряков В. А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике. М., 2022.

²⁴ Наше несогласие с термином «виртуальный» было ранее обосновано в монографии «Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности» (2022) и в данном случае не является принципиально значимым.

²⁵ Мещеряков В. А. Указ. соч. С. 105, 106.

множество следов, на первый взгляд неочевидно связанных с преступлением, но при исследовании которых для нахождения их связи с событием преступления используются технологии, представляющие собой формализованные модели, причем моделирование может быть не обязательно физическим. Так, в молекулярно-генетических исследованиях, в пожарно-технических или взрывотехнических исследованиях, исследованиях различных веществ и других «один и тот же объект или явление может быть зафиксировано с использованием различных формализованных (математических) моделей». А модели являются гносеологическим отражением, как указывал В.А. Штольф, «постольку, поскольку условием их формирования, построения и использования в процессе познания являются либо физическое подобие, либо аналогия, либо изоморфизм... С фактической (технической, логической, математической стороны) любая модель представляет собой по меньшей мере образ объекта»²⁶.

К тому же компьютерное моделирование, например 3D-сканирование, уже активно используется в криминалистике при собирании традиционных следов отображений²⁷, в классической трасологии для лучшего воспроизведения признаков следообразующего объекта²⁸ и пр.

Обобщая вышеизложенное, заключаем, что предложенный в середине прошлого века К.Д. Полем для наглядного отражения взаимосвязи между местом происшествия, потерпевшим, орудием преступления и преступником принцип перекрестного переноса следов, схематически выраженный в «кресте следов», должен претерпеть изменения, которые связаны с особенностями механизма следообразования. «Крест следов» был отражением механизма следообразования исключительно в трасологии, когда большинство криминалистов не видели еще различий между дефинициями «следоведение» и «трасология». Г.Л. Грановский, Б.И. Шевченко и ряд других авторов утверждали, что объектами следоведения являются только следы-отображения²⁹. Но при этом Г.Л. Грановский дал характеристику «видам энергии или

²⁶ Штольф В.А. Моделирование и философия. М. – Л., 1966. С. 148.

²⁷ См.: Севастьянов П.В., Полов В.И., Томчик С.В. и др. Использование цифровых технологий в технико-криминалистическом обеспечении осмотров мест происшествий: практические рекомендации / П.В. Севастьянов, В.И. Полов, С.В. Томчик [и др.]. М., 2022. С. 45.

²⁸ См.: Майлес Н.П. Цифровая трасология: современное состояние и пути решения проблем // Роль права в обеспечении благополучия человека: сб. докладов XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 ч. М., 2022. Ч. 4. С. 490–494.

²⁹ См.: Грановский Г.Л. Основы трасологии. М., 1974. С. 7; Шевченко Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975. С. 11, 12.

воздействий, в результате которых образуется след», обозначив эти воздействия как физическое, химическое и биологическое. Хотя он рассматривал только чисто внешние проявления этого воздействия на следообразующий объект³⁰, уже обозначил косвенно иные механизмы следообразования, поскольку для перехода от внешних проявлений к внутренним изменениям надо сделать всего несколько шагов. Позднее И.Ф. Крылов пришел к выводу, что «ограничение содержания учения о следах лишь следами-отпечатками может повредить практике» и что учение о следах «должно включать в себя как учение собственно о следах (отображениях), так и учение об изменениях, проявляющихся на месте преступления, на жертве или на самом преступнике в результате воздействия последнего»³¹, т.е. усматривал различие между объектами следоведения и трасологии.

Полагаем, что в современном следоведении с учетом новых криминалистических технологий «крест следов» должен выглядеть так, как отражено на рис. 2.

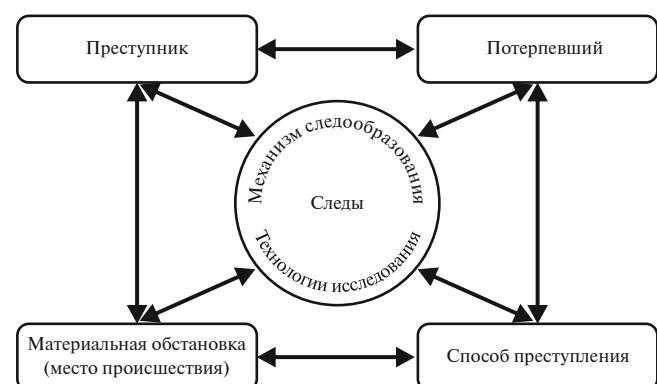

Рис. 2.

На наш взгляд, цифровые следы вписываются в схему «креста следов», поскольку таким же образом, как и остальные разновидности следов, связывают субъект со средством и местом совершения преступного посягательства на конкретный предмет, следовательно, цифровые следы могут содержать информацию обо всех элементах «креста следов».

Другим весьма актуальным направлением развития общей теории криминалистики является современная модернизация учения о способе преступления, который служит одним из важнейших

³⁰ См.: Грановский Г.Л. Указ. соч. С. 17.

³¹ Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976. С. 51.

звеньев механизма преступления³². Рассмотрим далее *модернизацию* и, как. Заметим, что, согласно классическому определению, криминалистика – это наука о закономерностях механизма преступления³³. Касаясь этого вопроса, Г.Г. Зуйков писал: «Криминалистика изучает способ совершения преступления, по существу, как содержательное явление действительности, и на основе познания закономерностей его формирования, причин и форм повторяемости разрабатывает средства, приемы и методы обнаружения, сабирания, исследования и оценки судебных доказательств»³⁴. Способ преступления, по классическому определению Г.Г. Зуйкова, «представляет собой систему объединенных единым замыслом действий преступника (преступников) по подготовке, совершению и сокрытию преступления, детерминированных объективными и субъективными факторами, действий, сопряженных с использованием соответствующих орудий и средств»³⁵. В зависимости от этого способы преступления делят на полноструктурные и неполноструктурные. Полноструктурный способ включает действия, относящиеся ко всем его элементам: подготовке, совершению и сокрытию. В тех случаях, когда преступление совершается без предварительной подготовки или когда субъект преступления не планирует действий по его сокрытию, налицо неполноструктурный способ совершения преступления³⁶. При этом способ сокрытия преступления может быть не связан со способом совершения и осуществляться иными лицами.

Криминальные структуры в полной мере приняли на вооружение современные цифровые технологии для совершения «высокотехнологичных» преступлений, новых способов совершения «традиционных» преступлений, создания систем конспирации и скрытой связи, для оказания активного противодействия правосудию³⁷. Еще в конце XX в. с началом широкого распространения компьютерных средств в социуме нами было предложено именовать «компьютерными преступлениями» преступления, совершающиеся с использованием

³² См.: Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 68.

³³ См.: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы, общие и частные теории. М., 1987. С. 26.

³⁴ Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М., 1970. С. 11, 12.

³⁵ Зуйков Г.Г. Основы криминалистического учения о способе совершения и сокрытия преступления. Гл. 3 // Криминалистика: учеб. для юрид. вузов МВД СССР / под ред. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. М., 1987. Т. 1. С. 52.

³⁶ Там же.

³⁷ См.: Саевенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности. С. 5–18.

компьютерных средств и систем³⁸. Причем дефиниция «компьютерное преступление» должна употребляться не в уголовно-правовом, а в криминалистическом аспекте, поскольку связана не с квалификацией, а именно со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования³⁹. Компьютерные преступления имеют общую родовую криминалистическую характеристику⁴⁰, одним из основных элементов которой является способ преступления.

В криминалистике формирование частных криминалистических методик осуществляется в основном по видам преступлений. Однако существуют и другие основания для обобщения методик: по субъектам преступлений; по времени совершения преступлений; по месту совершения преступлений; по личности потерпевшего.

Предпринятый нами анализ способов компьютерных преступлений⁴¹ показал, что они всегда являются полноструктурными, причем обычно комплекс мер, направленных на сокрытие следов преступления, предшествует покушению на его совершение. Но главное – одним и тем же способом, с использованием одних и тех же технологий могут совершаться как преступления в сфере компьютерной информации, так и другие виды компьютерных преступлений (мошенничество, кражи, вымогательства, создание групп смерти, организация массовых беспорядков и террористических актов, незаконный оборот наркотических средств, преступления в банковской сфере, незаконная организация азартных игр и пр.).

Например, одним из способов обеспечения анонимности действий в сети Интернет является использование цепочки прокси-серверов. VPN-технологии реализуют шифрование сетевого трафика между пользовательским компьютером и VPN-прокси-сервером – шлюзом выхода в Сеть и, таким образом, маскируется реальный IP-адрес пользователя. Для достижения более высокого уровня конспирации у провайдеров хостинговых услуг в любой стране преступниками могут быть арендованы вычислительные мощности, которые они настраивают на свои VPN-серверы или виртуальные машины.

³⁸ См.: Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 948.

³⁹ См.: там же.

⁴⁰ См.: Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов. М., 2016. С. 440–442; Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Указ. соч. С. 903–905.

⁴¹ Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 87–99.

Несанкционированный доступ к компьютерным средствам и сетям, на котором основано большинство способов компьютерных преступлений, осуществляется с помощью вредоносных программ, фактически являющихся орудиями преступлений: программы-вирусы, программы-черви и троянские программы. Большинство вредоносных программ с использованием модульной архитектуры сочетает набор видов деятельности, предоставляющий преступникам широкие возможности манипулирования информацией и поражающих даже облачные ресурсы. Причем возможно также внедрение вредоносного кода в распространяемое легальное программное обеспечение или распространение вредоносных программ в локальных сетях при применении легальных программных средств.

Вернемся теперь к проблемам криминалистической характеристики видов преступлений, поскольку она одна из главных составляющих любой криминалистической методики. Эта дефиниция в криминалистической литературе – объект постоянных дискуссий. Высказываются аргументы как за, так и против нее. Р.С. Белкин указывал, что «криминалистическая характеристика приобретает практическое значение лишь в тех случаях, когда между ее составляющими установлены корреляционные связи и зависимости, носящие закономерный характер». А пока «криминалистическая характеристика преступления, не оправдав возлагавшихся на нее надежд и ученых и практиков, изжила себя, и из реальности, которой она представлялась все эти годы, превратилась в иллюзию, в криминалистический фантом»⁴².

Криминалистическая характеристика вида преступления в литературе рассматривается многими учеными как информационная модель преступления⁴³. Е.П. Ищенко отмечал, что «под типовой информационной моделью понимается информационная система, построенная на основе статистической обработки репрезентативной выборки уголовных дел определенной категории, отражающая закономерные связи между элементами события преступления, используемая для построения типовых версий и формирования методики расследования данного вида преступлений»⁴⁴. Однако в то время реализовать концепцию

⁴² Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 220–224.

⁴³ См.: Колдин В.Я., Ищенко Е.П. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6 (269). С. 128–144; Ковалев С.А., Вехов В.Б. Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2015. С. 32–43.

⁴⁴ Ищенко Е.П. Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Информационный бюллетень № 17 по материалам Криминалистических

автоматизированной статистической обработки уголовных дел не представлялось возможным. В условиях современных тенденций перехода от заполняемых на компьютере бланков процессуальных документов к полноценному электронному уголовному делу⁴⁵ появляется реальная возможность формирования типовых информационных моделей по результатам выборки и обобщения больших массивов криминалистически значимой информации с использованием технологии больших данных (Big Data). Базируясь на этом подходе, А.А. Бессонов выступил с предложением: «создавать цифровые модели, максимально адаптированные к использованию в цифровой среде.., по сути, речь идет о цифровизации типовых криминалистических характеристик преступлений»⁴⁶.

Но, как уже указывалось выше, подготовка, совершение и сокрытие различных видов компьютерных преступлений может осуществляться одними и теми же способами. Поэтому объединение информационных моделей по видам преступлений не является результативным для компьютерных преступлений, необходимо изменить подход к отбору и систематизации криминалистически значимых признаков преступлений.

Нами была сформулирована концепция построения информационно-компьютерных криминалистических моделей компьютерных преступлений на базе теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности⁴⁷. За основу был выбран не вид преступления, а корреляционные связи между комбинациями ИТ-технологий, применяемых для осуществления компьютерных преступлений, следовой картиной в виде цифровых следов и компетенциями в информационных компьютерных технологиях преступника и потерпевшей стороны.

Информационно-компьютерные модели группируются по сложности способов реализации преступных деяний, включая используемые ИТ-технологии и корреляции с этими способами уровней компетенции преступника/преступников либо

чтений «Научная состоятельность криминалистической характеристики преступлений». М., 2002. С. 8–14.

⁴⁵ См.: Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / под ред. Л.Н. Масленниковой. М., 2024. С. 250–253.

⁴⁶ Бессонов А.А. Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 58–61.

⁴⁷ См.: Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Информационно-компьютерные криминалистические модели компьютерных преступлений как элементы криминалистических методик (на примере «кибершантажа») // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2022. № 42. С. 68–80.

преступного сообщества, предметами посягательства. Существуют также корреляционные связи между способом компьютерного преступления и уровнем ИТ-компетентности потерпевшего, например начинающий пользователь, квалифицированный пользователь, специалист в области ИТ-технологий.

Проиллюстрируем это примерами. Один из основных способов несанкционированного доступа к компьютерным системам – это фишинговые письма с вредоносными вложениями или ссылками. При открытии вложения загружается и устанавливается троянская программа⁴⁸, а при переходе по ссылке пользователь попадает на сайт с вредоносными программами⁴⁹, которые находят уязвимости в системе и загружают вредоносное ПО. Пользователям постоянно советуют не открывать вложения и не переходить по неизвестным ссылкам в электронных письмах. Использование подобных способов позволяет оценить уровень компетенции как злоумышленника, так и жертвы.

Значительно сложнее способы, где имеется модульная архитектура. Информация о компьютерной системе собирается главным модулем пользователя и направляется на управляющий сервер, который загружает на дополнительные модули, используемые для совершения преступного деяния. Таким образом могут быть атакованы как компьютеры физических лиц, так и крупные корпоративные сети, например для хищения денежных средств либо конфиденциальной информации⁵⁰. Для подготовки, совершения и сокрытия таких преступлений нужна группа или сообщество квалифицированных ИТ-специалистов. Потерпевшая сторона – это обычно опытные пользователи или системные администраторы.

* * *

В заключение заметим, что развитие общей теории криминалистики на этапе научно-технической революции обеспечивает системный комплексный подход к совершенствованию криминалистической техники, тактики и методики расследования преступлений.

⁴⁸ См.: *Bert Rankin*. How Malware Works – Malicious Strategies and Tactics. URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (дата обращения: 02.11.2021).

⁴⁹ См.: *Custer B.H.M., Pool R.L.D., Cornelisse R.* Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology. 2019. No. 16 (6). Pp. 728–745.

⁵⁰ См.: *Левцов В.* Анатомия таргетированной атаки. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/> (дата обращения: 05.11.2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аверьянова Т.В., Белкин Р.С., Корухов Ю.Г., Россинская Е.Р. Криминалистика. 4-е изд. перераб. и доп. М., 2013. С. 36, 903–905.
2. Багмет А.М., Бычков В.В., Скобелин С.Ю., Ильин Н.Н. Цифровые следы преступлений. М., 2021.
3. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы, общие и частные теории. М., 1987. С. 26.
4. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., 2001. С. 220–224.
5. Белкин Р.С. Курс криминалистики. 3-е изд., доп. М., 2001. С. 68.
6. Бессонов А.А. Цифровая криминалистическая модель преступления как основа противодействия киберпреступности // Академическая мысль. 2020. № 4 (13). С. 58–61.
7. Вехов В.Б. Электронная криминалистика: понятие и система // Криминалистика: актуальные вопросы теории и практики: сб. тр. участников Междунар. науч.-практ. конф. Ростов н/Д., 2017. С. 40–46.
8. Гаврилин Ю.В., Гаспарян Г.З. Расследование хищений денежных средств, совершенных с использованием информационных банковских технологий: учеб. пособие. М., 2021. С. 54, 55.
9. Голубятников С.П. Экономическая криминалистика: фантом или реальность // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2017. № 4 (40). С. 118–121.
10. Грановский Г.Л. Основы трасологии. М., 1974. С. 7, 17.
11. Грачев М.А., Грачев А.М. Современные проблемы лингвокриминалистики как науки // Вестник Череповецкого гос. ун-та. 2015. № 1. С. 26–29.
12. Зуйков Г.Г. Основы криминалистического учения о способе совершения и сокрытия преступления. Гл. 3 // Криминалистика: учеб. для юрид. вузов МВД СССР / под ред. Р.С. Белкина, В.П. Лаврова, И.М. Лузгина. М., 1987. Т. 1. С. 52.
13. Зуйков Г.Г. Установление способа совершения преступления. М., 1970. С. 11, 12.
14. Ищенко Е.П. Как наполнить фантом криминалистической характеристики преступлений реальным содержанием // Информационный бюллетень № 17 по материалам Криминалистических чтений «Научнаясостоятельность криминалистической характеристики преступлений». М., 2002. С. 8–14.
15. Ищенко Е.П. Криминалистика: учеб. 3-е изд., испр. и доп. М., 2011. С. 4.
16. Ищенко Е.П. Общий взгляд на криминалистическое следоведение // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 3 (90). С. 146–156.
17. Ковалев С.А., Вехов В.Б. Основы компьютерного моделирования при расследовании преступлений в сфере компьютерной информации. М., 2015. С. 32–43.
18. Колдин В.Я., Ищенко Е.П. Типовая информационная модель преступления как основа методики расследования // Правоведение. 2006. № 6 (269). С. 128–144.

19. Концепция построения уголовного судопроизводства, обеспечивающего доступ к правосудию в условиях развития цифровых технологий / под ред. Л.Н. Масленниковой. М., 2024. С. 250–253.
20. Криминалистика: учеб. / Л.Я. Драпкин, В.Н. Карагодин. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 10.
21. Криминалистика: учеб. / под ред. Д.И. Сулейманова. 2-е изд., перераб. и доп. Баку, 2008. С. 62.
22. Криминалистика: учеб. для вузов / под ред. Р.С. Белкина. М., 1999. С. 948.
23. Крылов И.Ф. Криминалистическое учение о следах. Л., 1976. С. 51.
24. Куроуз Д., Росс К. Компьютерные сети: нисходящий подход. 6-е изд. М., 2016.
25. Левцов В. Анатомия таргетированной атаки. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/> (дата обращения: 05.11.2021).
26. Майлис Н.П. Трасология и трасологическая экспертиза: курс лекций М., 2015. С. 12.
27. Майлис Н.П. Цифровая трасология: современное состояние и пути решения проблем // Роль права в обеспечении благополучия человека: сб. докладов XXII Междунар. науч.-практ. конф.: в 5 ч. М., 2022. Ч. 4. С. 490–494.
28. Мещеряков В.А. Теоретические основы механизма следообразования в цифровой криминалистике. М., 2022. С. 105, 106.
29. Основы теории электронных доказательств / под ред. С.В. Зуева. М., 2019. С. 90.
30. Поль К.Д. Естественно-научная криминалистика / пер. с нем.; под общ. ред. и со вступ. ст. В.Я. Колдина. М., 1985. С. 290, 291.
31. Порубов Н.И., Грамович Г.И., Порубов А.Н. Криминалистика: учеб. пособие / под ред. Н.И. Порубова. Минск, 2007. С. 6.
32. Россинская Е.Р. Криминалистика: учеб. для вузов. М., 2016. С. 440–442.
33. Россинская Е.Р. Ревизия определения предмета криминалистики: за и против // Библиотека криминалиста. 2012. № 4. С. 328–335.
34. Россинская Е.Р. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности: концепция, система, основные закономерности // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 2 (89). С. 193–202.
35. Россинская Е.Р., Гинзбург А.Я., Оганов Н.И., Бегалиев Е.Н. Криминалистика негіздеі. Алматы, 2007. С. 18 (на казах. яз.).
36. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Концепция цифровых следов в криминалистике. Аубакировские чтения: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (19 февраля 2019 г.). Алматы, 2019. С. 6–9.
37. Россинская Е.Р., Рядовский И.А. Современные способы компьютерных преступлений и закономерности их реализации // Lex russica. 2019. № 3 (148). С. 87–99.
38. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Информационно-компьютерные криминалистические модели компьютерных преступлений как элементы криминалистиче- ских методик (на примере «кибершантажа») // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2022. № 42. С. 68–80.
39. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Основы учения о криминалистическом исследовании компьютерных средств и систем как часть теории информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности // Вестник СПбУ. Право. 2020. Т. 11. Вып. 3. С. 745–759.
40. Савенков А.Н. Противодействие киберпреступности в финансово-кредитной сфере как вектор обеспечения глобальной безопасности // Государство и право. 2017. № 10. С. 5–18.
41. Савенков А.Н., Россинская Е.Р. Вектор инновационного развития криминалистической науки в условиях глобальной цифровизации // Государство и право. 2023. № 5. С. 100–110.
42. Севастьянов П.В., Полов В.И., Томчик С.В. и др. Использование цифровых технологий в технико-криминалистическом обеспечении осмотров мест происшествий: практические рекомендации. М., 2022. С. 45.
43. Таненбаум Э., Остин Т. Архитектура компьютера. 6-е изд. СПб., 2013.
44. Теория информационно-компьютерного обеспечения криминалистической деятельности / под ред. Е.Р. Россинской. М., 2022. С. 44.
45. Федосюткин Б.А. Медицинская криминалистика: руководство. Ростов н/Д., 2006. С. 34, 35.
46. Цифровая криминалистика: учеб. для вузов / под ред. В.Б. Вехова, С.В. Зуева. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2024. С. 16–18.
47. Шевченко Б.И. Теоретические основы трасологической идентификации в криминалистике. М., 1975. С. 11, 12.
48. Штрафф В.А. Моделирование и философия. М. – Л., 1966. С. 148.
49. Эксархопуло А.А. Криминалистика: учеб. СПб., 2009. С. 13, 14.
50. Bert Rankin. How Malware Works – Malicious Strategies and Tactics. URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (дата обращения: 02.11.2021).
51. Custer B.H.M., Pool R.L.D., Cornelisse R. Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology. 2019. No. 16 (6). Pp. 728–745.

REFERENCES

1. Averyanova T.V., Belkin R.S., Korukhov Yu. G., Rossinskaya E.R. Criminalistics. 4th ed. rev. and add. M., 2013. Pp. 36, 903–905 (in Russ.).
2. Bagmet A.M., Bychkov V.V., Skobelin S. Yu., Ilyin N.N. Digital blind crimes. M., 2021 (in Russ.).
3. Belkin R.S. Criminalistics: problems, trends, prospects, general and particular theories. M., 1987. P. 26 (in Russ.).
4. Belkin R.S. Criminalistics: problems of today. Topical issues of Russian criminology. M., 2001. Pp. 220–224 (in Russ.).

5. *Belkin R.S.* Course of criminology. 3rd ed., supplement. M., 2001. P. 68 (in Russ.).
6. *Bessonov A.A.* Digital criminalistic crime model as a basis for countering cybercrime // Academic thought. 2020. No. 4 (13). Pp. 58–61 (in Russ.).
7. *Vekhov V.B.* Electronic criminalistics: concept and system. // Criminalistics: topical issues of theory and practice: collection of tr. participants of the International Scientific and Practical Conference. Rostov-on-Don, 2017. Pp. 40–46 (in Russ.).
8. *Gavrilin Yu. V., Gasparyan G. Z.* Investigation of embezzlement of funds committed using information banking technologies: textbook. M., 2021. Pp. 54, 55 (in Russ.).
9. *Golubyatnikov S.P.* Economic criminalistics: a phantom or reality // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2017. No. 4 (40). Pp. 118–121 (in Russ.).
10. *Granovsky G. L.* Fundamentals of tracology. M., 1974. Pp. 7, 17 (in Russ.).
11. *Grachev M.A., Grachev A. M.* Modern problems of linguocriminalism as a science // Herald of Cherepovets State University. 2015. No. 1. Pp. 26–29 (in Russ.).
12. *Zuikov G. G.* Fundamentals of criminalistic teaching on the method of committing and concealing a crime. Chapter 3 // Criminalistics: textbook for law universities of the Ministry of Internal Affairs of the USSR / ed. by R.S. Belkin, V.P. Lavrov, I.M. Luzgin. M., 1987. Vol. 1. P. 52 (in Russ.).
13. *Zuikov G.G.* Establishing the method of committing a crime. M., 1970. Pp. 11, 12 (in Russ.).
14. *Ishchenko E.P.* How to fill the phantom of the criminalistic characteristics of crimes with real content // Newsletter No. 17 based on the materials of Criminalistic readings "Scientific consistency of the criminalistic characteristics of crimes". M., 2002. Pp. 8–14 (in Russ.).
15. *Ishchenko E.P.* Criminalistics: textbook. 3rd ed., rev. and add. M., 2011. P. 4 (in Russ.).
16. *Ishchenko E.P.* A general view on forensic investigation // Herald of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 3 (90). Pp. 146–156 (in Russ.).
17. *Kovalev S.A., Vekhov V.B.* Fundamentals of computer modeling in the investigation of crimes in the field of computer information. M., 2015. Pp. 32–43 (in Russ.).
18. *Koldin V. Ya., Ishchenko E.P.* Typical information model of crime as the basis of investigation methodology // Jurisprudence. 2006. No. 6 (269). Pp. 128–144 (in Russ.).
19. The concept of building criminal proceedings providing access to justice in the context of the development of digital technologies / ed. by L.N. Maslennikova. M., 2024. Pp. 250–253 (in Russ.).
20. Criminalistics: studies / L. Ya. Drapkin, V.N. Karagodin. 2nd ed., reprint and add. M., 2011. P. 10 (in Russ.).
21. Criminalistics: textbook / ed. by D.I. Suleymanov. 2nd ed., rev. and add. Baku, 2008. P. 62 (in Russ.).
22. Criminalistics: textbook for universities / ed. by R.S. Belkin. M., 1999. P. 948 (in Russ.).
23. *Krylov I.F.* Criminalistic doctrine of traces. L., 1976. P. 51 (in Russ.).
24. *Kurouz D., Ross K.* Computer networks: a top-down approach. 6th ed. M., 2016 (in Russ.).
25. *Levtsov V.* Anatomy of a targeted attack. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/targeted-attack-anatomy/4388/> (accessed: 05.11.2021) (in Russ.).
26. *Mailis N.P.* Tracology and tracological expertise: a course of lectures. M., 2015. P. 12 (in Russ.).
27. *Mailis N.P.* Digital tracology: the current state and ways to solve problems // The role of law in ensuring human well-being: collection of reports XXII International Scientific and Practical Conference: in 5 parts. M., 2022. Part 4. Pp. 490–494 (in Russ.).
28. *Meshcheryakov V.A.* Theoretical foundations the mechanism of trace formation in digital criminalistics. M., 2022. Pp. 105, 106 (in Russ.).
29. Fundamentals of the theory of electronic evidence / ed. by S.V. Zuev. M., 2019. P. 90 (in Russ.).
30. *Paul K.D.* Natural Science criminalistics / transl. from German; under the general ed. and with an introduction by V. Ya. Koldin. M., 1985. Pp. 290, 291 (in Russ.).
31. *Porubov N.I., Gramovich G.I., Porubov A.N.* Criminalistics: textbook / ed. by N.I. Porubov. Minsk, 2007. P. 6 (in Russ.).
32. *Rossinskaya E.R.* Criminalistics: textbook for universities. M., 2016. Pp. 440–442 (in Russ.).
33. *Rossinskaya E.R.* Revision of the definition of the subject of criminalistics: pros and cons // Library of criminalist. 2012. No. 4. Pp. 328–335 (in Russ.).
34. *Rossinskaya E.R.* Theory of information and computer support for forensic activities: concept, system, basic patterns // Herald of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2019. No. 2 (89). Pp. 193–202 (in Russ.).
35. *Rossinskaya E.R., Ginzburg A. Ya., Oganov N. I., Begaliev E.N.* Criminalistics of negizdei. Almaty, 2007. P. 18 (in Kazakh.).
36. *Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A.* The concept of digital traces in criminology. Aubakirov readings: materials of the International Scientific and Practical Conference (February 19, 2019). Almaty, 2019. Pp. 6–9 (in Russ.).
37. *Rossinskaya E.R., Ryadovsky I.A.* Modern methods of computer crimes and patterns of their implementation // Lex russica. 2019. No. 3 (148). Pp. 87–99 (in Russ.).
38. *Rossinskaya E.R., Semikalenova A. I.* Information and computer criminalistic models of computer crimes as elements of criminalistic techniques (on the example of "cybershantage") // Herald of the Tomsk State University. Law. 2022. No. 42. Pp. 68–80 (in Russ.).
39. *Rossinskaya E.R., Semikalenova A. I.* Fundamentals of the doctrine of forensic research of computer tools and systems as part of the theory of information and computer support for forensic activities // Herald of the SPbU. Law. 2020. Vol. 11. Iss. 3. Pp. 745–759 (in Russ.).
40. *Savenkov A.N.* Countering cybercrime in the financial and credit sphere as a vector of ensuring global security // State and Law. 2017. No. 10. Pp. 5–18 (in Russ.).

41. *Savenkov A.N., Rossinskaya E.R.* Vector of innovative development of forensic science in the context of global digitalization // State and Law. 2023. No. 5. Pp. 100–110 (in Russ.).
42. *Sevastyanov P.V., Polov V.I., Tomchik S.V. et al.* The use of digital technologies in the technical and forensic support of inspections of accident sites: practical recommendations. M., 2022. P. 45 (in Russ.).
43. *Tanenbaum E., Ostin T.* Computer architecture. 6th ed. SPb., 2013 (in Russ.).
44. Theory of information and computer support for forensic activities / ed. by E.R. Rossinskaya. M., 2022. P. 44 (in Russ.).
45. *Fedosyutkin B.A.* Medical criminalistics: a guide. Rostov-on-Don, 2006. Pp. 34, 35 (in Russ.).
46. Digital criminalistics: textbook for universities / ed. by V.B. Vekhov, S.V. Zuev. 2nd ed., rev. and add. M., 2024. Pp. 16–18 (in Russ.).
47. *Shevchenko B.I.* Theoretical foundations of tracological identification in criminology. M., 1975. Pp. 11, 12 (in Russ.).
48. *Shtoff V.A.* Modeling and philosophy. M. – L., 1966. P. 148 (in Russ.).
49. *Exarchopulo A.A.* Criminalistics: textbook. SPb., 2009. Pp. 13, 14 (in Russ.).
50. *Bert Rankin.* How Malware Works – Malicious Strategies and Tactics. URL: <https://www.lastline.com/blog/how-malware-works-malicious-strategies-and-tactics> (accessed: 02.11.2021).
51. *Custer B.H.M., Pool R.L.D., Cornelisse R.* Banking malware and the laundering of its profits // European Journal of Criminology. 2019. No. 16 (6). Pp. 728–745.

Сведения об авторах

САВЕНКОВ Александр Николаевич –
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист РФ,
директор Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

РОССИНСКАЯ Елена Рафаиловна –
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ,
почетный работник высшего
профессионального
образования РФ,
заведующая кафедрой судебных экспертиз,
научный руководитель
Института судебных экспертиз
Московского государственного юридического
университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА);
125993 г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9

Authors' information

SAVENKOV Alexander N. –
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Doctor of Law, Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation,
Director of the Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ROSSINSKAYA Elena R. –
Doctor of Law, Professor,
Honored Scientist of the Russian Federation,
Honorary Worker of Higher Professional Education
of the Russian Federation, Head of the Forensic
Expertise Department, Scientific Supervisor
of the Forensic Expertise Institute at Kutafin
Moscow State Law University (MSAL);
9 Sadovaya-Kudrinskaya str.,
125993 Moscow, Russia

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВООТНОШЕНИЕ:
ВРЕМЯ И ПОЛИТИКА МЕНЯЮТ ПОДХОДЫ
К ПОНИМАНИЮ И СУЩНОСТИ
(ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ДОГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ)

© 2024 г. М. Н. Кобзарь-Фролова*, А. А. Гришковец**

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: adminlaw@igpran.ru

**E-mail: grishkovec65@mail.ru

Поступила в редакцию 27.08.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена исследованию историографических и догматических аспектов теории административного правоотношения. На основе положений отечественной теории права рассмотрены проблемы становления и развития теории административного правового отношения, показано ее состояние, выявлены закономерности влияния историографической модели политico-правовых знаний об административно-правовом отношении на концептуализацию форм и средств современной системы административно-правового регулирования. Впервые комплексно проанализированы правовые школы и вклад их основателей и последователей в науку административного права, показаны сходства и отличия в подходах к созданию учения об административном правоотношении. Обосновано выделение трех ведущих научных школ: академической научной школы административного права, представители которой, исходя из их научного наследия, внесли огромный вклад в теорию административных правоотношений; московской и ленинградской научных школ администривного права. Проведенное исследование позволило выявить и определить историографические и догматические закономерности влияния разработанных моделей (школ) на формирование политico-правовых знаний о взаимосвязях между государством и обществом и дать авторское понятие объекта административно-правовых отношений с учетом реалий современной политики государства. Полученные в настоящей работе новые знания являются важным источником для проведения дальнейших исследований в данной области. Они обогащают представления о формах и средствах правового регулирования отношений в публично-правовой сфере, могут быть использованы для подготовки учебников и учебных пособий, а также чтения лекций в образовательных учреждениях юридического профиля и на юридических факультетах университетов.

Ключевые слова: правоотношение, административное правоотношение, государственное управление, наука административного права, историографическая модель, догматические аспекты, политico-правовые знания, система административно-правового регулирования, научные школы административного права, академическая школа.

Цитирование: Кобзарь-Фролова М.Н., Гришковец А.А. Административное правоотношение: время и политика меняют подходы к пониманию и сущности (историографические и догматические аспекты) // Государство и право. 2024. № 10. С. 169–182.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100156

ADMINISTRATIVE LEGAL RELATIONSHIP: TIME AND POLITICS CHANGE APPROACHES TO UNDERSTANDING AND ESSENCE (HISTORIOGRAPHIC AND DOGMATIC ASPECTS)

© 2024 M. N. Kobzar-Frolova*, A. A. Grishkovets**

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: adminlaw@igpran.ru

**E-mail: grishkovecz65@mail.ru

Received 27.08.2024

Abstract. The article is devoted to the study of historiographic and dogmatic aspects of the theory of administrative legal relations. Based on the provisions of the domestic theory of law examines the problems of the formation and development of the theory of administrative legal relations, shows its current state, reveals the patterns of influence of the historiographic model of political and legal knowledge about administrative legal relations on the conceptualization of forms and means of the modern system of administrative and legal regulation. For the first time, it comprehensively analyzes legal schools and the contribution of their founders and followers to the science of Administrative Law, shows the similarities and differences in approaches to the creation of the doctrine of administrative legal relations. It is justified to highlight three leading scientific schools: the academic scientific school of Administrative Law, whose representatives, based on their scientific heritage, made a huge contribution to the theory of administrative legal relations; Moscow and Leningrad scientific schools of Administrative Law. The conducted research allowed to identify and define historiographic and dogmatic patterns of influence of the developed models (schools) on formation of political and legal knowledge about the relationship between the state and society and to give the author's concept of the object of administrative and legal relations, taking into account the realities of modern state policy. The new knowledge obtained in this work is an important source for further research in this area. They enrich the ideas about the forms and means of legal regulation of relations in the public law sphere, can be used for preparation of textbooks and teaching aids, as well as for lecturing in educational institutions of the legal profile and at law faculties of universities.

Key words: legal relationship, administrative legal relationship, public administration, science of Administrative Law, historiographic model, dogmatic aspects, political and legal knowledge, system of administrative and legal regulation, scientific schools of Administrative Law, academic school.

For citation: Kobzar-Frolova, M.N., Grishkovets, A.A. (2024). Administrative legal relationship: time and politics change approaches to understanding and essence (historiographic and dogmatic aspects) // Государство и право=State and Law, No. 10, pp. 169–182.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Исследование *историографических и доктринальных аспектов административного правоотношения* имеет важное значение для получения теоретических и политico-правовых знаний, а также дальнейшего развития и совершенствования отраслевых юридических наук. Данные знания послужат целям уяснения предмета и назначения науки административного права, определения элементного состава административного правоотношения, познания сути публично-правовых отношений, выявления закономерностей влияния историографической модели политico-правовых знаний об административно-правовом отношении на концептуализацию форм и средств современной системы административно-правового регулирования.

Административное правоотношение – один из видов системы юридических отношений. В силу чего данный вид отношений обладает как общими чертами, свойственными любому правоотношению, так и специфическими, обусловленными отраслевыми особенностями предмета административного права. В зависимости от того, какую роль в данный исторический отрезок времени государство и его институты играют в жизни общества, какое влияние оказывает внешняя структура многополярного мира, как выстраиваются отношения личности, общества, претерпевают изменения и эволюционируют и административные правоотношения. Проследить эту эволюцию, выявить закономерности влияния внешних и внутренних факторов, спрогнозировать направления дальнейшего развития политico-правовых знаний – крупная научная проблема, решение которой позволит сформировать качественно новую архитектуру публично-правовой модели правоотношений в обществе, концептуально и гармонично развивать административное законодательство, совершенствовать формы и средства правового регулирования и заметно обогатить доктрину административного права.

Понятие правоотношения: основополагающие доктрины

В обществе существует множество различных отношений – экономических, политических, юридических, моральных, духовных, культурных и др. Собственно, само человеческое общество есть совокупность отношений, продукт взаимодействия людей¹. Особое место среди общественных отношений занимают отношения юридические, или правоотношения. Особенность их в том, что они, так или иначе, санкционированы государством и исходят от него. При этом право регулирует лишь те общественные отношения, которые наиболее значимы для интересов личности, общества, государства. В быстро меняющейся архитектуре многополярного мира объем общественных отношений поистине огромен, а сами они разнообразны по содержанию. Институциональные преобразования в обществе, влияние внешних и внутренних факторов, политico-правовых, историографических и доктринальных аспектов, неизбежно приводят к усложнению правового регулирования, которое в ряде случаев отстает от общественных потребностей. Например, не в полной мере урегулированы вопросы проведения публичных и непубличных мероприятий, нет юридического определения понятий «публичное место», «публичное высказывание», а понятие «юридическое лицо публичного права» не имеет под собой какой-либо правовой основы.

¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М., 2009. С. 372.

Учитывая особую значимость вопроса о понимании сущности административно-правовых отношений, о юридических связях между их участниками, в отечественной юридической науке теории данных отношений традиционно уделялось и продолжает уделяться существенное внимание.

Основоположниками теории правоотношений в России принято считать таких разносторонних по сфере своих интересов дореволюционных ученых-юристов, как Н.М. Коркунов², А.А. Рождественский³, Г.Ф. Шершеневич⁴. Теория правоотношений получила успешное развитие в трудах советских правоведов. Весомый вклад в развитие данной теории внесли видные отечественные ученые-юристы С.С. Алексеев⁵, О.С. Иоффе⁶ и др. Нынешние правоведы, продолжили исследования предшественников уже в условиях новых экономических, политических и правовых реалий. Здесь заслуживают внимания монографии Е.Б. Лупарева⁷, П.П. Серкова⁸ и др.

Любое правоотношение – это общественно значимый институт, который сосредоточил в себе определенную группу взаимосвязанных норм. В нормах закреплены процедуры и связи, возникающие между людьми (участниками), как результат их совместного взаимодействия. Взаимные отношения людей, которые совершаются на почве и в пределах юридических норм, называются юридическими, писал А.А. Рождественский⁹. По Коркунову, любое юридическое отношение – то же житейское, бытовое, только оно регулируется юридической нормой¹⁰. С.С. Алексеев отождествлял правоотношение с возникающей на основе права индивидуализированной общественной связью между лицами, которая характеризуется наличием субъективных юридических прав и обязанностей и поддерживается (гарантируется) принудительной силой государства¹¹.

Проведенное историографическое исследование, опинаясь на общие доктрины теории права, дает основание заключить, что общественное отношение становится правовым тогда и только тогда, когда порядок действий каждого из участников юридически регламентирован. Роль правовой нормы в правоотношении исключительно велика. Г.Ф. Шершеневич, рассуждая о значении публично-правовой нормы, приводил доказательства того, что посредством юридической нормы одно лицо принуждает другое к такому поведению, которое будет соответствовать его интересу¹². Только юридическая норма наделяет участников субъективными правами и обязанностями. У каждой

² См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб., 1909.

³ См.: Рождественский А.А. Основы общей теории права. Курс лекций, чит. на Высш. жен. юрид. курсах в Москве. М., 1912.

⁴ См.: Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. М., 1910. Вып. 1, 2.

⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2.

⁶ См.: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949.

⁷ См.: Административное право: в 10 т. Т. 2: Административные правоотношения / Е.Б. Лупарев. М., 2013.

⁸ См.: Серков П.П. Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: в 3 ч. М., 2018; Его же. Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М., 2020.

⁹ См.: Рождественский А.А. Указ. соч. С. 91.

¹⁰ См.: Коркунов Н.М. Указ. соч. С. 137.

¹¹ См.: Алексеев С.С. Указ. соч. С. 82.

¹² См.: Шершеневич Г.Ф. Указ. соч. С. 570.

из сторон они возникают в момент вступления во взаимоотношения (одновременно), ни до, ни после. В то же время юридическое отношение не возникает без субъективного права, которое является мерой дозволенного поведения у правомоченной стороны.

Исследование историографических и доктринальных аспектов познаваемой области позволило сделать второе заключение о том, что само по себе правовое регулирование не приводит к возникновению правоотношений. Правовая норма придает им лишь юридическую форму, устанавливает правила (порядок) действий участников, правила их взаимодействия и пр. Для возникновения же правоотношения нужна как минимум воля хотя бы одного из участников, направленная на взаимодействие с другим участником. Вместе с тем только то общественное отношение, которое урегулировано правовой нормой, становится правоотношением. Давая характеристику правоотношению, А. Б. Венгеров замечает: это – результат действия, реализация субъективного права, основанного на юридической норме. То есть это право в действии, это итог превращения абстрактного правила в конкретное действие индивида или коллектива людей¹³.

Следует сказать, что в правовые связи могут вступать только два и большее количество субъектов. Это всегда двусторонняя связь. О. С. Иоффе указывал, что правоотношение – это вид, форма, в которую облекаются урегулированные правом общественные отношения¹⁴. Рассуждая о различных видах отношений людей, Г. Ф. Шершеневич утверждал, что юридическим может быть признано только отношение человека к другому человеку¹⁵. Ученый особо предупреждал исследователей: будет большой ошибкой при ограничении административного правоотношения от гражданского за критерий принимать лишь их нормативное регулирование. И административное, и гражданское правовые отношения регулируются государством. Государство устанавливает порядок вступления в эти отношения, течение отношений и порядок их прекращения. По мнению Г. Ф. Шершеневича, за критерий отраслевых разграничений могут быть приняты предмет и метод правового регулирования рассматриваемых видов правовых отношений.

Всякое правоотношение как юридическое явление имеет ряд характерных признаков. Как представляется, их достаточно точно выразил в середине XX в. О. С. Иоффе. Всякое правовое отношение: 1) существует между конкретными лицами; 2) закрепляет взаимное поведение его участников; 3) регулируется нормами права, установленными или санкционированными государством; 4) обеспечивается силой государственного принуждения¹⁶.

Историография и доктрина зарождения и становления отечественной теории административных правоотношений

Как известно, наука административного права в Российской Империи формировалась на основе науки полицейского права. Пожалуй, первый из русских ученых-юристов, кто обратил на это внимание и дал этому объяснение, был И. Т. Тарасов. По своей сущности, исторически

¹³ См.: Венгеров А. Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. 3-е изд. М., 1999. С. 391.

¹⁴ См.: Иоффе О. С. Избр. труды по гражданскому праву. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М., 2000. С. 665.

¹⁵ См.: Шершеневич Г. Ф. Указ. соч. Вып. 2. Т. 2. С. 168.

¹⁶ См.: Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. С. 17, 18.

и генетически, наука административного права есть не что иное, как следующая ступень развития науки полицейского права¹⁷. При этом он особо подчеркивал: совместное существование наук административного права и полицейского права невозможно, ибо в понятие административного права входит также понятие о полицейском праве, т.е. некая часть поглощается целым¹⁸. В 1896 г. И. Т. Тарасов констатировал, что «в русской литературе нет ни одного цельного исследования науки административного права, но есть довольно много исследований отдельных частей этой науки»¹⁹. Не ставя под сомнение мнение ученого, думается, все же есть достаточные основания полагать, что первые теоретико-правовые представления об административно-правовом отношении были сформулированы на рубеже XIX–XX вв. В частности, в 1898 г. Э. Н. Берендтс включал юридические отношения, которые возникают благодаря управлению государственному, в число явлений, которые исследует наука административного права²⁰. А сравнивая юридические нормы, регулирующие вопросы управления, с соответствующими отношениями, ученый отметил их сложный состав²¹.

Фактически первым, кто специально и обстоятельно исследовал административные правоотношения и таким образом заложил основы их теории, был А. И. Елистратов. Именно он проделал завершающую работу по переходу от науки о полиции к науке административного права. Наиболее весомые доводы А. И. Елистратов изложил в монографии 1914 г. и несколько позднее, в 1917 г., дополнил их. «Административное право задается целью упорядочить отношения между людьми в области государственного управления». По мнению ученого, наука административного права есть совокупность знаний, учений о правовых отношениях в области государственного управления²². Можно определенно сказать, отмечает К. С. Бельский, что учение о правоотношении в области государственного управления – краеугольный камень в теории, созданной проф. Елистратовым: «с ним он дебютирует в науке, его разрабатывает..., с ним начнутся хождения по мукам в советское время»²³.

Признавая административно-правовые отношения публично-правовыми, в 1914 г. А. И. Елистратов выводит понятие и дает характеристику последним²⁴. Во втором издании 1917 г. он внесет уточнение: наука административного права призвана изучать правовые отношения, которые возникают в сфере государственного управления. Данный вид правоотношений устанавливается только между людьми – между правящей властью и гражданами. Отношение, неурегулированное правом, будет не правоотношением,

¹⁷ См.: Тарасов И. Т. Краткий очерк науки административного права. Конспект лекций. Ярославль, 1888. Т. 1. С. 11.

¹⁸ См.: там же. С. 3.

¹⁹ Тарасов Н. Т. Очерк науки полицейского права. М., 1897. С. 38.

²⁰ См.: Берендтс Э. Н. Опыт системы административного права. Т. 1. Обзор истории административного права и истории его литературы. Ярославль, 1898. Вып. 1. С. 1–9.

²¹ См.: там же. С. 16.

²² См.: Елистратов А. И. Основные начала административного права. М., 1914. С. 1–9.

²³ Бельский К. С. Административное и финансовое право в портретных зарисовках. Пенза, 2021. С. 189.

²⁴ См.: Елистратов А. И. Указ. соч. С. 85–87, 157–159.

а властеотношением, отношением, где одна сторона находится в зависимости²⁵.

А.И. Елистратов рассмотрел и выделил среди прочих юридически повелительные публичные правоотношения и юридически предоставительные (восполнительные) отношения. Первые (*jus cogens*), точно определяя содержание правового отношения, не оставляют участникам возможностей для самостоятельного избрания действий. Вторые, напротив, создают условия для некоторой свободы в выборе своих действий, а потому могут быть отнесены к правовым отношениям диспозитивного характера. Однако то, в чем власть видит благо, может не совпадать с интересами граждан²⁶, и в этом есть проблема публично-правового регулирования.

Наконец, ученый высказал весьма либеральную для того времени мысль — среди публичных прав граждан первое место занимает право личной свободы. В основе публичных прав лежит момент служения общественному интересу. Среди других элементов субъективных публичных прав А.И. Елистратов называет: вещные и обязательственные права и права политические. Объектом публичного права выступает все, что может служить средством к осуществлению публичных, общественных интересов: 1) собственные силы человека; 2) вещи; 3) действия других людей²⁷.

Есть достаточные основания полагать, что именно А.И. Елистратова можно признать основателем отечественной теории административного правоотношения²⁸. В дальнейшем его идеи послужили своеобразной «питательной средой» для развития этой теории советскими административистами, пусть и в принципиально иных социально-правовых условиях советской действительности, при безраздельном господстве марксистско-ленинской идеологии. Идеи ученого развивались и обогащались в трудах И.И. Евтихиева, Ю.М. Козлова, Г.И. Петрова, С.С. Студеникина. Во многом на их основе впоследствии сложились отечественные научные теории административных правоотношений. Думается, именно А.И. Елистратов может быть признан основоположником московской школы административного права.

Динамика развития теории административных правоотношений в ранний советский период

В 20–40-е годы XX столетия наука административного права развивались слабо. Это объясняется несколькими обстоятельствами. Прежде всего: 1) не было опоры — теория советского государственного права, с которой тесно связана теория административного права, серьезно тормозила развитие отраслевых наук; 2) в годы революции и сразу после ее свершения ученые, не принявшие советскую идеологию, покинули страну, а годы разрухи не позволяли сформироваться новой когорте ученых, способных развивать науку в сложившихся условиях; 3) в силу политических репрессий, внесудебной расправы за исследования в области административного права отдельные ученые не только подвергались гонениям, но и вынуждены были надолго покинуть университеты и на время даже прекратить заниматься

²⁵ См.: Елистратов А.И. Основные начала административного права. 2-е изд., испр. и доп. М., 1917. С. 68.

²⁶ См.: там же. С. 69.

²⁷ См.: там же. С. 128, 129.

²⁸ См.: Кобзарь-Фролова М.Н. А.И. Елистратов о предмете науки административного права и соотношении с родственными науками // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 372–386.

наукой вообще; 4) длительное время административисты придерживались устоявшейся и популярной в послереволюционные годы управленческой теории, разработанной непосредственно В.И. Лениным²⁹. Вместе с тем В.И. Ленин, разрабатывая указанную теорию развития Советского государства, подчеркивал, что она имеет определенные временные рамки и необходима на время упорядочения отношений в период разрухи, неразберихи, а часто и беззакония³⁰; 5) на рубеже XX–XXI вв. ученые взялись за развитие отраслевых наук (финансовое, таможенное, земельное), что неизменно повлекло «растаскивание» административно-правовых норм по отраслям³¹.

В конце 20–30-х годов лишь отдельные ученые брали на себя смелость проводить исследования в области административного права (С.М. Берцинский³², А.И. Елистратов³³, В.Л. Кобалевский³⁴ и некоторые другие). В 40-е годы административные правовые отношения предметно изучали, но выпускали научные работы не многие ученые. Наиболее известные работы, имеющие существенное значение для науки, были выпущены С.М. Берцинским³⁵, а также Г.И. Петровым³⁶ и С.С. Студеникиным³⁷. Уместно отметить: именно этих административистов впоследствии называли ни много ни мало «отцами-основателями» современной российской науки административного права³⁸. Исследование правоотношений строилось и отталкивалось главным образом от сути и содержания предмета советского административного права.

Так, Г.И. Петров, полемизируя по вопросам развития административного права с С.М. Берцинским и С.С. Студеникиным, предложил определение советского социалистического административного права, охватывающее, по его мнению, все стороны общественных отношений, регулируемых этой отраслью. В его интерпретации советское социалистическое административное право есть система правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе государственного управления, т.е. исполнительно-распорядительной деятельности социалистического государства³⁹. Г.И. Петров отмечал, что основным методом административного права, как социалистического права вообще, является убеждение. Ученый

²⁹ См. подр.: Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.

³⁰ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXI. С. 403.

³¹ См.: Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая наука отечественного административного права: от истоков к новым свершениям // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 21–36.

³² См.: Берцинский С. К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22–40.

³³ См.: Елистратов А.И. Административное право. М.; Л., 1929.

³⁴ См.: Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков, 1929.

³⁵ См.: Берцинский С.М. Предмет советского административного права и метод его изучения // Проблемы соц. права. 1939. № 2. С. 79.

³⁶ См.: Петров Г.И. Предмет советского административного права // Сов. государство и право. 1940. № 7. С. 34–44.

³⁷ См.: Студеникин С.С. О предмете и системе советского административного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 102–110; Его же. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права // Вопросы советского административного права. М.–Л., 1949. С. 5–60.

³⁸ См.: Бельский К.С. Указ. соч. С. 268.

³⁹ См.: Петров Г.И. Указ. соч. С. 38.

хотя и допускал применение государственного принуждения, но полагал, что оно не может считаться отличительным признаком административного права⁴⁰. Таким образом, «полицейский» элемент административного права, составляющий весьма важную и значительную по объему его часть, очевидно, по сугубо идеологическим причинам Г.И. Петровым тщательно затушевывался.

Весьма весомым достижением 40-х годов был выход в свет учебника «Советское административное право» (1945)⁴¹, подготовленного научным сотрудником Института права АН СССР С.С. Студеникиным. Ученый писал, что административными следует признавать такие отношения, в которые вступают государственные учреждения и организации в процессе исполнительно-распорядительной деятельности. Эти отношения регулируются нормами административного права. И, что весьма интересно, для их возникновения не требуется согласие сторон. Споры преимущественно разрешаются посредством издания соответствующего распоряжения полномочным на то государственным органом, т.е. в административном (без обращения в судебные инстанции) порядке. Вчитываясь в строки учебника, становится очевидным, что С.С. Студеникин достаточно робко и кратко дал характеристику советского административно-правового отношения, при этом сумел выделить его признаки⁴². Учитывая реалии того сурового времени, это был со стороны ученого достаточно смелый шаг, на который мог решиться далеко не каждый.

Государственный орган, писал С.С. Студеникин, – субъект, который уполномочен государством выступать от имени государства и не может выходить за пределы предоставленных полномочий. Ученый впервые в отраслевой науке отграничил судебный порядок разрешения споров от административного (привел критерии такого разграничения). Рассматривая вопрос о разрешении споров в административном порядке, он разбирает их на примере противоправных нарушений, подпадающих под меры административной ответственности⁴³.

С.С. Студеникин предложил дефиницию «советское административное право» – это отрасль, «регулирующая исполнительно-распорядительную деятельность государственных органов и определяющая права и обязанности граждан в сфере этой деятельности...». Он четко определил триаду критериев управленческой деятельности в их совокупности: *организация, полномочия, ответственность*. Ответственность – это то, что внесено в качестве изменения в ст. 114 Конституции РФ лишь в 2020 г.

Существенным для науки административного права было то, что ученый предпринял попытку объяснить, в силу чего административно-правовые отношения имеют управленческий характер. Дело в том, что в тот период граждане не могли быть свободными в определении своих прав. Их права и обязанности определялись государством.

Продолжая исследование в данном направлении, в 1949 г. С.С. Студеникин более детально подошел к раскрытию понятия «административно-правовое отношение». Он предпринял попытку отграничить данный вид отношений от других юридических отношений. Административные правовые отношения выделяются в кругу иных юридических

отношений тем, что каждый из участников обладает правом требовать от другого участника такого поведения, которое предписано правовой нормой. Это право охраняется государством⁴⁴. Ученый высказал точку зрения, которая впоследствии была поддержана его учениками и последователями (например, Ю.М. Козловым): административные правовые отношения не могут возникнуть между двумя гражданами в силу того, что ни один из них не наделен правом исполнительно-распорядительной деятельности. Административные правовые отношения отличает среди прочих властный характер управленческой деятельности. Ответственность нарушители закона или акта управления несут перед государством⁴⁵. В своих доводах ученый опирается на труды В.И. Ленина и приводит отдельные выдержки из текста его работ, например: только мечтатели могли бы обойтись без всякого управления (без подчинения)⁴⁶. Свой конструктивный аксиологический анализ С.С. Студеникин завершает выводом: лишь вместе взятые черты административно-правового отношения в их совокупности создают ему полную характеристику, а в отдельности взятые – они могут быть присущи и другим отраслям права.

Ощутимый подъем в исследовании советского административного правоотношения произошел лишь в 50-е годы, после смерти И.В. Сталина.

В совместной работе ученые В.А. Власов, И.И. Евтихьев, С.С. Студеникин, учитывая веяния времени и требования цензуры того периода, вносят уточнение в понятие «административное правоотношение» – это урегулированное нормами административного права общественное отношение в области организации и осуществления государственного управления⁴⁷.

Развитие учения об административном правоотношении в период оттепели и в эпоху развитого социализма

Научные идеи С.С. Студеникина, И.И. Евтихиева, Г.В. Петрова получили продолжение в трудах их учеников и коллег – Ц.А. Ямпольской, Ю.М. Козлова и др.

Так, научный сотрудник Института государства и права АН СССР Ц.А. Ямпольская предпринимает попытку выявить и показать место административного права в системе советского права, что не могло не затронуть вопросы тех отношений, из которых они складываются. По ее мнению, С.С. Студеникин, Г.И. Петров и их последователи непомерно расширяют границы советского административного права за счет включения в них таких отношений, которые фактически относятся к другим отраслям права, например финансовому, земельному и пр. Анализируя нормы Конституции СССР, Ц.А. Ямпольская делает два весьма важных вывода: 1) не все отношения в области исполнительной и распорядительной деятельности органов государства регулируются административным правом; 2) в то же время не верно ограничивать административное право только рамками деятельности органов

⁴⁴ См.: Студеникин С.С. Советское административное право: учеб. М., 1949. С. 25.

⁴⁵ См.: Студеникин С.С. Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права. С. 35.

⁴⁶ См.: там же. С. 26, 27.

⁴⁷ См.: Власов В.А., Евтихьев И.И., Студеникин С.С. Административное право: учеб. М., 1946. С. 12.

⁴⁸ См.: Ямпольская Ц.А. О месте административного права в системе социалистического права // Сов. государство и право. 1956. № 9. С. 94.

⁴⁰ См.: Петров Г.И. Указ. соч. С. 40.

⁴¹ Студеникин С.С. Советское административное право: учеб. М., 1945.

⁴² См.: там же. С. 9, 10.

⁴³ См.: там же.

государственного управления⁴⁹. Заметим, что выводы Ц.А. Ямпольской того периода были вполне дальновидны и обоснованы. Как известно, после XX съезда КПСС (февраль 1956 г.) начался масштабный процесс демократизации всех сфер жизни советского общества. Вполне закономерно, что в этих условиях начинают стремительно меняться и взгляды на административно-правовые отношения. Ц.А. Ямпольская первая, чутко уловив веяния времени, отметила, что для исследователей административного права наиболее важным является изучение субъективных прав граждан в области государственного управления и возможностей их реализации. Она впервые поставила вопрос об организационно-правовых гарантиях прав граждан⁵⁰. В совместной работе с В.М. Чхиквадзе Ц.А. Ямпольская пишет об административном праве как об отрасли, обладающей сложной внутренней структурой, включающей в себя ряд подотраслей⁵¹.

Отдельного внимания заслуживает монография Ю.М. Козлова «Административные правоотношения» (1976). Ю.М. Козлов, начиная со второй половины 60-х годов и практически вплоть до своего ухода из жизни в 2002 г., плодотворно занимался данной проблематикой и стал продолжателем идей С.С. Студеникина. В монографии ученый развивает теорию С.С. Студеникина о понятии и признаках административного правоотношения. Отличительными являются признаки: 1) административные правоотношения складываются в сфере общественной жизни, которая связана с государственным управлением; 2) объект – действия людей (участников); 3) имеется обязательный участник – орган государственного управления; 4) особый порядок разрешения споров; 5) виновная сторона несет ответственность перед государством⁵². Заслуга Ю.М. Козлова состоит в том, что он детально анализирует, толкует, синтезирует каждый признак и приводит соответствующие примеры.

Среди прочих ученый сделал весьма прогрессивный на тот период времени вывод, который, к сожалению, не получил достаточного развития в работах современников. Он однозначно четко выразился: не следует низводить роль административного права до уровня полицейского, а в основе административно-правовых отношений видеть исключительно государственное принуждение⁵³.

Отметим, что, обозревая обширные по своему масштабу управленические отношения, Ю.М. Козлов по неизвестной причине упускает (пропускает) в них достаточно крупную группу управленических отношений охраны и защиты, игнорируя тем самым административное принуждение. Вместе с тем уместным будет заметить, что игнорирование «полицейских» отношений в административном праве было характерным для советского периода развития науки.

Научная школа административного права Г.И. Петрова

Научные взгляды на административные правоотношения Г.И. Петрова, сложившиеся в конце 50-х – начале 70-х годов, вызывают особенный интерес. Ученый разработал собственную, отличную от уже сложившейся к тому

времени, концепцию учения об административном правоотношении. В своих работах он аргументировано отстаивает позицию о том, что административные правоотношения могут возникать: 1) между равноправными субъектами; 2) без обязательного участия представителя государства (власти). Это был революционный шаг в науке того периода. Ученый, обосновывая свои выводы, приводит примеры из реальной жизни: отношения, которые складываются между жильцами в многокомнатных квартирах по поводу соблюдения правил совместного проживания – имеют в своей основе административно-правовые начала. Аналогично – ответственное соблюдение гражданами общественного порядка в публичных местах; следование правилам поведения в иных общественных местах (магазинах, столовых, санатории, больнице). Основной довод Г.И. Петрова состоит в том, что государство лишь вводит общеобязательные правила, а граждане их исполняют, поскольку заинтересованы в соблюдении общественного порядка.

Г.И. Петров в противовес своим коллегам ученым-административистам 50–60-х годов отстаивал позицию о том, что не все отношения, которые складываются между органами государственной власти (их должностными лицами) и гражданами, есть властеотношения. Его заслуга в том, что он сумел привести достаточно аргументов в пользу того, что гражданин, изъявляющий свою волю в публичных отношениях, не находится в подчинении органа власти. Так, обращение гражданина в государственный орган власти по поводу получения услуги вправе ожидать и требовать ее исполнения⁵⁴. В этом, по мнению Г.И. Петрова, есть подтверждение довода о том, что административно-правовые отношения возникают не только по инициативе государственного органа «*в процессе*» его деятельности, а имеют отношение ко всей области административной правосубъектности⁵⁵.

Данное утверждение позволило ученому выделить две группы административных правоотношений: 1) отношения с прямым подчинением одной стороны другой (отношения власти и подчинения); 2) отношения, где участники имеют равные права⁵⁶ (наши дни сказали бы – паритетные)⁵⁷. Таким образом, Г.И. Петров подверг сомнению доводы С.С. Студеникина и его сторонников и тем самым положил начало собственной научной школы административно-правовых отношений. Ученый подчеркивал волевой характер любых правоотношений. Прежде чем сложиться в правовое отношение, действия проходят через сознание людей. Возникновение правоотношения невозможно без проявления воли хотя бы одного участника⁵⁸.

Несомненной заслугой Г.И. Петрова и его весомым вкладом в науку административного права следует признать то, что в противовес вертикальным, т.е. традиционным административным правоотношениям, построенным по формуле «власть – подчинение» с обязательным участием субъекта, наделенного властными полномочиями, он анализирует

⁴⁹ См.: Ямпольская Ц.А. Указ. соч. С. 96.

⁵⁰ См.: там же. С. 98.

⁵¹ См.: Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.А. О системе советского права // Сов. государство и право. 1967. № 9. С. 34.

⁵² См.: Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М., 1976. С. 104–144.

⁵³ См.: там же. С. 70, 71.

⁵⁴ См.: Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 21–25.

⁵⁵ См.: там же. С. 19.

⁵⁶ См.: Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения // Ученые записки Ленинградского юрид. ин-та им. М.И. Калинина. Л., 1954. Вып. VI. С. 41–68.

⁵⁷ См.: Административное право России / под ред. А.И. Стахова, П.И. Кононова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.

⁵⁸ См.: Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 16, 17.

горизонтальные административные правоотношения и, пожалуй, такую самую интересную и дискуссионную в научном плане их форму, как отношения между двумя взаимно неподчиненными гражданами. Такие отношения возникают по большей части в общественных местах (улицы, заведения общественного питания, общественный транспорт), т.е. там, где существует массовое скопление людей.

В 50–70-е годы концепция, разработанная Г.И. Петровым, так и не преодолела барьер непонимания, сложившиеся стереотипные представления о сути и содержании административно-правового отношения. Ученый не сумел убедить коллег-административистов в правильности своих суждений, хотя приводил достаточно веские аргументы, смотрел на проблему достаточно глубоко и здраво. Как показало время, консервативность взглядов и представлений на юридические явления присуща научному сообществу – административистам. По этому поводу К.С. Бельский писал: в своем подходе к познанию сути правоотношения Г.И. Петров продемонстрировал экзистенциальное проникновение в его суть⁵⁹. Вместе с тем научная дискуссия по указанной проблеме продолжается поныне, что является убедительным подтверждением жизнеспособности и научной ценности идей ученого. Они находят своих сторонников, на них опираются при обсуждении вопросов о системе и предмете науки административного права⁶⁰. Думается, все же есть достаточные основания говорить о ленинградской научной школе административного права, основателем которой применительно к разработке проблемы административных правоотношений, безусловно, являлся Г.И. Петров.

Таким образом, к 1970-м годам четко сформировались две концепции понимания сути административного правоотношения: **властная управленческая**, развившаяся под влиянием идей А.И. Елистратова, и **паритетная**, когда административно-правовые отношения могут иметь место между всеми субъектами административного права в любом их сочетании, включая административно правовые отношения между гражданами (разработанная Г.И. Петровым).

Перестройка в политической, социальной, экономической жизни и в науке

В середине 80-х годов в СССР началась перестройка. Стали стремительно набирать обороты процессы демократизации общественной жизни. Одновременно стали происходить рыночные преобразования в экономике, что не могло не повлиять на понимание такой фундаментальной административно-правовой категории, как государственное управление, а значит на сущность и понимание административных правоотношений. Все это объективно требовало переосмысливания ранее сложившихся подходов. В тот период была высказана весьма интересная точка зрения относительно государственного управления, которая, как представляется, в известном смысле оказалась провидческой. Так, по мнению научного сотрудника Института государства и права АН СССР Б.П. Курашвили,

⁵⁹ См.: Бельский К.С. Указ. соч. С. 350.

⁶⁰ См., напр.: Гришковец А.А. К вопросу о предмете науки административного права // О предмете науки административного права: сб. ст. по материалам круглого стола «О предмете науки административного права» (5 октября 2023 г.) / кол. авторов; под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой; отв. ред. Н.Г. Андрианова. М., 2024. С. 49–68; Зеленцов А.Б. Границы и структура предмета административного права современной России // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20; Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность. С. 90–102.

государственное управление – это не воздействие, а взаимодействие, это сотрудничество, дополняемое в некоторых случаях конфликтным взаимодействием⁶¹. Данная мысль ученого оказалась весьма востребованной в современной России. В наши дни она получила развитие как баланс интересов.

Развитие учения об административном правоотношении в постсоветский период

Принятие Конституции РФ, в которой государственное управление отсутствует как политический институт, не могло не отразиться на переосмыслиннии сути и понятия административного правоотношения. В силу этого вполне закономерно, что на рубеже столетий Ю.М. Козлов пересматривает собственную теорию и вносит отдельные корректировки в дефиницию административное правоотношение⁶². Позитивным в этой связи стало утверждение ученого, что административно-правовая норма отныне выступает гарантом данного вида правовых отношений. В соответствующем разделе учебника по административному праву Ю.М. Козлов выделяет внешние факторы, оказывающие влияние на сущность и характер административно-правовых отношений: 1) природа возникновения; 2) механизм функционирования исполнительной власти; 3) специфика регулирования (императивность и наличие волеизъявления субъекта управления). Причем в условиях перехода государственного управления к рыночным отношениям последний признак, по мнению Ю.М. Козлова, приобретает большую силу. Власть устанавливает правила поведения и побуждает участников действовать способами, соответствующими ее – власти – интересам⁶³. Очевидно, что он усматривал в основе данного вида правовых отношений властеоотношения, где продолжает главенствовать формула «власть – подчинение». Власть – управляющий (доминирующий) субъект, человек – управляемый (находится в положении неравенства), пишет Ю.М. Козлов⁶⁴. Гражданин не равен в отношениях с властью. Заметим, что в приведенных рассуждениях ученого «теряется» его же мысль о том, что административно-правовая норма есть гарант прав и свобод человека и гражданина. Тем не менее Ю.М. Козлов долгое время оставался признанным лидером московской школы административного права, внесшим огромный вклад в дело ее укрепления и дальнейшего развития, включая теорию административных правоотношений.

Российская Конституция признала человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2), которые государство обязано не только признавать и соблюдать, но и обеспечить их защиту. Данное конституционное положение является отныне незыблаемым. Оно закрепило на высшем конституционном уровне принципиально иные взаимосвязи государство – общество – гражданин. Таким образом, был утвержден действующий десятилетия отказ от доминирования интересов государства над интересами и потребностями личности. В качестве высшей ценности права и свободы человека призваны стоять на пути всеяластия государства, его органов и должностных лиц, препятствовать

⁶¹ См.: Курашвили Б.П. Проблемы теории государственного управления в условиях совершенствования развитого социализма: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 19.

⁶² См.: Алексин А.П., Кармалицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. для вузов. М., 1996. С. 69.

⁶³ См.: там же. С. 70.

⁶⁴ См.: там же. С. 71.

поглощению государством интересов общества и личности, как это происходит в условиях тоталитарных режимов⁶⁵.

Перед научным сообществом всталая задача переосмыслить суть административного правоотношения с учетом требований демократической Конституции РФ 1993 г. и веяний времени.

Здесь нельзя не признать вклад К.С. Бельского. В цикле статей второй половины 90-х годов⁶⁶ ученый предложил стройную теорию предмета административного права, предмета и системы науки административного права, в которой значительное место отводится рассмотрению административных правоотношений. Круг общественных отношений, регулируемых административным правом, широк, многообразен, полифоничен, пишет К.С. Бельский. Неверным было бы ограничивать данный вид правовых отношений сферой государственно-управленческих отношений. Это еще два вида общественных отношений – полицейские и отношения административной юстиции⁶⁷. Позицию К.С. Бельского в целом поддержал Ю.Н. Старилов. Анализируя труды ученого, а также ряда других авторов, он характеризует административно-правовые отношения как специфический вид управленческих отношений, имеющих качественную однородность. Характерными признаками данных отношений выступают управленческие, организационные, волевые, властные и прочие начала⁶⁸. В конечном счете Ю.Н. Старилов приходит к выводу о том, что выделенные признаки и иные критерии позволяют отождествлять полицейские и управленческие правоотношения, которые в целом «не отличаются друг от друга»⁶⁹. Думается, данное утверждение весьма противоречиво: с одной стороны, полицейские отношения вроде бы самостоятельны, с другой – не отличаются от управленческих. Нельзя не отметить, что данное утверждение не нашло поддержки со стороны других авторов.

Представители академической науки традиционно вносили и неизменно продолжают вносить весомый вклад в теорию административных правоотношений. В 2011 г. в Институте государства и права РАН специально была развернута дискуссия на тему о теории и практике административных правоотношений. Особо следует остановиться на вопросах, которые подняла в своем докладе научный сотрудник Института Н.Г. Салищева⁷⁰.

В своем содержательном докладе она сумела донести до присутствующих мысль о том, что административно-правовые отношения складываются в той сфере жизни, которая наиболее политизирована. В силу чего они выделяются в кругу иных юридических отношений своей высокой

⁶⁵ См.: Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 63.

⁶⁶ См.: Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 14–21; *Его же*. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5–11; *Его же*. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26.

⁶⁷ См.: Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права. С. 19.

⁶⁸ См.: Старилов Ю.Н. Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 304.

⁶⁹ Там же. С. 305.

⁷⁰ См.: Салищева Н.Г. Направления развития административно-правовых отношений // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011. С. 18–42.

мобильностью и динамизмом. Их содержание отражает «качество» и условия жизни и взаимоотношения государства с его гражданами, показывают суть протекающих процессов демократизации⁷¹. Основываясь на нормах Конституции РФ, в частности ст. 18, Н.Г. Салищева приводила аргументы того, что изменился курс, по которому правительство ведет государство по пути его развития. Конституция определила новые задачи, которые теперь призвана решать исполнительная власть. Основной является задача – создать и обеспечить баланс между правами и свободами человека и правопорядком. Именно исполнительная власть призвана в современных условиях обеспечивать защиту законной деятельности граждан, создавать условия и гарантировать всестороннее обеспечение конституционных прав и свобод. Время требует снижать/ликвидировать административные барьеры во всех сферах жизни. Перестройка произошла не только в экономике, но и в содержании административно-правовых отношений. Это подтверждается тем, что изменился статус участников данных правоотношений, произошла «перезагрузка» в деятельности и обязанностях федеральных и региональных органов исполнительной власти. Власть принимает на себя ответственность за выполнение законов и решений. Гражданское общество, гражданин теперь вправе обращать требования к исполнительной власти и еще многое-многое другое⁷². При всем этом деятельность исполнительной власти и органов местного самоуправления должна строиться на принципах открытости и гласности⁷³. Способность государства защищать граждан от преступных посягательств на их права и свободы есть высшее проявление демократии, точнее один из его стандартов, отметила Н.Г. Салищева⁷⁴.

Заметный интерес также представляет и доклад Л.А. Мицкевич⁷⁵. Нормы Конституции РФ обязывают по-новому выстраивать отношения с институтами гражданского общества на принципах равноправия и согласованности в принятии решений. Л.А. Мицкевич подметила такой положительный фактор, как сужение сферы властного влияния государства на российских граждан. Государство дистанцируется от властного вмешательства в частную жизнь граждан. Все это опосредует существенные изменения в содержании и порядке государственного управления⁷⁶.

В 2018 г. издается упомянутая выше монография П.П. Серкова о теории и практике современного правового регулирования, а в 2019 г. увидела свет его статья «Административные правоотношения»⁷⁷. В обеих работах автор рассматривает проблемы судебной практики по публичным спорам, вытекающим из административных правоотношений.

В 2021 г. была опубликована весьма содержательная с академических позиций статья П.И. Кононова «Дискуссионные

⁷¹ См.: там же. С. 18–21.

⁷² См.: там же. С. 35–38.

⁷³ См.: там же. С. 27, 28.

⁷⁴ См.: там же. С. 30–32.

⁷⁵ См.: Мицкевич Л.А. Новые тенденции в развитии административных правоотношений // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. С. 7–18.

⁷⁶ См.: там же. С. 7, 8.

⁷⁷ Серков П.П. Административные правоотношения // Вестник Университета им. О.Е. Кутафина. 2019. № 6 (58). С. 49–64.

вопросы теории административных правоотношений»⁷⁸. Автор обращает внимание научного сообщества на консервативность взглядов на суть и содержание административно-правовых отношений. Не отвергая идеи, высказанные Г.И. Петровым, П.И. Кононов все же критически оценивает выведенные им и другими теоретиками особенности административных правоотношений. Он приводит яркие примеры, на основе которых доказывает ничтожность, утрату актуальности устоявшихся в научной среде представлений о сути и содержании исследуемых правоотношений. Автор полагает, что применительно к современному этапу развития российской государственности данные теории утратили свою состоятельность. По мнению ученого-практика, нормы административного права регулируют поведение субъектов права не только в рамках соответствующих правоотношений, но и вне их⁷⁹. П.И. Кононов определяет место органа публичной власти в данных отношениях. Государственный орган в административных правоотношениях выступает как правообязанное лицо, ему в обязанность вменено безусловное выполнение круга полномочий, т.е. всего того, что возложено на него законом или иным юридическим актом. Идеи П.И. Кононова стимулировали научную дискуссию⁸⁰, в которой приняли деятельное участие А.Б. Зеленцов, М.Н. Кобзарь-Фролова, М.В. Костенников, А.В. Куракин, А.И. Стахов и др. Своими работами они сумели развить и обогатить теорию административного правоотношения, ее доктринику, показать те грани, которые соответствуют текущему времени, политическим и социальным преобразованиям. Вместе с тем, и об этом надо прямо сказать, принципиально нового в существующие концепции об административно-правовом отношении и механизме их реализации предложено не было, да и вряд ли могло быть. Условия, в которых возникают и получают свое дальнейшее развитие административные правоотношения, без сомнения, будут меняться, соответственно, будут претерпевать изменения характерные признаки данного института, но концептуальные положения останутся неизменными.

Административное правоотношение в зарубежной науке административного права

Давая общую характеристику правоотношению, применительно к заявленной теме, нельзя не коснуться зарубежного опыта. Историографическое исследование работ зарубежных авторов, их доктрины, позволило прийти к выводу, что разработка теории административного правоотношения есть достояние русских, советских, российских ученых и исследователей. Зарубежные административисты не ставили перед собой такой проблемы, как разработка научных основ административного правоотношения. В административном праве иностранных государств отсутствует не то чтобы какая-либо стройная теория, но даже упоминание об административных правовых отношениях. Как представляется, такое положение объясняется различным

⁷⁸ Кононов П.И. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76–88.

⁷⁹ См.: там же. С. 78.

⁸⁰ См., напр.: Зеленцов А.Б. Конституционализация административного права в России: теоретические проблемы // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 12–21; Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность. С. 90–102; Редкоус В.М. Законодательное закрепление мер поддержки и развития в сфере кибербезопасности (российский и зарубежный опыт) // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 63–67; Стахов А.И. О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 15–20.

пониманием роли и значения науки и отрасли административного права в Российской Федерации и в зарубежных государствах.

Так, в государствах ангlosаксонской правовой семьи (прежде всего, в США) основной целью административного права провозглашается защита интересов частных лиц от произвола со стороны администрации. Соответственно, основная задача административного права – выявить и определить жесткие границы, в которых дозволено рамками правовых предписаний действовать публичной администрации, а также пределы ограничений применяемых форм, методов и средств властного воздействия государства на общество и отдельно взятого человека. В ангlosаксонских странах признается: институт «свободы» по большей части связан с соблюдением административных процедур. При этом главное внимание при разработке теории административного права уделяется процессуальным нормам, а также нормам об ответственности публичной администрации и процедурам судебного контроля⁸¹. Теория административного права, как и государство, ограничивается минимальным вмешательством в сферы экономики, промышленности, транспорта, но при этом во многом ориентируется на бизнес. Так, для теоретиков административного права более важны показатели, которые связаны с объемами планирования и управления в правительстве. Как эти показатели выросли вслед за возрастающими объемами планирования и управления в бизнесе⁸².

Государства континентальной правовой семьи целями развития науки административного права провозглашают не только вопросы защиты индивида от неправомерных действий публичной администрации, но и проблемы обеспечения эффективной деятельности публичной администрации, а также различные аспекты участия граждан и их объединений (общества) в процессе принятия административных решений⁸³. Такие цели созвучны их пониманию в Российской Федерации.

По мнению французского административиста Ж. Веделья, под административным правом понимается право публичной администрации, и в этом смысле в каждой цивилизованной стране имеется административное право, ибо данная юридическая область располагает совокупностью норм, регламентирующих деятельность публичной администрации. Между тем, продолжает Ж. Ведель, в точном смысле этого слова административное право существует лишь постольку, поскольку эта совокупность норм по своему существу отличается от тех, которые применяются к отношениям между частными лицами⁸⁴. Право администрации, по сути, сводится указанным автором к нормам, регулирующим ее внутреннюю организацию, а также внешний контроль за ней.

В Общих сведениях об административном праве Франции⁸⁵, куда вполне логично было бы включить раздел об административных правовых отношениях, они

⁸¹ См.: Административное право зарубежных стран: учеб. / под ред. А.Н. Козырина и М.А. Штатиной. М., 2003. С. 12, 13.

⁸² См.: Фридмэн Л. Введение в американское право / пер. с англ.; под ред. М. Калантаровой. М., 1992. С. 94.

⁸³ См.: там же. С. 13.

⁸⁴ См.: Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973. С. 55.

⁸⁵ См.: Общие сведения об административном праве во Франции. 3-е изд. Российско-французская серия. Информационные и учебные материалы № 9. Посольство Франции в России. Министерство иностранных дел. 1995.

не упоминаются. В пяти главах издания «Административная организация» (автор – Ж.-М. Бессе), «Административный спор» (автор – Ж.-Б. Оби), «Право административной деятельности» и «Публичные службы» (автор – Ж.-Ф. Лашом), «Публичная служба в широком смысле» (автор – Ж. Бурдон), подготовленных авторитетными французскими юристами, ничего не говорится о соответствующих правоотношениях. Данное издание позволяет погрузиться в изучение и познание различных административно-правовых институтов. К примеру, Ж. Бурдон (директор Института политических исследований Экс-ан-Прованс), автор гл. 5 «Публичная служба в широком смысле», посвященной поступлению на публичную службу, государственно-служебное правоотношение вообще не рассматривает, а сразу начинает с того, что показывает источники права публичной службы, анализирует права служащих, обязательства служащего, рассматривает карьеру служащего⁸⁶. Напротив, в отечественной традиции исследования административно-правового института государственной службы лежит анализ служебного правоотношения, который так или иначе обязательно присутствует, причем даже на монографическом уровне⁸⁷.

Как представляется, обстоятельная теоретическая разработка концепции административного правоотношения в отечественной науке административного права объясняется той громадной ролью, которую в России государство исторически играло и во многом продолжает играть во всех сферах общественной жизни и, конечно же, в экономике и социальной сфере. Роль эта осуществляется путем государственного управления, а оно, будучи правовым управлением, базируется на нормах административного права. Думается, именно в этом причина основательной разработки в нашей стране теории административного правоотношения. В странах континентальной правовой семьи и тем более ангlosаксонской правовой семьи роль и значение государства исторически принципиально иные. Поэтому в разработке теории административного правоотношения, в основе которых лежат принципы государственного управления, не было объективной необходимости. Таким образом, есть достаточные основания утверждать, что теория административного правоотношения, разработанная отечественными административистами и отражающая особыю историческую роль государства, вносит весомый вклад в доктрину административного права Российской Федерации, обогащает данную отраслевую юридическую науку.

Выводы

Проведенное историографическое исследование административного правоотношения, его догматов, динамики развития составных элементов позволило уверенно заключить, что на протяжении 100 предыдущих лет (начиная с 20-х годов XX в.) в России было разработано новое учение и сформировалось три научных школы административного права, представители которых внесли бесценный вклад в теорию административного права, в частности, в учение об административном правоотношении.

Не умоляя значения трудов представителей и последователей других научных школ, хотелось бы прежде всего выделить роль и значение **академической научной школы административного права** и, соответственно, **учения**

⁸⁶ См.: Общие сведения об административном праве во Франции. С. 129–154.

⁸⁷ См.: Чаннов С.Е. Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение. М., 2009.

об административном правоотношении, представители которой, будучи в разное время научными сотрудниками Института государства и права АН СССР, а позднее РАН, разработали теоретико-правовую модель, фундамент, догматику административных правоотношений. Выделить среди них однозначно какого-либо одного бесспорного лидера, который обычно бывает у научной школы, по объективным причинам вряд ли возможно. Ученые жили и работали в разное время, в различных социально-экономических условиях, в сложной политической обстановке. Скорее можно говорить о некоем «коллективном разработчике». Подтверждение тому – научные труды той плеяды ученых-административистов, которая создавала в стенах Института теорию административных правоотношений и развивала ее на протяжении многих десятилетий, порой в ходе острых научных дискуссий. Достаточно назвать таких ярких, широко известных ученых, как С.С. Студеникин, Н.Г. Салищева, Ц.А. Ямпольская. Все вместе и каждый из них в отдельности своими научными трудами в большей или меньшей степени обогащал теорию административных правоотношений, а все вместе они способствовали формированию российской академической научной традиции, подтверждая своими новыми трудами высокий теоретический уровень научных разработок.

Академическая научная школа административного права тесно связана с **московской школой административного права**, которая является также значимой, но не должна с ней отождествляться. Академическая научная школа объективно существует и существует независимо от московской школы административного права. Основателем московской научной школы, несомненно, является Ю.М. Козлов, он сумел развить учение об административных правоотношениях, проанализировать их признаки, дать научную характеристику и выделить из общего круга иных видов правовых отношений.

Основателем **ленинградской** (именно ленинградской) **научной школы**, заслуженно можно признать Г.И. Петрова, который, как сказано выше, внес вклад в теорию административных правоотношений, в частности предложил и, думается, вполне убедительно обосновал существование горизонтальных административных правоотношений, в особенности такую их форму, как отношения между гражданами.

Проведенное исследование позволило выявить и определить историографические закономерности, догматику влияния разработанных моделей (школ) на формирование политico-правовых знаний о взаимосвязях между государством и обществом. Полученные знания обогащают формы и средства правового регулирования отношений в публично-правовой сфере.

Подводя итог исследованию, направленному на выявление контекстов фундаментальных для административного права как отрасли права механизмов и сложившихся представлений о сути и понятии административного отношения среди отечественных ученых-административистов, полагаем возможным сказать о том, что нормы административного права играют важную роль в жизни страны и каждого гражданина в отдельности. Развивая конституционные положения, нормы административного права не только играют существенную роль в регулировании общественных отношений, но и устанавливают общие правила, общий для всех субъектов порядок взаимоотношений, тем самым стимулируя в обществе процессы взаимодействия между государством и обществом. Изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2020 г., ознаменовали новый

этап общественно-политического и социально-правового развития государства, обозначили новый вектор развития административного права вообще и новые направления в эволюционировании административных правоотношений. Нормы административного права переориентированы на реализацию закрепленных в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина, обеспечивают гарантии и безопасность реализации прав и свобод. Институциональные нормы устанавливают общий для всех субъектов порядок (правила) вступления в административные правоотношения, порядок реализации, защиты, контроля и прекращения действия данных отношений.

Из вышеизложенного формулируем вывод о том, что **объектом** административно-правовых отношений на современном этапе являются общественные связи, которые возникают по поводу обеспечения реализации конституционных прав и свобод граждан и их объединений; безопасности, защиты и контроля за реализацией прав и свобод участников административно-правовых отношений⁸⁸.

На нынешнем этапе общественного развития Российской Федерации, в условиях формирующегося многополярного мира и в усложнении общественных процессов необходимо продолжить работу на этом важном научном направлении.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Административное право: в 10 т. Т. 2: Административные правоотношения / Е. Б. Лупарев. М., 2013.
2. Административное право зарубежных стран: учеб. / под ред. А.Н. Козырина и М.А. Штатиной. М., 2003. С. 12, 13.
3. Административное право России / под ред. А.И. Стахова, П.И. Кононова. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2018.
4. Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. М., 1981. Т. 2. С. 82.
5. Алехин А.П., Кармолицкий А.А., Козлов Ю.М. Административное право Российской Федерации: учеб. для вузов. М., 1996. С. 69–71.
6. Бельский К.С. Административное и финансовое право в портретных зарисовках. Пенза, 2021. С. 189, 268, 350.
7. Бельский К.С. К вопросу о предмете административного права // Государство и право. 1997. № 11. С. 14–21.
8. Бельский К.С. О предмете и системе науки административного права // Государство и право. 1998. № 10. С. 18–26.
9. Бельский К.С. О системе административного права // Государство и право. 1998. № 3. С. 5–11.
10. Берендтс Э.Н. Опыт системы административного права. Т. 1. Обзор истории административного права и истории его литературы. Ярославль, 1898. Вып. I. С. 15, 16.
11. Берцинский С. К вопросу о методологии советского управления // Сов. государство и революция права. 1930. № 10. С. 22–40.
12. Берцинский С.М. Предмет советского административного права и метод его изучения // Проблемы соц. права. 1939. № 2. С. 79.
13. Ведель Ж. Административное право Франции. М., 1973. С. 55.
14. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. для юрид. вузов. 3-е изд. М., 1999. С. 391.
15. Власов В.А., Евтихиев И.И., Студеникин С.С. Административное право: учеб. М., 1946. С. 12.
16. Гришковец А.А. К вопросу о предмете науки административного права // О предмете науки административного права: сб. ст. по материалам круглого стола «О предмете науки административного права» (5 октября 2023 г.) / кол. авторов; под общ. ред. М.Н. Кобзарь-Фроловой; отв. ред. Н.Г. Андрианова. М., 2024. С. 49–68.
17. Елистратов А.И. Административное право. М.; Л., 1929.
18. Елистратов А.И. Основные начала административного права. М., 1914. С. 1–9, 85–87, 157–159; 2-е изд., испр. и доп. 1917. С. 68, 69, 128, 129.
19. Зеленцов А.Б. Границы и структура предмета административного права современной России // Административное право и процесс. 2020. № 9. С. 5–20.
20. Зеленцов А.Б. Конституционализация административного права в России: теоретические проблемы // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 12–21.
21. Иоффе О.С. Избр. труды по гражданскому праву. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Спорные вопросы учения о правоотношении. М., 2000. С. 665.
22. Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву. Л., 1949. С. 17, 18.
23. Кобалевский В.Л. Советское административное право. Харьков, 1929.
24. Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: эволюция взглядов на понятие и сущность // Государство и право. 2022. № 4. С. 90–102.
25. Кобзарь-Фролова М.Н. Академическая наука отечественного административного права: от истоков к новым свершениям // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3. С. 21–36.
26. Кобзарь-Фролова М.Н. А.И. Елистратов о предмете науки административного права и соотношении с родственными науками // Правовая политика и правовая жизнь. 2023. № 4. С. 372–386.
27. Козлов Ю.М. Административные правоотношения. М., 1976. С. 70, 71, 104–144.
28. Кононов П.И. Дискуссионные вопросы теории административных правоотношений // Административное право и процесс. 2021. № 2. С. 76–88.
29. Конституция Российской Федерации. Комментарий / под общ. ред. Б.Н. Топорнина, Ю.М. Батурина, Р.Г. Орехова. М., 1994. С. 63.
30. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 8-е изд. СПб., 1909.
31. Курашвили Б.П. Проблемы теории государственного управления в условиях совершенствования развитого социализма: автореф. ... дис. д-ра юрид. наук. М., 1985. С. 19.
32. Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXI. С. 403.
33. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. 3-е изд. М., 2009. С. 372.
34. Мицкевич Л.А. Новые тенденции в развитии административных правоотношений // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. С. 7–18.
35. Общие сведения об административном праве во Франции. 3-е изд. Российско-французская серия. Информационные и учебные материалы № 9. Посольство Франции в России. Министерство иностранных дел. 1995. С. 129–154.
36. Петров Г.И. Предмет советского административного права // Сов. государство и право. 1940. № 7. С. 34–44.

⁸⁸ См. подр.: Кобзарь-Фролова М.Н. Административное правоотношение: понятие, эволюция взглядов. С. 90–102.

37. *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения. Л., 1972. С. 16, 17, 19, 21–25.
38. *Петров Г.И.* Советские административно-правовые отношения // Ученые записки Ленинградского юрид. ин-та им. М.И. Калинина. Л., 1954. Вып. VI. С. 41–68.
39. *Редкоус В.М.* Законодательное закрепление мер поддержки и развития в сфере кибербезопасности (российский и зарубежный опыт) // Государственная служба и кадры. 2022. № 2. С. 63–67.
40. *Рождественский А.А.* Основы общей теории права. Курс лекций, чит. на Высш. жен. юрид. курсах в Москве. М., 1912. С. 91.
41. *Салищева Н. Г.* Направления развития административно-правовых отношений // Административно-правовые отношения в условиях модернизации Российского государства: сб. науч. тр. / под ред. Н.Ю. Хаманевой. М., 2011. С. 18–42.
42. *Серков П.П.* Административные правоотношения // Вестник Университета им. О. Е. Кутафина. 2019. № 6 (58). С. 49–64.
43. *Серков П.П.* Правоотношение (Нравственность современного правового регулирования). М., 2020.
44. *Серков П.П.* Правоотношение: теория и практика современного правового регулирования: в 3 ч. М., 2018.
45. *Старилов Ю.Н.* Курс общего административного права: в 3 т. Т. I: История. Наука. Предмет. Нормы. Субъекты. М., 2002. С. 304, 305.
46. *Стахов А.И.* О необходимости смены парадигмы отечественного административного права под воздействием конституционных норм // Административное право и процесс. 2018. № 6. С. 15–20.
47. *Студеникин С.С.* О предмете и системе советского административного права // Сов. государство и право. 1939. № 3. С. 102–110.
48. *Студеникин С.С.* Советское административное право: учеб. М., 1945. С. 9, 10; 1949. С. 25.
49. *Студеникин С.С.* Социалистическая система государственного управления и вопрос о предмете советского административного права // Вопросы советского административного права. М. – Л., 1949. С. 5–60.
50. *Тарасов И. Т.* Краткий очерк науки административного права. Конспект лекций. Ярославль, 1888. Т. 1. С. 3, 11.
51. *Тарасов Н. Т.* Очерк науки полицейского права. М., 1897. С. 38.
52. *Фридмэн Л.* Введение в американское право / пер. с англ.; под ред. М. Калантаровой. М., 1992. С. 13, 94.
53. *Чаннов С.Е.* Служебное правоотношение: понятие, структура, обеспечение. М., 2009.
54. *Чхиквадзе В.М., Ямпольская Ц.А.* О системе советского права // Сов. государство и право. 1967. № 9. С. 34.
55. *Шершеневич Г.Ф.* Общая теория права. М., 1910. Вып. 1, 2.
56. *Ямпольская Ц.А.* О месте административного права в системе социалистического права // Сов. государство и право. 1956. № 9. С. 94, 96, 98.
5. *Alekhin A.P., Karmolitsky A.A., Kozlov Yu.M.* Administrative Law of the Russian Federation: textbook for universities. М., 1996. Pp. 69–71 (in Russ.).
6. *Belsky K.S.* Administrative and Financial Law in portrait sketches. Penza, 2021. Pp. 189, 268, 350 (in Russ.).
7. *Belsky K.S.* On the question of the subject of Administrative Law // State and Law. 1997. No. 11. Pp. 14–21 (in Russ.).
8. *Belsky K.S.* On the subject and system of the science of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 10. Pp. 18–26 (in Russ.).
9. *Belsky K.S.* On the system of Administrative Law // State and Law. 1998. No. 3. Pp. 5–11 (in Russ.).
10. *Berendts E.N.* The experience of the administrative law system. Vol. 1. Review of the history of Administrative Law and the history of its literature. Yaroslavl, 1898. Iss. I. Pp. 15, 16 (in Russ.).
11. *Bertsinsky S.* On the question of the methodology of Soviet management // Soviet State and the Revolution of Law. 1930. No. 10. Pp. 22–40 (in Russ.).
12. *Bertsinsky S.M.* The subject of Soviet Administrative Law and the method of its study // Problems of social law. 1939. No. 2. P. 79 (in Russ.).
13. *Vedel J.* Administrative law of France. М., 1973. P. 55 (in Russ.).
14. *Vengerov A.B.* Theory of state and law: textbook for law universities. 3rd ed. М., 1999. P. 391 (in Russ.).
15. *Vlasov V.A., Evtikhiev I.I., Studenikin S.S.* Administrative Law: textbook. М., 1946. P. 12 (in Russ.).
16. *Grishkovets A.A.* On the subject of the science of Administrative Law // On the subject of the science of Administrative Law: collection of articles based on the materials of the Round Table “On the subject of the science of Administrative Law” (October 5, 2023) / Col. authors; under the general ed. of M.N. Kobzar-Frolova; ed. by N.G. Andrianova. М., 2024. Pp. 49–68 (in Russ.).
17. *Elistratov A.I.* Administrative Law. М.; Л., 1929 (in Russ.).
18. *Elistratov A.I.* Basic principles of Administrative Law. М., 1914. Pp. 1–9, 85–87, 157–159; 2nd ed., rev. and add. 1917. Pp. 68, 69, 128, 129 (in Russ.).
19. *Zelentsov A.B.* Boundaries and structure of the subject of Administrative Law in modern Russia // Administrative Law and Process. 2020. No. 9. Pp. 5–20 (in Russ.).
20. *Zelentsov A.B.* Constitutionalization of Administrative Law in Russia: theoretical problems // Administrative Law and Process. 2018. No. 12. Pp. 12–21 (in Russ.).
21. *Ioffe O.S.* Selected works on Civil Law. Legal relations under Soviet Civil Law. Controversial issues of the doctrine of legal relations. М., 2000. P. 665 (in Russ.).
22. *Ioffe O.S.* Legal relations in Soviet Civil Law. L., 1949. Pp. 17, 18 (in Russ.).
23. *Kobalevsky V.L.* Soviet Administrative Law. Kharkov, 1929 (in Russ.).
24. *Kobzar-Frolova M.N.* Administrative legal relationship: the evolution of views on the concept and essence // State and Law. 2022. No. 4. Pp. 90–102 (in Russ.).
25. *Kobzar-Frolova M.N.* Academic science of domestic Administrative Law: from the origins to new achievements // Legal policy and legal life. 2021. No. 3. Pp. 21–36 (in Russ.).
26. *Kobzar-Frolova M.N.* A.I. Elistratov on the subject of the science of Administrative Law and its relation to related sciences // Legal policy and legal life. 2023. No. 4. Pp. 372–386 (in Russ.).
27. *Kozlov Yu. M.* Administrative legal relations. М., 1976. Pp. 70, 71, 104–144 (in Russ.).
28. *Kononov P.I.* Debatable issues of the theory of administrative legal relations // Administrative Law and Process. 2021. No. 2. Pp. 76–88 (in Russ.).

REFERENCES

1. Administrative Law: in 10 vols. Vol. 2: Administrative legal relations / E.B. Luparev. М., 2013 (in Russ.).
2. Administrative Law of foreign countries: textbook / ed. by A.N. Kozyrin and M.A. Shtatina. М., 2003. Pp. 12, 13 (in Russ.).
3. Administrative Law of Russia / ed. by A.I. Stakhov, P.I. Kononov. 2nd ed., rev. and add. М., 2018 (in Russ.).
4. *Alekseev S.S.* General theory of law: in 2 vols. М., 1981. Vol. 2. P. 82 (in Russ.).

29. Constitution of the Russian Federation. Comment / under the general ed. of B. N. Topornin, Yu. M. Baturin, R. G. Orekhov. M., 1994. P. 63 (in Russ.).
30. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. 8th ed. St. Petersburg, 1909 (in Russ.).
31. *Kurashvili B. P.* Problems of the theory of public administration in the conditions of improvement of developed socialism: abstract ... Doctor of Law. M., 1985. P. 19 (in Russ.).
32. *Lenin V. I.* Complete works. Vol. XXI. P. 403 (in Russ.).
33. *Matuzov N. I., Mal'ko A. V.* Theory of the state and law: textbook. 3rd ed. M., 2009. P. 372 (in Russ.).
34. *Mitskevich L. A.* New trends in the development of administrative legal relations // Administrative and legal relations in the conditions of modernization of the Russian state: collection of scientific works / ed. by N. Yu. Khamaneva. Pp. 7–18 (in Russ.).
35. General information about Administrative Law in France. 3rd ed. Russian-French series. Information and educational materials No. 9. Embassy of France in Russia. Ministry of Foreign Affairs. 1995. Pp. 129–154 (in Russ.).
36. *Petrov G. I.* The subject of Soviet Administrative Law // Soviet State and Law. 1940. No. 7. Pp. 34–44 (in Russ.).
37. *Petrov G. I.* Soviet administrative and legal relations. L., 1972. Pp. 16, 17, 19, 21–25 (in Russ.).
38. *Petrov G. I.* Soviet administrative and legal relations // Scientific notes of Kalinin Leningrad Law Institute. L., 1954. Iss. VI. Pp. 41–68 (in Russ.).
39. *Redkous V. M.* Legislative consolidation of support and development measures in the field of cybersecurity (Russian and foreign experience) // Civil service and personnel. 2022. No. 2. Pp. 63–67 (in Russ.).
40. *Rozhdestvensky A. A.* Fundamentals of the General theory of law. A course of lectures, read at the Higher Women's Courses in Moscow. M., 1912. P. 91 (in Russ.).
41. *Salishcheva N. G.* Directions of development of administrative and legal relations // Administrative and legal relations in the conditions of modernization of the Russian state: collection of scientific works / ed. by N. Yu. Khamaneva. M., 2011. Pp. 18–42 (in Russ.).
42. *Serkov P. P.* Administrative legal relations // Herald of Kutafin University. 2019. No. 6 (58). Pp. 49–64 (in Russ.).
43. *Serkov P. P.* Legal relationship (Morality of modern legal regulation). M., 2020 (in Russ.).
44. *Serkov P. P.* Legal relationship: theory and practice of modern legal regulation: in 3 parts. 2018 (in Russ.).
45. *Starilov Yu. N.* Course of General Administrative Law: in 3 vols. Vol. I: History. Science. Subject. Norms. Subjects. M., 2002. Pp. 304, 305 (in Russ.).
46. *Stakhov A. I.* On the need to change the paradigm of domestic Administrative Law under the influence of constitutional norms // Administrative Law and Process. 2018. No. 6. Pp. 15–20 (in Russ.).
47. *Studenikin S. S.* On the subject and system of Soviet Administrative Law // Soviet State and Law. 1939. No. 3. Pp. 102–110 (in Russ.).
48. *Studenikin S. S.* Soviet Administrative Law: textbook. M., 1945. Pp. 9, 10; 1949. P. 25 (in Russ.).
49. *Studenikin S. S.* The socialist system of public administration and the question of the subject of Soviet Administrative Law // Questions of Soviet Administrative Law. M. – L., 1949. Pp. 5–60 (in Russ.).
50. *Tarasov I. T.* A brief outline of the science of Administrative Law. Lecture notes. Yaroslavl, 1888. Vol. 1. Pp. 3, 11 (in Russ.).
51. *Tarasov N. T.* An essay on the science of police law. M., 1897. P. 38 (in Russ.).
52. *Fridman L.* Introduction to American law / transl. from English; ed. by M. Kalantarova. M., 1992. Pp. 13, 94 (in Russ.).
53. *Channov S. E.* Official legal relationship: concept, structure, provision. M., 2009 (in Russ.).
54. *Chkhikvadze V. M., Yampolskaya Ts. A.* On the system of Soviet law // Soviet State and Law. 1967. No. 9. P. 34 (in Russ.).
55. *Shershenevich G. F.* General theory of law. M., 1910. Iss. 1, 2 (in Russ.).
56. *Yampolskaya Ts. A.* On the place of Administrative Law in the system of socialist law // Soviet State and Law. 1956. No. 9. Pp. 94, 96, 98 (in Russ.).

Сведения об авторах

КОБЗАРЬ-ФРОЛОВА Маргарита Николаевна –
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук; 119019 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

ГРИШКОВЕЦ Алексей Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник сектора
административного права
и административного процесса
Института государства и права
Российской академии наук; 119091 г. Москва,
ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KOBZAR-FROLOVA Margarita N. –
Doctor of Law, Professor,
Chief Scientist of the Sector of Administrative
Law and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

GRISHKOVETS Aleksey A. –
Doctor of Law, Professor,
Leading Researcher of the Sector
of Administrative Law
and Administrative Process,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Science;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ СУПРУГОВ: ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

© 2024 г. Н. В. Летова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: letovanv@mail.ru

Поступила в редакцию 11.12.2023 г.

Аннотация. В статье проанализированы новеллы законодательства, направленные на правовое регулирование сделок с участием супружеских пар, выявлены преимущества и недостатки режима их общей совместной собственности, определены основные сложности, возникающие на практике в связи с применением соответствующих норм. Автор приходит к выводу, что нормы Семейного кодекса Российской Федерации, определяющие содержание законного режима имущества супружеских пар, нуждаются в современной «адаптации» с учетом меняющихся общественных отношений. Доказано, что существенное влияние правового статуса участников сделок проявляется не только в их содержании, но и исполнении, что предполагает соблюдение специальных требований, направленных на обеспечение защиты их имущественных прав в результате заключаемых ими сделок по поводу общего имущества.

В статье представлено обоснование необходимости усовершенствования механизмов правового регулирования имущественных отношений супружеских пар с целью минимизировать риски признания сделок с их участием недействительными на практике, в том числе, за счет минимизации разноотраслевого регулирования таких сделок, что будет способствовать гармонизации законодательства в указанной сфере.

Ключевые слова: государство, имущество, имущественные отношения, супруги, брак, законный режим, общая совместная собственность, сделки, третьи лица, защита прав.

Цитирование: Летова Н. В. Имущественные отношения супружеских пар: особенности правового регулирования в современных условиях // Государство и право. 2024. № 10. С. 183–192.

DOI: 10.31857/S1026945224100167

PROPERTY RELATIONS OF SPOUSES: FEATURES OF LEGAL REGULATION IN MODERN CONDITIONS

© 2024 N. V. Letova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: letovany@mail.ru

Received 11.12.2023

Abstract. The article analyzes the novelties of legislation aimed at regulating transactions involving spouses, identifies the advantages and disadvantages of the regime of their common joint property, identifies the main difficulties that arise in practice in connection with the application of the relevant rules. The author comes to the conclusion that the norms of the Family Code of the Russian Federation, which determine the content of the legal regime of property of spouses, need modern "adaptation" taking into account the changing relations of civil circulation. It has been proved that the essential influence of the legal status of participants in transactions is manifested not only in their content, but also in their execution, which implies compliance with special requirements aimed at ensuring the protection of their property rights as a result of transactions they conclude regarding their common property.

The article provides a justification for the need to improve the mechanisms for regulating property relations of spouses in order to minimize the risks of recognizing transactions involving spouses as invalid in practice, including by minimizing their diversified regulation, which will contribute to the harmonization of legislation in this area.

Key words: state, property, property relations, spouses, marriage, legal regime, common joint property, transactions, third parties, protection of rights.

For citation: Letova, N.V. (2024). Property relations of spouses: features of legal regulation in modern conditions // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 183–192.

Введение

Системные преобразования в социально-экономической сфере, повышенный интерес государства к правовому регулированию отношений супружеского патернализма потребовали усовершенствования механизмов защиты прав супружеского, в частности в области их имущественных отношений. Существенные изменения общественных отношений, процессы цифровизации, появление новых объектов имущества супружеского оказали влияние на их имущественные отношения, предопределили необходимость их разумной трансформации с учетом современных вызовов и реалий.

Особое внимание к сохранению традиционных семейных ценностей в нашей стране, определяющих фундаментальное значение семьи, основанной на браке, зарегистрированном в органах записи актов гражданского состояния, заключение которого порождает взаимные права и обязанности супружеского личного неимущественного и имущественного вида, обусловило появление законодательных изменений в указанной сфере. В фокусе обновлений оказались нормы, определяющие сущность и назначение имущественных отношений супружеского, правил и порядка совершения сделок с их участием в целях определения таких механизмов их

регулирования, которые исключали бы проблемы их применения, возникающие на практике.

Семейный кодекс РФ¹ предусматривает два вида режимов, регулирующие имущественные отношения супружеского: режим совместной собственности, именуемый как законный (гл. 7), и договорный, основанный на брачном договоре (гл. 8). Законом определено их соотношение: законный применяется в случаях, если иной режим не предусмотрен брачным договором (ч. 1 ст. 33), что исключает возможность их одновременного применения. Предполагается, что законный режим распространяется в отношении имущества супружеского во всех случаях, за исключением, когда иной режим установлен брачным договором.

Право супружеского заключить брачный договор, предусмотреть иной режим их имущества (совместной, долевой или раздельной собственности) на все имущество или на его отдельные виды, на имущество каждого из них (ч. 1 ст. 42 СК РФ)²,

¹ См.: СЗ РФ. 1996. № 1, ст. 16.

² Впервые принцип раздельности общего имущества супружеского был закреплен в Своде законов Российской империи в 1835 г. Супруги имели право приобретать имущество в личную собственность (ст. 109), при этом муж имел право

основано на расширении диспозитивных начал в сфере семейных отношений. Кроме того, поступательное соблюдение принципа справедливости позволило применять в качестве регулятора семейных отношений не один механизм, а несколько, сбалансированное сочетание которых позволяет обеспечить эффективную защиту прав их участников.

Общая характеристика законного режима имущества супружеских

Своеобразие норм, определяющих содержание правовых режимов имущества супружеских, обусловлено прямым или опосредованным влиянием на них норм Гражданского кодекса РФ³, применение которых в сфере семейных отношений ограничено условиями, указанными в Законе (ст. 4, 5 СК РФ). Особенности структуры Семейного кодекса РФ, связанные с отсутствием категориального аппарата, необходимого для регулирования семейных отношений, не добавляют определенности их содержанию, что приводит к «заимствованию» терминологии из сферы гражданского права.

Системный анализ Семейного кодекса РФ позволяет установить, что гл. 7, 8 вошли в разд. 3 «Права и обязанности супружеских», включающий дополнительно в качестве самостоятельных глав их личные права и обязанности (гл. 6) и ответственность супружеских по обязательствам (гл. 9). Нетрудно заметить, что законодатель применяет традиционную конструкцию «права и обязанности» не только в отношении имущественных прав супружеских, но и в отношении личных прав, возлагая на супружеских обязанность строить свои отношения в семье на основе взаимоуважения и взаимопомощи (ч. 3 ст. 31). Не совсем понятна логика расположения гл. 9 «Ответственность супружеских по обязательствам» в указанном разделе, что позволяет предположить наличие у супружеских не только имущественных обязательств, но и личных, что противоречит назначению супружеских отношений.

Так же абстрактно, на наш взгляд, выглядит название ст. 35 «Владение, пользование и распоряжение общим имуществом супружеских» СК РФ. Применяя триаду традиционных для собственника правомочий в отношении указанного имущества, законодатель в содержании статьи термин «собственник» по отношению к супружеским не применяет. Это лишь частично коррелирует со ст. 34 СК РФ и ст. 209 ГК РФ, в содержании которых

распоряжаться имуществом супружеским с ее одобрения и по доверенности (ст. 112) (см.: Ярошенко Т.В. История развития имущественных отношений супружеских в российском праве // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 24–27; Иванов А.А. Содержание брачного правоотношения // Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 294; и др.).

³ См.: СЗ РФ. 1994. № 32, ст. 3301.

прямо упоминается термин «собственность и собственник», что дает основание утверждать, что осуществление указанных правомочий в отношении имущества, собственником которого являются супружеские, возможно с определенными изъятиями и исключениями, в том смысле, что порядок управления таким имуществом, включая распоряжение по сделкам, возможен только по обоюдному согласию супружеских. Речь идет о необходимости получения согласия двух собственников на сделку по распоряжению имуществом, что отличает их от сделок, совершаемых собственником такого же имущества в сфере гражданских отношений.

Упоминание в ст. 36 СК РФ категории «имущество каждого из супружеских» выглядит весьма противоречиво, поскольку в Российской Федерации признаются частная, государственная, муниципальная и иные формы собственности (ч. 1 ст. 212 ГК РФ). Вместе с тем в отдельных нормах Семейного кодекса РФ прослеживается полное или частичное «нормативное пересечение» с нормами Гражданского кодекса РФ, в частности, порядок владения, пользования и распоряжения имуществом, находящимся в совместной собственности, общая собственность супружеских определяется ст. 253, 256 ГК РФ, содержание которых также основано на презумпции согласия каждого участника совместной собственности, однако законодатель не уточняет, в какой форме оно должно быть получено.

Полагаю, что такой разный уровень «нормативного» регулирования отношений с участием супружеских можно объяснить тем, что нормы Семейного кодекса РФ, регулирующие их имущественные отношения, были приняты раньше, чем нормы Гражданского кодекса РФ, что не способствует синхронности их применения на практике. Нормы Семейного кодекса РФ не только отличаются от норм Гражданского кодекса РФ терминологически, но и нередко вступают с ними в прямое противоречие, что не позволяет обеспечить полноценную защиту имущественных прав супружеских. Учитывая потребность в сохранении автономности и самостоятельности семейных отношений, исключая «подмены» их сущности и социального назначения, их регулирование должно «умещаться» в сферу влияния норм Семейного кодекса РФ, особое значение которых наглядно проявляется в аспекте сохраняющейся тенденции регулирования имущественных отношений супружеских на основе гарантированной законодателем презумпции, когда все решения в браке рассматриваются как совместные, осуществляемые исключительно в интересах семьи. Такое понимание сущности имущественных отношений супружеских способствует пересмотру действующих режимов управления ими, определяет потребность в их новом осмыслении

с учетом реально складывающихся социально-экономических условий.

Законным режимом имущества супружеского является режим их совместной собственности (ч. 1 ст. 33 СК РФ), распространяющийся в отношении двух категорий субъектов – супруги и члены крестьянского фермерского хозяйства (ст. 256, 257 ГК РФ), все остальные участники гражданского оборота, если и обладают одним имуществом совместно, то у них возникает не совместная собственность, а общая долевая. По общему правилу возникновение режима совместной собственности в отношении имущества является исключением, что обусловлено наличием личных отношений, основанных на особом доверии между участниками, определяя тем самым общность их имущества. Применение законного режима в отношении имущества супружеского возможно при наличии предусмотренных законом условий, одновременное соблюдение которых и дает супругам право применять его в отношении своего имущества. Во-первых, необходимо зарегистрировать брак в органах записи актов гражданского состояния по правилам ч. 2 ст. 1, ч. 2 ст. 10 СК РФ, в результате заключения которого лица становятся носителями специального правового статуса «супруги», данным статусом не наделяются лица, находящиеся в иных длительных отношениях (именуемых фактическими)⁴. Во-вторых, приобретать имущество по сделкам в период брака до того момента, пока он не прекратился (ст. 16, 25 СК РФ). Совокупность указанных условий образует состав юридических фактов, необходимый для возникновения законного режима имущества супружеского.

⁴ По нашему убеждению, выявление юридически значимых условий, необходимых для возникновения законного режима, позволяет не только реализовать фундаментальные направления политики государства, но и ограничить такие отношения от иных (т.н. фактических, гражданского брака), потребность в защите которых все чаще озвучивается на законодательном уровне. Предпринимаемые попытки направлены на признание юридического значения за такими отношениями, включая возможность распространить нормы Семейного кодекса РФ в отношении имущества таких лиц. Однако, как справедливо отмечают отдельные авторы, ни понятие «фактическое прекращение брачных отношений», ни правовые последствия разлучения супружеского до настоящего времени не нашли отражения в нормах Семейного кодекса РФ (за исключением ситуационной нормы п. 4 ст. 38). Закономерно, что до тех пор, пока нет решения, практика формируется за счет расширительного толкования правовых норм и свободного применения судами дискреционных полномочий, что позволило сформировать самостоятельное понятие о фактическом прекращении брачных отношений как правовом явлении (см.: Усачева Е.А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супружеского // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 4. С. 91–111; Тагаева С.Н. Влияние государственной политики, направленной на улучшение жилищных условий, на имущественные отношения супружеского // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 16–19; и др.).

Такой режим получил широкое распространение на практике ввиду «привлекательности» его положений для подавляющего большинства супружеского, поскольку позволяет обеспечить защиту имущественных прав наиболее экономически незащищенных членов семьи. Одновременно следует признать, что такой режим удобен для тех супружеских, отношения которых в браке стабильны, у них отсутствуют какие-либо разногласия, касающиеся порядка управления общим имуществом. Как правило, это супруги, имущественная активность которых в браке минимальна, они не совершают на регулярной основе различных сделок с общим имуществом, не являются участниками корпоративных отношений, что позволяет рассматривать нормы, определяющие законный режим их имущества, в статике, когда отсутствие прямого применения не создает для супружеского юридических препятствий по управлению их общим имуществом. Возможность реализации таких норм происходит в случаях, когда супруги намерены расторгнуть брак, или когда есть необходимость в разделе их общего имущества по правилам ст. 38 СК РФ в период брака. В таком случае можно признать, что нормы, определяющие содержание законного режима супружеского, отличаются подвижностью⁵.

Для супружеского, которые занимают активную позицию в браке в сфере их имущественных отношений (постоянно продают, закладывают имущество, оформляют кредиты, займы, являются участниками обществ, занимаются предпринимательской деятельностью), эффективность норм, определяющих содержание их законного режима, становится если не условным, то слабо применимым инструментом для управления имуществом⁶. Дополнительные сложности полноценной реализации таких норм обусловлены спецификой

⁵ См.: Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: от 27.06.2023 № 11-КГ23-6-К6; от 11.07.2023 № 56-КГ23-6-К9; от 13.06.2023 № 69-КГ23-4-К7; от 23.05.2023 № 48-КГ23-1-К7 и др.

⁶ Нормы, определяющие механизмы регулирования имущественных отношений супружеского, известны и зарубежным правопорядкам. Так, например, Гражданское уложение Германии, использующее модель отложенной общности для организации имущественных отношений супружеского, устанавливает, что объем конечного имущества, принимаемого для расчета полученных в браке выгод, рассчитывается на момент прекращения режима имущественных отношений; в Италии различают имущественные последствия т.н. личного и юридического разлучения; во Франции режим общности прекращается в результате установления режима раздельного проживания супружеского или ввиду установления раздельного режима их имущества (ст. 1441 ГК Франции) и др. (см.: Burgerliches Gesetzbuch. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/bgb/> (дата обращения: 20.08.2023); Codice Civile. URL: <https://www.gazzettaufficiale.it/anteprima/codici/codiceCivile> (дата обращения: 29.05.2022); Code Civil. URL: <http://www.legifrance.gouv.fr/affichCode.do?cidTexte=LEGITEXT000006070721> (дата обращения: 20.08.2023)).

самого объекта, по поводу которого они применяются⁷, поскольку и терминологически, и по содержанию категория «имущество» в сфере семейных и гражданских отношений имеет сущностные отличия, определяемые, в первую очередь, разноотраслевой природой регулируемых отношений. Категория «имущество» в гражданских отношениях определяется широко, охватывает не только вещи (ст. 133, 134 ГК РФ), имущественный комплекс (ст. 132 ГК РФ), но и имущественные права и обязанности (ст. 307 ГК РФ). В сфере семейных отношений «имущество» рассматривается как единый объект, представляющий совокупность активов и пассивов, что фактически отвечает сущности брачных отношений, учитывающих неразделенное имущество супружеского как презумпцию, назначение которой определяет условия функционирования законного режима. В этом смысле используемый законодателем в гл. 7 СК РФ оборот «общее имущество супружеское» логичен, поскольку охватывает не только вещное право на объекты, но и все «активы» и «пассивы», находящиеся в собственности супружеского в период нахождения их в браке.

Особенности сделок супружеских: форма, содержание, правовые последствия

Эффективность применения норм, определяющих содержание законного режима имущества супружеского, зависит от сложившихся отношений между супружескими, степени их доверия по отношению друг к другу, периодичности совершаемых ими сделок в отношении их имущества, происходит ли такое распоряжение по взаимному согласию между ними, решают ли возникающие разногласия супружеские оба идентично в интересах семьи. Представляется, что имущественные отношения супружеского на практике сложно поддаются сугубо формальной регламентации, поскольку опосредованно зависят от их личных отношений, когда отсутствие конфликтов и споров между ними в конечном счете оказывается на стабильности их имущественных отношений. Очевидно, что такое состояние обеспечивается при условии сохранения брака как одного из фундаментальных условий функционирования законного режима имущества супружеского. Иными словами, если супружеские не ставят вопрос о разделе их общего имущества, выделении доли, определении имущества каждого из них в составе общей собственности (ст. 38, 39 СК РФ), до этого момента применение норм, определяющих содержание режима их общей совместной

собственности, не вызывает каких-либо сложностей. Вместе с тем даже когда отношения между супружескими ровные, лишены конфликтов, они не находятся в состоянии спора относительно их имущества, регулирование их внешних отношений с третьими лицами требует соблюдения определенных правил, в частности при совершении ими сделок с их общим имуществом. Речь идет о правилах, определяющих порядок совершения супружескими сделок с третьими лицами, неукоснительное соблюдение которых позволит исключить возможность признания их недействительными.

Совершение одним из супружеских сделки по распоряжению их общим имуществом основано на презумпции согласия другого супружеского (ч. 2 ст. 35 СК РФ), которая относится к числу обязательных элементов их общей совместной собственности. Данное требование закона основано на предположении о доверительной основе отношений супружеских, что дает право одному из них распоряжаться судьбой тех объектов их собственности, которые не поименованы в ч. 3 ст. 35 СК РФ. Исключение касается сделок по распоряжению имуществом, права на которое подлежат регистрации, сделок, для которых законом предусмотрена нотариальная форма удостоверения или государственная регистрация, совершение которых возможно только при наличии нотариально удостоверенного согласия другого супружеского⁸. Полагаем, что такое требование закона относится к числу специальных, его соблюдение дает право заключать указанные сделки таким образом, чтобы исключить возможность признания их недействительными в дальнейшем, что позволяет его рассматривать как один из особых способов защиты прав супружеского, не участвующего в сделке.

Однако, несмотря на предусмотренное законом требование, на практике такой супружеский практически не имел возможности защитить свои имущественные права в отношении их общего имущества, что приводило к нарушению не только его прав, но и ставило

⁷ См.: Летова Н.В. Материнский капитал как разновидность социальной поддержки семей с детьми: проблемы правоприменения и пути решения // Государство и право. 2022. № 5. С. 96–103; Чашкова С.Ю. Жилое помещение как объект сделок, регулирующих имущественные отношения супружеских, в свете изменений жилищного законодательства // Закон. 2023. № 3. С. 41–50; и др.

⁸ Как известно, значение сделки определяется по форме ее заключения (франц. – *la forme emporte le fond*), поэтому требование о получении согласия супружеского в нотариальной форме направлено не только на обеспечение защиты его прав, но и тем самым государство, возлагая такие функции на нотариуса, обеспечивает их своевременную регистрацию, осуществляя функции публичного контроля за такими сделками. Наиболее полная характеристика публично-правового статуса нотариата представлена в постановлении Конституционного Суда РФ от 23.12.1999 г., согласно которому особой юридической деятельностью признается деятельность нотариусов, обеспечивающая на профессиональной основе защиту прав и законных интересов граждан и юридических лиц. Такая деятельность осуществляется от имени государства, является гарантией доказательственной силы и публичного признания нотариально оформленных документов, а следовательно, предопределяет специальный публично-правовой статус нотариусов // СПС «КонсультантПлюс».

под угрозу законные права т.н. добросовестного приобретателя имущества. Последний находился в состоянии потенциального риска, поскольку не мог проверить наличие семейного статуса у стороны по сделке⁹. В целях устранения таких ситуаций и обеспечения защиты прав всех участников сделки, ч. 3 ст. 35 СК РФ была скорректирована в части определения правовых последствий таких сделок, определив, что отсутствие согласия супруга на совершение сделки дает ему право требовать признания ее недействительной в судебном порядке в течение года со дня, когда он узнал или должен был узнать о ее совершении по правилам ст. 173¹ ГК РФ (абз. 2 ч. 3 ст. 35 СК РФ). Законодатель конкретизировал последствия сделок супружеских, применив к ним правила ст. 173¹ ГК РФ¹⁰, согласно которой оспорить сделку возможно при условии, что она совершена без согласия третьего лица, органа юридического лица или государственного органа либо органа местного самоуправления. Важно, что для применения данной нормы необходимо доказать недобросовестность третьего лица, однако, как правило, для такого третьего лица (имеется в виду третье лицо, которое выступает в качестве стороны сделки), наличие супруга (или статуса супруга) у стороны-отчуждателя того или иного имущества неочевидно. Стороне по сделке проблематично определить, в отношении какого вида имущества, общего или личного, совершается сделка, что ставит под сомнение ее действительность¹¹. Вместе

⁹ Существующий порядок ведения реестра не позволяет получить такую информацию, поскольку сам факт внесения в ЕГРН записи о государственной регистрации права собственности одного из супружеских и указание в свидетельстве о государственной регистрации права или выписке из ЕГРН в качестве правообладателя одного из супружеских не отменяет законного режима имущества супружеских, если он не был изменен в установленном порядке. Соответственно, в этом случае оба супружеских являются собственниками объекта недвижимости, правообладателем которого в ЕГРН указан один из них (см.: Письмо Росреестра от 28.10.2015 № 14-10087/15). Полагаем, что сведения о лице, в отношении которого зарегистрировано право на объект недвижимости, должны быть скорректированы в части указания на имеющийся у него статус супружеского в соответствии с нормами (см.: Федеральный закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «О государственной регистрации недвижимости» (ст. 9) // СЗ РФ. 2015. № 29 (ч. I), ст. 4344).

¹⁰ Дополнительно были изменены и другие нормы Семейного кодекса РФ, в частности п. 2 ст. 39. Так, термин «расходовал общее имущество супружеских в ущерб интересам семьи» был заменен на «совершал недобросовестные действия, которые привели к уменьшению общего имущества супружеских, в том числе совершил без необходимого в силу п. 3 ст. 35 СК РФ согласия другого супружеского на невыгодных условиях такие сделки по отчуждению общего имущества супружеских, к которым судом не были применены последствия их недействительности по требованию другого супружеского» (см.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 310-ФЗ «О внесении изменений в Семейный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. III), ст. 5277).

¹¹ Как известно, для сделки существенными являются два условия, первое: юридическое действие должно произвести изменение в существующих отношениях (изменение права,

с тем в зависимости от принадлежности имущества (имущество супружеского или их общее), его вида (движимое или недвижимое), определяется порядок осуществления таких сделок, соблюдение которого позволяет минимизировать риски признания их недействительными в будущем. Так, отчуждение общего движимого имущества не требует обязательного согласия другого супружеского в нотариальной форме, поскольку его согласие презумируется и согласуется с содержанием ч. 3 ст. 35 СК РФ, ст. 130 ГК РФ¹². В случае если супружеские решили заключить договор дарения движимых вещей, стоимость которых превышает установленную законом сумму (по смыслу ст. 574 ГК РФ это 3 тыс. руб.), то необходимо соблюдение письменной формы, дарение недвижимости или передача его в качестве залога потребует нотариально удостоверенное согласие другого супружеского. Напротив, если в качестве предмета залога рассматривается общее движимое имущество (например, автомобиль), нотариальное удостоверенное согласие другого супружеского не требуется, что отвечает ч. 3 ст. 35 СК РФ, ст. 130, ч. 1 ст. 131, ч. 1, 4 ст. 339¹ ГК РФ.

Практика применения норм, определяющих порядок совершения сделок в отношении имущества супружеских, не единообразна, что объясняет потребность повышения контроля за их процедурой со стороны государства. Определение правовых последствий таких сделок по правилам ст. 173¹ ГК РФ, на наш взгляд, выглядит малоубедительно и скорее свидетельствует о вынужденном решении законодателя, поскольку применение категории «третье лицо» по отношению к супружескому не соотносится с общетеоретическими положениями о них¹³. Если об-

переход права или прекращение права) и действие должно отличаться целенаправленностью к изменению имеющихся отношений между сторонами (см.: Гrimm D.D. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: пролегомены к общей теории гражданского права. СПб., 1900. С. 93–153; Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 9. С. 122–139; и др.).

¹² См.: Определения Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ: от 26.10.2021 № 5-КГ21-116-К2; от 18.06.2019 № 38-КГ19-4; постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2023 № 23 «О применении судами правил о залоге вещей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2023. № 8.

¹³ В теории права категория «третье лицо» употребляется в разных значениях, в сфере процессуальных отношений третьим лицом является участник спора, так или иначе заинтересованный в исходе рассмотрения дела. Такое лицо приобретает соответствующий процессуальный статус (заявляющие самостоятельные требования или нет) после привлечения его к участию в деле судом, например, по искам о разделе совместно находившегося имущества супружеских в деле может быть заинтересован кто-либо из родственников, передавший им свое имущество во временное пользование. В гражданских – потенциально третье лицо может так или иначе вступить в соприкосновение с чужим относительным правом, и поэтому оно должно исходить из того, что законно возникшее чужое относительное

ратиться к исследованиям, посвященным определению понятия третьего лица, можно признать, что супруги, в том числе и бывшие, к категории третьих лиц никогда не относились. Категория «третье лицо» используется в сфере имущественных отношений супружов опосредованно, когда речь идет о характеристике их структуры, в содержании которой традиционно выделяют т.н. внутренние отношения, т.е. отношения, возникающие непосредственно между супружами, например в случае продажи друг другу доли в праве на их общее имущество, и т.н. внешние, когда супруги вступают в отношения с третьими лицами, например в случае продажи их совместного имущества третьему лицу.

Однако в данном случае применение категории «третье лицо» обоснованно, поскольку указывает на наличие «постороннего» лица в сделке, являющегося приобретателем имущества супружов, но применяется оно в ином смысле, чем это заложено в ст. 173¹ ГК РФ¹⁴. При разрешении дела о признании сделки недействительной в суде, стороне, инициирующей такое дело, необходимо будет представить доказательства, подтверждающие, что другая сторона в сделке знала или должна была знать об отсутствии согласия супруга на ее совершение, приобретатель имущества был осведомлен о наличии спора между супружами относительно их имущества, нежелании одного из них давать согласие на его распоряжение и пр. (ч. 1 ст. 56, п. 4, 5 ч. 2 ст. 131 ГПК РФ).

Кроме того, такое решение распространяет в отношении сделок, возникающих в сфере семейных отношений, последствия, связанные с их недействительностью и определяемые по правилам гражданского законодательства, что свидетельствует о попытке законодателя «встроить» семейные отношения в нормы цивилистики, что трудно достижимо по причине разной правовой природы отношений. Очевидно, что именно потребность

право в принципе обладает юридической действительностью и требует признания со стороны третьих лиц в случае, если оно затронет правовую сферу (см.: *Исаенкова О. В. Понятие иска // Иск в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. О. В. Исаенковой. 2-е изд. М., 2020. С. 10–45; Ионова Д. Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Росс. судья. 2018. № 7. С. 18; Томилов А. Ю. Субъекты замещения в гражданском судопроизводстве: косвенный (производный) иск // Журнал росс. права. 2022. № 5. С. 124–134; Нетишинская Л. Ф. К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10. С. 33–35; Чурилов А. Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства. М., 2019. С. 15, 20; и др.).*

¹⁴ До конкретизации ч. 3 ст. 35 СК РФ ст. 173¹ ГК РФ применялась, как правило, в отношении сделок с т.н. заинтересованностью (см.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 26.06.2018 № 27 «Об оспаривании крупных сделок и сделок, в совершении которых имеется заинтересованность» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 8).

в защите имущественных интересов супружов как участников сделки, добросовестных приобретателей их имущества, предопределила выбор законодателем такой нормы Гражданского кодекса РФ в части определения их правовых последствий. Тем не менее добиться гармонизации разноотраслевого законодательства и осуществить корреляцию его отдельных норм в целях улучшения практики их применения, на наш взгляд, будет проблематично¹⁵.

По нашему убеждению, регулирование имущественных отношений обусловлено влиянием на их содержание правового статуса супружов, распространяющегося на порядок заключения сделок с их участием, что предполагает расширение оснований для применения норм семейного законодательства к таким отношениям, ограничивая использование норм гражданского законодательства¹⁶. Полагаем, что прослеживаемая логика законодателя в нормах, определяющих порядок совершения супружами сделок в отношении их имущества, состоит в предположении об их совместном волеизъвлении по сделкам, чтобы фактически и с большей очевидностью у них возникли именно совместные

¹⁵ Нередко супруги злоупотребляют своими правами в бракоразводном процессе, что проявляется в их недобросовестных действиях и выражается в неоднократном предъявлении «условно разных» исков о разделе общего имущества, когда они предъявляются одним и тем же истцом к одному и тому же ответчику. В результате на практике возможно многократное рассмотрение судом споров о разделе имущества одних и тех же супружов – например, в одном «делится» недвижимость, во втором – доля в капитале ООО, в третьем – денежные средства на счетах, причем в ходе каждого из этих «разделов» для определения прав супружов суд использует разные пропорции. Можно предположить, что такая практика сформировалась в результате некорректного содержания п. 6 ст. 38 СК РФ, применяемого в отношении части общего имущества супружов, «которая не была разделена». В результате таких действий общее имущество супружов подлежит искусственно му «дроблению», «размывается», а отдельное исковое требование о разделе отдельного объекта, как правило, преследует лишь одну цель – придать преюдициальное значение отдельным обстоятельствам, которые отражены в судебном решении. Как справедливо отмечено, «предъявление иска как средство защиты субъективного права является волевым действием, направленным на защиту имеющегося у лица субъективного права, которое реализуется в порядке, предусмотренном гражданским процессуальным законодательством, но не является сделкой (см.: *Рожкова М. А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006; Михайлова Е. В., Чуча С. Ю., Летова Н. В., Соловяненко Н. И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74; и др.*).

¹⁶ Как точно определено в литературе, такая сделка отличается наличием «известных принадлежностей двойкого рода, одни касаются лиц, участвующих в сделке, то есть ее субъектов, другие – предметов, составляющих ее содержание; первые – есть субъективные или подлежательные, вторые – объективные или предлежательные» (см.: *Мейер Д. И. Русское гражданское право: в 2 ч., по доп. изд. 1902 г. М., 2000. С. 202–205*).

обязательства. Такое правило ведения общих дел супружов в имущественных отношениях со всей закономерностью влечет за собой общую ответственность по принятым одним из них в пользу их обоих обязательств, учитывая специфику отношений в браке, их лично-доверительную основу.

Для супружов, имущественные отношения которых в браке отличаются статикой, а личные отношения стабильны, лишены конфликтов и споров, получение такого согласия на сделку имеет скорее «декларативное» значение, подтверждающее степень их взаимного доверия и совместного принятия решений в браке. Применительно к отношениям с участием третьих лиц такое согласие, на наш взгляд, приобретает «фиксирующее» значение, необходимое для оценки законности совершающей сделки, подтверждающее их совместное волеизъявление по сделке, что дает возможность оценить сделку на предмет ее соответствия требованиям закона и по форме, и по содержанию, позволяет рассматривать ее в качестве юридического основания для возникновения совместных обязательств супружов.

Можно предположить, что содержание ч. 3 ст. 35 СК РФ в части определения правовых последствий сделок по правилам ст. 173¹ ГК РФ, является специальным требованием, поскольку отсутствие согласия супруга на определенные виды сделок, совершаемые в сфере семейных отношений, имеет юридическое значение для реализации норм Семейного кодекса РФ и одновременно становится императивным препятствием в смысле возникающих последствий, определяемых нормами гражданского законодательства, в случае реализации общего имущества супружов.

Представляется, что совершенствование механизмов регулирования имущественных отношений супружов возможно посредством решения законодателем как теоретических вопросов, направленных на формирование необходимого категориального аппарата, так и практических, путем корректировки названия и содержания ст. 173¹ ГК РФ. Учитывая, что норма применима в отношении сделок с участием супружов, целесообразно уточнить ее содержание в части указания на отсутствие согласия на сделку лица, обладающего специальным правовым статусом в силу закона. Поскольку правовые последствия таких сделок определяются нормами иного отраслевого законодательства, целесообразно не применять термин «супруг» в указанной норме Гражданского кодекса РФ с тем, чтобы правовой статус лица, указывающий на его «принадлежность» к сфере семейных отношений, не оказывал определяющего значения при применении разноотраслевых норм, направленных на регулирование отношений с их участием.

Предлагается уточнить название ст. 173¹ ГК РФ: «Недействительность сделки, совершенная без согласия третьего лица, лица, обладающего специальным правовым статусом в силу закона, органа юридического лица», скорректировать содержание нормы в соответствующей части, что позволит на практике дифференцировать не совпадающие между собой категории «супруг» и «третье лицо», тем самым обеспечить нормативные условия для поиска оптимальных решений, направленных на определение порядка применения отраслевых норм в отношении сделок с участием супружов.

Выводы

Современные реалии, оказывающие влияние на условия функционирования гражданского оборота, обусловили появление новых отношений с участием лиц, обладающих правовым статусом супружов, способствовали повышению степени их активности в имущественных отношениях, что потребовало усовершенствования норм, определяющих механизмы их регулирования. Традиционно законный режим имущества супружов определяет порядок принадлежности супружеского имущества к общему и раздельному, а также устанавливает правила совершения сделок с общим имуществом одним из супружов, в том числе основания их недействительности.

Переосмысление норм, устанавливающих содержание законного режима имущества супружов, определение условий для их эффективного применения на практике, потребует корректного определения правовых последствий сделок с их участием, устранения весьма абстрактных и оценочных категорий, применяемых в Семейном кодексе РФ, таких как «общее имущество», «состав имущества», «имущество каждого из супружов», сделки «в интересах семьи», определения таких понятий, как «имущество», «бывшие супруги» и др.

Особенности сделок, совершаемых супружами в отношении их общего имущества, проявляются в соблюдении не только общих, но и специальных требований закона, касающихся формы таких сделок, что позволит минимизировать случаи признания их недействительными и обеспечить защиту прав супружов.

По нашему убеждению, влияние правового статуса супружов на содержание их имущественных отношений будет только усиливаться, а проблемы обеспечения защиты их прав в процессе совершения сделок в отношении их имущества потребуют поиска таких механизмов, которые позволили бы эффективно урегулировать не только внутренние, но и внешние отношения супружов с третьими лицами при совершении ими сделок в отношении их общего имущества.

Полагаем, что определение правовых последствий таких сделок потребует от законодателя принятия сбалансированных решений, направленных на расширение сферы влияния семейного законодательства в сфере имущественных отношений супружов, что позволит создать нормативные условия для обеспечения защиты их имущественных прав и гармонизировать нормы разноотраслевого законодательства, применяемые для их регулирования.

Решение такой задачи обеспечит искомый баланс между потребностью сохранения автономности семейных отношений, принятием супружами решений по обоюдному согласию и необходимостью обеспечения надлежащей защиты их имущественных прав в случае заключении ими сделок в отношении их имущества, что дополнительно будет способствовать обеспечению стабильности гражданского оборота.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гrimm D.D. Основы учения о юридической сделке в современной немецкой доктрине пандектного права: прологомены к общей теории гражданского права. СПб., 1900. С. 93–153.
- Иванов А.А. Содержание брачного правоотношения // Гражданское право / под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. М., 1998. С. 294.
- Ионова Д.Ю. Косвенные иски как способ защиты интересов участников коммерческих корпораций // Росс. судья. 2018. № 7. С. 18.
- Исаенкова О.В. Понятие иска // Иск в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие / под ред. О.В. Исаенковой. 2-е изд. М., 2020. С. 10–45.
- Летова Н.В. Материнский капитал как разновидность социальной поддержки семей с детьми: проблемы правоприменения и пути решения // Государство и право. 2022. № 5. С. 96–103.
- Мейер Д.И. Русское гражданское право: в 2 ч., по доп. изд. 1902 г. М., 2000. С. 202–205.
- Михайлова Е.В., Чуча С.Ю., Летова Н.В., Соловяненко Н.И. Судебная и несудебная защита гражданских, семейных и трудовых прав в условиях глобализации и цифровизации государства и общества // Государство и право. 2022. № 9. С. 66–74.
- Нетшинская Л.Ф. К вопросу о влиянии третьих лиц на динамику обязательственного правоотношения // Юрист. 2005. № 10. С. 33–35.
- Резанов Н.В. Односторонние сделки: общие принципы правового регулирования (часть 1) // Вестник экономического правосудия РФ. 2022. № 9. С. 122–139.
- Рожкова М.А. Средства и способы правовой защиты сторон коммерческого спора. М., 2006.
- Тагаева С.Н. Влияние государственной политики, направленной на улучшение жилищных условий, на имущественные отношения супружов // Семейное и жилищное право. 2022. № 3. С. 16–19.
- Томилов А.Ю. Субъекты замещения в гражданском судопроизводстве: косвенный (производный) иск // Журнал росс. права. 2022. № 5. С. 124–134.
- Усачева Е.А. Правовые последствия фактического прекращения брачных отношений для имущественных отношений супружов // Право. Журнал ВШЭ. 2022. № 4. С. 91–111.
- Чашкова С.Ю. Жилое помещение как объект сделок, регулирующих имущественные отношения супружов, в свете изменений жилищного законодательства // Закон. 2023. № 3. С. 41–50.
- Чурилов А.Ю. Участие третьих лиц в исполнении гражданско-правового обязательства. М., 2019. С. 15, 20.
- Ярошенко Т.В. История развития имущественных отношений супружов в российском праве // Семейное и жилищное право. 2020. № 5. С. 24–27.

REFERENCES

- Grimm D.D. Fundamentals of the doctrine of a legal transaction in the modern German doctrine of pandect law: prolegomena to the General theory of Civil Law. St. Petersburg, 1900. pp. 93–153 (in Russ.).
- Ivanov A.A. The content of marital relations // Civil Law / ed. by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. M., 1998. P. 294 (in Russ.).
- Ionova D. Yu. Indirect lawsuits as a way to protect the interests of participants in commercial corporations // Russ. judge. 2018. No. 7. P. 18 (in Russ.).
- Isaenkova O.V. The concept of a claim // Claim in civil proceedings: textbook / ed. by O.V. Isaenkova. 2nd ed. M., 2020. Pp. 10–45 (in Russ.).
- Letova N.V. Maternity capital as a kind of social support for families with children: problems of law enforcement and solutions // State and Law. 2022. No. 5. Pp. 96–103 (in Russ.).
- Meyer D.I. Russian Civil Law: in 2 parts, according to the additional ed. of 1902. M., 2000. Pp. 202–205 (in Russ.).
- Mikhailova E.V., Chucha S. Yu., Letova N.V., Solovyanenko N.I. Judicial and non-judicial protection of civil, family and labor rights in the context of globalization and digitalization of the state and society // State and Law. 2022. No. 9. Pp. 66–74 (in Russ.).
- Netishinskaya L.F. On the issue of the influence of third parties on the dynamics of the legal relationship of obligations // Lawyer. 2005. No. 10. Pp. 33–35 (in Russ.).
- Rezanov N.V. Unilateral transactions: general principles of legal regulation (part 1) // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. 2022. No. 9. pp. 122–139 (in Russ.).
- Rozhkova M.A. Means and methods of legal protection of the parties to a commercial dispute. M., 2006 (in Russ.).
- Tagaeva S.N. Influence of state policy aimed at improving housing conditions on property relations of spouses // Family and Housing Law. 2022. No. 3. Pp. 16–19 (in Russ.).

12. *Tomilov A. Yu.* Subjects of substitution in civil proceedings: an indirect (derivative) claim // *Journal of Rous. Law.* 2022. No. 5. Pp. 124–134 (in Russ.).
13. *Usacheva E.A.* The legal consequences of the actual termination of marital relations for the property relations of spouses // *Law. HSE Journal.* 2022. No. 4. Pp. 91–111 (in Russ.).
14. *Chashkova S. Yu.* Residential premises as an object of transactions regulating property relations of spouses in the light of changes in housing legislation // *Law.* 2023. No. 3. Pp. 41–50 (in Russ.).
15. *Churilov A. Yu.* Participation of third parties in the performance of a civil obligation. M., 2019. Pp. 15, 20 (in Russ.).
16. *Yaroshenko T.V.* The history of the development of property relations of spouses in Russian law // *Family and Housing Law.* 2020. No. 5. Pp. 24–27 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЛЕТОВА Наталья Валерьевна –
доктор юридических наук,
главный научный сотрудник сектора
процессуального права
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

LETOVA Natalia V. –
Doctor of Law,
Chief Researcher of the Sector
of Procedural Law,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ПОЛИТИКА ПАМЯТИ В ЕС: ОСМЫСЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПРОШЛОГО

© 2024 г. Н. В. Варламова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: varlam_n@list.ru

Поступила в редакцию 09.09.2024 г.

Аннотация. Сегодня политика исторической памяти перестает быть исключительной прерогативой национальных государств и активно разрабатывается как на транснациональном уровне, так и институтами гражданского общества, региональными и местными сообществами. В Европейском Союзе общая политика памяти является неотъемлемой частью интеграционного процесса и обеспечивает его легитимацию. При этом важно, чтобы в стремлении к укреплению европейской идентичности не искались исторические факты и общему прошлому государств – членов ЕС давалась честная оценка. В статье рассматриваются проблемы осмысливания в ЕС колониального прошлого Европы и используемые стратегии обращения с ним. Опыт проработки в ЕС этого сложного периода европейской истории и принятия его негативной оценки, несомненно, является полезным для других сообществ.

Ключевые слова: политика памяти, колониализм, Европейский Союз, Еврафрика, искупление, восстановительная справедливость.

Цитирование: Варламова Н.В. Политика памяти в ЕС: осмысливание колониального прошлого // Государство и право. 2024. № 10. С. 193–205.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100178

THE POLITICS OF MEMORY IN THE EU: REFLECTING THE COLONIAL PAST

© 2024 N. V. Varlamova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: varlam_n@list.ru

Received 09.09.2024

Abstract. Today, the policy of historical memory is no longer the exclusive prerogative of national states and is being actively developed both at the transnational level and by civil society institutions, regional and local communities. In the European Union, the common memory policy is an integral part of the integration process and provides its legitimization. At the same time, it is important that in an effort to strengthen the European identity historical facts are not distorted and the common past of the EU member states is given an honest assessment. The article examines the problems of reflecting Europe's colonial past in the EU and the strategies used to deal with it. The EU's experience of working through this complex period of European history and accepting its negative assessment is undoubtedly useful for other communities.

Key words: politics of memory, colonialism, European Union, Eurafrica, atonement, reparative justice.

For citation: Varlamova, N.V. (2024). The politics of memory in the EU: reflecting the colonial past // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 193–205.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) "Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia", carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Введение

Повествование об общем историческом опыте и обращение к общим воспоминаниям о прошлых событиях на протяжении веков было неотъемлемой составляющей построения общества. Историческая память связана с формированием не только сознания и самосознания отдельного человека, но и коллективной идентичности и сыграла важную роль в становлении современных национальных государств. Поэтому неудивительно, что «выяснение отношений» с прошлым и выработка общей политики памяти происходили в рамках национальных государств, несмотря на то что многие исторические события, в том числе «порождающие противоречивые воспоминания — войны, геноциды, нарушения прав человека», имели глобальный или региональный характер¹. Между тем объективное, неполитизированное и неконфронтационное осмысление таких событий вряд ли возможно исключительно на национальном уровне, что и предопределило тенденцию «денационализации» политики памяти, которая перестает быть

исключительной прерогативой государств и активно разрабатывается как на транснациональном уровне, так и институтами гражданского общества, региональными и местными сообществами².

Транснационализация и универсализация дискурсов памяти является важной составляющей европейской интеграции. Формирование общеевропейской политики памяти преследует цель укрепления европейской идентичности и, как следствие, легитимации интеграционного процесса и наднационального уровня власти в ЕС. Такая задача была поставлена еще в Декларации о европейской идентичности от 14 декабря 1973 г.³, согласно которой определение европейской идентичности

² См.: Sierp A. Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. Northampton, 2023. P. 81.

³ См.: Declaration on European Identity, was published in Copenhagen, on 14 December 1973, during the Conference of Heads of State or Government. The Copenhagen Summit Conference of 14 and 15 December 1973 // Bulletin of the European Communities. December 1973. No. 12. Luxembourg: Office for official publications of the European Communities. Pp. 118–122 // CVCE.eu. URL: http://www.cvce.eu/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (дата обращения: 28.06.2024).

¹ См.: Sierp A., Wüstenberg J. Linking the Local and the Transnational: Rethinking Memory Politics in Europe // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23. Iss. 3. P. 322.

предполагало обращением к общему наследию государств-членов (пreamble).

Вопросы коллективной исторической памяти стали интенсивно разрабатываться в Европейском Союзе с 1990-х годов, ранее они находились в сфере внимания только государств-членов⁴. Как отмечалось в Докладе Комитета по культуре и образованию, представленном в Европейский парламент для принятия Резолюции от 17 января 2024 г. о европейском историческом сознании, «коллективная память — это центральный аспект формирования и укрепления групповой идентичности»⁵. И ЕС во многом воспринимает себя как «сообщество памяти»⁶. Общая историческая память призвана представить ЕС как образование, «имеющее общие политические и неполитические культурные основания»⁷.

Вместе с тем укрепление общеевропейской идентичности и повышение легитимности Европейского союза не может достигаться за счет пренебрежения исторической корректностью и произвольного отбора фактов. Политика памяти не должна концентрироваться только на «истории успеха», исключая «неудобные» аспекты общего прошлого. Не случайно Европейский парламент в Резолюции от 17 января 2024 г. о европейском историческом сознании⁸ специально акцентировал необходимость честной оценки «политики прошлого» ЕС, с помощью которой он стремится придать легитимность европейскому проекту, укрепить чувство принадлежности к Европе и способствовать мирному сосуществованию народов континента, в равной степени признавая и достижения, и негативные моменты (п. 4). Это особенно важно в связи с тем, что политика памяти всегда направлена на извлечение «уроков

⁴ См., напр.: *Lähdesmäki T.* Founding Myths of EU Europe and the Workings of Power in the EU Heritage and History Initiatives // European Journal of Cultural Studies. 2019. Vol. 22. Iss. 5–6. P. 782; *Sierp A.* EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. P. 686.

⁵ European Parliament. Report – A9-0402/2023. Report on European historical consciousness (2023/2112(INI)). Committee on Culture and Education. Rapporteur: Sabine Verheyen. 05.12.2023. P. 12 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0402_EN.html (дата обращения: 28.06.2024).

⁶ *Nicolaïdis K.* Southern Barbarians? A Post-Colonial Critique of EU Universalism // Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas. London; New York, 2015. P. 288; *Pace M., Roccu R.* Imperial Pasts in the EU's Approach to the Mediterranean // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. P. 679.

⁷ *Lähdesmäki T.* Op. cit. P. 782.

⁸ См.: European Parliament resolution of 17 January 2024 on European historical consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 30.07.2024).

из прошлого». Каждое сообщество имеет свои «тяжелые» страницы истории, «воспоминания» о которых достаточно сложны и противоречивы, но их «проработка» необходима для осознания настоящего и движения в будущее.

Исследователи отмечают, что рефлексия в отношении исторического прошлого государств — членов Европейского Союза долгое время в основном сосредоточивалась на проблемах их «внутренней» истории⁹, порожденных Второй мировой войной, которая «разорвала континент на части»¹⁰. Другому прошлому Европы, связанному с ее отношениями с остальным миром, и прежде всего эпохой колониализма, уделяется гораздо меньше внимания. Колониализм называют «забытым прошлым Европы»¹¹, «пробелом в европейской памяти»¹². Более того, фиксируются попытки позитивной оценки отдельных аспектов колониальной политики¹³. Однако, несмотря на то что колонизация несомненно способствовала модернизации соответствующих обществ, она прежде всего была «историческим примером жестокого политического, экономического и социального подчинения»¹⁴.

Некоторые исследователи полагают, что Европейский Союз до сих пор несет в себе своего рода «колониальный ген»¹⁵, который проявляется и в современных его отношениях с третьими странами, в том числе и в сохраняющихся предубеждениях в отношении народов бывших колоний, что стало достаточно очевидно, например, при регулировании миграционного кризиса¹⁶.

Еврафрика: несоставившийся проект

Многие из государств-основателей на момент создания ЕЭС были колониальными державами (Франция, Бельгия, Нидерланды, некоторым образом Италия, под опекой которой до 1960 г.

⁹ См., напр.: *Pace M., Roccu R.* Op. cit. P. 672; *Sierp A.* EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past. Pp. 686, 694; *Sierp A.* Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory. Pp. 90, 91.

¹⁰ *Nicolaïdis K.* Op. cit. P. 283.

¹¹ *Sierp A.* EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past. P. 687.

¹² *Sierp A.* Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory. P. 90.

¹³ См. об этом, напр.: *Pace M., Roccu R.* Op. cit. Pp. 671–673.

¹⁴ *Ibid.* P. 673.

¹⁵ *Nicolaïdis K.* Op. cit. P. 289; *Pace M., Roccu R.* Op. cit. Pp. 671, 672.

¹⁶ См., напр.: *Jeandesboz J., Pallister-Wilkins P.* Crisis, Routine, Consolidation: The Politics of the Mediterranean Migration Crisis // Mediterranean Politics. 2016. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 316–320; *Sierp A.* Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory. P. 90.

находилась Сомали)¹⁷. И сама идея европейской интеграции была сопряжена среди прочего с необходимостью сохранения контроля над колониальными владениями¹⁸ и до 1960-х годов тесно связан с т.н. проектом Еврафрики, который, по сути, был направлен на упрочение колониальной системы¹⁹. Аналогичные идеи развивались и в рамках Совета Европы, в частности в принятом в 1952 г. Консультативной Ассамблей Совета Европы²⁰ Страсбургском плане: Предложения по улучшению экономических отношений между государствами – членами Совета Европы и заморскими государствами²¹, с которыми они имеют конституционные связи²². В знаменитой Декларации, представленной министром иностранных дел Франции Р. Шуманом 9 мая 1950 г., обосновывающей необходимость создания Европейского объединения угля и стали, подчеркивалось, что кооперация в угольном и сталелитейном производстве обеспечит Европу необходимыми ресурсами и она сможет приступить к выполнению одной из своих важнейших задач – развитию Африканского континента²³. «Архитектором единой Европы» Ж. Монне был предложен специальный «План для Африки», предусматривающий создание Высшего органа по управлению колониями и Европейского инвестиционного фонда для Африки²⁴.

Таким образом, Европейское сообщество родилось не только из стремления к радикальному разрыву с прошлым, преодолению и предотвращению в будущем ужасов войны и национализма; оно также преследовало цель сохранения «колониальной преемственности» – коллективного управления колониальным миром – прежде всего африканским континентом, который выходил из-под контроля отдельных государств-членов. Предполагалось, что бывшие колониальные владения будут интегрированы со всеми странами Европы. Таким образом, надеялись решить многие экономические (источники

¹⁷ См.: *Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past*. P. 689.

¹⁸ *Nicolaïdis K.* Op. cit. P. 284.

¹⁹ См.: *Hansen P., Jonsson S. Building Eurafrika: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–60* // *Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies* / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas. Pp. 207–224.

²⁰ В настоящее время Парламентская Ассамблея Совета Европы.

²¹ См.: *The Strasbourg Plan: Proposals for Improving the Economic Relations Between Member States of the Council of Europe and the Overseas Countries with which They Have Constitutional Links*. Strasbourg, 1952.

²² См.: *The Schuman Declaration (Paris, 9 May 1950)* // CVCE.eu. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/the_schuman_declaration_paris_9_may_1950-en-9cc6ac38-32f5-4c0a-a337-9a8ae4d5740f.html (дата обращения: 18.07.2024).

²³ См.: *Hansen P., Jonsson S. Op. cit. P. 214.*

сырья и рынки сбыта), демографические²⁴ и геополитические (усиление Европы) проблемы²⁵.

Изначально формат сотрудничества с зависимыми территориями был установлен без какого-либо учета их мнения²⁶. Вместе с тем с середины 1950-х годов политика ЕЭС в отношении колоний была направлена не на сохранение эксплуатации, а на развитие «взаимозависимости», адаптации отношений к растущей автономии и самоуправлению колоний. Проект Еврафрики преследовал цель «переформулирования колониальной гегемонии во взаимозависимость» в русле общей тенденции того времени переосмысливания понятия национального суверенитета²⁷. Одновременно некоторые исследователи оценивали такую политику как «приход неоколониализма в Африку»²⁸ и «новомодный механизм «коллективного колониализма»» – «более сильного и опасного, чем старое зло, которое мы стремимся ликвидировать»²⁹. Некоторые лидеры колоний рассматривали Еврафрику не только как стратегию, направленную на воспрепятствование обретению народами Африки полной национальной независимости, но и, что не менее важно, намеренную попытку предотвратить формирование любых типов самостоятельных проектов интеграции и регионализации в Африке, которые, назревали еще в межвоенный период³⁰.

По мнению исследователей, история Еврафрики показывает, что возникновение ЕС невозможно отделить от осознаваемой государствами-основателями необходимости сохранения и, возможно, даже обновления существовавшей колониальной системы³¹.

²⁴ Интересно, что в тот период демографические проблемы Европы виделись основателям ЕС принципиально иным образом по сравнению с тем, как они действительно обозначились в дальнейшем. Было широко распространено мнение, что Европа перенаселена, и это можно было бы устраниить за счет эмиграции и переселения избыточного населения на «пустые» территории к югу от Средиземного моря. Африка представлялась регионом, который сможет обеспечить «лишнее» население Европы землей для проживания и работой (см.: *ibid.* P. 209).

²⁵ См.: *Nicolaïdis K.* Op. cit. Pp. 283–284; *Hansen P., Jonsson S.* Op. cit. P. 209.

²⁶ См.: *Hansen P., Jonsson S.* Op. cit. P. 215.

²⁷ См.: *ibid.* P. 218.

²⁸ *Martin G. Africa and the Ideology of Eurafrika: Neo-Colonialism or Pan-Africanism?* // *The Journal of Modern African Studies*. 1982. Vol. 20. No. 2. P. 229.

²⁹ *Asante S.K.B., Chanaiwa D. Pan-Africanism and Regional Integration* // *General History of Africa*. Vol. VIII: Africa since 1935 / ed. by A.A. Mazrui, C. Wondji. Oxford, 1993. P. 740.

³⁰ См.: *Hansen P., Jonsson S.* Op. cit. Pp. 218, 219.

³¹ См.: *ibid.* P. 221.

В своем исходном виде проект Еврафрики утратил актуальность после обретения странами региона независимости. Но внимание ЕС к ним никогда не ослабевало. Уже в Декларации о европейской идентичности от 14 декабря 1973 г. ее принятие увязывалось с желанием Европейского Сообщества лучше определить свои отношения с другими странами, свои обязанности по отношению к ним и место в мировых делах (пreamble). Заявлялось, что Сообщество будет стремиться к развитию гармоничных и конструктивных отношений с третьими государствами (п. 10(а)). Нашло в Декларации отражение и наличие особых отношений с бывшими колониями: Сообщество будет выполнять свои обязательства в отношении стран Средиземноморья и Африки, чтобы укрепить свои давние связи с этими государствами. Государства-члены намерены сохранять свои исторические связи с государствами Ближнего Востока и сотрудничать с ними в деле установления и поддержания мира, стабильности и прогресса в этом регионе (п. 13), а также развивать отношение с КНР (п. 17), другими азиатскими государствами (п. 18) и государствами Латинской Америки (п. 19). Специально подчеркивалось, что настоящий мир невозможен, если развитые государства не будут уделять больше внимания менее благополучным. И государства-члены, убежденные в этом и осознающие свою ответственность и особые обязательства, придают очень большое значение борьбе с отставанием таких государств в развитии и полны решимости активизировать свои усилия в области торговли и помочь их развитию и укреплять международное сотрудничество в этих целях (п. 20).

Большинство новых независимых государств решили сохранить ассоциацию с ЕЭС в рамках специальных многосторонних конвенций (Яундских конвенций 1963 и 1969 гг., Ломейской конвенции 1975 г., Джорджтаунского соглашения 1975 г.)³². До ноября 2021 г. действовало Соглашение Котону от 23 июня 2000 г. (пересмотренное 25.06.2005 г.) – соглашение о партнерстве между группой государств Африки, Карибского бассейна и Тихого океана, с одной стороны, и Европейским Союзом и его государствами-членами – с другой, в целях ускорения экономического, культурного и социального развития государств региона, укрепления мира и безопасности, содействия созданию стабильной и демократической политической обстановки³³.

³² См.: OACPS-EU Joint Parliamentary Assembly. URL: <https://www.europarl.europa.eu/oacps/en/about/history> (дата обращения: 21.07.2024).

³³ См.: Cotonou Agreement // European Commission. URL: https://home-affairs.ec.europa.eu/networks/european-migration-network-emn/emn-asylum-and-migration-glossary/glossary/cotonou-agreement_en (дата обращения: 21.07.2024).

15 ноября 2023 г. ЕС и государства-члены подписали новое Соглашение о партнерстве с государствами – членами Организации африканских, карибских и тихоокеанских государств (OACPS) – Соглашение Самоа³⁴, которое будет служить общей основой для отношений ЕС с 79 государствами (в их число входят 48 африканских, 16 карибских и 15 тихоокеанских государств) на ближайшие двадцать лет. Соглашение охватывает около 2 млрд человек. Оно направлено на укрепление потенциала ЕС и государств данных регионов для совместного решения глобальных проблем. Соглашение устанавливает общие принципы сотрудничества в следующих приоритетных областях: демократия и права человека; устойчивый экономический рост и развитие; изменение климата; гуманитарное и социальное развитие; мир и безопасность; миграция и мобильность. Соглашение включает в себя общую основу и три региональных протокола для стран Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, учитывающие их особые потребности.

В соответствии со ст. 349 Договора о функционировании ЕС³⁵ Союз разрабатывает специальные стратегии действий в отношении т.н. отдаленных регионов³⁶, учитывающие их специфическое расположение, сложный рельеф и климат, экономическую зависимость от ограниченного перечня производимой продукции, что сдерживает их развитие. Такие стратегии регулярно принимаются Советом ЕС по предложению Европейской комиссии после консультации с Европейским парламентом³⁷. Начиная с 2004 г.³⁸ стратегии предусматривают план действий по расширению добрососедских отношений и сотрудничества во всех областях отдаленных

³⁴ См.: Samoa Agreement // Council of the European Union. URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/samoa-agreement/> (дата обращения: 21.07.2024).

³⁵ Consolidated versions of the Treaty on European Union and the Treaty on the Functioning of the European Union // OJ. C326. Vol. 55. 26 October 2012. Pp. 47–200.

³⁶ В Европейском Союзе девять таких регионов, географически удаленных от европейского континента: Французская Гвиана, Гваделупа, Мартиника, Майотта, остров Реюньон и Сен-Мартен (Франция), Азорские острова и Мадейра (Португалия), а также Канарские острова (Королевство Испания).

³⁷ См.: The European Strategy for the Outermost Regions // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/regional_policy/policy/themes/outermost-regions/strategy_en (дата обращения: 25.07.2024); European Parliament resolution of 13 June 2023 on the assessment of the new Commission communication on outermost regions (2022/2147(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2023-0228_EN.html (дата обращения: 25.07.2024).

³⁸ См.: Communication from the Commission – A stronger partnership for the outermost regions. COM/2004/0343. May 26, 2004. EU Monitor. URL: https://www.eumonitor.eu/9353000/1/j4nvhdfcs8bljza_j9vvik7m1c3gyxp/vikqh1qec6mb (дата обращения: 25.07.2024).

регионов с государствами Африки, Карибского бассейна, Тихоокеанского региона. Кроме того, в отношении заморских государств и территорий, перечисленных в Приложении II³⁹, действует специальный режим ассоциации с ЕС (ст. 355 Договора о функционировании ЕС).

Стратегия ЕС в отношении колониального прошлого: от амнезии к искуплению

Стратегию ЕС по отношению к колониальному прошлому государств-членов предлагается рассматривать как смешанную, включающую в себя амнезию (отрицание), переориентацию и искупление⁴⁰. Все три эти составляющие в той или иной мере присутствуют в политике ЕС, связанной с проработкой колониального прошлого и взаимодействием с бывшими колониями.

«Стратегия амнезии» предполагает замалчивание колониального прошлого многих государств – членов ЕС и позиционирование Европейским Союзом себя как объединения равных наций, провозглашающих и отстаивающих общие ценности⁴¹. Память о колониальном прошлом и преступлениях этого периода рассматривается как препятствие для дальнейшего развития экономических связей с государствами соответствующих регионов, что оправдывает «политику амнезии»⁴².

По мнению исследователей, с распадом колониальной системы «экспансионистские амбиции» были перенаправлены «вовнутрь», на строительство «большой объединенной Европы». «Стратегия переориентации» достигла кульминации в процессе «воссоединения» европейского континента, когда после завершения холодной войны государства Центральной и Восточной Европы освободились от влияния СССР и постепенно (в целом достаточно быстро) большинство из них присоединились к ЕС. В результате ЕС стал еще более

³⁹ Данное Приложение принято в 1957 г. к Договору об учреждении Европейского экономического сообщества (Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957) // CVCE.eu. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-ccabba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (дата обращения: 25.07.2024). В настоящее время оно действует в редакции Протокола № 1 Лиссабонскому договору (Protocol No. 1 amending the Protocols annexed to the Treaty on European Union, to the Treaty Establishing the European Community and/or to the Treaty Establishing the European Atomic Energy Community // Treaty of Lisbon amending the Treaty on European Union and the Treaty establishing the European Community, signed in Lisbon, 13 December 2007 // OJ. C306. Vol. 50. 17 December 2007. Pp. 165–194).

⁴⁰ См.: Nicolaïdis K. Op. cit. P. 283.

⁴¹ См.: ibid. Pp. 285, 286.

⁴² Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past. P. 691.

ассиметричным в плане политического и экономического веса государств-членов⁴³.

Исследователи отмечают, что вступление в ЕС государств Центральной и Восточной Европы имеет двоякие последствия для постколониального дискурса. С одной стороны, многие из этих государств сами осознают себя жертвами «советской имперской политики», что способствует росту внимания к проработке колониального прошлого Европы в целом. С другой стороны, некоторые государства Центральной и Восточной Европы отказываются принимать участие в дискуссии о наследии колониализма. Они считают себя скорее колонизированными государствами, чем связанными с каким-либо процессом колонизации, и не видят смысла брать на себя чужую вину, несмотря на то что тоже извлекали преимущества из существовавшей колониальной системы и были участниками сопряженных с ней отношений⁴⁴. Но очевидный «дисбаланс сил» в рамках ЕС обуславливает неспособность новых членов оспаривать доминирующие в Союзе нарративы по отношению к «внешнему миру». Кроме того, исследователи опасаются, что сами эти государства могут некоторым образом стать объектами «колонизации» внутри ЕС⁴⁵, где формируются свои «модели доминирования»⁴⁶. Существенным элементом давления внутри ЕС являются разработанные критерии членства и сама процедура приема. Разумеется, данные критерии функционируют исключительно как стимулы, и европейские государства (в отличие от колоний) могут свободно выбирать, стремиться ли к их выполнению, с тем чтобы, будучи принятыми в ЕС, получить все преимущества, сопряженные с членством. Но с учетом роли ЕС в Европе перспектива оставаться вне Союза выглядит не слишком привлекательной⁴⁷.

Вместе с тем предполагаемое «стратегией переориентации» уподобление колониальным практикам современных проблем, существующих в ЕС и обусловленных естественным фактическим неравенством экономического и политического веса государств-членов, а также не всегда полностью симметричных отношений с бывшими колониями обесценивает понятие колониализма. Исследователи отмечают тенденцию к выхолащиванию подлинного смысла термина «колониализм», который

⁴³ См.: Nicolaïdis K. Op. cit. P. 287.

⁴⁴ См.: Huigen S., Emmer P., Kołodziejczyk D. Central Europe and Colonialism: Introduction // European Review. 2018. Vol. 26. No. 3. P. 407; East Central Europe Between the Colonial and the Postcolonial in the Twentieth Century / ed. by S. Huigen, D. Kołodziejczyk. Cham, 2023.

⁴⁵ См.: Nicolaïdis K. Op. cit. Pp. 286, 287.

⁴⁶ Ibid. P. 295.

⁴⁷ См.: ibid. P. 296.

порой используется, наряду с нацизмом и фашизмом, для негативной характеристики различных политических мер. Например, жесткая экономия во время греческого долгового кризиса некоторыми членами Европейского парламента называлась «современной формой колониализма». При этом сама суть колониализма и память о конкретном историческом периоде и сопряженных с ним событиях постепенно стирается⁴⁸. Таким образом, обоснование «стратегии переориентации» на самом деле способствует «амнезии».

Третью составляющую стратегии проработки ЕС колониального прошлого можно назвать искуплением, она предполагает «взаимодействие с бывшими колониями через покаяние» и включает специальные программы помощи бывшим колониям, предоставление торговых преференций, а также продвижение демократии и верховенства права, что после Маастрихтского договора⁴⁹ ЕС стал рассматривать как одну из своих задач, и демонстрацией приверженности которым иногда обуславливается предоставление помощи и заключения соглашений об экономическом партнерстве⁵⁰.

ЕС однозначно осуждает колониализм и его последствия. Так, в Ежегодном докладе о правах человека за 2002 г.⁵¹ отмечалось, что Европейский Союз выражает глубокое сожаление по поводу человеческих страдания, как индивидуальных, так и коллективных, причиненных рабством и работорговлей. Это одна из самых позорных и отвратительных страниц в истории человечества. Европейский Союз осуждает эти практики, как в прошлом, так и в настоящем, и сожалеет о страданиях, которые они причинили. Некоторые последствия колониализма, сохраняющиеся и по сей день, приводят к огромным страданиям. Любые действия, причиняющие такие страдания, должны преследоваться, где бы и когда бы они ни совершались (п. 11, 12).

Однако исследователи отмечают, что фактических действий со стороны ЕС в рамках стратегии искупления очевидно недостаточно, особенно

⁴⁸ См.: *Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past.* P. 691.

⁴⁹ См.: *Treaty on European Union // OJ. C191. Vol. 35. 29 July 1992.*

⁵⁰ См.: *Nicolaïdis K. Op. cit. Pp. 287–289; Langan M., Price S. Imperialism's Past and Present in EU Economic Relations with North Africa: Assessing the Deep and Comprehensive Free Trade Agreements // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. Pp. 703–721.*

⁵¹ European Union Annual Report on Human Rights 2002. 12747/02 REV 1. Brussels, 16 October 2002. Annex 16. The General Affairs Council's (July 2001) Conclusions on the World Conference against Racism, Racial Discrimination, Xenophobia and Related Intolerance (WCAR) // European Union. URL: <https://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-12747-2002-REV-1/en/pdf> (дата обращения: 21.07.2024).

по сравнению с политикой в отношении жертв Холокоста. В частности, не решаются вопросы возвращения культурных ценностей, которые находятся в музеях бывших метрополий, reparаций и возмещения морального вреда потомкам коренных жителей бывших колоний⁵². Отсутствие каких-либо сравнений Холокоста и проявлений геноцида, имевших место в колониальный период, по их мнению, может квалифицироваться как установление определенной «иерархии жертв» и сохранение расистских стереотипов⁵³.

Думается, эти различия можно объяснить большой отдаленностью колониального прошлого во времени и тем, что соответствующие события не затронули основное население государств Европы. Но активная миграция из бывших колоний и изменение структуры населения государств – членов ЕС актуализирует данную проблематику.

Вместе с тем вопрос о возмещении морального вреда потомкам жертв колониализма (в отличие от возвращения культурных ценностей) вряд ли имеет практическое решение в связи с очевидной невозможностью установления конкретных жертв недопустимого обращения и их потомков. Если же руководствоваться исключительно расовым критерием (что вряд ли приемлемо), то какие-либо выплаты всему «небелому» населению бывших колоний и всем мигрантам из этих государств, проживающих в государствах – членах ЕС, невозможны по чисто экономическим причинам. Избранная ЕС политика всестороннего сотрудничества с бывшими колониями, торговые преференции, специальные инвестиционные, образовательные и иные программы, способствующие их экономическому и социальному развитию, в целом представляется адекватной в рамках «стратегии искупления».

Еще в 1957 г. Римским договором⁵⁴ был учрежден Европейский фонд развития⁵⁵, который до недавнего времени являлся основным инструментом Европейского Союза для финансирования сотрудничества с государствами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона, а также с заморскими государствами и территориями.

⁵² См.: *Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past.* P. 692; *Sierp A. Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory.* P. 90.

⁵³ См., напр.: *Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past.* P. 693.

⁵⁴ Treaty establishing the European Economic Community (Rome, 25 March 1957) // CVCE.eu. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/treaty_establishing_the_european_economic_community_rome_25_march_1957-en-cca6ba28-0bf3-4ce6-8a76-6b0b3252696e.html (дата обращения: 25.07.2024).

⁵⁵ European Development Fund // EUR-Lex. URL: [https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/european-development-fund.html](https://eur-lex.europa.eu/EN/legal-content/glossary/european-development-fund/html) (дата обращения: 18.07.2024).

Фонд финансировал проекты и программы, которые способствуют экономическому, социальному или культурному развитию указанных стран, а также программы регионального сотрудничества и интеграции. Фонд использовал разнообразные финансовые инструменты: гранты, контракты на закупки, займы, гарантии, акционерный или квазиакционерный капитал, инвестиции или участие, разделение рисков.

С 2021 г. сотрудничество с государствами Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона осуществляется на основе Многолетнего финансового плана (2021–2027 гг.) и Инструмента добрососедства, развития и международного сотрудничества – Глобальная Европа (Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe (NDICI))⁵⁶. Европейский Союз является крупнейшим в мире донором для государств данных регионов, их первым торговым партнером и инвестором. Долгосрочное бюджетирование (на 2021–2027 гг.) повысит эффективность внешней политики ЕС, усилит ее координацию с внутренней политикой и придаст гибкость, необходимую для быстрого реагирования на новые кризисы и вызовы. Программа Глобальная Европа объединяет несколько существующих инструментов внешнего финансирования в рамках бюджета ЕС. Она призвана содействовать искоренению бедности, устойчивому развитию, процветанию, миру и стабильности. Программа предполагает оказание особой поддержки наиболее нуждающимся странам в преодолении долгосрочных проблем развития, в том числе помочь в преодолении последствий COVID-19 для здоровья населения и социально-экономической сферы.

«Стратегия искупления» в отношении колониального прошлого реализуется в ЕС в том числе посредством активной борьбы с расовой дискриминацией⁵⁷, в частности с дискриминацией лиц

⁵⁶ См.: Regulation (EU) 2021/947 of the European Parliament and of the Council of 9 June 2021 establishing the Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument – Global Europe, amending and repealing Decision No 466/2014/EU of the European Parliament and of the Council and repealing Regulation (EU) 2017/1601 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (EC, Euratom) No. 480/2009 (Text with EEA relevance) // OJ. L 209. Vol. 64. 14 June 2021. Pp. 1–78; Global Europe: Neighbourhood, Development and International Cooperation Instrument // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/funding-tenders/find-funding/eu-funding-programmes/global-europe-neighbourhood-development-and-international-cooperation-instrument_en (дата обращения: 21.07.2024).

⁵⁷ См., напр.: Council Directive 2000/43/EC of 29 June 2000 implementing the principle of equal treatment between persons irrespective of racial or ethnic origin // OJ. L 180. Vol. 43. 19 July 2000. Pp. 22–26; Council Framework Decision 2008/913/JHA of 28 November 2008 on combating certain forms and expressions of racism and xenophobia by means of criminal law // OJ. L 328. Vol. 51. 6 December 2008. Pp. 55–58; Communication from the Commission to the

африканского происхождения и афрофобией⁵⁸. При этом в Плане действий ЕС по борьбе с расизмом на 2020–2025 годы признается, что исторические корни расизма кроются в колониализме, рабстве и Холокосте, которые имеют серьезные последствия для современного общества, и сохранение памяти о них способствует инклюзии и взаимопониманию. В связи с этим в рамках программ «Креативная Европа»⁵⁹ и «Граждане, равенство, права и ценности»⁶⁰ должны поддерживаться проекты по изучению исторического наследия колониализма (п. 3.1)⁶¹.

Европейский парламент в Резолюции от 26 марта 2019 г. об основных правах лиц африканского происхождения в Европе⁶² призвал институты ЕС и государства-члены официально признать такие преступления против человечности, как рабство и трансатлантическая работорговля и иные преступления, совершенные в период европейского колониализма, а также достижения и позитивный вклад в историю лиц африканского происхождения, в частности посредством официального признания на уровне ЕС и на национальном уровне Международного дня памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли⁶³ и учреждения Месячников

European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Union of equality: EU anti-racism action plan 2020–2025. Brussels, 18.9.2020. COM (2020) 565 final // European Commission. EU Anti-racism Action Plan 2020–2025. URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/combatting-discrimination/racism-and-xenophobia/eu-anti-racism-action-plan-2020-2025_en (дата обращения: 27.07.2024).

⁵⁸ См., напр.: European Parliament resolution of 26 March 2019 on fundamental rights of people of African descent in Europe (2018/2899(RSP)) // OJ. C108. Vol. 64. 26 March 2021. Pp. 2–7.

⁵⁹ Regulation (EU) 2021/818 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2021 establishing the Creative Europe Programme (2021 to 2027) and repealing Regulation (EU) No 1295/2013 (Text with EEA relevance) // OJ. L 189. Vol. 64. 28 May 2021. Pp. 34–60/

⁶⁰ Regulation (EU) 2021/692 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing the Citizens, Equality, Rights and Values Programme and repealing Regulation (EU) No. 1381/2013 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (EU) No 390/2014 // OJ. L 156. Vol. 64. 5 May 2021. Pp. 1–20.

⁶¹ См.: Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. A Union of equality: EU anti-racism action plan 2020–2025. Brussels, 18.9.2020. COM (2020) 565 final. P. 14.

⁶² См.: European Parliament resolution of 26 March 2019 on fundamental rights of people of African descent in Europe (2018/2899(RSP)).

⁶³ См. Международный день памяти жертв рабства и трансатлантической работорговли 25 марта // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/observances/transatlantic-slave-trade> (дата обращения: 27.08.2024). В Плане действий ЕС по борьбе с расизмом на 2020–2025 гг.

истории чернокожего населения (п. Т 5); официально отметить Международное десятилетие лиц африканского происхождения⁶⁴ и принять эффективные меры по реализации его программы мероприятий⁶⁵ в духе признания, справедливости и развития (п. Т 6). Европейский парламент отметил, что некоторые государства-члены предприняли шаги по обеспечению значимого и эффективного возмещения ущерба за прошлые несправедливости и преступления против человечности в отношении лиц африканского происхождения, принимая во внимание их долгосрочные последствия в настоящем, и призывал институты ЕС и остальные государства-члены последовать этому примеру, указав, что возмещение ущерба может заключаться в принесении публичных извинений и возвращении вывезенных артефактов государствам их происхождения (п. Т 7, 8). Европейский парламент призвал государства-члены рассекретить свои колониальные архивы (п. Т 9), а также сделать историю лиц африканского происхождения частью учебных программ и представить комплексное видение колониализма и рабства, признающее их историческое и негативное воздействие на лиц африканского происхождения (п. Т 20).

В рамках различных программ ЕС по финансированию исследований в сфере исторической памяти обычно специально не предусматривалась поддержка изучения колониального прошлого, хотя вопрос о необходимости этого неоднократно поднимался в Европейском парламенте⁶⁶. В последнее время ситуация изменилась. Так, согласно решению Европейской комиссии о финансировании Программы «Граждане, равенство, права

упоминается также Международный день борьбы за отмену рабства, отмечаемый 2 декабря (п. 3.1) (см.: Международный день борьбы за отмену рабства 2 декабря // Организация Объединенных Наций. URL: <https://www.un.org/ru/observances/slavery-abolition-day> (дата обращения: 27.08.2024)).

⁶⁴ Международное десятилетие лиц африканского происхождения провозглашено ООН с 1 января 2015 г. по 31 декабря 2024 г. (Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 23 декабря 2013 г. № 68/237. A/RES/68/237 «Провозглашение Международного десятилетия лиц африканского происхождения» // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n13/453/69/pdf/n1345369.pdf?token=jErhJRAgHfJU1diLPY&fe=true> (дата обращения: 27.07.2024).

⁶⁵ Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 18.11.2014 № 69/16 «Программа мероприятий по проведению Международного десятилетия лиц африканского происхождения» A/RES/69/16 // Организация Объединенных Наций. URL: <https://documents.un.org/doc/undoc/gen/n14/635/82/pdf/n1463582.pdf?token=JeP7D7csUXwOWleDfe&fe=true> (дата обращения: 27.07.2024).

⁶⁶ См.: *Sierp A. EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past. Pp. 695–697, 700; Sierp A. Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory. P. 90.*

и ценности»⁶⁷ на 2023–2024 гг.⁶⁸ предусмотрена поддержка проектов, направленных на увековечение памяти об определяющих событиях европейской истории⁶⁹.

Среди приоритетных направлений исследований указаны миграция, деколонизация и мультикультурные европейские общества. При этом Европейская комиссия отмечает, что миграция, деколонизация, рабство и империализм прочно вошли в историю Европы и все они имеют последствия для общества. Колониализм, рабство и империализм оставили след в мировой истории. С предубеждениями и стереотипами можно бороться, только признавая исторические корни расизма. Деколонизация, распад колониальных империй, особенно в XX в., и становление постколониальных европейских обществ и происходят под влиянием колониального опыта. Хотя для многих колониализм является лишь главой в истории, последствия империалистического правления в Европе и за ее пределами ощущаются и в настоящее время, сопрягаясь со структурным расизмом и дискриминацией. Эти проблемы слишком долго не обсуждались и нуждаются в прочном закреплении в европейском нарративе. Сохранение памяти о колониализме способствует инклюзии и взаимопониманию. Проекты, которые будут поддерживаться в рамках данного приоритета, должны быть направлены на изучение наследия колониализма в Европе и за ее пределами и его влияние на современные мультикультурные европейские общества. Такие проблемы, как дискриминация и расизм, связаны с колониальным опытом и играют важную роль в европейской памяти в большинстве государств ЕС (п. 3.7(3)).

Кроме того, Программа «Граждане, равенство, права и ценности» предусматривает финансовую поддержку Проекта ЮНЕСКО «Пути

⁶⁷ См.: Regulation (EU) 2021/692 of the European Parliament and of the Council of 28 April 2021 establishing the Citizens, Equality, Rights and Values Programme and repealing Regulation (EU) No. 1381/2013 of the European Parliament and of the Council and Council Regulation (EU) No 390/2014 // OJ. L 156. Vol. 64. 5 May 2021. Pp. 1–20.

⁶⁸ См.: Commission Implementing Decision of 1.12.2022 on the financing of the Citizens, Equality, Rights and Values programme and the adoption of the work programme for 2023–2024. Brussels, 1.12.2022 C (2022) 8588 final // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2023-03/C_2022_8588_1_EN_ACT_part1_v2.pdf (дата обращения: 27.07.2024).

⁶⁹ См.: Annex to the Commission Implementing Decision on the financing of the Citizens, Equality, Rights and Values programme and the adoption of the work programme for 2023–2024. Brussels, 1.12.2022 C (2022) 8588 final. Para. 3.7 // European Commission. URL: https://commission.europa.eu/system/files/2022-12/c_2022_8588_1_en_annexe_acte_autonome_cp_part1_v2.pdf (дата обращения: 27.07.2024).

порабощенных народов: сопротивление, свобода и наследие», который преследует цель «преодолеть молчание» вокруг истории рабства и сделать ее частью универсальной памяти человечества, а также способствовать признанию вклада лиц африканского происхождения в общий прогресс человечества и противодействовать социальному, культурному и экономическому неравенству, унаследованному от рабства. Европейская комиссия отметила, что в Европе проживает несколько миллионов людей африканского происхождения – потомки жертв трансатлантической работорговли и рабства или мигранты, все они сталкиваются с расизмом и в гораздо большей степени уязвимы в отношении социального отторжения и неравенства в обращении, особенно в плане доступа к образованию, занятости, здравоохранению и правосудию. Программа предлагает поддержку проектам, которые будут способствовать социальной интеграции социальных групп, находящихся в неблагоприятном положении, включая изучение такой проблематики, как положение меньшинств в европейском обществе и историческое наследие рабства и колониализма, причем в 2023–2024 гг. приоритетными являются проекты, посвященные наследию колониализма в Европе и за ее пределами и его влиянию на современные мультикультурные европейские общества.

Проект ЮНЕСКО «Пути порабощенных народов: сопротивление, свобода и наследие» в течение 25 лет позволяет получать знания, создавать научные сети и поддерживать образовательные и мемориальные инициативы по данной тематике как на национальном, так и на международном уровнях. Проблемы, связанные с рабством и его последствиями для обществ, кардинально изменились. Рабство и колониализм породили социальную несправедливость, которая продолжает оказывать влияние. Проект ЮНЕСКО направлен на признание и популяризацию истории чернокожих народов с целью укрепления в сознании молодежи ценностей терпимости и взаимоуважения. К сотрудничеству также предполагается привлечь Европейскую коалицию городов против расизма⁷⁰, в рамках которой создана рабочая группа по Международному десятилетию лиц африканского происхождения и колониальному наследию. Сотрудничество ЕС и ЮНЕСКО, по мнению

⁷⁰ См.: European Coalition of Cities Against Racism (ECCAP) // European Commission. URL: https://migrant-integration.ec.europa.eu/integration-practice/european-coalition-cities-against-racism-eccar_en (дата обращения: 27.07.2024); Европейская коалиция городов против расизма. Декларация. Принята на пленарном заседании 4-й Европейской конференции городов за права человека, 10 декабря 2004 г. в Нюрнберге // *Stadtportal Nürnberg*. URL: https://www.nuernberg.de/imperia/md/menschenrechte/dokumente/staedtenetzwerk/10ppa_russ.pdf (дата обращения: 27.07.2024).

Европейской комиссии, будет способствовать укреплению международного измерения антирасистской политики ЕС и поможет государствам – членам ЕС в реализации образовательных аспектов их стратегий по борьбе с расизмом (п. 6.8).

Учеными из государств – членов ЕС осуществляются междисциплинарные исследования, направленные на осмысление колониального и постколониального опыта, изучение влияния имперского прошлого на формирование европейской идентичности, позиционирование Европы в современном глобализированном мире, сохраняющиеся geopolитические различия между европейскими государствами и в целом на будущее Европы⁷¹. Проводятся инициативные сравнительные исследования сохранения памяти о колониальном прошлом на национальном уровне⁷².

Переоценка колониального опыта нашла отражение в изменении подходов к тематике экспозиции Дома европейской истории⁷³. Изначальная его концепция, предложенная в 2008 г. комитетом экспертов, характеризовала европейскую культуру как высшую форму культуры и предлагала позитивно-нейтральное отражение колонизации в качестве одного из этапов европейской истории, обеспечившей освоение новых частей света

⁷¹ См., напр.: *Garavini G. After Empires: European Integration, Decolonization, and the Challenge from the Global South, 1957–1986*. Oxford, 2012; *Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies* / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas (особенно: Part III: From Imperial to Normative Power: the EU Project in a Postcolonial World. Pp. 205–317); *Postcolonial Europe: Comparative Reflections After the Empires* / ed. by L. Jensen, J. Suárez-Krabbe, Ch. Groes, Ch. Groes-Green, Z. Lee Pecic. London, 2017; Специальный выпуск журнала «Интервенции. Международный журнал постколониальных исследований» был посвящен анализу отражения имперского прошлого в подходах ЕС к сотрудничеству со странами Средиземноморья (*Interventions. International Journal of Postcolonial Studies*. 2020. Vol. 22. Iss. 6: Imperial Pasts in the EU's Approach to the Mediterranean).

⁷² См., например, о «колониальной памяти» во Франции, Германии и Австрии и о том, как представлена проблематика колониализма в этих странах в школьных учебниках: *Remembrance of Colonization and Decolonization. Interview with Gildas Riant, history and geography teacher, and member of CEREG // Chemins de MÉMOIRE*. URL: <https://www.cheminsdememoire.gouv.fr/en/rememberance-colonisation-and-decolonisation> (дата обращения: 27.07.2024).

⁷³ См.: *House of European History*. URL: <https://historia.europa.eu/en> (дата обращения: 25.07.2024). Дом Европейской истории официально является независимым от европейских институтов. Однако он был создан по инициативе председателя Европейского парламента Х. Г. Пёттеринга (H. G. Pöttering), озвученной в речи при вступлении в должность в 2007 г. (*Inaugural address by the President of the European Parliament. Verbatim report of proceedings. Tuesday, 13 February 2007. Strasbourg // European Parliament*. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/CRE-6-2007-02-13-INT-2-007_EN.html (дата обращения: 30.07.2024)), и финансируется Европейским парламентом и Европейской комиссией.

и способствовавшей экономическому развитию европейских государств⁷⁴.

В новом варианте концепции Дома европейской истории, подготовленном под эгидой Европейского парламента в 2013 г., колониализм упоминался в разделе «Возышение Европы» кратко и довольно противоречиво. С одной стороны, отмечалось, что колониальная экспансия рассматривалась европейскими элитами как «очевидный показатель прогресса» и «укрепляла укоренившееся в Европе чувство превосходства над остальным миром», с другой — что «видение европейской цивилизации было пронизано расистскими и социал-дарвинистскими идеями»⁷⁵.

Экспозиция, которую видят посетители (Дом европейской истории открылся в 2017 г.), дает колониализму однозначно негативную оценку. В Путеводителе по Дому европейской истории читаем: «Девятнадцатый век стал свидетелем глобального доминирования Европы. Империи расширялись, колонии увеличивались — все это подталкивалось промышленной революцией. Колонии поставляли сырье и предметы роскоши для удовлетворения растущего потребительского спроса, предоставляя взамен огромные рынки сбыта для европейских товаров. Жестокость и неравенство оправдывались как необходимые составляющие “цивилизации диких народов”. За постепенным прекращением рабства последовали новые формы нетерпимости и расизма»⁷⁶. В Путеводителе подчеркивается, что развитию колониализма способствовали европейские технологии, позволившие создать такое оружие, которому не могло противостоять коренное население. Для оправдания колониализма и расовых различий использовались различные теории, в том числе теория эволюции и естественного отбора Ч. Дарвина. Европейские и в целом западные народы рассматривались как более развитые, чем другие. Европейские музеи и выставки демонстрировали объекты колониальной культуры, а иногда и представителей колониальных народов в «живых зоопарках». Неевропейцы воспринимались как «другие», отличные от европейцев, и противопоставлялись им⁷⁷. Вместе с тем тематика ко-

⁷⁴ См.: Committee of Experts House of European History. Conceptual Basis for a House of European History. Brussels, 2008. Pp. 27–30, 47 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2004_2009/documents/dv/745/745721/745721_en.pdf (дата обращения: 25.07.2024).

⁷⁵ Building a House of European History. A Project of the European Parliament. Luxembourg, 2013. P. 33 // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/tenders/2013/20130820b/Annex_1-Building_a_House_of_European_History.pdf (дата обращения: 25.07.2024).

⁷⁶ House of European History. Guidebook. Permanent Exhibition. Luxembourg, 2019. P. 29.

⁷⁷ См.: ibid. Pp. 29, 30.

лониализма помещена в Путеводителе в раздел «Представления о прогрессе и превосходстве»⁷⁸ и ей отведено две страницы из 159 страниц его общего объема.

Политика, направленная на переживание и искупление колониального прошлого, активно проводится в западных университетах. По инициативе Университета Вирджинии был создан консорциум «Университеты, изучающие рабство», объединяющий более ста высших учебных заведений США, Канады, Колумбии, Шотландии, Ирландии и Соединенного Королевства (Universities Studying Slavery (USS))⁷⁹ в целях обмена передовым опытом реализации исследовательских и образовательных проектов, предполагающих изучение истории рабства и расизма, институциональных связей университетов с рабовладением и работорыглей и преодоление их наследия. Участники консорциума стремятся не ограничиваться просто признанием вины за прошлое, но и продвигать практики примирения для достижения равенства и справедливости в настоящем.

В Университете Глазго — одном из членов Консорциума — в 2016 г. был создан Координационный комитет по истории рабства, под руководством которого было проведено исследование преимуществ, полученных Университетом в эпоху колониализма и рабства. В отчете, подготовленном по его результатам в 2018 г.⁸⁰, была предложена Программа восстановительной справедливости. Университет признал, что в XVIII–XIX вв. он получал пожертвования от лиц, доходы которых могли быть связаны с рабовладением и/или использованием труда рабов. Соответствующие финансовые средства использовались для организации образовательного процесса и поддержки студентов и сотрудников университета. Несмотря на то что даже в тот период многие сотрудники Университета занимали антирабовладельческую позицию, Университет считает необходимым предпринять ряд мер, направленных на преодоление колониального наследия. Разработанная Программа восстановительной справедливости, среди прочего, предусматривает: содействие увеличению расового разнообразия студентов и сотрудников

⁷⁸ На сайте музея и в аудиогиде данная информация представлена в разделе «Империализм» (House of European History. URL: <https://historia.europa.eu/en/exhibitions-events/permanent-exhibition/europe-global-power> (дата обращения: 21.08.2024).

⁷⁹ См.: Slavery and the University // University of Virginia. URL: <https://slavery.virginia.edu/universities-studying-slavery/> (дата обращения: 21.07.2024).

⁸⁰ См.: Mullen S., Newman S. Slavery, Abolition and the University of Glasgow. Report and recommendations of the University of Glasgow History of Slavery Steering Committee. University of Glasgow. September 2018 // University of Glasgow. URL: https://www.gla.ac.uk/media/Media_607547_smxx.pdf (дата обращения: 21.07.2024).

и сокращению различия в уровне подготовки лиц, принадлежащих к разным расам, для чего устанавливаются специальные стипендии для студентов афро-カリбского происхождения; заключение соглашения о сотрудничестве с Университетом Вест-Индии⁸¹, предполагающего совместное проведение исследований в сферах, имеющих особое значение для преодоления последствий колониализма и рабства, и стипендии для студентов и приглашенных преподавателей; создание междисциплинарного центра по изучению истории рабства и его наследия, сочетающего исследовательскую и образовательную деятельность, организацию выставок и творческих мероприятий и сотрудничающего с музеями и школами; учреждение специальной должности профессора (предполагающей ротацию) для проведения исследований по истории рабства и мер восстановительной справедливости; присвоение зданиям или помещениям Университета имен известных лиц – бывших рабов, связанных с Университетом, учреждение именных стипендий в честь таких лиц; размещение на зданиях и помещениях Университета, построенных (оборудованных) за счет пожертвований лиц, являвшихся рабовладельцами и/или получавших доходы от использования труда рабов, мемориальных табличек с такой информацией. На данные мероприятия предусматривалось выделение более 20 млн британских фунтов⁸².

Иногда в университетах проработка колониального прошлого принимает формы «позитивной дискриминации», которые вряд ли можно признать оправданными и способствующими восстановлению справедливости. Речь идет, в частности, о требованиях «деколонизации учебных программ» путем сокращения изучения работ «белых авторов», а также расового выравнивания соотношения более и менее успешных студентов⁸³.

⁸¹ Университет Вест-Индии – государственное высшее учебное заведение, созданное Великобританией в 1948 г. для получения образования жителями бывших английских колоний – в настоящее время членов Содружества наций и Британских заморских территорий региона Карибских (Антильских) островов, а также Белиза и Гайаны. Кампусы Университета и их филиалы имеются в целом ряде городов региона. Существуют и Университет Французской Вест-Индии (Université des Antilles – Университет Французских Антильских островов) и Университет Французской Гвианы, учрежденные Францией в аналогичных целях. До 2014 г. это был единый Университет Французских Антильских островов и Гвианы, который был официально основан в 1982 г. но фактически образовательная деятельность в данных регионах велась с конца XIX в. на базе французского Университета Бордо, где во второй половине XX в. для этого стали создаваться специальные образовательные центры и филиалы. Между английским и французским университетами Вест-Индии и Университетом Бордо заключены соглашения о сотрудничестве.

⁸² См.: *Pace M., Rocci R.* Op. cit. P. 677.

⁸³ См.: *Swain H.* Students Want Their Curriculums Decolonised. Are Universities Listening? // The Guardian. URL:

Заключение

История государств ЕС в той или иной мере связана с колониализмом, но колониальное прошлое пока не стало неотъемлемой частью европейской коллективной памяти, способствующей укреплению европейской идентичности. Возможно, это вопрос времени, ведь шаги в этом направлении уже предпринимаются.

Определенным следствием колониального опыта государств – членов Европейского Союза исследователи считают «евроуниверсализм» – убеждение в том, что принципы и правила, выработанные в процессе институционального строительства ЕС, в значительной мере применимы (с необходимой адаптацией) в различных государствах, а значит, заслуживают продвижения, разумеется, не старыми колониальными методами, а посредством экономического, политического и юридического влияния. Однако универсалистские тенденции нельзя признать присущими исключительно государствам Европы и обусловленными их колониальным опытом (который как раз должен был бы убедить их в обратном), аналогичное отношение к своим социальным стандартам и практикам характерно, например, для США, исламского мира, КНР.

Влияние ЕС на другие государства предопределено как объективно существующими в современном мире асимметрией, неравенством и иерархиями, так и привлекательностью (эффективностью и адаптивностью) сложившихся в рамках Союза моделей экономического сотрудничества, осуществления публичной власти и правового регулирования. Вместе с тем отголоски колониального наследия присутствуют в политике ЕС, в частности, предопределяя неразвитость «децентрирующего» мышления, позволяющего «увидеть» Европу с позиций неевропейских государств. Если это удастся преодолеть, то взаимодействие с третьими государствами, в том числе и их бывшими колониями, позволит ЕС лучше понять, не только как принятые в Союзе модели могут быть адаптированы к их условиям, но и как сами эти модели могут быть усовершенствованы на основе опыта других государств.

REFERENCES

1. *Asante S.K.B., Chanaiwa D.* Pan-Africanism and Regional Integration // General History of Africa. Vol. VIII: Africa since 1935 / ed. by A.A. Mazrui, C. Wondji. Oxford, 1993. P. 740.

<https://www.theguardian.com/education/2019/jan/30/students-want-their-curriculums-decolonised-are-universities-listening> (дата обращения: 20.07.2024).

2. East Central Europe Between the Colonial and the Postcolonial in the Twentieth Century / ed. by S. Huigen, D. Kołodziejczyk. Cham, 2023.
3. Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas. London; New York, 2015.
4. *Garavini G.* After Empires: European Integration, Decolonization, and the Challenge from the Global South, 1957–1986. Oxford, 2012.
5. *Hansen P., Jonsson S.* Building Eurafrica: Reviving Colonialism through European Integration, 1920–60 // Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas. London; New York, 2015. Pp. 209, 214, 215, 218, 219, 221.
6. House of European History. Guidebook. Permanent Exhibition. Luxembourg, 2019. Pp. 29, 30.
7. *Huigen S., Emmer P., Kołodziejczyk D.* Central Europe and Colonialism: Introduction // European Review. 2018. Vol. 26. No. 3. P. 407.
8. *Jeandesboz J., Pallister-Wilkins P.* Crisis, Routine, Consolidation: The Politics of the Mediterranean Migration Crisis // Mediterranean Politics. 2016. Vol. 21. Iss. 2. Pp. 316–320.
9. *Lähdesmäki T.* Founding Myths of EU Europe and the Workings of Power in the EU Heritage and History Initiatives // European Journal of Cultural Studies. 2019. Vol. 22. Iss. 5–6. P. 782.
10. *Langan M., Price S.* Imperialisms Past and Present in EU Economic Relations with North Africa: Assessing the Deep and Comprehensive Free Trade Agreements // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. Pp. 703–721.
11. *Martin G.* Africa and the Ideology of Eurafrica: Neo-Colonialism or Pan-Africanism? // The Journal of Modern African Studies. 1982. Vol. 20. No. 2. P. 229.
12. *Mullen S., Newman S.* Slavery, Abolition and the University of Glasgow. Report and recommendations of the University of Glasgow History of Slavery Steering Committee. University of Glasgow. September 2018 // University of Glasgow. URL: https://www.gla.ac.uk/media/Media_607547_smxx.pdf (accessed: 25.08.2024).
13. *Nicolaïdis K.* Southern Barbarians? A Post-Colonial Critique of EUuniversalism // Echoes of Empire: Memory, Identity and Colonial Legacies / ed. by K. Nicolaïdis, B. Sébe, G. Maas. London; New York, 2015. Pp. 282–289, 293, 296, 299.
14. *Pace M., Roccu R.* Imperial Pasts in the EU's Approach to the Mediterranean // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. Pp. 671–673, 677, 679.
15. Postcolonial Europe: Comparative Reflections After the Empires / ed. by L. Jensen, J. Suárez-Krabbe, Ch. Groes, Ch. Groes-Green, Z. Lee Pecic. London, 2017.
16. Remembrance of Colonization and Decolonization. Interview with Gildas Riant, history and geography teacher, and member of CEREG // Chemins de MÉMOIRE. URL: <https://www.cheminsdememoire.gouv.fr/en/remembrance-colonisation-and-decolonisation> (accessed: 27.07.2024).
17. *Sierp A.* EU Memory Politics and Europe's Forgotten Colonial Past // Interventions. International Journal of Postcolonial Studies. 2020. Vol. 22. Iss. 6. Pp. 686, 687, 691–698, 700.
18. *Sierp A.* Europeanising Memory: The European Union's Politics of Memory // Handbook on the Politics of Memory / ed. by M. Mälksoo. Northampton, 2023. Pp. 81, 90, 91.
19. *Sierp A., Wüstenberg J.* Linking the Local and the Transnational: Rethinking Memory Politics in Europe // Journal of Contemporary European Studies. 2015. Vol. 23. Iss. 3. P. 322.
20. *Swain H.* Students Want their Curriculums Decolonised. Are Universities Listening? // The Guardian. URL: <https://www.theguardian.com/education/2019/jan/30/students-want-their-curriculums-decolonised-are-universities-listening> (accessed: 20.07.2024).

Сведения об авторе

ВАРЛАМОВА Наталия Владимировна –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник сектора
прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

VARLAMOVA Natalia V. –
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher, Sector of the Human Rights,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 34

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ СОВРЕМЕННЫХ БАЛКАН)

© 2024 г. А. И. Черкасов

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: aligoroch@yandex.ru

Поступила в редакцию 22.08.2024 г.

Аннотация. Статья посвящена проблемам конструирования европейской идентичности, которая носит достаточно противоречивый и многогранный характер. Отмечается наличие сложностей с определением общих тем, которые бы объединяли различные национальности, населяющие Европу. На примере стран Балканского региона анализируется возможная конфликтная ситуация между европейским и национальным уровнями политической и культурной идентификации. Рассматриваются две модели эволюции национальной идентичности и ее соотношения с европейской идентичностью, получившие наименование «конвергенция идентичностей» (Хорватия) и «дивергенция идентичностей» (Сербия). В статье отмечается, что часть общества в европейских странах пытается идентифицировать себя с объединенной Европой и ее ценностями. При этом наблюдаются и другие настроения, иной вектор самоидентификации той части европейского населения, которая видит в европейской интеграции угрозу национальному единству, сложившимся традициям и культурной самобытности. Подобные настроения зачастую находят свое выражение в усилении этноцентризма и подъеме националистических чувств. В статье обращается внимание и на конкуренцию национальных и региональных идентичностей, в том числе на оживление автономистских наративов в отдельных европейских государствах.

Ключевые слова: европейская идентичность, европейская интеграция, национальная идентичность, Балканский регион, политическая культура, историческая память, национализм, легитимность.

Цитирование: Черкасов А.И. Историографические и доктринальные аспекты конструирования европейской идентичности (на примере современных Балкан) // Государство и право. 2024. № 10. С. 206–215.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100189

HISTORIOGRAPHICAL AND DOCTRINAL ASPECTS OF CONSTRUCTING EUROPEAN IDENTITY (USING THE EXAMPLE OF THE MODERN BALKANS)

© 2024 A. I. Cherkasov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: aligorch@yandex.ru

Received 22.08.2024

Abstract. The article deals with the problems of constructing European identity, which is quite controversial and multifaceted. It is noted that there are difficulties in identifying common themes that would unite the different nationalities inhabiting Europe. Using the example of the countries of the Balkan region, a possible conflict situation between the European and national levels of political and cultural identification is analyzed. Two models of the evolution of national identity and its relationship with European identity, called “convergence of identities” (Croatia) and “divergence of identities” (Serbia), are considered. The article notes that part of society in European countries is trying to identify itself with a united Europe and its values. At the same time, there are other sentiments, a different vector of self-identification for that part of the European population that sees European integration as a threat to national unity, established traditions and cultural identity. Such sentiments often find expression in increased ethnocentrism and the rise of nationalist feelings. The article also draws attention to the competition between national and regional identities, including the revival of autonomist narratives in certain European states.

Key words: European identity, European integration, national identity, Balkan region, political culture, historical memory, nationalism, legitimacy.

For citation: Cherkasov, A.I. (2024). Historiographical and doctrinal aspects of constructing European identity (using the example of the modern Balkans) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 206–215.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

Важнейшей основой для понимания как всего цивилизационного развития, так и его современного этапа является учет уроков прошлого, особенностей национальной памяти того или иного государства, механизмов, посредством которых осуществляется конструирование национальной идентичности. Необходимо принимать во внимание допущенные в те или иные периоды истории ошибки, стремиться избегать их повторения. При этом историю не следует подвергать ревизии, не должна нарушаться историческая правда по тем или иным корыстным мотивам.

Объективный подход, не допускающий отказа от исторической правды в рамках проводимых исследований, чрезвычайно значим для российской юридической науки и общественно-политических дисциплин в целом. Ведь Россия, как отмечается в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314 «Об утверждении основ государственной политики в области исторического просвещения»

(далее – Указ Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314), является «великой страной с многовековой историей, государством-цивилизацией, сплотившим русский и многие другие народы на пространстве Евразии в единую культурно-историческую общность и внесшим огромный вклад в общемировое развитие» (п. 5)¹.

Едва ли можно согласиться с идеей «отказа от исторической правды как абсолютной категории»², выдвинутой в проведенном для Комитета по культуре и образованию Европейского парламента исследовании под названием «Европейская идентичность». Автор исследования – немецкий политолог М. Й. Пруч, считающий, что «правда остается, прежде всего, идеалом», и что даже

¹ См.: Kremlin. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/73989> (дата обращения: 21.08.2024).

² Prutsch M.J. Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. P. 31.

в науке можно стремиться только к «все возрастающему приближению к истине». По его мнению, «особенно верным это является применительно к гуманитарным наукам»³.

В рамках подобного релятивистского подхода историческая правда неизбежно подменяется набором искусственным образом выстраиваемых историй, из которых, как отмечают отечественные исследователи, сложно извлечь что-то полезное и позитивное. Как подчеркивает директор Института государства и права Российской академии наук А.Н. Савенков, «сегодня, когда попытки фальсификации истории Второй мировой войны, а также манипулирования общественным сознанием с помощью современных технологий стали частью информационной войны, необходимы усилия, направленные на защиту исторической правды»⁴.

Для граждан нашей страны, прошедшей через тяжелейшие испытания Великой Отечественной войны, с детства окруженных реальными носителями исторической памяти, прошлое – это знания, опирающиеся на выстраданные переживания. Как отмечается в Указе Президента РФ от 8 мая 2024 г. № 314, «в основе самосознания российского общества лежат формировавшиеся и развивавшиеся на протяжении всей истории России традиционные духовно-нравственные и культурно-исторические ценности, сохранение и защита которых являются обязательным условием гармоничного развития страны и ее многонационального народа, неотъемлемой составляющей суверенитета Российской Федерации» (п. 5).

Проблемы исторической памяти тесно связаны с вопросами идентичности. Конструирование европейской идентичности⁵, для которой характерен некоторый отход от национального в пользу наднационального понимания истории, является во многом краеугольным камнем развития Европейского Союза и европейской интеграции. В европейской историографии констатируется сложность целостного восприятия европейской истории и невозможность единогласного определения европейской идентичности. Более того, подчеркивается, что «само по себе понятие идентичности представляет собой пустой сосуд, который

³ Prutsch M.J. Op. cit. P. 31.

⁴ Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 8.

⁵ Термин «европейская идентичность» впервые появился в Декларации о европейской идентичности, принятой странами – членами Европейского экономического сообщества (ЕЭС) в 1973 г. (см.: Declaration on European Identity (Copenhagen, 14 December 1973) // CVCE. URL: https://www.cvce.eu/en/obj/declaration_on_european_identity_copenhagen_14_december_1973-en-02798dc9-9c69-4b7d-b2c9-f03a8db7da32.html (дата обращения: 21.08.2024).

в конкретном контексте может быть наполнен множеством содержаний (социально-культурных, классовых, профессиональных, гендерных, политических, этнических, локальных региональных, национальных и т.п.»)⁶.

Как отмечает шведский историк Б. Страт, данный процесс характеризуется конфликтностью и стремлением заинтересованных сторон к мобилизации различных «историй» с целью легитимации своего видения европейской идентичности и с «претензией на изложение событий в их истинном варианте»⁷. Политическая борьба за формирование будущего Европейского Союза всегда зависела от переговоров и сопровождалась «перетягиванием каната» заинтересованными сторонами.

Б. Страт подчеркивает, что «предпосылкой формирования европейской политической культуры является не консенсус, а трансформация разногласий в компромиссы посредством символической координации норм и ценностей и создания институциональных механизмов для разрешения конфликтов»⁸. Европейская интеграция, по его мнению, в конечном итоге вытекает «не из внутренней согласованности культурных кодов, а из pragmatischen процессов переговоров, в которых традиции сообщества могут сливаться с традициями инакомыслия»⁹.

Б. Страт полагает, что идентичность является достаточно проблемным и размытым понятием, которое в буквальном понимании означает некое равенство и одинаковость, устанавливаемые в результате обретения идентичности. Концепция идентичности, таким образом, намеренно используется для построения некого единого сообщества и придания ему чувства сплоченности и целостности. При этом «создается впечатление, что все люди в воображаемом сообществе как бы равны»¹⁰. Как свидетельствует история, «утопические мечты об общности, сплоченности и целостности, содержащиеся в понятии идентичности, мобилизуются как раз в ситуациях, когда таких чувств не хватает»¹¹.

Б. Страту вторит профессор Стэнфордского университета Х. Уайт, отмечаящий, что в применении к Европе «термин “идентичность” является,

⁶ Nanz P.I. In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // Europe and the Other and Europe as the Other / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. P. 292.

⁷ Stråth B. Introduction: Europe as a Discourse // Ibid. P. 16.

⁸ Ibid. P. 17.

⁹ Ibid. P. 18.

¹⁰ Ibid. P. 19.

¹¹ Ibid. P. 20.

конечно же, мистификацией»¹². По его мнению, т.н. Европы «никогда и нигде не существовало, кроме как в определенном дискурсе, то есть в разговорах и работах мечтателей и авантюристов, ищущих алиби для цивилизации, главным историческим атрибутом которой было стремление к всеобщей гегемонии и необходимость уничтожения того, над чем она не сможет доминировать, что она не сможет асимилировать или потребить по некому божественному праву»¹³. Х. Уайт критически отзыается о современной европейской бюрократии, констатируя, что она заинтересована лишь в безопасности и стабильности своего собственного пространства и образа жизни. При этом бюрократия оставляет за собой «право на экономическое, политическое и военное вмешательство в пространство и образ жизни остального мира, когда ее собственные экономические интересы находятся под угрозой»¹⁴.

Наличие проблем с продвижением европейской идентичности отмечает и австралийский исследователь Дж. Гримм, подчеркивающий «отсутствие корреляции между институциональным развитием ЕС и самоидентификацией граждан в качестве европейцев, которая бы строилась “снизу вверх”»¹⁵. Им делается вывод о том, что «европейским институтам так и не удалось привить гражданам чувство общей европейской принадлежности, несмотря на все их усилия»¹⁶.

Концепция европейской идентичности рассматривается критически настроенными политологами и историографами как некий «социальный клей», изобретенный институтами Европейского Союза и отдельными интеллектуальными элитами. Цель данной концепции заключается в том, чтобы «сформировать общую наднациональную идентичность как результат процессов экономической и политической конвергенции, способную сбалансировать культурный плюрализм и социальные противоречия»¹⁷. Коллективные идентичности, однако, «не могут быть просто сформированы путем официальных дискурсов», поскольку «они выковываются из давних социальных и политических практик, общего опыта, воспоминаний

¹² White H. The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // Europe and the Other and Europe as the Other / ed. by B. Stråth. 2010. P. 67.

¹³ Ibid. P. 68.

¹⁴ Ibid.

¹⁵ Grimm J. Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level – An Overview of the Current State // Australian and New Zealand Journal of European Studies. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 35.

¹⁶ Ibid. P. 41.

¹⁷ Nanz P.I. Op. cit. P. 287.

и мифов, которые функционируют по-разному в разных социально-культурных контекстах»¹⁸.

Существует и более апологетический подход к вопросам идентичности, разделяемый европейской бюрократией. Достаточно показательным является уже упоминавшееся исследование под названием «Европейская идентичность». Анализируя доктринальные аспекты указанной проблематики, автор исследования утверждает, что имеют место «два конкурирующих понимания европейской идентичности: 1) Европа как культурная общность, разделяющая общие ценности; 2) Европа как политическое сообщество общих демократических практик»¹⁹. Акцент в исследовании делается на «идее Европы как политического сообщества, подчеркивающей объединяющую способность демократических институтов и активную гражданскую готовность», что «порождает демократическую политическую культуру» (т.н. конституционный патриотизм)²⁰.

Идея конституционного патриотизма в качестве проводника общеевропейских ценностей основывается на достаточно неоднозначном тезисе о том, что «люди должны развивать привязанность скорее к либерально-демократическим институтам, чем к какой-либо национальной культуре»²¹. Сама же европейская политика, по мнению М. Й. Пруча, должна быть направлена, в первую очередь, на «укрепление коллективной транснациональной идентичности»²². Коллективная идентичность, таким образом, переосмысливается с акцентом на некую объединяющую способность демократического гражданства, а не на культурную и/или этническую идентификацию людей. М. Й. Пруч считает такое переосмысление «особо актуальным – если не обязательным – в современных государствах, характеризующихся существованием множества лингвистических, культурных и групповых идентичностей»²³.

В рассматриваемом исследовании, правда, допускается возможность определенного конфликта между общеевропейским и национальным уровнями политической идентификации. В целях его разрешения формулируется концепция так называемого «постнационального типа лояльности», базирующегося на легитимности ЕС, достигнутых данным интеграционным объединением позитивных результатах и привлекательных перспективах.

¹⁸ Ibid.

¹⁹ Prutsch M.J. Op. cit. P. 5.

²⁰ См.: ibid.

²¹ Ibid. P. 16.

²² Ibid. P. 5.

²³ Ibid. P. 16.

Вполне естественно, что при этом отмечаются сложность поставленной задачи и недостаток структурных предпосылок для такой легитимности.

Компенсировать подобный недостаток призывают политика, которая направлена на укрепление чувства европейской принадлежности, европейской идентичности, основывающейся на истории и памяти. В исследовании подчеркивается, что неизменным условием построения единого сообщества является достижение по крайней мере некоторого базового консенсуса по поводу прошлого и того, как его следует воспринимать. С учетом «отсутствия других объединяющих элементов, таких, например, как общий язык», историческая память представляется автору исследования «особенно важным – если не единственно возможным – инструментом для развития (культурной) идентичности»²⁴.

Предлагаемая для скрепления европейской идентичности «культура памяти» предполагает «акцент на том, как, а не на том, что, собственно, помнить» и требует способности к «(само)критической переработке прошлого, генерируемой на национальном уровне», для чего, по мнению автора исследования, необходимо «проведение соответствующей политики в области образования»²⁵.

Стремление к формированию единой коллективной исторической памяти прослеживается и в Пояснительном докладе к подвергнутой в Российской Федерации обоснованной критике Резолюции Европейского парламента от 17 января 2024 г. о европейском историческом сознании (2023/2112(INI))²⁶. В п. 1 данного Доклада «Отношение к прошлому Европы как к риску и возможности» было подчеркнуто, что «для развития чувства общей принадлежности необходима работа над коллективной памятью, поскольку коллективная память является центральным аспектом формирования и укрепления групповой идентичности»²⁷.

Объективная оценка процессов выстраивания единой европейской исторической памяти, конструирования и взаимовлияния наднациональной и национальной идентичностей, однако, подталкивает к выводу о том, что указанные процессы носят более противоречивый и многогранный характер,

чем это, возможно, представляется европейской бюрократии. Имеются явные сложности с определением общих тем, которые объединяли бы различные национальности, населяющие Европу, и выработкой механизмов преодоления накопившихся разногласий.

В научной литературе формулируются две базовые модели эволюции национальной идентичности и ее соотношения с европейской идентичностью. Первая модель получила наименование «конвергенция идентичностей». В рамках данной модели «действующие политические лица стратегически концентрируются на общих нормах и ценностях и игнорируют противоречивые нормы и ценности в стремлении к достижению конкретных политических целей»²⁸. Вторая модель, обозначенная как «дивергенция идентичностей», наоборот, представляет собой «механизм, с помощью которого внутренние коалиции сопротивляются нормам и правилам европеизации и определяют соответствующее национальное сообщество в контрасте с Европой»²⁹.

Наиболее наглядным образом указанные модели могут быть проиллюстрированы на примере современных Балкан, в частности таких государств, как Хорватия («конвергенция идентичностей») и Сербия («дивергенция идентичностей»), продемонстрировавших неодинаковое отношение к вопросам европеизации. Обе эти страны имеют формально немало общего – вхождение в свое время в состав единого федеративного государства, опыт коммунистического правления, наследие недавней войны, схожий язык. Дальнейшие траектории развития Хорватии и Сербии, однако, пошли разными путями.

Современная хорватская государственная идентичность «построена на трех столпах: национализме, чувстве европейской и памяти о войне 1990-х годов»³⁰. На протяжении веков хорватская национальная историография формировала ощущение уникальности и самобытности хорватов и их отличия от своих юнославянских соседей и поддерживала глубоко укоренившееся стремление к суверенной государственности.

Тяга Хорватии к независимости также базировалась на исторической памяти о противоречивом опыте предыдущего хорватского независимого государства – созданного нацистами в период Второй мировой войны марионеточного образования, в рамках которого были совершены многочисленные зверства по отношению к нехорватским

²⁴ Prutsch M.J. Op. cit. P. 37.

²⁵ Ibid. Pp. 6, 7.

²⁶ См.: European Parliament Resolution of 17 January 2024 on European Historical Consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/TA-9-2024-0030_EN.html (дата обращения: 21.08.2024).

²⁷ Report on European Historical Consciousness (2023/2112(INI)) // European Parliament. URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/A-9-2023-0402_EN.html (дата обращения: 21.08.2024).

²⁸ Subotic J. Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // International Studies Quarterly. 2011. Vol. 55. Iss. 2. P. 310.

²⁹ Ibid.

³⁰ Ibid. P. 315.

меньшинствам (особенно евреям). Дальнейшее развитие хорватской государственности базировалось на мифе о хорватах как уникальных людях, никак не связанных со своими балканскими сородичами, и тем более с сербами. Были обновлены учебные программы, призванные отразить хорватские национальные ценности, вращавшиеся вокруг принципов «хорватизации» и «европеизации».

Национальная идентичность хорватов основывалась на своеобразной «дебалканизации», в рамках которой не только всячески подчеркивалось их отличие от сербов, но и отмечалось, что «Хорватия никогда и не принадлежала к Балканам с точки зрения истории, культуры, религии или же цивилизации»³¹. Хорватская пресса перестала использовать термин «Балканы» применительно к отношениям с соседями, и вместо этого речь велась о принадлежности к «центральноевропейскому региону». Хорваты позиционировались как «более прогрессивные, процветающие, трудолюбивые, толерантные, демократические, одним словом, европейские, в отличие от своих примитивных, ленивых, нетерпимых балканских соседей»³².

Хорватская государственная идентичность, таким образом, опирается на «специфическую балкано-европейскую дихотомию»: чем дальше Хорватия от балканской темницы, тем ближе она к Европе»³³. Европа же «была для хорватов всем, чем не были Балканы: либеральной, демократической, капиталистической, прогрессивной и католической»³⁴.

Страстно желая европеизироваться, хорватские элиты «глубоко идентифицировали себя с Европой как неким культурным и политическим домом Хорватии»³⁵. Они считали себя современными политическими лидерами западного образца и воспринимали Хорватию в ее базовых надстройках как подлинно европейское государство. Вполне логичным в данной связи представлялось вступление Хорватии в ЕС в июле 2013 г.

Аналогичное может быть сказано и о Словении, где также широкое распространение получила риторика относительно «выхода из Балкан» и «возвращения в Европу». Еще в 1990 г. в ходе избирательной кампании здесь был выдвинут лозунг «Европа сейчас!» («Evropa zdaj!»). Борьба Словении (как, собственно, и Хорватии) за признание себя

в качестве полноценного европейского государства означала «одновременный процесс дифференциации по отношению к государствам к Востоку и Югу, которые считались менее европейскими и в некоторых случаях рассматривались как угроза европейским нормам и ценностям»³⁶.

Хорватские и словенские лидеры в своих выступлениях отделяли себя от т.н. других, коими в данном случае являлись сербы, мусульмане, да и югославы в целом. Это приводило к «стигматизации югославской и балканской идентичностей»³⁷. В итоге провозглашалась «культурная и политическая ориентация на Центральную Европу» и подчеркивалась «принадлежность к Средиземноморью и альпийским регионам Европы»³⁸.

Не обошлось и без исторической мифологии. В Хорватии и Словении выдвигались аргументы о том, что хорватская и словенская культуры были не только равны, но и в чем-то даже превосходили европейскую. Так, в хорватской прессе хорваты изображались мучениками, стоявшими на защите морали и христианства Европы и долгое время защищавшими европейскую цивилизацию от православной угрозы с Востока и османской угрозы с Юга.

Поскольку отдельные аспекты взаимоотношений с Европейским Союзом (и в частности, необходимость наказания военных преступников) воспринимались населением Хорватии как вмешательство в ее внутренние дела, политической элитой страны был изобретен соответствующий нарратив, призванный сгладить возникшие противоречия. Согласно данному нарративу, членство в ЕС на самом деле будет даже способствовать повышению уровня реального суверенитета Хорватии и укреплению ее позиций по отношению к соседям. Хорватия в итоге «перестанет быть объектом интервенционистской политики ЕС, и будут созданы основы для хорватского интервенционизма по отношению к другим странам – кандидатам в члены ЕС на постюгославском пространстве в будущем»³⁹.

Словенцы же обратились к характерному для местной историографии мифу о средневековом королевстве Карантания, которое включало в себя современные территории Австрии, Венгрии и Словении и существовало в качестве известного своими демократическими традициями независимого образования вплоть до середины VIII в., когда оно стало частью Франкской империи.

³¹ Subotic J. Op. cit. P. 315.

³² Lindstrom N. Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's "Return to Europe" in the 1990s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. P. 317.

³³ Subotic J. Op. cit. P. 316.

³⁴ Ibid.

³⁵ Ibid. P. 311.

³⁶ Lindstrom N. Op. cit. P. 313.

³⁷ Ibid. P. 319.

³⁸ Ibid. P. 325.

³⁹ Jović D. *Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions* / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.

Карантания представлялась в качестве «одновременно родины и словенских народов, и современной демократии»⁴⁰.

Несколько иные процессы в 1990-е годы происходили в Сербии. Политическая идентичность данной страны «претерпела глубокую “этнификацию” посредством массовой националистической мобилизации вокруг защиты “сербских интересов”»⁴¹. Значительную роль в формировании сербской идентичности сыграла Сербская ортодоксальная церковь, занимавшая антизападные позиции и зачастую изображавшая Европейский Союз как некую «возрожденную Габсбургскую Католическую Империю, поддерживаемую воссоединенной Германией и Ватиканом»⁴².

Сербия, хотя и считает вступление в Европейский Союз своим национальным приоритетом, никогда не воспринимала собственную европейскую идентичность как должное. Постъюгловская идентичность Сербии «развивалась в глубокой изоляции от Европы»⁴³, в том числе и из-за репутации Сербии как главного виновника происходивших на Балканах драматических событий. Одностороннее и достаточно высокомерное отношение со стороны Европейского Союза не могло не вызывать возмущения как политической элиты, так и простого населения Сербии. Интервенция НАТО в Сербию в 1999 г. еще более укрепила настроения, позиционировавшие Сербию в качестве жертвы, и чувство несправедливого отношения со стороны Запада. Взаимоотношения Сербии с Европейским Союзом были также осложнены ее отказом признать независимость Косово, провозглашенную в 2008 г.

Если, например, в Хорватии «Европа рассматривалась как политическое устройство, которое может что-то реально дать (экономическое процветание, “членство в клубе”, международную легитимность)», то в Сербии «Европа воспринималась как нечто отнимающее – территорию (Косово), национальную гордость (унижение проигрыша балканских войн), коллективную память о прошлом (посредством написания в Гааге новой исторической стенограммы)»⁴⁴.

Застопорившаяся европеизация Сербии, таким образом, объясняется сложившейся в данной стране «неопределенной и переходной идентичностью,

оспариваемым смыслом Европы и наличием претензий на альтернативную внутреннюю идентичность»⁴⁵. В Сербии, как, впрочем, и в Северной Македонии, европейская интеграция в глазах многих ассоциировалась с потерей суверенитета или даже с утратой национальной идентичности. Если в Сербии это было во многом связано с «вмешательством ЕС в нормализацию отношений с Косово», то в Северной Македонии – «с претензиями соседей относительно наименования страны и ее языка»⁴⁶.

То, что было определено как «дивергенция идентичностей», имеет достаточно отчетливую региональную коннотацию и рассматривается применительно к странам так называемых Западных Балкан, которые пока еще не вступили в Европейский Союз (Албания, Босния и Герцеговина, Косово, Северная Македония, Сербия и Черногория). В рамках этой группы стран – претендентов лишь Албания «является страной, где национальная идентичность и государственные границы остаются относительно стабильными, а также единственной страной, которая не участвовала в возникавших вооруженных конфликтах»⁴⁷. Показательно, что албанцы являются самыми большими энтузиастами вступления в ЕС. В Албании данный шаг поддерживает 97% населения, в Косово – 93%. Наиболее скептично в указанном отношении настроены жители Сербии, среди которых за вступление в ЕС в настоящее время выступают лишь 34%⁴⁸. При этом следует отметить, что поддерживаемый многими албанцами «Миф о Великой Албании» – государство, объединяющее все территории с албанским населением, – вряд ли будет способствовать успешной европеизации албанцев и гармонизации отношений с соседями.

В упомянутых государствах Западных Балкан проблемы с защитой и продвижением национальной идентичности определены относительно недавними историческими событиями. Так, Босния и Герцеговина «была фактически опустошенавойной 1992–1996 годов, которая оставила страну раздираемой с политической и конституционной точек зрения и ощутимо обедневшей в экономическом плане»⁴⁹. Далеко не всеми признается обретенная весьма драматическим и конфликтным путем независимая государственность Косово. Продолжает «подвергаться сомнению, как изнутри, так

⁴⁰ Lindstrom N. Op. cit. P. 318.

⁴¹ Subotic J. Op. cit. P. 320.

⁴² Perica V The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: Religion in an Expanding Europe / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.

⁴³ Subotic J. Op. cit. P. 311.

⁴⁴ Ibid. P. 321.

⁴⁵ Ibid. P. 213.

⁴⁶ Džanki Ć. J. Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a “Capability-Expectations Gap”? // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 216.

⁴⁷ Ibid. P. 213.

⁴⁸ См.: Barbullushi O. European Union – Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 225.

⁴⁹ Džankić J. Op. cit. P. 213.

и снаружи, национальная идентичность Черногории, участвовавшей в связанных с распадом Югославии войнах на стороне Сербии»⁵⁰ (будучи частью единого с ней государства). Различные аспекты государственности и идентичности Северной Македонии в течение длительного времени оспаривались Грецией и Болгарией. Сербия же не признает независимость Косово и поэтому не может должным образом урегулировать свои собственные границы.

Несмотря на свое время обещанную этим странам «европейскую перспективу», отмечаются крайне низкие темпы их европейской интеграции, растущее недопонимание с Европейским Союзом и их ментальная разнородность. Подчеркивается, что «жители Западных Балкан зачастую не понимают реальные выгоды от вступления своей страны в ЕС, в то время как в самих государствах – членах ЕС общественное мнение часто воспринимает Западные Балканы как регион конфликтов и политических рисков, которые могут только добавить новые проблемы и без того хрупкому Союзу»⁵¹.

В последнее время наблюдается общее ухудшение имиджа Европейского Союза на Западных Балканах под воздействием кризисных явлений внутри самого ЕС. На это, в частности, повлияли «медленное восстановление европейской экономики после глобального финансового и экономического кризиса, кризис еврозоны, миграционный кризис 2015 г., Брексит, нескоординированная политика во время пандемии COVID-19 и задержка с поддержкой Западных Балкан необходимыми вакцинами»⁵².

Говоря о складывающейся на европейском пространстве дилемме идентичностей, следует отметить, что часть общества в европейских странах, безусловно, пытается идентифицировать себя с объединенной Европой и ее ценностями. В научной литературе отмечается, что такие лозунги, как «интеграция» и «Европа без границ», весьма популярны «среди профессиональных и бизнес-элит, а также транснационально ориентированных молодых европейцев»⁵³.

При этом наблюдаются и другие настроения, несколько иной вектор самоидентификации части европейского населения. Многие «видят в открытии границ угрозу национальному единству и своей культурной самобытности»⁵⁴. Подобные

настроения находят свое выражение в усилении этноцентризма, подъеме националистических чувств, трансформирующихся в общественные движения и в той или иной степени моделирующих политическую систему отдельных государств. Ярким свидетельством «возрождения национализма вследствие стремления защитить национальную идентичность стал Брексит»⁵⁵, т.е. выход Великобритании из состава ЕС.

Существуют, таким образом, и «другие имиджи Европы, циркулирующие за рамками понятия «Европейский Союз»»⁵⁶, такие например, как «Средиземноморская Европа», «Мусульманская Европа» и «Балканская Европа». В научной литературе справедливо отмечается, что «претензии ЕС на осуществление представительства Европы могут дополнительно оспариваться такими странами, как Турция и республики бывшего советского блока, которые также воспринимают себя в качестве европейских государств, но оказываются не включенными в новую политическую единицу»⁵⁷.

Как отмечает итальянский исследователь С. Фаббрини, национальная идентичность (в отличие от наднациональной) воспринимается как «эмпирическая реальность, воплощающая не только фундаментальные политические и конституционные структуры соответствующей страны, но и ее политическую культуру»⁵⁸. И в этом смысле национальная идентичность будет противостоять наднациональной идентичности с той или иной степенью интенсивности.

Неизбежным спутником конфликта национальной и наднациональной идентичностей в конечном счете становится национализм. Именно последний «служит стратегией мобилизации, которая используется правящими элитами для создания среди граждан чувства политической поддержки своих действий, особенно когда эти элиты находятся в противоречивых отношениях с другими государствами-членами или же с наднациональными институтами ЕС»⁵⁹.

Но и национальной идентичности при этом может быть брошен вызов, поскольку наличие определенной коллективной идентичности само по себе «совершенно не означает, что все ее обязаны

⁵⁰ Džankić J. Op. cit. P. 214.

⁵¹ Uvalić M. The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2.

⁵² Ibid. P. 10.

⁵³ Nanz P.I. Op. cit. P. 288.

⁵⁴ Ibid.

⁵⁵ Fabbrini S. Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // Constructing the EU's Political Identity / ed. by S. Sauvage, M. Thatcher. Cham, 2022. P. 29.

⁵⁶ Nanz P.I. Op. cit. P. 290.

⁵⁷ Ibid.

⁵⁸ Fabbrini S. Op. cit. P. 28.

⁵⁹ Ibid.

принимать и разделять»⁶⁰, особенно в условиях многосоставных и полиэтнических государств. Построение такой идентичности может сталкиваться с определенным внутренним сопротивлением и «носить в высшей степени политизированный характер в условиях, когда действующие заинтересованные лица выдвигают альтернативные идентичности как часть более широкой политической борьбы»⁶¹. Необходимо, в частности, обратить внимание на конкуренцию национальных и региональных идентичностей, в том числе на оживление в отдельных европейских государствах автономистских нарративов (как, например, в испанской Каталонии либо в бельгийской Фландрии, не говоря уже о Шотландии в Соединенном Королевстве). Подобные нарративы призваны «обосновать свой собственный вариант “европейскости”, отвечающий интересам наций, не имеющих собственной государственности»⁶².

Анализ особенностей конструирования европейской идентичности, в том числе применительно к современным Балканам, свидетельствует о том, что европейское историческое сознание не носит целостного характера и имеет свои проблемные зоны. До конца так и не решенными остаются «проблемы баланса европейской исторической памяти и забвения, проблемы постколониализма и мультикультурализма, проблемы исторической вины и ответственности, стоящие перед европейскими народами»⁶³. В этих условиях не вполне продуктивными представляются попытки навязывания европейской идентичности, определенных наднациональных ценностей народам тех стран, которые расположены в Европе, но придерживаются иных, более традиционных ценностей, иной культуры памяти, других религиозных взглядов.

Для части европейцев достаточно чуждыми являются активно внедряемые во многих странах Запада законодательные новеллы в области общественной морали, и прежде всего в сфере гендерных и семейных отношений. Так, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин обращает внимание на то, что «для людей, исповедующих авраамические религии, — христианство, ислам, иудаизм, — эти новеллы, включая нормы легализации и расширенной правовой защиты однополых сексуальных союзов,

⁶⁰ Saurugger S., Thatcher M. Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // Constructing the EU's Political Identity. P. 4.

⁶¹ Ibid.

⁶² Румянцев В. «Западная Европа» как стереотип в сознании европейцев // Историческая география, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (дата обращения: 21.08.2024).

⁶³ Линченко А.А., Романов А.О. Европейская идентичность и целостность европейского сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 297.

означают прямое нарушение фундаментальных религиозных заповедей»⁶⁴. В то же время и «для светских людей, воспитанных в соответствующих национальных культурах», такие новеллы означали бы «не менее болезненный слом традиционных, глубоко укорененных в культуре, нравственных принципов»⁶⁵. Подобные навязываемые извне ценности отторгаются современным российским обществом, стержневыми ценностями которого являются «самоотверженность, патриотизм, любовь к родному дому, к своей семье, к Отечеству», и «на них, по большому счету, во многом держится суверенитет нашей страны»⁶⁶.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зорькин В. Западные элиты навязывают миру чуждые народу ценности // Росс. газ. 2016. 19 мая.
2. Линченко А.А., Романов А.О. Европейская идентичность и целостность европейского сознания // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 11. С. 297.
3. Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. С. 4.
4. Румянцев В. «Западная Европа» как стереотип в сознании европейцев // Историческая география, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (дата обращения: 21.08.2024).
5. Савенков А.Н. Геноцид советского народа: от истории к праву, без срока давности // Государство и право. 2021. № 9. С. 8.
6. Barbullushi O. European Union – Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // Integrating the Western Balkans into the EU. P. 225.
7. Džanki Ć. J. Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a “Capability-Expectations Gap”? // Integrating the Western Balkans into the EU. Pp. 213, 214, 216.
8. Fabbrini S. Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // Constructing the EU's Political Identity / ed. by S. Saurugger, M. Thatcher. Cham, 2022. Pp. 28, 29.
9. Grimm J. Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level – An Overview of the Current State // Australian and New Zealand Journal of European Studies. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 41.
10. Jović D. Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.
11. Lindstrom N. Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's “Return to Europe” in the

⁶⁴ Зорькин В. Западные элиты навязывают миру чуждые народу ценности // Росс. газ. 2016. 19 мая.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ Путин В.В. 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим. М., 2020. С. 4.

- 1990^s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 313, 317–319, 325.
12. *Nanz P.I.* In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 287, 288, 290, 292.
13. *Perica V.* The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: *Religion in an Expanding Europe* / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.
14. *Prutsch M.J.* Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. Pp. 5–7, 16, 31, 37.
15. *Saurugger S., Thatcher M.* Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // *Constructing the EU's Political Identity*. P. 4.
16. *Stråth B.* Introduction: Europe as a Discourse // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 16–20.
17. *Subotic J.* Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 310–312, 315, 316, 320, 321.
18. *Uvalić M.* The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2, 10.
19. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 67, 68.
7. *Džanki Ć.J.* Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a "Capability-Expectations Gap"? // *Integrating the Western Balkans into the EU*. Pp. 213, 214, 216.
8. *Fabbrini S.* Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // *Constructing the EU's Political Identity* / ed. by S. Saurugger, M. Thatcher. Cham, 2022. Pp. 28, 29.
9. *Grimm J.* Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level – An Overview of the Current State // *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 41.
10. *Jović D.* Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // *Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions* / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.
11. *Lindstrom N.* Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's "Return to Europe" in the 1990^s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 313, 317–319, 325.
12. *Nanz P.I.* In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 287, 288, 290, 292.
13. *Perica V.* The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: *Religion in an Expanding Europe* / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.
14. *Prutsch M.J.* Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. Pp. 5–7, 16, 31, 37.
15. *Saurugger S., Thatcher M.* Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // *Constructing the EU's Political Identity*. P. 4.
16. *Stråth B.* Introduction: Europe as a Discourse // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 16–20.
17. *Subotic J.* Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 310–312, 315, 316, 320, 321.
18. *Uvalić M.* The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2, 10.
19. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 67, 68.

REFERENCES

1. *Zorkin V.D.* Western elites impose values alien to the people on the world // *Ross. gaz.* 2016. 19 May (in Russ.).
2. *Linchenko A.A., Romanov A.O.* European identity and the integrity of European consciousness // *Humanities, socio-economic and social sciences*. 2015. No. 11. P. 297 (in Russ.).
3. *Putin V.V.* 75 years of the Great Victory: common responsibility to history and the future. M., 2020 (in Russ.).
4. *Rumyantsev V.* "Western Europe" as a stereotype in the minds of Europeans // *Geography*, 16.10.2022. URL: <https://geohyst.ru/node/9642> (accessed: 21.08.2024) (in Russ.).
5. *Savenkov A.N.* The Genocide of the Soviet people: from history to law, without limitation // *State and Law*. 2021. No. 9. P. 8 (in Russ.).
6. *Barbullushi O.* European Union – Western Balkans Misperceptions and Paradoxes // *Integrating the Western Balkans into the EU*. P. 225.
7. *Džanki Ć.J.* Perceptions or Misperceptions of EU Conditionality in the Western Balkans: A Case of a "Capability-Expectations Gap"? // *Integrating the Western Balkans into the EU*. Pp. 213, 214, 216.
8. *Fabbrini S.* Constructing and De-constructing the European Political Identity: The Contradictory Logic of the EU's Institutional System // *Constructing the EU's Political Identity* / ed. by S. Saurugger, M. Thatcher. Cham, 2022. Pp. 28, 29.
9. *Grimm J.* Building an EU Identity: Policy Development at the EU-Level – An Overview of the Current State // *Australian and New Zealand Journal of European Studies*. 2021. Vol. 13. No. 1. Pp. 35, 41.
10. *Jović D.* Imagining Europe in a New and Small State: The Case of Croatia // *Integrating the Western Balkans into the EU: Overcoming Mutual Misperceptions* / ed. by M. Uvalić. Cham, 2023. P. 125.
11. *Lindstrom N.* Between Europe and the Balkans: Mapping Slovenia and Croatia's "Return to Europe" in the 1990^s // *Dialectical Anthropology*. 2003. Vol. 27. No. 3. Pp. 313, 317–319, 325.
12. *Nanz P.I.* In-between Nations: Ambivalence and the Making of a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 287, 288, 290, 292.
13. *Perica V.* The Politics of Ambivalence: Europeanization and the Serbian Orthodox Church. In: *Religion in an Expanding Europe* / ed. by T.A. Byrnes, P.J. Katzenstein. Cambridge, 2006. P. 181.
14. *Prutsch M.J.* Research for CULT Committee – European Identity. Brussels, 2017. Pp. 5–7, 16, 31, 37.
15. *Saurugger S., Thatcher M.* Constructing the EU's Political Identity in Policy Making // *Constructing the EU's Political Identity*. P. 4.
16. *Stråth B.* Introduction: Europe as a Discourse // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 16–20.
17. *Subotic J.* Europe is a State of Mind: Identity and Europeanization in the Balkans // *International Studies Quarterly*. 2011. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 310–312, 315, 316, 320, 321.
18. *Uvalić M.* The Perceptions of European Union-Western Balkan Integration Prospects: Introduction and Overview. Pp. 1, 2, 10.
19. *White H.* The Discourse of Europe and the Search for a European Identity // *Europe and the Other and Europe as the Other* / ed. by B. Stråth. Brussels, 2010. Pp. 67, 68.

Сведения об авторе

ЧЕРКАСОВ Александр Игоревич –
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
сектора прав человека
Института государства и права
Российской академии наук;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

CHERKASOV Alexander I. –
PhD in Law, Associate Professor,
Leading Researcher
of the Human Rights Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

УДК 340.5

ПРОЕКТЫ КОДИФИКАЦИИ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСОЮЗНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА (конец 1920-х – начало 1950-х годов)

© 2024 г. Т. Ф. Ящук

Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского

E-mail: yashukomsu@mail.ru

Поступила в редакцию 04.11.2022 г.

Аннотация. В статье показаны этапы кодификации советского законодательства. В 1920-е годы было кодифицировано законодательство РСФСР. После образования СССР развивается союзное законодательство. В конце 1920-х годов появляются первые идеи о целесообразности перехода к общесоюзной кодификации. После принятия Конституции СССР 1936 г. разрабатываются проекты Уголовного кодекса СССР, Гражданского кодекса СССР, Уголовно-процессуального кодекса СССР, Гражданского процессуального кодекса СССР. Анализируется процесс подготовки проектов и полученный результат. Выявлены политические и юридические причины отказа от общесоюзной кодификации.

Ключевые слова: история государства, история права, Советское государство, советское право, систематизация законодательства, кодификация, история кодификации, федеративное государство, проекты кодексов, Советский Союз.

Цитирование: Ящук Т.Ф. Проекты кодификации советского общесоюзного законодательства (конец 1920-х – начало 1950-х годов) // Государство и право. 2024. № 10. С. 216–223.

DOI: 10.31857/S1026945224100192

A CODIFICATION PROJECTS OF SOVIET ALL-UNION LEGISLATION (late 1920^s – early 1950^s)

© 2024 Т. F. Yashchuk

Dostoevsky Omsk State University

E-mail: yashukomsu@mail.ru

Received 04.11.2022

Abstract. The article shows the stages of codification of All-Union legislation. In the 1920^s the legislation of the RSFSR was codified. After the formation of the USSR the all-Union legislation developed. At the end of the 1920^s, the first ideas about the advisability of the transition to all-Union codification appeared. After the adoption of the Constitution of the USSR in 1936, drafts of the Criminal Code of the USSR, the Civil Code of the USSR, the Code of Criminal Procedure of the USSR, the Civil Procedure Code of the USSR are being developed. The process of preparation of projects and the result obtained are analyzed. The political and legal reasons for the refusal of the all-Union codification are revealed.

Key words: history of the state, history of law, Soviet state, Soviet law, systematization of legislation, codification, history of codification, federal state, draft codes, Soviet Union.

For citation: Yashchuk, T.F. (2024). Codification projects of Soviet All-Union legislation (late 1920^s – early 1950^s) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 216–223.

Сложная федеративная природа СССР определила принципы построения системы отечественного законодательства, пролонгированное действие которых проявляется и в условиях современной России. С созданием СССР законодательство приобрело иерархичную структуру, где верхний уровень занимали общесоюзные акты, которые применялись на всей территории Советского государства.

После состоявшейся в начале 1990-х годов суверенизации союзных республик, когда приоритетным стало написание национальных «историй», интерес к истории общесоюзного законодательства значительно снизился. Практически не исследуется его динамика, позволяющая проследить особенности источников советского права в отдельные периоды, выделить факторы (политические, доктринальные и др.), влияющие на их состояние. Предлагаемая статья нацелена на некоторое восполнение лакун в изучении законодательства СССР. Выбор хронологических рамок обусловлен предметом исследования: в конце 1920-х – начале 1950-х годов сначала в теории, а затем на практике предпринимаются попытки перейти в ряде отраслей к общесоюзной кодификации, что существенно расширяло сферу законодательной компетенции Союза ССР. Выявление причины смены политico-правовой парадигмы, рассмотрение кодификационной деятельности по составлению общесоюзных кодексов.

Представляется важным установить, представляла ли общесоюзная кодификация вполне реалистичный, но не завершенный способ усилить целостность правового пространства, укрепить верховную власть в СССР и в итоге способствовать сохранению Советского Союза, либо она изначально была «туникой» вариантом систематизации законодательства.

Локальный, казалось бы, сюжет о незавершившейся попытке союзной кодификации позволит полнее и объективнее понять процессы централизации и децентрализации в государственном устройстве СССР, механизм взаимоотношений союзного центра и республик.

Актуальность заявленной темы подтверждается и отношением к ней в юридической науке. Несмотря на появление новых публикаций, приуроченных к 100-летнему юбилею СССР, вопросы об устойчивости государственного единства СССР, перспективах и возможностях совершенствования союзной федерации, как и причины ее распада остаются в дискуссионном научном поле.

Накопленная историография и имеющаяся источниковая база позволяют продолжить исследования советского законодательства. Его изучение началось практически одновременно с процессом формирования, а затем приобрело и историко-правовой ракурс. Значимыми применительно к теме статьи можно считать два исследовательских направления: первое сосредоточено на изучении истории отраслевого законодательства (гражданского¹, уголовного² и др.), его источников, в первую очередь республиканских кодексов³, второе касается особенностей правотворчества в СССР⁴, теоретических проблем

¹ Генкин Д. М., Новицкий И. Б., Рабинович Н. В. История советского гражданского права. М., 1949; Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.

² См.: История советского уголовного права / А. А. Герцензон, Ш. С. Грингауз, Н. Д. Дурманов и др. М., 1948.

³ См.: Швеков Г. В. История создания первого советского Уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.): автореф. ... дис... канд. юрид. наук. М., 1967; Новицкая Т. Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002.

⁴ См.: Правотворчество в СССР / под ред. А. В. Мицкевича. М., 1974.

систематизации законодательства⁵, этапов кодификации советского права⁶.

Специальные работы, где предметно анализировалась бы кодификационная деятельность конца 1920-х – начала 1950-х годов, представлены единичными публикациями⁷. Как самостоятельные памятники права проекты не изучались, не отмечалось их «промежуточное» положение между кодификациями 1920-х и 1960-х годов.

Источниковая база дает богатый материал для реконструкции самого процесса составления кодексов, а также отражает трансформацию содержания готовившихся проектов. В архивных фондах сохранились протоколы заседаний правительственные учреждений и различных комиссий, пояснительные записки, сравнительные таблицы, иные сопутствующие документы. Результаты обсуждений, мнения практических работников и ученых публиковались на страницах юридических журналов и других изданий⁸.

Идея общесоюзной кодификации имела глубокие предпосылки. После образования СССР на территории союзных республик было распространено действие основных российских законов. Как правило, они получали легитимацию через принятие соответствующих решений законодательными республиканскими органами. Ряд крупных актов, как например кодексы РСФСР, заимствовались не непосредственно, а адаптировались к местным условиям. Им присваивались новые названия, могла меняться редакция и нумерация статей, но принципиальные положения не затрагивались.

Конституция СССР 1924 г. закрепила кодификационные полномочия за союзными республиками. При этом в ведении Союза ССР (согласно ст. 1) оставался достаточно широкий круг вопросов в сфере законодательства⁹.

Заметим, что планируемые к принятию союзные акты обозначались по-разному: «общие начала», «общесоюзное

⁵ См.: Поленина С. В. Теоретические проблемы систематизации советского законодательства. М., 1979; Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А. С. Пиголкина. СПб., 2003.

⁶ См.: Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С. Н. Братусь. М., 1968.

⁷ См.: Сорокина А. В. Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 27. С. 94–108; Яшук Т. Ф. Нереализованные проекты кодификации советского законодательства в 1920–1930-е годы // Сибирский юрид. вестник. 2018. № 4. С. 57–61.

⁸ Например, доклад Н. В. Крыленко «Три проекта реформы уголовного кодекса», с которым он выступил на I Всесоюзном съезде работников советского строительства и права, не являлся его частной инициативой, а был предварительно утвержден Институтом советского строительства и права при Коммунистической Академии (см.: Три проекта реформы уголовного кодекса. М.–Л., 1931). Несколько относительно завершенных проектов были напечатаны достаточно большими тиражами (400–600 экз.) в виде брошюр и даже книг (см.: Проект Уголовного кодекса СССР: разработан ВИОН. М., 1939; Уголовный кодекс СССР. Проект. М., 1955 (март); Проект Уголовно-процессуального кодекса СССР. М., 1939 (подписан к печати 19 января 1939 г.); Проект Уголовно-процессуального кодекса СССР. Переработанный ВИОН НКЮ СССР. М, 1939 (подписан к печати 9 июля 1939 г.); Уголовно-процессуальный кодекс Союза Советских Социалистических Республик. М., 1948 (август)).

⁹ Установление общих начал землеустройства и землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами по всей территории Союза Советских Социалистических Республик (п. «н»); общесоюзное законодательство о межреспубликанских переселениях и установление переселенческого фонда (п. «о»); установление основ судоустройства и судопроизводства, а также гражданского и уголовного законодательства Союза (п. «п»); установление основных законов о труде (п. «р»); установление общих начал в области народного просвещения (п. «с»); основное законодательство в области союзного гражданства (п. «т»).

законодательство», «основы», «основные законы», «основное законодательство». В дальнейшем отсутствие единой терминологии наблюдалось и при утверждении такого рода законов. В юридической литературе за ними закрепилось собирательное название «Основы», термин «кодекс» не употреблялся.

Конституция СССР 1924 г. задала параметры выстраивания иерархичной и при этом целостной структуры законодательства. В ней выделялись союзный и республиканский уровни, достаточно большая область совместного регулирования, осуществляемая по схеме «союзные основы – республиканский кодекс». Приступая к разработке общесоюзных Основ, следовало учитывать факт состоявшейся в начале 20-х годов республиканской кодификации, затронувшей основные отрасли советского права. Принятые в условиях НЭПа кодексы позитивно воспринимались юридическим профессиональным сообществом. Складывалась судебная и иная правоприменительная практика, которая внимательно изучалась, обобщалась и публично комментировалась. Вопрос о существенном пересмотре содержания кодексов не ставился.

Однако уже в конце 20-х годов эффективность закрепленной в Конституции законодательной модели подвергается сомнению. Первой отраслью, где попробовали приступить к ее корректировке, стало уголовное право.

Можно выделить две группы причин, обусловивших появление значительного числа различных по происхождению акторов, заявлявших о необходимости изменения действующего УК РСФСР 1922 г. Первая причина произошла из новых задач уголовного законодательства, которое в условиях заявленного перехода к социалистической реконструкции становилось важным инструментом обеспечения разворачивающихся преобразований. Вторая причина обусловливалась особенностями источников уголовного права в СССР, которые были систематизированы в виде Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. и республиканских кодексов. После принятия союзных Основ УК РСФСР 1922 г. был существенно отредактирован, утвержден постановлением ВЦИК от 22 ноября 1926 г. и введен в действие с 1 января 1927 г., поэтому в литературе он часто называется УК РСФСР 1926 г.

Форма уровневой систематизации отраслевых норм была новой для отечественной законотворческой практики и начала складываться только в советских условиях. Применительно к уголовному праву, относящемуся к публичным отраслям, провести разграничение нормативных предписаний, исходящих от Союза и республик, было особенно сложно. Его не удалось достичь на стадии подготовки УК РСФСР 1926 г., поэтому практически сразу после введения Уголовного кодекса в действие потребовалось внесение дополнений в связи с принятием общесоюзных актов (Положение о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) от 25 февраля 1927 г., Положение о воинских преступлениях от 27 июля 1927 г.).

В конце 20-х годов заявления о необходимости «нового Уголовного Кодекса, действительно удовлетворяющего потребностям эпохи индустриализации страны и развернутого социалистического строительства»¹⁰, получают официальную поддержку. Постановление правительства от 27 марта 1927 г. обязало

¹⁰ Проект общей части Уголовного кодекса. С предисловием председателя Государственного института по изучению преступника и преступности Е.Г. Ширвинда. М., 1929. С. 3 (Об этом заявлялось на I Все-союзном совещании пенитенциарных деятелей (октябрь 1928 г.), на VI съезде деятелей советской юстиции (февраль 1929 г.)).

наркомат юстиции разработать и представить для законодательного утверждения проект нового Уголовного кодекса.

Поручение было выполнено в короткие сроки. Проект наркомата юстиции имел завершенный характер, включал объяснительную записку, написанную Д.И. Курским, две части (Общую и Особенную) будущего кодекса. Записка начиналась с важного утверждения, что «в основу работ по пересмотру действующего [Уголовного] Кодекса, положен был принцип согласования норм его с нормами “Основных начал уголовного законодательства Союза ССР”»¹¹. Отмеченное обстоятельство в большей степени повлияло на Общую часть.

В законотворческую деятельность включились и юридические научные учреждения: варианты будущего Уголовного кодекса представили Государственный институт по изучению преступника и преступности (проект предварялся предисловием директора Е.Г. Ширвинда и ограничивался пока только Общей частью)¹² и подсекция уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии (проект вышел со вступительной статьей Н.В. Крыленко)¹³. Продолжая работу над проектом и осознавая необходимость увязать союзные и республиканские уголовные нормы, Государственный институт по изучению преступника и преступности сумел составить целый текст, который озаглавил «Проект Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР». Проект подготовила комиссия из числа научных сотрудников Института, являющихся видными специалистами в области уголовного права и криминологии, председателем комиссии был директор Института Е.Г. Ширвиндт¹⁴. Разработчики предложили принципиально иную модель систематизации законодательства, попытавшись объединить в одном документе два самостоятельных акта: Основные начала, которые имели общесоюзный статус, и республиканский кодекс. Основные начала заняли место Общей части, а положения Уголовного кодекса – Особенной. Таким образом, рассредоточение уголовноправовых норм по законам разного происхождения (союзным и республиканским) стало одной из причин появления идеи о целесообразности их систематизации в рамках цельного закона, общего для всего СССР.

Попытки соединить в одном акте союзные и республиканские нормы проявились и при систематизации гражданского законодательства. Так, первое заседание Комиссии СНК СССР (создана в 1927 г.), которая должна была заниматься разработкой Основ гражданского законодательства СССР и союзных республик, началось с обсуждения предложения о необходимости издания единого Гражданского кодекса Союза ССР¹⁵. Хотя, следуя конституционной норме, готовились общесоюзные Основы, но все участники, вовлеченные в эту деятельность, отмечали, что не получалось точно установить, где должна проходить «разграничительная линия между общесоюзными

¹¹ Проект Уголовного кодекса РСФСР с объяснительной запиской к нему. М., 1928. С. 3.

¹² См.: Проект общей части Уголовного кодекса. С предисловием председателя Государственного института по изучению преступника и преступности Е.Г. Ширвинда. С. 8.

¹³ См.: Проект нового уголовного кодекса РСФСР, выработанный подсекцией уголовного права Института советского строительства и права при Коммунистической академии. М., 1930.

¹⁴ Проект Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик и уголовного кодекса РСФСР. М., 1930. С. 1.

¹⁵ См.: Раевич С. Важнейший очередной вопрос советского законодательства // Еженедельник сов. юстиции. 1927. № 26. С. 785.

основами и гражданским законодательством республик»¹⁶. Как справедливо указывал Ю.К. Толстой, «с момента утверждения Договора об образовании Союза ССР (1922 г.) гражданское законодательство в целом всегда относилось к совместной союзно-республиканской компетенции»¹⁷.

В итоге формировалось расширительное толкование понятия кодекса: не как одного закона, удовлетворяющего определенным критериям предмета правового регулирования и правилам юридической техники, а некоей совокупности актов. Опубликованный в 1931 г. с предисловием П.И. Стучки проект Института советского права Коммунистической академии исходил из того положения, что общесоюзные Основы гражданского законодательства и изданные в соответствии с ними гражданские законы союзных республик составляют единый Гражданский кодекс союзной республики¹⁸.

Сходным образом, как общесоюзный кодекс, оценивались и готовившиеся согласно требованиям Конституции СССР «основные законы» о труде. Занимавшиеся систематизацией трудового законодательства комиссии вообще смешивали и объединяли эти понятия¹⁹.

Отметим, что в конце 20-х – первой половине 30-х годов предложения о кодификации отдельных отраслей в виде общесоюзных законов напрямую не связывались с пересмотром законодательных полномочий в рамках союзной федерации, т.е. не объяснялись политическими мотивами, а больше обосновывались соображениями формально-юридического характера, целесообразностью и удобством иметь один цельный и полный отраслевой кодекс.

Такой подход совпадал с утверждающейся в юридической доктрине идеи об уникальности федеративного устройства Советского Союза. Говорилось, что «к нему вообще нельзя подходить с обычными категориями буржуазной формальной юриспруденции – в частности нельзя с ними подходить к тем взаимоотношениям, которые в нем создаются между органами общесоюзными, республиканскими и местными»²⁰. При этом, допуская логическое противоречие, утверждалось, что изменения внутри формы Советского государства не противоречили доминирующей мировой тенденции – «движения в сторону централизации»²¹. Различались только условия и сущность централизации: в буржуазных государствах усиление централизации связывали с развитием крупной промышленности, финансового капитала, урбанизацией. В советских условиях централизацию обеспечивало единство диктатуры пролетариата, отсутствие между Союзом ССР и союзными республиками «социально-экономической противоположности интересов»²². В.И. Игнатьев в статье с показательным названием «Союз ССР как единое государство» оценивал федерацию как переходную форму к полному единству, подчеркивал

¹⁶ Раевич С. Указ. соч. С. 785

¹⁷ Толстой Ю.К. Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. С. 13.

¹⁸ См.: Основные начала гражданского законодательства Союза ССР. М., 1931.

¹⁹ Например, присутствовали следующие формулировки: «Кодекс основных законов о труде ставит своей целью установление единства трудового законодательства в основных чертах на территории всего Союза ССР» (см.: Каминская П.Д. Компетенция Союза ССР и союзных республик в области трудового законодательства // Сов. строительство. 1929. № 8. С. 74).

²⁰ Котляревский С.А. Союз, республики, места и социалистическая реконструкция // Сов. строительство. 1930. № 10–11. С. 57.

²¹ Там же.

²² Там же. С. 58.

«тенденцию к постепенному более тесному объединению всех народов Союза ССР»²³. Понимание перспектив советской федерации вполне укладывалось в разрабатываемую в 30-е годы новую теорию советского государства, которая «должна была представлять своего рода амальгаму интернационализма и государствоцентризма»²⁴. На таком фоне идеи усиления союзного сегмента, законодательного регулирования быстро и прочно распространяются в юридическом дискурсе²⁵. Приобретает устойчивость выражение «кодификация общесоюзного законодательства», хотя зачастую она трактовалась максимально широко и не сводилась исключительно к изданию кодексов. В нее включалось и составление Свода законов Союза ССР (он реально готовился в конце 20-х годов), и создание новых актов, получающихся в результате инкорпорации и имеющих «лишь тип или внешний вид кодекса»²⁶, как, например составленный кодификационной комиссией СНК Акцизный кодекс.

Официально передача ряда кодификационных полномочий союзному центру состоялась в Конституции СССР 1936 г. Статья 14, которая в целом определяла перечень предметов ведения Союза ССР, содержала несколько пунктов, прямо касающихся законодательной сферы²⁷. Исключительной новацией являлся п. «», где говорилось, что законодательство о судоустройстве и судопроизводстве, Уголовный и Гражданский кодексы становятся теперь сферой ответственности Союза ССР.

На практике п. «» ст. 14 Конституции СССР 1936 г. был истолкован и реализован следующим образом. 16 августа 1938 г. Верховный Совет СССР принял Закон о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик, который заменил собой ранее действовавшие Основы судоустройства Союза ССР и союзных республик. Регулирование отношений, возникающих в процессе судопроизводства, следовало распределить между двумя процессуальными кодексами: уголовно-процессуальным и гражданским процессуальным. Эти кодексы, как и два кодекса материального права (Гражданский и Уголовный), надлежало разработать и принять в виде общесоюзных законов.

Вторая половина 30-х годов, вплоть до начала Великой Отечественной войны, характеризуется высокой законотворческой активностью по подготовке проектов. Задача не казалась неразрешимой, необходимость и целесообразность общесоюзной кодификации никем не оспаривалась. Наоборот, как отмечалось впоследствии, в ней видели «способ упорядочения правовой жизни большой и разношерстной страны»²⁸.

Организационным центром подготовки проектов являлся Всесоюзный институт юридических наук (ВИЮН), специально переформатированный из бывшего Государственного

²³ Игнатьев В. Союз ССР как единое государство // Сов. строительство. 1929. № 6. С. 5.

²⁴ Никандров А.В. Развитие концепции Советского государства в 1930-е годы: коррекция марксизма или новая теория государства? // Государство и право. 2022. № 7. С. 111.

²⁵ См.: Каминская П. Указ. соч. С. 72–89; Котляревский С. Задачи Союза ССР в области социальной культуры // Там же. С. 89–101.

²⁶ Понтович Э. Кодификация общесоюзного законодательства // Сов. строительство. 1930. № 2. С. 32.

²⁷ Демонстрируя значительную преемственность с Конституцией СССР 1924 г., она подтверждала, что именно союзные акты устанавливают основные начала землепользования, а равно пользования недрами, лесами и водами (п. «»); основные начала в области просвещения и здравоохранения (п. «»); основы законодательства о труде (п. «»).

²⁸ Петров А.А. Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов // Ленинградский юрид. журнал. 2016. Т. 2. С. 22.

института по изучению преступника и преступности под цели развития советской юридической науки и выполнение конкретных законотворческих задач. Быстрее и продуктивнее по сравнению с другими проектами велась разработка проекта Уголовного кодекса. Сказывалось наличие действовавших общесоюзных Основ и адаптированного под них УК РСФСР, предыдущий опыт законопроектной деятельности, накопленный и обобщенный ранее материал. Поэтому уже в 1939 г. для широкого обсуждения был опубликован и разослан проект УК СССР.

Составление проекта Гражданского кодекса также шло достаточно интенсивно, но осложняющими факторами выступало отсутствие ясности по концептуальным вопросам гражданского права: о предмете и методе правового регулирования, специфике гражданского права в условиях ликвидации частной собственности и др. Процессуальные кодексы разрабатывались с учетом Закона о судоустройстве СССР, союзных автономных республик 1938 г.

Достигнутые результаты кодификационных работ были запланированы к обсуждению на Первой научной сессии Всесоюзного института юридических наук. Сессия проходила с 27 января по 3 февраля 1939 г., ее большая продолжительность свидетельствовала о серьезности включенных в повестку вопросов. Сама сессия представляла своеобразный «смотр» юридических сил: к участию были приглашены ученые, преподаватели юридических дисциплин, практические работники.

В законченном варианте на сессии был представлен только проект УК СССР. Содержание проекта УК СССР, изменения, внесенные в результате обсуждение, ранее уже рассматривались в научных публикациях²⁹. Кодекс имел типичную для систематизированного уголовного закона структуру: он состоял из Общей и Особенной частей. Среди положений Общей части наибольшую дискуссию вызвал вопрос о допущении аналогии уголовного закона. Структура Особенной части подтвердила неизменность приоритетов уголовной политики: она включала 10 разделов, приоритетное место занимали государственные преступления, контрреволюционные преступления, хищение социалистической собственности, преступления против государственного управления.

Проект Гражданского кодекса СССР к открытию сессии не был закончен, поскольку на доктринальном уровне оставались не решенными принципиальные теоретические и методические вопросы: о предмете, методе и объеме гражданского права и пределах его отражения в Гражданском кодексе, о соотношении будущего Гражданского кодекса с иными источниками гражданского права, о системе расположения нормативного материала и др. Ситуацию усугубляла и невозможность прямой рецепции отечественного или зарубежного законодательного опыта в этой сфере, поскольку отрицалась его актуальность для регулирования гражданских отношений в социалистическом обществе. Отмечая эти обстоятельства и стремясь подчеркнуть объективные трудности, разработчики заявляли, что «основы гражданского права приходилось создавать буквально заново»³⁰. В отсутствие готового проекта на секции гражданского права было заслушано несколько докладов³¹. Все они затра-

²⁹ См.: Ящук Т.Ф. Роль Всесоюзного института юридических наук – Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства в проведении систематизации законодательства в советский период // Журнал росс. права. 2022. № 7. Т. 26. С. 151.

³⁰ Всесоюзный институт юридических наук в 1938 г. // Проблемы соц. права. 1939. № 1. С. 151–158.

³¹ Я.Ф. Миколенко «Основные принципы и система построения проекта Гражданского кодекса СССР» и содоклады Д.М. Генкина

гивали различные аспекты будущего кодекса. Однако докладчики не акцентировали внимание на том, что с принятием Гражданского кодекса СССР изменится вся система источников гражданского права. Исключением было выступление Я.Ф. Миколенко, которое открывало заседание секции. Отметив, что кодекс будет не единственным актом, изданным Верховным Советом СССР по вопросам гражданского права, онставил вопрос, какие нормы «должны быть оставлены за его пределами»³². Отвечать на него предлагалось в зависимости от того, на союзном или республиканском уровне закреплено законодательное регулирование определенных отношений в Конституции СССР 1936 г. Поскольку Основные начала землепользования, пользования лесами, водами и недрами и Основы законодательства о труде являлись общесоюзными актами, т.е. равными Гражданскому кодексу, то «все нормы гражданско-правового характера относительно землепользования, водо- и лесопользования, а также пользования недрами и относительно найма рабочей силы должны оставаться за пределами Гражданского кодекса»³³. Следуя такой логике, получалось, что, поскольку союзная Конституция не упоминала отдельный Кодекс о браке и семье, то в Гражданский кодекс СССР следовало включить регулирование брачно-семейных отношений. Я.Ф. Миколенко резюмировал: «При всех обсуждениях у нас не было никого, кто бы защищал иную точку зрения»³⁴. Таким образом, союзный Гражданский кодекс должен был поглотить нормы, которые содержались в Кодексе законов о браке, семье и опеке 1926 г., имевшем статус республиканского закона. Таким образом, общесоюзные акты независимо от того, назывались они основами или кодексом, считались равнозначными, имеющими собственный предмет правового регулирования, а союзный кодекс мог инкорпорировать нормы республиканского кодекса.

Готовившиеся проекты процессуальных кодексов основывались на положениях Закона о судоустройстве СССР, союзных и автономных республик 1938 г. На Первой научной сессии ВИЮН секция уголовного процесса открывалась докладом Б.Я. Арсеньева «Основные принципы проекта Уголовно-процессуального кодекса СССР», секция гражданского процесса – докладом С.Н. Абрамова «Основные принципы построения проекта Гражданского процессуального кодекса СССР»³⁵. Проект Уголовно-процессуального кодекса СССР с учетом высказанных замечаний и предложений был доработан и опубликован отдельным изданием³⁶.

Сложно сказать, как бы дальше и в каком темпе развивались кодификационные работы, но они фактически остановились с началом Великой Отечественной войны. Их восстановление в 1946 г. связано с началом функционирования Комиссии законодательных предположений Совета Союза (КЗП СС ВС СССР) и Комиссии законодательных предположений

«Юридические лица Гражданского кодекса СССР», М.М. Агаркова «Обязательства из причинения вреда и проект Гражданского кодекса СССР», Е.А. Флейшиц «О личных правах граждан СССР».

³² См.: Миколенко Я.Ф. Основные принципы и система построения проекта Гражданского кодекса СССР // Труды Первой научной сессии. М., 1940. С. 277.

³³ Там же.

³⁴ Там же.

³⁵ Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы соц. права. 1939. № 2. С. 134.

³⁶ См.: Проект Уголовно-процессуального кодекса СССР. М., 1939. Содержание Гражданского процессуального кодекса вызывало большие дискуссии. В отличие от проектов Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса проекты Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса в довоенный период не публиковались.

Совета Национальностей (КЗП СН ВС СССР), создание которых предусматривалось еще Конституцией СССР 1936 г. Обе Комиссии действовали при Верховном Совете, могли заседать отдельно и совместно. В послевоенный период законопроектная деятельность получила нормативную регламентацию. 12 июня 1946 г. Совет Министров СССР принял постановление «О подготовке проектов Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов СССР», а 27 июля 1946 г. аналогичное постановление «О подготовке проектов Гражданского и Гражданского процессуального кодексов СССР». По предложению КЗП СС ВС СССР были образованы специальные правительственные комиссии, которые возглавили авторитетные руководители: Комиссию по подготовке Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса СССР – Министр юстиции СССР Н.М. Рычков, Комиссию по подготовке Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса СССР – Председатель Верховного Суда СССР И.Т. Голяков. Обе Комиссии, хотя и не выдержали изначально установленные сроки, сработали оперативно: результаты деятельности первой Комиссии в виде проектов Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса были переданы в Совет Министров СССР в декабре 1947 г.,³⁷ результаты второй Комиссии также в виде цельных проектов – в феврале 1948 г.³⁸ Дальнейшая траектория прохождения проектов различалась. На судьбу Уголовного кодекса и Уголовно-процессуального кодекса повлияла смена руководства Министерства юстиции СССР, в результате которой была поставлена под сомнение целесообразность продолжения кодификации этих отраслей³⁹. Однако уже 6 марта 1948 г. вышло новое постановление Совета Министров СССР «О проектах Уголовного и Уголовно-процессуального Кодексов СССР» и создана новая Комиссия во главе с Министром юстиции СССР К.П. Горшениным. Состав Комиссии неоднократно менялся, сама работа то приостанавливалась, то возобновлялась. Корректировалось и содержание проектов. Так, после смерти И.В. Сталина в проект Уголовного кодекса внесли изменения, вытекающие из норм Указа Президиума Верховного Совета СССР от 27 марта 1953 г. «Об амнистии».

Стремление гуманизировать судебное разбирательство проявилось в ходе доработки проекта Уголовно-процессуального кодекса, которая осуществлялась с привлечением юридической общественности. На расширенном заседании сектора уголовного права и процесса Института права АН СССР (16 апреля 1954 г.) с докладом «Основные вопросы подготовки уголовно-процессуального кодекса СССР» выступил М.С. Стrogович. Он высказался за соблюдение процессуальных гарантий обвиняемого, допущении к обвиняемому защиты на стадии предварительного следствия, закрепление нормы о презумпции невиновности, невзирая на то что это «вызовет не только возражения, но и ужас со стороны процессуалистов»⁴⁰. Данные примеры важны для понимания причин прекращения общесоюзной кодификации. Приведенные факты свидетельствуют, что проекты могли быть актуализированы с учетом отказа от утвердившихся ранее репрессивных норм, причем процесс обновления проектов уже начался, получил активную поддержку и содействие в юридической среде.

К середине 50-х годов проекты Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов успешно прошли все стадии

³⁷ См.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45а. Д. 14. Л. 95.

³⁸ См.: там же. Л. 100.

³⁹ См.: там же. Л. 95.

⁴⁰ АРАН. Ф. 1934. Оп. 1. Д. 574. Л. 13.

законотворческой процедуры⁴¹. С пояснительной запиской, составленной К.П. Горшениным, иными сопроводительными документами, в том числе проектами постановлений об утверждении кодексов, направлены К.Е. Ворошиловым в Президиум ЦК КПСС 21 июня 1955 г.⁴²

Дальнейшую судьбу проектов всех четырех кодексов определила не степень их готовности, а изменение политической стратегии. Шестая сессия Верховного Совета СССР 4-го созыва, проходившая 5–12 февраля 1957 г., кардинально изменила формулировку п. «» ст. 14 Конституции. В ведении СССР оставалось установление основ законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, основ гражданского и уголовного законодательства. Кодификация передавалась на республиканский уровень, что закреплялось в названии принятого сессии Закона «Об отнесении к ведению союзных республик законодательства об устройстве судов союзных республик, принятия гражданского, уголовного и процессуальных кодексов»⁴³.

Необходимо отметить, что это было не единичное решение, касавшееся расширения компетенции союзных республик. Оно вписывалось в общий контекст пересмотра сфер самостоятельности и ответственности в рамках советской федерации. Сессия приняла ряд проникнутых общей идеей законов, отражающих стремление к демократизации федеративных отношений как между Союзом и республиками, так и внутри РСФСР, которая также являлась федерацией. В ведение союзных республик переходило разрешение вопросов областного, краевого и административно-территориального устройства⁴⁴, восстанавливались автономии балкарского, чеченского, ингушского, калмыцкого и карачаевского народов⁴⁵, расширялись полномочия судебных органов союзных республик.

Рассмотрение вопроса о пересмотре кодификационных полномочий проходило отдельно по палатам Верховного Совета СССР. На заседании Совета Национальностей вопрос до-кладывал Председатель Комиссии законодательных предложений М.А. Гидвилас, представлявший Мариямпольский избирательный округ Литовской ССР. Аргументы, приводимые в пользу нового Закона, можно разделить на две группы. Первая обосновывала его большее соответствие национальной политике Советского государства, учитывавшей своеобразие и особенности отдельных республик, т.е. опиралась на широкий социально-политический и культурный контекст. Вторая группа указывала на состояние самого законодательства. Отмечалось, что советские кодексы изначально имели республиканское происхождение. Справедливо говорилось, что требование Конституции о союзной кодификации за 20 лет выполнено не было. В итоге только в девяти из 15 союзных республик такие кодексы имелись. В шести республиках, образованных после 1936 г., республиканские кодексы не принимались, а союзные подготовить не получилось. В итоге «Указом Президиума Верховного Совета СССР удовлетворена просьба правительства Литовской, Латвийской и Эстонской республик о разрешении

⁴¹ Рассмотрены Советом Министров СССР, утверждены на совместном заседании Комиссий законодательных предложений Совета Союза и Совета Национальностей, представлены в Президиум Верховного Совета СССР, где в целом были одобрены.

⁴² См.: ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 45а. Д. 14. Л. 97. Продвижение проектов Гражданского кодекса и Гражданского процессуального кодекса остановилось еще до смерти Сталина, поэтому оставшиеся варианты текстов запечатлели представление о характере гражданско-правовых и гражданских процессуальных отношений на начало 50-х годов.

⁴³ Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957. С. 735.

⁴⁴ См.: там же. С. 744.

⁴⁵ См.: там же. С. 743.

временно применять на территории этих республик Кодекс законов о труде, а также уголовный, гражданский, процессуальный и другие кодексы Российской Федерации. При аналогичных условиях были введены в действие кодексы Украины на территории Молдавской ССР и кодексы Российской Федерации на территории Казахской и Киргизских республик»⁴⁶. Такое положение оценивалось как ненормальное.

С приведенными на сессии фактами нельзя не согласиться. Однако в резкой смене концепции кодификации законодательства доминировали не соображения правового характера, а новые политические обстоятельства. Представляется, что юридические затруднения, тормозившие составление и утверждение общесоюзных кодексов, к середине 50-х годов в целом были преодолены. Это подтверждается, например, высоким уровнем юридической техники и полнотой охвата предмета правового регулирования окончательного проекта Уголовного кодекса СССР. Серьезную преемственность с его содержанием демонстрируют Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. и Уголовный кодекс РСФСР 1960 г. Именно наличие качественного проекта Уголовного кодекса СССР позволило быстро разработать и принять эти акты. Значительной поддержкой, как пишет Ю.К. Толстой, пользовалась идея «принятия единого Гражданского кодекса СССР без допущения возможности принятия гражданских кодексов союзных республик (в числе сторонников этой идеи были профессора Б.Б. Черепахин, В.А. Дозорцев, Р.О. Халфина, Ю.К. Толстой)»⁴⁷.

Современные исследователи, изучая федеративную историю СССР, указывают на «господство политики над правом»⁴⁸. Действительно, политические причины взяли верх при принятии решения отказаться от общесоюзной кодификации. В качестве подтверждения следует указать по меньшей мере еще на два обстоятельства. Во-первых, в конце 50-х годов развернулась борьба за власть, в которой Н.С. Хрущев стремился заиться поддержкой республиканской и региональной элиты, расширить сферу их самостоятельности. Во-вторых, в этот период резко актуализировался опыт нэпа, декларировался возврат к ленинскому идеиному наследию о путях построения социализма. Поэтому как рецепцию нэповского периода можно рассматривать пересмотр взаимоотношений центра и мест в хозяйственной, налоговой и бюджетной областях, а также в законодательной сфере, апеллируя к республиканским кодексам 20-х годов. Избранная в итоге модель систематизации советского законодательства также являлась возвратом к нормам Конституции СССР 1924 г., закрепившей принцип двухуровневой отраслевой систематизации: союзные основы и генетически связанный с ними республиканский кодекс.

* * *

Проведенное исследование показало, что выбор в пользу общесоюзной кодификации, как и отказ от нее обуславливались двумя группами причин, имеющими политический и юридический характер. Политические причины отразили эволюцию Советского государства, этапы конституционного развития. Юридические причины заключались прежде всего

⁴⁶ Заседания Верховного Совета СССР 4-го созыва, шестая сессия (5–12 февраля 1957 г.): стенографический отчет. М., 1957. С. 455.

⁴⁷ Толстой Ю.К. Кодификация российского гражданского законодательства: задачи и промежуточные результаты // Журнал росс. права. 2021. № 1. С. 6.

⁴⁸ Макаренко В.П. Рец.: Упущенная возможность?... Ю.М. Батурина. Союз (не)возможный. Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991 // Государство и право. 2022. № 7. С. 190.

в состоянии формальных источников права, где имелись очевидные пробелы, коллизии, противоречия, в том числе вызванные недостатками построения вертикальной системы советского законодательства.

Изучение процесса подготовки кодексов, включая их неоднократную публичную презентацию, а также издание и широкое распространение проектов, свидетельствует, что наиболее активно с высказыванием взаимоисключающих позиций обсуждались вопросы, касавшиеся определения предмета и метода правового регулирования, выстраивания внутренней структуры документа (выделение частей, разделов, глав и т.д.), включения и формулировок отдельных статей и норм. Вопросу, насколько эффективно общесоюзный кодекс будет совмещать интересы Союза и республик, не придавали особого значения.

Разрабатываемый вариант союзной кодификации не стоит считать изначально тупиковым. Он соответствовал актуальной в исследуемый период политико-правовой доктрине, которая связывала развитие Советского Союза как федеративного государства с усилением централизации, необходимой для ускоренного решения задач социальной и хозяйственной модернизации.

Сложно прогнозировать, как сложилась бы судьба СССР как федеративного государства в случае реализации конституционного требования общесоюзной кодификации в ряде важных отраслей советского законодательства. Можно предположить, что потенциально принятие кодексов СССР способствовало бы укреплению единства правового пространства, препятствовало бы его сегментации и локализации на уровне отдельных территорий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всесоюзный институт юридических наук в 1938 г. // Проблемы соц. права. 1939. № 1. С. 151–158.
2. Генкин Д.М., Новицкий И.Б., Рабинович Н.В. История советского гражданского права. М., 1949.
3. Игнатьев В. Союз ССР как единое государство // Сов. строительство. 1929. № 6. С. 5.
4. История советского уголовного права / А.А. Герцензон, Ш.С. Грингауз, Н.Д. Дурманов и др. М., 1948.
5. Каминская П.Д. Компетенция Союза ССР и союзных республик в области трудового законодательства // Сов. строительство. 1929. № 8. С. 72–89.
6. Котляревский С. Задачи Союза ССР в области социальной культуры // Сов. строительство. 1929. № 8. С. 89–101.
7. Котляревский С.А. Союз, республики, места и социалистическая реконструкция // Сов. строительство. 1930. № 10–11. С. 57, 58.
8. Макаренко В.П. Рец.: Упущенная возможность?... Ю.М. Батурина. Союз (не)возможный. Документированная хроника Ново-Огаревского процесса. 1990–1991 // Государство и право. 2022. № 7. С. 190.
9. Маковский А.Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). М., 2010.
10. Миколенко Я.Ф. Основные принципы и система построения проекта Гражданского кодекса СССР // Труды Первой научной сессии. М., 1940. С. 277.
11. Никандров А.В. Развитие концепции Советского государства в 1930-е годы: коррекция марксизма или новая теория государства? // Государство и право. 2022. № 7. С. 111.
12. Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 года. М., 2002.
13. Первая научная сессия Всесоюзного института юридических наук // Проблемы соц. права. 1939. № 2. С. 134.

14. *Петров А.А.* Основы законодательства СССР и союзных республик в контексте развития идеи формального приоритета кодифицированных актов // Ленинградский юрид. журнал. 2016. Т. 2. С. 22.
15. *Поленина С.В.* Теоретические проблемы систематизации советского законодательства. М., 1979.
16. *Понтович Э.* Кодификация общесоюзного законодательства // Сов. строительство. 1930. № 2. С. 32.
17. Правотворчество в СССР / под ред. А.В. Мицкевича. М., 1974.
18. *Раевич С.* Важнейший очередной вопрос советского законодательства // Еженедельник сов. юстиции. 1927. № 26. С. 785.
19. Развитие кодификации советского законодательства / отв. ред. С.Н. Братусь. М., 1968.
20. Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003.
21. *Сорокина А.В.* Проект Уголовного кодекса СССР 1939 г.: общая характеристика особенной части // Вестник Томского гос. ун-та. Право. 2018. № 27. С. 94–108.
22. *Толстой Ю.К.* Кодификация гражданского законодательства в СССР (1961–1965 гг.): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. С. 13.
23. *Толстой Ю.К.* Кодификация российского гражданского законодательства: задачи и промежуточные результаты // Журнал росс. права. 2021. № 1. С. 6.
24. Три проекта реформы уголовного кодекса. М.–Л., 1931.
25. *Швеков Г.В.* История создания первого советского Уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.): автореф. ... дис... канд. юрид. наук. М., 1967.
26. *Ящук Т.Ф.* Нереализованные проекты кодификации советского законодательства в 1920–1930-е годы // Сибирский юрид. вестник. 2018. № 4. С. 57–61.
27. *Ящук Т.Ф.* Роль Всесоюзного института юридических наук – Всесоюзного научно-исследовательского института советского законодательства в проведении систематизации законодательства в советский период // Журнал росс. права. 2022. № 7. Т. 26. С. 151.
7. *Kotlyarevsky S.A.* Union, republics, places and socialist reconstruction // Soviet construction. 1930. No. 10–11. Pp. 57, 58 (in Russ.).
8. *Makarenko V.P.* Rec.: A missed opportunity?... Yu.M. Baturin. An alliance is (not) possible. The documented chronicle of the Novo-Ogarevsky trial. 1990–1991 // State and Law. 2022. No. 7. P. 190 (in Russ.).
9. *Makovskiy A.L.* On the codification of Civil Law (1922–2006). М., 2010 (in Russ.).
10. *Mikolenko Ya.F.* Basic principles and system of construction of the draft Civil Code of the USSR // Proceedings of the First scientific session. М., 1940. P. 277 (in Russ.).
11. *Nikandrov A.V.* The development of the concept of the Soviet state in the 1930th: correction of Marxism or a new theory of the state? // State and Law. 2022. No. 7. P. 111 (in Russ.).
12. *Novitskaya T.E.* The Civil Code of the RSFSR of 1922. М., 2002 (in Russ.).
13. The first scientific session of the All-Union Institute of Legal Sciences // Problems of social law. 1939. No. 2. P. 134 (in Russ.).
14. *Petrov A.A.* Fundamentals of legislation of the USSR and the Union republics in the context of the development of the idea of formal priority of codified acts // Leningrad law journal. 2016. Vol. 2. P. 22 (in Russ.).
15. *Polenina S.V.* Theoretical problems of systematization of Soviet legislation. М., 1979 (in Russ.).
16. *Pontovich E.* Codification of all-Union legislation // Soviet construction. 1930. No. 2. P. 32 (in Russ.).
17. Lawmaking in the USSR / ed. by A.V. Mitskevich. М., 1974 (in Russ.).
18. *Raevich S.* The most important next issue of Soviet legislation // Weekly Sov. Justice. 1927. No. 26. P. 785 (in Russ.).
19. Development of the codification of Soviet legislation / res. ed. S.N. Bratus. М., 1968 (in Russ.).
20. Systematization of legislation in the Russian Federation / ed. by A.S. Pigolkin. SPb., 2003 (in Russ.).
21. *Sorokina A.V.* 1939 Draft Criminal Code of the USSR: general characteristics of the special part // Herald of the Tomsk State University. Law. 2018. No. 27. Pp. 94–108 (in Russ.).
22. *Tolstoy Yu. K.* Codification of civil legislation in the USSR (1961–1965): abstract ... Doctor of Law. L., 1970. P. 13 (in Russ.).
23. *Tolstoy Yu. K.* Codification of Russian civil legislation: tasks and intermediate results // Journal of Russ. law. 2021. No. 1. P. 6 (in Russ.).
24. Three draft reforms of the Criminal Code. M. – L., 1931 (in Russ.).
25. *Shvekov G.V.* The history of the creation of the first Soviet Criminal Code (1922 Criminal Code of the RSFSR): abstract ... PhD in Law. М., 1967 (in Russ.).
26. *Yashchuk T.F.* Unrealized projects of codification of Soviet legislation in the 1920th – 1930th // Siberian Law Herald. 2018. No. 4. Pp. 57–61 (in Russ.).
27. *Yashchuk T.F.* The role of the All-Union Institute of Legal Sciences – the All-Union Scientific Research Institute of Soviet Legislation in carrying out the systematization of legislation in the Soviet period // Journal of Russ. law. 2022. No. 7. Vol. 26. P. 151 (in Russ.).

REFERENCES

1. All-Union Institute of Legal Sciences in 1938 // Problems of social law. 1939. No. 1. Pp. 151–158 (in Russ.).
2. *Genkin D.M., Novitsky I.B., Rabinovich N.V.* The history of Soviet Civil Law. М., 1949 (in Russ.).
3. *Ignatiev V.* The USSR as a single state // Soviet construction. 1929. No. 6. P. 5 (in Russ.).
4. The history of Soviet Criminal Law / A.A. Gertsenzon, S.S. Gringauz, N.D. Durmanov et al. М., 1948 (in Russ.).
5. *Kaminskaya P.D.* Competence of the USSR and the Union republics in the field of labor legislation // Soviet construction. 1929. No. 8. Pp. 2–89 (in Russ.).
6. *Kotlyarevsky S.* Tasks of the USSR Union in the field of social culture // Soviet construction. 1929. No. 8. Pp. 89–101 (in Russ.).

Сведения об авторе

ЯЩУК Татьяна Федоровна –
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой
Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского; 644077 г. Омск,
проспект Мира, д. 55а
ORCID: 0000-0002-3930-8557

Authors' information

YASHCHUK Tatiana F. –
Doctor of Law, Professor,
Head of the Department of the Theory
and History of the State and Law,
Dostoevsky Omsk State University;
55a Mira Ave., 644077 Omsk, Russia

ПРАВООТНОШЕНИЕ В УСЛОВИЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРИНЦИПОВ СОЛИДАРНОСТИ И СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

© 2024 г. С. Г. Василевич

Белорусский государственный университет, г. Минск

E-mail: Sergey.workmail.135@gmail.com

Поступила в редакцию 19.06.2024 г.

Аннотация. В статье анализируются позиции ученых относительно определения понятия «правоотношение», его признаков. Уделено внимание субъектам правоотношений, их правоспособности и дееспособности, включая деликтоспособность. Проанализировано влияние новых тенденций, таких как развитие информационных технологий, включение в конституционные тексты российской и белорусской конституций принципов солидарности и социальной ответственности и их влияние на развитие правоотношений. Дано авторское определение социальной ответственности.

Ключевые слова: правоотношение, признаки правоотношения, солидарность, социальная ответственность, понятие социальной ответственности.

Цитирование: Василевич С.Г. Правоотношение в условиях функционирования принципов солидарности и социальной ответственности // Государство и право. 2024. № 10. С. 224–229.

DOI: 10.31857/S1026945224100203

LEGAL RELATION IN CONDITIONS OF FUNCTIONING OF THE PRINCIPLES OF SOLIDARITY AND SOCIAL RESPONSIBILITY

© 2024 S. G. Vasilevich

Belarusian State University, Minsk

E-mail: Sergey.workmail.135@gmail.com

Received 19.06.2024

Abstract. The article analyzes the positions of scientists concerning the definition of the concept of “legal relation”, its features. Attention is paid to the subjects of legal relations, their legal capacity and legal capability, including delictability. The influence of new trends, such as the development of information technologies, the inclusion of the principles of solidarity and social responsibility in the constitutional texts of the Russian and Belarussian constitutions and their impact on the development of legal relations is analyzed. The author’s definition of social responsibility is given.

Key words: legal relationship, signs of legal relationship, solidarity, social responsibility, concept of social responsibility.

For citation: Vasilevich, S.G. (2024). Legal relation in conditions of functioning of the principles of solidarity and social responsibility // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 224–229.

Введение

Среди различных социальных норм особое место занимают обязательные для исполнения правила поведения, т.е. нормы права, поскольку они, помимо регулирования важнейшей части общественных отношений, также подкрепляются принудительной силой государства. В научной литературе в поле пристального внимания остаются вопросы о понимании, признаках и содержании правовых отношений, их субъектах. Актуальным является вопрос об источниках, которые трансформируют общественные отношения в правовые отношения, то есть в таком качестве выступают только нормы права или соответствующее влияние оказывают правовые принципы, кто «создает» правовые отношения, когда выявляется пробел или противоречие в правовом регулировании и их необходимо восполнить или устраниить.

В нынешних политических и экономических условиях, обусловленных современными вызовами и угрозами, право становится важным механизмом обеспечения устойчивого развития государства. Усиливаются требования к качеству нормотворческой деятельности и правоприменительному процессу. Именно эти два направления деятельности институтов власти формируют правовые отношения, определяют их структуру, содержание, участников.

Основная часть

Законодательство и практика в Российской Федерации в начале 1990-х годов привели к расслоению общества по причине появления состоятельных людей и граждан с невысокой заработной платой, к социальной стратификации. На этом фоне можно позитивно оценить появившуюся в 2020 г. в Конституции РФ ст. 75¹, согласно которой в Российской Федерации создаются условия для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, для взаимного доверия государства и общества, гарантируются защита достоинства граждан и уважение человека труда, обеспечиваются сбалансированность прав и обязанностей гражданина, социальное партнерство, экономическая, политическая и социальная солидарность. Полагаем, что социальная солидарность проявляется не только в формировании системы пенсионного обеспечения граждан на основе принципов всеобщности, справедливости и солидарности поколений (ст. 75). В Основном Законе появились и иные важные новеллы, например не только указанный принцип солидарности, но сохранение памяти предков, передавших новым поколениям идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признание исторически сложившегося государственного единства. Подчеркнуто, что Российская Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается (ст. 67²).

Данные конституционные положения предполагают новое качество правовых отношений, включая усиление старания каждого (гражданина, субъекта хозяйственной деятельности, социальных общностей и др.) работать на общее благо. Это и проявление инициативы, создание условий для активизации человеческого потенциала, развитие деловой активности, использование опыта иных государств по стимулированию активного и законопослушного поведения участников общественных отношений, расширение сферы применения социальных рейтингов, установление прогрессивной системы налогообложения и др. В сложный период для государства часто предприниматели сами инициируют повышение ставки налогообложения. Проявление меценатства также является отражением социальной солидарности.

В дореволюционной России богатые люди часто отдавали половину и более своего имущества на общественное благо. Многие российские предприниматели оказывают существенную благотворительную помощь.

В ст. 21 Конституции Республики Беларусь по итогам республиканского референдума 2022 г. появилось близкое к идее солидарности положение: каждый должен проявлять социальную ответственность, вносить посильный вклад в развитие общества и государства.

Социальную и правовую ответственность следует различать: первое понятие более широкое, правовая ответственность является разновидностью социальной ответственности. При этом социальные нормы, которые определяют социальную ответственность без охвата ею юридической ответственности (социальная ответственность в узком понимании), конечно, не создают правовое отношение, но понимаемая в таком плане социальная ответственность может трансформироваться в юридическую и, наоборот, если законодатель посчитает необходимым расширить или ограничить правовое регулирование отношений, включая охранительные правоотношения. Подход белорусского законодателя о возведении в ранг конституционного принципа социальной ответственности каждого, т.е. человека, организации, должностного лица, социальных групп и т.д., важен с точки зрения активизации человеческого потенциала, перспектив создания нового вектора правового регулирования. Этот принцип в определенной степени перекликается с идеей позитивной юридической ответственности, хотя, на наш взгляд, указание на социальную, а не на юридическую ответственность несколько смягчает вывод о возможных отрицательных последствиях для субъектов правоотношений, которые «не проявили социальную ответственность». Отрицательные последствия будут зависеть от правовой регламентации.

Указанные конституционные нормы окажут влияние на развитие правовых отношений, динамику развития законодательства. В доктрине для классификации правоотношений используется широкий спектр оснований. С учетом предметной направленности выделяются отраслевые правоотношения (конституционные, административные, гражданские и др.), в зависимости от количества участников – двусторонние и многосторонние¹. Эту классификацию можно продолжить, но остановимся с учетом функционального критерия на более детальном анализе двух видов правоотношений – регулятивных и охранительных. Для первых характерны правомерные действия субъектов права, а для вторых – применение мер государственного принуждения при совершении правонарушения². Касаясь регулятивных правоотношений, отметим наличие критики со стороны научного сообщества и практических работников по поводу избыточности правовой регламентации, противоречивости и неопределенности правовых норм, отсутствия прогноза их действия, что приводит к частым корректировкам актов законодательства, затратам времени и материальных ресурсов и т.п.

Дореволюционные российские ученые, а также представители науки советского и постсоветского периода рассматривали правовые отношения как урегулированные

¹ См.: Общая теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. А.Ф. Вишневского. Минск, 1998. С. 437–440.

² См.: Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 347.

нормами права общественные отношения³ либо как формы общественных отношений⁴.

Теория правоотношений актуализируется в связи с обновлением конституционных текстов (например, некоторым смещением, на наш взгляд, баланса частных и публичных интересов, фиксацией принципа солидарности), внедрением новых технологических императивов на фоне стремительного развития информационно-коммуникационных технологий, цифровизации социально-экономических и политических сфер, развития искусственного интеллекта (возникают острые дискуссии относительно правосубъектности искусственного интеллекта) и др.

При всем различии в определении правоотношения, его отличительных признаков, подходы ученых во многом совпадают, т.е. теоретико-правовые знания в данной области в определенной степени систематизированы. Так, М.Н. Марченко рассматривает правоотношения как регулируемые правом социальные отношения, в которых их участники обладают субъективными правами и несут юридические обязанности, которые охраняются и гарантируются государством. К признакам правоотношения он относит следующее: это особая разновидность социальных отношений; отражают выраженную в нормах волю государства и волевые действия их участников; фиксируют многоплановые связи их участников в силу наличия субъективных прав и юридических обязанностей; обеспечиваются силой государственного принуждения⁵. В.С. Нерсесянц определяет правовое отношение как опосредуемую нормой права форму взаимоотношений участников общественных отношений, приобретающих и реализующих субъективные права и юридические обязанности⁶.

Аналогичные подходы выражены и иными авторами, которые рассматривают правоотношения как ту часть социальных отношений, которые стали предметом регулирования правом, охраняются государством, а их участники являются обладателями взаимно корреспондирующих друг другу юридических прав и обязанностей. К признакам относят следующие: порождаются правовыми нормами; субъекты правоотношений обладают взаимосвязанными правами и юридическими обязанностями; имеют волевой характер; охраняются принудительной силой государства; субъекты индивидуализированы, права и обязанности персонифицированы⁷.

Вопреки выдвигаемой некоторыми учеными идеи абсолютных и общих правоотношений С.Ф. Кечекян⁸ и В.Д. Сорокин⁹ подчеркивали, что в правовых отношениях всегда присутствует связь между субъектами, взаимодействие

³ См.: Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 176.

⁴ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 91; Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 623, 624.

⁵ См.: Марченко М.Н. Теория государства и права: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 585–590.

⁶ См.: Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства: учеб. М., 2023. С. 508.

⁷ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства права: учеб. 6-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 374–377; Черданцев А.Ф. Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2015. С. 288–290; Комаров С.А. Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., доп. СПб., 2010. С. 247.

⁸ См.: Кечекян С.Ф. Норма права и правоотношение // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 24.

⁹ См.: Сорокин В.Д. О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. 1972. № 6. С. 78.

между ними в силу наличия у них субъективных прав и юридических обязанностей.

Таким образом, при всем множестве различных определений и характеристик правовых отношений они все близки по сути и в значительной степени отражают оценку, высказанную в советское время известным ученым О.С. Иоффе, исследовавшим природу правоотношений. Он подчеркивал, что нормы права, содержащие общие правила поведения в правоотношении конкретизируются посредством адресации его участникам, обретая субъективные права и обязанности; спецификой правового отношения является то, что его участники являются носителями прав и обязанностей, которые сопутствуют правовому отношению непрерывно; корректировка прав и обязанностей или их прекращение ведет к такой трансформации правоотношения¹⁰.

В.С. Бялт и С.Ю. Чимаров представили свое специфическое видение правовых отношений, претендую на некоторую оригинальность. Они все признаки правоотношения подразделили на две группы: а) признаки, характерные для любого, как они отмечают, неправового социального отношения; к ним относят «социальность; нормативность; гарантированность; санкционированность»; б) признаки, позволяющие отличить правоотношение от социального отношения; среди них выделяют «правовой характер; правомерность; непосредственная связь с государством; правосубъектность лиц; корреспондирование прав и обязанностей субъектов¹¹.

Однако нельзя согласиться с позицией указанных авторов, согласно которой неправовые отношения характеризуются нормативностью, гарантированностью, подкрепляются санкциями. Эти качества характерны именно для правовых отношений, которые являются разновидностью социальных отношений. То есть та часть общественных отношений, которые не урегулированы нормами права, в юридическом смысле не обладает «нормативностью, гарантированностью и санкционированностью», по крайней мере со стороны государства, но может подкрепляться, действительно, иными социальными регуляторами (нормами морали, нравственности, религиозными нормами).

В научной литературе правильно подчеркивается, что наряду с правовыми отношениями существуют морально-нравственные, политические, экономические, религиозные и др. Таким образом, правоотношения можно рассматривать как разновидность общественных отношений.

В юридической литературе не всегда проводятся различия между категориями «субъект правоотношения» и «субъект права»: основное отличие заключается в том, что субъект права является только потенциальным участником какого-либо правоотношения, в то время как субъект правоотношения, будучи субъектом права, становится конкретным его участником¹².

В научной литературе обращается внимание на рассмотрение категории «субъект права» с позиций естественного и позитивного права, между которыми имеются существенные различия. С позиции естественно-правовой теории

¹⁰ См.: Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.

¹¹ См.: Бялт В.С., Чимаров С.Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). С. 111.

¹² См.: Кулапов В.Л., Малько А.В. Теория государства и права: учеб. М., 2009. С. 271.

в объем прав субъекта включаются естественные права человека¹³.

Доминирующим в научном дискурсе является позитивистский подход к определению субъекта права, в трактовке которого субъектом права считаются физические или юридические лица, согласно законодательству обладающие правоспособностью и дееспособностью. Правоотношение является отражением динамики развития реальности, что проявляется в активных и пассивных действиях его субъектов отношения¹⁴.

В научной литературе подчеркивается, что субъектами правовых отношений являются обладающие субъективными правами и юридическими обязанностями индивиды и организации¹⁵. То есть круг субъектов правоотношений весьма широкий. Г.В. Мальцев в качестве субъекта права наряду с отдельным человеком выделял также наделенные правами и обязанностями социальные организации людей, подчеркивая, что таковыми они признаются законами государства¹⁶.

Для участия в правоотношениях необходимо обладать правосубъектностью. Л.И. Петражицкий выделял активную правоспособность (иметь права) и пассивную (иметь обязанности)¹⁷. В научной литературе обращается внимание на дифференциацию моментов, с которыми связывается возникновение правоспособности. Для физических лиц различия могут заключаться в том, о каких отношениях идет речь: если об имущественных, то правоспособность связана с моментом рождения, полная дееспособность наступает по достижении 18 лет; для неимущественных правоотношений, как утверждается, характерно одновременное наступление правоспособности и дееспособности при достижении определенного возраста¹⁸. Однако с таким утверждением трудно согласиться, так как для неимущественных отношений наступление правоспособности можно связать с появлением субъекта, т.е. рождением ребенка, реализовать свои права он сможет по достижении определенного возраста. Что касается правоспособности и дееспособности юридических лиц, то в данном случае согласимся с выводом об их одновременном возникновении с созданием юридического лица¹⁹.

Частным проявлением дееспособности является деликтоспособность, которая определяется такими отраслями права, как административное, уголовное, гражданское, трудовое, конституционное. В настоящее время актуализируется проблема правосубъектности искусственного интеллекта, в том числе возникает вопрос о его деликтоспособности.

Таким образом, субъектами правоотношений являются реальные их участники (они ими уже являются), а субъекты права – это потенциальные участники²⁰.

¹³ См.: Биктагиров Р.Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.

¹⁴ См.: Прокопьев А.Ю. Понятие и особенности правовых отношений в общетеоретическом правовом учении // Современное право. 2015. № 3. С. 5–11.

¹⁵ См.: Миронов В.О. Субъекты правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 212.

¹⁶ См.: Мальцев Г.В. Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968.

¹⁷ См.: Петражицкий Л.И. Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 380.

¹⁸ См.: Хропанюк В.Н. Теория государства и права. М., 2008. С. 307.

¹⁹ См.: там же.

²⁰ См.: Кожевников В.В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34). С. 160.

Исследователи разграничивают правоспособность на полную (субъект имеет все права) и ограниченную (какими-либо правами он не обладает), что может быть обусловлено естественными, социальными или иными причинами. Ограничения также могут касаться и дееспособности²¹.

Субъект права может вступать в правоотношения по собственному желанию либо по причине выполнения предусмотренной законодательством обязанности.

Данным правовым феноменом занимались С.С. Алексеев, Н.В. Витрук, О.С. Иоффе, Л.Б. Зуев, О.О. Миронов, В.С. Основин, И.Е. Фарбер, М.Д. Шаргородский, Ц.А. Ямпольская и др. Их позиция заключалась в признании субъектом права физического лица, коллектива людей, организации, которые имеют права и обязанности, обладают правосубъектностью.

Так, на основе результатов своих исследований, анализа практики реализации правосубъектности в правоотношениях В.Е. Чиркин предложил новое, более широкое определение понятия *субъект права*. По его мнению, «субъект права – это самостоятельное (автономное в пределах закона) образование, имеющее свои интересы, цели и волю, права и обязанности, выполняющее свою роль в обществе, участвующее в создании норм права и (или) в правоотношениях»²².

Происходящие в обществе перемены, активное внедрение информационных технологий изменяют концепцию взаимоотношений человека и государства: административное государство постепенно заменяется «концепцией эффективного государства с высококвалифицированными государственными служащими, идеей тесной взаимосвязи государства и населения. Этого можно достичь только на четкой правовой основе при согласованной деятельности органов государственной власти с учетом требований информационного общества»²³.

Полагаем, что при определении эффективности государственного управления необходимо учитывать комплекс оценок: с точки зрения достижения поставленных целей с учетом общественных интересов, а также включая оценку самой системы государственного управления.

Угрозу стабильности государства и общества несет преступность, возможный рост правонарушений. В современных условиях потенциал предупреждения преступлений и иных правонарушений усиливается за счет использования информационных технологий. Они способствуют также раскрытию правонарушений благодаря технологиям, позволяющим идентифицировать личность. Под цифровой идентификацией понимается набор технологий и индивидуальных устройств для верификации личности по биометрическим данным (отпечаткам пальцев, скану лица, сетчатке глаза), цифровым паспортам или ID-картам, паролям, QR-кодам и PIN-кодам. Многие люди используют биометрические данные для совершения банковских операций, оплаты покупок с использованием смартфона и т.п. Разработаны и действуют алгоритмы глубокого обучения и устройства, позволяющие быстро собирать и обрабатывать биометрические

²¹ См.: Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. 4-е изд. М., 2007. С. 463.

²² Чиркин В.Е. Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 35.

²³ Добрынин Н.М., Митин А.Н. Дискурс о проблемах эффективности государственного управления // Государство и право. 2014. № 2. С. 17.

данные. Конечно, такие устройства крайне полезны и помогут, например, правоохранительным органам при поиске и установлении лица, подозреваемого в совершении преступления. Однако возникают вопросы: где будут храниться эти данные и какова вероятность того, что не произойдет их утечки, а также не воспользуются ли этими данными в незаконных целях лица, обладающие в силу занимаемого положения доступом к ним?

По мере развития технологий, программных продуктов, различных приложений для профессиональных компьютеров, смартфонов, умных часов и других гаджетов цифровая идентификация личности постепенно воспринимается сознанием людей. Граждане привыкают получать услуги в цифровом формате и использовать при этом для подтверждения своей личности биометрические, а также иные формы цифровой идентификации.

Потенциал информационных технологий влияет на развитие правовых отношений, он значим для применения на практике с целью предупреждений правонарушений. Благодаря им становится более эффективным труд сотрудников правоохранительных органов. Например, автоматизирован процесс фиксации нарушения скоростного режима. К сожалению, в Республике Беларусь в настоящее время с помощью специальных технических средств фиксируется лишь нарушение скоростного режима.

Крайне важно отметить, что помимо положительных аспектов цифровой идентификации, одним из которых является удобство в использовании, существуют и отрицательные. Так, например, цифровая идентификация без надлежащего контроля может быть использована во вред системными администраторами, независимо от того, на частную или государственную организацию (включая органы власти) они работают, поскольку получают не только доступ к массивному объему персональных данных, но и контроль над ними. Люди обоснованно опасаются рисков, связанных с кражей своих персональных данных.

Одним из важных вопросов, который всегда возникает: во имя какой цели вводится изменение в действующую систему органов управления. Это предполагает возрастание ответственности за прогноз последствий принятия акта, его эффективную реализацию. Государственное управление осуществляется посредством деятельности государственных органов и должностных лиц. Важна системная и слаженная работа всех органов государственной власти. Именно социальный характер государства определяет необходимость поиска оптимальных решений. Необходимо уделить внимание структуре занятости, оптимизации не только в госаппарате, но и на производстве в плане соотношения управленцев и тех, кто занят производством, непосредственно оказанием услуг. Экономию полученных средств надо использовать на развитие здравоохранения, науки, социальной сферы, а также частично на повышение заработной платы в сфере управления.

Сейчас в доктрине в целом сформировался консенсус о признании большой роли информационных технологий для усиления потенциала государственного управления, обеспечения более эффективной связи граждан и государства, оперативности принятия решений.

В начале статьи нами ставился вопрос об актуальности источников, которые «трансформируют» общественные отношения в правовые отношения. Полагаем, что такую функцию выполняют не только нормы права, но и правовые принципы. Поддерживаем позицию ученых, рассматривающих принципы права в качестве императивных требований,

которые закрепляют стандарты поведения субъектов правоотношений, хотя и признают неоднородность их императивности, подчеркивают зависимость от видов принципов²⁴. Одним из дискуссионных пока остается вопрос относительно влияния на правовую регламентацию конституционных положений, содержащих указание не только на юридические обязанности, но и на долг. В Конституции РФ более полутора десятков раз используются понятия «долг», «должен», «должны». Эти положения носят морально-этический характер и не образуют правоотношение или же в силу конституционного закрепления приобретают императивный характер, их реализация подкрепляется силой государственного принуждения. Автор склоняется ко второй оценке. В некоторых случаях увязываются оба понятия «обязанность» и «долг», тем самым приобретая более сильное качество.

Заключение

Принципы солидарности и социальной ответственности являются близкими по содержанию категориями; после закрепления соответственно в основных законах Российской Федерации и Республики Беларусь ставшие конституционными императивами, определяющими вектор и содержание правовых отношений. Трансформация общественных отношений в правовые отношения происходит на основе правовых норм и принципов.

Предлагается следующее определение понятия социальной ответственности: *социальная ответственность каждого – это внутренне осознанное соответствующим субъектом поведение, отражающее желание приносить пользу обществу и государству, а также подкрепляемое силой правового или общественного воздействия использование участником общественных отношений своих способностей для удовлетворения не только личных интересов, но и для общественного блага с учетом имеющихся физических, материальных и иных ресурсов*. Полагаем, что при всех различиях между понятиями «солидарность» и «социальная ответственность» данное определение приемлемо и для такой категории, как «солидарность».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Биктагиров Р.Т. Субъект права как опорная категория юриспруденции // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 2. С. 46–63.
2. Бялт В.С., Чимарев С.Ю. К вопросу о понятии и признаках правоотношений // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). С. 111.
3. Венгеров А.Б. Теория государства и права: учеб. 4-е изд. М., 2007. С. 463.
4. Венедиктов А.В. Государственная социалистическая собственность. М., Л., 1948. С. 623, 624.
5. Добрынин Н.М., Митин А.Н. Дискурс о проблемах эффективности государственного управления // Государство и право. 2014. № 2. С. 17.
6. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М., 1961.
7. Кечекян С.Ф. Норма права и правоотношение // Сов. государство и право. 1955. № 2. С. 24.
8. Кожевников В.В. О некоторых проблемах классификации правоотношений и их субъектов // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. 2020. № 2 (34). С. 160.

²⁴ См.: Принципы публичного права / под ред. Е. В. Титовой, Е. В. Подшивалова. М., 2023. С. 9.

9. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учеб. 8-е изд., доп. СПб., 2010. С. 247.
10. *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 2004. С. 176.
11. *Кулапов В.Л., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб. М., 2009. С. 271.
12. *Лазарев В.В., Липен С.В.* Теория государства и права: учебник для вузов. 3-е изд., испр. и доп. М., 2004. С. 347.
13. *Мальцев Г.В.* Социалистическое право и свобода личности (теоретические вопросы). М., 1968.
14. *Марченко М.Н.* Теория государства и права: учеб. 5-е изд., перераб. и доп. М., 2020. С. 585–590.
15. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства права: учеб. 6-е изд., испр. и доп. М., 2020. С. 374–377.
16. *Миронов В.О.* Субъекты правовых отношений // Право и государство: теория и практика. 2019. № 12 (180). С. 212.
17. *Нерсесянц В. С.* Общая теория права и государства: учеб. М., 2023. С. 508.
18. Общая теория государства и права: курс лекций / под общ. ред. А.Ф. Вишневского. Минск, 1998. С. 437–440.
19. *Петражицкий Л.И.* Теория государства и права в связи с теорией нравственности. СПб., 1907. Т. 2. С. 380.
20. Принципы публичного права / под ред. Е. В. Титовой, Е. В. Подшивалова. М., 2023. С. 9.
21. *Прокопьев А.Ю.* Понятие и особенности правовых отношений в общетеоретическом правовом учении // Современное право. 2015. № 3. С. 5–11.
22. *Сорокин В.Д.* О структуре предмета правового регулирования // Правоведение. 1972. № 6. С. 78.
23. *Халфина Р.О.* Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 91.
24. *Хропанюк В.Н.* Теория государства и права. М., 2008. С. 307.
25. *Черданцев А.Ф.* Теория государства и права: учеб. для вузов. М., 2015. С. 288–290.
26. *Чиркин В.Е.* Юридическое лицо публичного права. М., 2007. С. 35.
4. *Venediktor A. V.* State socialist property. M., 1948. Pp. 623, 624 (in Russ.).
5. *Dobrynin N. M., Mitin A. N.* Discourse on the problems of the effectiveness of public administration // State and Law. 2014. No. 2. P. 17 (in Russ.).
6. *Ioffe O. S., Shargorodsky M. D.* Questions of the theory of law. M., 1961 (in Russ.).
7. *Kechekyan S. F.* Norm of law and legal relationship // Soviet State and Law. 1955. No. 2. P. 24 (in Russ.).
8. *Kozhevnikov V. V.* On some problems of classification of legal relations and their subjects // Herald of the Siberian Institute of Business and Information Technologies. 2020. No. 2 (34). P. 160 (in Russ.).
9. *Komarov S. A.* General theory of state and law: textbook. 8th ed. SPb., 2010. P. 247 (in Russ.).
10. *Korkunov N. M.* Lectures on the General theory of law. SPb., 2004. P. 176 (in Russ.).
11. *Kulapov V. L., Mal'ko A. V.* Theory of state and law: textbook. M., 2009. P. 271 (in Russ.).
12. *Lazarev V. V., Lipen S. V.* Theory of state and law: textbook for universities. 3rd ed., rev. and add. M., 2004. P. 347 (in Russ.).
13. *Maltsev G. V.* Socialist law and personal freedom (theoretical issues). M., 1968 (in Russ.).
14. *Marchenko M. N.* Theory of State and law: textbook. 5th ed., rev. and add. M., 2020. Pp. 585–590 (in Russ.).
15. *Matuzov N. I., Mal'ko A. V.* Theory of the state of law: textbook. 6th ed., rev. and add. M., 2020. Pp. 374–377 (in Russ.).
16. *Mironov V. O.* Subjects of legal relations // Law and the State: Theory and Practice. 2019. No. 12 (180). P. 212 (in Russ.).
17. *Nersesyan V. S.* General theory of law and the state: M., 2023. P. 508 (in Russ.).
18. General theory of state and law: a course of lectures / under the general ed. of A. F. Vishnevsky. Minsk, 1998. Pp. 437–440 (in Russ.).
19. *Petrazhitsky L. I.* Theory of state and law in connection with the theory of morality. St. Petersburg, 1907. Vol. 2. P. 380 (in Russ.).
20. Principles of public law / ed. by E. V. Titova, E. V. Podshivalov. M., 2023. P. 9 (in Russ.).
21. *Prokopyev A. Yu.* The concept and features of legal relations in general theoretical legal doctrine // Modern law. 2015. No. 3. Pp. 5–11 (in Russ.).
22. *Sorokin V. D.* On the structure of the subject of legal regulation // Law studies. 1972. No. 6. P. 78 (in Russ.).
23. *Khalfina R. O.* The general doctrine of legal relations. M., 1974. P. 91 (in Russ.).
24. *Khropanyuk V. N.* Theory of State and law. M., 2008. P. 307 (in Russ.).
25. *Cherdantsev A. F.* Theory of state and law: textbook for universities. M., 2015. Pp. 288–290 (in Russ.).
26. *Chirkin V. E.* A legal entity of public law. M., 2007. P. 35 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Biktagirov R. T.* The subject of law as a basic category of jurisprudence // Citizen. Elections. Power. 2018. No. 2. Pp. 46–63 (in Russ.).
2. *Byalt V. S., Chimarev S. Yu.* On the question of the concept and signs of legal relations // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2022. Vol. 3–1 (66). P. 111 (in Russ.).
3. *Vengerov A. B.* Theory of state and law: textbook. 4th ed. M., 2007. P. 463 (in Russ.).
22. *Sorokin V. D.* On the structure of the subject of legal regulation // Law studies. 1972. No. 6. P. 78 (in Russ.).
23. *Khalfina R. O.* The general doctrine of legal relations. M., 1974. P. 91 (in Russ.).
24. *Khropanyuk V. N.* Theory of State and law. M., 2008. P. 307 (in Russ.).
25. *Cherdantsev A. F.* Theory of state and law: textbook for universities. M., 2015. Pp. 288–290 (in Russ.).
26. *Chirkin V. E.* A legal entity of public law. M., 2007. P. 35 (in Russ.).

Сведения об авторе

ВАСИЛЕВИЧ Сергей Григорьевич –
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры конституционного права
юридического факультета
Белорусского государственного университета;
220030 Республика Беларусь, г. Минск,
ул. Ленинградская, д. 8

Authors' information

VASILEVICH Sergey G. –
PhD in Law, Associate Professor,
Associate Professor of the Department
of Constitutional Law, Faculty of Law,
Belarusian State University;
8 Leningradskaya str., 220030 Minsk,
Republic of Belarus

УДК 340

**ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ
И ПЕРСПЕКТИВНЫХ ЗАДАЧ ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ
И ОТРАСЛЕВЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК
(обзор круглых столов с международным участием)**

© 2024 г. В. С. Горбань*, Н. В. Кроткова**, С. В. Маликов***

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

*E-mail: gorbanv@gmail.com

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2024 г.

Аннотация. В публикации дается характеристика основных направлений работы, а также содержание основных идей по мотивам выступлений ключевых участников круглых столов, проводившихся 11–12 сентября 2024 г. Институтом государства и права Российской академии наук в рамках реализации научного проекта «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого при финансовой поддержке Минобрнауки России (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639), и посвященных проблемам философского осмыслиения историографических и перспективных задач фундаментальных и отраслевых юридических наук.

Ключевые слова: историография, философия права, русская историография, зарубежные историографические исследования, политico-правовая мысль, задачи юридической науки.

Цитирование: Горбань В. С., Кроткова Н. В., Маликов С. В. Философское осмыслиение историографических и перспективных задач фундаментальных и отраслевых юридических наук (обзор круглых столов с международным участием) // Государство и право. 2024. № 10. С. 230–236.

Публикация подготовлена в рамках научного проекта (гранта) «Создание российской историографической модели политico-правовых знаний и ее применение для разработки перспективных средств противодействия идеологическим искажениям цивилизационного развития России», осуществляемого федеральным государственным бюджетным учреждением науки Институтом государства и права Российской академии наук при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (соглашение от 12 июля 2024 г. № 075-15-2024-639).

DOI: 10.31857/S1026945224100214

**PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF HISTORIOGRAPHICAL
AND PERSPECTIVE FUNDAMENTAL TASKS
AND BRANCH LEGAL SCIENCES**
(review of Round Tables with international participation)

© 2024 V. S. Gorban*, N. V. Krotkova**, S. V. Malikov***

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: gorbanv@gmail.com

**E-mail: krotkova2012@yandex.ru

***E-mail: s.v.malikov@yandex.ru

Received 27.10.2024

Abstract. The publication describes the main areas of work, as well as the content of the main ideas based on the speeches of key participants of the Round Tables held on September 11–12, 2024 by the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences within the framework of the scientific project “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out with the financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July, 2024, No. 075-15-2024-639) and devoted to the problems of philosophical understanding of historiographical and perspective tasks of fundamental and branch legal sciences.

Key words: historiography, Philosophy of Law, Russian historiography, foreign historiographical research, political and legal thought, tasks of legal science.

For citation: Gorban, V.S., Krotkova, N.V., Malikov, S.V. (2024). Philosophical understanding of historiographical and perspective of fundamental tasks and branch legal sciences (review of Round Tables with international participation) // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 230–236.

The publication was prepared within the framework of the scientific project (grant) “Creation of a Russian historiographical model of political and legal knowledge and its application for the development of promising means of countering ideological distortions of the civilizational development of Russia”, carried out by the Federal State Budgetary Institution of Science, the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences with financial support from the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (agreement dated 12 July 2024, No. 075-15-2024-639).

11–12 сентября 2024 г. Институтом государства и права Российской академии наук совместно с Белгородским государственным национальным исследовательским университетом и Ассоциацией юристов России на площадке Белгородского юридического форума были организованы и проведены круглые столы «Историографические проблемы и подходы в сфере теоретико-исторических правовых наук» и «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного уголовного права».

11 сентября 2024 г. вел работу круглого стола «Историографические проблемы и подходы в сфере теоретико-исторических правовых наук» зав. сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований Института государства и права РАН В.С. Горбань.

В рамках мероприятия обсуждались вопросы историографии российской политico-правовой мысли, зарубежной политico-правовой мысли, историографические исследования политico-правовых знаний как условие обеспечения цивилизационного суверенитета России, источниковедение в юридических науках и его перспективы, историографические контексты противодействия искажениям цивилизационного развития России.

В работе круглого стола приняли участие ведущие эксперты по проблематике историографии в сфере теоретико-исторических правовых наук, представители Москвы, Барнаула, Саратова, Белгорода, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Минска (С.В. Кодан, А.И. Клименко, А.А. Васильев, В.В. Лапаева, Н.И. Красняков, Т.А. Желдыбина, В.И. Павлов, А.В. Нерсесянц, А.К. Дубень и др.).

Участники круглого стола обратили внимание на то, что на основе современной российской историографической модели политico-правовых знаний могут быть существенно пересмотрены важнейшие этапы и направления развития представлений о государстве и праве, полнее и значительно точнее разъяснены внутренние закономерности развития зарубежной юридической мысли, переосмыслена роль русской политico-правовой культуры, разработаны средства противодействия различным идеологическим искажениям и фальсификациям истории, сформированы возможности для принципиально нового типа межкультурного научного диалога с другими политico-правовыми традициями.

Заведующий сектором философии права, истории и теории государства и права, руководитель междисциплинарного Центра философско-правовых исследований ИГП РАН, д-р юрид. наук В.С. Горбань в докладе на тему «Историография и ее значение для совершенствования познавательных

программно-критических основ юридической науки отметил, что историографические исследования остаются одним из наиболее непростых и перспективных направлений совершенствования познавательных, объяснительных и прогностических возможностей юридической науки. Сохранение практики использования устаревших и неточных шаблонов историографических описаний и программно-критических реконструкций существенным образом влияет на сдерживание развития юридической науки в целом и ее национальной версии в частности. Историография в области юридических наук не является описательной моделью прошлого, собственно изложением истории. Она определяет основные типы и характеристики политico-правовых знаний, аккумулируемых в качестве предмета изучения. Историографический анализ позволяет как раз распознать композиционный портрет, идеологические шаблоны и ограничения, типовые искажения и фальсификации в истории политической и правовой мысли. И в этом отношении должны быть значительно более подробно и основательно разработаны теоретико-методологическая основа юридической историографии, ее принципы и программные возможности, критический инструментарий и познавательные характеристики.

Наука, которая не уделяет достаточного внимания историографическим аспектам, оказывается привычно в положении гадательного искусства, двигается на ощупь, так как с трудом осознает и фиксирует степень своей состоятельности, свой опыт и результаты. В истории политico-правовой мысли распространенной является точка зрения, что западноевропейская традиция обращения с правом должна безапелляционно рассматриваться как исключительное стремление к праву. Но воспроизводятся лишь почти квазимифологические клише, которые скорее напоминают некий анахронизм или атавизм далекого прошлого. В многообразной и разнообразной истории политico-правовой мысли западноевропейских стран можно лишь отчетливо зафиксировать исторические опыты обращения с правовым наследием и источниками античного Рима, отдельными философскими сочинениями древнегреческой философии, которые постепенно в длившемся веками освоении приводили к разным результатам, как тем, которые можно назвать определенным истолкованием ценности права, так и к его полному отрицанию. Антиправовые тенденции – это такое же европейское изобретение, как и некоторые успехи в строительстве правового общения и правового государства.

Историографическая задача заключается именно в устраниении редуцированных и идеологически узкоограниченных практик интерпретации как самой проблемы правопонимания, так и эволюции политico-правового знания. Решение этой задачи требует больших научных усилий, связанных с изучением национальных типов развития правопонимания, национальных литератур, конкретно-исторических и социально-практических вопросов возникновения и эволюции идей, связей культуры и общественно-религиозного сознания.

Обращение к историографии позволяет понять, как формируется наука права, какие сюжеты и проблемы она отражает, какими средствами она их объясняет и какие прогнозы делает. Если историография понимается как некоторое описание объективно существующей истории, то такой подход не соответствует ни истории науки, ни истории государства и права. Причем современные парадигмы рациональности призывают к тому, чтобы вообще отказаться от категории объективного значения, что, однако,

малопродуктивно. Поэтому нужны разработки типологических особенностей национальных моделей, опирающихся на верифицируемые массивы больших данных, дающие возможность значительно точнее и полнее описать исторические пути правового развития, показать многообразие исторического опыта, открытость научного и политico-правового диалога с другими странами, по-настоящему заинтересованными в создании современных историографических моделей и подходов к развитию политico-правового знания, отказа от различных форм интеллектуального шовинизма и попыток монополизации истории и исторического знания.

Юридическая историография – это программно-критическая область современной науки о праве и государстве. До тех пор, пока конкретная наука не в состоянии определить характер своей научности, своеобразие понятийного аппарата и языка, его преемственные и новаторские черты, принципы качества релевантных знаний, она остается наблюдателем за случайными событиями, которые как бы сами открываются для называния, что, конечно же, не соответствует задачам современной науки.

Ведущий научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ С.В. Кодан в докладе **«Историография в структуре научного знания в юриспруденции»** остановился на основных проблемных вопросах историографического исследовательского пространства в юридических науках.

В докладе прежде всего было подчеркнуто, что ярко выраженная историографическая парадигма в социогуманитаристике способствовала отходу от рассмотрения историографических процессов как принадлежности исключительно исторической науки и вывела их к концу XX столетия в область исследований и получения знаний историко-научной направленности. Историография науки получила свое позиционирование в пространстве научного знания – в философии науки, в научоведении, в работах по истории науки, а также в рамках изучения развития отдельных областей и дисциплин науки. Именно это позволило выработать теоретические и методологические подходы к изучению места и роли историографии науки в системе научного знания.

Докладчик обратил внимание на то, что в современном понимании историография науки выступает как сфера знаний, охватывающая как различные формы историко-научных реконструкций реального исторического процесса развития различных наук, так и показатель «рождения» научных текстов в конкретно-исторических условиях времени и места их появления (концепция Л.А. Марковой). Соответственно, и каждая из наук имеет собственные историографические разделы, которые фрагментированы по отдельным сферам научного знания или научным дисциплинам – историография истории, историография философии, историография социологии, историография политологии и др. При этом историография науки в отдельных научных отраслях и дисциплинах, расширяя проблемные поля и обобщая накопленный опыт интеллектуально-исследовательских практик, все больше выходит на уровень междисциплинарных и полидисциплинарных взаимодействий, что способствует обобщению и разработке теоретических, методологических и прикладных историографических проблем наддисциплинарного характера и формированию историографии как научного направления социогуманитаристики в целом. Юридическая наука

в разработке научно-историографических проблем не является исключением – в ней историографические проекции ее развития достаточно активно разрабатываются на уровне отдельных сюжетов, но пока еще не получили необходимо-го уровня теоретического обобщения.

Далее С.В. Кодан указал на то, что историография юридической науки (юридическая историография) представляется направление в изучении юриспруденции, которое ориентируется на изучение и реконструкцию процессов познания государственно-правовых явлений и институтов через научные труды ученых-юристов, исследование их научной биографии и творческого процесса создания произведений, а также механизмов накопления, сохранения и передачи историографической информации. Вписываясь в общие тенденции развития историографии в социогуманитаристике, для развития юридической историографии необходимы как привлечение и адаптация теоретико-методологических наработок в этой сфере из других научных дисциплин социально-гуманитарного профиля, так и обращение к новым исследовательским направлениям – биографической историографии, источниковедению историографии, историографии интеллектуальной истории, междисциплинарным взаимодействиям историографии и др. в преломлении к предметным областям юридических наук. Немаловажное значение имеет и введение оправдательного курса по историографии к программе подготовки к научной деятельности лиц, проходящих обучение в аспирантуре, поскольку анализ защищенных диссертаций по юридическим наукам показывает наличие серьезных пробелов у соискателей ученой степени в знании теоретических, методологических, методических и технологических основ работы с историографическими источниками и информационными ресурсами в этой сфере.

Главный научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, д-р юрид. наук В.В. Лапаева начала свое выступление с тезиса о том, что для решения стоящей сейчас перед нашей страной задачи формирования собственной цивилизационной идентичности важное значение имеет разработка такой историографической модели политico-правовых знаний, которая несла бы в себе необходимый для этого интеллектуальный заряд. Далее она остановилась на определении понятия «российская цивилизационная идентичность», предложив более четко разграничить данное понятие от того, что принято называть социокультурной самобытностью, главные характеристики которой – этническая, религиозная и geopolитическая специфика той или иной коллективной общности. При проведении такого разграничения она опиралась на работы известного французского социолога А. Турена, по мнению которого любая идентичность определяется тремя основными потребностями субъекта: в принадлежности, в позитивной самооценке и в безопасности. Если для социокультурной идентичности главными являются потребности в принадлежности и в позитивной самооценке, то необходимость цивилизационной идентичности, подчеркнула В.В. Лапаева, определяется прежде всего потребностью в безопасности. Не случайно о цивилизационной идентичности россиян активно заговорили именно сейчас, когда перед страной всталась задача адаптации к резко меняющимся geopolитическим и международно-правовым реалиям.

Нынешняя глобальная неопределенность рано или поздно закончится гласным или негласным договором о глобальной безопасности. Для того, чтобы Россия могла стать полноценным субъектом такого договора, ей важно

определиться со своей цивилизационной идентичностью. Причем определиться таким образом, чтобы не остаться один на один со своей самобытностью, а стать блокообразующим центром притяжения для других государств и народов. Для этого важно, чтобы цивилизационное самоопределение страны не только вывело бы из ее прошлого, но и выстраивалось с учетом возможного будущего, имеющего четко очерченные правовые (и в этом смысле – общеизначимые в мировом масштабе) параметры.

Формирование такой цивилизационной идентичности России (а на данном этапе следует говорить именно о формировании) осложняется наличием в общественном сознании россиян глубоких расхождений, которые трактуются специалистами как раскол. Преодоление этого раскола, обусловленного особенностями исторического развития страны, ее geopolитическим положением и т.д., требует масштабных и разнонаправленных усилий. Свой вклад в решение этой важной задачи может и должна внести отечественная юридическая наука, в том числе путем создания новой российской историографической модели политico-правового знания, выражающей такой исторический наратив в правовом развитии России, который пронизывает всю ее историю – от древности через настоящее в будущее. Наличие образа будущего, который имел бы характер цивилизационного проекта, указала В.В. Лапаева, есть отличительный признак цивилизационной идентичности, представляющей собой важнейшую форму коллективного самоопределения российской нации как социально-политической общности.

Заместитель директора (по учебной работе), зав. кафедрой теории и истории государства и права Института философии и права Новосибирского национального исследовательского государственного университета, д-р юрид. наук, доц. Н.И. Красняков выступил с докладом о некоторых историографических аспектах логики исследования закономерностей эволюции имперского государства.

Пробельность в истории изучения возникновения, развития и функционирования имперского государства в теоретико-правовых и сравнительно-правовых трудах ученых, а также в истории, политологии и философии, за неимением и методологии такой научной работы, рождает зависимость будущих исследований от устаревших постулатов вроде преобладающей международной публицистической политической парадигмы в рассмотрении сущности империи и преобладания эмоциональной, некритичной формы познания этого сложного политico-правового феномена на уровне абстракции, что на уровне практики ведет к его превращению в манипулятивное средство geopolитики для недобросовестных акторов. Между тем применение устоявшегося теоретического подхода (формационного или цивилизационного) позволило бы подойти к пониманию и построению определенной матрицы, в границах которой будет рационально выстраивать закономерности, причем как происхождения империи в первичном, естественно-общественном контексте в системе различных потребностей и противоречий, так и для определенного этапа трансформации имперского политico-правового пространства.

Выбрав раскрывающие сущность империи важнейшие понятия категориально-критериального аппарата и детерминирующие связи между ними, а именно: многоукладность социально-правового бытия; политическое господство в конструкции «власть+территория+население»; автономизм в империостроительстве; иерархичность

в системе общество–государство–право; полирегиональность государственного устройства; разнорядковость государственно-правовых институтов относительно разностатусных регионов; этнонациональный компонент государства (точнее, национальный контекст), приходим к заключению, что детерминирующим в исследовании имперского государства выступает формационный подход, в рамках которого типы государства воплощаются в различные его формы. При этом появляется возможность опираться на доказанную юридической наукой логику рассмотрения закономерностей в линейном порядке от простых форм функционирования к сложным. Из представленного можно сделать два вывода, во-первых, государство и право необходимо исследовать в качестве надстроечных явлений, во-вторых, империя является феноменом более общего порядка, нежели форма государственного устройства (как «штамп» данное положение иногда еще употребляется), поскольку неразрывно и преимущественно связана с политическими процессами. Предлагая использовать империю как форму (вид) государства и учитывая уже высказанный тезис о ее связи с типом государства, получаем потенциал анализа эволюции империи в различных общественно-экономических формациях (рабовладельческая, феодальная, капиталистическая (буржуазная), коммунистическая) с позиций закономерностей преемственности и традиционализма. Например, в итоге изучения России периода империи эпохи феодализма и капитализма приходим к умозаключению, что имперская специфика присуща всем элементам формы государства, а в государственном управлении названные устойчивые тенденции реализовались в моделях национально-государственного управления, таких как территориально-автономистская, административно-автономистская, национально-автономистская. Таким образом, отсутствие историографической традиции обобщенного понимания имперской конструкции государственно-правовой системы создает для гуманитарных наук ситуацию необходимости довольствоваться совокупностью познаний главным образом на основе мифов и пользоваться стагнирующим восприятием этой междисциплинарной категории, соответственно, полезность научного знания для общественного прогресса снижается, что свидетельствует о необходимости продвижения имперского нарратива в теоретико-исторических правовых исследованиях.

Ученый секретарь ИГП РАН, канд. юрид. наук А.К. Дубень представил доклад на тему «*Значение трудов Е. В. Спекторского для разработки методологии российской историографической модели политico-правовых знаний*».

Докладчик указал, что одной из актуальных проблем в философии права является формирование более перспективной историографии политической и правовой мысли. При этом история политico-правовой идеи как научная проблема находится на пересечении нескольких направлений гуманитарного знания: как исторического, политологического, так и юридического, каждое из которых имеет определенный научный задел. Вместе с тем в истории правовой мысли накоплено множество разнообразных учений и теорий, которые образуют предмет историографического анализа.

Особо акцентировалось внимание на научных трудах Е. В. Спекторского. В частности, А. К. Дубень отметил значимость и роль сочинения «Проблемы социальной физики в XVII столетии». Е. В. Спекторский – один из немногих, кто исследовал обществоведческий феномен социальной физики, характерный для XVII столетия, отражающий

ключевой момент исторического развития общественных наук, выработки ими обновленной научной методологии социально-философских знаний.

В заключение докладчик подчеркнул, что исследование трудов Е. В. Спекторского представляет собой целостный массив реализованных и реализуемых задач философского, правового и исторического профиля. Между тем работы Е. В. Спекторского нуждаются также в разработке вопросов методологии реконструкции общественно-политической мысли, прежде всего в истории русской философии права.

Научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН, канд. ист. наук, доц. М. В. Раттуп в докладе на тему «*Политico-правовая мысль Древней Руси о нравственных императивах российской государственности: историографический аспект*» отметила, что историографический анализ развития представлений о государстве и праве Древней Руси в контексте нравственных императивов российской государственности позволяет сделать выводы о том, что проекции поздних приоритетов при изучении письменных источников о Древнерусском государстве затрудняют реализацию принципов полноты, достоверности и верифицируемости результатов исследований; формируют шаблоны, доминирующие при построении существующих историографических моделей политico-правовых знаний.

Примерами могут служить тотальность утраты вечевых традиций Северо-Восточной Русью в связи с нашествием Батыя в 1237 г. и абсолютизация дискретности отечественного политico-правового развития. В первом случае довольно прочно укоренившийся в историографической модели шаблон развенчивают сведения Летописца Переяславля-Сузdalского. В нем содержатся сведения о том, что 15 мая 1302 г. на Красной площади именно вече утвердило завещание князя Ивана Дмитриевича, согласно которому земли княжества отошли его племяннику московскому князю Даниилу Александровичу. Этот факт позволяет по-новому взглянуть и на вопросы наследования в Древней Руси.

Второй случай опровергает договор о перемирии на 20 лет между Россией и Швецией, заключенный в августе 1561 г., хранящийся в Государственном архиве древних актов. Его основу составляет Ореховецкий мир (12 августа 1323 г.) – первый мирный договор Новгорода Великого со Швецией, что демонстрирует преемственность в реализации внешней политики Московского царства в начале Ливонской войны.

Представляется, что при создании российской историографической модели политico-правовых знаний в отношении древнерусского периода целесообразна опора на первоисточники. Это позволит не только уточнить укоренившиеся в историографии представления о древнерусском государстве и праве, но и обеспечит высокую степень верифицируемости.

Младший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права ИГП РАН А. В. Нерсесянц посвятила свое выступление творчеству одного из ярких представителей немецкого идеализма Ф. В. И. Шеллинга, которому, как заметила она, не уделяется должного внимания в российской историографии политico-правового знания. И хотя у Ф. Шеллинга нет крупных работ, специально посвященных праву и государству, рассуждения о праве и правовой реальности проходят красной нитью через все его философские сочинения, поскольку в центре

его внимания находится ключевое понятие для права – понятие свободы.

Многие выдающиеся представители западной философской мысли высоко оценивают значение работ Ф. Шеллинга и отводят ему заметное место в системе философского знания. Показательно, например, что К. Ясперс в сочинении «Великие философы» писал о Ф. Шеллинге как об одном из наиболее значительных, с его точки зрения, «прорицателях истины». Для целого ряда отечественных философов, работы которых оказали влияние на формирование и развитие отечественной философии и права, творчество Ф. Шеллинга имело особое значение. Как отмечал известный советский философ А. В. Гулыга, «ни Канту, ни Фихте, а именно Шеллингу суждено было стать властителем русских дум философских и вплоть до конца века значительным образом влиять на развитие русского философства». Это относится прежде всего к трудам представителей славянофильского направления русской философской мысли, которое, по общему мнению, наиболее полно выражает ее самобытность.

А. В. Нерсесянц подчеркнула, что при формировании новой отечественной историографии политico-правовой мысли необходимо восполнить пробел, связанный с недостаточным освещением философско-правовых аспектов творчества выдающегося немецкого мыслителя. В своем выступлении она остановилась на начальном этапе формирования идей, заложенных в основу представлений Ф. Шеллинга о праве, обратив внимание на такой значимый факт его биографии, как начавшаяся еще в юности тесная дружба с Г. Гегелем, с которым они вместе были вдохновлены Французской революцией 1789 г., а затем испытали шок от осознания того, что воспеваемая ими свобода превратилась в пустую рациональную абстракцию, оправдывающую террор. Эти яркие совместные переживания оказали, хотя и по-разному, существенное влияние на их философско-правовое творчество. Для Ф. Шеллинга они стали импульсом к работе над сочинением «Новая дедукция естественного права» (1795), в котором философ изложил свои взгляды на право в форме афоризмов. Кратко охарактеризовав содержание данной работы, А. В. Нерсесянц заметила, что, к сожалению, впоследствии Ф. Шеллинг не стал развивать свои афоризмы в систему научных взглядов, хотя и периодически возвращался к ним в своих сочинениях. Тем не менее все творчество философа, лейтмотивом которого была идея свободы, можно рассматривать как конкретизацию суждений о праве, высказанных в афористической форме еще в юношеские годы.

12 сентября 2024 г. был проведен круглый стол «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного уголовного права».

Вел работу круглого стола и выступил с научным докладом «*Задачи, стоящие перед современным уголовным правом*» заместитель директора по научной работе ИГП РАН, д-р юрид. наук С. В. Маликов.

В ходе работы круглого стола обсуждались следующие вопросы:

уголовное право в системе юридической науки и проблемы уголовно-правового законотворчества;

современное состояние уголовного права в России и зарубежных странах в условиях кризиса международного правового регулирования;

кriminalизация и декриминализация деяний в сфере общественных отношений в интересах мира, согласия и стабильности общества;

пенализация и депенализация как средство обеспечения социальной стабильности;

подходы к реализации уголовной ответственности и освобождению от нее;

противодействие отдельным преступлениям в сфере обеспечения национальной безопасности России (государственной, общественной, информационной, экологической, экономической, транспортной, энергетической).

В работе круглого стола приняли участие ведущие специалисты в области уголовного права и криминологии, представители научных и образовательных организаций Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Белгорода, Воронежа, Донецка, Липецка, Владивостока, Ростова-на-Дону, Казани, Сыктывкара, Республики Крым (А. М. Зацепин, Ю. И. Дук, Ю. В. Грачева, Н. А. Ныркова, А. А. Ильджеев, Т. Р. Сабитов, Р. А. Сорочкин, В. П. Бодаевский, В. В. Воробьев, С. В. Анощенкова и др.).

В рамках мероприятия выступили с докладами молодые ученые ИГП РАН: и. о. начальника научно-организационного отдела А. В. Капустина, младший научный сотрудник Л. З. Багандова, аспиранты М. А. Довгань и М. С. Богатырева.

Философская тематика круглого стола обусловлена тем, что в свете ускоряющейся и разновекторной динамики геополитических, экономических и правовых процессов в мире ориентиром и фундаментом могут стать исключительно философские знания и подходы к поиску новых смыслов в сфере, связанной с государством и правом (в том числе уголовным).

Круглый стол «Философское осмысление историографических и перспективных задач современного уголовного права» открыл новый этап междисциплинарного изучения фундаментальных проблем уголовного права и уголовного закона, среди которых нравственные, религиозные, философские и исторические основы уголовного права, социальная обусловленность современной уголовной политики, пути развития уголовного права и законодательства. Участники дискуссии были единодушны в том, что на современном этапе только философия уголовного права позволяет выявить глубинное содержание уголовно-правовых запретов на различных этапах развития государства, определить их форму и содержание, а также социальное назначение.

Сведения об авторах

ГОРБАНЬ Владимир Сергеевич –
 доктор юридических наук,
 заведующий сектором философии права,
 истории и теории государства и права,
 руководитель междисциплинарного Центра
 философско-правовых исследований
 Института государства и права
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
 кандидат юридических наук,
 ведущий научный сотрудник сектора
 конституционного права
 и конституционной юстиции
 Института государства и права
 Российской академии наук,
 заместитель главного редактора
 журнала «Государство и право» РАН;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
 ORCID: 0000-0003-2853-1287

МАЛИКОВ Сергей Владимирович –
 доктор юридических наук,
 заместитель директора Института государства
 и права по научной работе
 Российской академии наук;
 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

GORBAN Vladimir S. –
 Doctor of Law,
 Head of the Sector of Philosophy of Law,
 History and Theory of State and Law,
 Head of the Interdisciplinary Center
 for Philosophical and Legal Studies,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

KROTKOVA Natalya V. –
 PhD in Law,
 Leading Researcher, Constitutional Law
 and Constitutional Justice Sector,
 Institute of State and Law
 of the Russian Academy of Sciences,
 Vice-Editor-in-Chief
 of the Journal “State and Law”
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

MALIKOV Sergey V. –
 Doctor of Law,
 Deputy Director of the Institute of State
 and Law for Scientific Work
 of the Russian Academy of Sciences;
 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: учебник / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2024. – 640 с.

© 2024 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 07.10.2024 г.

Аннотация. В рецензии на учебник «Теория государства и права» под редакцией В. Н. Жукова и Е. А. Фроловой, подготовленного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, отмечается, что теория государства и права – одна из самых стабильных юридических дисциплин, где консервативные тенденции очень сильны. Советская теория государства и права стала интересным оригинальным продолжением дореволюционной общей теории права. В постсоветский период наша теоретико-правовая наука заметно меняется в политico-идеологическом отношении. Неизменным остается комплексный характер теоретико-правовой науки, она по-прежнему включает в себя исторический, социологический, философский и доктринальный компоненты. Стабильность и относительную устойчивость в современную общую теорию права вносит именно доктринальный компонент. Показательная черта современной теоретико-правовой науки – поиск новой методологии. Отечественные учебники по общей теории государства и права в полной мере отражают специфику данной науки, а именно ее комплексный, общетеоретический и политico-идеологический характер.

Рецензируемый учебник является классическим во всех отношениях. Он построен на широком обществоведческом материале разных исторических эпох и юридической науке прошлого и современности. Органично адаптирован опыт дореволюционных, советских и постсоветских учебников. Предлагаемые методологические и методические подходы соответствуют лучшим традициям отечественной и зарубежной теоретико-правовой науки. Подчеркивается, что авторы постарались привнести в учебник новации, выдержаные временем и проверенные в научной среде.

Ключевые слова: учебник, теория государства и права, теоретико-правовая наука, понятие и сущность государства, типы государства, форма государства, понятие права, основные школы права, правосознание, принципы права, источники (формы) права, правотворчество, нормативно-правовые акты, правовые отношения, механизм правового регулирования, новации.

Цитирование: Кроткова Н. В. Теория государства и права: учеб. / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой // Государство и право. 2024. № 10. С. 237–242.

DOI: 10.31857/S1026945224100225

**THEORY OF STATE AND LAW: textbook / ed. by V.N. Zhukov, E.A. Frolova.
Moscow: Prospekt, 2024. – 640 pp.**

© 2024 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 07.10.2024

Abstract. In the review of the textbook “Theory of state and law” edited by V.N. Zhukov and E.A. Frolova, prepared by the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Faculty of Law at Lomonosov Moscow State University, it is noted that the theory of state and law is one of the most stable legal disciplines, where conservative trends are very strong. The Soviet theory of state and law has become an interesting original continuation of the pre-revolutionary general theory of law. In the post-Soviet period, our theoretical and legal science has been noticeably changing in political and ideological terms. The complex nature of theoretical and legal science remains unchanged, it still includes historical, sociological, philosophical and dogmatic components. It is the dogmatic component that brings stability and relative stability to the modern General theory of law. An indicative feature of modern legal theory is the search for a new methodology. Russian textbooks on the general theory of state and law fully reflect the specifics of this science, namely its complex, general theoretical and political-ideological character.

The reviewed textbook is a classic in all respects. It is based on broad social science material from different historical eras and the legal science of the past and present. The experience of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet textbooks has been organically adapted. The proposed methodological and methodological approaches correspond to the best traditions of domestic and foreign theoretical and legal science. It is emphasized that the authors have tried to introduce innovations into the textbook, proven by time and proven in the scientific community.

Key words: textbook, theory of state and law, theoretical and legal science, understanding and essence of the state, types of state, form of state, concept of law, basic schools of law, legal awareness, principles of law, sources (forms) of law, law-creativity, normative legal acts, legal relations, the mechanism of legal regulation, innovations.

For citation: Krotkova, N. V. (2024). Theory of state and law: textbook / ed. by V. N. Zhukov, E.A. Frolova // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 237–242.

Вышел в свет новый учебник, подготовленный кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (заведующая кафедрой – проф. Е.А. Фролова), что, как представляется, является заметным событием нашей научной жизни¹. Кафедра теории государства и права и политологии давно и обоснованно считается одним из главных центров российской юридической науки².

¹ См.: Теория государства и права: учеб. / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М.: Проспект, 2024. – 640 с.

² См.: Жуков В.Н. Бессознательное и власть: классический психоанализ. М., 2024; Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В. Н. Жукова. М., 2021; Его же. Философия права: учеб. для вузов. 3-е изд. М., 2021; Его же. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). 2-е изд., доп. М., 2017; Его же. Государство. Право. Власть: философия и социология. М., 2015; Его же. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013; Его же. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013; Его же. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001; Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020; Его же. История политических и правовых учений: краткий курс лекций. М., 2014; Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023; Теоретико-правовые дисциплины: учебные программы общих и специальных курсов: учебно-методический комплекс / под ред. Е.А. Фроловой. М., 2023; Философия права. Очерки / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2022; Фролова Е.А. История

Теория государства и права – одна из самых стабильных юридических дисциплин, где консервативные тенденции очень сильны. Общая теория права формируется в последней трети XIX в. главным образом в Германии и России. Ей предшествовали две другие дисциплины – энциклопедия права и философия права. Задача тех, кто создавал общую теорию права, состояла в том, чтобы преодолеть фрагментарность энциклопедии права и излишнюю абстрактность философии права. В России общую теорию права создавали три группы юристов: философы права (П.И. Новгородцев, И.А. Ильин), социологи права (С.А. Муромцев) и отраслевики (государствовед Н.М. Коркунов и цивилист Г.Ф. Шершеневич). Наиболее показательна позиция Н.М. Коркунова и Г.Ф. Шершеневича, подготовивших, пожалуй, лучшие курсы по общей теории права (они представляют большую культурную ценность и сегодня). Оба в юридической науке были догматиками,

политических и правовых учений: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023; Его же. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2021; Его же. Моральная философия права: П.И. Новгородцева. М., 2023; Его же. Рациональные основания права: классика и современность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2023; Его же. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2021; Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2020; Quo vadis, justitia? Развитие правовых систем с позиции юридических факультетов / сост. Я. Стоилов, Е. Фролова и др. София, 2020.

в философии – позитивистами, в теоретическом обществоведении – социологами. Они ставили перед собой двуединую задачу: 1) сделать общую универсальную догматическую часть, приемлемую для юристов-отраслевиков; 2) дать общенациональные представления о человеке, обществе, государстве и праве с позиций истории, антропологии и социологии. Метафизическая философия в духе Канта и Гегеля ими отрицалась, поскольку, с их точки зрения, не отражала реальность, а строила умозрительные конструкции, далекие от реальности. Общая теория права в их представлении должна была преодолеть метафизику в юридической науке и обратиться к фактам, предоставляемым историей и социологией. Философия оставалась лишь в качестве позитивистской методологии в духе О. Конта. Таким образом, общая теория права изначально формировалась как комплексная наука, включавшая в себя как минимум четыре компонента: исторический, социологический, философский и догматический³.

В годы советской власти на рубеже 30–40-х годов общая теория права возвращается в виде «марксистско-ленинской общей теории государства и права» (один из первых учебников – «Конспект лекций по курсу теории государства и права» С.А. Голунского и М.С. Стrogовича (1940)). Апогей советской теоретико-правовой науки – фундаментальный труд «Марксистско-ленинская общая теория государства и права» в четырех частях (1970–1973), подготовленный Институтом государства и права АН СССР. Особенность советской общей теории государства и права – совмещение дореволюционной юридической доктрины (она – во многом результат влияния немецких юристов) с идеологическими клише, заданными «Кратким курсом истории ВКП(б)» (написан при активном участии И.В. Сталина) и Совещанием по вопросам науки советского государства и права 1938 г., организованным А.Я. Вышинским. Позитивистскую философию и социологию заменил советский марксизм в форме исторического иialectического материализма. Теоретико-правовая наука была объявлена «главной», «фундаментальной», «методологической» по отношению ко всем другим юридическим наукам. Причина тому в основном политico-идеологическая: теоретико-правовая наука ближе других стояла к марксистской философии и рассматривалась как передаточный механизм партийных установок к отраслевой юридической науке. Вместе с тем советская теория государства и права стала интересным оригинальным продолжением дореволюционной общей теории права⁴.

В постсоветский период наша теоретико-правовая наука заметно меняется в политico-идеологическом отношении: марксистские подходы отчасти остаются, отчасти сменяются либеральными или консервативными (в зависимости от ценностных предпочтений авторов). Неизменным остается комплексный характер теоретико-правовой науки, она по-прежнему включает в себя исторический, социологический, философский и догматический компоненты. Стабильность и относительную устойчивость в современную общую теорию права вносит именно догматический компонент. Показательная черта современной теоретико-правовой науки – поиск новой методологии. С этой целью обычно обращаются к западным философским

³ См.: Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). 2-е изд., доп. С. 126–144.

⁴ См.: Жуков В.Н. Общая теория права // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. С. 458–464.

и юридическим школам XX в., к русской дореволюционной юридической мысли, что вполне оправдано.

Отечественные учебники по общей теории государства и права в полной мере отражают специфику данной науки, а именно ее комплексный, общетеоретический и политico-идеологический характер. Более того, учебные курсы общей теории права, созданные русскими юристами на рубеже XIX–XX вв., сами задали предметные рамки теоретико-правовой науки, в том числе советской и постсоветской. Подавляющее большинство постсоветских учебников по теории государства и права являются комплексными, но заметна тенденция к дифференциации в сторону либо доктрины права, либо социологии права, либо философии права. Такой подход, конечно, снижает ценность учебника, его пропедевтические качества. В рамках данной дисциплины студент 1-го курса должен получить не авторскую версию общей теории права (порой весьма экзотическую и претендующую на «новое слово в науке»), а системные, классические знания о государстве и праве. Понятно, что в настоящих условиях, когда сняты политические и идеологические преграды, преподаватель, поставивший перед собой задачу написать учебник по теории государства и права, зачастую хочет реализовать в нем собственные идеи. В этом случае учебник для него – форма научного творчества, надежный и простой способ дать своим идеям хорошую рекламу. Методические, образовательные цели здесь уходят на второй план, учебный процесс страдает.

Учебник, подготовленный кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, является классическим во всех отношениях. Он включает в себя 36 глав, распределенных на пять разделов: «Теория государства и права как наука», «Происхождение государства и права», «Теория государства», «Теория права», «Общество, личность, государство, право». Учебник построен на широком обществоведческом материале разных исторических эпох и юридической науке прошлого и современности. Органично адаптирован опыт дореволюционных, советских и постсоветских учебников. Предлагаемые методологические и методические подходы соответствуют лучшим традициям отечественной и зарубежной теоретико-правовой науки. Перечень тем представляется оптимальным, он одновременно и достаточно широкий, и не выглядит перегруженным. Нет экзотических тем, сомнительных в научном или методическом отношении. Используется понятийный аппарат, выработанный годами и многократно подтверждавший свою методологическую надежность. Материал изложен максимально простым, доступным языком, не снижающим при этом научный уровень. Авторы постарались привнести в учебник новации, выдержанные временем и проверенные в научной среде. В этом смысле учебник – добротная база для исследовательской работы студентов, магистрантов и аспирантов. В учебнике нет идеологических перекосов, он выполнен в спокойном академическом духе. Материалдается объективно, всесторонне, с учетом разных научных и ценностных подходов.

Заметной новацией являются первые три главы (В.Н. Жуков), где рассматриваются вопросы: понятие науки, природа социальной науки, юридическая наука и ее состав, предмет, состав и методология теории государства и права, история теоретико-правовой науки. Отмечается, что «социальные науки принципиально отличаются от естествознания. Главное отличие – по предмету исследования. Естественные науки изучают явления природы (живой и неживой), социальные науки – общественные отношения

и явления культуры, пронизанные сознанием, ценностными установками и волей... Сознание и воля вносят существенную поправку в детерминистские связи, в значительной степени выводят человеческое поведение из сферы разного рода природных законов» (с. 8).

Юридическая наука, утверждается в учебнике, разнородна по своему составу и включает в себя три группы дисциплин: 1) догматическую юриспруденцию; 2) фундаментальную юридическую науку; 3) специальные юридические науки. Дистанция между ними весьма значительная, но их объединяет образовательный процесс и юридическая практика. Детально описывается отраслевая юридическая наука, перед которой, как полагает автор, стоят три главные задачи: 1) изучение позитивного права; 2) совершенствование и создание юридической доктрины; 3) изучение правоприменительной практики. «Главное в отраслевой юридической науке – ее практическая направленность. В этом смысле отраслевая юридическая наука – подлинное ядро юриспруденции, ее стержень и фундамент. Подобно тому как важнейшим свойством права является его способность регулировать общественные отношения, важнейшей ценностью отраслевой юридической науки выступает ее способность всенародно повышать эффективность правового регулирования» (с. 12). Показываются существенные отличия отраслевой юриспруденции от фундаментальных и специальных юридических наук.

В отличие от большинства учебников теория государства и права здесь рассматривается как дисциплина, состоящая из трех разделов (уровней, подходов): доктрины права, социологии права, философии права. Соответственно, каждый из разделов (а точнее – дисциплин) имеет свой предмет и свою методологию. «Предметом догматического анализа является либо позитивное право, либо формально-юридический срез политico-правовой реальности в целом. <...> Предмет социологического анализа – право и государство как социальные явления, закономерности их возникновения, развития и функционирования. <...> Предметом метафизической философии права являются: 1) предельные основания государства и права (политико-правового бытия); 2) смысл государства и права; 3) ценностные свойства государства и права; 4) методология познания государства и права» (с. 26, 28, 31).

Глава «Понятие и сущность государства» (В. Н. Жуков) излагается в классическом духе, но во многом наполняется новым содержанием: выделяются и анализируются только три основных признака государства – народ, территория, государственная власть. Указывается, что «народ есть та первичная основа, без которой не возникает ни один социальный институт, включая государство. Население – это та материя, из которой формируются социальные институты. Очевидно, что институты возникают потому, что у людей есть свойства, способствующие их организации. Сам человек представляет собой единство двух основных компонентов: природы и культуры. Социальные институты также одновременно относятся к миру природы и миру культуры. Научная задача состоит в том, чтобы понять степень зависимости людей, социальных институтов от природы и культуры. Соответственно, тему населения как некоей организованной массы, служащей основой возникновения и функционирования государства, можно рассматривать как минимум в трех важнейших аспектах: 1) биологическом, 2) культурно-историческом, 3) формально-юридическом» (с. 90). В развитии третьего аспекта отмечается, что «юридическую организацию народа не следует переоценивать. Так, институт гражданства,

формально закрепляющий права человека в частном и публичном праве, формально связывающий индивида с государством, еще не свидетельствует о подлинности этой связи. Если человек на рациональном и эмоциональном уровне не воспринимает себя как часть государства, институт гражданства эту связь не восполнит. Верность данного тезиса очевидна во время войны, когда от граждан требуется не формальное признание себя гражданином государства, а его фактическая поддержка, готовность принести ему в жертву свою жизнь, здоровье и собственность» (с. 96).

В главах «Типы государства» и «Форма государства» (А. Г. Хабибулин) особое внимание уделяется вопросам методологии. Классификация в науке – вещь необходимая и полезная, но следует отдавать себе отчет в том, что подвести общий знаменатель под социальные явления даже вроде бы одного порядка крайне непросто. Каждое государство – уникальный культурно-исторический феномен, имеющий свои особенности на каждом этапе развития того или иного народа. В этом смысле мировая история – это цепочка, мозаика уникальных политических образований. Автор правильно пишет: «В связи с тем, что существует множество различных подходов к классификации государств, представляется возможным объединить их в два подхода: монистический и плюралистический. Первый подход заключается в том, что типология государства осуществляется по единственному признаку, который позволяет относить различные политические системы к одному или другому типам. Плюралистический же подход предполагает использование двух или более критерии, которые позволяют говорить о комплексном типе политической системы» (с. 112).

Раздел, посвященный теории права, самый объемный, что вполне объяснимо. Он включает в себя главы, рассматривающие право в догматическом, социологическом и философском аспектах. Одни из важнейших – «Понятие права», «Основные школы права», «Правосознание» (Е. А. Флорова). В них право показано как единство трех уровней (подходов), где за юридико-догматическим слоем кроется социологический и философский. Право – не только набор юридических норм и конструкций, установленных властью, оно является также совокупностью поведенческих стереотипов и смысловых моделей. Право – социальный феномен, одновременно отражающий мир юридической логики (юридических фикций), социальные интересы и мировоззренческие (ценностные) ориентиры. Чтобы показать сложный, исторически изменчивый характер понятия права, введена глава, где даны основные школы права. Такой методологический и методический подход вполне оправдан. В некоторых учебниках понятие права подается через призму т.н. типологии права. В этом случае исходят из убеждения, что все многообразие представлений о праве можно уложить в прокрустово ложе трех типов правопонимания – естественно-правового, социолого-правового и юридико-догматического. На самом деле такой способ подачи материала только искажает представления о праве, отсекая важнейшие его свойства.

Обращает на себя внимание глава «Принципы права» (Янаки Стоилов). Принципы права – одна из самых сложных, самых неразработанных и вместе с тем самых древних тем юридической науки. Обычно в отечественных учебниках тему принципов права рассматривают применительно к современному отраслевому законодательству, что в целом не вызывает серьезных возражений. Назначение теории государства и права состоит, в частности, в том, чтобы подготовить студента 1-го курса к освоению отраслей права. Вместе с тем очевидно, что для изучения теории права

этого мало. Достоинством данной главы является тот факт, что она раскрывается на материале римского права, европейской юридической науки Средних веков и Нового времени. К сожалению, за советский период у нас была утрачена традиция изучения европейской юридической науки, а ее необходимо восстанавливать.

В хорошем академическом стиле выполнены главы «Источники (формы) права», «Правотворчество», «Нормативно-правовые акты» (Б. В. Лесив), где четко и ясно излагаются доктрины права и формы права строго разграничиваются. Под источником права понимаются движущие силы и факторы, предшествующие созданию права, влияющие на субъект правотворчества и определяющие материальное содержание правовых норм. Одной из особенностей источников права, отличающей их от форм права, называется отделенность (или даже независимость) от государства — они предшествуют государственной деятельности по созданию права. Основными источниками права автор считает: 1) разум (логика, доктрина); 2) опыт; 3) веру; 4) сложносоставные категории; 5) принципы права (с. 294–296).

Пример умелой адаптации советской теории права к современным условиям демонстрируют главы «Правовые отношения» и «Механизм правового регулирования» (Т.Н. Радько). Автор справедливо указывает, что тема правоотношений — одна из самых дискуссионных (начиная с 20-х годов XX в.). С точки зрения ортодоксального марксизма право — часть политico-идеологической надстройки. Вместе с тем выдающийся советский теоретик права П.И. Стучка утверждал, что право относится не только к надстройке, но и к базису в форме т.н. конкретного правоотношения. Иными словами, право существует не только в виде норм и правосознания, но также в форме правоотношения, что вступало в конфликт со схемой К. Маркса. Таким образом, в советской теории права был бесконечный спор о способе существования права, не разрешенный и до настоящего времени. В учебнике тема правоотношений дается с учетом ее сложной истории, но методически четко и точно.

* * *

В заключение еще раз следует подчеркнуть, что российское юридическое образование получило солидный университетский учебник, который будет пользоваться популярностью у студентов и преподавателей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Жуков В.Н. Бессознательное и власть: классический психоанализ. М., 2024.
2. Жуков В.Н. Государство. Право. Власть: философия и социология. М., 2015.
3. Жуков В.Н. Общая теория права // Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021. С. 458–464.
4. Жуков В.Н. Русская философия права: естественно-правовая школа первой половины XX века. М., 2001.
5. Жуков В.Н. Русская философия права: от рационализма к мистицизму. М., 2013.
6. Жуков В.Н. Социология права в России (вторая половина XIX – первая треть XX в.). 2-е изд., доп. М., 2017. С. 126–144.
7. Жуков В.Н. Философия и социология права: опыт плюралистического подхода. М., 2013.
8. Жуков В.Н. Философия права: учеб. для вузов. 3-е изд. М., 2021.
9. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: краткий курс лекций. М., 2014.
10. Мачин И.Ф. История политических и правовых учений: учеб. пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2020.
11. Право. Порядок. Ценности / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2023.
12. Теоретико-правовые дисциплины: учебные программы общих и специальных курсов: учебно-методический комплекс / под ред. Е.А. Фроловой. М., 2023.
13. Теория государства и права: учеб. / под ред. В.Н. Жукова, Е.А. Фроловой. М., 2024. С. 8, 12, 26, 28, 31, 90, 96, 112, 292, 296.
14. Философия права. Очерки / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2022.
15. Философия права. Словарь. 2-е изд., дораб. и доп. / под ред. и сост. В.Н. Жукова. М., 2021.
16. Фролова Е.А. История политических и правовых учений: учеб. 3-е изд., перераб. и доп. М., 2023.
17. Фролова Е.А. Методология и философия права: от Декарта до русских неокантианцев. М., 2021.
18. Фролова Е.А. Моральная философия права П.И. Новгородцева. М., 2023.
19. Фролова Е.А. Рациональные основания права: классика и современность. 2-е изд., испр. и доп. М., 2023.
20. Фролова Е.А. Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2021.
21. Юридическая наука в современном мире: Россия и Болгария / под общ. ред. Е.А. Фроловой. М., 2020.
22. Quo vadis, justitia? Развитие правовых систем с позиции юридических факультетов / сост. Я. Стоилов, Е. Фролова и др. София, 2020.

REFERENCES

1. Zhukov V.N. The unconscious and power: classical psychoanalysis. М., 2024 (in Russ.).
2. Zhukov V.N. The State. Law. Power: philosophy and sociology. М., 2015 (in Russ.).
3. Zhukov V.N. General theory of law // Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V.N. Zhukov. М., 2021. Pp. 458–464 (in Russ.).
4. Zhukov V.N. Russian Philosophy of Law: the natural law school of the first half of the XX century. М., 2001 (in Russ.).
5. Zhukov V.N. Russian Philosophy of Law: from rationalism to mysticism. М., 2013 (in Russ.).
6. Zhukov V.N. Sociology of Law in Russia (the second half of the XIX – the first third of the XX century). 2nd ed., add. М., 2017. Pp. 126–144 (in Russ.).
7. Zhukov V.N. Philosophy and Sociology of Law: the experience of a pluralistic approach. М., 2013 (in Russ.).
8. Zhukov V.N. Philosophy of Law: textbook for universities. 3rd ed. М., 2021 (in Russ.).
9. Machin I.F. History of political and legal doctrines: a short course of lectures. М., 2014 (in Russ.).
10. Machin I.F. History of political and legal doctrines: textbook for universities. 4th ed., rev. and add. М., 2020 (in Russ.).

11. Law. Order. Values / under the general ed. of E.A. Frolova. M., 2023 (in Russ.).
12. Theoretical and legal disciplines: curricula of general and special courses: educational and methodological complex / ed. by E.A. Frolova. M., 2023 (in Russ.).
13. Theory of state and law: textbook / ed. by V.N. Zhukov, E.A. Frolova. M., 2024. Pp. 8, 12, 26, 28, 31, 90, 96, 112, 292, 296 (in Russ.).
14. Philosophy of Law. Essays / under the general ed. of E.A. Frolova. M., 2022 (in Russ.).
15. Philosophy of Law. Dictionary. 2nd ed., rev. and add. / ed. by and comp. V.N. Zhukov. M., 2021 (in Russ.).
16. *Frolova E.A.* History of political and legal doctrines: textbook. 3rd ed., rev. and add. M., 2023 (in Russ.).
17. *Frolova E.A.* Methodology and Philosophy of Law: from Descartes to Russian Neo-Kantians. M., 2021 (in Russ.).
18. *Frolova E.A.* Moral Philosophy of Law P.I. Novgorodtsev. M., 2023 (in Russ.).
19. *Frolova E.A.* Rational grounds of law: classics and modernity. 2nd ed., rev. and add. M., 2023 (in Russ.).
20. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – first half of the XX century). M., 2021 (in Russ.).
21. Legal science in the modern world: Russia and Bulgaria / under the general ed. of E.A. Frolova. M., 2020 (in Russ.).
22. Quo vadis, justitia? The development of legal systems from the perspective of law faculties / comp. Ya. Stoilov, E. Frolova et al. Sofia, 2020.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief
of the Journal “State and Law”
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

К 95-ЛЕТИЮ ЗАСЛУЖЕННОГО ДЕЯТЕЛЯ НАУКИ РФ, ДОКТОРА ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРА МУЛУКАЕВА РОЛАНДА СЕРГЕЕВИЧА¹

22 октября 2024 г. 95-летие отметил известный учёный Роланд Сергеевич Мулукава. У каждого, кто знаком с ним, в эти дни рождаются самые теплые слова и воспоминания...

Наш герой родился в г. Орджоникидзе (с 1990 г. Владикавказ) в семье историков. С отличием окончив среднюю школу № 5, поступил во Всесоюзный заочный юридический институт – легендарный ВЮЗИ (ныне – Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)), а после получения диплома – в аспирантуру МГУ на кафедру теории и истории государства и права. Не всем известно, что аспиранту Мулукаву лично жал руку Мао Цзэдун. После успешной защиты кандидатской диссертации он возвращается домой и работает в Северо-Осетинском областном комитете ВЛКСМ. В Северной Осетии он первый оステпененный юрист.

В 1959 г. Р.С. Мулукава переезжает в Москву и начинает трудиться редактором в издательстве Всесоюзного общества «Знание». Сложно утверждать, что неподдельное и принципиальное отношение Роланда Сергеевича к правильной и грамотной речи (устной и письменной) появилось именно тогда. Но основания для этого предположения имеются, да и сам юбиляр, воспитывая молодых учёных, с гордостью вспоминал редакторскую работу в издательстве.

Однако самый важный этап (позволим такое утверждение) в жизни нашего героя начинается в 1960 г., когда он переходит на работу в Высшую школу МВД СССР (ныне – Академия управления МВД России), в которой трудится по сей день. Пять лет назад, отмечая 90-летие, Роланд Сергеевич признался, что самым счастливым днем в его жизни является день, когда он переступил порог Академии.

¹ Использованы материалы, в разное время опубликованные А.В. Борисовым, А.Я. Малыгиным и Е.И. Яковлевой.

Любопытный факт – Академия всего лишь на несколько месяцев (8 июля 1929 г.) старше юбиляра. Именно в Академии раскрывается талант педагога, учёного, руководителя. Здесь Р.С. Мулукава создает и долгие годы возглавляет кафедру истории органов внутренних дел, руководит подготовкой первых учебников и курсов лекций по истории органов внутренних дел и основывает научную школу, признанную в СССР и за его пределами. Это было невероятно в условиях доминировавшего критического подхода к опыту отечественной полиции дореволюционного периода и полиции буржуазных стран. И тем не менее, вопреки обстоятельствам, учебный курс «История органов внутренних дел» появился.

Во время подготовки и реализации реформы отечественной милиции и её трансформации в полицию научные подходы профессора Р.С. Мулукава и его единомышленников стали идеологической основой. Историческая целесообразность проводившихся преобразований во многом объяснялась с точки зрения доктрины истории органов внутренних дел, долгие годы формировавшейся в Академии. За многолетний период работы в Академии подготовлено свыше трехсот трудов, в том числе издания, ставшие бестселлерами: «Полиция России», «Милиция России», «Полиция и милиция России: страницы истории», «Из опыта борьбы полиции с профессиональной преступностью в России», «Органы и войска МВД России», «История отечественных органов внутренних дел в материалах информационных служб», «История Московской милиции», «История государственного управления в России», «Три века российской полиции» и др.

Количество докторантов и аспирантов (адъюнктов), прошедших школу Р.С. Мулукава, превышает солидную цифру – 100. В России и ближнем зарубежье сложно найти

юридический вуз, в котором не трудились бы ученики Роланда Сергеевича. Длительное время он возглавлял диссертационный совет Академии управления МВД России, многим давший «путевку в жизнь». Кандидатский диплом с подписью Мулукава – реликвия.

Вклад Роланда Сергеевича Мулукава в юридическую науку и практику отмечен государственными наградами, среди которых орден СССР «Знак Почета» и награда Российской Федерации «Орден Почета». Коллектив Академии управления МВД России, выражая чувство гордости

за многолетний труд и вклад в развитие науки, сердечно поздравляет Роланда Сергеевича с 95-летием!

Пожарский Д.В., д-р юрид. наук, доц.
Небратенко Г.Г., д-р юрид. наук, доц.

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет Роланда Сергеевича Мулукава с юбилеем и желает здоровья, жизненной энергии и всяческих благ!